

Издается с января 1966 года
САРАТОВ

7-8 (511)

2024

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Геннадий Каневский. «Памяти АПЦ» и др. стихи.....	3
Михаил Токарев. И наши матушки украдкой читали Токарева Мишу, пошляка и бонвивана. Роман.....	10
Екатерина Симонова. Вчерашние хлопоты о завтрашнем дне. Стихи.....	114
Марина Бувайло. Дед Сердюк и сквози. Рассказ.....	120
Елена Генерозова. Ихтиология. Стихи.....	129
Денис Бондарев. Урок. Потеря управления. Рассказы.....	133
Данил Файзов. «мы живём в пузырьке-пузырике...» и др. стихи.....	142
Сергей Дигол. Репетиция на десерт. Рассказ.....	147
Алина Витухновская. «Колыбельная» и др. стихи.....	155
Кусчуй Непома. Мир, далекий, справедливый, счастливый. Рассказ.....	159
Сергей Трафедлюк. Человеческий лотос. Стихи.....	162
Иван Макаров. Осторожно! Злая собака! (Из смешных историй не очень давнего прошлого).....	173

ДРАМАТУРГИЯ

Александра Солдатова. Бывает. Одноактная комедия.....	180
--	-----

ПУТЕШЕСТВИЕ

Михаил Бару. Четыре тысячи булочек. Окончание.....	188
---	-----

В СВОЕМ ФОРМАТЕ

Сергей Боровиков. Запятая-28. В русском жанре – 88.....	243
--	-----

ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА

Анна Курчастова, Александр Марков. Опережая «Советский спорт»: об одном эпизоде столкновения Е. Евтушенко и В. Аксенова	247
Михаил Нисенбаум. Почвенная тяга и бездревесность.....	251

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Евгений Прощин. Невидимая флэшка О кн.: Данил Файзов. Поиграй да отдай.....	262
Андрей Пермяков. Многогранное повторение О кн.: Алексей Колчев. Тринадцать/четыренадцать.....	266
Кирилл Ямщиков. Раздвоенная карусель О кн.: Мария Лебедева. Там темно.....	269

Геннадий КАНЕВСКИЙ

Памяти АПЦ

жизнь моргнёт – и смерти не станет.
жук-пилот скользнёт по стеклу.
оседлав бумажную стаю
лишних слов, ремень пристегну.
было время – аэропортам
рот кривил и хмыкал в ответ,
а теперь по классу *post mortem*
им взамен достойного нет.
голосам загробным не верю.
лёд полночный – та же вода.
жаль остались разные звери,
да ещё подруга одна,
жёсткий луч, буравящий полночь,
гроздя туч и листьев ряды.
говорит последняя сволочь.
помолчим зато я и ты.
сколько здесь зарянок и соек.
жаль, не сбылся переворот,
как перипатетику стоик
намекал у красных ворот.
но нальют, отпустят нарезку,
и уйдут, как бы ни при чём,
как тогда всплывал маринеско,
раздвигая воду плечом.

12.05.2022

там остался синеглазый призрак,
запах хвои, ветер вдоль реки,

Геннадий Каневский родился в 1965 году в Москве. Публиковался в журналах «Знамя», «Октябрь», «Воздух», «Новый мир», «Новый Берег» и мн. др. Автор девяти книг поэзии, выходивших в издательствах Санкт-Петербурга, Москвы, Киева и Нью-Йорка. Стихи переводились на английский, итальянский, венгерский, украинский и удмуртский языки. Лауреат премий «Московский наблюдатель» (2013), журнала «Октябрь» (2015), специальных премий «Московский счет» за книги «Сеанс» (2016) и «Всем бортам» (2019). С 2022 года проживает в г. Холон (Израиль). В «Волге» публикуется с 2009 года.

первый снег, пришедший по-английски,
и привыкшие аскасть и рыскать
плотной пустоты ученики.

тут, в далёкой мутноватой перди,
в городе – резиновой свинье –
кончилось в припрятанном конверте
кое-что для радости и смерти,
из-за моря присланное мне.

пальмы сохнут возле прежней вписки.
возле новой кактусы цветут.
как у бога рак на горке свистнет,
как у чёрта грязь в полнеба брызнет –
что мне делать между там и тут?

эти нарекут меня данила.
те уверены, что я иван.
проходи, что пялишься, мудила?
лепечи, послушное ветрило.
болбочи, угрюмый океан.

дождь и здесь бывает.
некий.
зимний сполох.
краткий след.
и тогда в пустынях реки
появляются на свет.

лишь в одной из ванных комнат
сну-бродяге
иногда
об ином дожде напомним
тепловатая вода:

там, где горизонт
событью
не мешает жать курок,
дождь проходит
серой нитью
(а не красной)
между строк.

и пускай это всё
ролевые модели

прокатить бы тебя
морячок из марсея
вон на той канатке
до той вершины
где и в полдень и в полночь
гуляет ветер
только в полдень горячий
а ночью обычный
и встречаясь вечером
церемонно
приподнимают
свои картузы

затащить бы тебя
медсестричка в платье
на качели эти
и карусели
и потом в музей
чтобы ты дивилась
на корабль финикийский
отрытый в дюнах
и сказала быть
не хочу медсестрою
вновь давай играть
в моряка из марсея

я устал во сне
с тобой обниматься
за четыре тысячи
километров

где летают сначала
ракеты эти
после бомбы те
и тупые дроны

и не знают петь
по ночам тувима
по утрам галчиньского
днем шимборску

«отведи меня
в этот сад зелёный»

«отведи меня
в этот сад зелёный»

вот какое
радостное прощанье
колыбельная песенка
в соль мажоре

захвачены дума и почта
вокзал и районный бедлам
а после мы сделаем вот что
отпустим их всех по домам

под гром боевой кукарачи –
«не так повелось меж людьми!» –
мы просто не можем иначе
мы просто не можем пойми

а те кого мы отпустили
разгонят детсад и приют
вернутся во славе и силе
и нас непременно убьют
разденут под крики и гогот
возьмут в шомпола и тиски

они по-другому не могут
и тем мы друг другу близки

«жизнь, отвязись», – говорит смерть истово, –
«ты и так везде, это я – нигде».
и тогда жизнь отвязывается от пристани
и плывёт-плывёт по воде-воде,
развлекая свет, рассыпая золото,
взяв мешок сухарей и бурдюк вина.
её ноги длинные, её платье коротко,
смерть при виде этого смущена.

смерть творит молитву, кладёт за правило
три поклона в час и пятничный пост,
жизнь ещё и постель за собой не заправила,
там цветы и крошки, табак и пот,
там ещё – а впрочем, какая разница?
смерть уже повсюду, куда ни глянь.

так подайте копеечку ради праздника –
зря мы, что ли, встали в такую рань?

развязали войну заглянули внутрь
там во тьме в отражённом свете
глаза её мерцали как перламутр

написали о ней в социальные сети

тут пошли пожертвования концерты
пресмыкания тел в пыли

вы зачем говорите «черти»? –
мы же сделали всё что могли

завязали войну чтобы больше её не видеть
кинули на дно отдалённых вод
отвернулись сделали выдох

повернулись вновь
а она всплыла
и плывёт

алисе р.

воздух, плывущий по волнам спин,
как никогда, горяч.
пляж сериала. сезон один.
таня роняет мяч.
мяч покидает совместный чат
отдыха и войны.
«нет! мы теряем его!» – кричат
танины друганы.

мяч, ты свободен. беги отсель
наперекор волне.
прямо по курсу блестит марсель
в новой, чужой стране.
кто-то шипит про тебя «мудак».
где-то земля горит.
ты не утонешь, поскольку так
агния говорит.

возьми нас туда, где ничего не болит:
в прошедшее время, несовершенный вид,
где ходят сейнеры из устья, что ли, дивины,
где дни весенние с летними сплетены.

где всё вы врётё, учи вас иль не учи.
где на повороте в кармане звенят ключи:
первый от славы, второй забыл от чего,
третий – от правого предсердия твоего.

я не хирург и дальше не проникал.
дверцу наружную бережно отмыкал.
удивлялся как солнечно в самом начале дня.
ревновал что кто-то здесь побывал до меня.

включи же камеру, затемнение и задний ход,
маши руками, ломай каблуками лёд,
прячься за шторами, ладони прижав к груди,
сделай хоть что-нибудь, только не уходи.

эти приёмы я готов повторять стократ:
платья, шиньоны, стрекочущий аппарат,
пальчики, лучики, и в закатном огне
крутится, крутится вентилятор в твоём окне.

лямка с плеча незаметно сползла.
как бы скользнул в эту щель я!
ты не ответила мне за козла:
это козёл отпущенья?

здравствуй же, грусть. в этом месяце с ней
нам повстречаться нетрудно:
плесень депрессии в песни песнѣй
всё проступает подспудно.

где на дорогах и стройках скрипят
речи сезонных рабочих,
там, говорят, ожидают опять
варваров, всадников, прочих,

там, говорят, появилась сама,
нас накануне рассоря,
эта, в твой город пришедшая, тьма
со средиземного моря.

Памяти ЛСР

лень вставать и до ночи слоняться,
отгонять кадавров и лисиц.
после каждой смены декораций
пыль густая в воздухе висит.
карточка заполнена, и снова
на убогом шуке бецалель¹
продается грёбаное слово
из далёких северных земель.
горстка сна на сморщенной ладони
из ночной протянута стены,
и слова-слова потусторонне,
но понятно соединены.
памяти кого бы не хотелось
затрещал фонарик и погас:
мелос логос мелос логос мелос
ахтунг ахтунг автор среди нас

¹ Тель-Авивский рынок.

И НАШИ МАТУШКИ УКРАДКОЙ ЧИТАЛИ ТОКАРЕВА МИШУ,
ПОШЛЯКА И БОНВИВАНА

Роман

В первой главе говорят о доступном жилье, говорят красиво, порою даже излишне

...И лицедействует зима, и Гурченко Людмила едва ль еще жива. Давай сегодня без хи-хи, в ре-актор стержни опускать не как пакетик чая, осторожно. И развалились сапоги, и керосина нету, а все-таки придется нам пройти такой маришут, крутой маришут, идти которым не с руки, покуда свет, надежды свет, обманчивый, непостоянный, почти погас там впереди. А Юнна Мориц как всегда проснется в пять часов утра в тумане вешнем, как сгущенка, зажжет над жизнью верхний свет. Тревожась понапрасну мать, пригодно ли жилье для детства, пригодно, милочка, пригодно, воскликнет Ольга, пригласит на чай морковный, блокадным вечером зажжет ночник, и жук, и бабочка на абажуре. И вечной мерзлоты края, и наша мать там у окна дежурит. Дрожит стекло, на сон она читает сказки о котях, чудесных мейн-кунах, мы все когда-то будем юны. И легче ветра, темнее света, шумней травы, оставьте человека у реки-окна с собой наедине, пусть слышит сказку о котях, о чем еще нам слушать сказки...

По тревожной, словно рыбная косточка в неопытном горле, наледи, на лыжах скользила девчонка, по самому зеркалу стоячих вод, вдоль Шестого микрорайона, огороженного колючей проволокой, скользила. И была зима, и лето было. Ее светло-желточная шубка, созвучная оперению птенца, напоминала также мимозу; респиратор лепесток, выбившаяся из-под вязаной сиреневой шапки с помпоном волнистая прядь волос, тяжелое дыхание, поблескивающий от пота сократовский лоб. Красные, словно накладки на рукоятке швейцарского ножика, гольфы девчонки манили порыжелую, с белыми опалинами по бокам, двухголовую дворняжку. Животное, радостно виляя обрубок хвоста, нелепо семенило за человеческим детенышем, приветливо поскуливая. Левая, черно-белая голова, обращенная вбок, была безмолвна, из ее приоткрытой пасти тянулась паутинка хрустальной слюны; кроме пищевода, трахеи, да желудка бедняжек ничегошеньки не связывало, разве что всеобъемлющая любовь Господа нашего Бога их связывала. Вполне вероятно, пересаженная голова черно-белой собачонки отчаянно страдала, ее глаза заволокло пеленою предсмертного равнодушия. Ах вы, Демиухов, Демиухов, такой вы противный ученый, но это не мешает преклонить колено перед вашими изысканиями в области генной инженерии, а также горячо осудить самыми паршивыми словесами данные эксперименты над несчастными собаками, подумала девочка, терзаемая думами о судьбах Муму, Шарика, Каштанки, даже судьбой Моськи совестливая барышня обеспокоилась. Воспитанная на книгах «Сто один далматинец», «Белый Бим Черное ухо», вскормленная молоком блокадной коровы, Юленька искренне горевала о всех увечных и несчастных зверятах.

На улице Курчатова, заросшей непокорной травой в человеческий рост, девочка в нерешительности остановилась, размышляя, каким образом ей лучше обойти участок могильника, по

Михаил Токарев родился в 1996 году в Иркутске, переехал в Москву, окончил институт журналистики и литературного творчества в 2018 году, в 2020 году окончил магистратуру РГГУ. В «Волге» опубликованы рассказ, четыре романа, повесть (2021–2024).

самой ли кромке, иль пробежать напрямик, подобно тому, как русский офицер Сергей Мерзелкин пронес на руках по минному полю раненного солдата. Натальный розовый дозиметр, украшенный наклейкой принцессы Рапунцель, премило попискивал, он насчитал совершенно детские тридцать микрогенгтен в час. Но стоило сделать шаг вон к тому холодильнику «Снежинка», из которого торчал детский трехколесный велосипед, тотчас помутнеет рассудок, а кожа покроется неприятнейшей сыпью, кожу потом будет легко снимать, точно чулок со своего юного тела. Отчего-то позабыла прихватить таблетку апрофена, даже паршивого индралина Б-190 не взяла, что ж теперь, облучаемся на радость однокласснице-завистнице, Кристине Барановой, грустно размышляла Хомякова. А вот за оврагом ближе к сельскому клубу начинался Дом культуры, где устраивались дискотеки-смотрины. Приезжали девчонки и парни из деревень. Ночами томными, как рассказывали старшие сестры подружек, внутри старого клуба играли песни «Миража», «Ласкового мая» и даже песни Софии Ротару, подростки там пили водку и даже целовались. А ведь одной строчкой о лете, прошедшем, словно и не бывало, София Ротару заслужила себе место в учебнике по литературе, рядом с Ахмадулиной, по меньшей мере. Или Арсений Тарковский заслуживал то место, кто ж разберет, я не сильна во всех этих морфемах, фонетике, лексикологии. Повеселевшая Юленька взбирается на крышу недействующей кареты скорой помощи, за рулем которой сидит человек, обтянутый пергаментной кожей, наверное, фельдшер, или простой водитель, кто ж разберет. Оттуда открывается вид на бесконечный лес, рыжие деревья, пред самой кромкой леса земля как будто выжжена. Понатыканы тут и там желтые треугольники со значками радиационной опасности. Сбор грибов, ягод строго запрещен! И это хорошо, что запрещен, не знакомая с сарказмом, думает барышня.

Хомякова тактически отступила к вывернутому недюжинной силой металлическим воротам скотного двора. Не ко времени проснувшийся черный аист, сосредоточенно щуря красивые глаза, степенно выбрался из трактора с приплюснутой кабиной, глубоко ушедшего гусеницами в чернозем, цветом тракторишка напоминал рисовую кашу, разваренную в чугунной кастрюле, грязно-молочное такое месиво. Стук птичьих когтей по крыше трактора возмутил полевку, что стремглав нырнула в сухие кусты боярышника, обступившие плотной стеной дачный домик сторожа, где время от времени мальчишки-студенты биологического училища под покровом ночи выращивали гомункула и изобретали философский камень. Туманные дни, стоявшие вокруг, и мерзлой поступью январь, шагающий по кладбищам да по деревням, радиоактивным отстойникам, уже не пугал, девочка как будто стала привыкать к этой новой, удивительной жизни. Недавно закопали деревню Выгребная Слобода, и триста шестьдесят два человека, что в ней проживали – вынуждены были уехать. Село Копачи, Семеходы, Шепеличи пропали, словно игральные карты в рукаве Амаяка Акопяна. В шепоте почерневшей листвы продолжало мниться старческое бухтение. На буро-красных соснах выступила сукровица, кровоточащие деревья издавали еле слышный жалобный писк. Причудливо выгнутые сосенки обступили запущенную свиноферму, двухэтажное кирпичное строение в форме буквы П, где по слухам водились мутировавшие свинки, овладевшие примитивной речью. Но пусть это вас ничуть не смутит: свиньи, подобно попугаям, лишь воспроизводили усыпанные ранее реплики. Недели две назад пожилая соседка-самосел по доброте душевной отправилась в свиарник, подкормить краюшкой хлеба горемык. Потом даже косточек не нашли.

Над провалом черепичной крыши клубилось пылевое облако, в нем угадывались гипертрофированные силуэты лиц, Брежнева, Ельцина, широко раскрытые рты, предлагающие очередные инициативы, иль то фантазия безмерно разыгралась. Безветренна погода, и стрекот полуметровых цикад, насекомые встречались теперь и осенью и зимою, да такие огромные, видно, приспособились к новым условиям. – Куды ж, куды ж, ням-ням, солдат, солдат! – как сумасшедшая бабка причитала свинья, грузно ходила по свиарнику, не решаясь явить себя миру. От самой атомной станции доносились гудки промышленных механизмов. В стороне плескалась электрическая речка, дробные удары металла о металл, как будто исполинское дитя забавлялось, стуча шпалами, как погремушками. На многие километры вокруг простирались обескровленные де-

ревни, незасеянные поля, впрочем, засеяны они были, но это совсем другая история. Посещать те поля строжайше запрещалось службами безопасности, коих развелось теперича что вшей в хостелах, где сплошная антисанитария. Тебе тут и группы экологов, участковые, батальоны солдат: все бдят, предупреждают, сюда не ходи, туда не ходи. По временам встречались праздные туристы, вдохновленные писаниной Айзека Азимова, Роберта Шекли, Уильяма Гибли да прочими белыми мертвыми мужчинами. Впрочем, чего это я о мертвых белых мужчинах, была еще Урсула Ле Гуин, к чему читать о Земноморье, злых колдунах, мне было исключительно непонятно и неинтересно как-то, простите, Урсула Ле Гуин, но вы пишете третьесортное сочинение, как я провела лето в плену домашнего тирана. Этого я не понимаю, в каждой семье, что заселилась по социальной программе в Припят, был отец, была мать, сирот я не встречала. И что-то тиранов я не встречала. У нас в школе, единственной на весь город, в ДК «Энергетик», дети пишут не в пример талантливой. Порой думается мне, мои одноклассники станут лингвистами или библиотекарями.

В неизбежном стремлении попасть на рождественские гуляния к своему однокласснику девочка чрезмерно спешила. Едва не ступив в горячее пятно, скопление жгучего пуха у самой автобусной остановки, она вовремя замерла, по счастливой случайности нога не сделала шаг, послышалось разочарованное шипение, клубок ржавой пакли пришел в движение, его подхватил ветер, понес в сторону портовых кранов. Свисающие с козырька остановки сизые волосы, напоминающие растрепанную, седую шевелюру, могли обжечь кожу на голове, а также оставить болезненные ранки на долгие месяцы. Этого еще не хватало, недавно избавилась только от экземы. Хомякова упустила из вида что-то важное, какая-то незначительная деталь не давала покоя. Девочка шла по разбитому шоссе. Осознание пришло внезапно, подобным образом приходит осознание к неопытной девятикласснице: забеременела; Хомякова, конечно, не забеременела, она потеряла подарок для Коли Рыбкина, но ни в коей мере не разволновалась, ибо гражданин, лишившийся денежек, жалобно хнычет, гражданин, потерявший друга, несет свое горе молча, те же, кто растерял совесть, не замечает вовсе подобной ерунды. Совесть, по мнению Хомяковой, непозволительная роскошь в нашей жизни, где прозу скучного Александра Фадеева хотят ввести в школьную программу. Быть совестливым человек совсем необязательно, грех корысти, как говаривала бабушка Юли Хомяковой, да сдача немцам без боя, да аборт, да рукоблудство, дальше Юля не могла припомнить, какие еще чудовищные преступления присутствуют в жизни добропорядочных девиц. Кстати сказать, бабушка всю свою жизнь проработала в КГБ. Когда она вышла на пенсию, ее стали частенько приглашать на разговоры о важном на школьные занятия, Юле всегда доставалось, вероятно, родственница не желала, чтобы внучку считали любимицей. Однако все рассказы бабули сводились к тому, под каким углом лучше всего бить ледоколом предателя так, чтоб наверняка. Девочка вскарабкалась на электричку, ушедшую под углом в тридцать градусов, да в замерзшую речку. Оттолкнувшись лыжными палками, она помчалась с ветерком по крыше, речка была неглубока, правда, свалиться в ледяной водоем Юля страшилась, фиг потом просушишься. Можно было, конечно, и обойти по берегу, просто не хотелось лишний раз повстречаться с грешниками, как они сами себя называли. Послушники, придумавшие себе новую веру, жили в старых машинах, молились карбюратору, а тела их покрыли уродливые язвы.

Юленька Хомякова шла мимо отреставрированного кинотеатра «Прометей», куда по-прежнему не пускали детей до шестнадцати. Сегодня там показывали два сеанса: «Эммануэль» — семьдесят четвертого года выпуска и кинофильм Арсения Тарковского «Сталкер». Парк аттракционов метрах в трехстах не работал. Ржавая ракета покачивалась от ветра, скрежетала. В вестибюле старушка в стеклянном аквариуме, в синем халате торговала сладкой ватой, едва слышно звучала песня о пластилиновой вороне. И если бы даже на земле не осталось ни одного кинотеатра, а граждане неумолимо сгорели в радиоактивном пожаре, восседая перед неработающими экранами собственных телевизоров, мальчишек и девочек, которым не исполнилось шестнадцать, на сеанс до шестнадцати все равно не пустили бы, ибо правила для всех одинаковы.

Два ряда колючей проволоки по самому берегу, мочить ножки в реке Припят категорически не позволялось. Хомякова оступилась, не глядя поставила ногу на ступеньку, потом рухнула

в кусты сирени, сирень была какая-то неблагоприятная, жалилась, точно борщевик, девочка зашипела от боли. Подобным образом шипят особы на лирического героя Владимира Высоцкого, не допустившего произвола, не выстрелившего в невиновного солдата вопреки приказу. Вешаться понапрасну дело неблагоприятное, Юлия выбирается из кустов, чеховстит по женской привычке коммунальщиков, сетует на испорченную голубую юбку-годе. Впрочем, к чему ругаться, в Припяти нынче какие же коммунащики: пенсионеры да стройотряды, присланные из области на практику. Когда в город решили заселять семьи по экспериментальной программе, пригодных для восстановления жилищ было раз, два, апчхи, будьте здоровы. Отобрали всего-то сто пятьдесят семей, инструктаж провели. Где ходить с осторожностью, где с осторожностью набирать воду, таблетки для обеззараживания выдали, дозиметры эти, даже переносные водочистительные установки ПВУ-300 установили. Службы контроля, переносные лаборатории на каждом шагу расставили. Но это в самом городе, в квартирах, где уровень загрязнения невелик, в Москве или в Питере, как выяснилось, ситуация много страшней, в столицах вообще, Воланды сидят под каждым кустом. На сегодняшний день заповедник тут, животные редкие вернулись. Волки, рыси, речные бобры, косули. А сколько птиц краснокнижных, более девяноста процентов, что вы. Край у нас замечательный, поверьте на слово, мы потомки советских людей, честнейших людей, мы потомки советских людей, Никит Хрущевых, Константинов Черненко, Андроповых Юриев Владимировичей. К чести сказать, мы с папой, Фридрихом Юлиановичем, три месяца назад, когда только стали участвовать в этой программе доступного жилья, с радостью заметили, что мой хронический бронхит излечился сам собой. Представьте, ни одна касторка, ни одна микстура, никакие пивавки не помогали, а в Припяти как рукой сняло, точнее, гамма-излучением. У отца подагра излечилась, такие дела.

Мать Хомяковой, Елена Ивановна, сначала испытывала некоторые сомнения, где мой дорогой муж, Фридрих Юлианович, мы там будем жить, ребенку надо учиться, а прачечная там вообще имеется, а если мы облучимся и помрем, к чему нам такие нофелеты. Все эти женские беспочвенные переживания навалились, словно грузинский борец Леван Тедиашвили, разом на моего дражайшего папочку. К тому же, где это видано, сто пятьдесят семей, это примерно четыре-ста пятьдесят граждан, которым надобно где-то работать, как-то проводить свой досуг, не все же по грибы, обвешавшись дозиметрами, будут хаживать. Да сомов пятиметровых рогатиной бить. А ягоды десятью растворами кипятка проваривать, а потом сомневаться еще, помрем, не помрем. Такой город солнца Кампанеллы получается, ей-богу. И вдруг руководство восстановило один гастроном, потом другой восстановило гастроном, бассейн открыли, кинотеатр этот. Составили интерактивную карту горячих участков, провели маршруты безопасные до библиотеки, от библиотеки до жилых помещений. Всего желающих заселиться сначала было много, примерно семей пятьсот, сомневались, конечно, дескать, период полураспада урана сотни лет, как бы самим там не распасться, зато доступное жилье, в общем, не все так однозначно. А потом как глянули: ребятя газированную воду с плутонием литрами пьют, да на высоченную конструкцию Дуга, прозванную в народе Дятел, в одних купальниках как мармозетки карабкаются, словом, проводят время интересно. И сказали многие мамочки, не надо нам такого счастья, опасно все это. И не поехали, зато вот, сто пятьдесят семей решились.

– Так, значит, как, понятненько, очень даже понятненько, дорогая моя Аврора, – насупился представительный Спартак, морща свои сизые совиные брови, – давай попробуем, что ли. Мужчина некоторое время трудился гробовщиком, он был воспитан на произведениях Эдгара По, Алексея Толстого, а Томас Лиготи приводил его в неопишуемый восторг, стоит ли говорить, «Киевские ведьмы» Ореста Сомова являлись для него настольной книгой, про Льва Васильевича лучше и не упоминать. Поэтому человеком он был незаурядным, охочим до приключений, к тому же накладывал бальзамический грим виртуозно, в свободное время занимался таксидермией, особо впечатлительные барышни, заказывавшие у него чучело своей собачки или хомячка, выслушивали целую лекцию по бальзамированию, соответственно, брыкались в обморок только так. Любимой присказкой гражданина была: и даже луна исследована нынче лучше, чем Россия,

подумайте об этом, други мои. Зачем же мы совершили столь резкий, как будто ничем необоснованный переход к семье Спартака и Авроры. Должно быть, мы бежим впереди паровоза. И вводим новых персонажей, боясь не успеть.

И легкий снежок повалил, ютился у ног, и валенки стремительно намокли, стоило оступиться в лужу, не успевшую как следует схватиться льдом. Безжизненные девятиэтажки тянулись по левую сторону. Семья Рыбкиных проживала в доме тридцать восемь по улице Курчатова, недалеко от въезда в город и центральной площади. Им крупно повезло, квартира в пятиэтажном доме, да еще и со вторым ярусом. Ремонт сделали за счет государства, провели оптоволоконный кабель, канализацию организовали опять же. Девчонка сняла свои лыжи. Хлюпая валенками, она подошла к палисаднику. В палисаднике росли красные маки на толстых мясистых стеблях, каждый с человеческую голову величиной. Но трогать их было совершенно нельзя, дураку очевидно, очевидно даже человеку с тяжелой формой олигофрении, нельзя и все тут. Однажды китайский турист полез к ним, кажется, даже дотронуться не успел, а бутон взял да раскрылся, и в лицо Се Бинь прилетела вязкая, молочная масса, хорошо, что медики дежурили в экскурсионной группе. Цветок плюнул в несчастного пищеварительным соком, кожа с головы слезла лоскутами, обнажив белесый череп, губы, щеки стали лохмотьями, вот так, поднять на ровном месте проблему получилось у китайского туриста, считающего себя самым умным. Или, как говорила соседская бабушка знахарка: вумным. Бабушка знахарка много чего говорила, а когда у Юльки был энурез, на ночь кусочек сахара под подушку положила, постыдный недуг и прошел. А Ваньку кривого с помощью куриного яйца нормальным сделала, два дня белым яйчком по голове тому катала, катала, пока оно не почернело, яйцо в смысле. Завидным женихом стал, правда, заикаться начал.

Но у нас тут кто шестипалый, кто психически нестабилен. Подробности о каждом встречном-поперечном не ведаю, мы частенько вечерами с моей бабулей соленья разные в банки закатываем. И в окно стараемся даже не смотреть на ночь, занавесим шторками, закатываем себе, никого не трогаем. А иногда слышим крики, полные горечи, что разносятся по округе краткие мгновенья, но и они обычно стихают быстро, словно мертвые писатели, которых задавали читать на летние каникулы. Понимаете ли, одно дело знакомиться с трудами живого автора, с которым и поспорить можно, возразить, вполне вероятно, он ошибся в своем опусе. Другое дело работать с мертвым текстом, с домыслами учительницы. А учительницы нынче такие, эмансипированные.

Обойдя пятиэтажный тридцать восьмой дом, я повстречалась с ребяташками лет десяти. Спортивные костюмы, лица шербатые, чумазые, смеются чему-то, ножичками щелкают. Они с воодушевлением обстукивали две трехлитровые банки, что стояли на зеленой растрескавшейся скамейке. В кустах ужовника блестел портсигар. Но прикасаться к нему было совершенно не можно, вы это и без меня понимаете. Знаю, как ученик из параллельного класса нашел цельнолитую машинку «Москвич» в масштабе один к сорока трем, прекрасная вещьца, между прочим. Не помню, то ли в старом детском садике «Чебурашка» в пятом микрорайоне, то ли еще где-то нашел. И положил это сокровище в карман своих шортиков. Спустя день у него вся нога покрылась буро-синими пятнами, трагедия неопиcуемая, врачи разводят руками, даже ногами разводят для пушного эффекта, как спасти ножку, футболистом уже не станешь. А дети хотели в те времена быть либо футболистами, либо Гагарина, закрытого в психиатрической клинике, вызволять. То есть желали наши мальчишки быть шпионами, внедряться и разведывать. С тех пор нам родители и запретили поднимать незнакомые предметы, ведь техника безопасности написана кровью, а кровь это плазма и клетки, кровь, чтобы вы понимали, наши автографы в книге жизни. Передовица запястий мальчишек в ожогах крапивы, тростниковых порезах, они обстукивают свои банки. Передовица рук мальчиков, ужаленных крапивой, в порезах меч-травы, в девчачьих укусах читалась мною с легкостью. Ребята эти проживали в интернате, на выходные их забирали к себе сердобольные граждане, чтобы детишки смогли в дальнейшем адаптироваться к стремительно переменчивому социуму. Я подошла к ним, с большим интересом взглянула, на меня не обратили ни малейшего внимания. Ребята из интерната наловили целую армию духов.

Это у нас такая традиция была, мы садили их в банки, что тырили у зазевавшихся бабулек, которые потом не могли раззеваться обратно, так и бродили с перекошенными ртами, как паралитики, на чердаки заглядывали, на антресолях копошились, вопрошая, а где же вы, баночки мои, баночки. Духи у нас в этих закупоренных банках фью-фью-фью делали, светились, как фиолетовые светлячки, доставляя неопишемое удовольствие ребятам, лишенной уроков высшей математики и двойных интегралов в полярных координатах, лишенной познаний о несобственных интегралах, дифференциальных уравнениях. Словом, дети мы были свободные от интереснейших математических вещей, правда, мало кому пригождаются эти вещи в жизни, вот духи в банках были да, они сродни настоящему волшебству. По временам эти бесплодные существа, эти невольники нашептывали малышне сказки на ночь. И о невообразимом гражданине Гулливере, что попал еще в нежном возрасте в чан с ядреными отходами, а потом его завербовали наши органы госбезопасности и стал он дядей Степой, а никаким не Гулливером вовсе. Стяжать духов длительное время считалось моветоном, ибо дети у нас были жалостливые. Можно сказать, коллективное воспитание, обрушившееся, как кислотные дожди, на наши головы, во многом восходило ко временам позднего советского союза. Свежи были в памяти Кашпировский, Джуна, наши папы, мамы, воспитатели были умнейшими людьми, доцентами они были. И трепетно внимали экранам телевизоров, крепко держа в руках двухлитровые банки с водой. Иными словами, верили в чудо, были скромны, трудолюбивы, просты в общении, уважали стариков и старушек, уважали братьев наших меньших. И детям своим по мере сил прививали данные принципы.

Невысокая раскидистая яблоня, отчего-то лиловая, что росла у самого подъезда с выбитой входной дверью, ее темно-зеленые листики колыхались на ветру. А на самой вершине, почти касаясь подъездного козырька, росло небывалое голубое яблоко, электрические червячки, оберегая фрукт от повреждений, по временам искрились, слышался шум дросселя, вспышки как от шаровой молнии заворачивали. Матушки настрого запрещали нам вступать в отношения с такими яблоками, наше поколение заставляли читать сто советов по электротехнике за авторством Гуркина. А что поделаешь, диэлектрические перчатки могла позволить себе не каждая семья, чего уж тут говорить об индуцировании заряда. О, сколько мужей лишилось здоровья, между прочим, мужей, изучивших как следует эквипотенциальные поверхности, теорему Остроградского-Гаусса, да что и говорить, находились индивидуумы, что по синей лавочке карабкались за яблочками Гесперида, желая впечатлить подружек. Такие они, электрические фрукты. Ева-парикмахерша с роскошными волосами до самого пола, на позапрошлой неделе это случилось. Мужа своего, повара пятого разряда Адама все подстрекала, подстрекала. – Адам, у меня пятый месяц беременности, а тут паршивое яблочко пожалел для меня. Нету теперь повара пятого разряда Адама, угольки сплошные. Встретишь, бывало, у подъезда сограждан, они пиво попивают, о своем щебечут, потом спорить начинают, а я сейчас яблоко собою. Да не собьешь. А вот, говорю, собою. Валера, не начинай, вспомни, как Григорий себе всю руку обжег, теперь она у него черная, как у Жанна Бокасса, и не сгибается. Не стала я терять время на рыцарские разговоры, что звучали в моей голове, к дому Рыбкина по проспекту Ленина пошла. Легко и радостно играла в сердце кровь, рискуя превратить в морковь любовь. Снежок почти растаял, березовым соком пахнет, ольхой, черемухой, сиренью, соляровкой, январь какой-то весенний получается.

Мимо зеленовато-голубого болотца, разлитого по стадиону «Авангард». Бабушка с невообразимо большой бородавкой-клаксоном, в темно-фиолетовом пальто ведет страшного белого аргентинского дога, тот фыркает, обнюхивает сетку стадиона. А на стадионе удивительные, будто перемазавшиеся в бензине, квакши, перелетают с кочки на кочку, то ли квакая, то ли порывкая. Черно-белые футбольные ворота, трухлявые трибуны, у синей каморки тренера стоит штанга, красные блины поросли мхом. К весне заняться стадионом основательно обещали в администрации города, и постелить искусственный газон обещали, надеюсь, не обманут. Обманывают сейчас дурно, привезли нам знакомые из ГДР колготки, снесу им не было. Говорят, вы хоть на них вешайтесь, не порвутся. И через козла на физкультуре скакала в них, мальчишки жаловались, нижнего белья им не видно, дураки какие, и варенье брусничное на них пролила однажды. А кошка коготком

своим подцепила, и нету больше колготок. Чтобы зашить, нитки какие-то специальные нужны. Меж тем янтарная посреди беговой дорожки лужа бурлила, лопались пузырьки, шипело чего-то. Оскалившийся, выбеленный ненастьем череп собаки незрячей глазницей глядел в темно-розовое небо. Сто пятьдесят детей, что проживало в Припяти, ходили на занятия в дом культуры Энергетик, так оно надежней. Решили организовать всех детишек в одном месте. Администрация посчитала, что восстанавливать школу на улице Дружбы, техникум на улице Энтузиастов, музыкальную школу на улице Курчатова совершенно нерентабельно и опасно, за всеми не уследишь, если разбредутся. Построенный в начале семидесятых монументальный ДК «Энергетик», где располагались клубы по интересам, там же время от времени выступали приезжие и местные коллективы, устраивались капустники. А теперь в нем грызли радиой науки первые школьники-переселенцы, участники так называемого эксперимента. Впрочем, позвольте, участники эксперимента, какие же это участники, это будущие отцы, будущие матери гагариных, курчатовых и капиц; вот кто они такие есть. Мы же в свою очередь лишний раз не гордились, чувствовали себя обыкновенными подростками, просто живущими в секретном городе.

Январь выдался слякотным. И лютый мороз со двора ушел раньше положенного срока, и вечер недолго стал. И люди сбросили шубы, тулупы, гуляли в пальтишках, помахивая кожаными дипломатами. Были мягко устланы песком и реагентом дорожки. От близости зараженной реки доносилась такое голубоватое сияние, что невольно я залюбовалась. Воздух был тих, свеж и прозрачен, редкие щелчки личных дозиметров нарушали тишину. Троллейбус мчал, в последнюю дверь едва-едва успел запрыгнуть парень в леопардовой шапке-сфере, в цигейковой черной шубке. Я подумала: еще, может, на троллейбусе три остановки доехать, или сэкономить да пешком доковылять. Это замечательно, конечно, что у нас в городе троллейбусы появились, подумалось мне. К моей желтой шубке пристала крымская жужелица, черно-синий жук, любитель виноградных улиток. Совсем рядом с автобусной станцией стояла выкрашенная лимонной краской телефонная будка. Внезапно аппарат зазвенел. Треньканье смолкло, мимо проходил гражданин в темно-каштановой шапке, в высоких болотных сапогах, на плече у незнакомца висела сумка-короб, за спиной серебристый спиннинг. Звонок повторился.

Рядом находился автовокзал. Сквозь стекло я видела, как по залу прохаживались люди с баулами, рюкзаками, болтали себе, шкалики уничтожали, закусывая кругляшками колбасного сыра, читали газеты вверх ногами. Ответить, думаю, чего же не ответить, отвечу, пожалуй. – Юлия говорит, ученица шестого класса дома культуры «Энергетик», – зачем-то представилась по форме. Молчат в трубке, повторяю: Юлия Хомякова, вам кого? Недолгая пауза. – А Людмилу Васильевну позовите к телефону, сделайте милость, – голос на том конце запыхавшийся, как будто тетенька бежала зачем-то, или от кого-то бежала. – А где она живет, я сейчас позову взрослого, он вам обязательно подскажет, – лопотала девочка. Однако трубка примолкла, потом внезапно последовали короткие гудки. Какая вообще автобусная станция Припять, думает обескураженно Хомякова, я же только была совсем не здесь, улица Курчатова где, а где автовокзал, интересенькое кино. И такие пространственные неожиданные перемещения с ней постоянно случаются, мама опять будет ругать. Что же это, у меня снова провалы в памяти начинаются, Владлен Геннадьевич одну гомеопатию выписывает, а надо что-то посерьезней, думает, веселясь, Хомякова.

И только начала девочка размышлять подобным образом, как ей на плечо легла тяжелая рука в желтой кожаной перчатке, а рот плотно зажали носовым платком. Ребенок для приличия дергался, пытаясь вырваться, однако силы были неравны. Сладковатый эфирный запах приятно заполнил дыхательные пути, школьница дрыгалась выловленной щукой на льду, но могучие руки держали ее надежно. Наконец Хомякова обмякла, негодяй взвалил девичье тело на плечо. И уверенно направился в сторону припаркованного у голубого газетного киоска бордового «Москвича-412». Гудели электрические кабели, похититель нес ребенка по безлюдной Спортивной. Зачем он это делал, мы ни сном ни духом, ни даже полуухом. О, до чего же был прав Матфей: имеющий уши да услышит, главное, чтоб никакого пирсинга, имеющий глаза да увидит, главное, проверять-ся у офтальмолога раз в год, имеющий разум да осознает, впрочем, тут уж никто не застрахован.

К сожалению, ничем подобным похвастаться мы были не в силах, знания у нас рядовые. У автовокзала выстроилась колонна черных иномарок. – Тьфу, цыгане, – высказалась некультурно женщина, носившая постоянно с собою топор с красной рукоятью, что некогда принадлежал ее пропавшему сыну-пожарнику.

Вторая глава, она о Коле Рыбкине и Рождественской ночи

Сегодня умерла наша кошка, или, быть может, вчера, не столь важны временные подробности, обстоятельства, слезы. И важно ли нам сообщить, был жаркий полдень января, ведь мы февраль тогда за скобки уберем. А что же делать с декабрем. Задумавшись всерьез, слетишь с катушек, не в силах обозначить месяц и о каком числе тут говоришь. Когда неделя, например, в такой же мере водомерка, что скачет между букв, написанных прозрачной краской, чью повесть прочитать необычайно сложно. Не обладая букварем, копировать чужой язык, придумывать свои наречия. Быть может, жестом изъясниться, кривить лицо, да прикрывать глаза, жестикулировать руками понапрасну. Меняй свое число и поклонение и время тоже поменяй, а вид, склонение оставь, не изменяя. Чтоб вспомнили родные, опознали. По родинке, по сколу на зубах, как много совпадений, как много ранок на запястьях, молочных ранок на запястьях, случайных и не очень. И все-таки хранить кусочки шерсти в коробочке на память буду я о нашей кошке.

Интеллигентнейшая кошка с голубой шерсткой Саманта Смит, справлявшая нужду, восседая орлицей Сиуакоатль исключительно на унитазе, больше не с нами. Ворчала недовольно, шипела, когда смотрины на ее делишки устраивали, совестились. Единение, в котором она нуждалась, наша маленькая Саманта, теперь ты его получила сполна. Ныне ни один остопо не помешает справиться тебе нужду, наша малышка. Да, великая, словно поэтесса Хеджинян, кошка Саманта, теперича ты на радуге. Главная задача, как считал Николай Рыбкин, подросток двенадцати лет отроду, не склонный к пониманию точных наук школьного курса, ребенок, путающий порочный герменевтический круг, символы, атомно-молекулярное учение, полимеры, смотрел отсюда туда, на радугу, да вспоминал неотразимую кошечку Саманту. На балконе сделалось зябко, ребенок зашел в дом. О, сколько символов повсюду, и луч полуденный проник, и в комнате моей он гладит корешки чудесных книг. А все никак, никак, никак не отступает моя тоска. Душа, стесняясь лирического волнения, не знает, что ей предпринять. Да, наша кошка умерла, как германская республика. У нее подскочило давление, когда она делала свои дела на унитазе, разбилась, как космонавт Владимир Серегин. Сколько же лет исполнилось нашей красавице, полагаю, третий десяток, мама завела ее до моего рождения. И чем очиститься от скверны, чем заполнить пустоту, рыбками, черепашкой, пожалуй, никем не заполнишь, ибо понятно дорогим читателям, что смерть кошки это надолго, почти навсегда. Никакая черепашка или кролик не в силах заменить нашу Саманту Смит! В этой связи вспоминаются слова друга моей матери: я забываю мир, и в сладкой тишине усыновляю воображение. Только это и остается мне, Коле Рыбкину, жить в невообразимых фантазиях.

В моей комнате на столе лежит острый, словно вопрос детской токсикомании, скальпель, хирургические нитки, иглолка для шитья, мерзлая тушка Саманты, извлеченная из морозильной камеры, гипсовая заливка, баклажка со спиртом, ненужные тряпки. Осталось немного, подготовить емкость, аккуратно удалить кожу, заняться дублением своей крошки. Руки перестали трястись, а те граждане, утверждающие, что для лучшего успокоения нервов достаточно чашечки чая, не имели дело с уколом адреналина в самое сердце. Вспомнилась также Рыбкину подзабытая цитата об этом адреналине.

В комнату без приглашения входит Аврора Евгеньевна, женщина хороша собой, на щеке длинноскулого лица премиленькая родинка, напоминающую очертанием слоника. С черного плаката над кроватью Коленки на них всех глядит с некоторым укором Джек Лондон в кожаной куртке. Светло-вишневые губы матери крепко сжаты, вся такая недоступная, взгляд кроток, брови кустисты, светло-рыжие волосы забраны в пучок. – Сыночка, я рассчитываю на то, что ты по-

радуешь наших гостей собственным присутствием, – говорит она бархатным голосом, – все-таки рождественские поделки. – От порыва ветра, доносящегося из приоткрытой форточки, ее фиалковое легкое платье обнажает стройные бледные ноги. В комнату заходит отец. Коля смущенно отводит глаза. Голосом чутунно-глухим Николай обращается к родственнице: дорогие родители, мне претит ваше присутствие, я намерен подняться в свои апартаменты и провести ближайшее время со своей мертвой кошечкой наедине, я намерен заняться мумификацией. – Боже ты мой, начинается, мало тебе Анатолия Москвина, это больной человек, это неправильно, – барышня разволновалась, доводы сына неясны. – Ты, конечно, не Эзра Паунд, но язык у тебя подвешен как надо, – с пиететом говорит Спартак, приобнимая жену за талию. – Милая, Анатолий Москвин человек больной, но мы не в праве запрещать нашему сообразительному, а порой гениальному отпрыску, или же выбирать за него, чем ему заниматься в жизни, – рассудил Спартак, мужчина пятидесяти лет с пышными белесыми усами, круглой, как бильярдный шар, лысой головой, в коричневом пиджаке, из-под которого выглядывала белая футболка с черным квадратом на груди, в центре квадрата был квадрат поменьше, белый квадрат. Меж тем прихожую наполняют гости, слышится нелепый смех, глухо падает чье-то пальто, возбужденно дамочка подстрекает присутствующих на эксперименты: у меня муж объелся душ, сделал чудную настойку на пантерных мухоморах, вы просто обязаны попробовать чудную настойку на пантерных мухоморах, это совершенно невероятно! – А тапочки, подайте кто-нибудь тапочки, боюсь, на мои лапки не найдется нужного размера! – пищит агнец биотехнологии, или же лаборантка Белочка, субтильная такая, стеснительная барышня.

– Квартирка вам досталась очаровательная, вот так свежо, вы же помните, что мы приехали из частного дома, жили вот в Минске, сколько куриных яиц не довелось продать, когда эпидемия гриппа началась, а сколько мебели потеряли при переезде, а коровы, а козочки, правда, они, скотины такие, за последний год попередохли все, сибирская язва, говорят, а тут от государства, значит, эксперимент, пропитание, живите, ни в чем себе не отказывайте, только правила соблюдайте! – тараторила одутловатая тетя Надя, работница единственного мясокомбината в пригороде. Она со своей химической завивкой, в нелепых леопардовых лосинах расхаживала по залу, ее джинсовое платье, словно парус одинокой, продувался ветрами, белые кроссовки мягко ступали по искусственной шкуре бурого медведя. В комнату вошел гражданин с благообразной седой бородой, в сером свитере крупной вязи, Дмитрий Кузьмин, внук той самой переводчицы Элеоноры Яковлевны Гальпериной, подарившей нам «Убить пересмешника», «Маленького принца», «Постороннего» Камю. На шею Дмитрия Кузьмина пульсировали две толстые венки, словно два каната они пульсировали, он принес металлическое блюдо, с золотистой курицы стекал жир. – Вот мы бы проживали в двухъярусной квартире напротив трех однотипных девятиэтажек-вертушек по улице Леси Украинки, это ж сколько возможностей, фотолаборатория на дому, поэтическая мастерская, да, свежо некоторым, – сетовал Кузьмин, ставя блюдо на общий стол, потеснив седлку под шубой. – Но ведь нам посчастливилось стать участниками доступного жилья, помимо нас еще сто пятьдесят семей пытались откусить ломтик этого яблочного коммунального счастья, – оправдывался отец семейства Спартак Семенович, поглаживая указательным пальцем край стола. Внезапно хозяин квартиры залпом выпил стакан клюквенной настойки, продолжил, как бы обращаясь ко всем сразу: правда, никто не уточнил, что проживать придется в городе атомщиков, пусть частично и подвергшемуся дезинфекции, но все-таки какова опасность, а генофонд, а еще неизвестна этимология опухолей, проказа, опять же, они ведь не дремлют, скрытые организмы, товарищи родненькие!

Граждан в гостиной стало чрезмерно много. Кто-то включил музыкальный центр. День мчался как скорый поезд, пассажиры пили до дна, в лунном свете краски стали нежнее и прекрасней, фиолетовая лунария в горшке на окне, Спартак не удержался, оторвал листок, закусил! – Светит, светит, а все-таки вот какое дело, память удивительным образом вытесняет все хорошее, завтра мы уже будем глубокими стариками, а смысл в чем, – не к месту начал столь шепетильный разговорчик бледный гражданин в черной рубашке с красной повязкой, наливая себе в бокал вермут.

Он осушил залпом стакан, занюхав луковицей с хозяйского стола, продолжил как бы спорить с чем-то: пока нас закрывают в учреждениях, а за что, спрашивается, за то, что не те стихи пишем, не так поем, где логика, господа, я у вас хочу поинтересоваться, а поинтересоваться не в силах, рот заклеили шпаклевкой. «Луна, луна, цветы, цветы, нам часто не хватает в жизни друзей и доброты», – отвечала ему Ротару из музыкального центра. Только отвечала как-то уж не попад: а дело не в погоде, но меня на грусть наводит, что не происходит в жизни ничего. Парочки несмело топтались в танце и были подобны кататоникам, одни танцующие дети напоминали носорогов своей, знаете, непосредственностью, что ли. На черноволосого, бледного философа никто не обращал особого внимания. Наконец, нашлась дама сорока лет, рыжая участница литературного объединения молодых поэтов, завсегдатай психиатрических учреждений, дама в высшей степени интеллектуальная. – А я считаю, что сказка это обобщающий опыт нашей жизни, вот посадил дед с бабкой репку, тянут, потянут, посадили Синявского, Даниэля, тянут, потянут – и вытянут только тогда, когда у власти будет совестливый лидер! – на ней был зеленый клетчатый сарафан, барышня шутливо приобняла Губанова, хотя это мог быть вовсе и не Леонид Губанов, просто так сложились обстоятельства. Рыжая девушка Юлия Вишневская закурила прямо на кухне, не открывая форточку, дефицитную сигарету Marlboro. И произнесла: мне видится, дорогие мои соотечественники, что в городе Припяти, где по волею случая мы с вами оказались, цензурные органы не больше театральных актеров, делай что хочешь с ними, думай о чем вздумается, люди они подневольные. Без паспорта тут гуляла ночью, даже не спросили. Девушка с наслаждением затянулась, пустила струйку дыма носом. Продолжила: а вот была такая акция недавно, называлась «Появление», зрителям, значит, разослали приглашения, приглашенные собрались на поле, а через пять минут к ним, значит, подошли два участника акции и вручили справки, то есть документальные подтверждения, удостоверяющие их присутствие на акции «Появлении», каково, до чего просто, до чего изящно? Было несколько странно наблюдать за Юлией Вишневской, которая курила на кухне дефицитную сигарету Marlboro в одиночестве и себе же о чем-то рассказывала.

Спартак Семенович, переодевшись в плюшевый костюм настоящего медведя, порываясь, приплясывал в гостиной. В серванте находились: посуда, миски, расписанные под хохлому, высокий хрустальный кувшин, две семейные фотографии, банка канифоли, резная дудка из красного дерева. На серванте стояли: игрушка-мотогонщик, шагомер «Заря», железная коробка грузинского чая. От диких плясок Спартака-медведя предметы в серванте и на серванте тряслись, звенели. На подоконнике расположилась причудливая голубая елочка, метра полтора высотой, на ней росли два голубых гавайских банана. Чернобыльские селекционеры являлись Дмитрием Ивановичем Менделеевым, или даже Ньютоном от мира постсюрреалистического коммунизма. О, сколько открытий чудных готовит нам зона повышенной опасности, – в шутку написал местный корреспондент в бедственной, оттого и не финансируемой должным образом газетной колонке, а написал Токарев. – А я помню, помню акцию «палатка», наверняка вы знаете, художник Алексеев сшил палатку из собственных картин, это было на Савеловской железнодорожной станции, глупость, конечно, но как мы радовались, как дети радовались, пели, орали, водку пили, я вот в этом костюме медведя обычно участвовал в акциях, – Спартак ностальгически всплакнул. Мужчины и женщины разного возраста и социального статуса сидели в голубых, оранжевых чехословацких креслах, кто-то сидел на полу, выпивали полусухое вино, грустили. На обоях в гостиной были изображены лесные массивы, сугробы, деревья. Красная тряпка, натянутая вдоль стены: я ни на что не жалуюсь, мне все нравится несмотря на то, что я здесь никогда не жил и не знаю ничего об этих местах. Кассету зажевало, Аврора, щелкнув тумблером, призвала гостей к столу. – Сынок, а расскажи, как ты ядерный реактор в гараже собрал, нас, правда, потом по инстанциям затаскали, зато грамоту вручили и медальку, а также пообещали поступление в физико-математический институт без экзаменов, не стесняйся! – пошатываясь, произнес папа Спартак. – Ну, отец, что за детский сад, было и было, я вообще, считаю ваши акционерские шалости сплошной профанацией, делом надо заниматься, да хоть б карьеру построить, чего вы все добиваетесь, я понять не

могу? – патетично воскликнул мальчик. Гости снисходительно посматривали на Николая. – Вот и конфликт поколений, дети врагов народа стали просто детьми, – грустно произнес отец.

Ретироваться Рыбкину не удалось, на втором этаже, в собственном убежище, где можно расщеплять молекулы, попивая чай с мелиссой, читать о густых металлургических лесах, об изменении конструкции кронштейна да постигать перипетии жизни великого лирика-физика Александра Еременко; никак не удалось туда попасть. Гости были слишком настырны, не выпускали из комнаты. Отчего-то Коленька нырнул под стол, сделавшись соглядатаем гостевых ног. – Дорогие мои, что же такое происходит с тампонами, простите мой корейский, ладно, прокладки, но тампоны, аптека одна на весь город, а тампонов ни одного, – жалостливо рассказывала моложавая тетенька, ее зеленая, шерстяная юбка натянулась между колен и была похожа на флаг Ливии во времена правления Муаммара Каддафи. Матушка Аврора Евгеньевна возражала: хорошая моя, не все сразу, понимаете, пока наладят инфраструктуру, пока эти тампоны несчастные завезут, вспомните Великую отечественную, вата, бинты, ужас просто, но как-то выстояли! Звенело стекло, кому-то подкладывали жаркое: хватит, хватит, вы меня решили совсем закормить, я перестану помещаться в свой китель! – жаловался акционер по имени Роман Осминкин. – Ничего, хорошего человека должно быть много, нет такой шинели, не вмещающей Романа Осминкина, на каждого Акакия Акакиевича своя шинель и Осминкин! – хором кричали гости.

Внезапно со стола упала ложка, краткое мгновение спустя упала вторая ложка, словно подпиленные деревья в химкинском лесу в конце нулевых они падали, падали, падали. – Ну, это к гостям, женщину ждем, – поделился соображениями изрядно выпивший незнакомый мужик в синей шапке-пельмене. Николай Рыбкин, сидя под столом, разглагольствовал, высокие серые валенки, в таких мог ходить Солженицын, черные резиновые шлепки легко было представить на ногах писательницы Марины Клещевой, войлочные тапки с красными звездами подошли бы Устиновой, японские деревянные сандалии Гэта прелестно смотрелись бы на вождельных ножках Саяки Мураты, не знаю, можно ли склонять японские имена, Саяка Мурата. Интересненько, думал Коля, это дань моде такая, припереться в гости в особенных тапочках, чтобы отпраздновать рождество. Он успел уже выпить чекушку, что заботливо передал отец, закусив краюшкой черного хлеба, натертого чесноком. Поэтому мальчик вслушивался в разговоры с нескрываемым интересом, казавшиеся совершенно беспорядочными, хаотичными, словно проза Дона Делилло, разговоры были по меньшей мере комичны. – До чего оскотинились, представьте себе, на могильнике в районе Россохи нашли партию коровьих туш, и что бы вы думали, на всех тушах отсутствовали филейные части, куда потом это везли, кому продавали, это же яд в чистом виде, как себя не уважать надо, чтобы продавать зараженное мясо, – распылялся гражданин в каштановых брюках в белую полоску, его ноги в лакированных коричневых туфлях никак не могли остановиться, он ими двигал, то закинет правую ногу на левую, то левую на правую. Руки отца протянули стакан, наполовину апельсиновый сок, наполовину самогонка, Коленька принял подношение, выпил, не поморщившись. Главное, чтобы мать не увидела, Аврора алкоголизм сына порицала. Мальчик вновь скрылся под столом. – А что это он, пусть с младых ногтей занимается серьезным делом, испытывает и ремонтирует, например, средства защиты электроустановок у нас в стоматологическом кабинете, у вас, Коля, вы не подумайте, что я хвалю понапрасну, все же видно, замечен талант! – говорил зубной протезист в засаленных джинсах и стоптанных синих кроссовках. Своими маленькими перламутровыми зубками он объедал мясо с куриного крылышка.

Наконец Николай Рыбкин решает покинуть подполье, выйти к людям, пока силы не оставили его окончательно, выпитое дает о себе знать, мальчишку пошатывает. Пока сибирская язва мизантропии не скосила молодой организм. Пока на одном половом закипании не сварить щей. К тому же двойится в глазах, путаются, как сваренные аль денте макароны, ноги. Надо идти к себе, отлеживаться бурым, понимаешь, мишкой, не ведающим ни о каком Кристофере Робине, знающим лишь нашего, родного Евгения Леонова. – Времена стояли депрессивные, граждане лишились работы, были раздражительны, суицидальные мысли не покидали домохозяек, да что я

вам рассказываю, будто вы не знаете о голоде в Поволжье, – заплетающимся языком дискутировала незнакомая девица. – Сыночка, давай-ка на боковую, тебя проводить? – спросил заботливый Спартак, не снимая свой нелепый медвежий костюм. Лаборантка Белочка, смуглая, застенчивая дева с короткими льняными волосами, свекольно-красной шеей, худощавыми руками, приобняла за талию Колю. – Сейчас, сейчас, тут недалеко, – сказала она нежно, прижавшись горячей щекой ко лбу мальчика. Парочка с трудом поднималась по узкой лестнице, каждая ступенька этого дома скрипела, словно скрипач на картине Марка Шагала. – Ох, дорогой, ты и представить себе не можешь, как тебе пригодятся однажды схемы обмоток машин переменного тока, попомнишь еще мое слово, сынок, – раздался неприятный гундосый голос у основания лестницы, Коля даже не взглянул, кто это там говорит неприятно, визгливо. Однорукий фронтовик в тельняшке смоллил едкую беломорину на середине лестницы. Сфокусироваться на герое не было никаких сил, поэтому Рыбкин крикнул ему по-свойски: уйди, отец! Парочка добралась до комнаты, Белочка внезапно скинула свое лавандовое платье, несмело коснулась блеклыми губами груди Николая, словно новорожденная присосалась к мужской груди. Засмущавшись, мальчик отступил от барышни, чтобы в следующее мгновение припасть к малым, словно роман Владимира Блюнова, состоящий из двух предложений, словно стихотворение Валерия Брюсова: о закрой свои бледные ноги; припасть губами, припасть к ее малым и острым, напоминающим египетские пирамиды, грудям. Скрипучий диван, горячие, словно беляши на вокзале, поцелуи, нежные поглаживания молодых телес. За узким окном падали хлопья снега, развалины четвертого энергетического блока, словно мираж, едва-едва виднелись вдаль. Снегоочистительная машина скребла ковшом землю. Бенгальские огни бурлили у самого подъезда. – Валера, ты попал мне в глаз, теперь у меня нет глаза из-за твоего бенгальского огня! – плакалась дамочка. – Все у тебя есть, он всегда таким был, миниатюрным, вон, есть! – успокаивал неизвестный кавалер.

– Это ничего, соседи, есть у нас на рынке одна, так обвешивает безбожно, крольчатиной торгует, ну, чисто Софья Блювштейн! – захмелевшая девушка по неизвестной причине вспомнила господ аферистов, не забыла даже Николая Савина и Вениамина Вайсмана, что обманул двадцать семь министров. Ей возразил, шепелявя, обольстительный гражданин, похожий на литературоведа Олега Лекманова: шлушайте, шама шебя не прокормишь, никто не прокормит! – Точно, как сбивать палкой воробьев, тут совесть не нужна, кто первый ухватил палку, того и стулья! – Аврора подшофе танцевала в гордом одиночестве, двигая бедрами, босиком прямо на столе, музыка была про тополиный пух и жару. Обстановку располагала к неукротимым свершениям. Серый кирпич дозиметра «Припять РКС-20.03» на подоконнике показывал шестьдесят микрорентген в час, показатели могли испугать разве что полного кретина. На обеденном столе почти ничего не осталось съестного. Гости нехотя расходились, кто-то курил на балконе, доносились полупьяные разговорчики: знаете, когда Мария Кюри получила нобелевскую премию за открытие полония и радия, она прямо-таки светилась от счастья! – Ура, товарищи, с рождеством, пусть и таким весенним, что ли! – внезапно воскликнула Аврора, распахивая балконную дверь настежь. Ей вторили гости: ура, ура, Аврора, ура! В глубоком клетчатом кресле мужчина шестидесяти лет, с щекастым лицом, двойным подбородком, клочочущим голосом рассказывал скучающей блондинке: сейчас у нас все условия для труда и жизни самые замечательные, таких условий раньше не было, вот я занимаюсь гальваническими элементами для электронных часов, у меня оклад в полтора раза выше бригадира, завтра я этого бригадира вот так, под ногой! Где-то на кухне лопнул бокал. – Это полтергейст! – взвизгнула испуганно блондинка. – Это что, у нас на четвертом этаже в пять часов утра кто-то стучит в окно, на четвертом этаже-то, – говорил гражданин в теле с синеватыми губами в голубом костюме тройке, – а у соседей такие постукивания раздаются на девятом этаже, это, полагаю, не упокоенные души шастают, представьте, сколько их тут осталось, страсть просто. Девушка с лицом форели, впрочем, не лишенная обаяния, страшно удивилась: а у меня на кухне дверцы сами собой открываются после полуночи, я их закрываю, они открываются, я их закрываю, они открываются, ничего не понимаю. Блондинка трянула головой, из ее ушка вылезла сороконожка, упала на пол, юрко скрылась в плинтусе.

– Друзья, прошу минуточку внимания, свежая пресса подоспела! – чрезвычайно довольный отец семейства Спартак размахивал пожелтевшей газетой, словно она была банкой лососевой икры, такой же великой. Папа любил колонку, которую вел Миша Токарев, единственный лите-
ратор их города, которому позволялось печатать свои опусы на последней полосе, другим авто-
рам не позволялось печатать вовсе. Единственному грамотному журналисту перевалило за девя-
тый десяток, и он совершенно остыл к профессии. Порой чтение Мишиных стихов на злобу дня
вызывало у отца приступы гомерического смеха, порой приходилось вызывать скорую помощь,
чтобы успокоить родственника, как бы инсульта не случилось. И теперь, войдя в гостиную, обла-
чившись в голубой пижамный комплект, желтый шарф, очки в роговой оправе сдвинуты на край
носа. Он самозабвенно читает, раскрасневшийся, как синьор помидоркин, он читает следующий
текст своей любимой газеты сквернейшего качества, текст посвящен женщине, решившей, что
она лес. Сигаретка в его губах дымит. Причудливые дымные колечки, словно медузы, плывут
по комнате. «Прима» в резном мундштуке в его губах, гости увлеченно слушают, кое-кто даже
говорит многозначительно: ну-ну, однако. В какой-то момент не выдерживает дамочка в зеленой
накидке, та самая блондинка с прической андеркат, виски выбриты, удлиненная верхняя часть,
все как положено: хо-хо-хо, каков пошляк, а мне нравится! Оживляются иные гости: а в этом при-
сутствует доля иронии, не находите? Некий гражданин-интеллектуал, увлекающийся дадаистами,
людьми, отказавшимися от логического мышления, людьми, избравшими коллажи и перфоман-
сы в качестве подлинного искусства, басит: у мальчишки-корреспондента чутье, а уж какого у
него размера интеллектуальный орган, боюсь даже предположить!

Замуравевшее лоно
 Подробность для мирмеколога,
 Капустницы глаз,
 Порхающие на поляне,
 Энтомологам интересны.
 Дамы в разводе,
 По вероятию, непредсказуемы,
 Видны изменения
 В умственной сфере,
 Буквально после развода,
 Второго, неважно какого
 Женщина говорит себе:
 Теперь я женщина-дерево,
 Женщина-муравейник,
 Женщина-дрозд.
 И вот начинается,
 Начинается менопауза,
 Дамы неурочного возраста
 Собой наполняют наш лес.
 Орнитологи, натуралисты,
 Энтомологи, зоозащитники
 Говорят с придыханием,
 Мнутя на самой кромке поляны,
 Дескать, хотим познакомиться,
 А именно, то есть, конечно,
 По существу обращения,
 Не занимая лишнего времени,
 Потому-то и потому-то
 Нечем это времечко отдавать,

Не подумайте женщина-
Скарабей, долгоносик,
Тетерев, ласточка,
Что мы хотим поразвлечься,
Мы искреннее увлечены
Вашими мшистыми склонами,
Валежником ваших волос.
Сегодняшним воскресеньем,
В районе полудня,
Когда я вышел проветриться,
Женщина-пламя,
Разгоревшееся на поляне,
Схватила и крепко держала
Меня, лесника, контролера,
Менеджера средней руки,
Фармацевта, стекольщика,
Водопроводчика,
Сторожа комбината.
Тепло, сказал кто-то из них,
Тепло, подтвердил я,
И предложил затушить костер
Сугубо по-пионерски.

Оставшиеся в гостях сограждане пребывали, само собой, навеселе, бытовавшие разговоры о культуре весьма способствовали интимной обстановке в городе-призраке. Кто-то из дальних родственников припомнил комментарии акушерки: вот у вашего Кольки ножки, как пирожки, огромные были, танцевать балет будет, или в троллейбусе ноги всем отдавит. – Вы только представьте, статистически в любое время дня и ночи кто-нибудь обязательно почитывает Мишу Токарева, уму непостижимо, писателишка, прямо сказать, средний, ничего в нем нет ни от Фаулза, ни от Бабеля, а вот берет он чем-то другим, чем-то хармсовским, позвольте такое сравнение, – нахваливал Спартак, как начнет восторгаться, не остановишь, ужас какой-то. Последнее, что услышал Рыбкин перед тем, как удалился окончательно в свою комнату и отдался во власть всесторонне развитого сна. Выходил он за водичкой для Белки. Подросток услышал прелюбопытные строчки Германа Лукомникова, любимца муз и купидона библиотекарь нашей достопочтенной Родины: мы живем под собою не чужа страны, наши речи уже вообще не слышны! Не слышны, Герман, ох, не слышны, подумалось полусонно, а вы попробуйте покричать, может, тогда и услышат. Поднявшись на второй ярус квартиры, Рыбкин с интересом заметил, что в комнату поднялась вслед за ним лаборантка Белочка, поднялась второй раз, казалось, первой близости было достаточно, нет, только казалось. Барышня восемнадцати лет, тонкогубая, с копной рыжих волос. Оказавшись в постели, Коля с трепетом взглянула на круглую, точно яблоко Гала, розовую попку Белочки, ее треугольные, словно носы ориентальных котов, груди были мягки на ощупь. Мадмуазель прижалась к его бедру, и стало как-то хорошо и спокойно. Стало хорошо и спокойно настолько, что подлец Григорий Гробовой перестал волновать вовсе. Слышались гитарные переборы, кто-то спорил: ты не так поешь, ты поешь ла, а надо петь ля! – В таком случае предлагаю нам всем выпить по этому поводу мухоморной настойки, чтобы не бередить понапрасну душеньку нашу, душу! – вскричал хрипучий женский голос. Послышался звук рухнувшего, словно Гагарин в самолете МИГ-15УТИ, тела. – Ну, куда мордой-то в оливье! – запричитала с щенячьей грустью барышня, чей глас, точно родник, струился и звенел. Рождественская ночь была в самом разгаре.

Приступая к третьей главе, в которой Рыбкин и Бобров становятся коммерсантами, мы потеряли рецепт на рисперидон, чему несказанно расстроились

Человеческая насмешка над временем, двухлитровая банка с огурцами на стеллаже была родственно хорватской капсуле времени. Закопанной в тысяча восемьсот девяносто восьмом году. В ней хранилось послание архитектора Германа Болле, того самого Германа Болле, что руководил реконструкцией Загребского собора девятнадцатого века. В послании он выразил надежду: когда капсула будет открыта, пусть хорваты станут великой нацией. На наш скромный взгляд, великая нация это хорошо, но хорошо так же участие, а не победа. Коля рассмеялся, ему вспомнились слова, вычитанные в какой-то умной книге Бернарда Шоу: здоровая нация не замечает своей национальности, как здоровый человек позвоночник. Черный витиеватый шнур паяльника напоминал крысиный хвост. Также на стеллаже присутствовал самодельный фотофонарь, он испускал приятный красный свет. Синий одноступенчатый редуктор. Тронутая ржавчиной зеленая динамо-машина. Аккуратные стопки книжек: «Шестиклассники» Юрия Сальникова, «Дети синего Фламинго» Владислава Крапивина, «Та сторона, где ветер», «Жизнь на льдине» Папанина, что-то из Ивана Ефремова. Николай, полуоткрыв глаза, испытывал, что называется в среде озорных гуляк, похмелье. Белки рядом с ним не было, голубая простыня чудовищным образом смялась, обнажив матрас в засохших желтоватых пятнышках. Отец Спартак говорил, энурез не проявление слабости, но признак тонко чувствующей натуры, Поль Валери, по-твоему, не сикался, а Виктор Гюго, ты у меня самый очаровательный и талантливый ребенок, хныкал отец, становясь излишне сентиментальным из-за выпитого. А пил он в новом городе много, профессия у него была ветеринар, а граждане как-то не спешили заводить животных, опасаясь невидимой радиации. Темно-фиолетовая подушка со звездами валялась на полу. Гусиное перо медленно пикировало по комнате. Припомнились сновиденческие подробности. Пригрезился тщедушный юнец, по всему вероятию, немец, болотного цвета шорты до колен, подтяжки, вокруг произрастает лес. В руках мальчишка держал двустольное ружье, ребенок, прищулив левый глаз, выцеливал кого-то в лесной чаще.

Вдруг послышался радостный лай, к малолетнему охотнику на всех парах мчалась овчарка с невероятно шелковистой шерстью, с широко открытой пастью. Ребенок из моего сна чертыхнулся, оглушительный выстрел ушел в молоко, перебив тонкий ствол осины. – Дауфман, плохая собака, плохая! – накричал на животное неудачливый охотник. Опасливо гогоча, в багровую предутреннюю зарю устремился гусь, шурша листвой. Скрывшись в красных камелиях да в желтых нарциссах, прочь от оглушительного выстрела. Упорхнул этот гусь, расстроился мальчик. – Еклмн, вот так ночка, – тяжело вздохнул Николай, резко сев на кровати, потом свесился с нее. Стал шарить рукой по полу, наконец, под кроватью рука нащупала стеклянную бутылку боржоми. Бесцеремонно завопил репродуктор у самого подъезда: граждане, в связи с радиоактивными осадками сегодня, восьмого января, всем жителям города крайне рекомендуется принять таблетированную форму йодида калия, о всех подозрениях и недомоганиях просьба немедленно сообщать лечащему врачу, по возможности лишний раз не покидать дома! Рыбкин натянул голубые трусы, белую майку, для приличия позанимался гимнастикой по пособию Лаврова В. И приступил к водным процедурам. Центральное водоснабжения в Припяти пока не предвиделось. Путем нехитрых манипуляций каждая из ста пятидесяти семей обладала собственными очистительными резервуарами с чистой водой. В ванной на зеркале висела полуобнаженная Маргарита Терехова, манила, чего-то недоговаривала, если на нее не смотрели, шушукалась, плутовка. Щетина зубной щетки была чрезмерно колючей, рот быстро наполнился кровью. Николай хищно улыбнулся собственному отражению. Светлые растрепанные волосы, какой-то лягушачий рот, светло-голубые глаза, нос хрящеватый. В дверях ванной показался отец Спартак, прищурился по-кошачьи, почесал волевой подбородок, спросив: когда мы с тобой уже начнем заниматься боксом? Рыбкин прополоскал рот, перечная мята приятно обожгла десны. – Пап, у нас праздник в школе, давай ближе к марту, как потеплеет, мяса пожарим, матрас надуем, глядишь, не убьешь меня своим коронным,

– криво усмехнулся мальчик, похлопывая себя по щекам с проклонувшимся первым пушком. Побрызгав на руки духами «Командор», подросток растер шею. Пряные древесные ноты дубового мха дополняли легкие, нежные нюансы флердоранжа. – Хорошие духи я тебе подарил, нравятся, сынок? – активно беседовал Спартак. Аврора не пускала его с друзьями ловить сомов-гигантов, поэтому родственник вязался к домохозяцам с разговорами, готов был выступить в роли союза писателей. И в роли писателя выступить был готов, заплатить за издание собственных текстов, лишь бы не забывали, читали. – Бать, хорошие духи, что ты заладил, у меня сегодня театральная постановка, мне опаздывать никак нельзя, – посторонившись, Рыбкин вышел в коридор, усталый китайскими лизунами, кислотно-синими, кислотно-красными, всякими разными. Отец пригнал целую фуру, дело совершенно не заладилось, люди на такую гадость и смотреть не могли. И новый бизнес как-то не заладился.

Однажды глава семейства принялась разводить шиншил. Дело получило больший общественный резонанс. И стоит заметить, дамочки были крайне недовольны, что Спартак привез им шиншил карликов каких-то. Рассчитанных исключительно на китайских барышень. Не могли они взять в толк, наши соплеменницы, что для пошива среднего размера шубы требуется по меньшей мере сорок безвинно убиенных животных. Спартак слишком любил животных, поэтому привез одну-единственную шиншиллу в качестве первой партии, да и ту сдал юннатам. Николай, шурша тапками, вышел в коридор. Вместо обоев стены были заложены кирпичами. Спартака Семеновича, боцмана в отставке, бывавшего в разных странах, особенно впечатлила Голландия с ее многочисленными мансардами, центральным водопроводом и канализацией, правда, ничего из этого реализовать не получилось тут, в Припяти. Какие наши годы, говаривал Спартак, вот закончится бесконечно долгая ночь, а потом наступит рассвет. Любил повторять он, надсадно кашляя. А потом выучился на ветеринара, однако не пригодились.

– Кушай, милый, не подавись, – наставляла Аврора. Но Спартак Семенович был непреклонен, после пятой чашки кофе он делался борцом за права женщин и нес несусветный бред. – Наша сегодняшняя ночь есть куртизанка, падкая до бисера слов, что рассыпаны невзначай капиталистическими врагами, – расплылся отец, – вы когда-нибудь встречали сербскую королеву Елену Анжуйскую на чтениях стихов Чарльза Буковски, женщина это про молчание, когда звучит настоящая поэзия? – Коля Рыбкин потреблял пищу размеренно, никуда не спеша. Сегодня он точно решил прогулять школьную репетицию и отправиться со своим другом Бобровым на рынок, носящий изящное название шанхайка. Вареная колбаса напоминала щеки трудовика Толика, вчерашнего выпускника технического училища. Он был старше него на шесть лет, а строил из себя афганца-освободителя, но все знали, что отсиделся Толик в хозяйственной роте до самого вывода войск из зоны боевых действий. Не жадный отец намазал сливочного масла слоем в два пальца на кусок белого душистого хлеба. Хлебобулочное изделие не успело толком остыть, булочная располагалась в соседнем подъезде. Спартак первым делом, когда просыпался, шел сразу же туда, покупал коробку пончиков со сгущенкой, ватрушки, хлеб. Работал он неделю через неделю, возил ученых по местам особого научного интереса, подвалам «Юпитера», в Рыжий лес, к могильнику Бурякова. Все-таки полноценно работать ветеринаром по зову души у него не выходило. Ему только дай повод, начнет с полным ртом рассказывать, где, какой китаец от страха штаны намоочил, а где можно с лошадей Пржевальского повстречаться. – Итак, семья, выдали нам автобусы нового образца, «Иволга» называются. История об Иволге вгоняла домохозяцев в глубокую тоску, тоску, похожую на чтение «Тихого Дона». Рыбкин поцеловал мать в макушку, кивнув отцу, поспешил удалиться из кухни. Мальчик спешно доел бутерброд в дверях, за ним следовала мать, а Коля кланчил копейки, ведь это наша прямая обязанность, дело, можно сказать, нашей жизни, трести деньги с женщин и детей, – подумалось с усмешкой Токареву.

На кухне продолжало раздаваться: с повышенным комфортом, доложу я вам, поездки теперь, ход мягкий такой, будто не едешь совсем, плывешь! Аврора Евгеньевна, стоя в дверях кухни, спросила невзначай: Коленька, а что вам задают сейчас по литературе читать, я хоть и домохозяйка, но в литературе сведуща, я очень даже интересовалась стихами Евтушенко, Вознесенского,

о, то были боги в облиии сморчков! Мать призадумалась: однажды я передала записку из зала Евгению Александровичу, правда ли он предал коммунизм и Ахмадулину? Помнится, концерт пришлось спешно закончить, сотрудники госбезопасности потом ходили по залу, выискивали провокатора, смех да и только, хотя в бюстгальтере у меня тогда была динамитная шашка, мне отчаянно хотелось вершить историю! Женщина пила мелкими глотками какао из чашки в форме зеленого слоника. Сын от скуки поддержал разговор, он острием циркуля, что лежал на тумбочке в коридоре, подцепил мозоль на указательном пальце: ну, вот из моего любимого, Александр Еременко; электрический ветер завязан пустыми узлами, и на красной земле, если срезать поверхностный слой, корабельные сосны привинчены снизу болтами с покосившийся шляпкой и забившийся глиной резьбой! – Ужас какой, какая наркомания! – восторженно произнесла мать. – А по-моему, точные образы, не требующие никаких комментариев! – сказал весело отец, дожевывая бутерброд, на его плечи было накинуто широкое банное полотенце, усы топорщились – А ты мне когда последний раз стихи читал, не розы кованые дарил, а стихи вот искренне читал, в каком году? – начала заводиться Аврора, словно заводчица змей. – Пожалуйста, – произнес мужчина, приобнимая супругу за талию, – широк и желт вечерний свет, и нам нужна апрельская прохлада, ты опоздала на много, много лет, но все-таки тебе я снова рада. – Матушка покраснела рябиной, уподобившись Демьяну Бедному, увидевшему расстрел Фанни Каплан. Аврора едва не рухнула в обморок от изящных словес, произнесенных супругом. Спартак Семенович с готовностью подхватил суженую на руки. Хихикая, два половозрелых человека уединились в спальне для дальнейшего родео с элементами блаженства.

Коля чрезвычайно опаздывал, Славка Бобров ожидал его вот уже полчаса, бродя по аллее Курчатова, его даже несколько раз спутали с немецким шпицем. Близорукая бабулька в белой шубе в черную крапинку предложила, взяв за локоть ребенка: Жан-Жак, пошли домой, я котлеток вкусных приготовлю, пи-пи ты уже сделал, ветеринар говорил долго не гулять! Бобров не повелся на провокацию, отошел в сторонку, не удостоив дамочку ответом, котлеты, видите ли. Внезапное прикосновение холодных, как фраза «нам надо расстаться», рук, да прямо к шее, заставило мальчишку вскричать: женщина, я не собака! – Да, а как похожи, – протянула дамочка, рассматривая мальчика. После чего удалилась в сторону синих бесплатных туалетов, почти волооча задыхающегося черного мопса на поводке. Бобров успел выпить пепси в стеклянной бутылке, успел разбить бутылку о канализационный люк, растоптать снеговика. Некрасиво спеть звезду по имени солнце. И всерьез подумать, какой серийный убийца из него мог бы получиться. В сером пальтишке, в шерстяной кепке-восмиклинке, в зеленых кроссовках, Рыбкин выбежал на аллею Курчатова, помахал приветственно рукой товарищу. Славик в песочном драповом пальто, с русыми усами, в красной бейсболке напоминал совершеннейшего отморозка, способного отобрать пенсию у старухи во имя чего-нибудь неблагонадежного. В руках он держал полотно, завернутое в газеты. – Это что такое? – спросил Коля, прикуривая «Астру» без фильтра, сплюнул приставшую к губе табачную жилку. – Это мы сейчас будем продавать одному коллекционеру Ахматову! – пояснил довольный Слава. – А ну, покажи, какая у тебя Ахматова? – Рыбкин требовал подробностей, Рыбкин нуждался в конкретике. Пришлось развернуть полотно, на скамейке теперь лежал портрет Анны Андреевны Ахматовой. Чей выразительный профиль с горбатым носом вызывал у одноклассников нешуточный интерес. Бывало, самые отчаянные мальчишки уединялись в клозете с учебником русского языка и литературы, где присутствовала фотография Анны Андреевны, половое созревание порой принимало причудливые формы. Однако Николай ни разу не уединялся с профилем Анны Андреевны в клозете, воспитание, знаете ли, не позволяло. К тому же город стали наводнять журнальчики, в которых снимались настоящие актрисы, лишенные всякого срама, они обнажались и принимали интересные позы, любой пингвин мог им позавидовать. Славика же воспитывала одна бабушка, одна, заслужившая уважение Юрия Лотмана, Вячеслава Всеволодовича Иванова, Бориса Андреевича Успенского и прочих литературоведов, лингвистов из школы Тарту, бабушка. Внук совершенно отбилсЯ от рук, порой целый консилиум, состоящий из ученых мужей, а также не менее ученых жен осаждал квартиру Бобровых. С тем, чтобы при-

вести внука в чувство, отучить его торговать на черном рынке нижним бельем Зинаиды Гиппиус, губной помадой Лили Брик, картинами с дарственными надписями известных живописцев. Когда Чжан Сюанг останавливался в гостях у бабки Боброва, авангардист подарил ей картину, на которой были изображены три смурных узкоглазых гражданина, лица мужчин бледны, лицо женщины желтушно, словно дыня колхозница. Тогда удалось сбыть этот холст за две тысячи долларов какой-то немецкой чудачке, кажется, подружке Александра Бренера. Неровен час Бобров распродал бы бесценную коллекцию целиком, столь вожащенное для иностранных специалистов собрание, по правде говоря, стоило существенно больше той цены, что назначал обычно Славик. Однако Бобров был далек от вопросов искусства.

Стал накрапывать дождь. Кому-то был мил чей-то взор манящий, и алость чьих-то близких губ была мила, и дождь чуть слышно морозящий, и зелень острохвойных куп. Николаю Рыбкину все это было не очень-то интересно, он придирчиво оглядывал освобожденное от газет полотно. – Это знает кто нарисовал, это нарисовал Натан Альтман, ученик Репина, возлюбленный моей бабки, – Славик говорил так, как будто имел представление, о чем он говорит. Поэтесса восседала на табурете, небрежно закинув ногу на ногу, темно-синее платье, руки сложены внизу живота, грациозный изгиб длинной шеи, выпирающие ключицы, аристократическая белизна кожи. Оголенное плечо как будто бы просит, чтоб его лизнули. Спина закрыта шалью темно-медового цвета. Иссиня-черные волосы поэтессы собраны в пучок, длинная челка. Локти, колени, туфли, табурет и даже подбородок написаны под прямыми углами. На заднем плане виднеются треугольники, многоугольные фигуры в серых, голубых, желтых, сиреневых тонах. Неровный пол, как будто разрезан четырехугольниками коричневого цвета.

Все до единого предметы на портрете состоят из ровных линий и углов, ровных линий и углов. – И за столько мы можем продать эту картину? – задал весьма корректный вопрос Коля. Славик застегнул молнию своей олимпийки до самого горла, поднял воротник песочного пальто, раздумывая, ответил: подруга моей бабки сказала, что этот портрет неправдоподобен и страшен, что Ахматова на нем какая-то зеленая и угловатая, думаю, можно продать тысяч за пять долларов, ценители некрасивых женщин найдутся всегда. Согласно учению Роберта Льюиса Стивенсона, Коля бы предпочел спрятать данную картину до времен, пока белогвардейцы предложат нормальную цену, пять тысяч долларов, тьфу. – Кстати, хотел тебя всегда спросить, сколько ты уже накопил денег и куда собираешься их тратить? – поинтересовался Николай, пока подростки шли вдоль медицинской части. Там в подвалах шлемы, куртки, там в подвалах разная одежда, снятая с первых ликвидаторов чернобыльской аварии. Излучение безобразное, тысячи миллирентген, рвущих живые тела на части, радиоактивная скотобойня. В девяностых, рассказывали, мародеры без дозиметров, специальной защиты, залезли туда, искали чего-нибудь интересенькое, трогали одежду руками, перебирали шлемы пожарных. Потом ожоги страшные получили, потом к Петру за яблоками отправились. В подвал этот лучше и не заходить, нам в школе об этом в первую очередь сказали. Хорошо, что окна-лазейки бетоном сейчас залили да песком засыпали, чтоб дурашки не лезли, а то был человек – и нет пять сразу человек, деление и умножение в чистом виде. У нас была общая история с Бобровым, события не вымышлены, не сомневайтесь, можете у него потом спросить.

Наш бывший одноклассник Артур, весьма бандитских наклонностей ребенок, чей отец торговал бананами и людьми, перевозил в коробках из-под бананов граждан ближнего зарубежья. И был убежденным Джоном Диллинджером со всеми прилагающимися побегами, судами, взятием заложников в тюремной клинике для душевнобольных. Погоней на БМП за Ельциным. Тихой служебной должностью в администрации президента. И последующим смертоносным укусом шмеля. У нашего этого одноклассника Артура по прозвищу Черная ласточка смерти, по нелепой случайности оставшегося на третий год в пятом классе, была любимая присказка. Присказка такая: можно сдохнуть каким-то уж слишком по виду вялым, можно сдохнуть спокойно, так и не став бывалым, можно сдохнуть перенося соседям полуавтомат Вятку, можно сдохнуть, как голодный питбуль сердитым, можно сдохнуть, будучи типа Антоновки, кислым соком нали-

тым. Однажды он проигрался в карты, а времена стояли весьма вегетарианские, никого еще за проигрыш в карты не лишали чести, даже мизинцы не отрезали, договорились, что наша черная ласточка смерти спустится в подвал медицинской части, с этим не должно было возникнуть никаких проблем, на двери еще не повесили замки. И наш Артур, дабы не прослыть фуфлом, в криминальной среде фуфлом называли гражданина, что не сдержал слово, гражданина, на которого положиться не представляется возможным ввиду его ненадежной сущности. Такому человеку руки для приветствия не подаст даже физрук. А также фуфлыжников называли прочими обидными словами, к примеру: плакса, вакса, гуталин, проглотил горелый блин. Или же просто ставили на счетчик, за каждый день промедления сто рублей. Артурчик по условию сделки должен был провести в подвале шестьдесят минут и принести в качестве доказательства своего присутствия в этом имманентном пространстве, куда, между прочим, повадились ходить кришнаиты за просвещением, принести Артур должен был кирзовый сапог. Помнится, вернувшийся минут через десять мальчишка приобрел удивительный вид. Голова его сделалась плодом ландыша, белая-белая, сам он неистово заикался и даже намочил модные тогда вареные джинсы. Зато перестал быть злостным обманщиком, ибо тюремное общество есть детский сад с элементами пьес Эжена Ионеско.

– Что еще хочу сказать, коллега, феназепам бесповоротно испортился, теперь в нем столько мела, что впору им рисовать на школьной доске номера всех кобыл, что мне не дали воспользоваться в должной мере их телами! – делился наблюдениями Бобров, иронизируя. Мальчишки шли у самого колеса обозрения, поскрипывающего от дуновений ветра. Прямо перед ребятами упал желтый кусочек отколовшейся краски. Болезные машинки в луна-парке, стоило только отвернуться, меняли свое положение, вы слышали скрип, машинка теперь ближе. В чернобыльской зоне отчуждения мало что зависело от человека. Кто ж вам расскажет, почему в трансформаторной будке, давно обесточенной, бьет электричество, или о других странностях. Дышать сухим смолистым ароматом было приятно. Правда, ко всему прочему, к лесному оркестру примешался стойкий запах керосина. – Да, а еще от эпилепсии перестали давать бесплатно таблетки, – под держал Коля, обходя по дуге лужу с бензиновыми разводами. Ребята шагали по растрескавшемуся асфальту, сквозь который проросли ромашки, четырехлистный клевер, сорная трава. Растения уподобились ворам-медвежатникам, с легкостью взламывающим сейфы, поразился метафоре Коля, но тут же признал ее несостоятельной. А Славик все-таки ответил, для чего ему понадобилось столько денег: понимаешь, хочешь мне купить себе хозяйство, плантацию, дом двухэтажный, мансарда обязательно, скотину заведу, буду писать книгу, как Редьярд Киплинг, надо где-то осесть, старик, возраст, сам понимаешь. Ребята шли в тишине по песчаному карьеру, наконец Бобров произнес: главное закончить девять классов без троек, деньги будут, прорвемся, бабушку очень жалко, стала забывать все, что делала пять минут назад, деменция, наверное, найму для нее самую лучшую сиделку.

Далеко-далеко виднелась многоэтажка, ее заволокло дымной епанчой, в школе недавно проходили восемнадцатый век, а старообрядцы оказались смелыми дяденьками, а крепостное право отстой. На крыше дома по улицы Труда виднелись огромные выцветшие буквы, они читались с трудом, словно Николай был учеником класса коррекции, впрочем, в ДК «Энергетик» обучались дети самого разного интеллектуального уровня, надпись была такова: слава труду. Славик обольстился подобным обращением, быть рабочим у станка, вроде, престижно. Только было не совсем понятно, лучше, конечно, стать физкультурником, обучаться в педучилище, где много хороших цыпочек, небезынтересно проводить свои лучшие годы, а в ПТУ одни гопники, болтающие через губу, чего доброго, втянут в плохую компанию. Выбор стоял еще тот, куда податься. Стоит сказать, построить табуретку было несложно, Рыбкин прекрасным образом владел искусством боя крестовой отверткой, мог по чертежу сколотить шкаф, поменять розетку, прочистить трубы на кухне. Впрочем, Слава и Коля были мальчишками гуманитарного склада ума. И вся эта философская теология, естественная теология, религиозная метафизика, рациональная теология, христианская философия были чужды, были до лампочки Ильича, что продолжает гореть двад-

цать девятый год без всякой замены в их подъезде. – У тебя деньги есть, давай на таксо поедем на рынок торговать! – предложил Рыбкин, услышав, как гремят пятаки в карманах друга.

Товарищ замялся, словно был бумажнымидесять рублями девятию седьмого года выпуска. – Ой, я настолько обаялся этой буржуазией, что потерял по дороге в школу все деньги, что мать выдала на завтрак, – пожаловался Бобров. Затем достал что-то из внутреннего кармана пальто, протянул друг стопку карточек. На одной была дородная дама с рыжими волнистыми волосами, по пояс она стояла в темно-синей воде, рядом с нею плавала ракушка, внизу картинки было красиво выведено: Венера. Другое изображение, три голенькие девицы, у каждой по красному яблоку, они стоят полукругом у костра. Особенно Коле запал в душу этюд с барышней, что обнимала шею гуся, особенно даже не это, особенно лобок барышни, словно шкурка свежего персика. На четырех оставшихся карточках девы возлежали на перинах, их руки как бы невзначай прикрывали промежности. Шумели кроны деревьев, сосен, лип, вязов. Неожиданно Николай вспомнил слова своего учителя из Брянска: чтобы книгой сделался лес, надо не по верхушкам глядеть, милок, а к земле нагнуться, в мелочь вникнуть, копеечку поднять, опохмелиться дело нужное, нужнее, может быть, фотохимической реакции!

И как бы нехотя дружок признался также: эти еще, сто пятьдесят рублей отобрали, интернатские, пока я тебя утром ждал, подошли, поздоровались, слово за слово. Про интернатских Николай был наслышан, в родном Брянске была колония для малолеток. Ох уж, интернатские говорят красиво, умнейшие люди, куда только интеллект пропадает, доказать, что ты слон для них ничего не стоит, или с незнакомой девочкой знакомится: я вас любил, любовь еще, возможно, что просто боль сверлит мой мозг. Девчонки, ревностью томиться в таких случаях возбраняется, а уж давать взаймы и подавно не стоит. И вот уже очередная ученица Василия Сухомлинского или Антона Макаренко, что искренне верует в перевоспитание, преданно несет мерзавцам белое полусладкое, красное столовое. Раззявив рты, внимают очередной слезливой истории, которую с легкостью мог написать Анатолий Приставкин. Да так написать, что повесть ввели бы в школьную программу. С этими интернатскими держи ухо в остро, отвертку в кармане, был научен Коля, овладел этой житейской наукой на высший балл. И поколочен был не раз, и сам носы и губы разбивал. Но никогда от своего не отступал, заднюю не включал.

А как встретятся эти восьмиклассники, которые из детского дома, для человека неподготовленного – все, суши весла, смущения, страха показывать даже не смей. Пусть тебя обхаживают, мол, войди в положение, у тебя мама, папа есть, а мы сиротки, у нас иной раз и пожрать нечего, ацетон подорожал! А зачем вам ацетон, уважаемые, интересуюсь я невинно. А они говорят, вот у тебя папа есть, мама есть, а мы ацетон мешаем, дышим им, к нам гномики приходят. И получается, что кроме гномиков у нас никого на белом свете. Частенько Николай встречал этих горемык в городе, народ у нас доброжелательный, депрессии не подвержен, как эта, Эми Уайнхаус или Курт Кобейн, вы не подумайте, честный трудяга у нас последний ломоть хлеба беспризорнику отдаст. Народ у нас, как сказал классик, вместить в себя может все, у народа нашего не голова, а дом терпимости. А вообще странно, думал Рыбкин, в лесах столько дичи мелкой, грибов, ягод, горячих пятен стало меньше. Карты чистых мест обновляются чуть ли не каждую неделю. Опять же, два фонда помощи обездоленным организовали. Одежду такую выдают, закачаешься. Допустим, плащик светло-зеленый, мягкий-мягкий. В дождь его наденешь, а он цвет меняет, становится темно-синим. И теплый, к тому же, осенью можно с одной футболкой носить, не замерзнешь, не мамонт.

Серая мухоловка на липовой ветке, склонив голову набок, следила за мальчишками. Мальчишки шагали по обочине, углубляясь в чащобу категорически возбранялось. Там искрилась лужа, электрические щупальца хлестко стегали землю, словно земля была строптивым скакуном, красным конем Водкина даже не пахло, если вы понимаете, о чем я. Над самым ржавым БТРом мерцала сфера, левитацией нынче удивить трудно, только человека приезжего из города. А для местных в порядке вещей подобные экзерсисы наблюдать. Одна одноклассница, четырехглазая Ксю, рассказывала, как ей однажды посчастливилось взобраться на этот БТР и коснуться сферы.

Говорит, что теперь может видеть осознанные сны-пророчества. Славка закурил, метрах в двухстах лежала на боку цистерна, надпись «Горизонт» почти стерлась. Ржавый бок цистерны был распорот, в зияющем отверстии виднелся красный торфяной мох. В сущности, безвредная вещь-ца, но попробуй минут пять в замкнутом пространстве с этим сфагнумом посидеть, такие галлюцинации начнутся, словно половину домашней аптечки разом принял. Верить начинаешь, и в то, что Борис Виан «Я приду плюнуть на ваши могилы» не писал, и в то, что из состава феназепамы наконец уберут столько ненужного мела. И что СПИД вымышленный недуг, будешь верить так же. Лишь вера у нас и осталась, да гудящий благовест, призывающий к молитве, милые читатели.

– Кстати сказать, ты уже выучил, какими могут быть редуторы, цилиндрические, канонические, планетарные, волновые, комбинированные, выучил, не выучил? – спросил между делом Бобров, закуривая сигарету «Космос». На столбе рупорного громкоговорителя висел синий плакат с Валентиной Терешковой, на голове Терешковой красовался скафандр. Женщина-космонавт смотрела как будто с осуждением на мальчика, что же ты, не успел стать пионером, а кто успел, тетенька, кто успел. Однако Бобров, глубоко затянувшись, выпустил сизую струйку дыма, поправ любые авторитеты, ведь являлся заядлым оппортунистом. Николай Рыбкин, ударив длинной палкой по кустам крапивы, спросил: и все-таки деньги немалые, проще, наверное, потратить их с меньшим, что ли, размахом. Бобров опять заладил: понимаешь, Колька, вот я услышу, как шумит, значит, мой молодой лес, посаженный мною лично, слышу и приходит ко мне осознание, что климат немножко в моей власти, и пусть тысячу лет спустя человек, не просто абстрактный человек, праправнук мой будет счастлив, потому что все это благодаря мне он видит, осязает, смекаешь? Слава Бобров чрезмерно озаботился вопросом собственного будущего. Люди постарше, в том числе те, кто жил в этих краях до аварии, а теперь вернулись, они вернулись преимущественно дожидать. А все эксперименты, сто пятьдесят семей, уникальнейший заповедник, флора, фауна, которой нигде в мире не встретишь. Та еще авантюра, вот родители Рыбкина, они не столько в помощь науке приехали, сколько развлечься, да, набраться свежих впечатлений. Семья же Бобровых приехала на полгода раньше. И то, как приехала – бабушка с восемьдесят седьмого тут проживала. В доме своих еще родителей. Внучок у ней был проблемный, от него отказались многие детские дома, воронежский, омский, тульский; проще перечислить, кто не отказался.

И поселили Бобровых в пятиэтажку на улице Дружбы народов. Бабушке Аглае, как герою труда, ремонт сделали за счет научного института, удобства провели. Сдружился Рыбкин с Бобровым. Сначала приятелиствовали, в ДК «Энергетик» всего три класса, в первом учатся с восьмью до двенадцати лет, во втором с двенадцати до пятнадцати, а в третьем с пятнадцати до восемнадцати, так оно удобней выходит. Как правило, приятели переходят в разряд лучших друзей по причине соседства и схожих взглядов на голых девчонок. Однако Николая и Славу связывал безграничный интерес к мистическим проявлениям зоны отчуждения. Комната Славика была заставлена предметами, способными удивить коллекционера Джона Уэйна Гейси. К примеру, в подвалах завода «Юпитер» до того, как «Юпитер» снова стал служебным объектом, Славка нашел заспиртованный мозг, теперь колба стоит у него на окне. Когда у бабушки Аглаи поднимается давление, она прикладывает ко лбу этот самый розовато-серый чужеродный орган. И все моментально проходит, а еще улучшается настроение, перестает ломить кости. Но особенно Колю влекла картонная детская маска медвежонка. Необходимо было примерить ее, взглянуть глазами мишки на что-то, как сразу же твое зрение переносилось на сотни лет в прошлое, чаще всего в дореволюционные времена. – Вы довольно лукавы, хочу вам сказать, хотя и сильны в арифметике, однако нытик вы неопикуемый, женщины таких не любят, – лестила в старомодном закрытом платье практикантка. Лестила на свидании у старого клена золотоволосому, кудрявому гимназисту. Такую сцену однажды увидел Николай.

– Кого я люблю, – задумался Бобров, – я люблю Эмили Дикинсон, она такая, она не боится погибнуть от восторга на берегу желаний, прикинь, ей не страшно погибнуть в океане страстей, вот, что я думаю, – Славка удивил меня этим своим изречением. – Скажи всю правду, но не сразу, а то умру я от красоты, – продолжал витийствовать Славка, – как-то раз сказала Дикинсон. – Упи-

танный барсук с двумя премилыми белыми полосками на мордочке неуклюже выбрался из подвального окна пятиэтажки, шумно принялся, засеменял в сторону детского сада «Яблонька» по улице Спортивной. Садик граничил со старым Семиходским кладбищем, оградки уж никакой в помине не было. Черный щенок у желтой конуры, прозванный в простонародье Мухой, размеренно грыз куриную косточку. Белая подпалина на покато лбу. Лапки маленькие, тело маленькое, словно не зверек, а сборная игрушка из киндер-сюрприза. На могилах лежали конфеты «Ромашка», «Мишка на Севере», половинчатая бутылка водки вызвала бурное желание: закинуть за воротник. – У мертвых брать нехорошо, – видя мою заинтересованность, пожурил товарищ. Жутчайшая сколопендра ретиво скрылась под облезлой зеленой скамейкой. Все поросло бурьяном, крапивой, борщевиком, тонкие, как ручонки дистрофика, веточки клонились к земле, плоды ежевики напоминали уродливые бугристые головы. Мы возвращались той же дорогой. У самых покосившихся ворот детского сада стояло два деревянных ужасающих льва. Каждый много рлсее и крупнее нас. Они провожали подростков большими черными, перламутровыми пуговицами-глазами. Они могли сойти за Карла Ясперса, Льва Шестова, и даже Ханну Арендт, что решилась бы вдруг стать детской скульптурой на потеху завтрашних компрачииков, дяде Рубику, монтеру лифтовых установок.

Безотчетный страх, подобный страху проснуться в криогенной камере, охватил меня, стоило лишь услышать удары резинового меча по лестничным ступеням в глубине детского сада. В нестерпимо зачесавшемся лице я распознал признаки диверсии. Резь в глазах, подступившая тошнота, пальцы пахнут горьким миндалем, привкус металла во рту, слизистые раздражены. Все указывало на химическое отравление. – Вероятно, мы попали под химическое облако! – крикнул я своему другу. И мы побежали как африканская сборная по бегу.

Миновав неужоженное кладбище, мы вышли на поляну, поросшую мхом, недавний дождь окропил листья смородины, лиственные деревья казались хилыми, как писатель Стивен Кинг. – Бывает, что те черныбыльские жители, в разоошейся одежде, у кого-то глаз уже нет, суставы плохо гнутся, кожа вся облезла, одни мышцы видны, – Славик примолк, его монолог показался излишне депрессивным. – Ох, мне совершенно не нравится твое аллегорическое толкование, – несмело произнес Рыбкин. Бобров рассмеялся, словно его щекотали тысячи перышек, произнеся: на Семиходском кладбище по ночам случаи такие были, встречаются упыри и обращаются к живому человеку, они вреда причинить не могут, но картинка жуткая, слоняются себе там да мычат. Две желтые овсянки, чирикай, пролетели над раскуроченным карбюратором, что лежал на крыльце заброшенной автомастерской. Погода была не январская, в январе обычно объявляют ЧП в Азербайджане, и Нагорно-Карабахская автономная область вынуждена страдать. А еще в январе останавливается сердечко гангстера Аль Капоне. В январе, если вы помните, скончался отец советской космонавтики Сергей Курчатов. А в нынешнем же январе ничего подобного не наблюдалось. Выдалась аномально жаркая пора, ни о каком ненастье речи быть и не могло, это исключено.

Мы вышли на проселочную дорогу. Впереди шел грибник в бежевой куртке, в зеленых резиновых сапогах, в шляпе с москитной сеткой, в руках у него была корзинка. – А ты знаешь, что старший брат Волкова, который еще работает на пилораме, он, представляешь, нашел пачку «ТУ-134», которую курил один из ликвидаторов еще в восемьдесят шестом! – сказал товарищ. – И что, пачка и пачка, наверное, весь табак уже высох, беспонт откровенный, – возразил Рыбкин. Мальчики шли мимо комариной плеша, что притаилась в развалинах старого депо, сплюснутая, как консервная банка газель, жужжит мошара. Пространство вибрирует, пульсирует. В область действия наступишь, все тело переломает, станешь как фарш на комбинате. – Это пачка особенная, облученная, неизвестно, сколько времени она провалялась и где, – рассказывал Бобров, жестикулируя, словно являлся обладателем кататонического синдрома. – Но дело в другом, когда куришь сигаретку, брат Волкова мне лося пробил за то, что я попробовал, но я просто ко рту поднес, а вот друзья брата рассказывают, что когда куришь такие, то разные картинки видишь. Говорят, в кабине пилота оказываешься, вокруг стюардессы, граждане, и все так реалистично, ну,

вроде ты, и в то же время не ты за штурвал держишься, уши закладывает. По рации тетка электрическим голосом кричит: снижайте высоту, борт ИЛ-86, до греха не доводите, вы меня слышите, передайте, как слышите? – а чтобы управлять летательным средством, дорогой Коля, тут одним моделированием самолетов не обойдешься, тут и аэродинамика нужна, авиационное материаловедение. – И что же, ты решил выкрасть и продать эту пачку? – риторически спросил Коля. – Ага, сто баксов сигарета, все вместе пятьсот! – Бобров являлся тем еще коммерсантом. – А много вообще в городе граждан помимо самоселов? – поинтересовался Рыбкин. Их семья заселилась месяца четыре назад, с общими правилами жизни они были знакомы, а вот подробностей не знали. У теплотрассы, надземной трубы, обмотанной фольгой, происходила настоящая феноменология. Рыжий кот жрал большущую белую крысу. Это было конкретное явление, не требующее, чтобы его описывали, а уж тем более истолковывали. – По-разному, кто-то обслуживает станцию, энергия-то никуда не делась, кто-то в швейных цехах платья для Москвы шьет, столярка у нас работает, в Белоруссию мебель отправляем, – докладывал Славик.

Дорогу мальчишкам преградила перерубленная береза, прощальные слезки капали из места, где немощное деревце перерубил топор лесника. Из трубы сосенной избушки валил синеватый дымок. В доме кто-то ходил, тяжелые шаги, скрип половиц. Черепичная крыша изрядно прохудилась. Казалось, взберись на плечи друга, увидишь чердачное убранство. Взвились курки ружья, вспомнились слова Бориса Васильева: не стреляйте в белых людей. Ни одна из страниц Колиной книги не была проникнута любовью к родине и природе. Должно быть, по-настоящему Рыбкин любил только маму, папу, да Кристину Баранову. Почти физически мальчик ощущал, как ружье целится ему прямо в лоб. Бобров был того же мнения, смерть близка, поэтому он поднял над головой руки, стал договариваться: дяденька, мы на рынок идем, ничего плохого в виду не имеем! Тут Николай приметил два колышка у самого крыльца, на колышки были насажены противогазы ГП-4У, они же слоники, знак сам по себе отвратительный, хозяин ненавидел прогресс и науку. Мальчику стало неуютно, он вспомнил чудное мгновение, когда Баранова на большой перемене разрешила заглянуть под свое платье, пришлось отдавать ей потом деньги за три завтрака. Послышался старческий голос: вот и проваливайтесь на свой рынок, нечего ко мне в душу лезть! Пожилой гражданин рассмеялся, по случайности выстрелив где-то в избе, что-то рухнуло, послышался звон разбитого стекла.

Подростки припустили прочь от дома. В левом ухе у Боброва гудело, Николай держался молчком, приговаривая: во дела, во дела, пока не родила! Брели по валежнику, шишки хрустели под ногами. Не разговаривали о случившемся, молчали о случившемся. Родители Николая, Аврора и Спартак, по молодости были настоящими авантюристами, в племени каннибалов успели пожить, кого-то даже там скушали, по парижским катакомбам гуляли, костей привезли, Рыбкин слышал историю матери, как они на Соловецких островах взяли по булыжнику, тяжелому такому булыжнику, килограмм по пятнадцать, двадцать. И в течение суток, не проронив ни звука, просто несли свои камни на Секирную гору, это называлось у них смирение. Как много в Чернобыле смирения, подумалось мальчишке. А ведь живет себе пожилой человек, есть у него дети, внуки, непонятно. Может быть, он нас и прогнал только потому, что не знал, о чем спросить, кто президент Америки нынче, на месте ли район красных фонарей, какой срок правления пошел у нашего президента. Бедняга, чего тут добавишь.

Вышли на еще одну опушку, посреди которой стоял строительный ковш в не очень хорошем виде, желтая краска кое-где облупилась. Рядышком с ковшом покрывки от грузовиков, чуть поодаль зеленая будка из жести. В папоротнике притаился серый кролик, носиком своим вынюхивает. Ива остролистая, ветки бордовые, бедовые, как будто напитались кровушкой. Солнце печет. Дозиметр на шее сто пятьдесят микрорентген показывает, пунктуален, стервец. – А ты о нашем известном грейферном ковше смерти, он же тиски смерти, не слышал? – Коля с Бобровым, не доходя до строительного приспособления шагов десять, беседовали. Они стояли на высланной иголками дорожке. И не дожидаясь ответа, товарищ продолжил: к нему подходить вообще нельзя, говорят, им разгребали завалы на крыше реактора, то ли с крыши блока, то ли остатки урана и

графитовые стержни переносили. Вот мы сейчас в шаге от него стоим, прикинь, а дозу получаем триста рентген в час, а если в него залезешь, то там вообще, пятнадцать тысяч рентген, как сеled-ка на солнышке зажаришься.

Рыбкин поздно сориентировался. И впрямь они подошли вплотную к ковшу. – Один знакомый знакомого на спор провел в нем три минуты, с тех пор он исключительно на китайском разговаривает, по-русски ни бум-бум. – Для него специальную школьную программу даже разработали. Хотя в самой попытке перевода на другой язык уже заложена ошибка, важно ведь что, систематический подход, методика, – рассказывал дурашливо Бобров. Мальчишки направились ко второй медицинской части, черные подвальные окна напоминали глаза деда-паука из кинофильма «Унесенные призраками». – Важна репутация, писатели есть великие и рядовые, а кого можно в первую очередь перевести, вопрос, индийцам нужен автор медик, французам какой-нибудь извращенец, – Слава, довольный собственными речами, едва не угодил в яму с жаровней, где-то рядом был газ. Коля успел оттолкнуть товарища. Метра на два вверх взвился огненный столб. Как будто бы чиркнули огромным колесиком, пламя напоминало вечный огонь, вечный огонь наших павших на городских контрольных товарищей. Сухостой прогорел стремительно, солнце клонилось к полудню. – А сейчас он где, этот китайский мальчик? – Рыбкин растегнул бежевую с белыми полосками мастерку, на груди белой майки растеклось потное море, наверное, соленое. – Увезли его на историческую родину, все же просто, думает и говорит человек на китайском, китаец и есть. – Подростки завернули за угол медицинской части, осколки кирпича и стекол скрипели под ногами, Коля спросил: а ты сам туда не спускался? – Ну, ты и дебил какой-то, лазили, еще как лазили, только старшаки, в подвале больницы же загрязнение самое высокое, туда сбрасывали вещи ликвидаторов аварии. Рыбкин с размаху пнул консервную банку в кусты можжевельника, откуда донесли исполненные проклятий междометия. – Ты зачем Петра Михайловича обижаешь? – то ли всерьез, то ли шутя поинтересовался товарищ. Ремарка, без ремарки никуда: междометия это слово или выражение, которое возникает как самостоятельное высказывание и выражает спонтанное чувство или реакцию. И для закрепления материала вот вам примеры: ой, вот это да, о, э, эх, ну и ну!

В четвертой главе Рыбкин и Бобров убили Анну Ахматову

А Петр Михайлович являлся бомжом. И успел он еще до своей бомжатской жизни простить дочурку за то, что она предала его, переписав на себя квартиру родственника. И полюбить успел, не обзавясь никого обидеть, а также обучился жить на улице, к тому же притворного прощенья не ждал наш Петр, бродил и любовался белым светом. Старинной речью обладал, пока не выперли из института, где он преподавал религиоведение. Любил весеннюю грозу в начале мая, в раскатах грома слышал разговоры из прошлой, прошлой жизни. Мечтал услышать детский смех в квартире, прописки не было, увы, но были чердаки. Он, словно горлышко в ангине, уж позабыл, как папа пел ему, как ныне было то: вставай Петруша, в школу, вставай наш вещий, вещий наш Олег! Петр Михайлович жил где придется, на железнодорожном вокзале, в школе, иногда в раздевалке бассейна, однажды видели, как он смиренно посапывал в кабинке на самом верху чертова колеса. Говорят, радионуклиды для него что мошкар, в питании неприхотлив, бродит и бродит по этим солнечным палатам, в мусоре копошится. Прильнет к сосне корявой и чувствует: мне только десять лет. Удивительный гражданин, бомж Петр Михайлович. Между прочим, старейший житель зоны отчуждения. По слухам, живет здесь с конца семидесятых, а это очень, очень давно.

Бобров, смущаясь, выдавил: извините нас, Петр Михайлович, мы не нарочно банку в вас кинули. И подростки спешно направились в сторону ромашкового поля, посреди которого застыл автобус. Оранжевый, как порошковый напиток Yurі с апельсином. А имя какое, Икарус. Причем в таком состоянии необычайном, ни царапинки, окна что совесть Юрия Деточкина, весь такой выхолощенный, рядом пройти страшно, мало ли, ненароком поцарапаешь своим дыханием. Стоит в поле автобус этот, никого не трогает, и ты не тронь. Автобусу лет двадцать пять, не меньше,

никто за ним не ухаживает, а он как с завода. Это еще что, из него по временам играет музыка еле слышно, прямо из магнитолы, «Лебединое озеро» или, там, советская эстрада. Говорят, не успели уехать граждане, когда взрыв на станции случился, пропали пассажиры, испарились и все тут. – Давай сходим, тут идти-то метров пятьсот! – прищурился Колька. – С дуба рухнул, ты человек новый, думаешь, не пытались, вон отец Левкина на праздник морского флота, дерябнул наливки, порвал на груди тельняшку, пошел проверять. – И что ж говорит отец Левкина? – Рыбкин жевал горький колосок. – А ты сам спроси, вон полгода уже сидит, одна голова виднеется. Николай получше всмотрелся, возле водителя сидел черноволосый мужчина, глядел прямо перед собой, не подавал признаков жизни, впрочем, его и не просили их подавать. – Жена за ним решила не идти, женщины чувствительные натуры, Елена Троянская целый город совратила, Мата Хари фашистов до белого каления довела, в общем, жена Левкина под мышку схватила сына и уехала к дальним родственникам во Владивосток. А Икарус теперь наша местная достопримечательность. Месяцев семь назад приехала съёмочная группа из Польши, тоже сгинули, вон, в салоне сидят. Да, Коля, свободного времени у нас достаточно, но есть ли у нас время подумать, вот в чем загвоздка, – произнеся это, Николай сплюнул длинной ниткой слюны в ближайшие кусты барбариса, откуда незамедлительно прилетел пустой пакетик из-под ананасового сока.

Считаю необходимым обратиться за комментарием к автору данной истории, Мише Токареву: излишне часто мои герои плюются, курят, благо не матерятся. А дело обстоит, друзья мои, в упущенном воспитании, коему я не успел вовремя подвергнуться. И так уж случилось, на всех группах анонимных невротиков, в отделениях психиатрической помощи, неврологических стационарах, когда собеседники вынуждены представляться: Уильям Стюарт Берроуз, любитель опиума, друг Аллена Гинзберга, Джека Керуака, автор экспериментального романа «Голый завтрак», человек больной, в чистоте сорок восемь часов и две минуты. В моем же случае подобные излишества совершенно не к месту. Достаточно сказать просто: Миша Токарев. И люди в недоумении начнут хлопать, ибо понимание будет присутствовать у людей, человек, не считающий каждую минуту своей чистоты, не наркоман, не алкоголик. К тому же, это в некотором роде честь являться простым Мишей Токаревым, не находите? А то, что плюют да курят, их выбор!

Недалеко от гостиницы «Полесье», первые три этажа которой недавно отреставрировали, собрались мужики, шел обеденный перерыв. Человек двадцать в темно-синих куртках-спецовках, у каждого по двухлитровой банке в руках. Усы наличествуют у всех, и ни у одного в усах капуты, усы благопристойные, расчесанные. Тут же в оранжевом ларьке дамочка в белом переднике, лыжной синей шапочке. Как будто коллективная гражданка, составленная из прочих гражданок. Нос как у Инны Чуриковой, глаза как у Татьяны Друбич, скулы как у Людмилы Гурченко, не помню, после какой операции, волосы как у Ирины Апексимовой, улыбка как у Фаины Раневской, зубки как у Нины Усатовой. Бобров и Коля как раз подошли к гостинице. До рынка было топтать минут сорок, а тут автобусная остановка. Рынок считался черным, правда, считали его черным служители правопорядка, гэбисты и разные агенты внешней и внутренней разведки, диссиденты сомневались, сегодня у них рынок черный, а завтра ничего такой, можно что-нибудь интересное и прикупить. Литературы какой, предметов искусства старинных. – По пиву, может? – рыбно спросил Вячеслав. – А куда наливать-то, банки нет? – погрустнел Рыбкин.

В очереди беднели рабочие, их стальные языки звенели в луженых глотках. – Где ж еще сыскать такую заповедную природу, у нас тут водятся лошади Пржевальского, табунами ходят, туда ходят, сюда ходят, вон, вчера под окнами яблоню мне целиком съели! – расплылся господин с глазами навывкате и редкими белобрсыми волосами. – А европейские рыси, Сережа, даже не говори, – добродушно похохатывал гражданин в бирюзовой панамке с непокорными рыжими бакенбардами. – Само собой, енотовидные собаки, лоси, зубры, бурые медведи, даже выдры, представьте себе, – смеялся как ребенок мужчина, напоминающий Альфреда Хичкока. – Да, конечно, встречаются по-прежнему горячие места, но ведь природа как-то обходилась тысячелетиями без людей, обойдется, ничего ей не будет, а мы, как мышки, прыг в ямку, скок на ветку! – хвалили почти хором родной край рабочие. Женщина молча разливала пиво по чужим банкам. Граждане

занимали места у круглых стоячих столов. Сдували пену, делали первые глотки, охали довольно. На их лицах блуждали улыбки. И жизнь хороша, и жить хорошо. И не имеешь больше власти хранить в себе любовные страсти.

К будке подошел джентльмен сорока лет в вязаном сером свитере, очках в квадратной оправе, из его русой бороды торчала тонкая кисточка для акварели. Он весьма деликатно, ногтем, постукал в окошко. Продавщица пива, прищулив перламутровые глаза, сказала с явным неудовольствием: банку. Коля как посмотрел на этого, так ему грустно за него стало, ну, мямля, истинно мямля. Вот-вот расплатится. – Но ведь я Пьер, известный художник-супрематист, живу вон, в третьем доме на Набережной, живу совершенно один, вы же меня знаете, а знание это сила, во мне этой силы, если бы не мерзавец Вырин, ох, какой гад, ведь знает, что печень у меня увеличена, а все издевается, мозаика, видите ли, не так положена, не хватает крестьянке в глазах огонька! – сетовал на превратности жизни бородатый художник с копной седых волос. – Да хоть трижды Пьер Бурдье, без своей банки нельзя, пакет, она не банка, не я же придумываю правила, не задерживайте очередь, голубчик! – ворчала тетушка с грандиозными ушами, в уши продавщицы могли поместиться медведи на велосипеде, а за ними кот задом наперед, а за ним комарики на воздушном шарике, а за ними раки на хромой собаке. Впрочем, это уже частности. Мужчины в темно-синих бушлатах обижать человека творческого не желали. Краснощекий, с широким щербатым лицом дяденька заступился: Зинаида Аркадьевна, пакет пакету рознь, вы ему отлейте, а я вам копеечку сверху! Дамочка закатила глаза, веки у нее были фиолетовые, как и отношение к простым потребителям.

– А где эти мужики работают, в столярке, что ли? – спросил Коля. – На «Юпитере», там сейчас восстановили производство, теперь наша страна будет делать собственные процессоры для компьютеров и оперативную память и все остальное, – Бобров явно знал, о чем говорил, улыбка не сходила с его лица. Автобус все не шел и не шел, проехала только зеленая машина с гидрантом, упругая струя воды поливала тротуар. Пахло чем-то приторно сладким. – Как в первые дни поливают, вкуснейшей кукурузной патокой, чтобы радиоактивную пыль не разнести по округе, – сообщил Слава, покачив головой. И продолжил рассказывать, как будто диалог и не заканчивался вовсе: а ты знаешь, что первый отечественный процессор МЦСТ был готов уже к восемьдесят восьмому году, это мы даже не про ЭВМ говорим, которая в семидесятых появилась, – Боброва было не остановить, говорил он увлеченно. – Эй, мальчишки, вам тоже, что ли? – по пояс, точно кашалот из пасти крокодила, высунулась продавщица. Она протягивала два пластиковых стаканчика с пивом. Как раз подошел автобус, подростки залпом осушили стаканы. Заходя в двери желтого школьного ПАЗа-672, крикнули хором: пионерское вам спасибо! В салоне было много дачников с ведрами, удочками, прочим инвентарем. Ребята прошли в конец, уселись на свободные места.

– А у меня третьего дня ныл зуб, ныл так, что казалось, поезд товарный гремит, я его плоскогубцами и вытянула, во, смотри, – хвасталась старуха в голубой ветровке, с розовыми волосами, она развернула платок, а там коренной зуб с пятнами застывшей крови. Из приоткрытой форточки едва доносился прохладный ветерок. Он щекотал макушку Николая, правда, недолго. Да, подумал Коля, чем жарче день, тем сладостней в бору дышать сухим смолистым ароматом. Собеседница бабки с розовыми волосами, дама лет семидесяти, в черно-белом сарафане с повязанным на шею красным кашемировым платком. – Да, зима, странная она в этом году, и в прошлом, и в позапрошлом, чего уж говорить, лет десять она странная, то снег на полметра выпадет, то жарится, девчонки юбчонки теребят, в очередь к гинекологу стоят, несчастные, несчастные, – сказала она глубокомысленно. И старухи коллективно замолчали.

Автобус плелся, как ботинок Ахиллеса. В салоне Рыбкин успел прикорнуть. Давнишний немецкий малыш плакал, он хотел пойти на пруд и порисовать птичек-невеличек. Но отец, одутловатый, с неухоженными, в форме лошадиной подковы, усами, запрещал ему. А когда заметил в глазах ребенка первые слезинки, совершенно вышел из себя, снял с мальчишки брюки, перегнул отпрыска через колено и выпорол того хворостинкой. – Мы, сынок, сапожники, репутация, вот

что тебе нужно! – порывивал он мишкой косолапым. А мальчик, стоя у камина в своих желтых пижамных штанишках, опустил голову виновато. – Но быть художником это призвание, – голос мальчишки дрожал, его голос напоминал кисель. Нет чтобы взять кочергу и проучить старого идиота, он пытался вразумить своего папашу. – Ах, призвание, призвание, – мужик в черном пиджаке бросил свою шляпу-котелок на пол, быстро поднялся на второй этаж, вернулся. Мальчик рыдал, умоляя: пожалуйста, не надо, не надо, папочка! И тогда сапожник стал бросать в горящий камин мольберты, тюбики с краской, кисточки, все полыхало, синие, красные вспышки, страшная магия вершилась вокруг. И данное происшествие напоминало ожившие полотна Фрэнсиса Бэкона, все эти ужасные, прекрасные вещи, экспрессивные портреты с размазанными лицами, уродливыми формами. – Все это временно, сынок сапожника, – хотел сказать ему, но вместо этого проснулся Рыбкин. Но перед тем, как проснулся, увидел, как незнакомый младший лейтенант со взглядом бирюзовым и чистым, точно у ребенка, вставил пистолет с присосками в собственный рот. И, кажется, нажал на курок.

Мы приехали на конечную, песчаный карьер. Органы безопасности чрезвычайно опасались проводить выставки, ярмарки, концерты в самом городе. Ведь до конца не было понятно, какие области безопасны, а где фонит чудовищным образом и можно пожарить яйцо, которое без тени смущения слопает пятиметровый муравей. Песок под ногами приятно поскрипывал. Десяток темно-синих крабов с белыми крестиками на спинках, смешно перебирая ножками, носились по пляжу. Чуть в стороне, раскинув белые крылья, лежала распотрошенная чайка. Обрывок мутного пластикового пакета прилип к ее крючковидным отросткам ребер. Инсулиновый шприц с оранжевым колпачком лежал рядом с бедняжкой. И Бобров предложил хорошенькое дельце, прогулять сегодняшнюю репетицию к хренам собачьим, к тому же мы существенно опаздывали, что делало нас в глазах прилежных соплеменников и стервновых учителей обеднями, дел с которыми не стали бы иметь ни Адам, ни Ева. На многие километры вокруг были разбиты сотни палаток. Брезентовые семейные, зеленоватая с прорезиненным дном «Турист», прочие, прочие палатки. Меж тем встречались традиционные уже желтые треугольники со знаком неблагоприятной радиационной обстановки. Граждане, кто в шортах, кто в купальниках, разгуливали по пляжу, закапывались в песок, дурачились. Загорали на крышах своих автомобилей. Попивали боржоми, попивали вино. Кушали консервы. Разводили костры. А потом в костры бросали картошку, обернутую пищевой фольгой. Красота.

К нам подошла дама в круглых желтых очках. Ее волосы напоминали непокорные вересковые заросли, что-то близкое к светло-фиолетовому цвету, словом, великолепные волосы. Пальто, вероятно, сшитое из лисьих шкур. Она беспрестанно облизывала растрескавшиеся бледно-малиновые губы. Два синих баула, стоявшие у ней за спиной, напоминали двух ангелов или двух санитаров. Тягучим голосом она начала: удивление это первое чувство, когда ломаешь хребет лисице, посмотрите, какие чудные накидки, какие чудные шубки я шью! Я посмотрел на Боброва, тот помотал отрицательно головой, дескать, мы пришли не за этим. – А вам со скидкой, по глазам вижу, вы немного, как бы это выразиться, кретин, – сказала дамочка. Она была многогранна, словно грузовик со смешанными отходами. С такими мне не хотелось иметь ничего общего. Жулан чернобровый с коричневыми крылышками прогуливался по крыше красного металлического контейнера. – Мое поколение боялось больше всего помереть под Ржевом, не оповестив родных, – задумчиво изрекла дамочка. – А вообще смерти нет и страха нет и жизни нет и ничего вообще нет, сыночки, – на прощание крикнула она, побежала, нелепо размахивая своими шкурами. И мы поспешили прочь. Миновали высокую гору, подниматься было трудно, песок осыпался, делал шаг, оказывался на три шага позади. Уподоблялся жителям Ленинграда, примерно пяти миллионам человек, вынужденных день за днем набирать в рот воды, чтобы не случилось очередного наводнения.

И вот она, шанхайка. На шанхайке обычно было не протолкнуться, там семечку от яблока негде упасть, что вы. А если все же семечко упадет, и кому-то оно будет нужно, прям жизненно важно, чтобы именно это семечко снова очутилось у него в руках, начнется кое-что пострашнее

Тушинского побоища. В самом центре импровизированного рынка были построены настоящие дома в два, три этажа, напоминающие голубятни. Повсюду слышалась речь, вьетнамцы, узбеки, резе русские, мы с Бобровым качались на волнах гласных, бились о камни согласных. Повсюду стояли прилавки, столики, мелькали пачки банкнот, перетянутые зелеными, красными резинками. Бобров увлек за руку товарища в сторону нескольких синих морских контейнеров, он знал, куда нужно идти. Точно рафинад в чашке горячего чая, таяла надежда продать этот злосчастный дедушкин слуховой аппарат, размышлял Рыбкин. У Славика на продажу была картина, вероятно, подлинник, тем более Анна Ахматова, женщина раскрепощенная, сексуальная, на такое полотно быстро найдется покупатель. Повесит ее над кроватью сладострастник, и будут ему сниться щели, что вырыты в саду, о песнях любовных в дыму, о разном таком эротическом будет сниться новому владельцу. Прошлой осенью, когда двоюродный дедушка по секрету всему семейству сообщил, что он может с помощью взгляда влиять на молекулы тела, мама позвонила в ритуальное агентство и в дом престарелых. Первыми приехали из ритуального агентства. И угадали. Вообще, Николай любил своего дедушку, даже когда он стал голеньким гулять по ночному городу, высматривая порченных гражданок, тех, что изменили своим супругам с военнослужащими из армии Бонапарта. Все желал их взглядом проучить, чтоб на молекулярном уровне, чтоб у них выросли бороды и копыта.

Темно-рыжие волосы Славки были растрепаны, он вертел головой, высматривая дружинников, правильно делал. Припать оставалась режимным городом, это у нас имелась прописка и особый допуск. А сколько сюда каждый год плетется нелегалов, беглых заключенных, шпионов, не счесть. Мальчики проходили мимо парочки граждан в тубетейках, что играли в нарды. – Все это интерпретации, а уж какие мысли нужны человечеству, а какие, что называется, годятся разве для парохода истории или для корабля дураков, любезный, тут не угадаешь, – говорил один из них, сверкая золотым зубом. Другой мелкими глотками пил душистый напиток из голубой пиа-лы. У зеленого контейнера дежурили родственницы сестер Кривошляповых. Общий таз, четыре ноги, на шанхайке они были главными посредниками в крупных сделках. Мальчишки подошли к сидящим в электрической коляске сестрам. – А вам не туда, – сказала одна из них со вздернутым носом, из которого торчало ровно три волосинки. Надо же, три богатыря, три сестры, магическое число три, отчего не четыре, подумал с каким-то сожалением Николай, подростка несколько расстроило собственное положение на ученическом фронте, в нынешней четверти намечались тройки по математике и физкультуре. – Ну, мы же картину продать, дорогую, – стушевался Бобров. – Картину, какую картину, вы летите! – хором, голосами визгливыми пронзительно закричали сиамские близнецы.

И воцарилась тишина, а следом невообразимый гул, заставивший нервничать зрителей в зале. А потом кто-то закричал: водитель, влево бери, влево! Автобус подбросило, но транспортное средство чудом не сделало полный переворот, рухнув боком. – Живой? – простонал товарищ Бобров. Рыбкин боялся открыть глаза, его очи могли быть острее косы, не хотелось никого порезать ненароком. – Етить, – сказала старуха откуда-то из середины салона, – только титановое бедро поставила! – Ночь, кажется, была поправима, руки травмировались в локтях, великий дар: шевелить ногами: Николай не утратил. А шея крутилась, как юла, бракованная, но юла, сто во-семьдесят градусов. Первым опомнился водитель, мужчина с коричневыми припухлыми веками, серебристой порослью на щеках, его джинсовая рубашка насквозь пропиталась потом. Полудежа, он обратился к пассажирам: все живы, я сейчас скорую буду вызывать, а вы пока будьте живы! И стал активно выбираться из автобуса, словно очеловеченный жук, перебирая четырьмя конечностями. – Меня Григорий зовут, – сказал на прощание он, – если спросят, кто водитель, Григорий из пятого таксомоторного!

Смеркалось. Со стороны рынка доносились встревоженные крики, эхо причудливым образом множило слог: вы как, вык ак, ак, ак, живые, жи вые, вые, вые, держитесь, держит есть, есть! Торговцы переполошились, прочие гражданские, что поверили братьям Стругацким. И поперлись покупать аномальные образования, правда, не учли чрезмерного уровня радиации вещичек.

Испугались в не меньшей степени. Коля отчего-то знал, внутреннее у него ощущение было, нечто иррациональное, что жизнь у него не могла упасть, как зарница или, допустим, как в стакан воды ресница, ни в коем случае не могла. Мальчик помог вылезти Славке, они сидели, прислонясь спинами к перевернутому автобусу, медленно курили. О картине с Анной Андреевной даже не заговаривали, вероятно, умерла от сердечной недостаточности или от собственной гениальности. Сине-красные мотыльки порхали поодаль, но никак не могли сгореть. Сине-красные мотыльки приближались. – А тебе Ахматова вообще как, в плане женском? – усмехнулся Славка, сплюнув на песок алым. – Спроси чего попроще, – хрипло закашлялся товарищ. Метрах в пяти от нас затормозила серая Волга с алым крестом, подняв неописуемое облако пыли, в котором с легкостью потерялись бы диван, чемодан, саквояж, картина, корзина, картонка, да маленькая собачонка. Во рту хрустел песок, а я, кажется, знал, кто убил Влада Листьева, его убило человеческое равнодушие. То же самое произошло и с Анной Политковской, моей бабушкой и нашей кошкой. И со всеми так произойдет, к превеликому сожалению.

В пятой главе мы скажем: Ленин, good bye; а потом рассеемся и не сможем остановиться, пока нам не покажут здорового, сытого и довольного жизнью кота

Пришла зима, так много снега и птицы черные поют, по подоконнику шагают, стучат копытами своими. Ворона оступилась, да полетела вниз, разбившись на осколки. Морозом лужи все сковало, у дома падали детишки. И матерились так, что я, услышав ругань, рассмеялся. Коля пил горячий какао из жестяной кружки, мама варила плов. На кухонном столе лежал свежий номер любимой отцовской газеты. «Кыштымский вестник» называлась газета, название было по меньшей мере странным, однако поэтический текст на последней странице Миши Токарева оказывал благоприятное впечатление на подписчиков газеты, поэтому Токарева оттуда не убрали. Новостные сводки граждане, как правило, читали в интернете. Присутствие в жизни печатной газеты считалось в здоровом обществе неким рудиментарным хвостиком. Единственная, по крайней мере, так думали преданные читатели «Кыштымского вестника», причина выхода печатного номера это отсутствие у Токарева интернета. Мало кто знал в лицо литератора. Найти самиздатские книги Токарева было практически невозможно. Вокруг его фигуры сложился узкий круг читателей, даже главный редактор вестника не мог ответить на вопрос, каким образом единожды в месяц к нему на стол попадает стихотворение Миши. – Я люблю вас больше лирики, феназепамы и триган Д, – вслух причитал новое поэтическое высказывание Рыбкин, цокнув языком, рассмеялся. Еще одна ворона оступилась, да полетела вниз. Рыбкин внимательно стал знакомиться с текстом. Потом, захрустев сухариком с изюмом, почесал голову, волосы отросли чрезмерно, лезли в глаза, надо стричься. Подумал еще какое-то время, вспомнил отчего-то слова одноклассника, который читал хип-хоп: мы уйдем по-английски, а придем на немецком. Рыбкину стало интересно, почему на немецком, почему не на французском, например. Ладно, бог с ним, с французским, немецким, английским. Мальчишка, допив какао, сладко зевнул. Отец Спартак стоял на балконе и курил, сбрасывая пепел в жестяную банку из-под кофе.

Слегка лысоват
Впрочем, житейское дело,
У кого континенты сейчас
Имеют численность выше
Оттока мигрантов,
Опрометчиво солидарен
С афганскими девами,
Олей Скорлупкиной,
Русскими пацанами
Национально большими.

Что я могу рассказать,
Когда уроженцы души
Затевают переворот,
Восстание, захват власти,
А ты не то что цыпленка зарезать,
Разделить слово на слоги
Не в состоянии,
Ты пацифист до мозжечка своего,
У тебя в поле травы хороши,
А на речке камыши.
И на славянский вопрос
Я отвечаю на языке JavaScript,
Ибо вскормлен молочным продуктом
Электронных овец.
А иногда забываю,
Кто жил в моем теле,
То есть жил в моем теле,
Что называется, до меня.
И дверь открывая анфасом,
И желчно писал жи ши и ча ща,
Используя мела в объемах,
Что не содержит феназепам,
Триган Д, прегабалин
Вместе взятые.
Ставил непарные скобки,
Грамматически и логически,
Супрематически,
Теоретически
Боролся с системой,
Мыл руки не только перед едой,
Но после еды,
Во время еды,
Агитировал одноклассников
Готовить из мыла напалм.
Ведь протест это, прежде всего,
Аттестат, не полученный в школе.
И вот я слегка лысоват,
Сажу в каморке охранника;
Позови меня с собой,
Я приду сквозь злые ночи,
Я отправлюсь за тобой,
Что бы путь мне не пророчил.
А пророчить может такое,
Знали бы вы, господин охранник,
Опричники всегда виноваты,
Знали бы вы, господин охранник,
С каким шелчком
Взводят наган,
И сколько шагов коридор
Бутырского изолятора.

Синяя водолазка, подштанники, шерстяные носки. Градусник за окном показывает минус восемнадцать, совершеннолетие, однако погода не может являться военнообязанной. Николай Рыбкин говорит матери задумчиво: последний день зимы нам выдан для сомнения, уж так ли хороша грядущая весна! – Коленька, весна это время пробуждения духа, – сказала она важно, перемешивая лопаткой куски говядины с рисом. Вдруг обычная столовая ложка, лежащая на кухонном столе, на белой скатерти, медленно завертелась. – Я выдам тебе синий свитер с зеленым узором, там флисовый подклад, – сказала она, моя руки хозяйственным мылом. Папа открыл балконную дверь, и в кухню паром вкатился воздух. – Сынок, ты прочитал новый текст Миши нашего Токарева? – спросил мужчина. Ветер был изрыт вороньими криками. – Прочитал, папочка, мне кажется, у Токарева есть поэтическая чуйка, а в остальном же он весьма посредственный поэт, – отвечив Коленька. Тихо падал на подоконник снег, окно, покрывшись узорами, могло лопнуть в любой момент. Вдруг мамина кружка с зеленым слоником, висевшая на крючке, нервно затряслась. – Папа, а стекло может разбиться? – спросил наивный Рыбкин. – А чего не может, конечно, может, сынок, – произнес отец, наливая в чайник воды из-под крана. Идти в школу не хотелось категорически. На побеленном потолке вдруг стало расплзаться коричневое пятно, его диаметр был сантиметров тридцать. Домочадцы молча взирали на происшествие, должно быть, минут пять спустя пятно медленно исчезло. – Хм, – сказал глубокомысленно Спартак, почесывая крепкую шею.

– Мам, а где мои ботинки? – из прихожей поинтересовался Рыбкин, он стоял там босиком в верхней одежде, серо-черной куртке с меховым капюшоном. И тут в абсолютной тишине два коричневых зимних ботинка без посторонней помощи, паря на уровне пояса взрослого человека, стали лавировать, нет, лететь в сторону Рыбкина. Пока не топнули перед Николаем, дескать, не извольте беспокоиться. К подобным странностям новоиспеченные жители города-призрака давно привыкли. Вероятно, пророческие письма, составленные печатными буквами, найденные в самых неожиданных местах, воспринимались гражданами как признаки благосклонности наблюдателей. Недавний пример. Когда произошла авария, сберегательная касса, времена неспокойные, все только началось, суета, кто вещи оставляет, у кого автомобили без присмотра под окнами стоят. Кошмарное время, в общем-то. Участковый местный, француз по матери, Огюст Кошкин в числе сотрудников милиции боролся с мародерством, с вывозом зараженных предметов. Вышел на пенсию. Сейчас ему чуть за пятьдесят, дали дом в относительно чистой области, предложили набрать двух-трех сотрудников. Живет, работает. И однажды случай такой, утреннее построение, избушка со служебной комнатой, синим стены выкрашены. И тут сержант замечает бумажку какую-то под тяжеленным столом, вроде листок альбомный, сложенный в несколько раз. А на нем печатными буквами цветными мелками: станция ЖД Янов, вагон пять, перегон такой-то, смотреть под первым сиденьем, или последним, но лучше под первым. Ломанулись туда, выяснилось, что в восемьдесят шестом кто-то государственную кассу ограбил, ни воришек, ни награбленного не нашли. А тут сейф с прогнившим уже замком, пнесь, откроется. Внутри слитков на тридцать килограмм золота, пятьсот восемьдесят третья проба, все как полагается. Милиционеры сказали в голос: барабашка, а иначе не объяснишь, а иначе квантовое безумие какое-то, иначе буквы из книги смешать можно заново.

– Милый, говорят, библиотеку восстановили, схожу сегодня, посмотрю, как там, чего, вчера Ленка, Елена Петровна обещала устроить меня библиотекарем, – поцеловав супруга, проворковала Аврора. – Сходи, сходи, – услышал Рыбкин, выходя в подъезд. На улице щеку Коли полоснуло ледышкой, порез моментально начало саднить. Неминуемо мальчик вообразил себя пилотом Як-3, попавшим под шквальный огонь вражеских зениток. Морда самолета, выкрашенная в хищный красный цвет, изображала пасть акулы. Мелкие осколки стекла посекли лицо. Но Рыбкин и не думал менять курс, он летел прямоком на склад боеприпасов, желая пожертвовать если не бабушке десять рублей, то, по крайней мере, собственной жизнью во имя спасения собственных пехотных войск. Приятно хрустел снежок, ботинки, подаренные папой на Рождество, были пропитаны ка-

ким-то специальным кремом, водоотталкивающим. Кожаный гладкий портфель напоминал космический корабль, если у вас была фантазия как у Гарри Гаррисона, конечно же.

Николай шел по площади Ленина, лицо Ленина было несколько искажено, вождь как будто силился произнести артикль the. Получалось у него так себе, излишне карикатурно, что ли. Все дети переселенцев теперь учились здесь. Голубоватый фасад подсвечивали километры гирлянды, казалось, звездный эсминец, а не дворец культуры «Энергетик». Да, отреставрировали его виртуозно, подобным образом Хиросиму и Нагасаки, города-побратимы, привели в божеский вид меньше чем за сто лет, а там все-таки капиталистические бомбы, у них принцип действия особый. По лыжне шли три человека в синих комбинезонах, они приветливо помахали палками, Рыбкин приветливо произнес артикль the. Поднимаясь по мраморным ступенькам, обитым специальным резиновым полотном, чтоб не расшибить себе башку невзначай. Он столкнулся с двухметровым, вообще-то, его рост был два метра пятнадцать сантиметров, столкнулся он с шестиклассником Колей, тезкой. Пальто на тезку шили в ателье на заказ, учебники и тетрадки он носил в сумке-дипломате, а в качестве головного убора отдавал предпочтение фетровой песочной шляпе, привезенной из-за границы отцом-боксером. В отличие от отца тезке Николаю хотелось стать пловцом. И в связи с этим он частенько ходил на занятия в бассейн Лазурный.

В школьном гардеробе пахло гуталином, мандариновыми кожурками, кипарисовой туалетной водой да разгоряченными телами подростков. Дети толклись, вешали тулупы, пальто, шубы на большущие синие крючки, похожие на крючки, что встречались на скотобойнях. – Через день или через дальше настанет момент, когда придется нам с тобой идти в училище, может быть даже в армию, как ты думаешь, у нас есть шансы пожениться, родить ребенка, взять ипотеку, дожить до пенсии, я не говорю умереть в один день, мужчины сейчас живут меньше женщин? – занудствовал худощавый, кудрявый мальчишка с бабьим голосом. Дужка его очков в роговой оправе была перемотана синей изолянтной. На кармашке вельветовой сизой рубашки был значок шестьдесят второго года, значок назывался: спутник. Девчонка поспешно вышла в коридор, надоеда поплелся за ней. Николай степенно повесил свою серо-черную куртку с меховым капюшоном у окна. Было непреодолимое желание, пока никто не видит, снять подштанники, однако в раздевалку стали заходить прочие ребята. Рыбкин застеснялся.

– И вот у него под ковриком лежал ключ от квартиры, и вот он достает этот ключ, а тот не подходит, в замок входит, но проворачивается как-то не так, а когда дверь все-таки ему удалось открыть, выяснилось, что это ключ от другой вселенной, – рассказывал упитанный малыш в зимних остроносых ботинках, черной жилетке, застегнутой на две пуговицы, и синей рубашке с коротким рукавом. Он разматывал с шеи темно-оранжевый с красными узорами шарф, попутно делясь с кем-то новостями. Не дожидаясь вопросов, продолжил: и все там такое же, как в нашей вселенной, но люди разговаривают по-странному, вроде буквы те же, но порядок может отличаться, допустим, по результатам илссоевданий. Малыш расплывается, он давно переоделся, но ему важно было дорассказать о различиях вселенных: а самое чудное, мальчик заметил, что номера квартир тоже изменились! – Так, Кровниаад Асимк, не пудри мозги учителю, – строго произнесла химичка, и они покинули гардероб с этим упитанным карапузом.

Вдруг Коля услышал девчачий голос, то был не голос, электрический репродуктор, что обычно висит на столбе у дома и о чем-нибудь оповещает, к примеру: сегодня утром заявление румынского радио, что якобы советская авиация обстреляла румынский аэродром. является сплошной ложью и провокацией. Воспоминания о дружбе со старшеклассницей Лизаветой, вошедшей ныне в школьные двери, были не очень хорошими. Впервые услышав ее речь, Николай подумал о начале гражданской тревоги, незнакомка спросила шутливо мальчика: а что это у нас тут за централизованный объект не заполнен, когда объявили воздушную тревогу? Позже она предложила распить ему половину литра бальзама, настоящего на двадцати одной траве, перед распитием девочка вручила зачем-то горсть зеленых таблеток. – Что это? – спросил наивный Рыбкин. – А, это средства защиты населения при химическом отравлении, – пояснила девочка-гражданская тревога. Ее объяснение показалось мальчику отчего-то логичным, и время беспокойное, подумал он.

И сделал крупный глоток. Благополучно потерявшись на целых два дня из этой временной эпохи. Сильно заплаканная мать и в меру заплаканный отец носились по всему городу, повышая уровень воды, столько слез выплакали, кошмар. Им говорили в милиции: сидите дома, ждите, ищем, найдем, вы носитесь, плачете, а общий уровень воды на пять сантиметров уже вырос, утонет же город, как Ленинград в тысяча восемьсот двадцать четвертом году! Нашли, слава богу. Но с Лизой теперь не разрешалось иметь ничего общего, ни любви, ни партийных дел, ни прикормленного на чердаке втайне от всех воробушка.

По школьному коридору бежал дух разваренных макарон, сосисок, ананасового компота, поэтому Николай, всецело влекомый данным происшествием, не мог воспротивиться зову и по- несся в столовую. У самых умывальников, где толпилась ребятня, брызгаясь пенной водой, тол- каясь, но не как диссиденты, аккуратно локтями, а со всей силы. Пришло некое озарение. Вдруг померещились алые губы отдельно от всего остального лица, Рыбкин достал из кармана брюк блокнотик, быстро записал, куда по обыкновению вписывал поэтические озарения, всякие разные наблюдения, спорные мысли. Блокнот в кожаном переплете был вещичкой любопытной, найденной на песчаном плато, куда их класс выбирался на костер, плато как раз обеззаразили к тому времени. Ах, с полутора миллирентгена удалось опуститься до приемлемых пятидесяти ми- крорентген. Николай обнаружил этот предмет, имеющийся у каждого уважающего себя писателя, в старой собачьей будки. У блокнота была такая особенность, когда в него что-то записывалось, он начинал нагреваться, примерно как батарея зимой, и тут же остывал.

Перед столовой Рыбкин забежал в клозет. На стене, прямо на кафельной плитке, какой-то остряк вывел черным фломастером: до чего же много на свете кошек, нам с тобой их не съест никто! А на подоконнике карандашом кто-то нацарапал: философия – служанка богословия. Вот в пятницу будем оттирать на генеральной уборке, подумалось грустно. Коля набрал полный рот хлорированной воды, прополоскав, сплюнул. Из туалетной кабинки веяло застоявшейся мо- чой. За батареей Николай нашел подозрительный тетрадный листок, листок мог быть вовсе и не подозрительным. А вполне заурядное послание могло быть, вроде: тебе одной, одной тебе, любви и счастья царицы, тебе, прекрасной, молодой, всей жизни лучшие страницы! Тем не менее, обыч- ный тетрадный листок, на таких пишут по обыкновению: согласно пятьдесят первой статье я не буду свидетельствовать против себя. Или же пишут: прошу госпитализировать меня по собствен- ному желанию, чувствую, что голоса, бытующие в моей голове, способны поспособствовать пло- хим поступкам, которые я совершу, если не буду принимать предписанное мне лечение. Ничего подобного. Почерком округлым, аккуратным указан год, год указан не наш, две тысячи седьмой, а у нас он, конечно, не такой, у нас две тысячи двадцать пятый. Изложены следующие тезисы: по- томкам, январь две тысячи семь, хлеб десять рублей, картошка тринадцать рублей, яйца двадцать восемь рублей, молоко восемнадцать рублей, сыр сто шестьдесят рублей, гречка двадцать рублей, водка восемьдесят рублей, сахар двадцать рублей, пиво тридцать рублей, сигареты двадцать один рубль, жилищно-коммунальные услуги две тысячи рублей. Коля пописал и сдернул воду.

Внезапно в туалет забежал лопоухий мальчишка в красном джемпере и синих брюках. Пред- вестивший появление хулигана своими жалобными: ой-ой-ой. Какое любопытное слово – пред- вестивший, найденное нами в словаре Даля, значение, думаю, понятно. Парнишка шелкнул шпингалетом. И стал отступать к подоконнику. Дверь одиножды дернули, на второй раз шпинга- лет не выдержал. Вошел рослый подросток в коричневом пиджаке. Ничтоже сумняшеся схватил за шею мальчика с белобрысыми волосами лет десяти. И стал доводить его до слез, спрашивая: хочется ли тебе дойти во всем до самой сути, а? – Я не знаю, – хныкал лопоухий школьник, оскор- бленный до глубины души. – Но в работе-то, в сердечной смуте хотел бы ты дойти до самой сути? – кричал на него старшекласник. Бедный карапуз, прикрыв руками лицо, всхлипывал: навер- ное. – Наверное, а вот до сущности протекших дней, до их причины, до оснований, в конце-то концов? – трясся от негодования изверг. – А сколько тебе лет, знакомы ли тебе свойства страсти? – смягчился он. – Десять лет мне, десять, – сказал мальчишка с веснушками, сказал с каким-то даже вызовом. – Да чтоб ты знал, я в твоём возрасте все время схватывал нить судеб, событий,

жил, думал, чувствовал, свершал открытия! – покрасневший хулиган тяжело дышал, видно, он и впрямь схватывал нить чужих судеб и событий, а это очень тяжело. В туалет вошла завуч, за ее спиной, словно два крыла или два санитара в халатах синих дежурные. Любителю Пастернака что-то вкололи, он быстро обмяк, потом один из дежурных закинул его к себе на плечо и вся честная компания удалилась.

В коридоре повстречался Славка Бобров. Товарищ был удачливым человеком, ему всегда удавалось прошмыгнуть в школу без сменной обуви. – Слава, – восклицала дежурная, старшеклассница со свекольным лицом, величественной прической каскад, россыпью родинок на левой щеке, – где твоя сменная обувь, лямблия! – На проходной толпились школьники в синих пиджаках, на лацканах которых красовались металлические значки: серп и молот, красные звезды, всевозможные Ленины, анархия, синий автомобиль, значок отличника социалистического соревнования министерства промышленности. Всеобъемлющую грудь дежурной Нади не могли удержать никакие вещи, каштановый бюстгальтер готов был лопнуть в любой момент, а все мы, ученики одной-единственной припятской школы, рисковали пасть смертью храбрых, захлебнувшись грудным молоком, Надежда была беременна от педагога по военной подготовке, по слухам, конечно же. Шрапнель из булавок, пуговиц посекла бы наши лица, не нужные на этой парадоксальной планете никому, разве что нашим папам и матерям. – Надежда, понимаете, какое дело, – говорил подобострастно своими коралловыми губами Славочка, – в следующем году я обязательно женюсь на вас, а также удочерю вашего сына, а пока в качестве скромного знака моей преданности вам, вот. Он протягивая ей большущий апельсин, нечастый гость в наших широтах. Его бабушка-агроном научилась выращивать цитрусовые на чердаке при помощи овечьих плацент, генератора, что работал на урановом стержне, и каких-то особых удобрений.

На завтрак друзья отправились вместе, и каждый из них мог сказать другому: во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах нашей родины, ты один мне поддержка и опора, словно великий русский язык. И наш совместный крестовый поход на завтрак есть проявление дружбы, потому как на завтрак с кем попало не ходят. – О, а это мне, мое же! – бестактно забрал пакетик с вишневой питательной смесью Моря у кого-то. На Моне была ворсистая голубая рубашка, черные брюки, белые кеды. Лицо у него было симпатичное. Выбритые до синевы щеки. Буйные пепельные волосы. Длинные жилистые руки. Крепкая грудь колесом. Долговязый. Нравом обладал северным, диким, семья приехала из Норильска. На уроках физкультуры набивал кулаки, бил по сосне. От ударов сыпались ветки, млели девчонки. Любил руководить, его даже хотели поставить бригадиром чего-нибудь, однако возраст не подошел. – Отдай, это по талону для малоимущих! – закричал чернявенький, хрупкий, как елочная игрушка, пацан. И друзья, не сговариваясь, выхватив пакетик с вишневой питательной смесью, вернули неимущему. И вытолкали Монию в коридор, а потом затолкали в туалет. И воспитывали бесстыдника оплеухами. Чтоб осознал Моря, какой бы ни была юность, даже самый страшный человек может вести нормальный образ жизни и перестать быть варваром. Склонившись над Моней, у которого был разбит нос, Бобров невозмутимо сказал: возможно, ты полагаешь, что мы спустились на белый свет не для того, чтобы общаться с Богом, но Бог, он вот здесь! – ткнул пальцем в грудь Мони Славик. – Когда будут расцветать яблоны и груши, когда будут плыть туманы над рекой, тот несчастный, которому ты вернул покушать, вспомнит добрым словом, а тебе и легче станет, – рассуждая, сказал Николай. Бобров поддакнул, кивнув головой.

Покинув уборную комнату, или, как говаривают при дворе герцога Ангулемского Людовика, представителя старшей линии французских Бурбонов, сортир. Рыбкин предположительно шел в класс, новенькой светло-желтоватый кленовый паркет приятно поскрипывал. На подоконнике, герметично примыкающем к оконному блоку, а также имеющем прогиб не более двух миллиметров на один метр длины. В белой длинной вазе с голубыми причудливыми узорами, в вазе бежевой и широкой, расписанной желтыми и красными цветами, вазе, имеющей, соответственно, название «Полевые цветы», ко всему прочему, в пузатой красной вазе с изображением пчелок, а также в вазе Ленинградского завода художественного стекла, выполненной в форме подковы. Ах,

да, еще в вазе «Летающие утки» Дулёвского фарфорового завода. Росли восхитительные голосистые цветы. Имеющие поразительное сходство с целозией серебристой. Растения с массивными бархатистыми соцветиями. Что временами, преимущественно в ночные часы, начинали ни с того ни с сего петь. Нередко композиции вызывали чувство какой-то, знаете ли, ностальгии, цветы исполняли преимущественно Ирину Салтыкову, Ирину Аллегрову, Алену Апинову, Аиду Ведищеву, Майю Кристалинскую. Именно по этой причине сторожа так часто менялись, примерно дважды в месяц, как начнут рыдать, так не остановишь. Уборщица, прикрывшись ветошью технического халата, ибо временный недостаток бюджета, пожарила Николая, что шел мимо подоконника: только попробуй оборвать, я тебе сама руки пообрываю! Пристыженный Николай, опустив голову, воспоследовал в класс.

По волею судеб вместе с Рыбкиным в класс вошел новый молодой и крайне привлекательный учитель. И тысячи ревнивых взглядов Малышек, Толстушек, Голубых кошек, Царь-бомб и прочих взрывоопасных школьниц, способных сотворить из класса настоящий полигон для ядерных испытаний; уставились на него. Гормоны, ох, сколько гормонов бушует в этих маленьких леди, вот бы человечество придумало аппарат, где в качестве тяговой силы выступают подростковые гормоны, подумал Рыбкин. Человек государя нашего директора имел ястребиный нос, выдающиеся скулы, волевой подбородок, слегка заостренные уши, пышные пепельные волосы с ярко выраженным пробором на правую сторону. Шерстяной темно-оранжевый костюм, похожий на шкуру верблюда. – Дети, будем с вами делать спектакль! – с порога возвестил он голосом бархатным, словно пиво. Видно, не склонен к антимонии, говорит по делу, говорит как человек, у которого перегорела одна только лампочка, а не сердце. Иронично подумал наш Рыбкин, пересев на всякий случай со второй парты на третью. Несколько позже выяснится, что гражданин выдает себя за красивого молодого учителя, потому как ни в чем другом не преуспел. Однако не будем забегать вперед. Ибо получится, точно в той печальной истории, где мальчик пригласил девочку в кино после уроков, а та поступила в университет, затем устроилась на работу, родила сына. И к тридцати с ужасом осознала: запойный, задиристый мужчина это печально, пожалуй, печальней судьбы Николая Заболоцкого или Даниила Хармса.

Создавалось, пусть и субъективное, ощущение, новый учитель был не из тех, кто, видя запятнанное одиночеством задание в тетради, заставит переписывать тетрадь целиком. Он сидел с важным видом, как Пугачев на картине Василия Перова. И записывал фамилии учеников, а также их типы: актеры-трагики, драматические актеры, характерные роли, актеры-комики. – Работы предстоит много, успех для человека искусства это всего лишь отстроченный провал, – сказал напыщенно, – но что-нибудь с вами сообразим. После этих глазированных слов мужчина махнул своей роскошной гривой и направился на выход. Какая-то девочка, от которой постоянно пахло луком, успела задать ему вопрос: а как вас зовут, мы должны знать, это же важно? – Василий Александрович Швейк, – был нам ответ. Дети, снедаемые хохотом, повалились со своих мест, до чего чванливый им попался учитель драматического творчества. Продолжая галдеть, ребята шли по коридорам школы. И обсуждали, что Шекспир бы накостылял данному Василию Александровичу Швейку. Кристина Баранова в розовом полушубке, белых сапожках высказала предположение: один из лейтмотивов творчества Шекспира – идея о том, что вся вселенная устроена как театр, считается, что театр это игрушка, которую выдумал Господь, чтобы ему не было скучно жить.

– О, глядите, детки, полетел, полетел! – тыча желтым заскорузлым пальцем в небо, сказал сторож. Школьники подняли головы. – Неопознанный летающий объект, ты зачем летаешь неопознан, над народом без того нервным по причине скверных сигарет! – прокомментировал гражданин. И мелко затрясся, посмеиваясь. Прошамкал чего-то, застегнул свой синий бушлат, повертел в руках армейский ремень с красной звездой. Вероятно, то были последние денечки его службы, поющие цветы совершенно доконали человека. Мы, не отводя глаз, следили за передвижениями красного искрящегося шара у самой крыши ДК. – А давай камнем в него кинем! – предложил дебильный Бобров. – А ты кинь, я потом твои останки в мешочке родителям принесу, – сказал сообразительный Коля. Объект, покружившись некоторое время по параболе, куда-то

скрылся. Мы вышли в зеленые металлические ворота дома культуры Энергетик, погруженные каждый в свои мысли. – Я такой же видел, только зеленый шар в садике Золотая рыбка, он вокруг моей головы полетал, а потом я стал слышать радиостанции разные без приемника, – делился воспоминаниями какой-то малыш. Рыбкин в одиночестве возвращался домой, а снег все шел и шел. Из горшка на первом этаже чужой квартиры герань тянулась к этим белым звездочкам, кружащимся за окном. На перекрестке горел, раскачиваясь, подвесной фонарь.

Перед самой библиотекой экскаваторы, асфальтоукладчики, кран, малярные подмости, все фырчит, аукает, квакает, пищит в недрах строительного леса. – Скажите, пожалуйста, там полы уже нормальные, ходить можно? – спросила рабочего Аврора, на ней было длинное коричневое пальто, подпоясанное узким голубоватым поясом. Рабочий низким голосом ей ответил, ходить можно, ходите, пожалуйста. И шлем свой бирюзовый этак приподнял в знак почтения. – А подвал, в подвале-то ходить можно? – Аврора скептически оглядела двухэтажное стеклянное здание, на стеллажах можно было разглядеть цветные корешки, по периметру зала были развешены оранжевые и зеленые круглые люстры-ананасы. Аврора Евгеньевна размышляла, стоит ли сегодня заходить в самую библиотеку, встреча с директором и первый рабочий день были назначены все-таки на завтрашнее утро. Однако женщина, терзаемая желанием поскорее осмотреть новое место службы, решила спросить рабочего, гражданина атлетичного, с длинными узловатыми пальцами. – Вы позволите мне в порядке исключения заглянуть, на подвал, например, посмотреть, говорят, в подвале какие-то неполадки? – спросила она заискивающе. Мужчина понимающе улыбнулся: да, с подвалом у нас беда, единственное место, с которым еще не решили, что делать, вроде не холодно, влаги нет, подвал и подвал, но, как это говорят, эстетически чуждо, что ли.

Подвал и в самом деле напоминал эпоксидное море, глядя на него, хотелось отчего-то сказать: время есть на вас; свой час для беседы, свой час для покоя. За многометровой толщей льда угадывались как бы порхающие книги, «Тихий Дон», «Хождение по мукам», «Гиперболоид инженера Гарина»; такие бабочки-беллетристы. Остановившиеся навсегда, книжки навевали грустные мысли. За библиотечарским столом сидел щуплый мужчина семидесяти лет, седая борода, круглые очки, ежик волос. Тысячи карточек с именами, фамилиями, адресами, магическими заклинаниями лежали вокруг него, парили вокруг него. На серой подставке, на коих обычно указывают инициалы работника, значилось Л.С.Р. – А что же вы человека не вытащили, не по-христиански как-то? – спросила в ужасе Аврора Евгеньевна, сидя на корточках в своих демисезонных зеленых сапожках, она всматривалась в пучины эпоксидного моря и недоумевала. – Так отказался, сказал, что умрет вместе с библиотекой, это главный хранитель, а на карточках он какие-то свои стихи записывал, представляете, – печально вздохнув, ответил рабочий. – А вы сами пишете что-то такое, художественное? – спросил внезапно гражданин. – Пишу, дневник бабочки, размышляющей о душе цветка, называется, – многозначительно взглянула женщина в глаза рабочего, отчего тот как-то ступешался. Сказав неловко: ну, осмотрели, стало быть, давайте теперь на воздух выйдем, а то жутко здесь.

Глава шестая, в ней будет присутствовать школьная постановка, омраченная некоторыми событиями из первой главы

– Однажды мы приняли по таблетке тарена, нашли в старой аптечке у дяди одного пацана, и в запасе у нас было примерно минут пять для того, чтобы добежать до школы и написать сочинение, в ином случае нас бы атаковали танки, которые замаскировались под летучих мышей, – хвастался Бобров, пока они скользили по коридору к актовому залу. Мокрый, намытый пол разил хлоркой и лавандовым очистителем жира. – Успели, я написал только: бюлюбюль летит сегодня низко, значит, в наш век есть шанс встретить иные цивилизации. Наш учитель русского на полставки, он же учитель биологии на полной ставке, Петр Иванович Беляев опоздал в тот день, молча сел за учительский стол, даже шапку-пирожок свою новую не снял, очки запотевшие, борода растрепалась, смущенный такой в окно смотрит. Мы его спрашиваем, Петр Иванович, Петр Иванович,

давайте придерживаться протокола, делайте из нас личностей, а не только передавайте знания. – И что же он? – спросил Коля, оскальзываясь у туалета. Бобров рассказывает дальше: идет он мимо кафе «Олимпия» на занятия, а тогда еще «Олимпию» не восстановили, как ты помнишь, мы грешным делом подумали, мог ли он одичать в домашних условиях, Беляев этот. Ребята подошли к актовому залу, двойные, выкрашенные в цвет крем-брюле двери украшали хвойные веточки.

– Вот-вот, сначала школьники боролись с произволом, а потом стали деканами, а уследить за изменениями уже не позволяет изменившаяся структура мозга, – говорила завуч, тетка с низким гипнотическим голосом, с короткими рыжими волосами, индюшачьей шеей, обвешанная золотыми перстнями, цепочками. Завуч вел за руку заплаканного Фридриха Юлиановича с импозантным пузиком, как у баснописца Ивана Крылова или сочинителя «Мадам Бовари», Флобера, отца Хомяковой. – А потом вырастают Вольки, которые верят Хоттабычу, а объяснять, что Хоттабычу по законодательству за похищение несовершеннолетнего положена высшая мера, кто будет, родители должны все это рассказывать, – распиналась женщина. Фридрих охал, держась за сердце: да, я же, мы же всегда ей говорили. – Ну-ну, пойдете в учительскую, сейчас милиция приедет, мы составим заявление, чай с ромашками попьем, у нас, знаете, торт наполеон есть, – школьный чиновник смягчил тон, увлекая Юлиановича к лестнице.

– Ну, заходим, – кивнув на дверь актового зала, сказал Славка. Рыбкин придержал его за руку: погоди, так что там было с Беляевым, шел он мимо этой «Олимпии» старой. – Говорит, что услышал музыкальный автомат, какой-то Юрий Антонов о юности, которая зачем-то уходит, заглянул в разбитое окно, а там официанты с подносами. Парочки за столиками, все красиво прикинуты, блестящие, набриоленные волосы, костюмы-тройки. Вино разливают по фужерам, дамочки смеются заливысто. Через весь зал два официанта запеченного поросенка несут. И все будто нормально, хотя ты помнишь, тогда там развалины сплошные были, даже крыша провалилась. И наш Петр Иванович ловит на себе взгляд какого-то своего друга, тот ему улыбается, подзывает. А Беляев, как он рассказывал нам потом, когда выпил два пузырька валерьянки и половину термоса чая, рассказывал, что друг несколько лет назад на севере того, лавиной человека засыпало, а тело не нашли. И чувствует учитель внутренне, не надо ему сейчас туда идти, а ноги непроизвольно идут. И вот он в двери вошел, к нему официантка, не знаю, блондиночка, брюнеточка, обратилась: вам подавать сразу дичь или вы желаете что-то выпить? Петр Иванович в лицо официантке вгляделся, а у нее левая сторона как бы перекошена, то есть блондиночка, брюнеточка это всегда хорошо, однако здесь странность такого масштаба. И смотрит не моргая, точно глаза у нее стеклянные, красивые, зеленые, но стеклянные. Беляев слышит уже друга: Петя, ты чего, давай к нам, тебя все наши ждали уже! Словом, почувствовал что-то неладное наш учитель и усилием воли, помнишь, мы техники гипноза на классном часе проходили. Вот и он такое провернул, сначала шагок сделал назад, потом два и вышел из Олимпии. А там и до школы добежал, правда, не помнит как.

Мальчишки вошли в актовый зал. Девчонки крутились у зеркала во всю стену. На длинных скамейках лежала мишура, стоял музыкальный центр на сцене. – А давайте хип-хоп будем слушать, под него легче всего чем-то заниматься и вообще! – кричала как полоумная девочка Зина с алопецией. Она ничуть не стеснялась, наоборот, говорила, Бритни Спирс так ходит. А мне, когда исполнителю восемнадцать, я поеду на «Фабрику звезд» и тоже стану певицей, не унывала никогда Зинаида. – Ты поедешь на фабрику хрустала в Гусь-Хрустальный, там как раз нужны молодые специалисты, – уведомлял ее сторож, посмеиваясь в густые усы. – Начинается, сначала этот ваш хип-хоп, затем какому-нибудь идиоту взбредет в голову запустить ракету земля-воздух, и будем потом в каменном веке без телевизора и новостей сидеть! – парировала вернувшаяся после выяснений отношений с Фридрихом Юлиановичем завуч. В дверь аккуратно постучали два раза, как будто костяшками пальцев. На пороге возник милиционер, он, прокашлявшись, сказал: Антонина Ивановна, там у вашего родителя с его, так скажем, сердцем неладно. – Боже ж ты мой, – запрыгивала Антонина Ивановна и удалилась. Ее место занял Василий Александрович, лицо его, крючконосое и губастое, было смурным. Он смотрел на нас как канадский охотник на стаю зебр, однако

как бы такому самонадеянному парню не ошибиться, подумал я. Ведь даже белая полоса могла оказаться для него роковой. Вы что-нибудь слышали об одном из самых ядовитых веществ, белом фосфоре, почитайте на досуге. Я к тому, что наш новый драматург рисковал просто находиться рядом с нами. Мы были необычайно здоровыми детьми, даже старшеклассники не хотели с нами связываться, знаете ли.

Швейк с порога стал неволить свою актерскую труппу: балзамируйтесь гримом поскорее, ребята, сейчас все на грим, все на грим! Он согнал нас, человек десять, в маленькую комнатку-гримерку за сценой. – Театр не любит ждать, у театра график, вы что-нибудь слышали о том, что раньше представление шло неделю, неделю! – покрикивал педагог. Мы сидели каждый у своего зеркала и совершенно не знали, какая постановка нас ожидает, но были приятно взволнованы. По крайней мере, нам с Бобровым безмерно импонировали телеспектакли. Вспомните «Мэри Поппинс» и обворожительную Галину Кремневу, а чего стоит «Мистер Твистер», поставленный по одноименной повести в стихах Маршака. В предвкушении мы крутились у зеркал. А Василий Александрович фыркал и постоянно чихал, копошась в шкафу исполнинских размеров, оставленном, должно быть, еще до аварии. Наконец несдержанный Швейк принялся бросать на пол невероятно чудовищные, пыльные одеяла, одно, второе, третье. Серые толстые одеяла. Бежевые шортики, водолазку, ушки зайчика, черную мохнатую жилетку, маску волка. При этом Швейк приговаривал недовольно: надо же, кто бы мог подумать, в лесу, значит, родилась, значит, елочка! Темно-желтое солнце, судя по тому, как оно рухнуло на паркет, деревянное. И напоследок нам была явлена несуразная резиновая голова лошади с рыжей спутанной гривой. – А топор, елочку же срубили? – спросила не искушенная в театральных вопросах Кристина. И тут же добавила: можно я буду елочкой, у меня зеленое платье красивое, красивое! Баранова тараторила и тараторила: а к чему можно приделать веточки, можно я буду елочкой? Василий Александрович замолчал и покраснел. И этот Чайник Александрович, мелко трясясь, глядел налитыми кровью глазами, как совершеннейший остолоп, на имеющийся в наличии реквизит.

Я сказал Славке: в лесу родилась елочка, главное не содержание, но форма, вы же помните, коллега. Товарищ с готовностью закивал головой. Мужчина вызвался сходить за топором, а во время его хождений по мукам предложил выбрать нам роли. Шорты и водолазка на меня налезли с превеликим трудом, уши зайца не налезли вовсе. И стал я напоминать детдомовца, в самом деле.

– Так, почему еще гул не затих и никто не вышел на подмостки! – нервничал драматург с короткой лопатой. – А где топор, почему несоответствие? – спросил Бобров. Швейк бросил лопату на пол, закричав: не доверили, сказали, убьете друг друга! Мы разбрелись по сцене. Кристина открыла окно, сорвала несколько веточек с ближайшей сосны. – Вам что, не доверили простой топор, взрослому человеку не доверили топор для тушения пожара? – спросил обескураженно Рыбкин. – Что это за самодеятельность, – неистовствовал учитель. А затем стал бормотать себе под нос что-то непонятное: ты вырываешь у нее признание в любви, как золотые коронки, да, как золотые коронки. Моня в маске лошади сидел в углу сцены, он крепко задумался над своим поведением.

Внезапно в актовый зал вошла румяная медсестра, Клавдия Альбертовна Чума. Дамочка пятидесяти лет с величавым голосом, вечно пребывающая под воздействием успокоительных средств. – Вы еще кто такая? – проявил бестактность по отношению к врачу, да и просто к женщине, драматург. Клавдия меланхолично улыбнулась, поинтересовавшись: молодой человек, лишенный офицерского диплома, имеющий честь разговаривать подобным дивным тоном с замужней барышней, с какой это стати вообще? Василий Александрович нервно забежал по сцене, приговаривая: что происходит, я спрашиваю, по какому праву вы нарушаете нам репетицию? – Да, Клавдия Альбертовна, я вообще-то елочка, у меня главная роль! – деланно разобиделась Баранова. – Ах, елочка, сколько подобных елочек такие вот Бертольды Брехты, и это на моей памяти, использовали в собственных корыстных интересах, а потом сдали по пять рублей кустик на второсортный детский утренник, – Чума очень нравилась нам с Бобровым. – Ну, Клавдия Альбертовна, может быть, это мой шанс пробиться во МХАТ, на большую сцену, – наивная Кристина не желала отка-

зывать от своей мечты, даже имея представления о последствиях. Клавдия забросила в рот две желтые пилюли, не запивая проглотила. Произнесла: милая моя, первый встреченный вами Иоаннесско без всякого зазрения совести побреет вам голову во имя искусства, после чего перешагнет чрез ваше обесточенное тело и пойдет за пивом в ближайший ларек!

– Скажите, чего вы хотите, пожалуйста, скажите, что вам нужно? – на мгновение показалось, что Швейк сейчас разрыдается как паршивая девчонка, которой мама не разрешает курить. По итогам собрания было постановлено, медсестра забрала на плановую диспансеризацию всех, кроме Рыбкина, Боброва, Барановой и Мони. Драматург не отстоял свою труппу, потерял авторитет актеров, разве что Кристина пребывала в хорошем расположении духа. На сцене были расстелены одеяла в несколько слоев, изображающие сугробы. И при большом желании, если выйти в коридор и прищурить глаза, то как ни прищуривай глаза, выглядели декорации весьма паршиво. В центре сияла Кристина, она беспрестанно повторяла: смотрите все, я сияю, я сияю! В зеленом платье, с торчащими из него еловыми веточками, Баранова шла к своей цели. – Баранова, почему не по тексту, в лесу родилась елочка, в лесу она росла, зимой и летом стройная, зеленая была, – бубнил Василий Александрович. – Василий Александрович, вы ничего не понимаете, я сияю! – шла к своей цели Кристина. Рыбкин-заяц с отсутствующими ушками и Бобров, чихающий от пыльной волчьей маски. Мальчишки смеялись сквозь слезы. Пока не послышались слезы вовсе не игрушечные. Моня в маске лошадки, все это время сидящий в уголке, ревел что крокодил. Мы в недоумении взглянули на подобное происшествие. – Моня, ты хотел быть елочкой, я все правильно понимаю, у тебя потребность самовыражаться? – нес околесицу Швейк. Учитель подошел к хулигану, дотронулся до его плеча. – Нет, я просто не могу забыть того ребенка, у которого сегодня отнял еду, – сказал Моня и зарыдал еще громче. – Цирк, все, я увольняюсь, что, что, что, что происходит! – возопил драматург и выбежал из актового зала. – Вы мне все испортили, теперь я не стану Софи Лорен или Катрин Денев, – захныкала девчонка. Нам же, простым работникам искусства, оставалось лишь разойтись по делам своим будничным. Бобров, допустим, решил воспоследовать в столовую и попросить пропущенный ужин.

Николай с Кристиной нечаянно целовались за актовым залом. Ведь героини испанских предраний умирали, любя, без укоров, без слез, без рыданий. В случае же с Барановой рыдания имели место, поэтому Рыбкин, знающий не понаслышке о доблестях, о нежности, о славе, смог своевременно утешить начинающую актрису. И где-то за окном еретик не тот, кто горел на костре, но тот, что зажигал костер, кричал: любите и будьте любимы, сорванцы! И сыпал снег над лачугами и дворцами, бассейнами, поликлиниками, хрущевками, детскими садами, военкоматами и дурдомами. Коля подумал, оставила ли буфетчица им порции, очень хотелось поужинать с прекрасной дамой. И еще он подумал о грядущих каникулах, время тут шло причудливым образом. Зима могла быть столь близка с летом, сколь могут быть близки буква Б и Р. Не то, чтобы близки настолько, сразу за Б следует В, а предшествует Б все-таки А. Надеюсь, вы понимаете метафоричность момента. Вдоволь нацеловавшись, впрочем, не вдоволь, совершенно не вдоволь. Во-первых, Кристина принялась сетовать, что хочет пить, а если она сейчас же не попьет, то сохнет. Во-вторых, Николай для себя решил: поцелуй, как процесс обмена слюнными жидкостями, если даже допустить, что целующиеся испытывают некие чувства по отношению друг к другу, процесс этот весьма небезопасен. Клавдия Альбертовна Чума, их медсестра, недаром заканчивала соответствующее учреждение, она предупреждала, любые незащищенные контакты ведут к холере, оспе, бешенству, словом, колоссальный список.

У самой столовой к ребятам подошел, беспрестанно оглядываясь по сторонам, крайне неприятный мужчина, представившись Юрием, он достал из внутреннего кармана твидового темно-синего пиджака красную корочку, где было написано. А что было написано, школьники не разглядели, Юрий был молодым, да ранним, он быстро захлопнул свой документ. Уточнив лишь, дело серьезное, а он человек из органов. В руках гражданин держал видеокамеру. Константин Александрович куда-то запропастился, мы предположили, что после такого грандиозного театрального провала драматург побежал в буфет пить коньяк, закусывая сырными бутербродами.

– В чем дело, товарищ? – серьезно спросил Рыбкин. И хотел зачем-то добавить: я читал «Тайну двух океанов» и лучшую советскую фантастику, но не добавил. Пусть незнакомец думает, что имеет дело с необразованными школьниками. Вблизи гражданин показался человеком откровенным, ничего необычного, физиогномика, с которой знаком каждый ребенок. Яйцевидное лицо без намека хоть на единственный волос, отсутствовали даже брови. Маленький, я бы сказал, детский рот, тонкие губы. Голос вибрирующий, словно мужчина не мог определиться, говорить ли ему как подросток, либо перестать ломать комедию и сломать что-нибудь посерьезней. – Не вдаваясь в детали, но имеется подозрение на совершение шпионажа в особо крупном размере, – сказал он, понизив голос. – Я не пила то шампанское, это все инсинуации! – занервничала Баранова. Юрий засуетился: дело совсем не в этом, дело в настоящем государственном преступлении, мы могли бы переговорить с глазу на глаз в более спокойном месте, скажем, в каморке актового зала? Обладая знаниями рукопашного боя, а также навыками гипноза. Без какого-либо опасения сказал ему: извольте, голубчик.

– Суть моего обращения вам станет понятна позже, я обладаю сведениями, дающими мне основания полагать, что пропавшая девочка и вы двое связаны, – сообщил он, зачем-то закрепив свою видеокамеру на столе в каморке актового зала. Юрий без разрешения включил свой аппарат, загорелась красная лампочка. – Во избежание провокаций, при этом для предотвращения факта шпионажа я должен буду записать ваши показания на пленку, кто-нибудь возражает? – гражданин сощурил свои светло-серые глаза. Рыбкин пожал плечами, дескать, снимайте на здоровье, Алексей Балабанов. – Меня, меня снимайте первую! – воодушевилась Баранова. Она принялась наводить марафет, что бы ни значило данное слово. Щеки окрасились в зеленоватый цвет, веки стали фиолетовыми, губы вдруг почернели. Хотелось задать ей вопрос, куда ты дела миеллофон, дурочка. Преображение было удивительно, я точно знал, подобным образом девчонки будут краситься лет через пять. Юрий усадил маленькую женщину перед объективом, облистав пересохшие губы, стал задавать стандартные, в сущности, вопросы. Вопросы о геополитике, экономике, вычислительных машинах.

Однако в основном его интересовали вес, рост, размер черепа. Баранова бесилась, не единожды вскакивала, старалась покинуть гримерку, оскорбленная. Но сотрудник органов ее возвращал, ссылаясь на то, что полученная информация окажется в секретном архиве и случайный режиссер из проверенных членов может потом заинтересоваться девочкой. Потом начались вполне стандартные вопросы к Хомяковой, где видели в последний раз, с кем общалась, есть ли враги, что говорят об исчезновении взрослые. Кристина старательно вспоминала, зацепки отсутствовали, как отсутствует сходство между этим и тем, хотя прозорливый читатель и знает, что то есть то, впрочем, не то и не это, то не это и не то. Данные, полученные от меня, также не отличались особыми подробностями. – Ладно, мы закончили, – сказал погрустневший неприятный дядька. И выключил видеокамеру, красный огонек стремительно погас, точно планета Сатурн, а по неподтвержденным данным из маминой библиотеки, она именно погасла. Гражданин подошел к Барановой и вдруг стал шупать ей шею, сказав: это для протокола, лимфатические узлы не увеличены, понимаете, возможна связь с ионизирующим излучением. Кристина, повинувшись инстинктам, ударила собственным лбом Юрия в подбородок, вследствие чего гражданин осел, что мешок с картофелем, на пол. А мы поспешили покинуть помещение, постановка, посвященная судьбе несчастной елочки, слишком нас утомила. Если не сказать больше, раздосадовала своими, знаете ли, дилетантскими ходами, провинциальным видением и бездарными декорациями.

Бобров, поставленный мною в известность относительно не рыцарского поведения некоего дяди Юры, чье служебное удостоверение вызвало ряд вопросов. Пришел в состояние благородной ярости. – Наверное, он думает, что мы спустились на белый свет не для того, чтобы общаться с Богом, – многозначительно сказал Славка. И схватил металлический стульчик, на котором обычно сидел сторож. В данный же момент сторожа не было, вероятно, слоняясь неприкаянно по коридорам, он слушал пение цветов. Мы в спешном порядке покинули школу. И увидели, как, озираясь и сильно сутулясь, гражданин зашел за угол ДК. О, как полны мы были решимости. Ког-

да будут расцветать яблони и груши, когда будут плыть туманы над рекой, несчастная Кристина Баранова кого вспомнит добрым словом, некого ей будет добрым словом вспоминать. Во дворе за гастрономом, по обыкновению, заставленному коробками, нам удалось нагнать сотрудника Юрия.

Он что-то промямлил, не сбавляя шаг, когда в него прилетел стул нашего достопочтенного сторожа. – Зачем ты щупал лимфатические узлы нашей Барановой? – кричал на лежащего липового шпиона Славка. Когда вразумительный ответ отчего-то не был получен, Вячеслав с присущей ему галантностью, минуя жизненно важные органы, стал пинать нехорошего гражданина. От избытка чувств Рыбкин принялся скандировать: пусть метель и пурга, мы не пустим врага, на границах у нас все отличники или хорошисты, редко когда троечники! Дядя Юра, изрядно побитый, предоставил нам свое удостоверение для ознакомления. Где мы прочитали: старший следователь по особо важным делам, Червяков Юрий Валентинович, дата, подпись, печать. И только данная подробность заставила взглянуть нас на ситуацию несколько под иным углом. Мы, как и полагается не существующим нынче пионерам, принесли извинения, подобные искрам, из которых позднее соберется костер для субботника. А для выяснения всех подробностей дела и более детального рассмотрения вопроса, связанного с похищенной Хомяковой, я вызвался посетить завтрашним утром Юрия Валентиновича. Бобров еще раз извинился, до хруста пожал руку Червякова, отчего тот болезненно согнулся. И мы, дурачась, разошлись по домам.

В седьмой главе мы придем в гости к дяде Юре, который никого не завербует

Не успевшая встать над городом заря, и бордовый «Москвич-412» у самого подъезда гостиницы Полесье. И первый иней на стекле, и всякое разное морозное, сопутствующее. Юрий из органов остановился на третьем этаже отреставрированной в прошлом году гостиницы. Отчего-то мальчику стало безумно интересно, какие именно органы входят в состав Юрия. Должно быть, жизненно важные, без аппендицита обойтись можно, без молочных зубов тоже. А как быть с остальными, мочевым пузырем, допустим. И зачем взрослому мужчине назначать встречу наедине, когда вопрос голода в странах Африки еще не решен. В просторном фойе носились наперегонки молодые люди в красных фраках. Над стойкой регистрации в стеклянной рамке была запечатлена красивая цитата: простота и неброскость ореховой рамы лишь подчеркивает очаровательную прелесть пейзажа и колористический блеск лессировки. Я назвался своим именем, женщина с горчичными кудрями сообщила номер. Поднимаясь по широкой лестнице, уловил едва слышные древесные и цветочные нотки, звучащие тут и там. Кремовая дверь была полуоткрыта, вошел без стука. Впрочем, с определенной долей опасения.

Светло-желтые обои с ромбовидным рисунком. Две отдельные кровати, застеленные красными покрывалами. Журнальный каштановый столик, на нем хрустальная пепельница. Паркет постелен совсем недавно, идти по нему одно удовольствие, не скрипит, не прогибается под шагами. Стол побольше завален папками в коричневых обложках, надписи на папках: сов.сек., до восстановления, особая важность; набор цветных фломастеров, две черные ручки, две синие ручки, один карандаш. В серванте за стеклянными дверьми маленький кремовый холодильник. Торшера свет недостаточно яркий, в номере полно темных пятен. К примеру, в противоположном углу, в леопардовом глубоком кресле мог сидеть кто-то еще. Перед креслом постелен круглый красный ковер. Обстановка волнительна, словно родительская ругань на повышенных тонах, в ходе которой узнаешь о братике, которого с вами больше нет. Нет, сравнение никакое, волнительно настолько, насколько процесс вынашивания слоненка слонихой, двадцать месяцев она его вынашивает.

– У девочки Кристины Барановой есть поводы для волнения, – сказал грустно Юрий, открывая маленький холодильник. Товарищ появился из ниоткуда. На столик он поставил тяжелый стеклянный бокал, налил грамм сто водки, перочинным ножом разрезал напополам лимон, вы-

жал в бокал капель тридцать, бросил обескровленный цитрус туда же. – Вы об этом хотели со мной поговорить, зачем такая конспирация, мне показалось, что в школе за нами никто не следил, и поводы для беспокойств отсутствуют, – сказал уверенно Рыбкин. Мужчина сделал глоток, поморщившись. – А у кого их сейчас нет, инфляция, родители ругаются, контрольная на носу, – сказал ему невозмутимо хозяин номера, угадав с темами, беспокоящими мальчика. По коленке гражданина юрко пробежала сороконожка, он дернул ногой, едва не уронив столик. – Вы женаты? – спросил Коля, ведь считал, что женатые гэбисты есть люди, умеющие ценить дружбу. На бирюзовой тумбочке работал вентилятор, потоки прохладного ветра приятно почесывали щеки. – В безоговорочно телесном контакте мы поняли, что это конец, межвидовая борьба нас так истощила, что мы были вынуждены развестись, – Юрий был прекрасным оратором. И речи его казались подростку эталонными, речи его как снежная вьюга, что устремлялась из его уст, сказала бы мать. – За Кристиной Барановой обнаружена слежка, уровень чрезвычайно высокий, с подобными профессионалами я встречался только в Алжире, – сделал глоток Юрий. Рыбкин, почесав переносицу, спросил: предлагаете на живца, кстати, какова связь между Барановой и шпионажем, ее родители являются носителями государственной тайны? Хозяин номера виновато опустил глаза, произнеся: всех деталей я не могу сообщить, но дело в родителях, да. – Ох, – воскликнул Коля, – они же простые геологи, куда катится мир!

В дверь постучали. – Да-да, – сказал Юрий, запахивая полы своего махрового халата. Вошла девчонка лет двадцати в красном фирменном костюме, пиджачок, юбка. Поинтересовавшись, не рановато ли для молодого человека пользоваться услугами интердевички, получила отрицательный ответ. – Это сын моей сестры, он просто зашел в гости, мы не за этим, – соврал очень подозрительный дядька. Сотрудница гостиницы понимающе кивнула, тонкие черные усики девушки отчего-то взволновали, мне в ту же минуту представился образ горячей испанки. – А извращенность за тобой водится какая, знал, например, пацана, так он женился на собственном паспорте, – было непонятно, шутит ли новый знакомый. И почему от снежной вьюги, что устремляется из уст в уста, он так бестактно перешел к пошлостям вроде «Маленькой Веры». Впрочем, я решил не заострять внимание, ответив односложно: Юрий, вы переходите границы, что будем делать с Барановой? Гражданин долил в бокал водки, выпил. Сказав: ну, как же, социально опасные элементы не дремлют, вот сейчас к нам заходила девушка, однако в ее левом ухе я заметил наушник, значит, в данный момент мы с тобой в активной разработке. – А они социально опасны в каком роде, то есть существует ли противоядие, как, скажем, йодид калия или этаперазин? – спросил я, прикидывая, как покинуть игру, затянную двойным шпионом. А в том, что мужчина шпион двойной, если не тройной, сомнений почти не осталось. – Положу руку вам на сердце, – сказал Юрий и положил, – терпение, мой мальчик, терпение и труд. – Он стал прохаживаться с бокалом по комнате, приговаривая: если мы не будем спешить, они себя выдадут, вот, например, этот наушник, а потом, как охотникам на змей, нам останется лишь схватить каждую голову это гидры да раздавить.

– А вы занимаетесь внешней политикой или внутренней, то есть шпион понятие весьма размытое? – задал ему, как показалось, вопрос, благодаря которому станет понятней о степени его двойственности. – Я очень серьезный сотрудник, как-то раз я спрятал в межязыковом пространстве ампулу с цианистым калием и носил ее там целую неделю, готовый в любой момент сделать это, – собеседник присел, не отрывая пятки от пола, спина его была пряма, девяносто градусов, сказала бы любая училка математики. – Что сделать? – спросил у него я, на всякий случай сделав удивленное лицо. – Разгрызть ампулу и убить себя, – Юрий прикрыл глаза, вероятно, вспоминая то безрадостное времечко. – Ого, – только и смог сказать Коля. В каштановом серванте на белой салфетке с вышитыми алыми узорами стояла хрустальная ваза, в ней было три красные гвоздики, желтые прямоугольные часы показывали половину двенадцатого. – А что вы там придумываете в театре, вот мне понравилось, можно было еще сделать штрих-код из березовой рощи, мощный подтекст получился бы! – развеселился Юрий, сделав глоток. Наша беседа являлась тонкой игрой двух стратегов. Каждый просчитывал наперед следующий ход оппонента. Ошибка могла

иметь слишком высокую цену. Мужчина сбросил халат, оставшись в одних белых плавках, потом нагнулся под кровать, извлек оттуда гири.

– Ты не удумал еще забывать мир и в сладкой тишине быть усыпленным воображением, а то дел у нас неуворот! – с трудом говорил Юрий, жонглируя зелеными шестнадцатикилограммовыми гирями. – Не удумал, – говорю, а сам сонный, как макаронина, сижу в мягком кресле. И размышляю, к чему дело идет. Допустим, он подозревает меня в шпионаже, нет, слишком просто. Хомякова, летающие над городом шары, все звенья одной цепи, однако что-то не сходится, не сходится, и все тут. Какие-то улики, должны быть улики, в шестом, недостроенном, микрорайоне видели фантомов милиционеров. Об этом же писали, точно писали, потом целую серию краж раскрыли. – Так у нас Хомякова пропала, можно сказать, похищена, и ДНК там есть, в средствах массовой информации сообщали, что волос, возможно, нападавшего имеется! – закричал я. Меня как будто прошибло током, я вскочил с места. – Это как раз и проверим, надо проверить, проверим! – Юрий Валентинович раскраснелся, зачем он делал зарядку, неспроста, неспроста. – Все уже передали, ты чего такой нервный, присядь, – мужчина поставил свои гири на пол, усадил мальчика в кресло.

Налил в бокал грамм сто, дождал вторую половинку лимона. Принялся рассказывать по комнате, выпивать и рассуждать. Самое страшное, когда ничего не происходит, дети в садике играют, дяди у станков гайки крутят, а ничего не происходит. Птицы не меняют курс, а снег выпадает первого декабря, редко когда в конце ноября. Студенты протестовать не ходят. Курица, и та на рубль не дорожает. И все это неправильно как-то. Ты постоянно настороже, подмечаешь это, подмечаешь то. И вдруг соседский котенок, что писал в девять утра у дерева во дворе, поднимая правую лапку, чтобы это самое. А сегодня бац, он поднимает левую лапку, и время, главное, время девять ноль две. Вот оно, думаешь ты, я совсем близок. И я бы попросил тебя помочь в этом простом деле, наблюдать, хотел бы, чтобы мы с тобой стали настоящими напарниками, коллегами.

Юрий дошел до маленького холодильника, достал сырок «Дружба», бутылку с мутно-зеленой жидкостью. – А я все-таки убежден, что женщина должна быть граненым стаканом, какую ты в нее мерзость не влил, стеклоочиститель, джин или самогон, будь добр – выпить залпом, не поморщившись, – философствовал человек из органов. Откуда-то появился сервелат, докторская. – У нас граненый стакан такое же оборонное изобретение, как, например, автомат Калашникова, – гражданин сервировал столик. – Давай, родной, настойка у меня на полыни, хорошая, пей да не морщи нос, а закусим вон, сырком с колбаской! – Юрий Валентинович умел убеждать. Жидкость приятно обожгла пищевод, сырок «Дружба» самым наилучшим образом смягчил послевкусие. Рассуждая, Юрий изредка поглядывал как бы с опасением на дверь комнаты. Колька приметил: на темно-коралловом двустворчатом шкафу лежала стопка фантастических журналов. – Увлекаешься поди? – не спросил, но утвердил Юрий Валентинович. Он встал на табуретку, потянулся к этим самым журнальчикам, отчего его махровый коричневый халат из ГДР, у папы есть такой же, распахнулся. В голове постукивали молоточки. На груди гражданина синими чернилами вытатуирован какой-то номер, подтянутое, загорелое тело, чуть ниже левого соска зарубцевавшаяся округлая ранка, длинный молочный порез в области живота. – Да я не то чтобы, подписка дорогая, – промямлил Коля. А сам подумал: опоил, опоил меня сывороткой правды, хотя, что ж мне скрывать. Какое ненадежное положение, не сказать бы лишнего.

Хозяин номера вручил мальчику увесистую стопку журналов, сказав: я в душ, а потом надо съездить по делам, не скучай тут, можешь послушать музыку, у меня совершенно чудная лекция Kiss. Он подмигнул заговорщически и скрылся в ванной, напевая: если у вас нету дома, пожары ему не страшны, и жена не уйдет к другому, если у вас, если у вас нету жены. Я присел на краешек малинового дивана-книжки, взял первый попавшийся журнал техники молодежи за девяносто третий год, статья была о полтергейсте. Пожелтевшие от времени листы, расширенная публикация о неординарном изобретении новосибирского энтомолога В.С. Гребенникова. С некоторой долей скептицизма, свойственной подростку, с ранних лет увлеченному токсикоманией, подобные штучки ни в коей мере не впечатляли. Однако от нечего делать я углубился

в чтение. Гребенников затрагивал такие малоизученные свойства основ мироздания, материи пространства и времени, что ретивые экспериментаторы, не сведущие в данных вопросах, поддавшись непосредственным алгоритмам взаимодействия с неопознанным, могли наворотить дел. Гребенников писал: «некоторые экологические, медицинские и, увы, политико-экономические аспекты применения этих устройств, не требующих ни горючего, ни электричества, и не изнашивающихся, но порой порождающих неожиданные выбросы огромных энергий, не очень понятны и не очень приятны, вплоть до таких небольших катастроф, что требуют дальнейшего изучения, незамедлительного и многомудрого, и потому я был вынужден прервать данные работы в Новосибирске в одна тысяча девятьсот девяносто первом году». Отложил журнал, подошел к окну.

Я всматривался в окно, за ним были крики нахальные, разлили бидон молока с желтой лентой: обеззаражено; в лицах-ожерельях не было и намек на сострадание, скорбь и веселье соседствовали наравне, улица двигалась, старцы и дети на коленях плакали и смеялись зачем-то у булочной. Мне отчаянно не хватало позитивизма и лингвистической философии; подумалось вдруг. Откуда я набрался этих глупостей, ума не приложу. Недавно опять снился тот неудачливый мальчик, что не сумел подстрелить утку, его папа сапожник выпорол еще за желание рисовать красками, в общем, вы помните. Он сильно повзрослел и выглядел, по меньшей мере, лет на двадцать, или даже двадцать два. В полутемном баре стоял дым коромыслом. – Превентивный, только превентивный удар способен переломить ход истории! – кричал, повизгивая, выросший мальчик, его короткие усики напоминали щетку для папиной обуви. Он кричал на немецком, но смысл был мне понятен, это же сон. На нем были высокие шерстяные брюки с красными подтяжками, белые легкие туфли, отчего-то я вспоминаю слово: топсайдеры; под клетчатым пиджаком с янтарным отливом виднеется бежевая рубашка. В помещении мужчин двадцать. Все они отодвинули столы, в центре распинается этот выросший мальчишка. – Национальная революция началась! – закричал он, залезая на барную стойку, и неожиданно для всех сделал выстрел из пистолета в потолок, пистолет называется Люгер, это же сон. Усы-подковы, взлохмаченные челки, выпитые залпом кружки пива, глаза блестят что кузов автомобиля на солнце. Граждане скандировали воинственные лозунги, в окно полетел стул, оно со звоном разбилось.

А дальше в дверь бара вошел, прихрамывая, лысоватый господин в круглых очках, с небольшой седоватой бородой, в длинном пальто, белой рубашке, синем галстук. – Можно мне кружечку ржаного пива, пожалуйста? – спросил он тихим, добрым голосом. – Проваливая, старик, – рявкнул на него сын сапожника, – для тебя у меня есть только пуля. – И он, этот сын сапожника, направил свой Люгер на грудь господина. Мужчины стали обступать гостя, кто-то из толпы небрежно сказал: хочешь, я тебя сейчас так отделаю, как свою старшую дочь, как там тебя? – Януш, – представился человек, виновато поджав губы, дескать, что поделаешь, раз нельзя ржаного пива. Он протиснулся сквозь толпу обратно к выходу. И уже у выхода произнес: жаль мне вас, взрослые, вы так бедны радостью снега, которого вчера еще не было. Неудавшийся охотник из моего сна выстрелил, на этот раз пуля пробила входную дверь, щепками Янушу оцарапало лицо, тонкие красная полоска на покато лбу стала напоминать ленточку для волос, красная полоска на щеке, что кровоточила несколько больше, чем на лбу, заставила меня в моем же сне пустить скупую слезу. А вот, что произошло в следующий момент. А в следующий момент лысоватый господин, прихрамывая, подошел к злостному взрослому мальчику, обнял его. И сказал, но сказал не только сыну сапожника, а как бы для всех, просто слова для сына сапожника были как будто персональные, что ли: я видел три войны, видел покалеченных, которым руку, ногу оторвало, живот разворотило, так что кишки наружу, раненых взрослых, детей. Януш на мгновение смолк и продолжил: но говорю вам: самое худшее, что можно увидеть, это когда пьяница бьет беззащитного ребенка или когда ребенок ведет пьяного отца домой и просит: папочка, папочка, пошли домой. И никто не заметил, как лысоватый господин в длинном пальто, белой рубашке и голубом галстук покинул бар. Граждане недоуменно переговаривались, вот чудак, что это было, кажется, бедняга совсем тронулся из-за этой независимой Баварии, ему бы детей нянчить, а не в революционера играть. И никто не заметил, как выросший амбициозный и недолюбленный мальчик, что

неудачно подстрелил утку, запершись в туалетной комнате, заплакал. То были слезы умиления и сокрушения, слезы взрослого мальчишки, глубоко осознающего свое не достоинство перед Свястостью Божьей, и не только покаяние было в слезах его, но любовь была в них.

В комнату вошел Юрий в пижаме в голубую и красную полоски, дымя сигареткой, видя мою заинтересованность, запросто предложил закурить: вы курите, молодой человек, не стесняйтесь, пепельница на столе. На журнальном светло-коричневом столике в стеклянной пепельнице-ежике лежали бычки. Тут же на столике желто-белая пачка с горделивым верблюдом, *turkish american*, пески были такие далекие, такие близкие. Тут же лежат красивые желтые кожаные перчатки. Мальчик достал одну сигаретку, поспешно зажег ее синей пластиковой зажигалкой, закашлявшись. Дым наждачной бумагой, как на уроках труда, расцарапал горло. Хозяин номера похлопал по спине, его ладонь была тяжелой и твердой. – Итак, Николай Спартакoвич Рыбкин, учащий в седьмом классе, хорошист, – произнес мужчина, – кем хотя бы современные школьники, шпионами? – Мальчик сделал еще одну затяжку, положил сигарету в пепельницу, сказав осторожно: возможно, что-то связанное с физикой, мне нравится изучать молекулярную структуру веществ. – А ты знал, что в наших курицах столько стероидов и анаболиков содержится, тема-то гораздо интереснее кратных, криволинейных и поверхностных интегралов? – то ли спросил, то ли утвердил Юрий. Он прошелся к окну, раздвинул бархатные зеленоватые шторы. – Тема животноводства сейчас ой как актуальна, вот говорят пренебрежительно: колхозник, доярка, но не будь специалистов сельской отрасли, не было бы элементарных продуктов питания, – гражданин ходил вокруг да около, Рыбкина элементы питания совершенно не интересовали, а вот судьба Кристины Барановой до недавнего времени очень даже интересовала. Теперь же Червяков казался объектом, заслуживающим настоящего допроса, допроса основательного. Эх, надо было со Славкой поговорить с пристрастием с этим Юрием прямо там во дворе универсама. Документы, нас обвели, как детей, их же подделывает каждая старуха-соседка для поликлиники.

– На базе брянского политехнического института сформировали специальный отдел по изучению аномальных явлений, никакой мистики, сплошь наука, одни кандидаты технических наук, – сказал вкрадчиво дядя Юра, рассказывая за спиной мальчика. – Но мне всего лишь двенадцать, какой из меня кандидат? – резко обернулся Коля. Старший следователь спросил совершенно не по делу: а знаешь ли ты, что фашисты, те самые, не все тогда погибли, а многие продолжили свои чудовищные эксперименты, а у некоторых из них до сих пор есть дети и внуки, которые активно развивают их делишки, Коля, представляешь? – Юрий Валентинович налил в бокал себе водки. Немного захмелевший Рыбкин произнес: мне кажется, я догадываюсь, что вы боретесь с потомками фашистов, а также с непосредственными шпионскими организациями, действуя изнутри. Червяков безмолвствовал, уставясь в окно, стоя спиной к Николаю. Вдруг Рыбкин заметил фотоснимок, он, должно быть, выпал из кармана халата, когда Юрий лазил на шкаф. На сетчатых воротах, вероятно, фабрики было выведено белой краской: *arbeit macht frei!* Труд освобождает, беззвучно повторил Николай, труд освобождает. По коридору везли тележку, что-то упало. Хозяин сего номера медленно отвернулся от окна. Ребенок поспешно спрятал фотографию в брюки.

Червяков расслабленно улыбнулся, сел в кресло. И стал рассказывать, кажется, не глядя на мальчика вовсе. В одной руке бокал, в другой дымится сигарета, нога закинута на ногу. А я ведь был таким же сорванцом, помню, как меня искали пожарные, милиционеры, фотографы, по всей столице искали, долго не могли найти. А мальчик я был плечистым, крепким, белую кепку набекрень носил, однако волновали меня тогда и занимали отнюдь не подвиги, девчонок не спасал, старух через дорогу не переводил. Откисал, что называется, на притонах, тогда их еще элегантно называли малинниками. Помнится, случай такой, карабкаюсь я по водосточной трубе, а дом полыхает, шифер взрывается. Целый двор выбежал, советы раздают, у каждого свое видение ситуации. На четвертом этаже проживал барыга наш. Я высаживаю балконную дверь, повсюду дым, я на четвереньки, гляжу, на кухне, на столе гора золотая, цепочки, кольца,

медальоны. Ползу туда, а слева, из ванной слышится стон. И что-то во мне переключилось, как будто тумблер какой щелкнул. Трогаю барыгу, кажется, дышит еще, подхватываю его, дыхание задерживаю. И вниз. А там скорая, милиция, соседи, все аплодируют, медаль обещают, денежное пособие в виде поощрения. – Как однажды тонко выразилась подруга матери, Дарья; учебное пособие это одиночество для одиноких, один автор это уже коллектив авторов, – сказал без тени смущения Рыбкин.

Новый знакомый, сотрудник Юрий зачем-то надел свои превосходные кожаные перчатки. – Эх, распогодилось, – сказал он, – если хочешь, у меня там душ, примешь, хорошо станет! – Ну, думаю, вроде бы ничего страшного, если и впрямь ополоснусь, а потом уже закончим этот идиотский разговор, придем к соглашению, наметим пути развития, грубо говоря, общий вектор. Топаю в душевую, батюшки, там в кабинке специальный рычажок, нажимаешь, а пол начинает вибрировать и ступни шариками металлическими массажировать. Вода прохладная, ниагарская, музыка включилась, какой-то джаз. А гражданин этот явно непростой, размышляю, заселился в такой козырный номер, правда, чудак. Но, вероятно, чтобы не рассекретили, взяли на службу гражданина по складу характера простофилю. И вдруг, слышу, в комнате грохот, разбилось чего-то, тело упало. Ну, простофиля и есть, в собственных ногах, думаю, запутался, как до своих лет дожил только. Вместо полотенца, представляете, сушильный аппарат, причем раструбы с теплым воздухом по всему периметру кабинки расположены. По возвращению в комнату встречает меня пренеприятнейшая картина. Юрий в одних голубых плавках возлежит без признаков жизни на побитом в пух и прах столике. Тут вспоминай, не вспоминай советы по реанимации от Клавдии Альбертовны Чумы, дело скверное. Язык, что синяя мурина, набок, глаза закатились, а перчаточки свои не успел снять. Рядышком переломанная видеокамера, белые струны, а вот гитары не наблюдается. По-видимому, бедолага хотел впечатлить меня игрой на инструменте, опрометчиво с его стороны. Я для приличия специальным ударом Сэйкэн цуки по груди его саданул, тем самым извлек из дыхательных путей, что бы вы думали, лимонную косточку. Иду к выходу из номера. И размышляю, читал где-то, что самые высокоразвитые создания на земле находят жизнь обременительной, если не хуже. Слава богу, что нас это не коснется, улыбаюсь, плотно закрывая дверь номера. Ситуация неприятная, а что поделаешь, у каждого свой путь.

Я мчал на велосипеде, мост, ведущий на станцию, остался далеко позади. Воздух, напоенный полынной горечью, был весьма свеж после недавно прошедшего дождя. Непроницаемой стеной вдали стояла березовая чаща. Справа, в поле, желтела новорожденная рожь. Проезжаю напрямик через кусты орешника. И оказываюсь на песчаном берегу. На блестящем, как жемчуг, песке лежала смольная рыба с огромной, как желание научиться водить машину, пастью. Перемазанные илом и сажей подростки с интересом рассматривали заколотую длинными наточенными палками, рыбу. Вдруг кто-то из них воскликнул: смотрите, у нее что-то в пасти! С превеликим трудом им удалось разжать челюсти рыбешки, зубы острые, по неаккуратности кто-то порезался. На песок закапала струйка крови. В пасти оказался слегка размокший желтый тетрадный лист в клетку. Отчего-то мне сию же минуту подумалось, что это связано с Мишей Токаревым, не знаю, почему, подумалось, и все тут. Когда листик, сложенный вдвое, оказался в моих руках, тогда-то я и прочитал стихотворение, последнее ли, не думаю, на моей памяти оно было не последним, в дальнейшей жизни, может показаться странным, но мне снились как будто новые стихи Миши Токарева, но все поутру забывались. Вскоре мы переехали в новый город, папа занялся очередным коммерческим делом, принялся строить детские развлекательные учреждения в Омске, а мама вновь устроилась в библиотеку. Однако то стихотворение, обнаруженное в пасти чудовища, я запомнил, в этом не сомневайтесь, память у меня хорошая, а уж память сердца какая, вы бы знали. Текст назывался: мышеловка для снежинок.

Выпадаю из речи,
Видимо, фонетически,

То есть теряю созвучие:
 Меня зовут Миша,
 Мне двадцать восемь
 И я аптечный зависимый,
 Сиречь аптечный зависимый,
 В смысле, аптечный зависимый,
 Иными словами, вы знаете,
 Наверное, знаете, хотя
 И не близки фонетически.
 Как стилистика снега,
 Шесть гласных,
 Упав на кроличью шапку,
 Тают ли одинаково,
 Что те тридцать и шесть
 Согласных
 На цигейковой шубе,
 Припозднившейся дамы.
 И когда мело по всей земле,
 Во все пределы,
 Из контурной карты
 Сначала выпала Азия,
 Индия, Казахстан,
 Потом исчезла Монголия,
 Географы составители,
 Сдававшие еще сопромат,
 Их дети, Жучка на даче,
 Посуда в серванте,
 Пачки таблеток от кашля,
 Полуночный кашель,
 Рецепты сто сорок восьмые.
 И плакала девочка в автомате,
 С контурных карт
 Исчезли синие венки
 Сены, Волги и Камы,
 Темзы, Лены, Тунгуски.
 Но вы, пожалуйста,
 Не исчезайте,
 Седьмая
 И тридцать седьмая
 Снежинки.

Холодные летние туманы очаровали двор. Вещи собраны и стоят в прихожей, все эти баулы, чемоданы, коробки, свертки, перетянутые лентами, резинками. Во всей Припяти жилых домов осталось штук пять, не больше. Отчего-то уезжаем не только мы, странное дело. В дверь нетерпеливо стучат. Наверное, пришла мама, наверное, какую-то свою штучку забыла положить в кузов папиного грузовика. Она так расстроилась, когда услышала новость о нашем отъезде. Подкидывая теннисный мяч, медленно иду открывать и решаю, что хочу завести себе овчарку, чтобы помогала пасти овец. Когда я закончу институт, обязательно куплю ферму и займусь сельским хозяйством. Должно быть, в этом есть какой-нибудь смысл.

В восьмой главе читатель повстречается с Николаем Рыбкиным годам вопреки, мы были с ним близки двадцать лет спустя

...Имели место быть события тех лет, когда наша мама твердо решила сдавать нас в наркологию. По вероятию, времена те сопровождались процессами весьма постыдными. В очередной раз, видя мою запруженную постель, родственница талантливо определяла: сорвался, подлец, предатель, шпион! Дикция Брежнева, не позволяющая объяснить в должной мере, откуда берутся дети, тяжелая социально-экономическая обстановка, и та против него. Апелляция вовсе не нуждалась в приговоре, приговор в следствии, следствие в игле, игла в яйце, киндер-яйцо со времен моего малолетства, стоит заметить, испортилось окончательно и бесповоротно, чего уж тут беречь старые раны. И это пока страна трудится в поте лица, пока brave слесари нарезают резьбу во благо народа, железнодорожники перегоняют вагоны с углем, заодно покрикивая: Серега, давай в пятницу по пиву! А драматурги, скрюченные от радикулита, ставят патристические спектакли, чтоб вдохновить рабочего человека выходить на смену пять через два и зачем-то перекладывать бумажки с места на место. Он стоит, весь такой бонвиван, и в очередной раз простирает просиженный матрас. И лопочет: о, рецидива не будет, не будет...

Вероятно, Токарев снился не так уж и часто. Хотя, стоит признать, снился, то есть отрицать это бессмысленно. Допустим, он снился, когда у жены случались невротические приступы, ее конвульсивно-нежные руки чрезвычайно пугали наших детей. Совершенно чудовищное время было, приезжали бригады скорой помощи. Вы знаете, мне удалось безупречно выучить имена фельдшеров, медсестер, водителей. Здороваясь, я обычно спрашивал, как поживают их тещи, братья, сестры, кого выпустили раньше срока из лагеря, кого оставили на второй год. Вынужденно улыбался, кивая, мол, случается и не такое, держитесь. А сам думал только о жене, о ком еще, мы же клятвы с ней дали. Так вот, приезжала очередная бригада, иногда они забирали супругу туда на месяц, иногда на два. Временами вкалывали медикаменты прямо дома и не забирали туда. Туда в моем представлении символизирует что-то родственное консервированию. Вы наверняка помните, как еще в девятнадцатом веке Николя Аппер, кондитер, изобретатель консервов додумался продлевать срок хранения продуктов за счет угнетения жизнедеятельности микроорганизмов, портящих эти самые продукты. Жена, попадая туда, будто бы избавлялась от подобных микроорганизмов. До чего странно сейчас рассуждать, чувствую некую неловкость. Как будто матерью или разговариваю на языке своей страны. Какой-нибудь дикой глуши, где по-прежнему царит племенной строй и живут каннибалы в лачугах.

Как правило, накануне припадков супруги во снах я видел обрывки его текстов. Еще удивлялся, надо же, стихи, повести, как все серьезно. А ведь до этого я не читал их, но отчего-то такая уверенность в авторстве. В настоящее время встречаются, конечно, любопытные экземпляры книг, написанных Токаревым. Но, понимаете, это больше для эстетов, рыщущих по литературным лавкам, по букинистическим отделам, по независимым книжным универсамам. Ой, вы сейчас напомнили, а я как будто бы вернулся в то время. Нынешние подростки, полагаю, и не читают Крапивина, Владимира Железнякова, того же Анатолия Алексина. А мы их читали наравне с этим буйнопомешанным Токаревым. И школьные друзья, Бобров, например, им зачитывался в юности, бредил путешествиями по Карелии. Жена моя, кстати, тоже любила его верлибры. Мы с нею, надо сказать, познакомились на презентации Мишиной книжки. Татьяна Соловьева, директор библиотеки, где проходила презентация, помнится, излишне нервничала, она призывала присутствующих прекратить связываться с духом Венедикта Ерофеева. Ее холодная красота, подобная войне, вынуждала Великобританию проводить первое ядерное испытание в пятидесятых, ее холодная красота, подобная войне, стала причиной гонки вооружений. Во избежание беспорядков на мероприятии дежурили психиатры высшей категории. Студенческие годы, как же давно это было. И по сей день считаю «Хрущевку нашей любви» книгой для семейного прочтения.

Я развелся с женой, пятнадцать лет блака, как выразился бы наш старший лунный сын. Жизнь с ней напоминала поездку на поезде по Багдаду в начале двухтысячных. Со всех сторон

летят ракеты, взрываются фосфорные боеприпасы. Пулеметные трели: тра-та-та-та-та. Впрочем, сцены нашей супружеской жизни во времена столетнего цветения в могучем и вечном лесу мировой литературы человеческого гения, Николая Гавриловича, наверное, не всем бы пришлось по душе. Николай Гаврилович, Николай Гаврилович, если б вы знали, что делать с психически нездоровой женой. Мне кажется, сцены нашей супружеской жизни недостаточно хороши даже для драматического кружка исправительной колонии забайкальского края. Куда ветром редакторского задания меня занесло. Занесло при каких-то невероятных обстоятельствах, как во втором сне Веры Павловны, в самом деле. Шестой отряд второго барака погожим утром, синим и морозным, проснулся, а каждый арестант внезапно уменьшился. И стали они росточка небольшого, полметра всего. У Веры Павловны во сне, поправьте меня, если ошибаюсь, по полю блуждали муж и Алексей Петрович. И всех она миленькими называла. Безусловно, в забайкальском крае сидели убийцы, жулики, угонщики, но все они разом сделались какими-то миленькими, что ли. Я опять не о том, трубу под вторым бараком, где жил шестой отряд, прорвало, какой-то токсичный газ вырвался на свободу. Словом, случилась массовая галлюцинация, Впрочем, я опять не о том. Мы прожили с женой двадцать лет, из них пятнадцать в официальном браке. Я работал, много работал корреспондентом. Вел специальные рубрики о мистических, скажем так, проявлениях нашей жизни. Рубрики были такие: а бабушки здесь тихие, чупакабра ни в чем не виновата, барабашка нашего Бирюлево, спроси у спиритиста. Вспоминаю, а у самого горят щеки. Должно быть, вы читали меня под псевдонимами: Вальдемар Ясный, Зигфрид Великолепный, прочими выразительными, нелепыми прозвищами.

Бывает, мне пишут прежние, нежные, бережливые читатели на личную почту. Их корреспонденция весьма трогательна. Одинокие женщины-вдовы, матери-одиночки благодарят за надежду. Иными словами, я по-прежнему глубоко убежден: за буквами стоит что-то еще, какое-то вземное молчание. И читают милые граждане не о ведьме, сожженной в средневековье, а теперь мешающей сходить нормально в туалет, ибо сожгли ее на месте дома, где проживают люди, которым сожженная в средневековье ведьма мешает сходить в туалет. Но читают о своих собственных почивших мужьях и братьях. И думается им, есть там, на той стороне жизнь, встретимся, родимые, встретимся. Но я не хвастаюсь, еще чего. Взрослому, состоявшемуся, с двумя детьми мужчине хвастаться не пристало. Вы спрашиваете о Токареве, или вас интересует исключительно моя работа журналистом. Просто так совпало, что журналист десятилетней давности, истекшего срока хранения, и журналист во дни настоящие – это совершенно разные люди. И во многом, считаю, с литератора пусть и не началось мое преобразование, во всяком случае, с него началась моя любовь к живому слову. Собственно, мне удалось разбавить сухой, как сказал бы Миша, старушечий язык, что по великой ошибке оказывается в вашем ушке в переполненном троллейбусе. Считаю, мне удалось добавить необходимой художественности. Понимаете, людей интересует, по большому счету, не столько событие, вернее, событие их тоже интересует, но во вторую очередь. Прежде всего, читателю важен автор. По крайней мере, нас так учили в институте мэтры, а также километры журналистики, Александр Бархатов, например, Иван Алексеевич Панкеев.

Можно бесконечно рассуждать, почему, раз ты такой умный, тебе не удалось до сих пор получить паршивое место лектора, почему ты еще не обучаешь молодых, эксцентричных, амёбных, разных корреспондентов, где твои сборники статей, вышедшие отдельными книгами. Отчего Эмиль де Жирарден, или Жак-Рене Эбер имеют таковые сборники. Вероятно, в какой-то момент я позабыл, с чего начинается Родина, а играть по бразильской системе без этого знания совершенно невозможно. К тому же развод, сокращение. Мы всегда нуждались, дети это затратное мероприятие, тем более дети с особенностями. Но тогда, в те достопочтенные годы, чувствуете, как непроизвольно я перенимаю Мишин стиль. Мы нуждались особенно остро, послевоенное время. Крупный журналистский формат стремительно, а мы и не заметили, конечно, заметили, еще как заметили. Крупные журналистские расследования совершенно перестали читать. Мы по скудоумию еще полагали, дескать, читателя как рыбу оглушило всеми этими валютными обмен-

никами, йогой по пятницам, художниками без картин. И вот сейчас, вот-вот, совсем скоро роман-газета воссияет на весь подъезд каким-то невообразимым фиолетово-красным светом. Из каждого почтового ящика, принадлежащего каждой семье в доме, воссияет. И торчок на третьем этаже прозреет, ляжет в клинику, поступит правильно. Не в академию Гнесиных, не во ВГИК, не в университет имени Баумана, просто правильно. И наемный убийца на пятом этаже обронит свой пистолет с глушителем, подумает, божечки, а ведь я столько не успел прочитать, да хоть бы Стругацких. Выйдет через черный выход, пройдет по солнечной стороне улицы, сядет в трамвай и поедет в библиотеку.

Голова кипела, словно Косово под обстрелами. К журналистике добавились подработки, дворник на полставки, ночной сторож в детском саду. Я был близок, по крайней мере, так чувствовал, к самому настоящему безумию. Много пил, это хоть как-то помогало держаться на плаву. Родился сын, я был весь распадающейся страстью. Тексты выходили, но за них платили ничтожно мало, единственные приличные брюки прохудились. Я намеренно забывал их надеть, надевал спортивные штаны. И определенно знал, что когда-нибудь забуду надеть зубные протезы. А своему сыну, размышлял, дам несколько хороших советов, потому что утрачу способность показывать дурной пример из-за своей немощи. Как динозавр, что весь не умер, но стал едою будущего, нефтью, решил я, буду полезен своему мальчишке. У жены, помнится, случилась ремиссия, пожалуй, одно из немногих после рождения сынишки светлых воспоминаний того времени. Ее родители, которые были категорически против нашей помолвки, присылали продукты из Черногории. Буржуа-виноделы, попрекающие в неумении перестраиваться, они были недовольны, что их дочь вышла замуж за перестройку, пустые прилавки, очереди, талоны, неуверенность в завтрашнем дне. У женщины за всю жизнь примерно миллион яйцеклеток, говорили они, а ты своих бесполезных статей написал два миллиона, кого ты этим ошастливил.

Быть может, читателям будут интересны подробности моей жизни после Припяти, быть может, что-то про детство их интересует. Бобров, да все мои одноклассники, повстречавшиеся в разных городах: Пермь, Магнитогорск, Оренбург, Саратов. Являлись детьми с фасеточным зрением. Детьми, вскормленными млеком депрессии. Выходцами из бедных семей, все, что у нас было, это странная любовь наших родителей и никаких перспектив стать успешными адвокатами, филантропами, дантистами, прокураторами. Насколько мне помнится, школы, в которых я учился, а их было немало, всегда соседствовали с гимназиями, лицеями, где проходили обучение ребятишки, как бы выразиться, дворянского сословия, реже дети попов. И несмотря на разницу между нами, питание у них было лучше, игрушки, выходцы из небогатополучных семей отличались, не поверите, своими размерами. Мы были крупнее них, наш седьмой класс, играя в футбол с их десятиклассниками, доводил детишек буржуа, словно автора лягушки-путешественницы Всеволода Гаршина довели трагические обстоятельства до самоубийства. Мы доводили до слез этих ребят, не способных биться до конца, на смерть. Даже учителя казались со стороны заморышами по сравнению с нами. Они с опасением рассказывали о тангенсах, о князе Владимире, что крестил Русь. В определенной степени наши славные учителя были матадорами. До чего забавно, в дальнейшем женщины-педагоги выходили замуж за акселератов. Стоит отметить, в каждой новой школе Магадана, Екатеринбурга, Челябинска или Самары я попадал в класс таких вот грандиозных детей.

Потом был факультет журналистики, как его пренебрежительно называли студенты-археологи, чьи занятия проходили в соседнем корпусе, факультет пропитых голов. Мы не отставали, прозвав археологический факультет факультетом забытых вещей. Раздевалка у нас была общая, вечно там встречались потерянные рукавицы, шарфы, ключи, разное другое, принадлежащее будущим египтологам, любителям Шумер, Ассирии, Месопотамии. Примерно на то время пришлось мое увлечение тридцатыми годами, преимущественно репрессиями. Я стажировался в одной ныне закрытой и признанной вредной организации, что занималась возвращением утраченных имен. Имен расстрелянных диссидентов, священнослужителей, людей, попавших в лагеря по доносам соседей, покусившихся на чужую жилплощадь. Вероятно, та журналистская работа стала

основополагающей, определив направление, в котором я стал развиваться. Поразительно, сколь много мистических потрясений перенесли жители моей страны. Помнится, работал над серией очерков о снах, посещавших арестованных граждан.

У нас получается какой-то вечер удивительных историй с вами, в самом деле. Ни в коем случае не хочу никого грузить лишними подробностями. Однако, раз уж мы заговорили о профессии, о первых шагах в этой профессии. То следует возвратиться к воспоминаниям о той первой серьезной работе, проводимой мною не столько в рамках учебной практики, но в рамках некоего социокультурного проекта. С которым я связал собственную жизнь. Кремовая портативная машинка марки «Любава» едва не упала на ноги с антресолей, а вы говорите, не вас я сейчас грузю подробностями. Себя чуть не зашиб. Машинописные листы разлетелись по полу. Я достаю специально для вас эти артефакты из прошлой эпохи. В тот год по всему миру случился массовый скачок напрыжения, а еще попадали спутники с небосклона, зашибив ненароком сограждан. Благородные китайцы пообещали восполнить дефицит компьютеров, прочих электронных приспособлений в течение года. Нас обучали журналисты старой школы, я бы сказал, школы церковно-приходской. Мاستодонты, способные беспробудно пить, а потом с бодуна выдавать тексты, после которых читатели рыдали, как мой отец, слушая по радиоприемнику Петра Ильича Чайковского, в частности, «Времена года. Октябрь». Поэтому возвращение к этому советскому способу набора текста воспринималось нами вполне обыденно. Помнится, каждый из нас обзавелся диктофоном, кассетным таким диктофоном.

Я беру один из машинописных листов. Сон Александра Михайловича Якшенкова, одна тысяча девятьсот восемнадцатого года рождения. Офицера, отозванного с фронта в сорок третьем году для окончания инженерного факультета военной академии. Его арестовали в сорок четвертом по доносу о высказываниях в адрес властей. И приговорили к десяти годам заключения, освободили в пятьдесят третьем. Александр Михайлович вспоминает о том, как в лагере развелось чудовищное количество грызунов, преимущественно на продуктовых складах и пищеблоках. Якшенков рассказывает, как однажды дежурил ночью в амбулатории, прилег на топчан и задремал. И приснился ему сон о нападении крыс, они разорвали ему живот. Проснувшись, мужчина вскочил, сунул руки в карманы своего бушлата. Из карманов принялись выскакивать мышки, стали бегать по кабинету. Сновидение и пережитое настолько впечатлило Александра Михайловича, что тот объявил грызунам войну. Он брал на пекарне буханку горячего хлеба, делал из него шарики, которые посыпал порошком крысида. И разбрасывал данные шарики, значит, повсюду. А недели через две повара заругались, в столовой из подполья несет смрадом. Пришлось гражданину туда лезть. А потом закапывать сотни тушек. – Зато крысы и мыши пропали из лагеря, так-то, – заканчивает свой рассказ Александр Михайлович.

Закуривая сигарету, сию посреди комнаты, в руки попался другой лист. Воспоминание принадлежит Инне Шихеевой-Гастер. Инна Ароновна родилась в двадцать пятом году, ее родители были арестованы в тридцать седьмом, соответственно, сама женщина являлась дочерью врагов народа, как бы нелепо это ни звучало. Арестовали Инну Ароновну в сорок девятом, накануне защиты диплома, приговорили к пяти годам ссылки в Казахстане как социально опасного элемента. Освободили, а также амнистировали в пятьдесят третьем. В камере Шихеевой-Гастер приснился такой сон. Будто стоит она на допросе в комнате следователя, мужчина сидит за столом. И вдруг женщина начинает плевать зубами с кровью прямо в него, плюет, а у нее все новые и новые зубы во рту появляются. От страха проснувшись, Инна Ароновна немедленно рассказала о сновидении своим соседкам по камере, атеисткам-коммунисткам. Те лишь сказали: о, это дурной знак, очень дурной знак!

Пепел падает на бирюзовый ковролин, сизый дым. Совершенно случайно я обнаруживаю среди десятков чужих видений фрагмент очерка о гражданине из расстрельной бригады. Очерк об отце нашего декана, что стрелял в затылки на Бутовском полигоне. Упитанного, пожилого человека, совершенно несносного. Такого же несносного, как безумная Грета на картине Питера Брейгеля. Вы могли слышать пословицу, если есть две Греты в доме, то лающая собака не нужна.

Образ сварливой Греты в некотором роде рифмуется со средневековым образом святой Маргариты, согласно преданиям, судьба несколько раз сводила Марго и повелителя мух. И вы знаете, она его побеждала, кажется, даже связывала. Таким образом, от победительницы самого повелителя мух до сварливой старухи через комическое снижение недалеко. После каждого дождя на лице декана начинали произрастать все новые и новые грибы, напоминающие сморчки. – Ты, ублюдок, – крикнул он, повстречавшись в коридоре альма-матер, – да как ты посмел копать под меня! – Накануне в московском «Октябреньке» вышел мой текст, наделавший немало шума в журналистских кругах. И вот мы повстречались с этим человеком с багрово-сизым носом, тройным подбородком, всеми этими сморчками на бугристом лбу. На улице самый разгар лета, совершенно чудесная пора, чудесная, словно возможность зарабатывать литературным трудом. Декан, видя мою незаинтересованность в разговоре, дурнеет, хватается за ухо. Представьте, каков сюрреализм, впрочем, я готов за себя постоять. Мы боремся, как два цирковых медведя. Слышится оглушительный свист, появившиеся нектаты дружинники заламывают мне руки. Пятнаждать суток ареста, в камере появляется военком и со всей ответственностью заявляет о необходимости взять академический отпуск и примерить гимнастерку.

Служба проходила на Дальнем Севере. И порою я грущу о нем, о той чудовищной вьюге, снежной пыли в час ночной, когда нет возможности открыть окно в своей лачуге, ведь в бункере попросту отсутствуют окна. И остается только жадно слушать потрескивания в эфире. Войска химической и биологической защиты, документы о неразглашении, продовольствие сбрасывается раз в три месяца с вертолета. Моя прекрасная будущая жена, которой так не хватает во дне сегодняшнем. Моя прекрасная, словно эскимосская сказка, жена. Сказка о человеке с двумя супругами, одна рожала детей, вторая была бездетна. И каждой лунной ночью бездетная выходила на берег из своей землянки, песней звала мужа-кита. Приплывающего кита, она кормила мясом и поила молоком. Из носа кита выходил мужчина, и женщина спала с ним. Однажды человеческий муж проследил за ней, он убил кита. Однако супруга успела забеременеть и родила китеныша, односельчане вырыли яму с водой близ речки. Клара писала мне письма, когда я служил в армии. Представьте, вчера наткнулся на них в чемодане, большом желтом чемодане времен юности моих родителей. Я вспоминал, как запутавшись в сумерках ее кожи, брел наугад по каптерке, с криками просыпался от того, что мою руку схватила чужая рука, оказывалось, моя. И первая и вторая и даже третья мои руки. В письмах бесконечно много любви, там встречается предощущение скорого счастья. Но что такое счастье, мне решительно непонятно, так же как и непонятны причины нервных срывов супруги, эндокринная система, что-то еще, психиатры сами толком не знают. Я позволяю себе прочесть одно письмо, написанное уборым почерком на желтом тетрадном листочке в клетку.

Люблю тебя неразборчиво, у нас неразборчиво, но ты не думай, я поставила им условие. В следующем году, когда ты приедешь, мы будем неразборчиво. Мне досталась квартира от бабушки, мы можем продать ее, а потом добавить деньги, что ты накопил. Еще я научилась готовить неразборчиво, вряд ли ты когда-нибудь ел неразборчиво. Прошлое письмо, сказали на почте, было утеряно, директор почты принес глубочайшие извинения, это как-то связано с твоей частью. Что-то там секретно, как будто я выспрашиваю тайны. Милый, про тебя все говорят, мама на прошлой неделе купила газету неразборчиво, там вышла большая статья о тебе. Какой-то профессор утверждает, расследования, которые ты проводил, явились почвой для будущих исследований в области репрессий. По меньшей мере, два отечественных и пять западных институтов заинтересовались твоими текстами. Папа, ты же знаешь, какой он черствый сухарь, впервые за все время нашего с тобой знакомства выразил одобрение. Может показаться странным, но неразборчиво, возможно, из этого парня получится что-то хорошее, сказал он. Я не знаю, когда ты получишь мое письмо, судя по твоим намекам у вас полгода ночь, полгода день. И лето всего лишь месяц. Что на мне надето, какое белье, чем пахнет моя кожа в жаркий августовский полдень, о всех подробностях читай во второй части письма. Целую неразборчиво, надеюсь, столь эротические рассказы пройдут цензурную комиссию. Фотографию себя обнаженной, к сожалению, не разрешили при-

слать, только ту, где я в одежде. Надеюсь, в ближайшее время тебе дадут отпуск и мы увидимся, дорогой мой человек.

Призвали меня на три года. Однако благодаря внештатной ситуации, возникшей в одной из лабораторий, расположенной в нашем славном бункере, срок пребывания в армии сократился до полугода. Иными словами, вырвавшийся на свободу, подобно тому как некогда ретро-вирус иммунодефицита человека вместе с другими ретро-песнями, к примеру, песнями Фредди Меркьюри, Майкла Джексона, вырвался и захватил мир. Зараза, что совершила стремительный рывок, поразив до глубины души личный офицерский состав, а также секретный поселок, расположенный в ста километрах от места нашей дислокации. В общем, начался сущий кошмар по части заболеваемости. Вирус назвали кошачьей бациллой по причинам весьма деликатным, по причинам, как бы удачно выразиться. Зачумленные граждане испытывали непреодолимую тягу к валерьянке. Кошачья природа, завладевшая телами моих сослуживцев, изрядно пугала лаборантов, облаченных в желтые костюмы химической защиты. Я видел расширенные от непонимания глаза сквозь стекла шлемов. Наша рота громко мяукала, кидалась на членов комиссии, приехавших специально из Москвы. Острые коготки солдат весьма волновали ученых, в бункере произошла всамделишная катастрофа, подобная Кыштымской аварии, по крайней мере, в таком ключе писали в дальнейшем газетчики. И никто из руководства не мог понять, что же делать. Были высказаны предположения, но все они казались настолько идиотскими, казалось, проще законсервировать объект, а подвергшихся пагубному влиянию кошачьей бациллы затравить собаками.

Видно, жизнь уготовила иную судьбу для нашего брата, вашего шурина, сына материной подруги, верного своей Родине кузена, товарища по словоблудию, мастера прелюдий, страстного любownika, в конце-то концов. Минувшие двадцать четыре часа принесли некое облегчение, симптомы пропали, мальчишки могли выражать свои мысли, о, чудесное ощущение, подумать только. Нас повели в душевые, и мы искреннее удивлялись, радовались, что вода уцелела на свете. Еще недавно для нашей роты был печален приход рассвета, словно сходжение на станции ненужной. Теперь же нас всецело занимали обычные вещи, к примеру, прогулка по скрипучему снегу в минус тридцать пять, стакан холодной воды с привкусом хлорки, отжимания до головокружения, головокружение, голоса офицеров, глупая песенка под расстроенную гитару. Командование замяло столь неприятное происшествие, в срочном порядке мы подписали соответствующие бумаги. Потом стали готовиться к поездке домой. Высшими чинами было решено списать нас в запас, чтоб никто не уволок. По приезду мы расписались с женой. Денежное довольствие, выданное прапорщиком, скороотечно закончилось. Клара забеременела. Я вернулся в журналистику, перевелся на заочную форму обучения. Случилось семейное бытие, случился алкоголь, много чего случилось. Случился сон, во время сна моя душа сходила на разведку, потом вернулась, сообщив, не бойся, Коля, там неплохо.

А потом я встретил Семена Сикорского, директора первой российской службы по фиксации и контролю паранормальных явлений. В моей жизни появилась некоторая стабильность, по крайней мере, финансовая сторона вопроса перестала беспокоить. Если говорить о сегодняшнем дне, считаю важным упомянуть свое место службы. Благодаря которому так получилось, что мы вновь повстречались с Мишей Токаревым и я даже не сошел с ума, представьте себе. И понял одну вещь: в конце концов, сходят с ума не от того, что уходит жена, или увольняют с работы, или умирает любимая кошка. Сходят с ума, видится мне, когда ранним утром завязывают шнурки на ботинках, а шнурки неожиданно лопаются. А потом ты решаешь вдруг заняться соцреализмом, а на дворе стоит, сидит, лежит лето. И какой тут соцреализм, вздор. Времена соцреализма прошли, пора идти на рыбалку. Или, допустим, ехать по путевке в Пятигорск. Я лежу на полу, подложив руки под голову, вокруг разбросаны машинописные листы, письма супруги, печатная машинка «Любава», желтый чемодан матери, пепел. Потолок заволокло туманом, слышится вечерний плач ребенка, проживающего наверху, его мать пытается петь колыбельную, ходит с малышом на руках, скрипят половицы. – Сережа, у меня ПМС, посиди с Гришей! – кричит она жалостливо супругу. Мужской голос ей отвечает: а мне завтра в СНТ ехать рано, дом строить, Люда, я должен

зарабатывать деньги, пойми меня. Их голоса стихают, ушли в другую комнату. За окном идет медленный, словно соседский ремонт, снег. И капли коготками стучат по подоконнику, в сугроб, изъеденный оспой, глухо приземляется и верещит соседский ребенок. – Что ты наделала, что ты наделала, дура! – дико вопит Сергей. В квартире наверху кто-то бежит, хлопает входная дверь.

В девятой главе все те, кто смог пробиться через массив текста, увидят место службы героя нашей темени

Когда сталь устала от своей зернистости, а воробьи от голосистости, а письмо от речистости, тонкие руки китайца продолжали неумоимо держать горячее солнышко. Стоит сказать, офис нашей службы располагался в гараже номер четыре гаражного кооператива «Рябинушка». Данный кооператив по нелепой случайности приватизировала китайская диаспора. И для местных жителей, весьма консервативных, не склонных к принятию разнообразия великого и могучего русско-китайского диалекта. И для местных жителей, глядящих с нескрываемым ужасом на десятиэтажные гаражи, что скрипели, покачиваясь при сильном ветре. И для местных жителей начались веселые времена. Впрочем, если так рассудить, как нашим согражданам веселиться в условиях, когда психический террор повсеместно, начиная с детского садика. Не буду манную кашу, ах, не будешь, получи выговор с занесением в личное дело. С пометкой: инакомыслие, ближе мама, чем папа, верит в деда мороза, говорит, что хип-хоп это музыка для молодых.

Офис первой российской службы по фиксации, а также контролю паранормальных явлений занимал первые два этажа гаража номер четыре. Соседи, те, что справа практиковали китайскую медицину, пивяки, иглоукалывание, змеиные яды. В гараже за номером три, включающим вот уже пять этажей, продавали всевозможные деликатесы. Все эти личинки тутовых шелкопрядов, маринованные куриные лапки, засахаренные пятачки свиней. На неизвестном языке шкворчали сковороды, и раскаленные капли масла сложились на стене в профиль Мао. И длинные ножи летали журавлями в этих чудных закусных и ресторанах башни, надстроенной над третьим гаражом. Жильцы близлежащих домов называли оккупированный гаражный кооператив с некоторым презрением: япона мама. Но все-таки, влекомые экзотическими товарами, они заглядывали сюда по большим праздникам. Надевали темные очки, парики, беспрестанно озирались, боясь опозориться перед знакомыми. Дескать, что же вы, в такую клоаку поперлись.

Мы сидели на офисных стульях друг против друга, словно Клинт Иствуд и этот, второй, словно два самурая из фильма Курасава. Нас разделял черный лакированный стол с красным ноутбуком. Едва уловимо в комнате пахло духами, сакурой, а еще, знаете, йодом. Ко всему прочему, кофейный дух блуждал по комнате. А еще, а еще наша секретарша Акира успела с утра пораньше сжечь не одно благовоение. – Я надеюсь, ты в деле, Коля, съездишь? – спрашивает Семен. Розовеет его лоб над заснеженными бровями. После злополучного удара током Сикорский полностью поседел. Рыбкин всегда готов к тому, что река словес номинального руководителя, кстати, откуда финансы, где стулья, где деньги. Хитрый Карл, простодушный Маркс, ответьте, будьте любезны. Рыбкин готов произнести: да. О, после такого да река словес коллеги наводнит поместье, смоев овец, и собака с жалобным лаем, связанная, как пуповиной, цепочкой со своей будкой, отчаянно будет грести в бесплодных попытках не потерять трезвый ум, ясную память. Сикорский взыскивал да, словно гоппник взыскивает в подворотне сострадание.

Николай говорит, закашлявшись: да. Сикорский закуривает электрическую сигарету, откинувшись в кресле. На нем синяя рубашка поло, за его спиной на вешалке серый плащ тренч. Стены офиса обшиты поролоновыми конусами для звукоизоляции. Звукоизоляция не очень-то и помогает справиться с роем огненных слов, беспрестанно мечущихся по всему китайскому кварталу. Коллективный китайчонок Ли держит в тонких руках красивое солнышко. Голубоватое, приглушенное освещение, подкова бороды Семена напоминает квадратную скобочку, за ней следует икс во второй степени. Сикорский человек трудно решаемый, размышляет на польском, говорит на русском, подразумевает поверхностное натяжение. Рыбкин знал о дотационных государственных

средствах, правда, не мог представить себе, каким образом в сметах и договорах их контора проходит. Между тем Коля был осведомлен о спонсорах-читателях, именно Николай писал статьи для сайта, его рубрика называлась: попрошу без рук, товарищ полтергейст. Также два областных телеканала, что временами транслировали реальные выезды Семена и Рыбкина к гражданам, подвергнувшимся паранормальному воздействию, неплохо платили. Помнится, недели три тому назад мы взяли оператора, корреспондента, отправились на вызов рыбака. Собрались все деревенские, показывают нам червей дождевых, страшное дело, полные трехлитровые банки. Телевизионщики снимают, значит, этих червей, а у них лица младенцев. И важное уточнение позволю себе сделать, выше по течению реки находится родильный дом. А в родительном доме, представьте себе, проводят запрещенные Богом, а также действующим законодательством аборты. Скандал, какого не видывали со времен дела врачей. Для любознательных граждан, граждан, заинтересованных в деле врачей, посоветую книгу Владимира Дудинцева, называется она «Белые одежды». Словом, деревенские жители выдвинули теорию, до абсурдности восхитительную теорию об абортированных малышах, что вынуждены на данном этапе развития уползать в землю за ненужностью. А после рыбак Андрей выкапывал несчастных Анжел, Оксан, Максимов, Галин, сажал их на крючок и ловил рыбу, а потом присмотрелся, да ужаснулся. Среди нас был видный биолог, сумевший доходчиво объяснить, черви еще не Анжелы, Оксаны, Максимы. А всего лишь животные подцарства многоклеточные, просто с лицами младенцев. Подобным образом сигара порой всего лишь сигара и ничего больше, знаете ли.

– Слетаешь, привезешь его, плевое дело, ну, понадобился Миша Токарев людям, есть на него запрос, – говорил Сикорский, почесывая указательным пальцем с золотым кольцом в виде змеи востреный нос. Его оливково-зеленые глаза, как у родственницы гадюки реснитчатой куфии, не мигая, следили за руками Николая Спартаковича. Руки Николая Спартаковича клацали кубиком Рубика, сувениром из квартиры женщины Плюшкина. Помнится, звонили соседи запасливой гражданки, слезно просили: дяденьки, приезжайте, у нас казни египетские, тараканы kota утащили. – Тогда, Коля, покупаю билеты, два обратных, для тебя и литератора этого, с открытой датой, договор? – спросил Семен, делая краткий глоток из своей серой кружки с охотниками за привидениями. Токарев, Токарев, задумался на мгновение Рыбкин. Вероятно, поездка в Иркутск, где по агентурным данным тамошних телевизионщиков находился поэт, на чьих книжках выросло не одно поколение нулевых и двадцатых. Вероятно, поездка могла обернуться крошечной катастрофой. Не рядовая была поездка, рабочей командировкой даже не пахло. Рабочая командировка пахла, полагал Николай, вареными яйцами, лапшой быстрого приготовления, плакатным вагоном. Сколько же лететь до Иркутска, часов шесть, размышлял Рыбкин. Возникнут ли сложности, сможет ли он справиться с литератором. Избежит ли его челюстей, лязгающих в опасной близости от моей собственной шеи. Сумеет ли укрыться от взгляда на две тысячи ярдов. Николая Спартаковича терзали сплошные сомнения.

Внезапный интерес граждан к литератору. От малышей, впервые заметивших, как осыпалась пустая, прозрачная схема с веток электрических деревьев по осени в сложном лесу. До старушенций, познавших, что луковое море, в сущности, лишено слез. Был вызван крайне занятыми так называемыми изысканиями в области психиатрии. Некая художница, страдающая от крошечной бессонницы, лечила недуг в частной клинике неврозов. И на очередном приеме сомнолога дамочка сообщила о гражданине, что в редкие минуты беспамятства посещал пациентку. Специалист предложил художнице изобразить ночного визитера. Портрет отличался географической точностью, в левом глазу представленного мужчины бурлил Тихий океан, а в правом не бурлил Атлантический. И даже шрамы на лбу, если соединить их по контуру, напоминают очертания Монголии. Рисунок был забыт на столе доктора. И следующий пациент невзначай увидел его. Не смог совладать с эмоциями, воскликнув: я видел этого человека во сне, видел! Портрет гражданина спешно размножили на принтере, да разослали по неврологическим отделениям, сумасшедшим домам, частным лечебницам всей страны. Результат несколько ошеломил. Восемьдесят процентов опрошенных видели Мишу Токарева во снах один и более раз. А некоторые встречали поэта

живую, где-нибудь в очереди, в аптеке, в библиотеке, где-нибудь встречали. – Договорились, заказывай билеты, – произнес Рыбкин, облизывая пересохшие губы.

Семья Николая частенько переезжала. И пусть впервые Коля узнал о поэте в Припяти, нельзя было сказать, что другими сочинителями мальчик совсем не интересовался. Ему встречались иные писатели в Омске, Калининграде, Дубне. И встречи эти проходили, как правило, в краевых библиотеках. И писатели походили друг на друга, словно постановления совета министров СССР. И говорили они патетично, да глазки закатывали, читая с придыханием свои стихотворные строчки. И никого не хотел бы обидеть Николай Спартакович. Однако тому, маленькому Николаю Спартаковичу отчаянно не хватало в литературе Токарева, подобного ста граммам спирта медицинского, выпитых залпом, когда сидишь ты на лесной опушке на поваленной сосне. А рядом порхают, а рядом летают букашечки, бабочки и мошкара. – Одна фармацевтическая компания заплатила хорошие деньги, не гематогешки, как в прошлый раз, это исключено, за эфир с Токаревым, – Секретарский устоял на каштановую дверь с плакатом, на котором были изображены агенты Дана Скалли, Фокс Малдер, истина где-то рядом. Секретарша по имени Акира с кем-то болтала по телефону в приемной: послушай, дорогая, отдыхать, как роженица между схватками, времени нет, он же уйдет, сейчас же поезжай к той бабке. – Привезешь, он свои рассказы почитает, на вопросы зрителей ответит, о том, почему всем снится, расскажет, – Семен говорил с некоторым пренебрежением. Впрочем, неудивительно. За два года работы нашей службы по-настоящему неизъяснимое встретилось единожды.

То были времена развода, очередного срыва, удушливой весны. Насколько свежи в памяти воспоминания о том вызове, свежи ли. Да, поступивший вызов был заурядным и напоминал яичницу на завтрак. Семья: мама, папа, дочка, шумный дух. Ночные хождения, мокрые следы. Дочь страдала лунатизмом. Я уехал от них под утро, показалось странным, что за ребенком не догадались проследить. Быть может, родители боялись осуждения общества, ведь следить за детьми прерогатива Сливко Анатолия. На следующий день звонок от них же, ситуация любопытней. Дрожание шкафов, столов, стульев. Ложки, вилки, тарелки, ножи, все падало на пол. Вызвали геолога, оказалось, дом стоит на древнем захоронении, почва подвижна. У меня крики жены по телефону, язык заплетается, не язык у меня, сыр-косичка. Завалился к школьному другу, переночевал на диване вместе с двумя кошками. Утром звонок, та же семейка. Выезжаю, выпил немножко, что-то близкое к мерзавчику виски. Захожу к ним в квартиру, точно друг семейства, они рады видеть, подносят чашку кофе и круассаны. Странные звуки в ванной, как будто кто-то бесвязно поет. Сток забит волосами, надеваю перчатки, беру крючок на пружине для прочистки. Прядь черных волос. Мама, папа и дочка, все рыжие. Волосы никак не кончаются, пение не утихает. Вы знаете, метров сто волос, будете смеяться, напоминают экзотических змей, воспетых некогда Гумилевым. Вероятно, поймав кураж, я тянул и тянул, как репка тянул почтенного деда. Как Изольда Карловна тянет двоичника Петрова, ибо девятый класс, аттестат, общий ребенок. Имеем полную ванну волос, вообразите себе, какая-то нездоровая ерундистика.

Спустя пять мерзавчиков и пачку сигарет, выкуренных прямо там же на месте. Слои волос неожиданно стал доходить мне до пояса, перелившись через край ванны, волосяное море удивительным образом заполнило собою все пространство. Приглушенное пение напоминало обрядовые песни, еще по малолетству я слышал такое у бабушки, проживающей в Бурятии. В неопределенный момент волосы пришли в движение. Подобно грибнице, что связывает сотни грибов. Этот волосяной организм развивался, как яйцеклетка, долго, занудно, волшебю. А самое главное, почувствовал на интуитивном уровне, организм обладал разумом. И все, на что я был способен, это снимать на телефон inferнальные танцы, торжество хтони, праздник, на котором средневековые юродивые, покинувшие лепрозорий, целуют вас нежно, лезут с объятиями. Помню смутно, закричал, однако мерзопакостное шупальце проникло в меня, заполнило собой все горло, стал задыхаться. Из глаз хлынули слезы. Не к месту вспомнился учебник биологии, мужчина в разрезе, гортань переходит в трахею на уровне шестого или седьмого шейного позвонка, к чему бы этот экскурс в школьную программу. Быть может, перед шагом в бесконечность мы

думаем о науке. Волосяное море впитало меня в себя, как пятнышко нефти, как Дмитрия Ивановича Писарева, утопшего в Рижском заливе, впитал, собственно, Рижский залив. Свет померк, послышались нестройные аплодисменты.

Обнаружив себя в лечебнице, в некоторой степени был удивлен создавшейся ситуации. Жена подала на развод, увезла детей в неизвестном направлении. Я лежу в наркологии под капельницей. Вы спрашиваете у меня, как обстоят дела с волосами, с волосами-то как обстоят дела. Отвечаю, отчего не ответить. Я ушел в штопор, побил возмущенного отца семейства. Видимо, ему крайне не понравилось, когда курят у него в ванной, о, мне понятно его недовольство. Никотин все-таки токсичный алкалоид пиридинового ряда, и как многие алкалоиды в малых количествах оказывают лечебное действие, а в больших ядовит. Наверное, бдительный отец семейства почувствовал, что в ванной комнате выкурили целую пачку сигарет, а это, извините меня, наглость. Ко всему прочему, напугал его супругу и дочь, которые стали громко рассуждать о том, каким образом удалось крокодилу переварить солнце. Смешно вспоминать, но позже я умудрился подражаться с другим алкоголиком, не сошлись в вопросах литературы. Сосед по палате ставил творчество Солженицына существенно выше творчества Шаламова. В частности, называл произведения Александра Исаевича достоверней по части жизни в трудовых лагерях. Представляете, какой абсурд. Проведя положенные всем сознательным гражданам двадцать один день в специализированном учреждении, вернулся в дивный, старый мир. Детей с тех пор я слышал только по телефону, где вы теперь, мои телефонные детки.

– Семен, – сказал Рыбкин, – покупай билеты, лечу сегодня, надо успеть собрать вещи. Сикорский хлопнул по столу, произнес: вот это правильно, чего тянуть, завтра уже будешь в Иркутске. Николай Спартакович не двинулся с места, словно эклектика в архитектуре, обреченная топтаться в прихожей мировой культуры, повторяя различные формы искусства прошлого. Нечто невыразимое занимало мужчину в тот момент. Секретарша с диковинным именем Акира уподобилась железному Феликсу, она кричала на кого-то: мы не можем быть вместе, я это ребенок, обласканный тьмой, а ты, Вася, всего лишь водопроводчик, работающий с восьми утра до полудня, мы несовместимы, пойми! А ведь и правда, несовместимы, пронеслось в голове у Коли. Он сказал Семену, прищурившись: думаю, после этой командировки я возьму отпуск недели на три. Коллега ничего не ответил, кивнул, его пальцы стучали по клавиатуре ноутбука. Рыбкин поднялся из-за стола, не прощаясь со своим сослуживцем, спустился по винтовой лестнице, очутившись в приемной. Там секретарша с черешневыми губами, широкоскулая, в зеленом спортивном костюме, наматывая на указательный палец черный телефонный провод, слушала, должно быть, послания с обратной стороны луны. Белые волосы, прическа гарсон, сиреневые веки, словно лепестки астры. Она сидела в оранжевом кресле с деревянными подлокотниками. Приглушенный свет настенного бра. Девушка прикрыла рукой динамик черной эбонитовой трубки, сказала: вы опять опираетесь на меня всем своим дыханием, какой вы сегодня красивый, Николай Спартакович. – До свидания, Акира, всего вам доброго, – грустно улыбнувшись, произнес мужчина. И вышел в дверь, обитую красным бархатом для красоты и загадочности.

На прилегающей к гаражному кооперативу территории было шумно. Повсюду звенели диковинных запахи. Рыбкин шел мимо прилавков со специями, корица, гвоздика, сычуаньский перец. Сережки, в которых сидели живые черепашки. Чудовищно, подумалось Коле. Освежаемые туши крокодилов покачивались на крюках. Говорят, крокодиловый жир применяют при лечении кожных заболеваний, Николай ничего не знал об этом. Щербатый азиат в фиолетовом пуховике разговаривал по громоздкому телефону с антенной: очень не понимать твою это ревность, Марин, очень не понимать. Растаявший снег хлопал под ногами. Теплый мартовский воздух был приятен, словно переход к массовому машинному производству товаров из естественных и синтетических материалов, а также созданию конвейерных производственных линий. И небо ясным взглядом смотрело на молодеющий божий мир. Коллективный китайчонок Ли не проявлял ни малейшего интереса к Рыбкину. Китайский квартал успел проникнуть в поры, успел погладить маринованной куриной лапкой по волосам. Николай сливался с окружающей средой и пятницей,

как истовый хамелеон. Забреди сюда случайный человек, неминуемо растерзали бы дикие восточные торговцы электроники, еды, снадобий. Прошлогодня война с Вьетнамом существенно измотала обитателей Рябинушки. Рынок в соседнем районе, принадлежащий вьетнамцам, извечная вражда, мирская суета и копошение в межличностных отношениях порой выматывают не хуже городской контрольной. А фаянс наших нервных систем крошится от малейшего: я тебя ненавижу.

Николай Спартакович проходил мимо борделя. Призывно красного гаража. Начиная с третьего этажа и до самого шестого вместо передних стенок были вставлены затемненные панорамные окна. За ними пританцовывали, двигая бедрами в такт неслышной музыке, азиатские дамочки в пеньюарах. Неоновая вывеска не горела, к вечеру, когда стемнеет, загорятся кислотно-зеленые иероглифы, означающие: любовь с первого взгляда. Нимфы с белыми фарфоровыми лицами призывно приподнимали подолы своих атласных платьев, демонстрируя, как на уроке биологии, собственные пестики. Они знали, что есть их красота, они знали цену этой красоте, оглушительной красоте, словно февральская революция. Поговаривали, у каждой обительницы дома терпимости был припасен маленький нож, бывало, своенравные девицы резали клиентов, не сумевших уверовать в даосизм. Коля вышел на подъездную дорогу, вызвал такси. Пока ждал машину, он увидел группу военнослужащих, что направлялись в сторону борделя. Ребята весело болтали, называли имена: Гуанхуй слишком груба, мне нравится Анхэ, хотя Дай Лу тоже ничего. Их было четверо, их сердца, возможно, таили в себе раритетные тайны. Их форма была элегантна, форма морской пехоты. Черные кители, тельняшки, береты, в руках спортивные сумки с вещами. Напрашиваясь на элементарные случайные связи, они чрезмерно рисковали, временами китайский квартал, подобно чтению книжек за авторством Томаса Пинчона, способных развеселить ребят с тяжелыми формами депрессии. Временами китайский квартал был занятым уголком, поговаривали, тут царила работорговля. Проигравшиеся граждане, забредшие сюда по великой ошибке, вынуждены были шить в темных подвалах одежду. Да, по слухам прямо под Рябинушкой пролегла разветвленная сеть подземных коридоров, что вели в швейные цеха.

Один из парней с обветренными щеками, кирпично-красными, широкой боксерской шеей, с рыжими усами, как у моржа. Крикнул девчонкам своим богатырским голосом: барышни, предусмотрена ли скидка для участников тайваньской кампании? Рыбкин поглядел на китайнок, их лица сделались крайне серьезные. Одна из них с глазами цвета липового меда, с набухшими лимонными веками воскликнула: о, солдатик, для тебя у меня припасен лишний час! Наш ограниченный контингент прямо сейчас активно помогал отстаивать интересы Китая, поэтому обитатели Рябинушки к военнослужащим относились весьма благосклонно. – Прапорщик Баратынский, – произнес его коллега с лопухими ушами, овсяными баками, – немедленно прекратите смущать, понимаешь, женщин легкого поведения! – Товарищ майор, я боюсь возвращаться, вдруг на меня направит свой автомат противник, вдруг он выстрелит из своего автомата, – проявил слабость худосочный, шафранно-смуглый боец. Ему тут же страстно возразил иной служивый, паренек со звонким хулиганским голосом и тремя глубокими шрамами, проходящими через все лицо, как от когтей тигра: отставить упаднические настроения! К мальчишкам, косолапая, подошла дама в летах, азиатка в розовой шубе с черной брошью из оникса с золотой лентерой дзы, означающей удачу. Ее бесцветный голос, напоминающий кочевую жизнь оленьевода. Ее маленькие пурпурные губы, напоминающие крылышки фиолетового шмеля-плотника. – Я рада приветствовать дорогих защитников, наши скромные покои к вашим услугам, – произнесла она, указывая васильковым веером с алым драконом на светло-каштановую резную дверь. Безымянный умелец с помощью метода фрезеровки украсил дверку сакурой, деревом подсемейства сливовых.

Николай Спартакович сел в подъехавший желтый автомобиль. В каком желтом доме разыскивать Токарева, Коля совершенно не знал. Водитель имел женский род, словно ночь. Ее затылок, ежик черных волос, в зеркале заднего вида глаза цвета комедии Аристофана. Она напоминала коммунальную квартиру, не знаю, отчего в голову пришло это сравнение. Быть может,

общество проституток и эти морские пехотинцы, в общем, не серчайте, ввел в заблуждение. Ни на какую коммунальную квартиру женщина водитель не была похожа. Пришло сообщение от Семёна: появились новые данные, тебе нужен академгородок, вылет в девять вечера, пожалуйста, не облажайся. – Ой, только сейчас посмотрела на конечную цель маршрута, у меня подруга тоже проживает возле платформы Лианозово, – сказала женщина за рулем, выруливая на шоссе. В салоне пахло перечной мятой, грейпфрутом и соляной. Вас обслуживает: Персефона Ивановна Веснянка. Прочитал в приложении такси Коля, не сдержав улыбку. – А что вы радуетесь, ничего хорошего не вижу, страна в огне, – пожурела гражданка, объезжая полыхающего буддиста в желтых одеждах, что сидел в позе лотоса близ обочины. – Вот зачем они это делают? – нервно спросила Веснянка, зажигая габаритные огни. Автомобиль миновал синее кафе «Дюймовочка», повернул направо, едва не слетел в кювет. Персефона Ивановна водила так себе. – Мне видится, все дело в протесте, режим вьетнамского президента Нго Динь Зьем себя исчерпал окончательно и бесповоротно, – предположил Николай, потирая ушибленный лоб. Женщина не стала лезть в политику. Впрочем, спустя минут десять она неожиданно спросила: вы помните такую журналистку, Ирину Вячеславовну Славину, она тоже себя сожгла? Николай Спартакович прекрасно помнил коллегу из Нижнего Новгорода. – А все потому, что живут люди так, будто до них никто не жил, – оценка Веснянки весьма расстроила Колю, он даже хотел стукнуть женщину. Однако сдержался, и остаток пути они ехали молча вдоль рваных ран, мимо изумительных мук, по безмолвному воздуху, над немymi волнами.

Возвратившись домой, Рыбкин отчего-то разволновался. Николай прохаживался по своей квартире-студии, двухъярусное жилище, доставшееся при размене их трехкомнатной квартиры, славилось своими скромными размерами. Редкие тараканы, мигранты из жилища напротив, принадлежащего равнину, всерьез обсуждали возможность эмигрировать куда-то еще, порой их шепот раздавался в ночи. Нервировал. Мужчина чувствовал, как в его сердце, точно в боксерскую грушу, стучат маленькие кулаки. За окном шел медленный, словно соседский ремонт, снег. Николай Спартакович достал из шкафа кожаную дорожную сумку. Ему вспомнились старинные Мишины строки о предметах первой необходимости, которые следует взять в дорогу дальнему уважающему себя журналисту. Весенний воздух с острова Ольхон, душераздирающее пение из-за стены вернувшегося с войны в конце девяностых мужчины, вкус пельменей в столовой возле художественной школы города Ангарска, куда мать приводила перекусить после занятий, опять же в конце девяностых. Нужно было достать где-то палатку, ружье, выюки, седла, рекомендательные письма, приготовление к путешествию порою труднее самого путешествия. Впрочем, шутки в сторону, подумалось мне, судьба Барри Линдона, уготованная многим нашим современникам, претила, хотелось бы, конечно, чтобы поездка прошла как можно спокойней.

На стене, выкрашенной черной краской, висели фотографии обнаженных девиц, каждая из них сидела на остановке, прикрыв глаза, все они, кажется, спали, снимки были соединены красными нитками. Пометки мелом, способные сообщить что-то, сообщали что-то. Месяцев пять назад Николай Спартакович попал в прелюбопытнейшую историю. Перестав закладывать за воротник, он столкнулся с беспросветной тоской. Родственной тоске, что испытала некогда его жена, посмотрев кинофильм Джима Джармуша «Мертвец», повествующий о мистическом путешествии бухгалтера Уильяма Блейка в компании одного индейца по имени Никто по Дикому Западу к Тихому океану. Рыбкин ездил на группы анонимных алкоголиков, писал статьи, изредка садился в машину, когда не спалось. Колесил по ночному городу, высматривал чего-то. Посещал кинотеатры, показывающие порнографические картины, кинотеатры работали с полуночи до шести утра. Мне там встречались несчастные граждане с нарушениями сна. Ничуть не обуянные похотью, страстью, люди сидели на своих местах, их полужакрытые глаза, слюна в уголках ртов. Мы все коротали время, коротали время, коротали время. Слонялись по вымышленному городу Каркоза, куда по заверениям писателя Амброза Бирса попадает душа, которая была в нас точно дитя, отнятое от груди. Мы были вынуждены повторять одни и те же действия, которые некогда совершали, живя земной жизнью. Снова и снова, снова и снова.

Однажды на пересечении улицы Партизанской и проспекта Ветеранов, там девы вдоль ночных аптек торговали своим естеством. Николай Спартакович высмотрел одну барышню. Перуанская девушка Моника плюхнулась на заднее сиденье. Густые брови, похожие на прелестную речь. Они начинались тонко, изящно, потом сбивались с пути. Верхняя губа несколько коротка и слегка обнажает ряд зубов, мадмуазель как будто всегда улыбается. Загорелая кожа, присущая женщинам Рима. Прищуренные янтарно-зеленые глаза, в уголках которых едва заметны морщинки. На ней короткое платье цвета мякоти грейпфрута. Каштановые волосы заплетены в косички. На светофоре, на безлюдной улице она перелезла на переднее кресло, положила ладонь с короткими розовыми полумесяцами-ногтями на колено мужчины. И голос ее был глубоким и прохладным, словно колодец. Она говорила о цифрах, спрашивала, находит ли Николай ее симпатичной. А Николай очень даже находил. Однако не испытывал вот этого плотского желания, он просто хотел, чтобы Моника гладила ему голову, чтобы он уснул у нее на коленях. Они болтали о чем-то совершенно незначительном, о каких-то перуанских шаманах, о ценах на бензин, о жизни на чужбине, об учебе на факультете, где изучают психиатрию. Николай Спартакович нуждался в общении, телесная близость интересовала мужчину не в первую очередь. Но девушка настояла, верней, напросилась к нему в гости.

Они слушали пластинку, ансамбль электромузыкальных инструментов под управлением Вячеслава Мещерина. Композиция называлась «Воздушная кукуруза». Горячий кофе обжигал губы. Ментоловый дым ее сигареты клубился по комнате. Платье Моника задралось, боже, я надеюсь, подумал Коля, там не просто пестик, но что-то божественное. Не может этого быть, не должно все сводиться к постели. Барышня встает из лимонного кресла с деревянными подлокотниками, садится на кровать рядом с мужчиной. Чуть слышно горит ночник, его желтоватый, восковой свет лепит из предметов церковную утварь, вспоминается приснившийся Мишин текст о том, как он гостил в Переделкино, жил в гостинице для писателей. Да, что-то про церковную утварь. Жгучее дыхание барышни на щеке, тонкие смуглые пальцы расстегивают его рубашку. Она издает полустон, неуклюже движение, платье струится на пол. Николай Спартакович слышит запах ее тела, солоноватый пот, имбирь, сандал. Полусумрак вечера питал желания, поскрипывала кровать. И вся она была шелестом реки, шуршанием джунглей. – Сильнее, – попросила Моника, когда руки Николая сомкнулись на девичьей шее. Должно быть, досадная случайность, во всяком случае, Рыбкин и сам не заметил, как гостя перестала дышать. Барышня казалась раненной нашим временем насмерть, ее бездыханное тело таковым казалось. Коля подошел к окну, прильнул своим лбом к прохладному стеклу. Ситуация складывалась паршивейшим образом. Сбил с пути, то есть встретился с женщиной, заключил он.

Решение пришло внезапно, словно криминалистам однажды пришло внезапно решение использовать генетическую дактилоскопию в своих расследованиях. Николай Спартакович, путаясь в складках ночи, вынес гостью на ближайшую троллейбусную остановку. Весь путь он внутренне говорил себе: ловите меня, дурашки, другого шанса не будет. Желая быть пойманным с поличным, Рыбкин полтагал: испугать злодеяние, свершенное им, возможно лишь на электрическом стуле, куда его приведут сознательные граждане. В ином случае остановиться мужчина не сможет. Середина мая, в соседнем дворе шумит компания, горланит песни, ранит звуками девственную тишину раннего утра. Мужчина взвалил дамочку на плечо, подобно тому, как волк взваливает себе на хребтину загрызенную овцу. На самой остановке Коля с удивлением посмотрел на полуобнаженную Моника, казалось, барышне стало жарко, раздевшись, она решила вздремнуть. На пустынном шоссе, вдалеке журналист приметил синие, мерцающие огни. Рыбкин достал телефон, решая позвонить в скорую, но вместо звонка мужчина делает снимок своей новой подружки. Он стремительно покидает перуанскую красотку. Возле кинотеатра «Родина» сознательный гражданин заходит в телефонную будку, набирает ноль три. Говорит голосом хриплым: обнаружена девушка по адресу Малая Морская, дом десять, кажется, она не дышит, приезжайте, пожалуйста, чтобы разобраться в этом непросом деле.

Фотоснимки девиц на черной стене Николая Спартаковича. Обнаженных девиц, восседающих на останках. Китайнок, африканских обольстительниц, скандинавских обширных женщин. География существенно расширилась, в общем зачете пятнадцать подобных случаев, произошедших по всему городу. Рыбкин уверен, у него появился самый настоящий подражатель. Впрочем, Николай не знает наверняка, а перешла ли Моника в качественно иное состояние по его вине. Следующие за вышеописанным инцидентом недели Коля активно читал прессу, выискивал упоминания о перуанской девчонке. И пустота была ему ответом, была ли мадмуазель вообще. Маленькое расследование, затеянное Рыбкиным, совершенно не отвлекало мужчину от основной работы. Давнишний знакомый, что служил в криминальной канцелярии, Григорий Племянник, охотно делился подробностями новых дел. Единственное, что по-настоящему терзало Николая Спартаковича, это невозможность вспомнить те ночи, когда он мучился с бессонницей и колесил по городу.

Десятую главу попросили включить первые рецензенты, она повествует о Семене Сикорском, охотно включаю

И мы были все теми же перелетными птицами из этого мира на тот. А Семен Сикорский, электрик немаленького разряда, не мог ответить с определенностью, близка ли ему политика апартеида. Однако это нисколько не мешало ему пить немецкое пиво, переписываться с братом из Украины, ездить в Израиль на отдых, а также водить японский автомобиль. Стояла, сидела, лежала бархатная погода. Середина лета, шушукалась листва. Кварцевым утром Семен Сикорский, выпив чашку кофе, поцеловав сонную жену, спустился во двор. Он сел в свою машину, завел двигатель, включил магнитолу. Из магнитолы заструилась девичья песня: а мы пойдём с тобою, погуляем по трамвайным рельсам, посидим на трубах у начала кольцевой дороги, нашим теплым ветром будет черный дым с трубы завода, путеводною звездой будет желтая тарелка светофора!

Семен ехал по улочкам, подавившимся зелению. И размышлял, в речи жены слишком уж много вопросительных знаков, он же предпочитал многоточия. То ли разница в пятнадцать лет, то ли все дело в пропозиции, экстрапозиции, во всех этих семейных штучках, о которых толкуют психологи. В последние месяцы супруги как будто стали отдаляться друг от друга. Казалось, совсем скоро мужчина будет не в силах переносить ее речевые обороты, ее фонетика перестанет его удовлетворять, а фразеология попросту доведет до ручки. Сикорский ехал в область, в дом престарелых. Была, есть, будет суббота. И гражданин, встроившись в плотный поток машин, полпелся к старикам на выручку. В салоне работал кондиционер, но это ничуть не спасало от духоты. Мужчина снял красную фланелевую рубашку, оставшись в одной белой футболке. Третьего дня ему исполнилось сорок пять. У него наличествовал взрослый сын от предыдущего брака. Баскетболист, получающий сплошные неуды в институте, молчаливый, словно вождь из книги Кена Кизи, в общем-то, добродушный увалень. Пробка была печальна и близка к концепции картезианства. Электрик немаленького разряда подумал: надо бы в воскресенье повидаться со своим ребенком, со своим двухлитровым ребенком.

Справа в желтом автомобиле-жуке сидела старуха в розовой кофточке, с завитыми седыми волосами. Она напоминала директрису техникума. Семен много лет вынашивал под языком признание в том, что это он по великой случайности некогда сжег родной техникум. Пальцы Сикорского барабанили по рулю. Серая легковушка впереди меланхолично сдвинулась на полметра. Мужчина надавил на педаль газа. Еще впереди, ряда через два кто-то отчаянно сигнализировал, как будто увидал эсеров. Кстати сказать, а какие я разделяю взгляды, чья политика мне все-таки близка, размышлял с азартом Семен. Белые, анархисты, большевики, черносотенцы, сложный вопрос. Легковушка сдвинулась еще на полметра. Старушечка с длинным, словно пятьдесят с лишним лет, что Владимир Иванович Даль посвятил составлению словаря живого великорусского языка. Старушечка вот с таким носом уснула. С маленькой нижней челюсти стекала тонкая ниточка

слюны. Сикорский сравнил челюсть особы с челюстью птички. Сзади нетерпеливо посигналили дважды, мужчина поспешил нагнать серую легковушку. Сема живо представил, как соловей вьет себе гнездышко при помощи веток и слюны и разного сора. Автомобилисты за бабушкой распознали в ней злостную прогульщицу, они кричали, высунувшись из окон машин: вы там уснули, что ли, это какое-то издевательство! Мужчине вспомнилось, как его ругали в техникуме за опоздания, а он отвечал, поникнув: а меня бабушка не разбудила, что вы от меня хотите.

Наконец удалось миновать мост. И съехать на проселочную дорогу. Вишневый капот японского автомобиля превратился в плавник, фары сделались рыбьими глазами. Город плавно перешел в темно-зеленую реку. В воздухе-киселе Семен приметил черные зернышки слепней. Медленно подъезжая к стоянке, Сикорский стал свидетелем того, как из двухэтажного кирпичного дома с крышей-одеялом выводят стариков на прогулку медсестры. Припарковавшись возле розового фургона, мужчина вышел в мир этот. Из багажника он достал желтый ящик с инструментами, стремянку. – Мамамы, – шутливо поклонился Семен. Отметив, до чего крупные груди у медсестер, должно быть, кушали много капусты, плутовки. Меж берез бегали галопом бабочки, цвела сирень, гудели пчелы в цеху. В красной обшарпанной бочке плавал жук-плавунец. Сикорский, быстро поднявшись по лестнице, вошел в дом престарелых. По наличию мха безошибочно определил, где находится распределительный щиток, обесточил этаж, обесчестил когда-то директрису из техникума.

Электрик немаленького разряда принялся чинить в коридоре проводку, мы не сильны в терминах, в асбестовой изоляции, в чем-то ином, не знаем технических подробностей, однако чинил, чинил. У основания стремянки крутились старушки. Голоса старушек напоминали скрип двери в игорный зал, когда они еще не были запрещены. И целые индейские племена теряли свои земли по вине игорных магнатов, покусившихся на чужое. А Семен был не в силах противостоять одноруким бандитам. – Я заказала у деда мороза целый мешок лекарств, – проскрипела некая гражданка преклонных лет. – А я думаю, умирать дважды нельзя, – поделилась соображениями другая барышня. – Девочки, лето благостной боли, постижения печального света, никогда уже больше не будет такого же лета, – выразила опасения их подружка. Отчего-то Семен помнил эти строчки Риммы Казаковой. Их любила его собственная бабушка, доярка. Меж тем совершенно непримечательный старичок, значительных дел не свершивший, ветеран труда, любитель котиков etc. Шел мимо распределительного щитка, напевая обаятельно: отцвели уж давно хризантемы в саду. Дедушка, не удержавшись, вернул ток в стены дома полимеров. Ответка Семена Сикорского соприкоснувшись с оголенной проводкой, чудовищное дело.

В результате чего электрик немаленького разряда получил удар, сопоставимый с ударом, нанесенным Первой мировой войной по Османской империи, вынужденно распавшейся в дальнейшем. Он полетел со стремянки под радостные возгласы старушенций, не ведающих стыда. Видимо, те ложно приняли Семена за Вифлеемскую звезду, решив загадать желания. Глаза гражданина, решившего помочь старикам, раскрывались, как цветки поутру. А над мужчиной маячили сморщенные, маленькие лица ангелов. Ангелы лопотали на неизвестном языке чрезвычайно важные вещи. Пронзительно пела мошкара. Рты ангелов были напоены причудливыми ароматами мятных леденцов, испорченного мяса, лавандовых духов, лекарствами.

Обнаружив себя в больничной палате госпиталя Марии Терезы, Семен воскричал: чего же вы хотите, ангелы, я перестал слышать вас! Сикорскому несказанно повезло, проведя неделю в больнице, он был благополучно выписан за неимением серьезных повреждений. Кариес на двух зубах и подозрение на язву не в счет, с такими недугами у нас берут даже на воинскую дружбу. Жена Семы в свою очередь улетела на заслуженный отпуск в Ялту, а поседевший мужчина отправился на больничный. Он стал больше нервничать и уподобился той женщине из типографии, что бежит со всех ног на работу, пугая коллег. Коллеги ошеломлены поведением тетеньки, в чем дело, вопрошают они. Та вчитывается в собственный текст. И знаете, действительно, находится опечатка в слове Сталин вместо литеры Т литер Р. А времена повсюду советские, представьте, каков уровень стресса у женщины.

Электрик немаленького разряда подвергся метаморфозам, напоминающим метаморфозы, некогда произошедшими с гражданкой Болгарии, Вангелией. Шла вторая неделя домашнего заточения. Семен увлеченно глядел сериалы и фильмы. По телевизору показывали советскую кинокартину «Доярки». Внезапно воздух в комнате как будто наэлектризовался, температура упала, иней заблестел на окнах. На экране крупный план, вымя коровы, кадр не меняется, как хронические алкоголики. Вымя набухает, словно ледник талой водой. Влекомый непостижимым желанием, Семен подходит к телевизору, опускается на четвереньки. Прильнув губами к электрическому вымени, Сикорский жадно пьет молоко. По его волевому подбородку, усыпанному белой хвоей, струится молочный продукт. Молоко чрезмерно густое, желтоватое, во вкусе читаются по слогам ноты шиповника, сорной травы. Семен ощутил, что комната стала герметичной, точно гробница в египетской пирамиде. Электрик почувствовал, он ощутил, его постигло чувство. Чувство, похожее на то, что Семен испытывал в детстве у бабушки. Когда после обеда забирался на теплую печку, а за окном гремел гром. И он засыпал беззаботно. И снился ему кукольный театр, что приезжал к ним в детский сад. И снились ему стихи, прочитанные импозантным господином во фраке: открыв наук зеленый том, я долго плакал, а потом закрыл его и бросил в реку, науки вредны человеку. Всей группе выдали по мандарину, а также мешочку фундука. Стояла, сидела, лежала дождливая пора. Маленький Сема с рыжим котом в обнимку сомлели на печке.

Электрик немаленького разряда приходит в себя на полу, по телевизору передают белый шум. Рядом засохшая молочная лужа. Красные от слез глаза-цветы. Мужчина бредет в ванную, заходит, снимает одежду, включает холодный душ. Флегматично думает, поливая себя: гены, во всем виноваты гены, вот и догнали спустя столько лет. По рассказам бабушки, мать Сикорского в период беременности кушала мухоморы. То было времечко свободной любви, конец семидесятых, начало восьмидесятых. Мать Ванда несколько отбилась от рук бабушки. Она взяла в медицинском институте академический отпуск. Уехала в Симферополь, дикарями жили, упивались вином, купались голыми ночью, воровали клубнику и виноград. В сложившейся обстановке, когда лето любви сменилось осенью сожительства, определить отца Семена не представлялось возможным.

Однажды Ванда пришла на день рождения Семена, мальчику исполнилось пять лет. Она важно сказала: сынок, твой отец Бог, а братья и сестры все люди земли. Мать как раз попала в одну небезызвестную секту, потом пропала вовсе. Сикорскому десять, она объявилась. Восславляет Кришну и агитирует Семена восславлять. Они гуляют, кушают мороженое, мчатся на каруселях. Сема вспоминает вокзал. Мамины друзья лысые, на лбах у них красные точки. С ними весело, на ощупь у них головы как бархатная бумага. Они угощают горячим шоколадом из автомата. Говоря, что все поедут в Индию, а мальчика возьмут с собой. Семену не страшно, мама рядом, держит за руку. И вдруг на вокзале начинается неразбериха, откуда-то появляется бабушка, кричит о ребенке, которого не отдаст. Мамины друзья успокаивают родственницу. Юный Сикорский с мамой прячутся в вагоне поезда. Юный Сикорский теперь боится, с бабушкой не хочется расставаться, все-таки не чужой человек. Мама гладит по голове и становится покойней. Глаза слипаются, закрываются, как цветы на ночь. Снится Индия, река, по ней плывут граждане в цветастых одеждах. Юный Сикорский думает во сне, зачем же в одежде, неудобно ведь. Потом просыпается, рядом какие-то мужчины в серой форме, спрашивают имя, фамилию, возраст, есть ли прививки от дифтерии, коклюша, столбняка.

Семен, который электрик немаленького разряда, сидит на полу перед засохшей молочной лужей. Вспоминает, когда созванивался с матерью крайний раз. Вероятно, месяца два назад, она была в коммуне хиппи близ Аризоны. Семен был не в силах вместить какую-то небывалую грусть. Он поднялся на ноги. Настенные часы с котиком показывали семь утра, черный хвостик шагал влево, вправо, влево, вправо. Соседи сверху шумно выясняли, кто поведет ребенка в садик. Термометр на балконе, на улице тридцать выше нуля. В комнате, наверное, минус, изо рта вылетает облако пара. Сикорский думает: а ведь стоять существенно страшнее, чем лететь. А могу ли, неуверенно размышляет электрик немаленького разряда. Затем подходит к открытой форточке на кухне, подпрыгивает и летит, летит.

Над школой, домами, ритуальным агентством. И все кажется ему как бы составленным из коллективных, чужих воспоминаний. У ломбарда танцует, накинув на плечи голубые занавески с ромашками, субтильная госпожа утро. Ей удается с завидной регулярностью сбежать в одно и то же время из сумасшедшего дома имени Федора Арсеньевича Усольцева. Пролетая меж училищем и голубятней, Семену подумалось: уволюсь, определенно, уволюсь. И то ли серые голуби, все такие глупые и свободные, воркующие на своем диалекте. То ли студенты-химики, до безобразия молодые, шутливые, сподвигли Сикорского. Словом, он решил: увольняюсь. И, перейдя на бреющий полет, направился к месту своей службы. Над станцией Новые Черемушки, над цыганским поселком, ларьками, где продают веники для бани, центральным рынком, гастрономией, магазином с охотничьими побрякушками. Над бабушкой в черно-белом сарафане с гвоздиками, что вела внука за ручку. Внук упирался, у мальчика были вымазаны зеленкой колени. – Бабуль, я хочу кушать, – жаловался бледнолицый отрок. – Андрюша, так надо, сейчас комарик укусит, а я тебе за это бутерброд с докторской колбаской, да еще, знаешь, какую конфету, ты такой никогда не пробовал, – увещевала бабушка. Семен улыбнулся, вспомнились строки любимого исполнителя сына баскетболиста: большие трагедии в маленьких вещах, ты позавтракал, а кровь надо было сдавать натошак.

Подлетая к розовому корпусу отдела кадров и бухгалтерии, Семен увидел свою начальницу. Обширную даму, с крупными, словно горести, вызванные, скажем, войной третьей коалиции, когда Франция, Испания, Бавария, Италия сошлись на поле брани с Россией, Великобританией, Австрийской империей, Швецией и Неаполитанским королевством. Вот с такими крупными губами, буйным нравом, пятью бывшими мужьями. Клавдия вышла из такси, Семен в домашнем льняном аквамариновом халате опустился перед руководительницей. – Сикорский, – воскликнула удивленно женщина в джинсовом платье. – Клавдия Вадимовна, я решил уволиться, – решительно произнес мужчина. Светило яркое солнце. Губы оведала странная сладость. Может ли губы что-то овеать, с мечтательной улыбкой размышлял Семен, глядя на голубое и чистое, словно язык Ивана Бунина, небо. Клавдия о чем-то говорила, вполне вероятно, выясняла мотивы. До Сикорского долетало: я не понимаю, двадцать лет службы, лучший специалист. Семен с удивлением приметил у Клавдии Вадимовны в руке целлофановый пакет с зелеными конфетами «Ромашка». С каким-то детским озорством он попросил: Клавдия Вадимовна, угостите, пожалуйста, конфеткой. Начальница, протягивая весь пакет, недоуменно сказала: бери, конечно, может, зарплату тебе поднять, так поднимали в прошлом году. Кленовый листок, сорвавшийся с ветки, спикировал на капот старенького желтого запорожца. – Ладно, Сикорский, если твердо решил, иди в отдел кадров, – сказала с великой грустью в голосе начальница. Истекающим взглядом электрика немаленького разряда Семен поглядел на отдел кадров. Неожиданно для присутствующих: Клавдии, белочки, что кушала фундук на капоте старенького желтого запорожца, близ кленового листика, – чмокнул начальницу в щеку, вошел в розовое здание, написал заявление по собственному желанию, а не по щучьему велению. И стал глядеть на мир взглядом безработного, сорокапятилетнего Семена Сикорского. Домой мужчина доехал зайцем на трамвае, взлететь от чего-то не удалось. Видно, подвела вера в собственную правоту.

Рыбкин знал чудную легенду о появлении службы по контролю и фиксации паранормальных явлений. Согласно легенде, поведенной секретаршей Акирой, Сикорский в день своего увольнения, приехав домой, скинул халат, голенькой взял ножницы. Три дня и три ночи Семен медитировал. Он включил в ванной струйку воды и принялся нарезать ее. В процессе своей медитации Сему посетили духи рождества, они-то и посоветовали гражданину оформить себя как индивидуального предпринимателя. Николай Спартакович был известен Сикорскому прежде всего как талантливый журналист, переживающий не лучшие времена. Можно сказать, бывший электрик был почитателем Колиного таланта. Читывал с превеликим удовольствием статьи Рыбкина. Сема находил эти статьи не просто любопытными, но в определенном смысле пророческими. Как он признавался Николаю позже, после знакомства, журналиста поцеловал в маковку дух, по меньшей мере, Трумэна Капоте. И кто знает, быть может, Коля получит когда-нибудь Пулит-

церовскую премию, если страна разглядит как следует его в тени прочих заметных журналистов нашего времени. Скажем, Юрия Фокина, Льва Озерова, Юрия Левитана.

На первой их встрече в рюмочной Сикорский принял таинственный вид. Надел черный кожаный плащ, на шее у него висела на цепочке козья лапка, красные линзы в глазах добавляли образу некое сходство с вурдалаком. Однако, распив на двоих определенное количество горячительных напитков, посовещавшись, мужчины отмени концепцию балагана для только зарождающейся службы по контролю и фиксации паранормальных явлений. – А еще, – попросил смущенно Рыбкин своего нового коллегу, – перестань использовать в речи эту кухонную латынь, отныне никаких мemento мори, а только лишь любо. За соседним столиком шумная компания бритоголовых, крупных, словно индийское музыкальное произведение, имеющее название: Океан деяний Рамы. И длящееся сто тридцать восемь с лишним часов. За соседним столиком сидели подобные, крупные граждане в стильных кашемировых костюмах, песочных, темно-голубых. Местный музыкант Николай Воронов играл самозабвенно на синтезаторе. Белая рубашка, серая жилетка, синяя бабочка, скобы на зубах. Кудрявая голова, очки. Он пел о нежности: фруктовое, нежное, со вкусом йогурта придет после грусти, тоски и опыта, страдания и печаль с клубничным оттенком, и ты опять уходишь зачем-то, зачем-то. Еще за соседним столом восседал представительный грузинский мужчина, он был подобен республиканцам, что сдерживали под городом Герника наступление мятежников генерала Франко. В руках у него была чашка с кофе, он поглядывал на Сикорского с некоторым подозрением. Бульдожий подбородок, мясистые щеки, аспидно-черные волосы, зачесанные назад, блестят. На лунообразном лице притаились два костра-глаза, в которых горела старая мебель, хворост, а еще Джордано Бруно за собственную ересь.

Умеренная обстановка в любое мгновение могла обернуться охотой на ведьм. Чаепитием совершенно не пахло, группа продленного дня ушла партизанить в леса. Я поглядел вокруг, увиденное мне категорически не понравилось. Нас окружали бандиты. К нашему столику подвалил гражданин с угловатыми чертами лица. Целлюлоза его слов неприятно шуршала. Должно быть, он мнил себя уникальным человеком, подобным первой в мире атомной станции, построенной в пятьдесят четвертом году в славном городе Обнинск. – Вас приглашает на разговор дед Хасан, – вяло произнес гонец. Я спросил машинально: чей дед? Николай Воронов принялся петь свою белую стрекозу любви, сказав перед этим: а теперь я завершу свое выступление песней, которая спасла не одни отношения. Простые, словно стихи Уолта Уитмена, чувства вызывал Семен, отчего-то я сразу понял: за внешний вид, не соответствующий гордому званию пионера, сейчас нас хорошенько побьют. – За такие вопросы, – как будто в подтверждение моих мыслей незнакомец приподнял свою розовую рубашку. Мы увидали рукоять пистолета. – Идем, пацаны, солдат ребенка не обидит, – сказал фронт с лошадиными зубами, в которых застрял пшеничный колосок, или то был кусочек салата. Я подавился воздухом, точно землю. Взгляд впалых полуночных глаз посланца смутил, закашлялся сильнее. Семен похлопал по спине, из глотки вырвалась рыба голова, бог ты мой, подумалось, до чего волнительно. Мы все обескураженно уставились на деталь шпротины. – Это самое, дед Хасан желает с вами поговорить, – глупо повторил ординарец. Мы одновременно поднялись с моим сослуживцем из-за стола.

Стояли прямо, руки по швам, как на рентгене. Дед Хасан исподлобья поглядывал на Сикорского, размешивая чайной ложкой сахар. Человек шесть из окружения гражданина спешно удалились перекурить. – Что у тебя с глазами, сынок? – спросил монотонным голосом представительный мужчина. Сизая рубашка была растегнута на груди, виднелись непокорные черные волосы. – Всего лишь линзы, нет поводов для беспокойств, – торопливо начал оправдываться коллега. – У меня был знакомый, что на обратной стороне век наколот портрет отца и своей первой девчонки, чтобы, закрывая глаза, помнить, – произнес месье, жестом приглашая нас к столу. Официантка в малиновом брючном костюме и белой футболке с опасением выглянула из-за барной стойки. – Меня зовут Аслан, – представился он. В его голосе была печаль. Печаль, достойная трагедии, произошедшей в семье Берберовых в восьмидесятом году, когда лев, проживающий в обычной квартире с людьми, показал свою дику натуру и прикончил их сына. – Семен Сикорский, дирек-

тор первой службы по контролю и фиксации паранормальных явлений, – коллега пытался произвести впечатление. Рыбкину даже показалось, что ни к чему сейчас впечатлять этого господина с увесистыми золотыми перстнями на пальцах, как бы им не пришлось потом впечатлиться ночью на торфяном болоте. И найдут наши тушки чрез столетия потомки, разместят под стеклом в музее для красоты. Я сидел справа от деда Хасана, на столе находились всевозможные блюда. Утка по-пекински карамельного цвета, хрустальный графин с красным вином, бутерброды с черной икрой, колбасные нарезки, салатики, холодец.

– Эта история, словно вскрытая устрица-ранка на моем сердце, на которую капают лимонным соком, – сказал Хасан, и мы обомлели. Не ожидая встретить подобную тонко чувствующую натуру в этой рюмочной, где по пятницам раздаются выстрелы. Рюмочной с идиотским названием: Леонардо, дай винчик. – А в чем, собственно, дело, товарищ? – спросил Семен. И мне стало несколько стыдно за пьяную развязность сослуживца. Недобро на нас посматривали крупные мужчины, выстроившиеся, как на утреннике, у самого выхода, заложив руки за спину. Их было человек десять, я распознал в них самых настоящих отморожков. Мое расследование о женщинах, обнаруженных на остановках, в дальнейшем приведет именно в эту рюмочную. Впрочем, событие, о котором я имею честь вам рассказывать, произошло существенно раньше встречи с Моникой. – Мы искренне не понимаем, зачем вы пригласили нас, – заныл я, словно подросток в период закипания гормонов, а в распоряжении только атлас человеческого тела и страшная сыпь на лице. – А в чем разница между понятием и пониманием, как вы считаете? – Аслан как будто играл с нами. Мой коллега взглянул на него, сказав: я знаю, что вас беспокоит. От подобных слов я совершенно ошел, Семен казался в то мгновение каким-то старцем, повидавшим на своем веку множество необъяснимых штук. – Нет-нет, молодые люди, у меня праздный интерес, вот эти, как вы сказали, линзы, вся эта готика, она не заразна, просто мои внуки, кажется, подверглись тлетворному влиянию? – дед Хасан был всесторонне развитой личностью. По крайней мере, первое впечатление, сложившееся второпях, оказалось ложным. Вероятно, сказывалось советское образование, гражданин, пригласивший нас разделить с ним ужин, являлся непростым, словно решение часового у Николая Лескова спасти утопающего. Таким непростым являлся гражданин. – Вы знаете, подростки, подобно птицам по весне, позабывших о всяком приличии, удовлетворяют свои естественные надобности, превращают ваш сад и ваши леса в дома терпимости, – сказал глубокомысленно я. – Вижу отчетливо то, что не дает вам покоя, уважаемый, – вновь произнес мой коллега. Он закатыл глаза и водил, как настоящий экстрасенс перед собой рукою, должно быть, считывая информацию прямо из космоса.

– Как вы думаете, хороший ли я человек, а то вопрос воспитания в последнее время особенно стал меня заботить? – лукаво улыбаясь, спросил Аслан. – Мне кажется, вы хороший человек, потому что не застрелили нас, – не остался в долгу я, откусывая от бутерброда солидный кусок. Свет над барною стойкой погасили. В зале не осталось людей, лишь мужчина-гонец с лошадиными зубами, в розовой рубашке курил у окна. – Вы остроумны, но поймите мою встревоженность будущим собственных потомков, по большому счету, нынче такое время, когда все высмеивается, можно сказать, подрастающее поколение находит себя в сомнительных компаниях, – сказал господин. – Вижу за вами женщину лет сорока, один у нее глаз голубой, другой черный, – утробно произнес мой коллега. Резко встав из-за стола, он вдруг рухнул на пол и затрясся всем своим телом. Конвульсии продолжались минут пять. Мы совершенно ничего не предпринимали, продолжая степенно вкушать это удивительное вяленое акулье мясо. Наконец Семен пришел в себя, громко икнув, он поднялся на ноги. В опостылевшем поведении Сикорского угадывалась некая психологическая травма, возможно, перенесенная им вследствие удара током. К тому времени мне была известна его работа электриком и события, предшествующие нашему знакомству. – Так вот, Аслан, женщину зовут Хемида, она принадлежит к знатному езидскому роду, сейчас Хемида пребывает в мире духов, однако сто пятьдесят лет назад она была жива, – поделился своими видениями Сема. – Хм, – нахмурился дед Хасан. Я с удивлением заметил, что его глаза, как и у хищников, расположены на передней части головы, точно у лисы или волка, надо же.

С улицы послышалась ругань, следом хохот, загорелся фонарь. – Ваш эксцентричный товарищ, кажется, увидел мою прабабку, обладавшую неординарными способностями, признаться, впечатлен, – сказал Аслан. И было странно видеть его растерянность. В очередной раз отметил, сколь тонко чувствующий человек пригласил нас на ужин. – Как вы сказали, называется ваша организация? – спросил гражданин. – Служба фиксации аномальных явлений, – услужливо подсказал я. – Интересный поворот событий, в последнее время мне частенько попадаются на глаза собственные двойники, подозреваю, родственница, связавшись через вас напрямую со мной, хочет предостеречь о чем-то, – говорил, размышляя, Аслан. Сикорский налил в бокал вина, сделал глоток. Потянувшись к осетинскому пирогу, сказал: именно, ваша родственница исповедовала суфизм, ее сила была велика, Хемида сообщила мне, вам следует исключить в ближайшую неделю из своего окружения, может показаться странным, но. – Говорите же, что но, что но, – поторопил Семена наш новый знакомый, погнув от нетерпения вилку. – Мне было велено передать вам, в общем, не знаю, как сказать даже, – кокетничал коллега. Пришлось вмешаться, промелькнула мысль, сейчас же застрелят, не хватало еще холодного лета пятьдесят третьего. – Семен Сикорский, я требую, чтобы вы сию минуту же сообщили, что вам передала Хемида! – закричал на него, уплетая восхитительную конскую колбасу, я. Дед Хасан поддержал меня, сказав нетерпеливо: ну же, говорите, немедленно говорите! – Имя пришло, Марат по фамилии Хаджи, ваша родственница попросила перестать иметь с ним дела, – выпалил на одном дыхании коллега, потянувшись к блюду с лобстерами. – Женя, выдели из общака мальчикам денежку для поддержания малого бизнеса, да, дела, дела, – обратился Аслан к гражданину в розовой рубашке. Тот с готовностью подскочил к нашему столу, сказав подобострастно: конечно, не извольте беспокоиться, опять этот Марат, ох.

На улице стемнело. Во дворе рюмочной, у памятника Льву Толстому пылились нахохлившись голуби. В трех джипах сидели обширные мужчины из окружения Аслана, они смеялись, о чем-то спорили. Увядаящая улыбка лета, томный шелест листвы, середина осени. Мы вышли на деревянное крылечко, зарядил мелкий дождь. Наш покровитель в сером плаще, с шелковым золотистым шарфом на шее шумно вздохнул. – Идите к своей цели, друзья, а не за пивом, – произнес он. И в следующее мгновение произошло нечто непоправимое. Я услышал приглушенный хлопок, затем еще один. И Аслан принялся заваливаться на моего коллегу. На груди мужчины стремительно расцвели два мака. – Откуда стреляли? – нервно закричал человек из окружения деда. Телохранители озирались, пистолеты в их руках готовы были начать плевать раскаленными осами в любой момент. Двор наводнили мужицкие крики. – Чердак дома, Далил! – Садо, черный ход! – Не дайте уйти! – Гиви, быстрее к деду! На руках Семена Хасан испускал дух. – Башир, звони в скорую! Сикорский поглядел на темно-голубое небо, произнес печально: полетела, жаль, но полетела.

На Юрьев день состоялась та знаменательная встреча. И ноябрьские заморозки вынудили всех окрестных кошек перебраться в дома сограждан. О, не сограждане выбирали кошек, но кошки сограждан. Эти времена успели прозвать в учебниках обществознания великим кошачьим исходом. Составители учебников особенно уделили внимание неестественному поведению хвостатых. Ведь всем известно, кошечка ни в жизнь не пойдет на жилплощадь к подонку. Но вопреки данному предубеждению, кошек видели в компании отцов, что не платят алименты своим детям. А еще, помнится, бывшая жена Клара сообщила, что у сына ко всему прочему дислексия. На что я заметил: а у кого-то волчанка. И то и то неприятно, словно скрип пенопласта, словно размер пособия по безработице на пятый месяц бесплодных поисков нового места службы. Стоит заметить, заметь, подчиненный дед Хасана Женя выполнил волю своего начальника, нестати преставившегося. И наша служба, пусть и не опасная, однако трудная, получила свои первые денежные средства от Аслана и его фонда, именуемого в народе общаком. Что же до неординарных способностей Семена, коллега как-то растерял их стремительно. И сдается мне, слава богу. Ведь сложно представить даже степень ответственности, ложащейся на его плечи.

Глава за номером одиннадцать является главой за номером одиннадцать и ничем большим, это всего лишь литература

Весеннее дыхание нашей великой Родины все так же начисто смывало след перегара. Рыбкин воспоследовал примеру весны, а также в очередной раз доказал гипотезу: алкоголь мне не нужен, алкоголь это яд. Поэтому он заказал себе два компота, вишневый и грушевый. В данной гипотезе присутствовал еще незначительный хвостик, я мюсли, следовательно, существительное. Однако столь неблагонадежное утверждение отчего-то воспринимается, во всяком случае, людьми образованными, с неким пренебрежением, стоит заметить, заметить. Выметать веником за скобки таких граждан, не верующих в чудеса, так говорил Семен Сикорский. Ведь граждане, которые верят во всю эту магию, полтергейстов и заряженную воду есть электорат благонадежный. Иметь с таким электоратом дела одно удовольствие. Впрочем, вернемся к Николаю.

Из трех люстр «Колизей» горела та, что посередине. На длинном зеленом ковре, в узор которого угадывались космические корабли, Коля подметил две сиротливые горошины. Мужчина с присущей для мужчины импозантного, можно сказать, франта, игривостью слегка поразмыслил над тем, чего же он ожидает от встречи с литератором. Необычайная желтизна присутствовала в световом напылении. Ромбовидная плитка, коей были покрыты все стены, и та казалась ломтиками сыра Чеддер. Николай растянул две пуговицы шерстяного бордового джемпера, подумал, достать ли из дорожной черной сумки шарф, не достать. Однако ворот голубой водолазки пока еще согревал шею. Отчего-то над зоной выдачи пищи серенький кондиционер делал это самое, дул, развивая синие, красные ленточки. Рыбкин сделал маленький, миленький глоток вишневого компота, горло тотчас обожгло холодом. Грушевый компот не был удостоен внимания.

Николай Спартакович, сидя за столиком в столовой с чудным названием «У гиппопотама», в этом тесноватом и глуховатом денечке, достал бумажник горчичного цвета. Фотография младшей дочери. Прошлой ночью, еще в самолете приснилось, как объяснял ей, почему на православном кресте нижняя перекладина находится под углом. Почему же, почему, никак не мог вспомнить Рыбкин, хотя во сне объяснение отличалось академическими формами, восточной смекалкой и какими-то логарифмами. Николай поглядел в окно-витрину, там шел косой дождь вперемешку со снегом. Зрение не обрастало подробностями долгое время. Внезапно взгляд различил желтое пятно остановки, силуэт человека, вполне вероятно, с красным и синим пакетами. Рыбкин вернулся к своему кошельку, как возвращаются иной раз папанинцы. В отделе для мелочи лежит особая монета, Николай достает, кладет монетку с цифрой шесть на ладонь, всматривается напряженно, шумно сглатывает слюну. Шесть месяцев трезвости, бесконечность не предел, думает с улыбкой Коля. И делает глоток грушевого компота, что выдался несколько слаще компота вишневого. Однако, как говаривал Токарев, груши не хуже собак. Почему-то в юности Рыбкина это безумно забавляло, папа Спартак никак не мог понять, в чем же, собственно, дело. – Папа, у них внутри косточки, этим они похожи, – терпеливо объяснял малолетний Рыбкин. – Как скажешь, сынок, я тебе полностью доверяю, – говорил родственник и уходил за хлебом. Отец к тому времени открыл свою хлебопекарню. К сожалению, она вскоре закрылась, как и многие предприятия, затеянные папочкой.

На серой скатерти перед Николаем стояла зеленая пиала с гороховым супом, тарелка с макаронами по-флотски, салат из опять и лисичек, в хлебнице три кусочка бородинского хлеба. Мужчина подцепил вилкой дольку лука. Засмотрелся на старинные линогравюры над входной дверью. Белка с орешками, зайчики в трамвае, медведь кушает сушки, сидя у самовара. Долька лука бесславно пала на тарелку. Рыбкин съел опенку и лисичку. Вновь подцепил несчастную луковую дольку. Взгляд привлекла картина над зоной раздачи пищи. Охотники на лыжах возвращались из лесу в родное селенье. Долька начала соскальзывать с вилки, однако Николай не допустил этого. Луковица совершенно не хрустела, вероятно, залежала, заветрилась. Рыбкин сидел в пустом зале, даже буфетчица и кассирша куда-то ушли. Где же ты, Миша Токарев, подумал гражданин.

А потом съел гороховый суп, получилось тридцать пять с половиной ложек. Вкусная лисички с опятами, Рыбкин вспомнил семейное застолье в Припяти. Вспомнил с грустью Боброва, нынче друг детства живет на Камчатке, ходит на рыбацкой посудине в море. По временам товарищи разговаривают по телефону. Но когда же они виделись вживую, признаться, Николай не помнил.

Когда салат был съеден, Коля поднялся из-за стола, подошел к витрине-окну. Мужчина уперся лбом в холодное стекло. Столовая уперлась в Север. На годы вокруг ни души, вечерняя темень. И где-то на расстоянии поджопника от дурака Васечкина размытое пятнышко той остановки. И по-прежнему совершенно не разобрать, кто это там, женщина или мужчина, может быть, я сам, ох, на той остановке сижу. Николай Спартакович икнул, места для макарон по-флотски категорически не хватало. Подобно тому, как одному небезызвестному поэту не хватает нежности в стихах, а он, понимаешь, желает, чтоб у него нежность была, но получается какая-то небрежность, в самом деле.

Рыбкин вышел на пустынную улицу. Над котлованом зависла лапа строительного крана. Дорогу заволокло туманом. На белом доме мерцал баннер с военным и надписью: присоединяйся к своим. Мы стояли на краешке зимы, близилась весна. Значит, литератор сейчас в очередной командировке в специализированном казенном учреждении. Рыбкин хорошо подготовился, список сумасшедших домов, наркологий, неврологических отделений с адресами, телефонами, порядком приема посетителей. Был изучен больше, чем наполовину. Мужчина шел мимо вечного огня, лицо жалили стекляшки разбившегося окна самолета. Почти центр города, ни одного гражданина. Николай неудачно поставил ногу, оскользнувшись, завалился в мокрый снег. И вдруг понял, что мир, пронизанный атласной кровью Моцарта и латексным потом группы «Мираж», никуда не делся. Поднявшись, Рыбкин закурил, руки отчего-то дрожали. Все так же над котлованом зависла лапа строительного крана. Все так же на белом доме мерцал баннер с надписью: присоединяйся к своим.

У аптеки, растянувшись на льду, кряхтя, безуспешно пытается подняться старуха, на ней сизое каракулевое пальто, на голове шерстяной платок, ручку пакета она никак не желает отпускать. Рядом с нею мнется тощий парень в черном спортивном костюме, серая шапка с зеленым пауком натянута на самую макушку, маленькие и круглые уши, красные, как будто их обварили в кипятке. Голос гнусавый, говорит с каким-то вызовом: а как я ее подниму, а если враг, что же я, врага народа поднял, а последствия какие. Короткий удар в солнышко, согнувшись пополам, пассажир жадно ловит ртом воздух. Миша бы не одобрил, пронеслось запоздало в голове. Старуха совсем легкая, что-то лопочет, но я не слышу речь, а вижу детские мыльные пузыри, они вылетают, один, два, три, лопаются, киваю, довожу до остановки, усаживаю. Дует сильный ветер, с крыши остановки летит пласт снега, с глухим ударом приземляется на проезжую часть.

Оставив бабку на остановке, отошел метров на пять. И увидел удивительную картину. Подобно тому, как в лесу, если обронить кубик рафинада, то к нему начнут стягиваться муравьи. Так и бабку принялись облеплять пионеры и пионерки в красных галстуках, лакированных ботинках, коричневых полубухах. С косичками, курносые, грядущие члены преступных группировок, доценты, учителя, менеджеры, грядущие те-то и те-то. Их ручки ощупывали старческое лицо. Их уши увлеченно слушали сердцебиение пожилого человека. Губы шептали пульс: сто пятьдесят, сто сорок пять, сто сорок, сто. Влекомый мыслью о ночлеге, я устремился в сторону посуточной гостиницы в жилом доме. Шел мокрый снег, как было озвучено ранее. И мокрый снег тот был раненым солдатом на моих плечах. Однако я нес его, не рассчитывая на медальки, я просто его нес. Остановился на трамвайных путях, закурил. Впереди, за лесочком, начинались девятиэтажные хрущевки. Силуэты их напоминали мне силуэты лисичек, опят. Пошел аккуратно по лесочку, должно быть, с веток вода накапала за шиворот. Подумалось весело, что Эренбург оттаял, а сигареты подорожали. И жизнь, наверное, продолжается, чудесно. Не имея определенности, лишь примерные адреса, явки, пароли, юдоли. Решил снять себе угол, измерить, иными словами, что-то там про штаны Пифагора. Я решил снять себе угол, если угодно, гипотенузу, хотелось так спать. Завтра, думал, все завтра. Мысли путались, а я чувствовал близкое присутствие Токарева. Уже

слышалось жужжание пчел Персефоны, как Миша ласково прозвал шприцы с медикаментами. Слышался его мальчишеский, безумный смех.

На фасаде дома висела памятная черная табличка. Заразительно улыбаясь, щекастый мужчина в квадратных очках, расстегнутой на груди рубашке в тонкую полоску, в джемпере крупной вязи добился своего. И я невольно пал жертвой палочки хохота, минув оспу и тиф. В этом доме с декабря 2099 года по декабрь 2100 года жил и работал выдающийся путешественник во времени, Олег Евгеньевич Митасов. Внезапно, нет-нет, стремительно, со спины на Рыбкина было совершено нападение. Послышался подозрительно знакомый, гундосый голос: не дергаться, младший лейтенант Комаров. Силы лейтенанта Комарова едва ли были сопоставимы с мощью старшего лейтенанта Шмелева. Мы отчаянно боремся. Зеленая шапка с пауком слетает с моего соперника, летит в кусты. Наконец, оппонент дает слабину, нелепо попавшись в школьный захват. Кулаком натираю ему макушку, он кричит: ой-ой-ой. Белобрысый такой, смешной. Продолжаться вечно ни одна война не может, поэтому отпускаю мальчишку, пускай идет с богом.

Он тяжело дышит, недовольно говорит, доставая из кармана спортивных брюк красное удостоверение: что ж вы, гражданин, это никакая не бабка оказалась, враг самый настоящий. Смотрю на него, как на чахоточного. Вдруг этот сотрудник всхлипнул да расплакался: как же мне быть, в какой отдел теперь меня за такое вызовут. Раздосадовано-ошеломленный, я тронул Комарова за плечо, покойно сказав: будет вам, лейтенант, бабулька может являться двойным агентом, глядишь, она наши с вами интересы отстаивала. – Правда, вы так думаете в самом деле? – спросил с надеждой Комаров, утирая лицо бумажной салфеткой, громко сморкаясь. Мою щеку оцарапала льдинка, как в детстве. Этот лейтенант, летчики-камикадзе, бабка-сахарный кубик, вокруг происходило что-то по-настоящему загадочное и удивительное. – Комаров, – говорю, – непогодица, сходите-ка домой или в отделение, попейте чай с малиновым вареньем. – Говорю это как-то механически, что ли, вымотался совершенно. Зачем о малиновом варенье вот вспомнил. Гражданин в спортивном костюме отдает честь. – Товарищ, спасибо вам за поддержание боевого духа, даю слово, мы разберемся с этим вопросом, виновные будут в проказе, – произносит уверенно. Развернувшись, Комаров несколько дерзновенно кричит уже в темноту: э, любезные, минуту вашего внимания! Походкой развязной сотрудник удаляется в сторону темной аллеи. Вослед припозднившихся долговязых ребят в красных галстуках.

Николай Спартакович пнул стеклянную бутылку, она, повзвываясь, покатилась. Рыбкин смотрел на нее до тех пор, пока красная этикетка не перестала виднеться во тьме. Внутри Николая Спартаковича разгорелся всамделишный пожар на субботнике. Листья каких-то мелочных обид, перегнившие веточки сожалений. Пусть горит, мне-то чего, подумал мужчина, решая войти в посуточный отель. Как вдруг из соседнего подъезда выпорхнула неведомая Лорелея. Это пошутил Рыбкин, томимый тоскою неясной этимологии. То ли по детям с женой соскучился, то ли в сорок лет захотелось стать медицинским братом или массажистом. А ведь захотелось, Рыбкин, признайся, захотелось все поменять. Так здорово уметь работать руками, так здорово. Дамочка, придерживая полы засаженного светло-зеленого длинного пуховика одной рукой на животе, другой на груди. Заскользила в своих розовых тапочках к мсье Николаю.

Гражданка с удивительно серыми глазами, серыми точно последний снежок, что лежит где-то там, в промозге в апреле. Несколько перекошенное лицо, короткие рыжие волосы. В ее облике угадывались черты девушек с портретов Модильяни. Своими холеными руками она не давала засаженному светло-зеленому пуховику явить нечто великое. Она семенила по наледи в своих домашних розовых тапочках с темно-желтыми помпонами. Неловким смехом она потеснила меня к мусорным банкам с забродившими соленьями, что выстроились вдоль синего пластикового бака. Особа попросила сигаретку, скрываясь от ветра, мы зашли под козырек подъезда. С рюмочным звоном бились сосульки. Мы с нею курили вдвоем в городе Иркутске.

Откуда-то, должно быть, из квартиры на первом этаже доносилась музыка. Незнакомый подросток бодро читал под ритмическую музыку о маршрутке, в которой не было мест, поэтому лирическому герою пришлось сесть на героин. Далее чтец вспоминает о своей возлюбленной, к

ней он, собственно говоря, направляется в гости. На остановке автор заходит в магазин и решает прикупить курицу на ужин. Однако забывает за нее заплатить, вследствие чего на него совершают нападение охранники. На мужчинах черная форма с нашивками: викинг. А также тяжелые ботинки фирмы «Патрули». В конечном итоге герою удается вырваться, он ловит попутку, проезжает мимо витрин, проезжает и размышляет, что же он видел в жизни кроме насилия, кроме пакетов с клеем. Затем в композиции происходит забавный переворот, мы узнаем, что героя зовут Миша, он пишет свою первую повесть, а его возлюбленная Лена на ужин хочет приготовить яичницу. Автор думает о женитьбе, представляет, каков будет праздничный обед, запеченные голуби в соусе бешамель. Затем лирический герой заходит домой, его сожительница весьма рада курице. Они ужинают и глядят сериал Клиника. Елена сдержанно сообщает, что к чаю припасены финики. Рассказчик безмерно счастлив. Неожиданно гражданка сказала: это мои дети слушают хип-хоп, у нас в городе Миша Токарев еще подростком талантливо читал хип-хоп, но в отличие от Децла вон как бывает. – Меня, кстати, Лиля зовут, – представилась. – Коля, – говорю. А сам посмотрел, знаете, в профиль, в профиль дамочка показала поразительно знакомой.

По-видимому, я помню этот длинный нос в красную крапинку, нас осаждали в ту пору клопы. Какая же это была госпитализация в наркологию, кажется, четвертая. Происходит все до смешного легко. Выходишь из дома майским утром на улицу, в свой выходной с мелочью на сигареты. А через три дня лежишь уже на вязках где-нибудь в Омске, хотя проживал в Подмоскovie. Не подумайте, с Омском все в порядке, в Омске покоится Егор Летов. Я много где лежал уточкой под капельницей, невразумительно крикая. Лилия, да, Лилия, которую нарисовал в своей манере Модильяни. Помнится, излет февраля, томный вечер, клозет, кабинки категорически отсутствуют, не положено. Минула неделя моего пребывания в тех местах, прокапали витаминки, янтраную кислоту. Приезжала жена, в третий раз предупреждала о том, что детей я больше не увижу. Сигарет не привезла, кажется, во всем отделении они кончились. Меня пошатывает в клозете, пластиковое ведро из-под майонеза на подоконнике, в нем плещутся окурки. И вдруг Лиля. Нас разделяло две решетки и разные лирические героини, на которых мы хотели быть похожими, когда вырастем. Я мнил себя Довлатовым, Довлатов мастерски мял передовицу, а получались смешные буквы. Помнится, Лилия лежала в женском отделении среди любительниц «Алисы в стране чудес», Тимоти Лири, Уильяма Берроуза. В сущности, не столь важны подробности. Мне чудовищно хотелось курить, а во всем отделении, точно, ввели запрет на курение. Кто-то тайком пронес несколько литров некачественного самогона. Среди нас были потравленные и посрамленные, потому и ввели запрет. Ох, взглянул еще раз на эту Лилию, мы закурили по второй.

А тогда в казенном учреждении она умудрилась пробросить мне сигареты, прилепляя к филтрам кусочки свежей штукатурки. Терзаемый иллюзорной благодарностью, я протянул ей целую пачку. Не глядя, достал из кармана брюк несколько соток, тоже вам. Гражданка пришла в возбуждение, пуховик распахнулся, под ним синий клетчатый халатик, такие, по вероятности, нам выдавали в тех веселых отделениях. Сколько же их потом было, пять, может быть десять. Лилия приблизил свое разгоряченное лицо, пахнущее ландышем, водкой и тем февралем за двумя решетками. Она ошибочно отнесла мое смущение ко временам студенческих влюбленностей. Великодушно предложила провести с ней вечер с последующим распитием алкогольных напитков. Однако, являясь алкоголиком в стойкой ремиссии, ответил пленительным отказом. Что несколько смутило гражданочку. Она спросила, есть ли где остановиться. Ответил ей: нет, нгде. Подул ветер, женщина поежилась, полы ее пуховика вновь норовили распахнуться. – У меня деверь через десять домов, одинокий, интеллигентный, я сейчас позвоню, – сказала она, доставая из кармана куртки кнопочный телефон. – А ты не из органов? – спросила, оценивая разглядывая. – Ищу одного человека, – нехотя произнес, кивая на окно, из которого продолжала доноситься музыка. – Ой, Токарев, что ли, у меня деверь с ним друзья хорошие, – сообщила она, зачем-то постукав указательным пальцем левой руки об указательный палец правой. Пуховик распахнулся. – Странно, трубку не берет, – сказала Лилия, – деверь мой живет на улице Космонавтов, дом семь, квартира триста пятьдесят семь. – Одна из женщин Модильяни улыбалась, прищурив глаза. Потом сказа-

ла, почти смеясь: и не забудь купить водки, что я тебя учу, какой-нибудь еды, сыра, колбасы, он любит крабовые палочки.

Крабовые палочки, подумал Рыбкин, дочка Дана их тоже любит. Дети сейчас вместе с мамой в Черногории у родителей жены. Там хорошо, тепло, но я пока не сорвался, дорогая, пока не сорвался. – Эй, ты слушаешь, скажешь, от Лили! – кричала в самое ухо женщина, словно ухо являлось Крайним Севером. – Да понял я, понял, – смутился как школьник Николай. – И смотри, в академгородок не сверни, там, говорят, эти, молоточки какие-то, граждан пристукивают, – произнесла женщина, увлекая мужчину к ночному гастроному. Но Рыбкин вежливо сказал: Лилия, не стоит, не стоит, я дойду самостоятельно, ведь в своем девятом Б самый высокий и быстрый партиец. Гражданка ответила: как хочешь, главное, по сторонам смотри, тебе нужен дом семь, квартира триста пятьдесят семь. Коля, разминая зябнущие пальцы, потопал в сторону предполагаемого места проживания необходимого деверя.

Продрогающая, сонная улица прижималась ко мне, и мы дрожали вместе. Я шел по указке Лилии, размахивая руками, опасно балансировал. И дрожал. Указка была деревянной, Лилия совершенно не походила на учительницу. Жизнь истончается, подумалось безрадостно Николаю. Он протиснулся между домами, пятиэтажки стояли почти впритык. Расстояние не больше полуметра, тридцать девять шагов бочком, бочком. А все-таки жизнь истончается, подумалось Николаю, когда он едва не порезался о колючую проволоку, притаившуюся на уровне головы за гаражами. Эх, она истончается, снова подумал Рыбкин, идя по стадиону, глядя на инсулиновый шприц с оранжевым колпачком. Откуда-то слева раздался зов электрички. Так электрички извещали: в нас нету Венечки, где же ты, Венечка! Фонари горели через один. Ну, истончается, чего же теперь, подумал Рыбкин, омываемый холодным ветром. В очередном дворе двое рослых мужчин в синих комбинезонах грузили в багажник серебристой девятки что-то в черные мешках для мусора. Зачем-то истончается, даже спросить не у кого, ставить заплаты, не ставить. После встречи с Токаревым Николай решает поехать к бывшей жене и детям. Он поднимается по лестнице, стоя на крыльце, с удивлением обнаруживает домофон с одной единственной кнопкой. Какая-то новая модель, что ли.

Экран загорается, на экране раскрасневшееся лицо Николая Спартаковича. Мордасы какие, размышляет добродушно мужчина. Вдруг слышится женский механический голос: снимите, пожалуйста, кепку, назовите номер квартиры. Коля ставит свою кожаную, дорожную сумку рядом. Снимает шерстяную клетчатую кепку, говорит: в триста пятьдесят седьмую, Николай. Добавляет поспешно: я от Лилии. – Прошу вас уточнить, вам в Аризону? – напутала электрическая баба. Рыбкин зачистил, надевая кепку из ангорской шерсти на подмерзающую, словно хурма на рынке, голову: нет, нет, от Лилии. Ненастоящая женщина плела интриги на рабочем месте: поняла, Воркута, назовите цель визита. Николай Спартакович, глядя в собственные воспаленные глаза, растерявшись, произнес: Рыбкин Коля, куда ты приехал. – Ваш запрос включает в себя населенный пункт Арканзас, к сожалению, в рамках доступных параметров предоставить доступ не представляется возможным. – Вот она совсем истончилась, усмехнулся мужчина, искусственный интеллект не в состоянии предоставить мне доступ. Ухватившись за дверную скобу, он принялся открывать силой. – Вы нарушаете целостность городского имущества, я буду вынуждена кричать, – даже будучи электрической, женщина продолжала оставаться курочкой. Николай Спартакович отошел, услышав, как открываются двери лифта. На крыльцо вышла девушка в черной блестящей шубе с азиатскими чертами лица. Дамочка неестественно рассмеялась: еще одна жертва нашей цитадели, добрый вечер. Николай Спартакович сдержанно приветствовал девушку: добрый, выходит, что да. – Вы ей говорите всегда, тени исчезают в Иркутске, – выдала нечто секретное азиатская шпионка.

Рыбкин зашел в подъезд, гудел трансформатор. Кто-то нервно щелкал кнопкой лифта, точно соловьиная щелкотня раздавалась откуда-то сверху. Пахло яблочным пирогом, как в детстве. Наполовину стены были выкрашены синей краской, наполовину побелены. Еще пахло едва уловимо хлоркой. На почтовых ящиках стояли картонные иконки, Рыбкин опознал Архангела Михаила.

В подъезде было чисто, можно сказать, скажи, уютно. Николай Спартакович вспомнил, как в институтские времена они обжимались с будущей женой Кларой на лестничной клетке. Мужчина мечтательно разулбался. Сколько же им тогда было лет. Лет по восемнадцать, совсем юнцы. Потом ее родители увезли на год, спрятали, воспрепятствовали любви. Коля продолжал изучать синтагмы, безбожно тосковал. Она сбежала из дома. Краткое время жили в Тарусе у друзей. Читали с Кларой Паустовского. И снегири на ветках напоминали яблоки. И птичьи следы на снегу, точно воробьиный шрифт, были способны читать самые одаренные школьники. Мужчина писал стихи в ту пору. От нахлынувших счастливых воспоминаний Николай Спартакович готов был полимеризоваться прямо на месте.

Поднявшись на один лестничный пролет, Рыбкин увидел до чрезвычайности милую картину. У белой батареи на поддонах, застеленных розовым байковым одеялом, дремала черно-белая кошка. От шагов мужчины животное, проснувшись, подняло голову. Вероятно, жильцы подкармливали кошечку, рядом стояла фиолетовая пиала с водой и два пустых блюдечка. Кошка мяукнула, в оскудевшей пасти красавицы, не хватало сосиски. – Эй, подруга, хочешь сосиску, или курицу? – спросил игриво Рыбкин. Она замурлыкала, прищулив голубоватые с поволокой глаза. Приятный подъезд, а жизнь истончается, а я совершенно забыл купить водки, закуску для хозяина квартиры. Подумал повеселевший то ли от приятного кошачьего соседства, то ли от истончившейся жизни мужчина. Подъезд был опрятен, Коле нравилось стоять здесь, вдыхая запах яблочного пирога и хлорки. Выходить на продрогшую, сонную улицу ничуть не хотелось. Кошечка сонно мяукнула, этажом выше хлопнула дверь. Замлевший Рыбкин сладко зевнул. И все-таки вышел на улицу.

Суставы ветвей под мартовской анестезией едва покачивались, едва. Мужчина пересек двор. Синий круглосуточный магазин с вывеской: «Кристалл». Краска на вывеске облезла, словно кожа на локтях и ладонях в детстве, когда Рыбкин по недоразумению притащил домой лишайного котенка. Николай вошел в металлическую дверь, обитую кожзамом. За прилавком сидела полная гражданка в сиреновом деловом костюме, татуировка слезинки под глазом. Печаль зимы лежала на ее лице. Черные тонкие брови-деревца. Синие, точно целлофановый пакет, запутавшийся в ветвях березы, волосы, прическа каре. Николай Спартакович, показывая рукой на полку за спиной дамочки, попросил: будьте любезны три бутылки водки. Тонкие желтые губы пришли в движение, они были подобны муранам: вы не себе? – Не себе, – подтвердил Рыбкин. – Тогда берите вот этой марки, недорого, но хорошая, – девушка выставила на прилавок бутылки-кегли. Она выглядела несколько уставшей, а еще пленной. Николай Спартакович выбирал продукты, переходя от витрины к витрине. – Пачка сосисок, куриная грудка, килограмма два, две пачки крабовых палочек, салат мимоза, оливье, морковку по-корейски, три пачки кошачьего корма, – перечислял мужчина. Продавщица передвигалась крайне медленно. Быть может, каждое утро, идя на работу, бедняжка по нелепой случайности вынуждена наступать на противоположные мины. – Можно еще блок сигарет, – попросил смущенно Коля. Неожиданно гражданка спросила, продолжая складывать продукты и выпивку в пакеты: – Скажите, я симпатичная? – Николай Спартакович на автомате ответил: как Баден-Баден, еще сыр вот этот, пожалуйста.

Нехитрой беседой они украшали свои губы. Девушка, взвешивая сыр, поинтересовалась: вы бы не постеснялись осязать мои уста своими? – Вы так юны, а я такой древнеегипетский, что успел побывать в пионерах, – кокетничал Николай Спартакович, принимая белые пакеты у дамы. Черный лак на ногтях продавщицы кое-где отстал. По маленькому серому телевизору в подсобке показывали Ларса фон Триера, полуслепая женщина упоенно танцевала на заводе среди станков. Девушка, хмыкнув, сказала: я учусь на теологическом факультете, пионеры не мой профиль. – Всего доброго, дорогуша, – поставил радиоточку в их разговоре Рыбкин. И вышел на улицу. Ах, истончается, радостно подумал он, вдохновленный беседой с продавщицей. Он дошел до подъезда, нажал кнопку. – Представьтесь, назовите цель визита, – попросила неумная механическая барышня. Рыбкин сказал с достоинством: тени исчезают в Иркутске. В подъезде он покормил кошку, поднялся на третий этаж и постучал в триста пятьдесят седьмую квартиру, все с тем же достоинством, стоит отметить.

Двенадцатая глава, в которой Рыбкина едва не убьет женщина, впрочем, пустяки, дело житейское

Светло-каштановая дверь, щелчок Маузера-замка, клацнула цепочка, словно сцепки вагонов электрички до Петушков. Хозяин медлил, я деликатно постучал костяшками пальцев еще раз. Дверь приоткрылась, до меня донесся горьковатый запах полыни, квашеной капусты и чеснока. – Подойдите, пожалуйста, поближе, мне бы хотелось на вас посмотреть, если можно. Голос низковат, однако деверь мягко выделяет шипящие, голос весьма приятен, как лекция Алексея Поляринова о Дэвиде Фостере Уоллесе. Я приблизился к образовавшемуся зазору, сантиметров десять разделяло мой глаз и черный, словно маслина, глаз незнакомца. Казалось странным ютиться на лестничной клетке в то время, как замок-маузер и даже электричка-цепочка не мешают более войти в жилище. – Спасибо, что постучали спокойно, лучше не шуметь, у меня почтальон издевается, стучит, как в девяносто третьем стучали танки по Белому дому.

В прихожей горел приглушенный свет. На черной лакированной тумбочке стоял коричневый дисковый телефон. Китайский красный дождик, горит синяя гирлянда, тянущаяся вдоль стены. Зеленые коньки покачиваются на гвозде. На вешалке в виде рогов оленя висит клетчатое пальто, тулуп. Хозяин, кражистый мужчина пятидесяти с хвостиком лет, в роговых очках, с длинным крючковатым носом, добротной русой бородой. И напоминал он в некоторой степени дворника из мультипликационного фильма «Пластилиновая ворона». Громко тикали часы в соседней комнате, слишком громко, подобным образом одна мать вопит на своего ребенка за разбитый стакан. Это не стакан у ней разбился, наверное, жизнь у ней разбилась. В прихожей читается острый запах мандаринов и хвои, близится весна. Я подумал, а какое сегодня число, март наступил или не наступил. – Так наступил, второе уж марта, – смущенно сказал гражданин в оливковой рубашке и синих брюках. Чем несказанно меня напугал.

Сделалось чрезвычайно душно, как тогда, полгода назад. Звонила, помнится, старушка-блокадница. Правнуки решили сделать у нее ремонт. А за дубовым шкафом нашли конфетку, этикетка уж выцвела, названия не разобрать. Бабулька говорит, мол, подтверждает, помнит, как ее угостила соседка, она по малолетству решила лакомство спрятать, спрятала. А суть в чем, конфету блокадную с места не сдвинуть, пробовали тросом зацепить, автомобиль на месте пробуксовывает, домкратом тоже не получилось поднять. А рукой я дотронулся и жар по телу невообразимый пошел. Провели необходимые замеры по инструкции, все в пределах допустимого. Словом, оставили эту конфету на долгую память. Рыбкин с подозрением взглянул на этого чуть лысоватого, преимущественно с висков, гражданина. Глаза-пуговки, увеличенные линзами очков, слезились. – Это я мыслеформами, если позволите, увлекаюсь, – сказал он застенчиво. – Работаете с тонкими телами? – машинально спросил Коля, знакомый с данным вопросом, работа обязывала. – Именно, у меня совершенно потрясающая коллекция маятников, – расцвел мужичок-одуванчик, – а зовут меня Филипп Дмитриевич, но можно просто Филипп. Николай вручил пакеты с продуктами: Филипп, Лилия сказала, что у вас есть возможность приютить на одну ночь. Рыбкин принялся жонглировать словами, точно апельсинами, это он умел делать. Филипп Дмитриевич заговорил весьма бодро, как генерал Лебедь в свое время заговорил о выводе ограниченного контингента: рад, крайне рад приличному человеку в своем скромном жилище.

Мужчины прошли по коридору на кухню, на стенах висели черные африканские маски. Кухонные стены принарядились в газеты. Синяя кастрюля в белый горох стояла на плите. Пельмени, отметил Рыбкин малозначительную деталь. Разварились, дал компетентную оценку пельменям Рыбкин. Хозяин квартиры, приплясывая, доставал из пакета выпивку, закуску. – Я позволю себе на правах старшего организовать нам нехитрый ужин, – Филипп выставил салатик на стол, разлил водку по стопкам. – Язвенник, не пью, – конфузливо улыбнувшись, сказал Николай Спартакевич. На кухне горела люстра с красным абажуром. Лицо Филиппа Дмитриевича напоминало глиняную маску. Коля взглянул на собственные руки, они уподобились в каком-то смысле клеш-

ням вареного краба. В предзаданном небе пролетел самолет, слишком уж низко, задрожали стекла. Хозяин залпом выпил грамм пятьдесят. Глаза у него сделались как у ребенка, доверчивые, доверчивые. Глядишь в такие глаза, понимаешь, непротивление злу есть дело жизни сколько-нибудь порядочных граждан.

Рыбкин степенно кушал оливье. Филипп Дмитриевич махнул еще грамм пятьдесят, закусывая сосиской. Он разговаривал с набитым ртом и в некотором роде рифмовался с большим, добросердечным детсадовцем. – Вы проездом в нашем городе? – спросил он, переключившись с моркови по-корейски в тарелку. Николай Спартакович ощущал себя как в студенческие годы, когда подрабатывал в фотоателье, он любил и доверял этому красному полусвету. Коля налил в бокал ананасовый сок. – Знаете ли, проездом, необходимо встретиться с одним человеком, – пояснил гость. Филипп Дмитриевич разливал по плошкам пельмени. За окном вьюга читала хип-хоп. И кололи витамином Ц снежные иглы припозднившихся граждан. И ветка стучала в чье-то ночное слепое окно. В завывающем ветре угадывались голоса, полные печали, то были голоса отставших от своих племенных сородичей. И летал над ними дух изгнания. Рыбкин помотал головой, прогоняя смурные мыслишки. Филипп, допивая бульон, спросил: а вы ищите Токарева, я правильно понимаю? Гость, стоящий у окна, вздрогнул от неожиданности. Он ощутил себя вдруг неким причудливым растением, чьи лепестки, лепесточки боятся солнечного света. А весь фотосинтез осуществляется исключительно на кухне-оранжерее. – Кажется, мне не доводилось называть имя человека, которого я ищу, – сказал задумчиво Рыбкин.

Хозяин квартиры подлил себе грамм тридцать водки, немедленно выпил. И со значением произнес: в последнее время он отчетливо многим понадобился, совсем недавно приезжала съемочная группа из Нидерландов, снимали, кажется, фильм о нем, или о русской литературе, не помню точно. Николай, спросив разрешения, открыл фрамугу окна, закурил. Он скидывал пепел прямо в распахнутую форточку. Филипп Дмитриевич поставил на подоконник пустую литровую банку. – Сбрасывайте сюда, пожалуйста, – сказал он. И вновь напоил свой стакан. Повертел в руке, не став пить, отставил на стол. Съев ложку салата мимоза. Давший приют человек произнес: нынче у нас весна, Токарев как раз в неврологии, отсюда три остановки всего. Коля докурил, разминая шею, спросил: а я думал, он перестал сдаваться на милость санитаров, разве нет? Хозяин квартиры, огладив бороду, ответил: это вы ложно подумали, в своих крайних вещах он перестал упоминать сумасшедшие дома, однако сумасшедшие дома из его жизни никуда не исчезли. Рыбкин взял свой бокал, подлил ананасовый сок. И с удивлением проговорил: верно, читая Мишу, ты постоянно как бы соотносишь, вот он в туалете областной наркологии курит, болтает о Фуко. Рыбкин задумался, потом осушил бокал. – Вот его направляет биржа труда на раскопки расстрелянных полковников, – продолжил рассуждать Коля. Филипп Дмитриевич, грустно вздохнув, глядел на желто-красные газетные обои на стенах. – Расстояние между автором и лирическим героем почти отсутствует, – сказал хозяин квартиры, явно захмелев.

Неожиданно в прихожей раздался глухой удар в дверь. И даже небогатый слухом Рыбкин подпрыгнул на стуле, воскликнув: что происходит, Филипп? Приютивший мужчину вмиг протрезвел, резво вскочил со стула, встал на пороге кухни, выставив руки ладонями вперед. – О, сущая мелочь, моя жена происходит, – затараторил этот обаятельный человек. Николай Спартакович крепко сжал вилку, направил ее на Филиппа. – Моя жена робот, я заказал себе жену из Японии, но вы представить себе не можете, сколь она бывает агрессивна, – оправдывался этот мастер саспенса, Альфред Хичкок. Должно быть, я успею дойти до гостиницы в соседнем доме, размышлял Рыбкин, необходимо ли мне убивать этого чудика, или просто вырубить. Филипп Дмитриевич, сложив руки лодочкой, тоскливо сказал: вы не верите, я могу показать, но только под вашу ответственность. Рыбкин чрезвычайно рисковал, соглашаясь взглянуть на чужую жену, по предварительной информации, агрессивную. Впрочем, Николай не являлся круглым, словно таблетка диазепама, дураком. Не сводя глаз с этого Носферату своего времени, Коля на всякий случай отправил адрес Филиппа своему коллеге, Семену. Взяв липкий кухонный нож, Николай произнес, он произнес нечто нечленораздельное. Вероятно, переутомился. Перед глазами муж-

чины непредвиденно побежали, скорее, пошли спортивной ходьбой титры. В главных ролях, над фильмом работали и все в таком духе.

– Уважаемый гость, мы пойдем смотреть на мою жену? – вывел из-под обстрела снарядами авторской несурзанности Филипп. Будучи служащим серьезной, словно преступления, совершенные некогда партией Черных пантер. Будучи служащим такой вот серьезной организации, Рыбкин, точно круглый дурак, поплелся с хозяином квартиры, смотреть жену. А нож позабыл на столе. В коридоре Филипп сообщил: вы стойте позади, меня она узнает, а вас воспримет как угрозу. За металлической дверью, выкрашенной в малиновый цвет, начиналась кладовка. Рыбкин слышал глухие удары, доносящиеся изнутри. Сила ударов измерялась, кажется, в ньютонах. Удары были подобны ударам по сектору Газа, такие же пугающие. Впрочем, Израиль ведь защищается. А кто виноват, когда жена, например, кидает в мужа ножик. Все эти вопросы настолько внезапно возникли в голове Рыбкина, что мужчина попросил: подождите, Филипп, мне бы отдышаться, голова закружилась. Постукивания прекратились. Из кладовой послышался механический женский голос: милый, у нас гости? – А как вы с ней справляетесь? – спросил Коля, прикрывая глаза. – Вообще-то говоря, она сама себя заряжает, обучается сама, к вечеру активничает, убирается, готовит, извините, секс, – признался хозяин квартиры, покрасневшись, как томатная паста. – Милый, а выпусти меня, – попросила супруга Филиппа. В ее манере говорить присутствовали мурлыкающие нотки, подобным образом Иосиф Бродский читал стихотворения, переняв эту манеру у кошек. В коридоре подмигнул свет, едва слышался писк из щитка. Рыбкин спросил: а как зовут вашу жену? – Ее зовут Ясуко, Николай, – ответствовал гражданин. – Милый, ты не представил меня подобающим образом нашему новому другу Николаю, – проявила галантность Ясуко из-за двери.

Нетленное желание взглянуть на чудо-барышню возникло у Коли. Он обратился к Филиппу восторженно: послушайте, да, звезды зажигаются, это все понятно, но ведь искусственный интеллект, который сам себя обучает. Николай Спартаковича даже посетила шальная мысль – махнуть грамм пятьдесят. Однако шесть месяцев трезвости в некоторой степени обязывали Рыбкина не закладывать за воротник и держать себя в ногах. По мнению самого Рыбкина, не пил он во имя любви к своим детям. Таким образом, Рыбкин являлся рабой любви. – Вы, Николай, аристократично сопите, – промурлыкала Ясуко. Филипп Дмитриевич расстегнул верхние пуговицы своей оливковой рубашки. Тяжело дыша, мужчина сказал, обращаясь к гостю: знаете, дело, в чем, дело, в чем. Хозяин квартиры перебирал слова, точно Сальери перебирал причины, почему Моцарта не следует уничтожать. – Знаете, уже были прецеденты, когда вот приходили гости, Ясуко, скажем так, не умеет контролировать себя, свои эмоции, – Филипп явно побаивался собственной механической супруги, отметил Николай. – Милый, ты делаешь мне больно, моя психика не выдерживает, я злюсь, – японка ударила в дверь. От удара в коридоре рухнула вешалка. Хозяин квартиры, сняв очки, произнес: видите, ситуация, как у Китая с Тайванем. Гость понимающе сказал: война это дело молодых, лекарство против мужчин, в таком случае, Филипп, не будем рисковать. – Вот и замечательно, тогда я вам постелю в гостиной, а на жену можно будет взглянуть завтра, когда она будет заряжаться, – Дмитриевич как будто извинялся. И напоминал он бородатого медвежонка, если вы понимаете, о чем я.

Хозяин квартиры увлек Рыбкина в ближайшую комнату с балконом. Зажег свет, на этот раз абажур был синий, предметы окрасились, точно покрылись наледью. На серванте выстроились по росту фарфоровые слоники. Занавеска едва заметно дрожала. Ворсистый ковер, Николай Спартакович, как в детстве постарался не наступить на яму со змеями, однако по нелепой случайности оступился, очутившись в жерле действующего вулкана. – А что это вы такое интересное делаете, это результат магического мышления? – улыбнувшись, спросил Филипп, он расстилал постель на диванчике. – О, детская шалость, знаете ли, нельзя было наступать, например, на шов плитки, а то сгоришь, – оправдывался, словно старшеклассница, собравшая все буквы гепатита, Рыбкин. Бородатый медвежонок приоткрыл балконную дверь, произнеся: курить можете на балконе, я салатик, салатик, говорю, доем и тоже отправлюсь на боковую, вы тоже не задерживайтесь, от-

дохните хорошенько. Николай Спартакович, зевнув, пробубнил нечто благодарственное. Хозяин квартиры вышел из комнаты, пожелав доброй ночи. Коля достал из дорожной сумки пижамный комбинезон-единорога, зубную щетку, пасту, огуречный гель для душа.

Перед отправлением на фронт Николай решил подышать свежим воздухом. Вышел на балкон. Двор припорошило туманом. Условным свистом вызывал гражданин возлюбленную. Пальцы Рыбкина очертили окружность на запотевшем окне. Мужчина распахнул его настежь, повеяло сыростью, вельветовая тьма, подумал многозначительно Коля. Ветвистые дома, освещаемые серпом и молотом небесными, перешептывались меж собою. Николай Спартакович щелкнул зажигалкой, глубоко затянулся. Стал размышлять, а ведь не дома это перешептываются вовсе. Но древесные жуки, вернувшиеся после тяжелых работ. Ветер потрепал волосы, призрачная пятерня хлестко ударила по щеке. Николай Спартакович ощущал приближение весны, сдерживаться будет все трудней и трудней. Белочки, мои весенние белочки, улыбнулся Рыбкин. Как правило, именно весной Коля начинал посещать психиатра-нарколога, пить синие и красные таблеточки, чтобы держаться на плаву. Из тумана проступили тени с обширными пакетами. И силуэт кузнечика высоченного росточка с горящими оранжевыми глазами. То не кузнечик, подумал, вглядываясь в насекомое с пятиэтажный дом. То саранча. Сокрытые туманом конечности были не видны тем гражданам, возвращающимся из магазина, оттого, размышлял Николай, паники нет, значит, и саранчи нет. Но почему же в этих ветвистых домах покойны древесные жители, они-то видят угрозу. Насекомое застрекотало, неоднородно возопили сигнализации машин. Из дыма вышла саранча, и дана была ей власть. Грустно улыбнулся Николай Спартакович, отправляя бычок в неконтролируемый полет.

Мужчина вышел в коридор, из комнаты Филиппа доносился отчетливо выраженный, низкочастотный, дребезжащий звук, попросту храп. И все имперское нам не чуждо, подумал Рыбкин, отчего-то с тоской. Коля вошел в чужую ванную, разделся. Встал перед зеркалом в одних желтых трусах с авокадо. Себе он показался каким-то утлым, что ли. Будто церквушка в депрессивном селе. Серебряный крестик нравился больше всего в этом сорокалетнем теле Николаю Спартаковичу. Ключицы что две сосны, тополиный пух на широкой груди. Поэтическое настроение, навеваемое страстным шепотом Ясуко, несколько смутило Рыбкина. Жена Филиппа как будто видела мужчину сквозь стену. Электрический голос доносился из вентиляции: Николай, ваше тело, должно быть, спроектировал Брунеллески. Оробев, гость произнес: вы сейчас ошибаетесь, над моим телом пролетел бомбардировщик. Что я делаю, беседуя с электроженщиной, подумал с удивлением Коля. И решительно снял свои трусы, включил душ. – Ясуко, не смотрите на меня с таким вожделием, – финтифлюшничал Николай Спартакович, намыливая шею. Капли воды, словно разбитые молотком, дробились на тысячи осколков. Посрамленная девушка произнесла: вы многое о себе думаете, впрочем, посмотреть есть на что, признаю. Гость решил съязвить, однако промолчал. Допустив, недостаточно сошел с ума, чтобы вести романтические беседы с искусственным интеллектом. Особенно крупная, словно бомба ФАБ-500, капля упала на темечко. Рыбкин выдавил мятную пасту на щетину своей электрической зубной щетки. – Какой у вас интересный дружок, – замурлыкала Ясуко. – Шаша шашаша, – пробубнил Коля, чистя перед сном зубки.

Мужчина на самом рассвете сил обтерся голубым полотенцем с дельфинами. Надел чистые темно-зеленые трусы с пингвинами, пижаму, вышел из ванной. Коридор заволокло молочным туманом. Вероятно, забыл прикрыть окно, подумалось Николаю. Проходя мимо кладовой, он услышал, распоясавшуюся Ясуко. – Вы не хотели бы составить мне компанию и поужинать? – спросила она. Николай Спартакович сказал незываемое нет. Гость вошел на кухню, включив красный свет. Наполнил водой из графина стакан, выпил. – Понимаю, – сказала японка, – ваша жена Клара, пусть и бывшая, вы продолжаете любить ее, не так ли? Рыбкин, пораженный столь невероятной осведомленностью электрической женщины. Смог лишь невразумительно промямлить: вы не перестаете меня удивлять, мадам, я впечатлен. Мужчина, раздумывая, стоял напротив двери в кладовую. – Николай, мы с вами взрослые, как вы смотрите на то, чтобы выпить по чашечке чая, в

холодильнике на третьей полке снизу как раз лежат испеченные мною вчера булочки с повидлом, – сказала Ясуко. И Николай Спартакович, совершенно отвыкший от женского общества, кажется, соблазнился, как соблазняется порой Иммануил Кант на присягу Елизавете Петровне. Потянулся к двери, однако в последний момент решил повременить. Не хотелось наломать дров, а также веток, наученный горьким разводом, журналист медлил.

Рыбкин, пребывая в сомнениях, глядел на этот добротный засов. – Что же вы такой нерешительный, – торопила японка. Красноватый туман плескался в коридоре. Повинуясь странной женщине, Коля с усилием отодвинул засов и открыл тяжеленную дверь. Представшая пред глазами картина показалась крайне необычайной Николаю. Кладовка являлась премилой женской комнатой. На розовых стенах висели постеры с азиатскими музыкантами. Кровать застелена бордовым пледом. На полках стоят книги. В противоположном углу небольшой компьютер и столик. Степенно крутятся диско-шар. По неведомой причине Николай Спартакович не сразу приметил японку. Она выступила из полусумрака в коридор. В фиолетовом кимоно, подпоясанном розовым поясом. Колю поразила кожа Ясуко, вблизи лицо женщины казалось пусть и чрезвычайно бледным, однако были заметны мельчайшие поры, а левый, янтарно-зеленый глаз едва заметно косил. Копна черных волос забрана в хвост. Жена Филиппа отличалась миниатюрностью, свойственной дамам востока. Рыбкин засмотрелся на ладную грудь, скованную кимоно. Жена Филиппа была прекрасна, словно вратарь на картине Александра Дейнеки. – Большое расстояние вовсе не даль, малое отставание вовсе не близость, – изящно сказала она, касаясь руки Николая. Мужчина как будто впал в ступор. Он ощутил жар, исходящий от механического тела Ясуко. – Мы недостаточно близки, давайте соблюдать субординацию, – наконец, произнес Коля дрогнувшим голосом. – Мне нравится ваша речь, – сказала японка, отстраняясь.

Она уверенно пошла на кухню, включила чайник, открыла холодильник. – Вы знали, что левое полушарие мозга ответственно за связь логики и речи? – спросила Ясуко. Рыбкин с удивлением подумал, что воспринимает робота как живую барышню. Японка выставила на стол блюдо с булочками. – Слышал об этом, кажется, – ответил Николай. Вскипел чайник. Дамочка разлила кипяток по двум кружкам. – А вы разве способны? – поинтересовался мужчина, кивнув на хлебобулочные изделия. – Николай, вы и представить себе не можете, на что я способна, – горделиво произнесла Ясуко, доставая чайные пакетики из желтой пачки. Рыбкин заметил, у девушки отсутствуют ногти. Однако детализация рук была выполнена на весьма высоком уровне. Венки, пушок на пальцах. В красном свете японка, сидящая напротив, казалась inferнальным проявлением эротических фантазий. – Вы не находите странным, что мы встретились в этом холодном городе, то есть по теории вероятности, – дамочка осеклась. Николай Спартакович откусил кусок булки с клубничным вареньем. – Я давно перестал чему-либо удивляться, – сказал Коля, делая глоток земляничного чая. И тут же подумал, если бы не странный голос, японская жена вполне могла сойти за биологическую женщину.

За окном пошел снег, подвывал ветер, сигналила машина. Внезапно зазвучал едва слышно джаз. Николай опознал композицию, Jimmy Scott, Sycamore Trees. – Это из вас музыка, простите, играет? – смущенно спросил Рыбкин. Ясуко, улыбнувшись, ответила: как музыкальная шкатулка. И закурила тонкую, ароматную сигаретку, запахло табаком и гвоздикой. Николай не заметил, откуда японка достала сигарету и синюю зажигалку. – Мне нравится молчать с вами, язык изнанка тишины, – задумчиво сказала жена Филиппа. Николай Спартакович услышал аромат пудры «Кармен», тальк, дешевый парфюм. Такой пользовалась учительница биологии, когда его семья жила в Норильске. Странно, ни внешности, ни даже имени той учительницы, только пудра «Кармен», подивился находкам памяти Рыбкин. – Вы посмотрели начинку моих булочек? – спросила Ясуко, томно прикрыв глаза. – Клубничное варенье, очень вкусно, у вас определенно получились эти булочки, – забормотал Коля. Электрическая женщина бросила окурочек в собственную кружку. Песня, бытующая в недрах дамочки, включилась заново. – Не считите за проявление нежности, – сказала она, заходя за спину Коли. Нежные пальцы японки гладили шею, голову, лицо. Рыбкин, расслабленно выдохнул, издал полустон.

– Николай, мне бы хотелось взглянуть на ваш внутренний мир, – прошептала Ясуко. Ее пальцы сомкнулись на шее мужчины. Изо рта журналиста вырвалась ласточка запоздалого выдоха. В глазах стало темнеть. Николай вспомнил, как его душил хулиган в туалете, они тогда, кажется, жили в Чите. Помнится, он сломал тому хулигану нос. Коля с ужасом обнаружил, что совершенно не в состоянии сопротивляться. Руки Ясуко были теплы, как молоко матери, руки Ясуко. Рыбкин потерял точку опоры, табуретка улетела в космос, сознание оставляло его, точно девушка Эмма своего муженька в любовном романе Флобера. По ногам разлилось нечто горячее, липкое. Эрекция, оробело подумал Николай. И вдруг сделался ребенком, напротив него стоял отец. – А как же, ты ведь пропал при невыясненных обстоятельствах в Японии, когда занялся перегоном автомобилей, – пролепетал малолетний Рыбкин. – Так я в Японии, а ты тоже в Японии, – хищно рассмеялся Спартак. От его смеха лопнула лампочка. И свет потух, тонкие руки не удержали солнышко.

– Что же вы, я же предупреждал, – послышался раздосадованный голос Филиппа Дмитриевича. Николай открыл несмело глаза. Он сидел у батареи на все той же кухне. Ясуко с копьём в голове лежала рядом, ее ноги подергивались в конвульсиях. – Выпейте, хуже не будет, – протянул рюмку хозяин квартиры. Рыбкин махнул залпом, обожгло горло, что-то медовое. Рассудок, словно потерявшаяся на охоте собака, возвращался непозволительно долго. Зрение фиксировало, у головы Ясуко разлилась едко-зеленая лужица. Даже несмотря на красный свет Коля видел, данная лужица едко-зеленая, как раздавленный плод киви в портфеле. Филипп с великой осторожностью довел Николая Спартаковича до постели. И Рыбкин благополучно забылся беспокойным сном, в котором чуму лечили чесноком.

И снился себе мужчина мужчиной семилетним. Семья в те годы жила в Новокузнецке, на Пионерском проспекте, в доме пятьдесят три. На день рождения семилетний мужчина отчаянно желал заполучить варана. Когда он увидел по телевизору в программе в мире животных эту, лишенную страхов, сомнений, ящерицу, способную сожрать и переварить практически все, что угодно. Коленька влюбился основательно и бесповоротно. – Мамочка, папочка, подарите мне Гошу, он избавит нас от мышей, пауков и нежелательных личностей, – слезно просил ребенок. Взрослые, по разумению которых рептилии являлись крайне опасными сожителями, отвечали туманно: посмотрим. Семилетний мужчина ожидал прихода с работы домочадцев. По агентурным сведениям бабушки, ему должны были подарить вовсе не варана, но собаку с тем, чтобы воспитать в Николае внутреннего мужичка, способного нести ответственность за кого-то. Вставать рано утром, гулять с питомцем, не забывать, что все мы пасынки данной истории. Коля рос мальчиком спокойным, поджогов не устраивал, азартными играми не увлекался. Однако тогда произошло нечто из ряда вон. Узнав подробности готовящегося преступления против собственных желаний, он сбежал на чердак. И на чердаке случилась курьезная встреча с так называемым Токаревым. Николай Спартакович, который Николай Спартакович, уснувший в квартире Филиппа, не помнил подробностей встречи с поэтом. Но помнил собственные слезы и жалостливые всхлипы: варана мне не подарят. – Кого, варана, как же я, малыш, ведь я же лучше, лучше варана? – задал уточняющий вопрос незнакомец. И подарил книгу, правда, ни названия, ни автора Николай вспомнить не мог.

Сновидение о дне рождения сменилось новым, теперь журналист с ужасом глядел на выдающиеся произведения своих коллег. К примеру, на Тома Вулфа и его текст под названием «Электропрохладительный кислотный туман», посвященный веселому поколению шестидесятых, их опытам с разными препаратами, что расширяли сознание. И вот Николай Спартакович, тот Николай Спартакович, ставший жертвой японки, смотрит во сне на успехи прочих журналистов. И отчего-то такая у него непоколебимая уверенность возникает, а я бездарный малый, бездарный. Что ж теперь, бездарный и бездарный, надо поднабраться силенок, завтра предстоит важная встреча.

В тринадцатой главе произойдет долгожданная встреча с поэтом, который не прочь встретиться с любимым редактором Анной Сафроновой

Оскальзываясь в нежную мглу, маршрутка скрипела и дребезжала, однако вовсе не сгнула, полагаю, милостью Бога. Крепкий, словно алжирский черный табак, что курили солдаты ино-

странного легиона, запах людского пота разносился по салону. Водитель в серой меховой жилетке, в кроличьей шапке с завязанными сверху ушами, оглядел своими раскосыми, цвета миндаля, глазами пассажиров. И с некоторым облегчением выдохнул: фхтанг ктулху. Мгновенье назад транспортное средство занесло на повороте, а все они едва не отправились к праотцам на свидание в колонию строго режима. И были пронизаны холодом низины лица водителя, испарина, неровный, бугристый лоб влажен, блестит. Рядом со мной сидела пожилая девчонка, похожая на Хелену Бонем Картер, откровенно говоря, подобные дамы не в моем вкусе, однако подобные дамы милы Токареву. Она читала «Триумфальную арку» в мягком переплете. Книжный корешок, проклеенный скотчем, напоминал рот, залепленный паутиной. Разыгравшееся воображение, подсовывало запрещенные для показа в школьных учреждениях, сцены близости с женой, приход весны, гормоны. – Мужчина, вы спрашивали остановку Кукушкин дом, вот она, – оповестила дамочка в лиловом пальто.

Вышел, значит, на этой остановке с непримечательным названием. Скрипели бараки под напевы метели. Утопая в лебяжем пуху, я шел к вышеозначенной непостижимой, но рукотворной, на десятки отделений и корпусов, психиатрической тайге. Листвы стекольный звон, мартовский ксилофон. Объятые дремотой окна желтой избушки-проходной. Цвет домика напомнил мне связанный бабушкой полинявший свитер. А по периметру стена метра два в высоту, бордовая стена, по самому верху колючая проволока. Покалывало в пальцах, метель сменилась радикальной весной. Я не знал, в каком отделении чалится Токарев, а также не представлял, знаком ли он сейчас лично со своим рассудком. Прилетела и села на зеленые перила ворона, нас разделял один хороший плевок двоечника Васечкина. Птица склонила голову, короткое, словно хайку, кар! На сетчатке глаза вороны отпечаталось мое лицо, лицо Коли Рыбкина, похудевшего лет на двадцать. Ворона ретиво схватила гроздь рябины, улетела. И мой образ, запечатленный на сетчатке, вороны улетел тоже. Лети, ласточка, лети, подумала Дюймовочка. В свою очередь, Рыбкин подумал: лети ворона, твоими глазами я увижу прихожан в церкви, рыжего кота на крыльце, городскую свалку, холодильник «Бирюса», мальчика, что ест сырую куриную ножку с голубоватой кожей и желтыми ноготками.

Улыбнувшись, я экстаично, множество раз, стал нажимать на черную кнопку звонка. Как заметил бы Токарев, палец напоминал танец мухи, прилипшей к липкой ленте. Звонил, отвлекаясь, закурил, потом опять звонил. У телефона запотел экран, времени пять вечера. Вжал кнопку напоследок, вдавил окурок в порывевший ободок синей урны. Я совершенно не представлял, где тут еще одна проходная. Территория лечебницы равнялась четырем с половиной километрам. И повсюду был этот непроницаемый забор, а люди, чтоб спросить дорогу, отсутствовали. Пока грузилась страница браузера, ровно один котенок, страдающий чумкой, отправился на радугу. Пока грузились интернет-карты, успел окончиться один маленький югославский конфликт. Прохладный воздух сменился духотой. Мне отчего-то вспомнились нанайские мальчишки с их борьбой. Старшенький сын Василий Николаевич очень любит нанайских мальчишек, находит забавным их танец. До следующей проходной полтора километра. Пока шел, вспомнился вот сынок, лунный мой сынок. Я забирал его, забирал из детского садика. Мы шествовали по аллее, все утопало в тополином пуху. На его коленке приметил желтый синяк. И я, мол, говорю ему, скоро пройдет, сначала синие, потом желтые, потом проходят, синяки эти. А бывают фиолетовые, спросил он, бывают, ответил я. А у меня, говорит мой лунный сын, синяк после желтого превращается в фиолетовый, а потом в бирюзовый, а из самой коленки начинают вылезать маленькие такие человечки. А потом, продолжает отпрыск, человечки становятся цветными пятнышками. Шизофрения в таком-то возрасте, думал я, грустно смеясь. Вообще, Василий Николаевич у меня оказался никаким не шизофреником, но выдающимся мальчишкой, способным в свои годы неплохо разбираться в дифференциальных уравнениях, интегралах и комплексных числах.

Меж тем за поворотом увидел еще одну проходную. Приземистая синяя избушка, на крыльце вместо коврика лежало несвежее оранжевое полотенце. Звонка не было, зрение шарило по стене. Открыл скрипучую дверь. Вдали блестели турникеты, напоминающие конечности кузне-

чиков-роботов. Рядышком, за столом, гражданин, мы барахтаемся в сгущенной темноте. Черное млеко, думаю с какой-то радостью узнавания. Помнится, как читал в самолете, пока летел в Иркутск, Пимена Карпова, выдающегося прозаика, приверженца хлыстовской веры, что-то про это самое черное млеко у него встретилось. Ноги прилипали к линолеуму, Николай Спартакович на мгновение допустил, что все-таки является насекомым по дедушкиной линии. По проходной гуляли сквозняки. И кое-где пушистые снега лежали. И красные лампочки турникетов мерцали.

На синей засаленной тахте, обитой, кажется, бархатом. За широким, ладным столом восседал совершенно невообразимый гражданин. Нелепый свет настольной лампы, основание которой было выполнено в виде памятника за авторством Веры Мухиной, «Рабочий и колхозница». Перед Колей восседал на этой тахте, достойной салонов Монмартра, а не проходной сумасшедшего дома, несмотря на явную связь этих двух мест. Перед Рыбкиным восседал мужчина пятидесяти лет в коричневом пиджаке поверх желтой олимпийки. Широкоскулый, гладко выбритый, с голубыми, детскими какими-то глазами. Ежик волос незнакомца чрезмерно припорошило сединой. На его покато лбу я заметил маслянистое пятнышко. Он глядел на меня своими выразительными глазами. Внезапно гражданин поставил на стол, обтянутый зеленым сукном, достойным, по меньшей мере, генсека, кои вымерли в связи с глобальным потеплением, как знают самые юные читатели. Выставил на стол кастрюлю с казенной красной надписью: компот. Рыбкин поглядел по сторонам, точно ища поддержки. Посудина до краев была наполнена чистым снегом. Неизвестный принялся неторопливо поедать данные осадки ложкой. А Николай завороченно глядел на его желтоватые зубы, которые будто бы излучали свет. – Вы в лепрозорий, любезный? – спросил мужчину голосом деланно детским. У Рыбкина закололо сердце, там буквально соловей засвистал и защелкал. И клювом своим принялся раздирать, он принялся раздирать человека-клетку изнутри. И если бы не чрезмерно липкий линолеум, к которому прочно пристали ботинки Николая. Коля рухнул бы в обстоятельный обморок.

Голос предательски дрогнул: дяденька, я к Мише Токареву. На зеленом поле стола Рыбкин заметил синий сборник кроссвордов, фиолетовый карандаш, пачку примы без фильтра. – Девятое отделение, как выйдешь во двор, иди до конца, самое старинное у нас тут здание, дореволюционное, – говорил вахтер и жрал свой снег. – А палата какая? – спросил обескураженно Николай Спартакович. – А в девятом отделении палаты не нужны, – рассмеялся, хрюкнув, гражданин. И вернулся к своей нехитрой пище. Однако пропускать Рыбкина не спешил, а перелазить через турникеты показалось Николаю неприличным. Может быть, сегодня неприемный день, подумалось Коле. Он с великим усилием оторвал от пола левую ногу, не прямо, конечно же, оторвал, смог поднять. Тем временем голубоглазый мужчина нажал на скрытую, по-видимому, где-то в stole кнопочку. И лампочка на турникете вспыхнула зеленым светом. Коля совершил длинный прыжок, словно сербская прыгунья Ивана Вулета. Силы стремительно покинули журналиста, шальная мысль посетила его голову, надо бросать курить. Наконец, Рыбкин-муха преодолел препятствие и добыл золото для своей команды, состоящей из других гипотетических Рыбкиных-мух. Вторая часть пути во внутренний двор выдалась легче, лишь похрустывал тонкий слой льда, что сковал линолеум.

Николай Спартакович толкнул деревянную дверь на пружине, смело шагнул на улицу. Едва не высавив собственный глаз веткой боярышника, вот уж и впрямь говорят, красный боярышник – весть о пожаре. Отделения преимущественно были кирпичными, желтые, оранжевые строения, на их фоне выделялся двухэтажный почерневший барак. Он расположился у самого забора, метров пятьсот будет, прикинул на глаз мужчина. Двор, затянутый недвижимой пеленой пушистого белого снега. Хорошо, конечно, влюбиться зимней порой и розы сеять на снегу, размышлял Рыбкин, пересекая стоянку. Вероятно, для автомобилей сотрудников и родственников пациентов. И продолжил размышлять: сеять, значит, под чернолесья бахромою на запустелом берегу. Нежданно раздались крайне чудные звуки. Словно по кастрюле стучали поварешкой. Остановившись, Николай Спартакович явился свидетелем неистового буйства природы. На заунывный темный двор лечебницы обрушилась страшнейшая метель. Рыбкин взглянул в щель между средним и

указательным пальцами, сфокусировав зрение на девятом отделении. Каждый его шаг сопровождался неясной болью в области правого бедра, там примерно находился Белгород. Белгород подвергся смертоносному бурану. Я брел почти наугад, не осознавая, в каком созвездии нынешние генсеки, актуальна ли среди молодежи Анна Герман, в какой стороне находится Токарев.

Рыбкин шел, и кружился снег, соответственно, мчался мгновенный век и снился блаженный брег всем, всем ежатам и котяткам, всем, всем, уснувшим до рассвета. Николай вспомнил о стихах Генриха Сапгира в исполнении Елены Камбуровой. Вспомнил с улыбкой о том, что Миша, едва слыша «Зеленую карету», начинает рыдать, как отличница, получившая тройку, а также постыдное заболевание от мальчика-бандита, который не знает ничего, он просто смотрит и молчит и ничего не говорит. Ноги Рыбкина нащупали ступени, крыльцо, подумал мужчина. Поднявшись, Николай Спартакович приметил табличку рядом с черной деревянной дверью с окошком. Табличку ослепило снегом, Коля счистил его покрасневшими руками. Явив читателям надпись: отделение номер девять. Терзаемый непогодой, Николай поспешил открыть дверь.

Чтобы очутиться в просторном коридоре. По обеим сторонам которого располагались палаты. Половицы поскрипывали, Рыбкин подошел к одной из дверей. Вкрадчивое дыхание, раскаты храпа поначалу тревожили Колю. Он всмотрелся в окошко. На пяти кроватях лежали граждане, предавшиеся сну. Где искать литератора, было неясно. Пахло кукурузной кашей, чистящими средствами, так называемыми спецсредствами против микробов. Николай Спартакович увидел в конце коридора свет, свет горел, по-видимому, в комнате дежурной медсестрички. К скрипу половиц добавилось хлюпанье. Наверное, совсем недавно помыли полы, размышлял Рыбкин. В отделении зрела ночь. Колю потянуло на поэтические измышления. Плод ночи, напитавшись за день бредовыми мыслями, полусвязным бормотанием, деревянным смехом санитаров, сорвался с ветки. В следующей палате стоял, сидел, а также лежал храп, напоминающий маленький оркестр под управлением любви. Ритмически храп был похож на морские волны. Рыбкин шел осторожно вдоль берега к сестринской.

Сидя перед монитором, на который транслировались картинки с видеокамер, установленных в номерах этой гостиницы. Опустив голову, дремала рыженькая девушка в узких очках, на девушке был надет белый халат с бирюзовым воротничком. На столе, прямо на клавиатуре спала кошечка черепахового окраса. Николай Спартакович являлся человеком деликатным. И не желал понапрасну будить утомившуюся деву. Не желал становиться соринкой на линзе медсестры. Рыбкин шел наугад, кто-то сказал, помнится, дальше всех заходит тот, кто не знает, куда идти. Николай не помнил автора, но фраза ему нравилась. И жизнь, что истончается, ему нравилась в не меньшей степени. Коридор с палатами впадал в смотровую комнату. Под самым потолком висел телевизор в синей клетке с тонкими прутьями, телевизор напоминал попугая. Большой зеленоватый ковер на полу. На круглых столиках лежали шахматные доски, монополия, пазлы, нарды, морской бой, словом, игры. Рыбкин шел тихо, словно индейский проводник, однако половицы и тут продолжали предательски поскрипывать. И быть индейским проводником Коле не всегда удавалось. Винтовая черная лестница на второй этаж привлекла внимание мужчины. Свет уличного фонаря едва проникал в зарешеченное оконце.

Николай Спартакович обнаружил внезапно силуэт человека, сидящего в желтом кресле с деревянными подлокотниками. Гражданин с некоторым сожалением произнес: такое странное чувство ни во что не погруженности, ничем не взволнованности, ни к кому не расположенности. Рыбкин, стоя на первой ступеньке лестницы, окинул взглядом смотровую комнату. Силуэтов, обложенных в больничные пижамы, стало значительно больше. Неизвестный мужчина, рассматривая что-то у окна, воскликнул: смотрите, смотрите, тихий ангел пролетел! Ему тут же возразил другой пациент, вставший на кресло: да нет, где-то милиционер издох. У Рыбкина похолодели ладошки, по спине побежали мурашки. А воздух сделался каким-то суматошным, дышать стало трудней. Николай как будто опьянел от воздуха. Два гражданина в паре метров от Коли сидят за столом, играя в шахматы. Один говорит другому: Степа, ты книгу прочитал, будь добр, верни. Собеседник ему отвечает: книгу не надо давать читать, книгу, которую давали читать, есть книга

развратница. Николай Спартакович, старательно вглядываясь в лица, никак не мог распознать подробностей. Мужчина, назвавший книгу развратницей, вдруг обратился к журналисту: а вы, как думаете, разве я не прав? Рыбкин, смешавшись, не успел сказать ничего дельного. Рука Миши Токарева легла на его плечо, литератор стоял на ступеньку повыше. Полусшепотом он произнес: не отвечай, мой мальчик, не отвечай. – Миша, я вас искал, – разворачиваясь, забормотал Коля. Поэт, увлекая Рыбкина вверх по лестнице, напряженно проговорил: не здесь, мой мальчик, эти несчастные, не пережившие Вальпургиевой ночи, весьма опасны.

Николай Спартакович и литератор поднялись на второй этаж. Вдаль уплывали корабли, а также коридор. Где-то поддувало, холодный воздух поскрипывал, точно половицы, точно панцирная кровать в дешевой гостинице. Поэт был небрит, его усы напоминали тонкие брови Марлен Дитрих. Желтые очки-авиаторы казались откровенно нелепыми. – Миша, у меня к вам срочное дело, – порывисто начал Коля. Токарев его перебил: потом, нельзя оставаться на месте, помогите, будьте любезны. Он завел Рыбкина в какое-то узкое техническое помещение. Подсвечивая телефонным фонариком, литератор неутомимо пробирался вперед, гремя швабрами, ведрами, шурша мешками с порошком. Николай Спартакович, не задавая домашнего задания и вопросов, безропотно следовал за выдающимся современником. Внезапно поэт произнес: не имея семейных доходов, не имея буржуазных навыков для выживания, сколько-нибудь летний интеллеktуал начинает понемногу терять рассудок. Мужчины подошли к металлическому шкафу. – Помогите отодвинуть этого монстра времен мезозойской эры, – попросил Миша. Рыбкин уперся ногой в полку стеллажа, на котором стояли моющие средства в пластиковых канистрах, освежители воздуха с ароматом сирени. Предмет мебели с большой неохотой отодвинулся. В образовавшейся расщелине, насколько хватало луча фонарика, Коля разглядел кухню. Он запоздало спросил Токарева: вы полагаете, что распознали во мне интеллигента, не обладающего буржуазными навыками? – Ошибся, признаю, не опознал вас как следует, – ответствовал поспешно поэт, протискиваясь на кухню психиатрической лечебницы.

На удивление, проход оказался длинным, узким коридорчиком с низкими сводами. – Сегодня важный день, мой мальчик, сегодня мы варим поминальный морковный чай, – произнес Миша, шагая, пригнувшись. – В честь кого? – не удержавшись, проявил любопытство Рыбкин. – В честь хорошего человека, фотографа Дмитрия Маркова, – охотно пояснил Токарев. И джентльмены очутились на кухне. В красном углу икона, дровница. Большие печи для приготовления пищи, стены выстланы кафельными плитками. Рыбкин вспомнил фотографии дореволюционных домов. В глубочайших небесных углах кухни серебрилась паутина. В фиолетовом тазике, что стоял на табуретке с паучьими металлическими ножками. Покоились снулые сомы. Их черные шкуры были покрыты наледью. Отчего-то Николай Спартакович подумал, сомы предназначены кошечке, дремлющей на сестринском посту. А еще Рыбкин ощутил, на кухне помимо них присутствует некий не учтенный джентльмен.

Это был он, статный, невообразимо высокий, я бы сказал, будь девчонкой, лощеный, выбритые до синевы щеки, прямой нос, массивный подбородок. Это был Александр, Саша Робека, служащий из министерства усатых дел, заядлый геодезист, этнограф, гражданин, чье присутствие в романах Токарева особенно умиляло меня в юности. Этот призрак Александра Вольфа был вполне реален. И сейчас он стоял передо мной. Потрескивали поленья в большой кухонной печи. Робека в зеленой клетчатой пижаме, такую пижаму, вероятно, могла носить до него Валерия Новодворская, например. Я взглянул в его глаза и там, в этих чужих глазах я увидел горящие джунгли, подбитый вертолет, что с грациозностью стрекозы, измученной Васечкиным, низвергается на рисовое поле. Внезапно Саша широко улыбнулся, ровные голубоватые зубы, я смотрел на его зубы и был не в силах отвести взгляд. – Ах, топонимика твоих родинок завела меня в Чечню времен обострения конфликта, – сказал почти нараспев Миша. Он сидел в противоположном конце кухни, наслаждаясь жаром от печи, что котик на теплотрассе. Литератор, чиркнув спичкой, подпалил кончик сигареты. Смущенный огонек выхватил у мглы знакомые черты, вздернутый нос, черные усы, недельную щетину, лоб в глубоких шрамах от шрапнели,

очки со светло-желтыми стеклами. Волосы цвета вороного крыла, средней длины, пробор на правую сторону.

– Милый друг, не скучай, я вернусь в этот дикий Дублин, мы должны поймать дурацкого Ле-прекона, мой друг, – сделался словоохотлив он, встал, подошел к Саше, похлопал его по спине. Полусон овладел мною, тени заострились, звуки стали глуше. – Зачем художнику, пусть и не в юности, но вовсе не в старости, Лепреконе? – спросил я, зевнув, едва не слетел с грубо сколоченной синей табуретки. Тепло кухни льстивой усталостью просачивалось в меня. – А у нас далеко идущие планы, мы попросим у него демографический взрыв организовать, ведь, по статистике, все так стремительно меняется, бомбы, сектанты, политика, по статистике на десять ребят две женщины, – произнес без тени улыбки Миша. – И то, они, – он шумно принохался, – как правило, наследницы очень сомнительного дискурса с точки зрения, понимаешь, основ безопасной жизнедеятельности, правил проведения митингов и так далее и тому подобное. Поэт рассмеялся как мальчишка. И продолжил свой монолог, копаясь в навесных шкафах: до чего прекрасная весна грядет, господа, настоящая Грета Гарбо. Писатель бросил в раковину невообразимо большую, килограмма на полтора, морковку. Прикрикнул довольно: прелестно! – Кто время целовал в измученное вымя, тому прощается многое, мой мальчик, – подмигнул мне Токарев, извлекая из нижнего шкафчика банку рассыпчатого чая со слоном. Сделалось жарче, толстовка, напивавшись потом, тянула к самому полу. Сняв неволящий меня балахон, остался в одной белой майке и джинсах.

Робека затынул песню Sweet Dreams, я безошибочно перевел, сладкие сны. Не переставая петь, Александр уверенным движением топорика расколол бревно на четыре части. Литератор ловко нарезал помытую морковь. Ссыпал на глаз чай в огромную алюминиевую кастрюлю, туда же закинул морковку. Решившись заговорить, я сказал ему: Миша, мы не могли бы обсудить одно дело? – Александр, черного перца по вкусу! – раздавал указания Миша, словно вождь краснокожих. Робека насыпал предположительно черный перец, три щепотки, в посудину. Литератор чиркнул спичкой, повторно закулив. Повяло смолой, видно, начала прогорать на дровах. Токарев поставил кастрюлю в раковину, открыл холодную воду. – О чем ты хотел поговорить, мой мальчик? – спросил Миша. На улице горели огни снегоочистительной машины. Кухня утопла в медово-желтом свете. Саша поставил кастрюлю на плитку. Я приблизился к поэту, сказав: деликатный вопрос, не могли бы вы поехать со мной в Москву и провести прямой эфир, поговорить о снах.

Литератор сделал два стремительных шага, очутившись у меня за спиной. – Прелестно, прелестно, – произнес он, приобнимая за плечо. Он подвел меня к окошку, где в млечной дымке мигрировали далекие оранжевые огоньки, глаза неведомых существ. Токарев спросил: ты помнишь свой первый поцелуй, как это было? Робека флегматично помешивал варево на плите. Миша не дал мне ответить, произнес: ее звали София, наш поцелуй превзошел язык, после нашего поцелуя только и мог, что мычать, попугивая матушку тем зимним вечером. Саша бархатно запел: темная ночь, только пули свистят над виском. Робека весьма экстравагантно нанес на свои щеки полоски золой. Я вновь вернулся к своему разговору: Миша, главный спонсор мероприятия фармацевты, речь идет о новых нейрорепликах третьего поколения. Литератор вновь оживился: прелестно, прелестно, Александр, как обстоят дела с нашим чаем? – Готовность один, приступаю к просеиванию, – сдержанно доложил Робека.

Николай Спартакович вспомнил детский лагерь, куда его сослали в числе прочих малоимущих. Они подобным образом пробрались в ночной тиши на кухню. И странный мальчик, что делал амулеты из птичьих косточек, предложил вскрыть банку сгущенного молока. Зудели сверчки, вдали глухо лаяли собаки. И ветер влажный, душный колебал верхи деревьев. А наши родители разъехались на ночных автобусах по домам, удовлетворенные положением своих отпрысков на шахматной доске. Стоит заметить, к Рыбкину в тот день приехал только папа Спартак. Родителей усадили на трибуны, а дети в костюмах шахматных фигур на громадной доске исполняли волю двух ботаников. Коле досталась роль пешки. Спартак воскричал: только не мой сын, вы посмотрите, уважаемые родители, он же слон! Никто из уважаемых родителей спорить с ним не стал. А

Николаю поменяли костюм. И вот ночью полной созвездий. Пробравшись на кухню. Мальчишки, смеясь и шурясь, уплетали эту гущенку прямо руками. И от звезд текли серебряные нити. И дрожал, вне всякого сомнения, «Юпитер». И совы ухали.

– Бери свой чай, мой мальчик, – вернул на кухню лечебницы Токарев. Николай Спартакович, Робека и литератор сидели полукругом пред горящей печью. Они пили поразительно крепкий морковный чай. Разлитый по железным кружкам с помятыми боками. Миша сделал маленький глоток, сказав: вспоминаем псковского фотографа Дмитрия Маркова, волонтера в психоневрологическом интернате, общественного деятеля. Николай Спартакович хлебнул напиток. И ощутил, как раскаленный шар катится по пищеводу, чтобы где-то в желудке взорваться на тысячи шариков поменьше. Сердце отчаянно стучало. Робека взглянул на дрожащие Колины руки, цыкнув, покачал головой. В печке потрескивали сухие бревна. – Александр, вы, кажется, самую малость переборщили с перцем, – сказал Токарев, склонив голову набок, рассматривая пламенные языки. – А когда ушел в мир духов фотографа? – Николай неожиданно для самого себя использовал столь патетичный оборот. Миша и Александр сделали по глотку этого страшного чая. И литератор ответил: шестнадцатого февраля двадцать четвертого года. И продолжил: следы косули на снегу есть речь, отсутствуют слова. Коля никак не мог подобрать момент, чтобы вновь заговорить о поездке. – Прочь сомнения, мой друг, мы поедем в Москву, лечить насморк бубонной чумой буржуазных разжиревших господ, – пропел неожиданно Токарев, опрокинув табурет, на котором сидел. Николай Спартакович кое-как допил чай, а потом рухнул, словно подпиленная пихта, на липкий линолеум.

– Сашенька, нашего гостя ослепили звезды психиатрической больницы, – услышал голос Токарева Николай. – Мы вышли из дома, когда во всех окнах погасли огни, – приятным голосом запел Робека. И две сильные руки, по-видимому, Александра, усадили Рыбкина на подоконник. Кто-то похлопал его по щеке. И Николай Спартакович, что называется, пришел в себя. – Который у нас час в общем зачете дня? – спросил Миша, курая у печки. Рыбкин подметил, как Саша сверяется с часами «Ракета» на кожаном ремешке. – Восемь-ноль-ноль, – сообщил он беспристрастно. Литератор сказал: так. Перестал использовать придаточные предложения, отметил Коля. Снегоочистительная машина за окном утратила свою витальность, что ли, желтый свет потух, двигатель заглох. И в кухне стало темнее. Под влиянием сквозняка захлопнулась печная створка. На улице послышался полный доисторической печали женский крик. Заставивший Николая Спартаковича поблуднеть. Он оробело спросил: что здесь происходит? – Да есть у нас такой чудной пенсионер, Василий Михайлович Моро, – пояснил задумчиво Миша. Затем он зажег спичку, спичка медленно прогорала. Наконец потухла вовсе. Указывая головешкой на Робеку, Токарев сказал: наши пути тут расходятся, Саша. Александр, переворачивая кочергой поленья в печи, взглянул на поэта и молча кивнул. Николай Спартакович, терзаемый безотчетным страхом, спросил: простите, а кто это кричал? – Не жилец, – многозначительно ответил служащий министерства усатых дел. И принялся напевать: дайте мне номер, и я позвоню, о чем-нибудь в трубку проговорю, о чем, например, все мои стихи, узнаешь и скажешь, хи-хи-хи-хи.

– Пойдем, Коля, у нас неприлично много дел, – произнес Токарев, подойдя к белой пластиковой двери. Уходим другим путем, отметил Николай. Литератор достал из кармана связку ключей. Рыбкин следовал по пятам. Джентльмены очутились в коридоре с палатами. Соленые волны храпа накатывали, сбивали с ног. Миша с легкостью проник в новое помещение. Луч фонарика отобрал у темноты две стиральные машинки, порошки на полках, аккуратно сложенные стопками клетчатые синие рубашки, штаны. Из прачечной мужчины вышли на пожарную лестницу, на улице шел снег. Рыбкин поежился от холода. Токарев крикнул, резво спускаясь: сейчас побыстрее шагай, пока не заметили. Коля не стал уточнять столь важные детали, поскольку доверял поэту, пережившему некогда испытание ядерной боеголовки. Николай не успел додумать, по каким иным причинам следует доверять Мише. Литератор вошел в неприметную металлическую дверь, выкрашенную темно-зеленой краской. Внутри горели флуоресцентные лампы, пахло кофе, хлоркой, одеколоном с нотками кипариса. За монитором, на который транслировались изображения с десятка камер. Восседал гражданин весьма приятной наружности.

Щетинистое лицо, щетина напоминает хвойные иголки. Прямоугольные очки в красной оправе. Глаза как у Николая Чудотворца на иконе. Лыжная бело-синяя шапка, зеленоватый бушлат, синие штаны санитара, бежевые резиновые тапки с закрытыми мысками. – Милейший Максим, в связи с определенными обстоятельствами вынужден покинуть данный санаторий, – игриво произнес литератор. Гражданин за компьютером голосом бархатным, словно лист бумаги, из которого Коля делал открытку к восьмому марта для матери, когда они проживали в Новосибирске, произнес: Токарев, опять режим нарушаем. Николай Спартакович, рассматривая красивые, большие, словно кедровые шишки, кулаки санитара Максима, спросил: а что происходит? Никто из присутствующих не удостоил Рыбкина ответом. – Тебе, может, подняться в сестринскую, они тебе таблеток на дорожку отсыпят, – посоветовал Макс, доставая из черного шкафа, напоминающего сейф, синий мусорный пакет. Санитар передал его литератору, сказав: распишись за вещички. Николай Спартакович повторил свой вопрос: Михаил, а что происходит? – О, мой мальчик, – ответил поэт, – Василий Михайлович Моро живет в соседнем доме, он вывел у себя на чердаке смертоносных голубей. Максим с готовностью подтвердил, давая Токареву расписаться в тетради: голуби с металлическими клювами, целая стая, вечерами летают над нашим районом, людей жрут. До Рыбкина запоздало стал доходить смысл его слов. Он переспросил: Миша, мы выживем? – Не исключено, – ответил поэт. Облачаясь в красную мастерку, синие школьные брюки, кроссовки фирмы «Патрули», кожаную коричневую куртку. – А как мы сейчас там? – воскликнул Коля. Санитар передал нашему литератору клетчатую сумку, по-видимому, с остальными вещами. Максим ележно улыбнулся Николаю, сказав: сынок, мы вооружены гласными.

– И все-таки второй год не можешь долечиться, – обратился служащий лечебницы к Токареву, кладая по клавиатуре. – О, не плачьте, мои друзья, не уподобляйтесь ГЭС, – напел хрипло Миша. И пояснил Рыбкину: мой мальчик, разделим, как Польшу, больничный двор. Максим, поморщившись, сказал: Токарев, не пудри мозги человеку, там голуби с железными клювами размером с кошку закусывают людьми. Николай буквально увидел, как соткались вдруг из пустоты огромные птицы, терзающие плоть припозднившейся посетительницы. – А как же этому пенсионеру Моро все сходит с рук? – задал чрезвычайно важный вопрос Рыбкин. – Пропал пенсионер, а пернатые его ввечеру летают, знаете ли, – объяснил Максим, закуривая. Миша повесил на плечо свой клетчатый баул. Кивнул санитару: месье, мы пойдем, запуская шарманку.

Литератор и Коля, сокрытые предбанником, глядели на стаю гарпий, ожесточенно воркующих, кружащихся над больничным двором. Внезапно зазвучали репродукторы, обворожительная Герман запела: светит незнакомая звезда, снова мы оторваны от дома, снова между нами города, взлетные огни аэродромов. Голуби волшебным образом успокоились, они расселись на ветках многовекового дуба. И на словах: здесь у нас туманы и дожди, здесь у нас холодные рассветы Токарев побежал к проходной. Коля за ним следом, беспрестанно оскальзываясь. Рыбкин чувствовал на себе полные плотоядного интереса взгляды птичек. – Когда песня завершится, они нами отужинают, – воскричал Миша, задорно рассмеявшись, как мальчишка из «Ералаша». Аннушка Герман, пой, золотце, пой, мысленно подбадривал мужчину. Легкие пылали как спирт, а спирт пылал как пионерка пред комсомольцем-красавчиком. На финальном аккорде Николай Спартакович прыгнул рыбой в дверной проем. Токарев успел присесть на стол с зеленым сукном. Он предусмотрительно подложил кирпич, чтобы дверь не закрылась, чтобы Николай Спартакович осуществил свой прыжок рыбой. Репродукторы стихли. А злые голуби сорвались с насиженных мест. Взвились над лечебницей.

– А если бы мы не успели? – тяжело дыша, спросил Коля. – Песня заиклена, – ответил невозмутимо Токарев. Станный гражданин, что кушал снег, отсутствовал. – Чем бы вы объяснили неравенство дня и ночи? – неожиданно поинтересовался поэт. Рыбкин, опустив голову, сидел на обледелом линолеуме. Он был не в силах вести пространных разговоров. В избушку вошел мужчина в коричневом пиджаке и желтой олимпийке, с посеребренной головою. – Токарев, – сказал он, прищурив голубые глаза, – счастливого пути. – Николай в очередной раз вздрогнул от неестественно детского голоса гражданина. И с превеликой радостью поспешил вослед за литера-

тором. Который бросил на прощанье: увидимся, до новых встреч. И вышел в девять часов из проходной дурдома в город Иркутск. Без проблем пойманное такси довезло мужчин до аэропорта.

Ночной рейс, подобный смерти понарошку. Самолет угодил в зону турбулентности. Николай крепко зажмурил глаза, впился в подлокотники. И с удивлением услышал голос Токарева, монотонный, пчелиный. Остальные пассажиры робко поддержали поэта. Рыбкин вслушался и непроизвольно стал повторять вместе со всеми. Пресвятая Троица, помилуй нас, Господи, очисти грехи наши, Владыка, прости беззакония наши, посети, исцели немощи наши, имени Твоего ради. Господи, помилуй. Слава отцу и сыну и святому духу, и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

В четырнадцатой главе будет много бессвязной болтовни, воспоминаний, а вам я желаю процветания и понимания среди сверстников, юные читатели

Как мы знаем, в советское время не было проверочных слов, и мы были вынуждены писать без ошибок. Частенько начало медленно и странно, медленно и странно, медленно и странно.

Возвеселившись от корреспонденции граждан читателей. В частности, машиниста электровоза Степана, банковской служащей Марины, алкоголика на седьмой неделе трезвости Матвея. И разных иных достопочтенных читателей. Уведомляю с присущей мне речистостью, бабушку я люблю. И ваши письма, выражающие определенные сомнения по данному вопросу. Мол, отчего ты пишешь в своих «Плохих мальчиках, попадающих в Сибирь». О своей бабушке разрушительно, как Жак Деррида, иронично, как Семен Фарада. Нельзя ли в некотором смысле поперчить свой рассказ однозначностью, присущей, скажем, текстам Валентина Распутина, или блистательной прозе Владимира Маканина. И мне ответить гражданам читателям совершенно несложно, и мне ответить гражданам читателям, что поставить себе внутримышечно витамины за радость. То есть, говоря откровенно, мои соотечественники. Не привлекая к вопросу своих школьных учителей, санитаря Максима из девятого отделения лечебницы, откуда меня вызволил интеллигентнейший Николай Спартакович Рыбкин. Спешу сообщить, бабушку я люблю. И в подтверждение данного тезиса привожу первую пришедшую в мою грешную голову историю. Историю о наших с бабулей игрищах. Уверен, любые сомнения развеются касательно двойственности прочтений. И в день, когда миру придет конец, не подхватите простуду, коллеги, а также дорогие читатели.

Ах, кто это несется вскачь, да в желтом купальнике, крепко сжимая сачок, то нагоняя, то плетясь клячей за шаровой молнией. Ах, это офтальмолог Элеонора Степановна Аквитанская. А это, кто, другой, другой такой несется в купальнике сиреневом, в купальнике закрытом, уж не бухгалтерша судостроительного, Матильда Ивановна Датская. Она, особенно в профиль. Иные подруги в иных купальных костюмах все заняты, что называется, ловлей этого невообразимо электрического шарика. Вздор, они ловили сферу. Их кожа бледна, точно сыр камамбер. Их тела словно писаны Рубенсом. На них намного приятней глядеть, чем подписывать смертные приговоры. О, вы бы знали, сколь кровожаден я был в те годы, в садике нянечки называли меня Лаврентий Павлович и никак иначе.

Моя бабушка, она была телеграфисткой и постоянно пила диазепам. Кто сильнее, каратистка или телеграфистка, спрашивал я себя и отвечал: диазепам. У соседских детей тоже были бабушки, но почему-то не было дедушек, у меня тоже не было дедушки. Хотя, стоит признаться, пожилые женщины, воспитывающие нас, являлись весьма смелыми дамами. Представьте, брать такую ответственность за подрастающее поколение, за целое отделение кровожадных и безумных ребятишек. Это совсем не то же, что решать уравнения, где нужно найти корень из двух в степени нулевой. Куда подевались нынче все они, бабушки, дедушки, из чьих косточек выросли вишни. Бабушки, дедушки, чьи косточки сделались яблоней, грушей, сиренью. Бабушки, дедушки, чьи косточки выросли в говядину и свинину, затем попали на рынок, получив синее клеймо. Частенько начало медленно и странно, медленно и странно, медленно и странно.

Бабушка, мы уже достаточно детерминированы в окружающий мир или еще не детерминированы в достаточной степени. Впрошال я, облаченный в желтый прорезиненный дождевик, сжи-

мая свой сачок. И только поле вокруг, русское поле, гудящие линии электропередач, их сложно-сочиненные, невообразимые лапки. Люблю, говаривал я бабушкиным подругам, грозу в начале мая, а в январе, вернее, в феврале у меня день рождения, четырнадцатого числа, между прочим. – Знаем, кретин! – радостно кричали бабушкины подруги. – Лови же, лови! – подначивала коллега моей родственницы, телеграфистка Елизавета Николаевна Тюдор. С профилем как у борзой собаки, с вермишелью волос, родимым пятном на щеке. Волосы попросту растрепались, до чего было велико волнение, что там, охота на зайца и рядом не стоит. По моему скромному мнению, охота на шаровую молнию есть подлинная победа духа над телом, яйца на курицей, школьника над тригонометрией. Шар плыл ко мне, клацали пасти электрических змеек. И воздух слоеный, а почва слоиста. И я, ваш покорнейший сын, в желтом дождевике решительно ловлю данного зверя. Если жалеете, могу продемонстрировать шрам на темечке, оставленный электрическим зверем. То есть, конечно, не все разом, ибо чревато новыми повреждениями. Представьте себе, столько граждан одновременно потрогает шрам. Начало медленно и странно, медленно и странно.

Безжалостно любопытные, можно сказать, соразмерные сфинксам. Читательницы Саша и Женя, Даша, Виктория. Задаются вопросом, справедливым отчасти. Кому посвященье в романе о мальчике Федоре, чей папа силен в метафизике. Миша, откуда взялось посвящение твоей бывшей жене, а также детям жены от прошлых браков, благодаря которым роман сочинился бы раньше на полгода. О, глазированные Саша и Женя, Даша, Виктория. Пребывая в этой изношенной, словно зимняя обувь, комнате-телестудии. Я расскажу вам обстоятельным образом, точнее говоря, составлю предложенья из слов, что граждане сдали некогда в комиссионку.

То были времена, когда я шагал ослепительно голый в своем безумии по библиотекам страны. Дерзновенно читая верлибры. Граждане нуждались в поэзии, началась очередная война. Граждане нуждались в идиотизме, доведенном до автоматизма. Мы все, пенсионеры, студенты, школьники, малоимущие, иные бюджетники с нескрываемым трепетом глядели на бомбы. Эти бомбы летели чрезвычайно неспешно. Иными словами, было нельзя предугадать, когда они нас отоварят, завтра ли, через год, может быть, вообще пронесет. – Смотрите, как выглядит килотонна демократии, говорил бодро, скрывая волнение. А граждане посмеивались, благодарили за столь добродушную оценку действительности.

Помнится, в Доме культуры подмосковного города Жуковский. В зале, как будто изъятom из советских времен. Деревянные кресла, коричневые сидения из дерматина. В проходах разбросано конфетти, транспарант: с днем труда, ура, первое мая! Пообвыкшись в шкуре поэта, я поднялся на сцену, присел за школьную парту, открыл поэтический сборник: одноклассница, проснувшаяся танком. Кротким взглядом окинул зрительный зал. И нисколько не удивился. Слушателей было пятеро. Давнишний знакомый гэбист, Альберт Неаполитанский, сидящий во втором ряду с видеокамерой, нацеленной на меня. В своем сером плаще, в твидовой шляпке. Он следовал за мной неотступно. Альберт с лицом енота, принимающего кофейные ванны в дешевых мотелях, чтобы быть в тонусе. Чтобы продолжать составлять досье на литератора.

В четвертом ряду восседали две филологические девы. Я распознал их по специфической речи. – Что за пошляк этот Миша Токарева, вылитый Чарльз Буковский, – промолвила барышня в черной долазке, квадратных очках, рыжими волосами, собранными в хвост. – Я слышала, он совершенно несносен, пугается в падежах и склонениях, склоняет к разному девушек, – вторила ей гражданка в сером платье, круглых очках, блондинка с каре. Читая стихотворение об огромных голубях, что подкармливают маленьких бабушек. Приметил в шестом ряду мужчину в темно-желтом костюме-тройке, с головою лося. Хороший знак, подумалось с определенной долей иронии. Пятая слушательница горела звездой в этом дрожащем эфире, сотканном из наивных стихотворений. И слова тянулись, точно ириска в потных ладошках. И совсем скоро чтения завершились.

Барышня, немногим за двадцать. Припухлые зеленые губы. Синие полумесяцы-сережки. Кудрявые черные волосы распущены. Лимонного цвета дождевой плащ. Окликнула, ее голос что гусиное перышко, невесомый. На улице моросило, у Дома культуры города Жуковский моросило.

Спинами терлись о дождь. В полбледневшем воздухе проступали черты хорошенькой такой весны. – Эй, литератор, давно не виделись, – сказала она, наморщив свое личико, усыпанное веснушками. В полной мере готовый к половодью чувств, я спросил: мы знакомы? Девушка в тяжелых красных ботинках, взяв меня под локоть, ответила: как же, двадцать восемь лет назад мы были сперматозоидами, летели к одной яйцеклетке, но ты оказался удачливей, дорогой. – Если вы ничего не путаете, можем позавтракать вместе, тут рядом неплохая столовая, – сказал ей. И беспородный дождь, потерявший хозяина, рыскал по округе.

Милые, словно перегоревший золотой волосок Эдисона, Саша и Женя, Даша, Виктория. Именно так я познакомился с бывшей гражданской женой Дианой. Помню, разгоряченные, лежали с нею в постели, началось лето. Пар наших электрических сигарет вылетал в приоткрытое окно. – Однажды я заглянула в свою комнату, там не было меня, и я поняла, что вот меня может не быть, – испуганно прошептала Диана, прильнув к своему мужу. На полу лежал мой золотой плащ из одуванчиков, собранный на лугу изумрудном. Девушке удалось напомнить старому рыцарю о подвиге тайном и трудном. И мы лежали там, в ее шестикомнатной квартире, зараженные беспамятством. Я был заражен беспамятством, ибо не помнил, как будучи сперматозоидом повстречался со своею супругой. Началось лето. Железный скрежет мира, проиграв нашему любовному лепету, не беспокоил более. Засобиравшись на службу, в юношескую библиотеку, читать очередные стихи. Услыхал женушку, которая зачем-то накрылась с головой одеялом: не уходи, мой Жан Жене. Я надевал свои вельветовые брюки, держась рукою за стену. Обои с березовой рощей, штрих-код березовой рощи.

Незабвенные Саша и Женя, Даша, Виктория, чья жизнь исполнена таинственной неги, наверно, таинственной неги. Не далее, чем однажды, тем утром, когда началось лето. Супруга сказала: мне нужно тебе кое в чем признаться, то есть, конечно, сейчас не лучшее время. В коридоре, за пределами нашей спальни кто-то ходил. – Диана, что происходит? – обескураженно воскликнул я. Барышня совершенно не дала себе труда объясниться. Дверь с витражом голубого лося в темно-зеленом лесу отворилась, на пороге возникли двое. Он обширный мужчина в черной кожаной куртке, белой футболке и джинсах. Короткие волосы напоминали пух у цыпленка. Черные пуговицы глаз, улыбка, на щеках румянец. Она, должно быть, сестра, комплекция та же, волосы те же, глаза цвета кораллов. Зеленая помада, как у Дианы. Голубой сарафан, фиолетовые лосины. Решил немедленно разузнать, что происходит, в смысле, что происходит. Однако услышав оглушительный хруст, едва не лишился рассудка. Великаны играючи раскололи руками грецкие орехи, как будто бы черепа, подумал безрадостно. Супруга закуталась в одеяло, встала с постели. – Познакомься, это мои дети, Толя и Оля, – сказала она. – Бог ты мой, сколько же им лет, – закричал я, хватаясь за сердце. – Толику восемь, Оленьке десять, мы долгое время проживали в зоне экологического бедствия, – произнесла моя обольстительная жена. Послышался новый хруст. – Мама, ням-ням, – хором, низкими голосами сказали детишки. А я брякнулся в деликатный обморок.

За последующие полгода я частенько хлопал удивленно ресницами, всеми ресницами на своем теле. Мы образовали коалицию, а также семью. Диана оказалась страшной собственницей. Мне разрешалось гулять дважды в день, по праздникам трижды, под чутким присмотром своих приемных детей. Впрочем, для грусти не было поводов. С Толей и Олей мы занимались литературой. Выяснили, что дыхание формирует очертания букв. Приблизились к пониманию поэтики Алексея Парщикова. Наконец, выучили алфавит. Их мать, владелица скотобоен, доставшихся от позапрошлого мужа. Была приятно встревожена, видя результаты совместных занятий. – Миша, у меня нет слов, один восторг, какой теперь у наших деток замечательный вокабулярий! – С такими словами Диана бросилась на меня. И мы предались любовным утехам. Девоньки, Саша и Женя, Даша, Виктория. До чего впечатлительная супруга попала мне в жизни. Когда Толя и Оля, оттопырив пухлые мизинчики, сказали: мерси, маман, сея манка весьма вкусна, благодарим вас. Желушка радостно завизжала, не веря собственным ушкам. Однако совсем скоро семейная жизнь стала меня тяготить. Супруга все реже ликовала, видя наши успехи. И даже когда отроки

заговорили на французском, она лишь пожала плечами. Близился Новый год, моя Диана позабыла закрыть дверь, детки спали. Морозным утром вышел на улицу, поскрипывал снег. И я поехал домой к маме.

Любимые шизофреники, лунатики, трубадуры, миннезингеры, трикстеры. Акционисты и декабристы, модернисты. Таксисты и пианисты, баптисты, экономисты, телефонисты. Читатели Агаты Кристи. Пацифисты, абстракционисты. Граждане, боящиеся приставов, дантистов, экзистенциалистов. Любители спирта чистого, инородных артистов. Дети чекистов, правнуки неистовых капиталистов. Закодировавшиеся специалисты, дезинсекторы, трактористы и портретисты. А также филологи, литературоведы, люди зависимые, люди в ремиссии, девушка Патриция, что некогда не сдержалась и порезала в приступе безграничной любви. Вопрос, поднимаемый вами, подобен пирожку, оброненному мальчиком в общественном туалете, подобен материнскому окрику: не поднимай, антисанитария! Крайне важный вопрос, отчего же я снюсю некоторым людям в этой жизни, оставшейся у нас на всякий случай, оставшейся у нас в качестве последней попытки. Столько предстоит успеть, поменять кошкам воду, а еще поменять кошкам воду. Сегодня великая ночь, ночь с пятницы на понедельник, числа я не помню, месяца тоже. Что ж, самое время поведать удивительную историю, посвященную променаду по чужим снам.

Как известно, я учился в коррекционной школе, но пусть вас это не тревожит, я не хочу печалить вас ничем и все такое. Учиться мне довелось в коррекционной школе всего год. Наша учительница, Тьма Ивановна, была женщиной выдающейся, она говорила, те из вас, кто плохо сдаст ЕГЭ, окажется потом в ОПГ. Правда, никакой такой выпускной экзамен мы и не должны были сдавать. Именно ей принадлежат судьбоносные решения относительно судьбы моих выдающихся современников. Будучи жителями сибирской глубинки, где проживали сплошь клирики, да крестьяне, несколько рыцарей, один феодал. В нашем городке пребывал какое-то время медиевист, изучал, классифицировал, однажды он взял да влюбился в Анну Петровну Гельди. Девушку весьма приятной наружности, она пекла хлеб, а также сводила с ума всех окрестных мужчин. Позднее выяснилось, Анна Петровна подкладывала заговоренные булавки в хлебобулочные изделия. Когда об этом стало известно общественности, рассерженные тетеньки сожгли на костре Гельди в качестве профилактики венерических заболеваний. Чрезвычайно расстроившийся медиевист покинул наш уездный город, вернулся обратно в столицу, в Иркутск. Надеюсь, вы представляете, уровень религиозности был на высочайшем уровне. Катехизисом зачитывались даже малыши, а люди постарше готовились воспоследовать на голгофу.

Стоит ли говорить, мальчишки, девчонки, предрасположенные к ясновидению, пирокинезу, телекинезу, словом, те из нас, кто ужасно заикался, не мог выучить стихотворение или же страдал энурезом и другими расстройствами психики. Воспринимались жителями нашей глубинки несколько неоднозначно. Предвидя вопрос, Миша, неужели вас, таких удивительных, сжигали, горячо заверю читателя, не сжигали, не волнуйтесь, на моей памяти подобных случаев, наверное, нет. Однако, как я уже сказал ранее, горожане предпочитали не связываться с такими талантливыми детьми. Завидя на улице ребенка-телепата, граждане лишний раз переходили на другую сторону улицы. Нередко наши братья и сестры, едва достигнув совершеннолетия, были замечены употребляющими спиртных напитков, а также нередко их видели в похотливых руках каких-нибудь бюргеров. Ибо непостижимое одиночество, что на протяжении всего нашего детства окружало нас, весьма паршивым образом сказывалось на эмоциональном состоянии. Множество примеров стоит у меня перед глазами, когда великие мальчишки, девчонки, отвергнутые общеобразовательной системой, перестают беречь себя совершенно. Перестают беречь себя подобно тому, как люди средневековья не берегли. Подобно тому, как беременная жена короля Франции Филиппа Второго преставилась, неудачно прокатившись на лошади. А вспомните сына короля Англии Генриха Первого, что вы, зачем ему понадобилось с пьяной командой разбиваться о скалы, самая настоящая дурость, право слово.

Тело улицы, пронзенное туманом, напоминало холодец, застывший на балконе в минус пятьдесят. Тем восхитительным утром, когда Тьма Ивановна решила со мною сотрудничать, я пришел

в единственную общеобразовательную школу, где проходили обучение вполне обычные детки, на ком не лежала печать таинственной дурашливости. Первым уроком стояла физическая культура, в актовом зале мы в белых маечках, синих шортиках выстроились вдоль шведских стенок. Учитель, обладающий дряблым голосом, истомленным лицом, сорока годами трудового стажа. Учитель, в чьем облике присутствовали неуловимые черты французского, средневекового историка по имени Жан Жуанвиль, соратника короля Людовика Девятого. Некогда попросившего после кончины Людовика, после того, как короля канонизировали, чтобы для него лично у царственных останков отрезали пальчик. Физкультурник ставил перед нами задачи порою невыполнимые. К примеру, на субботнике он попросил соорудить кострище, пригодное для того, чтобы сжечь надежды старого мира. Откровенно говоря, мы были смущены, получив подобное задание. – Что позволяет себе этот старый развратник, – воскликнула девица по имени Агиография. – Верно, давайте поднимем вопрос на самом высоком уровне, – поддержал ее мальчишка по имени Агностицизм. Словом, наш класс в белых маечках и синих шортиках выстроился вдоль шведских стенок. Преподаватель распинался пред нами, его желтоватые мощи, расположенные под толстым стеклом, вызывали неоднозначное чувство. С одной стороны, коллектив педагогов ценил Адамита Константиновича за его не конфликтность, с другой же физкультурник был чрезвычайно неповоротливым. Тяжеленную тумбу с этим стеклянным футляром приходилось двигать ученикам. К тому же общался он с нами мысленно, поэтому не всегда удавалось с точностью определить, говорит ли он саркастически.

Внезапно в актовый зал вошла Тьма Ивановна, директор и педагог коррекционной школы. Обращая ваше внимание, ко времени, что я описываю, относятся первые проявления моего дара. Столь щекотливого дара, вызывающего у общественности немой вопрос, а следует ли нам беспокоиться. Спешу пояснить, литературный дар, поистине раскрывшийся годам к десяти, воспринимался, в том числе ровесниками, как потенциальная угроза их психике. Я распространял газету собственного сочинения. Нынче вспоминаю с улыбкой рубрики в той газете. Представьте себе, одна была посвящена нашим питомцам. Вернее, творчеству наших питомцев. Я приносил собачек и кошечек в областную библиотеку, где имелся компьютер и принтер. Давая возможность животным потоптаться по клавиатуре, получал забавные сочинения. Допустим, один жук рассказывал о том, как дети не заметили его, закрыли оконные рамы, тем самым обрекли насекомое на сто лет одиночества. Или же вот прекрасный пример подобного высказывания. История львенка, живущего у девочки Акулины. Данный львенок вспоминает о своем отце, что был способен одним прыжком разделаться с целым быком. Также львенок выражает беспокойство относительно собственного неумения поймать воробья.

Тьма Ивановна была женщиной, что вышла замуж под виселицей. Традиция выходить замуж под виселицей в нашем городке себя не изжила, насколько мне известно, до сей поры. Удивительная традиция, когда приговоренного к смертной казни человека могла спасти женщина или мужчина, согласившись на брак. Пьера Гренгуара, к примеру, спасла от смерти цыганка Эсмеральда, венчавшись с ним. Обязательные, словно прихлоп между притопами, слова, сказанные вошедшим педагогом, несколько напугали наш класс. Тетушка поставила в известность, что двум ученикам таким-то надлежит последовать за нею. Отчего-то я сразу же понял, пришли за мною. Глядя в ее отуманенные учениями адвокатов глаза, смело сказал: я готов. Ее карминные губы скривились от неудовольствия, выскочек она не любила. Птичье лицо женщины, скошенный, западающий назад подбородок при недоразвитой нижней челюсти. Длинное черное платье викторианской эпохи. Необычайно бледная кожа Тьмы Ивановны прекрасно сочеталась с этим платьем викторианской эпохи. Великолепная муравьиная талия, которую тут же стал неслышно нахваливать Адамит Константинович. – Адамит Константинович, перестаньте, я сейчас не посмотрю, что вы мощи, пожалуйюсь инквизиторам, вот не дает вам покоя талия моя муравьиная, ой, как не дает, – сказала длинная, точно зимняя ночь, дама.

От дождя лужи морщили лица. Но постойте, как же они морщили свои лица, если на дворе стояла зима. Мы, ученики, отобранные для коррекционной школы, прозванной в народе школой

магии, морщили свои лица. Пепельные волосы Тьмы Ивановны, собранные в пучок, сливались со снегом. А тогда снег, насколько помнится, выдался крайне горячим и вот, пепельным. В черте города горели костры. Граждане избавлялись от еретиков, приезжающих в наши края, как обычно утверждают эти еретики, на отдых. Прибывает подобная семейка, скажем, летом. Сын-подросток, мать и отец. Снимают у бабульки какой угол. А сами по сибирским лесам ходят, фотографируют. И ладно бы фотографировали, туристы нарушали наши традиции, наверное, нарушали. Во дворе общеобразовательной школы нас поджидала черная, обворожительная машина марки ГАЗ-М1. Изящная морда с большим радиатором, две круглые фары, напоминающие глаза лягушки. – Быстрее, быстрее, чай не лето, – великолепным образом определила сопровождающая дамочка. Вообще, ничто не чай, кроме самого чая, однако данное знание пришло ко мне существенно позже, во времена моей зрелости. Девчонка, отобранная со мною в школу волшебников, отличалась от сверстников особым умением связываться с представителями своего рода. Ее звали Акулина, она ходила всегда босоногая. Рыженькая, с разноцветными глазами, один черный и второй черный, но всем девочка говорила, что второй голубой. Временами она впадала в совершеннейший транс, говорила старческим голосом, чем несказанно расстраивала остальных ребят, им не хотелось дружить с престарелыми гражданами.

Транспортное средство вальяжно ехало по замерзшей речушке, речушку ту звали Леною. Памятник голове Петра Первого, отметил мысленно я, увидав исполинскую башку в треуголке, да с кручеными усами на том берегу. – Акулина, – говорю, – что вы ожидаете от данной поездки? Спутница предпочла помучить меня безмолвием. – Акулина, вы не ножки Буша, вы мне сами неинтересны в таком случае, – произнес четко, по слогам я. Тьма Ивановна, которая вела нашу карету, рывкнула что-то про то, чтоб мы не смели, значит, флиртовать. Она была женщиной, в сущности, не злой, просто уставшей. Пожалуй, она была капельку злей, чем самый добрый человек страны. Хотелось задать ей вопрос на засыпку, то есть поинтересоваться, флиртовать нам нельзя, понятно, а вот можно ли подарить комплимент, считается ли это постыдным. – Акулина, вы хорошо пахнете, – сказал я. – Ладаном, – зардели щеки моей попутчицы. Лед между нами растаял. Коррекционная школа располагалась на вершине медвежьей горы. То было деревянное трехэтажное строение барачного типа. К нему вела извилистая дорожка, в ту пору чрезвычайно скользкая. Нас встретили два тотема-оберега, деревянные статуи длиннородых старичков. – На выход, голубчики, – сказала тетушка, остановив автомобиль.

Медленно кружились хлопья снега. Мы взошли на крыльцо. На темно-каштановой двери с коваными элементами висела еще нестарая коровья голова. Глаза животного были прикрыты, длинный розовый язык, точно лента кассового аппарата. Тьма Ивановна потянула за него, крупная рогатая скотина распахнула свои удивительные, голубые глазки. – Му, му, му, – заголосила. Никто не спешил открывать. – Может, уснули, – предположил несмело я. – Не носи ерунды, идиот, – была лаконична учительница. Создалось впечатление, что женщина нас не уважала, конечно, кто мы такие, не конституция, чтоб нас уважать, однако элементарное обращение на вы, мне кажется, должно присутствовать. Тетушка принялась стучать кулаком, приговаривая: кто-нибудь живой есть в этой богадельне, нет ли, что за народ. Наконец послышались шаги, послышался сдвигаемый засов. На пороге возник мальчишка лет десяти, его курносое прелестное лицо, его тонкие губы расплылись в апостольской улыбке. Темно-фиолетовое родимое пятнышко на бритой голове напоминало своими очертаниями кота. Повстречавшийся мальчуган был одет в коричневый старенький, мятый костюм-тройку, под пиджаком бордовый джемпер. – Сталкер Петрович, вы что же, уснули, вот пополнение, – дама говорила с мальчонкой как с равным. Новый знакомый поглядел на меня и Акулину своими невообразимо большими, слезящимися васильковыми глазенками. – Вы уж меня извините, у нас потоп в туалете для девочек, – вздрогнув, произнес этот парнишка благожелательно. – Ладно, проехали, займитесь Мишей, я пока для Акулины экскурсию проведу, – Тьма Ивановна к нашей всеобщей неожиданности знала нас по именам. Она решительно схватила за руку мою одноклассницу и потащила ее на второй этаж по чрезвычайно скрипучей лестнице.

– Здравствуйте, Миша, мне крайне приятно видеть вас в этих скорбных стенах, – обратился ко мне мальчишка, протянув свою хилую руку для рукопожатия. Его худющая, вид его худощей, цыплячьей шеи вызвал во мне приступ каких-то, знаете ли, слез. – Что вы, вам нездоровится, у нас тут медпункт за углом, пойдемте, – боже, пацан был так обходителен. – А почему Сталкер Петрович, я знал одного Петровича в свое время, так его намотало на токарный станок, и он перестал быть, – ловко спрятал душившие меня слезы, грубые шутки помогают в этом вопросе. Новый товарищ искренне рассмеялся, сказав: мне импонирует ваше чувство юмора и ваш стиль. В коридоре пахло мылом хозяйственным, тальком, а еще мелом. На почерневших деревянных стенах, стенах, помнивших, должно быть, выдающихся учеников прошлого века, всех тех, кому Джоан Роулинг дала имена. На стенах висели расписания уроков, распятая ворона, не достаточно свежая, чтобы сказать: кар. – Понимаете, у нас учатся самые разные ребята, – говорил мой провожатый, – от кого-то в связи с особенностями отказались родители, кого-то сюда определили врачи. Мы шли вдоль окна, ослепленного белой краской, пол, выкрашенный в светло-зеленый, пружинил. Нам встречались безликие перекошенные двери, как все запущено, промелькнула такая мысль. – В общем-то, мой отец не стал исключением из правил, он излишне, на мой взгляд, переживал за собственную психику, понимаете ли, назвать меня Сталкером посоветовали еще в роддоме, – Петрович подбирал нужные слова. Остановившись у человеческого скелета в противогазе, что притаился в складках сумрака. Не по годам сообразительный мальчик сказал: болезненный процесс рождения, которому все мы были подвержены когда-то, в моем случае вызвал образование пятикилометровой так называемой зоны отчуждения. Привистнув от удивления, обнял своего нового друга. – Не стоит, жалость в этих местах признак, вы будете смеяться, слабости, – произнес Петрович. И продолжил, дотронувшись до моего плеча: не берите в голову, моя матушка Мария бросила отца Пьера тут же, как увидела, во что я превратил роддом.

Я не знал, какими словами поддержать Петровича, мы стояли с ним перед желтой дверью душевой комнаты. Мужиком он был хорошим, уже тогда я разбирался в людях, уже тогда мог отличить подонка от подонка в меньшей степени, в степени нулевой. – Мне бы хотелось посетить туалет, могу это сделать, почему бы и нет? – поинтересовался у Сталкера. Мальчик прикусил нижнюю губу, размышляя над моим вопросом. – Здесь и начинается одна из трудностей, мальчишеский туалет ныне место непростое, – ответил ровесник. Внезапно из душевой послышался чудовищный грохот, затем быстрые шаги. На пороге возник месье лет пятнадцати, малиновый румянец на щеках, вихрастый, рыжеволосый, покатые плечи. На босоногом незнакомце одно лишь сиреневое банное полотенце. – Тихо плещется вода в стенках унитаза, не забудем никогда имя водолаза! – радостно возвестил он, приблизив свое лицо к моему. Разглядывал своими раскосыми водянистыми глазами. – Александр, мы вас потеряли, сегодня было занятие с логопедом, а вы вон, купаетесь, – грустно произнес мой визави. Этот Александр, щелкнув зубами, выдал следующую тираду: ехал Гитлер на машине в партизанские леса, подорвался он на mine, полетел, как колбаса, с неба звездочка упала прямо Гитлеру на нос, вся Германия узнала, что у Гитлера понос. И побежал радостный по коридору, оставляя премильные влажные следы. – Так что там с туалетом, не хотелось бы в новом коллективе, простите меня, сесть в лужу, – деликатно сказал я. – Да, конечно, вы сами увидите, но будьте крайне осторожны, комната желаний видит самое сокровенное, – Сталкер Петрович вовсе не был похож на мистификатора, отчего-то его словам охотно поверил.

И все-таки Миша являлся настолько ненормальным, что уверенность в собственных силах порой пугала его нерасторопных одноклассников. Поэтому, войдя в помещение, залитое синим светом кварцевых ламп, свисающих с потолка, точно лианы в космическом лесу. Мне пришлось высказаться нецензурно, комната была метров двести в длину, метров пять в ширину. Много белого песка, в воздухе летали мельчайшие частички какого-то пепла. Мочевой пузырь, готовый лопнуть в любое мгновение, кричал на меня остервенело своим ротиком, топал ножками, был взвинчен и негодовал. Комната, насколько видел, кончалась белой растрескавшейся стеной, по-

росшей мхом. Ко всему прочему, там была неприметная такая серая дверца, именно за нею, догадался, находится туалет. Мне предстояло надеть на голову терновый венец, а не kota, в моем положении надевали непосредственно его. Впрочем, сделав шаг, осознал, а ведь нагадить прямо тут, в песок, весьма правомерно, кто ж осудит, свидетелей нет. Сознание мое требовало победы вегетарианства в мире этом, а подсознание все так же изнывало по куску мяса, но чего же хотел я, в самом деле, чего.

Провалившись по щиколотку, подумал некстати, пусть они поверят в себя и станут беспомощными, как дети, слабость, понимаешь, велика, сила ничтожна. И далее я размышлял в соответствии со сценарием. Иными словами, дорогой режиссер, о дереве, что растет нежное такое, гибкое, а когда становится сухим и жестким, оно, понимаешь, умирает. Правильно ли мы говорим, дорогой режиссер, это ли нам необходимо сказать, о спутниках смерти, черствости, силе, о свежести бытия, слабости, гибкости. О том ли отверделом, что победить не в состоянии. Правда, режиссерское плечо оказалось не столь надежным, как этого хотелось бы. Повалившись в песок, в отчаянии закричал: это я шалю, ну, то есть балуюсь! Песчинки скрипели на зубах, вязкая слюна капала на мою черную водолазку, кошмарное зрелище, представьте себе. И рядом не было мамы, не было друга Лапшина, не было желания разбираться, чего хочет мое поколение, какое оно, мое поколение. Пофамильный список граждан моего поколения, составленный впоследствии одним видным социологом кроме смеха не вызвал ничего более. Кроме того, несправедливость, с которой сталкивается каждый Миша Токарев этой страны, желающий просто-напросто, понимаешь, посетить клозет и справить малую нужду. Порою заставляет усомниться в адекватности литературных министров, раздающих премии, но это я утрирую с высоты прожитых лет. Тогда же, в нежном возрасте, несправедливость воспринималась особенно остро, что и говорить, вы сами прекрасно знаете.

Судя по всему, мне удалось прийти в себя спустя минут десять, глаза сверх всякой меры слезились, словно в них попал слезоточивый газ, имеющий нежное название черемуха. Обезвоживание организма достигло феерических масштабов. Обезвоживание организма было подобно фразочке, произнесенной престарелым романтиком, что-то там о свете жизни, об огне чресел. Развратник произносил фразу, а кончик его языка совершал путь в три шажка вниз по небу. Кварцевые лампы исключали возможность глядеть на них без специальных очков. С грехом пополам поднявшись, побрел к этому, понимаешь ли, туалету. Совести у меня не было, как говорила некогда бабушка, зато у меня были оголенные нервы. Поясница ныла волчицей в период течки, мысленно пожелал Сталкеру Петровичу долгих лет жизни, что же он, думаю, не настоял, показал бы, где находится, затопленный женский туалет. Мы не гордые, сходили бы в женский. А теперь лишь себя остаётся винить. Пройдя метров сто, услышал пульсацию неясной этимологии. Стоило приглядеться, как впереди был опознан мною один из подарков зоны отчуждения, комариная плешь. Область с аномально высокой гравитацией, область, в которую стоило только попасть, как вы неминуемо превратились бы в расплюснутую банку с консервами.

Любимые эпилептики, электрики, девушки Лиды. Ценители эклектики, апартеида. Граждане с крайне низким либидо, поэты маститые. Соседи с запущенной формой артрита. Запойные, небритые, девушки Риты. Товарищи понятия, любители фильмов Митты, ты и ты, а еще ты. Носители голубой бороды, зрители сериала «Менты». Дети, коты, вернее, женщины, что стоят сейчас у плиты. Мужчины, что стоят сейчас на бирже труда. Те горожане, у кого любимым уроком была лит-ра, знаю среди читателей одного учителя труда. Любимые инспекторы по делам несовершеннолетних, семидесятилетние эпикурейцы, красноармейцы, иждивенцы, друзья с абстиненцией, туземцы и даже пришельцы. Ответ на крайне важный вопрос, отчего же я снюсь некоторым людям в этой жизни, доставшейся нам без всяких проверочных слов, пишете на слух, заглавная Ж, потом Ы. Вернее, возможный ответ на данный вопрос, он прозвучал вот, читайте, пожалуйста, выше. Вы успеваете погрузить свое заброшенное тело в заброшенное платье, вы та, о ком говорю, вы знаете, что я о вас говорю. Сегодня великая ночь, ночь с пятницы на понедельник, сегодня великая ночь, когда можно сорить, поэзия потусторонний мусор, сорите, будьте любезны, сорите,

даже если несколько сомневаетесь. И как вы понимаете, посетить клозет в дремучем детстве мне довелось, иначе я бы с вами сейчас не разговаривал, понятное дело.

Результаты того памятного похода в туалет весьма неясны. Попросту говоря, совершенно позабыл, что же там произошло. Да, на правах литератора я могу приукрасить, досочинить. Однако мне хочется быть честным. Когда говорю с вами, мое сердце за, за, заикается. Мое сердце полно любви к вам, любви, благодаря которой возводятся храмы. Любви, похожей на крепкий сон человека в состоянии анабиоза. Отцы и дети полка мои читатели, глядящие искоса на всякое проявление художественного вымысла. Пациенты дневных стационаров мои читатели, произносящие волшебные слова во время молитвы, что образуют голубоватый туман-обман вокруг всех нас. Джентльмены с зависимостью от гречишного меда, лежащие прямо сейчас в казенном учреждении на улице Библиотечная, дом тридцать восемь мои читатели. Вы мне тоже, представьте, сегодня приснились, так что мы квиты.

Пятнадцатая глава, в которой становится очевидно, всякое дыхание хвалит Господа нашего

Художник нам изобразил глубокий обморок сирени, а Миша нам изобразил уверенный распад человеческой личности. Токарев, накаченный транквилизаторами и детским питанием, угрожает Юрию Валентиновичу бананом. Пассажиры кукурузника, АН-2, если угодно, летящего в Казахстан, изрядно напуганы. Растерявший чопорность литератор не сдержан. На нем темно-голубая рубашка с жирафами, на шее ловушка для снов, коричневые брюки с подтяжками, старомодные лакированные туфли цвета слоновой кости. Его голову венчает красная шапка-петушок с надписью: физкульт-привет. – Остановите транспортное средство, среди нас междугородний нулевой агент Юрий фон Ашенбах, – еле ворочая своим языком, обличает литератор Юрия Валентиновича. Постаревшего, но Юрия Валентиновича, некогда убившего Хомякову, мою одноклассницу, это совершенно точно теперь известно.

– Когда-нибудь все станет хорошо, и пастырь будет рифмоваться со словом пластырь, – постановил Токарев после эфира. Его взгляд к тому времени напоминал разбомбленный дом в Грозном, что покачивается при дуновении ветра, рискуя рухнуть. Этот дом, или взгляд рисковал рухнуть, утянув за собой Мишу, видеокамеру, ноутбук и целую съемочную студию. Тысячи электрических пользователей посредством специальных символов, пиксельных сердечек, цветных таблеток, белых голубок, единорогов. Массово, подобно тому, как провожали Иосифа Виссарионовича, выражали некое, Рыбкин был не в силах подобрать слова. По всей вероятности, Мишу читали не только психически нездоровые граждане. Как преждевременно полагал Семен Сикорский, например, ожидая встретить в комментариях к прямому эфиру сплошных чудиков. Однако поступающая корреспонденция, поражала личностями абонентов. Допустим, в Мурманской области, в тамошней библиотеке наличествовал читательский клуб. Члены данного клуба, преимущественно пенсионеры-филологи, на протяжении десяти лет каждое воскресенье читали одну из Мишиных книг. Они распивали чай с домашним печеньем, обсуждали отсылки, аллюзии, знали слово гипертекст. Временами пенсионеры интерпретировали отдельные главы, спорили, иными словами, вели светские беседы.

Немало удивило существование целой кафедры, где в числе прочих постмодернистов двадцатого века изучали творчество Токарева, являющегося, безусловно, придатком двадцать первого века. Словом, литератор был нужен гражданам, как порою бывает нужна инъекция инсулина диабетiku. Мишу читали в библиотеках сумасшедших домов пациенты, в институтских библиотеках студенты, в следственных изоляторах подсудимые. Кто-то постоянно писал курсовые, дипломные работы, научные статьи о поэтике Михаила. Представьте себе, старые номера «Волги», журнала, опубликовавшего все романы Токарева, нашлись даже в игровой комнате российской войсковой части на Крайнем Севере. Также Николая Спартаковича поразила всеобъемлющая доброжелательность, царившая в чате. Как правило, эфиры подобного размаха

требуют строжайшей модерации. Однако на протяжении всех двух часов ни один пользователь не был забанен. А это нонсенс, достойный игры способного ученика на троллейбусе двухструнном.

А на улице звенела капель. Оттаявшие мусорные пакеты напоминали путников, прилегших вдоль дороги отдохнуть. И одинокий клен руками разводил, дескать, весна, чего вы хотели. Токарев глядел на эту весну как на эротический журнал. Он подошел к рыжему коту, что нежился в лучах солнышка, лежа на зеленой скамейке у подъезда. После сумрака телестудии мы были ослеплены и дезориентированы. Литератор погладил пузико кошечки. – Весна без конца и без края, – одобрительно произнес он. Цвела верба, свистели скворцы. Солнечный луч полоснул по нашим глазам. В районе станции Речной вокзал было многолюдно. Школьники, завязав куртки на поясах, уподобились папуасам. Издавая булькающие звуки, они прыгали вокруг небольшого костра. – И небо измерялось высотой его взгляда, – изрек Миша, сделав большой глоток минеральной воды из стеклянной бутылки.

Николай Спартакович решил позвонить бывшей жене. И рвануть недели на две к детям. Мужчина чувствовал непреодолимую усталость. Он ощущал себя рыбой корюшкой, которая частично являлась огурцом и метала попеременно черную и красную икру. Проще говоря, выражаясь присказкой гражданина из девятого, понимаешь, отделения. Чувство ничем не взволнованности овладело Николаем Спартаковичем. И это чувство, знаете, оно наступило не сегодня, но существенно раньше. Однако именно сейчас мужчина, как будто не постеснялся озвучить, высказаться о своем состоянии. Припекало солнце, девчонки в цветных колготках чирикали на своем диалекте о мальчишках. И Токарев шел со своим клетчатым баулом, шумно принохиваясь. И были сотканы из немоты деревья, птицы, люди. Рыбкин подумал, причем тут немота, он достал телефон. Но батарея была разряжена. Ребята шагали по лесопарку, снег стремительно таял, как надежда найти работу парню с непогашенной судимостью.

Рыбкин упустил из вида литератора. Внезапно Николай Спартакович услышал всхлипы, доносящиеся откуда-то справа, там, где березка клонилась к самой земле. И ручеек бежал, задорно журча. На поляне умирительно плакал поэт. Коля подумал о том, что кочевая кровь несла по венам Токарева психиатрические коктейли. Он перешагнул останки вороны. – Миша, – обратился Рыбкин, – вы чего, вы же не сентименталист. – Коля, хлюпая лужами, подошел к писателю. Тот, поглаживая красный мох, сказал: смотри-ка, какой травой пророс для нас Геннадий Шпаликов. Утирая рукавом слезу, литератор поглядел многозначительно на Николая, невольно улыбающегося, как умственно неполноценный. – Мой мальчик, вам по-прежнему претят припадки безудержной трезвости? – спросил Миша, стремительно переменявшись в лице. Слезы обсохли, лукавая улыбка, словно сквозняк, гуляет на губах. – И ничего не претят, провокатор, – смеется Рыбкин. А на телефонный аппарат поэта поступает звонок неясной этимологии. – Лидия Снеговая звонит, бренчит, – комментирует писатель. И спешит ответить: неминуемая жизнь, Лидия, неминуемая жизнь вокруг.

Николай Спартакович, закуривая в тени разлапистых деревьев. Подумал, ого, Лидия, сколь великая женщина позвонила обворожительному литератору. Именно благодаря Снеговой журналистская звезда Миши до сих пор не затухла. Для издания Лидии писали статьи сплошь суфражистки. Однако взгляд Токарева на современные геополитические и социокультурные процессы был подобен красному советскому флагу, что развевается над разрушенным энергоблоком. Статьи Токарева как пример художественной журналистики Рыбкин и его однокурсники разбирали на занятиях в институте. Николай Спартакович прислушался к разговору. – О, Снеговая, – кричал Миша, – посмотри в эти косноязычные глаза! – Оттененная гроздь рябины едва заметно покачивалась. Машины, покашливая, мчали по шоссе, что протекало совсем рядом. – Послушай, я спекся, они меня съели, эти новые формы рецептов, эти поэты, не имеющие нахальства сказать, что это стихи, – литератор, присев на корточки, закрыл глаза. – О, Снеговая, в тебе говорит неистребимое желание быть, однако не быть боится щекотки, – писатель, умолкнув, засмотрелся на скворца. Потом слушал речь женщины. – Казахстан, знаешь, Лидия, Казахстан, – литератор

лизнул красный мох. Он явно играл на публику, отметил Рыбкин. – Я в деле, только мне нужен второй билет для моего соавтора, – произнес Миша, подмигивая Николаю.

Мне вспомнилась вдруг юношеская библиотека в городе Калининграде. Подшивки журнала «Волга». И жизнь тогда казалась особенной, казалось, вот-вот, завтра случится нечто настолько грандиозное, что я буду не в силах вместить этот кудрявый пейзаж. Невинно-розовый, как внутренности херувима. Сколько же мне было годков. Кажется, совсем не уверен, конец школы, лет семнадцать. В иной, дождливый и пасмурный, да, несомненно, дождливый и пасмурный день девушка, с которой романтично дружили, отвергла меня. И скорби не было предела. Да, Токарев не боялся писать, не боялся забредать в эти дебри, где опадали метафоры, цвели гиперболы, благоухала грубая ругань. То был переходный возраст, понимаете, Мишина литература работает с широчайшим спектром тем. Словом, он меня поддержал тогда, Калининград, подшивки журнала «Волга».

– Малыш, – произнес Токарев, прищурив глаза на солнце, – поедешь со мной в Казахстан? Николай Спартакович усмехнулся, он снова почувствовал себя юным октябренком. Предчувствие, предощущение неких грядущих свершений. Рыбкин и сам не мог сказать с определенностью, что это за чувство такое. Будто ничем не взволнованность лишилась коварного не. По самой кромке поляны шли две старушки в оранжевом и голубом флисовых комбинезонах. Их лыжные палки стучали по наледи. – А что там, в Казахстане? – спросил Рыбкин, внутренне решаясь на поездку. – Напишем серию очерков о гражданах, проживающих вблизи ядерных полигонов, – отвечивал поэт. Коля хотел спросить что-то еще несущественное, как междометия. Заморосил дождь и незримые руки принялись старательно отжимать деревья. На воспаленном шоссе взорвалась машина, лопнул прыщик. Токарев поспешно звал на плечо свой баул. Гудел вдали завод по производству погоды. – Поспешим, коллега, – задорно крикнул Миша. Рыбкин едва поспевал за ним. А дождь все шел и шел, и мужчины тоже шли и вышли к станции метро Ховрино. У побеленных яблонь черная собака с рыжей опалиной на боку копошилась в синем пакете. Дождь перестал. Ветер наматывал небо на шеи редких прохожих.

– Миша, – сказала Николай, – а на сколько мы летим в Казахстан? Литератор безмолвствовал, он глядел на деревья химкинского леса, что начинался за кованым забором, на расплывающийся голубоватый туман. – Малыш, мы можем вовсе не вернуться, независимая журналистика есть танец двух влюбленных в жерле работающего атомного реактора, – сказал писатель, поморщившись от собственных пошлых словес. Потом он приобнял Рыбкина за талию, грустно вздохнув. Из метро выходила гражданка с лицом гиппопотама, она демонстративно фыркнула: тьфу. Ее серый плащ развеялся на ветру. Дама обладала неверной осанкой, двоюродница, подметил Николай Спартакович. Литератор, увлекая Колю в сторону промзоны, произнес: нам предстоит немало дел до нашего вылета. Рыбкин шел за Мишей, размышляя. Бесследно канет очередной день, а быть притороченным к профессии, точно листик приторочен к ветке, весьма трудно. Николай находился в журналистике двадцать лет. Находился подобно тому, как находятся пропавшие дети, что любят сбегать из дома. На красном кирпичном здании, под самую крышей была выложена мозаика: миру – мир! По правую и левую стороны тянулись складские помещения, ангары, шиномонтаж, фейерверки. Токарев обогнул социальную столовую, перед которой на траве была целая россыпь дремлющих котов. Писатель спустился по лестнице, постучал кулаком в черную подвальную дверь.

На пороге их встретил рослый гражданин с голубыми раскосыми глазами, по-рыбьи выпученными. – О, поэт пришел, привет, – расплылся в дебиловатой, но пленительной улыбке незнакомец. – Не поэт, но точка встречи, – поправил Миша, обнимая белобрысого мужчину в джинсовом комбинезоне и белом переднике. Человек из подвала посторонился, Рыбкин шагнул в черный квадрат вслед за Токаревым. Коля услышал аромат хозяйственного мыла, чего-то терпкого, мускус, ваниль, бергамот. Николай Спартакович, воследовавший за литератором и мужчиной в белом переднике, с удивлением помыслил. До чего странное место, до чего мне нравится эта истончающаяся жизнь. Должно быть, недаром все мы выросли из гоголевской шинели. Джент-

льмены шли вдоль труб, хрустел битый кирпич под ногами. – Заживал битый кирпич, заживала истлевшая спичка, – подивился вслух поэтическому прозрению Рыбкин. Красноватый дежурный свет едва освещал Мишину спину. Он произнес, не останавливаясь: очень пронзительно, малыш, очень пронзительно. Гражданин с короткими белыми волосами завел их в просторную комнату. Терракотовой плиткой выстлан пол. Длинные лампы, излучающие холодный синий свет, напоминали личинки неведомых космических насекомых. Кремовый кафель на стенах. Прямоугольные зеркала, деревянные кресла с бордовыми сидениями, как в парикмахерской. Красные треугольные флажки на ниточке развешены по периметру комнатенки.

– Там, где элину, понимаешь, сияла красота, нам она тоже должна, понимаешь, сиять, но никак не срамota, – произнес Токарев, усаживаясь в скрипучее креслице. В руках гражданина блеснула бритва «Чайка» с черной пластиковой рукоятью. Николай Спартакович взяла оторопь, он взглянул на лицо поэта в зеркале. Тот улыбался, и столько в этой улыбке было нежности, что казалось, не случилось ни Афганистана, ни Чернобыля, ни городов, наводненных китайской синтетикой. – Петр Абрамович, ты сегодня в гордом одиночестве? – спросил Миша. Парикмахер, укутывая поэта в голубую простыню. Произнес криливо: остальные на диспансеризации. – Присядь в кресло, мой мальчик, подожди своей очереди, – сказал Токарев. Николай Спартакович последовал совету. Он с удивлением заметил не замеченную раковину посреди комнаты. И пол шел под наклоном. Как будто раковина была настолько тяжела и монументальна, что пол прогнулся в этой точке. Рыбкин следил, как Петр Абрамович орудует ловко помазком. – А какое имя у той женщины, ее рассыпчатое имя мне сложно вспомнить? – задался вопросом писатель. Гражданин, явно смутившись, выкрикнул, смеясь: Александра, мы с ней хотим пожениться, ее бабушка-опекунша дала добро! – Вот как, поздравляю, – обрадовался Миша. Парикмахер, положив свою грандиозную пятерню на макушку литератора, уверенными движениями бритвой приводил заросшего Токарева в детский садик. На запястьях Петра, увидел Рыбкин, красовались синие, выцветшие наколки, колючая проволока, роза, нечто совершенно нечитаемое. Поэт, прикрыв глаза, задремал, его посапывание напоминало свистящее дыхание хомяка или ежика. Коля взглянул на чудного Петра Абрамовича и несколько занервничал. Казалось, тот ему подмигнул своим левым, рыбьим глазом.

Николай Спартакович и сам не заметил, как уснул. Разглагольствовал пиит: постмодернист, по выражению Умберто Эко, есть влюбленный, который не может сказать напрямую, я тебя люблю, крошка. Еле слышно пылая певица щebetала по радио: спи, я завтра зайду за тобой после семи, я зимнее солнце и я проявляюсь все реже и реже. Вдруг приснилась куртуазная ругань Барановой, когда барышня узнала, что в школе закрыли драматический кружок. Швейка, странного педагога, призвали на службу. И на войне, прильнув к зенитной установке, Василий Александрович Швейк осознал, как сильно любит Родину. – Просыпайся, малыш, – сказал Токарев, по-отечески потрепав Николая по голове. Рыбкин медленно раскрыл глаза-цветки. Миша, гладко выбритый, подстриженный шапочкой, изучающе рассматривал Колю. Литератор напоминал всепрощающего падре. – Теперь Петр Абрамович может заняться тобой, – произнес он. – Не надо мной заниматься, – сонно проговорил Рыбкин. А потом взглянул на себя в зеркало и увидел мужчину на самом рассвете, на таком рассвете, когда хмурые школьники, замученные биссектрисой, бредут на уроки. – Я бы воздержался от стрижек, в феврале только подстригался, – прокомментировал свое неспортивное поведение Коля. Зевая, точно кашалот.

– В таком случае, вынужден пригласить тебя намочить перышки, – Токарев был точен в определениях, словно тень автобуса, что сбила хмурых школьников по заданию биссектрисы. Петр Абрамович, вероятно, растеряв терпение, негодуя воскликнул: Миша, я открываю бассейн! – О, дражайший, открывайте, – подбодрил его поэт. И дражайший парикмахер, подойдя к неприемной белой двери, что совершенно терялась на фоне кремовых стен. Отворил эту самую дверь, задумчиво произнес: пчелы слетались на мед ее дыхания. Токарев, закашлявшись, спросил: Петр, сколь изящно вы сформулировали мысль, вы по-прежнему сочиняете поэмы? Гражданин залиvisto рассмеялся, отвечал: это как раз фрагмент вещи, над которой я сейчас работаю,

называется: люди, сделанные из мыла. Николай Спартакович весьма подивился способностям парикмахера, поначалу тот показался ему крошечным кретином. – Пойдем, Коля, пойдем, – поторопил писатель. И первый, пригнувшись, вошел в соседнюю комнату. Петр последовал за ним. Николай, влекомый любопытством, тоже заглянул в помещение.

Парикмахер спровоцировал свет, зажег лампы. И желтоватый, точно подсолнечное масло, свет залил все вокруг. Голубая мозаика на стенах, дельфины, серые рыбки. Бассейн, метров пятнадцать в длину, метра три в ширину. Николай Спартакович шагнул навстречу Токареву, стремительно раздевающемуся до бирюзовых трусов. – Бабушка Петра Абрамовича, парапсихолог Нинель Сергеевна Кулагина, – произнес поэт. Петр визгливо рассмеялся, в очередной раз несказанно напугав Рыбкина. Мужчина понял, кого напоминает ему хозяин подвала, кузнечика. – Нинель Сергеевна мастерски меняла структурную сетку воды, – оповестил Миша, – свои знания она передала внуку, вот ему. – И что ж, каков эффект? – робко спросил Коля, с опасением поглядывая на зеленоватую воду. Литератор, не проронив ни единого слова, нырнул в бассейн. Его тело исчезло, стало напоминать биссектрису, которую тоже никто не видал. Однако та наблюдала за каждым, притаившись в темном углу. – А есть вероятность, что я перестану быть? – задал резонный вопрос Николай Спартакович, медленно расстегивая белую рубашку. Петр Абрамович вновь рассмеялся. Ответствовал: скажешь тоже, конвенция эксплицитно не предусматривает этого сценария. Зеленая венка на шее Петра, точно прожилка листика, пульсировала. В его раскосых голубых глазах Рыбкин прочитал первое соборное послание святого апостола Иоанна Богослова. И данное событие весьма тронуло мужчину. Он отчего-то медлил прыгать в бассейн. Стоя босиком на холодном кафельном полу, Коля высматривал Мишу в непроницаемо темно-синей воде. – А чего цвет поменялся, чего такое? – поинтересовался Коля. Некстати вспомнив, как они в детстве играли в докторов и лечили здоровую кошку. – Так он ведь поэт, вернее, точка встречи, небесная нега и все такое, – улыбнулся парикмахер. И улыбка его на этот раз обладала чертами некой доброжелательности.

Николай Спартакович, задумавшись дотла, как спичка, над тем, а что если бывшая жена внушит детям, ваш папа не ваш папа. И когда они подрастут, позабудут его и не станут даже общаться, как с террористом. Боже, внутренне воскликнул Рыбкин, как с террористом. В известном смысле журналиста в очередной раз поразили установившиеся после очередного запоя отношения с матерью собственных детей. Клара была богиней ипохондрии, для которой Николай являлся миром. И она частенько благодарила мир взрывами бомб. Коля с удивлением подумал: а ведь любовь к этой женщине по-прежнему цветет в саду моей души. – Молодой человек, имейте совесть, прыгайте, – произнес Петр Абрамович, бесцеремонно подтолкнув Николая. И вода, приятная, точно горячее молоко с медом, что проливается в простуженное горло, проглотила Рыбкина. И привкус хлорки на губах, и легкие, как спирт горят.

Мимо журналиста проплывал величавый сом. Гусарские усы рыбины как будто бы невзначай пощекотали Коленке спину. Мужчина ощутил себя письмом до востребования, он опускался все ниже и ниже. Желтая пожарная каска докоснулась ноги. Николай Спартакович с изумлением посмотрел на размокший букварь. Какой-то неправильный бассейн, усмехнулся он, рассматривая черно-белый снимок незнакомого класса. Досушие взоры окуней несколько обескуражили. Рыбкин, ужаснувшись предстоящему небытию, воспротивиться был не в силах. В глазах плясали настоящие искорки фейерверка, принятые поначалу за огонь электросварки. Вода переменяла свой цвет, сделавшись нежно-зеленой. Ко всему прочему, Николай Спартакович осознал себя русалочкой. Перепонки на пальцах показались любопытным, если не сказать закономерным возвращением к предкам. Коля, подобно амфибии, развил высокую скорость. Зубастая рыба-удильщик освещала своим фонарем проплывающие мимо предметы, пианино «Аккорд», советское стоматологическое кресло. Старые вещи, застывшие в янтаре, заставили Рыбкина погрустнеть. Мужчина приметил, дно бассейна устлано противогазами. Хрупкая, словно амула, мысль посетила голову отца двоих детей. Противогазы тут неспроста, как неспроста кошка ложится на грудь хозяина. Николай-русалочка принялся перебирать эти безмолвные резиновые лица. В некото-

ром отдалении медленно проплывала желтая бочка с красной надписью: квас. Внезапно ладони обожгло холодом. Испытующий взгляд Николая смутил металлическую дверь, покрытую слоем наледи, сокрытую противогАЗами. Забытую тут прошлыми жильцами. Рыбкин повторно взгрустнул, предавшись невеселым размышлениям о собственных детях, уродившихся не русалочками. Впрочем, обуздав эмоции, он взялся за дверную ручку, как наши отцы, ушедшие за сигаретами в ночь. Хриплым взглядом на тебя, шестилетку, на прощанье глядит отец и уходит.

Велосипедная цепь шелкала цикадой. И было невероятно душно и дома закипали, как чайники. Николай Спартакович обнаружил себя в кресле-качалке. На сложенном столе-книжке стояла двухлитровая банка с чайным грибом. Паркет-елочка, исчерканный, будто когтями животных. В румынском шкафу-стенке коллекция гжели. Пузатый «Рубин» беззвучно работал, показывал утопленный в зелени Пятигорск. Дверь секретера открыта, там польская водка Выборова, рижский балзам, чешская Бехеровка, заграничные журналы с выкройками. Люстра с перламутровыми подвесками. Окно распахнуто настежь, у окна роскошно раздетая девушка курит. Рыбкин взглянул на свое обнаженное тело, на свой живот, похожий на желтое яблоко в прелой траве. Засмутился. Покачиваясь в кресле, заметил до боли знакомую подробность на правом бедре барышни. Два премилых полумесяца-шрама, в детстве цапнула крыса. Мужчина опознал в мадам собственную жену, помолодевшую лет на двадцать.

Лучи солнца нагрели паркет. Босоногий Николай Спартакович, осторожно ступая, подошел к окну. Мякоть асфальта, иероглифы веток, младенчество листвы. И воздух синь, как узелок с белым у выписавшегося из больницы. Кругом, должно быть, расположен апрель, весна расставлена кругом. На подоконнике белая пачка болгарских сигарет. Запах горелой прошлогодней листвы, сирени, черемухи. На клумбе тюльпаны желтеют. Следы от полозьев санок на ее щеке, или от подушки, кто разберет. Девушка тушит бычок в хрустальной пепельнице. Говорит, прильнув к плечу Николая: надо купить нафталин, будем убирать зимние вещи. Мужчина развернул супругу спиной к окошку, обнял. Колыхались верхушки деревьев. Макушка жены пахла земляничным шампунем. В красном автобусе возвращались ребята со смены. В мареве виднелась атомная станция. Грандиозная, словно уста любимой женщины, или уста этого общества.

Приставший к щеке супруги солнечный луч, она смеется. – Пусти, – говорит, – я вся потная. – Николай, кажется, услышал то, что сказала жена в том, что не сказала. Жена звала в душ. – Я не звала тебя в душ, – морщит нос, прогоняет, кокетничает. Молодожены, толкаясь, смеясь, бредут по коридору. На голубых стенах висят книжные полки. Жюль Верн, Эдгар По, Василий Аксенов глядят с недоверием на счастье молодых. На кухне из жестяной миски шумно лакают воду два черных кота. Белорусский кухонный гарнитур апельсинового цвета. Стены и потолок отделаны темно-каштановой вагонкой из лиственницы. В мойке вавилонской башней высилась стопка грязной посуды. И где-то там у основания той башни царь Навуходоносор в трениках с пузырями на коленках, в тельняшке, небритый топал с авоськой в универмаг. На плите стоял красный в белый горох чайник со свистком. По зеленой клеенчатой скатерти ползла божья коровка. И ощущение такое было, что избрали они безоблачный путь по глубоким дорожкам лета в нежной жимолости. Изумительно синее небо плыло за окном над тяжелыми ветвями Шервудского леса прямо в запредельность, в какую-то запредельность.

Коля, ступив на прохладный пол ванной, сказал: уф; наноса поцелуй в плечо жены. Угловатость неопытной молодости, несмелость, растерянность, будто сейчас позвонят в дверь. Она прильнула своими губами к его губам, отстранилась, засмеявшись воркующим смехом влюбленной девы. Сладкое оцепенение охватило Николая, кровь пульсировала в голове, от переполнявших его чувств он укусил ее тонкое загорело запястье. – Дурак, – прошептала она, залезая в глубокую чугунную ванну. Вода доходила до колен, пена шипела. Она кладет свои руки на бетонную стену, не успевшую познать плитку. Коля накрывает своими ладонями ладони жены. Гул, весьма похожий на подавленный стон, проносится по рядам, бинокли нацелены на молодоженов. Его блуждающее теплое дыхание, невесомые каштановые пряди ее волос волнуются. Линии тел полны античной грации. Щеки жены разгорелись, губы блестели, миндалевидные глаза полуприкры-

ты, маленькие слезинки выступили в уголках. Приятное, словно когда чистишь ватной палочкой уши, действие всецело захватило Николая Спартаковича, можно без отчества. Капли воды скатываются с ее грудей, розоватые ореолы, словно морошка. Хвойный лес у нее там, он, как будто медведь, прет напролом. Поток воды, ее дыхание учащается, шипение пены, ноги подкашиваются.

Коля имеет непреодолимое желание откусить от супруги кусочек, у нее исключительно нежные щеки. Впрочем, сиюминутное побуждение уголовно наказуемо, нам ни к чему проблемы с законом. – Выключи воду, мы сейчас захлебнемся, – сказала Клара, она лежала на молодом человеке. Четыре колена, выступающие из пены, напоминали паучьи конечности. Николай не собирался закрывать кран, мокрые волосы супруги прилипли к его лицу, попали в рот, ему было приятно. – Ладно, я сама, – взяла инициативу в свои руки девушка. Они качались на волнах, прикрыв глаза. – Знаешь, как Варя называет секс? – неожиданно поинтересовалась жена. – И знать не хочу, – знать не хотел Николай, подруга их семьи Варвара была легкомысленной особой. – Она сравнивает половой акт и теннисный матч, или летнее соревнование по легкой атлетике, а еще говорит, что желание порой сильнее тропической жары, – несла чепуху Клара. – Пусть тогда попробует посетить экватор, – посоветовал молодой человек. Разговорчики о том, кто, как называет плотскую любовь, смешные такие, точно карикатуры Херлуфа Бидструпа, неожиданно взволновали молодого человека. Так взволновали, что был он готов надеть вместо галош варежки. – А кому это там хочется продолжения банкета? – спросила, разублабившись, Клара.

Николай трогал ее затвердевшие соски, ее волосы по-прежнему липли к лицу мужчины. Грешные отверстия ниже пупка, вспомнились слова бабушки, что привела в детстве в церковь и забыла. Возбуждение росло, как на дрожжах. Вода, перебравшись через борт ванны, посыпалась на пол. Супруга вскрикнула, в первом ряду тоже вскрикнула впечатлительная дама, стала себя трогать в разных местах. Супругами овладели какие-то совершенно немислимые процессы, целый комплекс физико-химических процессов, протекающих в плавильных печах при переработке заранее подготовленных материалов. Технология плавки отличалась целым спектром операций, проводимых в течение времени, необходимого для клонирования овец, воссоздания государства Израиль в Палестине, открытия группы крови на рукаве, открытия Южного полюса, открытия пенициллина, закрытия вопроса об НЛО в Розуэлле. Росла температура, росло давление, отчаянно не хватало воздуха, топливо продолжало гореть. Капли расплавленного чугуна, газ поднимается вверх и своим теплом согревает соседей сверху. Происходят изменения химического состава сплава, кремний и марганец выгорают, но содержание фосфора остается без изменений. Супруги были близки к созданию литой детали, необходимой этому миру детали. Детали, полученной без соблюдения необходимого уровня механических и служебных характеристик. Детали, полученной в результате отклонения от предзаданных размеров, конфигураций, параметров шероховатости. Супруги кончили одновременно, воды почти не осталось, супруги напоминали сомов на берегу, сомов, что сплелись хвостами в приступе смертельной любви.

И когда они смолкли, дыхание выровнялось, где-то там, за пределами печи, квартиры, произошло нечто совершенно непоправимое. Истошно закричали кошки, на кухне с грохотом что-то упало, стекла задрожали, захлопали соседские двери, прямо-таки траурные аплодисменты, непонятно кому. Николай первый вылез из ванны, хлюпая, он вышел в коридор, Клара, воскликнув: дорогой, боже, ты Николай Первый! – последовала за ним. Они стояли в зале у распахнутого окна. С какой-то критической изощренностью глядели на буйство рукотворного конца лета. Омываемые ласковыми потоками ветра, ощущений и мыслей, супруги были предоставлены сами себе, лаяли собаки, пожарные красные машины мчались по дороге. Мамочки с колясками под нестройный аккомпанемент, под этот фееричный детский плач с ужасом глядели на станцию. Багровый конус вокруг полосатой вентиляционной трубы, метров двести пламя, колоссальная неприятность. Активная зона не в силах была вздохнуть, вода в резервуарах отсутствовала, останки реактора полыхали. Двор наводнили граждане, они беседовали на повышенных тонах, выясняли, кто сегодня на смене там. Воздух мерцал, напоминая старую кинолентку, соседку снизу стошнило прямо на клумбу. К ней бросились девушки, усадили на лавку. Кожу покалывало, точно ребе-

нок-садист принялся тыкать в нее булавкой. Небо над самой атомной станцией заволокло черными тучами. Из-за поворота выехала поливочная голубая машина. Из длинного черного шланга била струя воды, пенились белые лужи, шипели.

Странная мысль посетила молодого человека, когда-нибудь ее стареющие ноги оплетут сине-зеленые вены, точно трещины, оплетающие бутылку в погребе. Может, бросить все, укатить жить в новую арктическую республику, где погода не занимается проституцией, где всегда прохладно и думается превосходно. А что, напишу там великий русский роман, почему нет. Туда переехала мать, репатриация, возвращение на Родину. Но там, наверное, нет персидской сирени, как же мы без персидской сирени проживем. А еще Рыбкин подумал, что любит Клару, пожалуй, больше, чем содержится знаков препинания в толстенных книжках в библиотеке. И важна она ему, как открытие ствольных клеток, важна не меньше. Он взглянул на нее, и его любящий взгляд подавился слезинкой. Супруга спросила: Коля, мне страшно, мы можем уехать? Ну, конечно же, можем, дурочка, ведь массовая эвакуация начнется только завтра, мы можем уехать, сесть в автобус, потом посетить консульство, подать документы, репатриация, возвращение на Родину. Месяц – и мы в новой арктической республике, дорогая. – А еще перестань рвать на мне колготки каждый раз, когда ты рад меня видеть, – просит Клара, шутит, прячет растущую, словно женская грудь от капусты, панику. Они были по-прежнему обнажены, голая жена нравилась ему больше, чем голая правда.

– Малыш, у нас закончились лекарства и варенье, но варенье не главное, надо срочно в аптеку, – поставил меня перед фактом поэт. Принарядившись в белую простыню с прорезями для глаз, он чрезвычайно рисковал. Двое охранников еле слышно беседовали, с подозрением поглядывая в нашу сторону, в руках у них были электрошокеры. Их синие рубашки напителись потом. В маленьком аэропорту, где прямо на взлетной полосе дремали коровы. Где пассажиров раз-два и обчелся. Мы там сидели, а вокруг Казахстан. Червякова Юрия Валентиновича спешно увезли в неизвестном направлении, предварительно упаковав того в синий пакет. Человеку из моей доисторической юности стало плохо, врачи сказали: плохо. – Плохо, – сообщил и Миша, – если междугородний преступник склеит ласты и не сможет ответить на вопросы в конце параграфа. Перед тем как его увезли на каталке, он успел прошептать: прости. Меланхолично работает кондиционер, жужжат мухи, тянет сладковатым запахом национальных сладостей, пончиками баурсаки, медовым чак-чаком. Ночь моих воспоминаний о Кларе прошла точно черный бык, эта глыба мрака напугала ревом округу, ревом, подобным буре, да растворилась, в смысле, ночь растворилась. – Я там сейчас пережил кое-что, – говорю, а губы сухие-сухие, точно прием у дальних родственников, приютивших пожить, пока не выдадут общежитие. Литератор отбрасывает простыню, его наряд сейчас такой: оранжевая рубашка с короткими рукавами, голубые облегающие шорты, красно-желтая кепка с пропеллером, на шее висит портрет Астрид Линдгрен, вернее, пожилая тетушка на портрете просто похожа на писательницу, в самолете поэт выменял его на честное слово перестать пугать пассажиров. – Мы перестали ходить по улицам, потому что ходить по крышам приятней, – говорит, а мне трудно понять, с четвертой попытки фраза выглядит именно так. Он плетется со своим баулом к выходу, я за ним.

Улица, казалось, выкушена плоскогубцами из кинопленки о диком западе. Салуны с двойными дверьми. Откуда-то послышался выстрел. Скрипел под ногами песок. Нестерпимо палило солнце. Грустное горловое пение, что извлекал из собственных недр мальчишка в темно-зеленых шароварах, в национальном халате чапан, черном, расшитом золотыми узорами. Его горловое пение отличалось какой-то кромешной тоской. Его лицо было серьезным, он пел не на авось, наверняка знал, чего добивается. Синий войлочный колпак, кожа на щеках загубела, напоминает красное дерево. Токарев наклоняется, протягивает музыканту горсть монет из своего целлофанового мешочка, который используют в качестве кошелька. Как же говорил Геродот о казахах, как же он там, этим людям никто не делает обид, потому что эти люди священны. А вот Лев Гумилев делился в каком-то своем интервью, мол, дружба с казахами показалась ему крайне непростым занятием. Помнится, он советовал быть искренним с ними в общении, уважать сво-

ообразии их обычаев. Пожалуй, я больше ничего не знаю о казахах. – Юра Семецкий когда-то написал, наступила осень, падают листья, мне никто не нужен, кроме ты, – прочитал по памяти Токарев. Пошатываясь, литератор направлялся в сторону аптеки. Одноэтажной белой избушки, что в упорном одиночестве притаилась на самых задворках, за салуном. Нам сигналил из желтой «копейки» таксист, его золотые коронки сверкают. – Нет, нам не надо, спасибо! – кричу ему, спешу за поэтом.

– Генетическое уродство это родство с божественным, ты так не считаешь, но считаешь ты как? – спросил, когда мы вошли внутрь. Беседовать с этим искусственным интеллектом совершенно нет мочи. По прилавку разлита тетушка, вентиляторы дуют с двух сторон, воздух густой, горячий, кажется, его можно даже пощупать. – Мне бы от сердца! – закричал мой коллега, а в том, что Михаил сейчас мой коллега, не было никаких сомнений. Начиная с Москвы, он записывал заметки в блокноте, а когда стал не способен держать карандаш, принялся надиктовывать на диктофон. Аптекарьша, словно пролитое коричневатое молоко, собралось обратно в стакан. В дендрарии головы фармацевта росли березы, сибирские лиственницы, бузина и сосны, отчего-то все древесные растения были седыми. Широкий нос цвета сангрии, большие черешневые губы, багряная бородавка на шее, очки в квадратной коричневой оправе. Миша принялся громко перечислять названия препаратов, увы, незнакомых мне, поэтому конкретики не будет. На стеллажах за спиной женщины лежали коробочки с медикаментами, пылились зеленоватые и розоватые пузырьки. На прилавке советский еще, бежевый кассовый аппарат, кажется, ОКА. – Предъявите рецепты, – закашлявшись, попросила тетушка. – Досада, великая досада, мои психиатры забыли выписать, а сами мы держим путь из другого города, но я доктор, доктор литературы, – плел откровенную чушь Миша. – Тогда можно взглянуть на ваше удостоверение, – сказала фармацевт, подозрительно сощурился глаза. – Минуточку! – возопил поэт, полез в клетчатый баул, принялся выкладывать на прилавок вещи. Плюшевого зайца с оторванным ухом, железный молоток для отбивки мяса, тетрис, мешок с зубной щеткой, пастой и мочалкой. Наконец он передал тетеньке стопку пожелтевших листов. Та долго вчитывалась, молча повернулась, набрала с полок медикаментов. – Вот, – сказала она, – у нас беспокойно, аптечные ковбои, знаете ли. – Ужасно, просто невысказано, – произнес Токарев, надламывая какую-то ампулу и выпивая залпом содержимое. Затем он закинулся двумя таблетками, раздумывая, принялся насвистывать марш Мендельсона, съел еще четыре таблетки. Аптекарьша глядела на нас круглыми от ужаса глазами, в открытый от удивления рот залетела муха. Женщина схватила за горло.

– Всего доброго, доброго, да, – пожелал на прощание Миша и был таков. Я не совсем знал, что делать, кинуться ли к фармацевту на помощь, или ловить поэта, в незнакомой республике со мной могли произойти неправомерные вещи. Женщина судорожно хватала воздух руками, громко кашлянула, вроде пришла в себя. Мы вышли на улицу, а перед нами простиралась степь, засеянная красными маками, вдалеке виднелись горы, окутанные туманом. Две пегие лошадки паслись недалеко. Я перевел взгляд с лошадей на Токарева, с Токарева на лошадей, снова на поэта. И угадать, кто есть кто, был не в силах. Гуманитарный склад ума, знаете ли. – Малыш, – обратился ко мне литератор, – нам нужно в местечко под названием Кара-Тагай. Он заковылял к животным, нежно погладил бедро кобылки. Жеребец занервничал, фыркнув, забил копытом. – Хороша, словно дача обкома, хороша, – одобительно прокомментировал мужчина. – Не валий дурака, пойдем, найдем автобусную остановку, – сказал я ему. – Ух, какой ты гадкий, давай отведаем конины! – но литератор ломал комедию, хотя кто знает, быть может, он решил в самом деле сожрать бедную лошадь. – Мне подумалось, что ты предлагаешь на них поскакать, – рассмеялся, глядя на то, как он обхаживает кобылицу, трется лицом о ее мордочку. Внезапно произошел форменный выстрел, в республике даже у детей наличествовали пушки. Мальчонка с автоматом Калашникова, чумазый, в оливковом спортивном костюме крикнул нам: э, ну-ка отойдите, это мои лошади! – Сынок, – Миша опрометчиво шагнул к этому подростку лет пятнадцати. В полуметре от литератора забил фонтанчик, очередь, выпущенная мальчишкой, заставила журналиста крепко задуматься. – Смотри, сынок, мы сейчас уйдем, а стыд за этот поступок останется с тобой

навсегда, – произнес Токарев, доставая из баула, почерневший банан. И мы вынуждены отступить, и мы вынуждены искать автобусную остановку, лошади не пострадали.

Жара стояла такая, что куры, бегающие по двору, запекались, потом падали обессиленные, опускали дух, поразительная жара стояла, сидела, лежала. Хозяин белокаменной избышки, гражданин с горбатым носом, обнаженный по пояс, в синих спортивных штанах довольно цыкнул. На его бритой голове были млечные шрамы, торс украшали выцветшие наколки, в частности, на груди крест, над крестом надпись: Боже, суди меня не по делам моим, а по милосердию своему. На спине мадонна с младенцем. На шее веревка с петлей. На костяшках правой руки наколоты перстни. Его звали Абылай, Абылай приютил нас и согласился рассказать, как еще ребенком застал большие взрывы на Семипалатинском полигоне. Его женушка искала в доме фотографии, больничные выписки, дневники своего папы, участвовавшего в ядерных испытаниях. – Айгуль, куры готовы! – известила супругу мужчина, на его левой руке была синяя варежка, чтоб не обжечься, глава семейства держал дымящихся курочек за шеи. – Ребята, – обратился он к нам, – я пока схожу, выпотрошу, вы не скучайте. Мы восседаем за длинным столом во дворе. Раздается телефонный звонок, Токарев комментирует, отвечая: Лидия Снеговая звонит, бренчит, понимаешь. – Знаешь ли, в чем-то соглашусь с Николаем Васильевичем, конечно, но кое в чем не соглашусь, – говорит писатель, уходя в степь. Я слышу обрывки фраз: да, понятно, что добровольцев назначаешь ты. – Ну, дорогая, только не забудь тебя и не забудут в конечном счете, – рассмеялся поэт, как мальчишка. И продолжил ерничать: ты хочешь секса сейчас, а я не могу, у меня дела на вокзале через час.

Маленькая казашка касается меня взглядом, ее глаза рифмуются с плодами винограда Конкорд. На ней желтый сарафан с вышитым цыпленком, прядь ее черных волос дрожит на ветру. Она стоит босиком на крыльце, изучает. Потрескивает кизяк в печи, мычит соседская корова. Передо мной два граненых стакана, в них кумыс. Кумыс очень холодный, стекло запотело, кумыс напоминает по вкусу кислые губы Клары, когда у той случился токсикоз. Бело-коричневый стервятник с оранжевой мордой и черным, хищно изогнутым клювом рвет на кровавые лоскутки, кажется, ворону, сложно сказать наверняка. Рвет бедняжку там, у закрытого колодца, символизирующего девственность, но стоит приподнять крышку, колодец станет символизировать утробу великой матери, элегически размышляю. На голове у меня болотного цвета панамка, однако голову напекло, будь здоров, спасибо, я не чихал. Девчонка переводит взгляд на пирушку, затеянную стервятником, хмурится, надувает свои щеки. Уверенно идет к этому колодцу, наклоняется, поднимая камень, бросает, пернатый киллер вынужден улететь, недовольно шипя. Казашка, стоя на коленях перед останками, перед этими птичьими деталями, водит над ними своими ручками, обласканными Казахстаном. Солнце слепит глаза, моргаю. Ворона, в самом деле ворона, косточки обрастают мясом, перьями, у нее на сетчатке мое отражение, склонив голову набок, она говорит: кар. Пошатываясь, делает шаг, шаг, шаг, подпрыгивает и летит. Какая талантливая девочка, думаю, а потом валюсь в деликатнейший обморок, унаследовав солнечный удар.

ВЧЕРАШНИЕ ХЛОПОТЫ О ЗАВТРАШНЕМ ДНЕ

Деда Витя спит

Ходит деда Витя по июньскому огороду,
Смотрит, как проклевывается зеленуха.
Где нарвет лука пучок, где пощипает щавель.
Свое завсегда вкуснее, скажет любая стряпуха.

Вокруг деда Вити, как муха, жужжит суббота:
Где-то колют дрова, где-то мекают козы.
Хорошо курнуть после вскопанной грядки или обеда.
Дедой Витей жизни давно уже заданы все вопросы.

И не только вопросы заданы, но и ответы получены:
Кроме родины, родины нет, а смерти не миновать.
На ужин зальет деда Витя рожки с колбаской яичкою,
Пожарит, поест под новости, затем наконец-то спать.

На столе хлеб в пакете и одинокий укропный хвостик
В лунном свете сияют, темнеют, точно холмы и поля
Деды Вити морщин, он, ошибок и свеклы бессменный садовник,
Что-то хочет сказать в своем сне и не может сказать.

Урожай

Падают рыжие яблоки – одно, а за ним другое.
«Совсем на котенков похожи!» – смеётся Любка.
Поднимет с земли, увидит мушиное крылышко там, травинку,
Оботрет о пока что плоскую грудь, о серую мамкину юбку.

Каждому цветку весна, каждому дереву – срок.
Вырастет Любка, станет, как и бывает в жизни всегда, Любовью:
Рыжие яблоки ярких веснушчатых щек.
Честно родит семерых, выживут только трое.

Екатерина Симонова родилась в 1977 году в Нижнем Тагиле. Окончила филологический факультет Нижнетагильского педагогического института. Публикации в журналах «Урал», «Новый мир», «Новый Берег», «Интерпоэзия» и др. Автор шести книг стихов и книги переводов. Предыдущая публикация в «Волге» – 2023, № 11-12.

Яблоню срубят, засадят картофелем поле:
Яблоки – баловство. Всё отцветает, даже Любовь.
Но, улыбаясь, выходит из темного дома
Внучка Надежда, и все повторяется вновь.

Семья

На куске чёрного хлеба – чесночная долька.
На столе во гробу лежит братик Колька.
Руки, как чеснок, от грязи жизни наконец-то отчищены.
От чего умер, сказать сейчас будет лишнее.

За столом сидит сестра наша Марта.
Родилась в апреле, умрёт, намаявшись, в конце мая.
Сестра Марта в белом платке, с глазами чёрными,
Как чёрствый хлеб на поминках Колькиных.

Не отрываясь, смотрит глазами колючими, как будто сухарики,
На Кольку брата, Надькиного сударика.
На Колькином пиджаке взглядов целая уже горка,
Вот только от Надькиных слез намокла.

У Надьки в ушах качаются золотые кольца –
Хоть попугай в них сиди, хоть мальчиши-жонглерцы,
У Надьки от Кольки остались Борька и Лиза,
Живут они все в Екб, на ВИЗе.

Елизавета стоит позади матери –
В траурном кружевном платочке, который спадывает.
Не умеет такие платки носить молодёжь –
Ты пока не понимаешь. Ну, вырастешь и поймёшь.

А вот Борьки сейчас здесь нету –
Они с отцом с год как уже, ну, того-этого –
Не сошлись в политических взглядах или на жись,
Но это больше навек не важно. «Коля, очнись!» –

Кричит Надька, но Колька её не слышит.
Сестра Марта берет неожиданно тоном выше.
Завтра разъедемся: ссоры, заботы, в саду опять же прополка.
Хорошо, что мы есть друг у друга – пусть ненадолго.

Жизнь как она есть

Людмила Павловна живёт потихоньку, рóстит фиалки в горшках.
Ест на завтрак кусочек хлебушка и творожок.

Мучает ее старость: грыжи, артрит, геморрой.
Ветерок каждый день за окном дует в латунный рожок.

Людмила Павловна внучке звонит ежедневно, ворчит:
«Замуж пора, как без мужа в твои двадцать пять?»
Внучечка стонет: «Бабушка, что за глупости, перестань».
Бабушка не перестает: «Да как же без мужа, Ань?»

Людмиле Павловне перестал быть понятным мир:
Внучка без мужа, внук без жены.
Дочка Наташа, мать их, красится (а ей уже писят шесть!),
Вадик, Наташин муж, прожигает зря жизни тяжёлые дни:

Любит поесть шашлыков, не любит грядки копать –
Разве приличные люди-то так живут?
Павловна снова вздыхает и снова звонит:
Надо успеть всё исправить, пока она ещё тут.

Варит компоты, солит капусту и огурцы:
«Только они нас и спасали в шестидесятых зимой!»
«Странные эти дети войны...» – морщится внук,
Но берет обязательно пару банок домой.

Ляжет однажды Людмила Павловна, чтобы больше не встать.
Женится внук, зять вместо тещи грядки начнет копать.
Наташа на память фиалки себе заберёт, из кармана вытащит телефон:
«Аня, ну как же не стыдно без мужа в твои тридцать пять?»

Малиновое варенье

Варит второй день Ольга варенье,
Отмахиваясь от мух назойливой жизни.
В этом году малины поспело много.
Малиновое варенье никогда не бывает лишним.

Лиля выщипывает слишком густые брови,
У других бровка как серп, а у неё – снопище!
Бросает пинцет на стол, тут же берет снова:
Даже и после смерти растут, дурищи.

Ольга выключит плитку, закроет кастрюлю.
Вот и ещё один день закончился без тревоги.
Красная ветка качается в раме оконной.
Переливаются за окном рыбы и козерогги.

Ольга и Лиля садятся ужинать, как обычно.
Хорошо, что с земли сюда долетают лишь мухи.
«Знаешь, Лиля, они там внизу опять что-то не поделили.
Хорошо быть, Лиля, умершею старухой».

Лиля разламывает лепешку, берет миску со свежим вареньем,
Отпивает чаю сначала раз, а затем ещё дважды:
«Оля, да какая же ты, мне ответь, старуха?
В твоём-то всегда новом платье из синего трикотажу?»

Долго ещё они пьют чай, наблюдают
За тем, что с живыми где-то внизу происходит.
Ольге с Лилей известно то, что живые не знают:
Жизнь, что ни делай, впустую всегда проходит.

Имбирный пряник

Анна Коврова выходит в подъезд, как будто в Аид –
В подъезде опять свет не горит.
Впрочем, на улице никак не светлее –
Атмосферные аномалии уже надоели.

В серых глазах Анны отражается снежный апрельский силос.
Но это теперь глаза тускло серые – раньше они искрились.
Раньше рыжие волосы Анны на ветру развевались как пламя.
Такая девушка не могла не привлечь Вячеслава.

Вячеслав ухаживал так, как Серов о постели из роз пел песню.
Анна мечтала быть с Вячеславом всегда вместе.
Но время во все мечты вносит свои коррективы:
Розы убрало время, а вот шипы – забыло.

Где ты, любовь, затерялась, в каком пиджачном кармашке?
На что ты похожа: на пряник имбирный к обеду или же на бумажный
Пакетик, в котором лежит этот имбирный пряник –
Крафтом шуршит и ароматами манит?

Коврова выбирается из троллейбуса и поднимается на крыльцо.
Намокают от снега ресницы, сияет от влаги лицо.
Анна не видит, но она сейчас вся серебряная и золотая:
Как бесценная ткань, серебрятся глаза и рыжая чёлка сияет.

Анна стучит ботиночкой о ботинку.
Страхивает с рукавов капли, сдувает с души пылинку.
Из тёмного зева жизни выходит под электрический свет:
Счастья, конечно, нет, зато есть в двенадцать обед.

Рождество

Лепили пельмени, как будто детишек,
Ели пельмени, как будто детишек,

Мазали сметаной нежные ушки,
Запивали водкой, не чокаясь.

Нежная тестяная кожа,
Свежий фарш с луком, перцем и солью,
Холодная водка кажется тёплой от сытости,
Пельменный пар оседает слезами на лицах.

Год начинался, как будто заканчивался:
С такой усталостью ели и пили.
Вытирали щеки и губы рукавами и полотенцами,
Просили ещё и ещё добавки.

Остатки пельменей морозили впрок на балконе,
Ложились в постели с тяжёлыми животами и лёгким сердцем,
Лепили детишек, как будто пельмешки,
Просыпались утром, чтобы снова поесть.

Смерть Ивановны

Побелила потолок – с синькой, как полагается.
Легла на чистенькую постель.
Смотрит на потолок Ивановна, улыбается:
Как-то даже и помирать теперь веселей.

Ходят по потолку – по беленькому, но будто голубенькому
Тени уток, сохнувших на улице простыней, облаков.
На ногах у Ивановны хенд-мейд – носочки вязаные,
На стене напротив кровати – фотография трех рыбаков:

Черно-бело смеются, показывают ей большую рыбину.
Отец Иван, муж Василий, Анатолий – подросток-сын.
Что же вы женщину-то одну оставили?
Первый умер, второй ушел, а третий – за ним.

Кому напечь горячих шанежек, рассольник сварить?
Кому положить под ноги холодные ковричек пестрядинный?
На кого с утра до ночи ворчать, за кем ходить,
О ком не мечтать, потому что в окошко и так видно,

Как дрова колет, чинит сарай, курит с соседом,
Заходит в кухню, спрашивает «Есть чо поесть?»
Бывает, и в ухо даст, но любя, мы же сейчас не об этом,
Мы же сейчас о том, как радостно было здесь –

*В краю рек, впадающих одна в другую, как в ножны меч,
Вместе продолжающих течь вперед,
Пока не иссякнут глубокие воды, не стихнет знакомая речь
На берегах их, вмерзших в нерусский лед.*

Перед грозой

Екатерина Сергеевна едет к родителям в гости.
Маме везёт торт, папе – бутылку водки, карамельки-конфеты.
От жары расплывается свет, будто черты лица
Екатерины Сергеевны в этом июньском свете.

За окном электрички пейзаж расстилается, как оренбургский платок:
Тут цветочное поле, там прореха забытой деревни,
Екатерина Сергеевна смотрит в окно и думает о своем,
Мысли ее кусаче-сучны, как зимние детские гетры.

Дяденька через ряд говорит про девьяностые и ма́сквичей.
Девушка рядом с ним поправляет, не слушая, светлую прядку.
Мальчик за псом бежит сквозь храпящий вагон.
Едут все дружно куда-то, чтобы вернуться обратно.

Екатерина Сергеевна проезжает шиповник, березы и гаражи.
Екатерина Сергеевна приезжает в Невьянск, покупает беляш на вокзале.
Пьяненький мужичок спрашивает: «Зовут как, красавица? Не молчи».
Но красавица молча проходит, сыто и странно вздыхая.

«Предупреждаем, случится гроза!» – шлёт смс МЧС:
Может, сегодня случится кара господня, может быть, завтра.
Екатерина Сергеевна поднимает глаза на тревожные облака
И стирает жирное пятнышко с губ своих красных.

ДЕД СЕРДЮК И СКВОЗИ

Рассказ

До сих пор не знаю, Сердюк – это фамилия или прозвище. То есть отрабатывал ли он свою фамилию, хмурясь, стуча палкой, хриплым лающим голосом отдавая команды и раздавая порицания, или его прозвали так именно за эти свойства. И в том, и в другом случае звание оправдывалось. Доставалось не только домашним, но и всем в пределах досягаемости и за. Мальчишкам на улице, встречным по дороге в магазин и обратно, стоящим в очереди перед ним или сзади, продавщицам, всем перепало его мрачной агрессивной уверенности в собственном знании как правильно. Но однажды я видела, что он смеялся. Это когда Славка засветил мячом в спину Мерчутину.

Наша улица, короткая, но широкая, после таянья снега до выпадения нового превращалась в модельное футбольное поле. Воротами с одной стороны служили две берёзы, между которыми была натянута верёвка, её то спускали на нижние ветки, то поднимали в зависимости от роста игроков. С другой ворота изображались цементным цилиндром с застывшим в нём куском металлического прута. Припёрли его несовершеннолетние футболисты аж от «посёлки», поселкового центра с селпо и сельсоветом. Так вот, вторые ворота изображались этим опасным (столько колен, пальцев, локтей пострадало) шершавым сооружением и подручными материалами, типа горы портфелей или воткнутой палки.

В общем, футбольное поле. И играли на нём если не все 24 часа, то с утра до темноты, благо даже во время проливных дождей лужи там не задерживались, уходили в песок. Песок, несколько грузовиков, здесь высыпали, когда улицу предполагали заасфальтировать, чтобы сделать её проездом к совхозу. Это был не самый рациональный проект, пришлось бы снести поселковую колонку, к которой за водой стекались окрестные люди с ведрами, несколько сараев, в том числе и деда Сердюка, спилить берёзы, помимо нового проёма в кирпичной ограде совхоза с ещё одной проходной и охранниками. Народ зароптал, кто отстаивал колонку, кто свои сараи, кто, наши соседки, например, берёзы, которые сажал их дед, да и перспектива рычащих грузовиков никого на нашей улице не радовала. Но, конечно, из ропота не вышло бы прока, если бы сами проектировщики не отказались от своих планов. Слишком дорого, а езды не меньше, разве что директор совхоза в своих бумагах укажет, что грузовики на 15 минут раньше совхоз покинули, так они же эти 15 минут и проедут вкруголя по посёлковым улицам. Доставлять овощи из совхозных парников следовало наименее шумными, потому что шли они прямо «туда». Здесь надо было понижать голос и тыкать пальцем вверх.

В общем, песком дорогу засыпали, а в асфальт закатывать раздумали, через песок проросла всякая дикая трава, лужи, на зависть всего посёлка, исчезли, и футболисты с соседних улиц переселились к нам поднимать пыль. Надо сказать, что никто особенно не возражал. Женщин устраивало, что дети были на глазах у бабок, копавшихся в огородах, а не бегали тайком на речку, не курили за сараями, и можно было в любой момент выдернуть своего из игры, и, угрожая расправой, отправить к колонке за водой, или в магазин за керосином, или как-то ещё использовать.

Марина Бувайло родилась в Баку. По образованию врач. С 1981 года живет в Лондоне, работает психиатром. Публиковалась в журналах «Знамя», «Новый мир», «Звезда» и др. Автор книг «Эх, дороги» (М.: НЛО, 2006), «Игры» (М.: НЛО, 2009), «С.П.У.М.С.» (М.: НЛО, 2011). В «Волге» публикуется с 2012 года.

А к вечеру и мужчины, вернувшиеся с работ, присоединялись к игрокам, постепенно вытесняя младших в зрители. Тоже лучше, чем «на троих».

Когда мы сюда переехали, здесь уже вовсю играли в футбол.

Дед Сердюк после ежедневного похода «по делам», выносил на улицу свою часть стула, сиденье с ножками и двумя как рога торчащими обломками спинки. Саму спинку, слегка изогнутую, обшитую тканью, в середине серо-коричневой от грязи, а по краям золотистой, бабка Сердюка использовала во время работы в огороде, становясь на неё коленками. На спинке, прямо в дерево, через парчу, была вколочена медная бляха с номером 94, она отпечатывалась на земле у грядок и кустов. Стул, говорили, был трофейный и раньше принадлежал чуть ли не Гитлеру. Дед Сердюк сидел перед своей калиткой и смотрел, как играют в футбол, вслух не одобряя и тех, кто забивал гол, и тех, кто пропускал. Бабка Сердюка всё футбольное время неустанно полола, сажала, рыхлила. Дед стучал палкой, кричал – «мазила», «рука», «куда лезешь», иногда засыпал, привалившись между рогов стула к забору. Когда в забор залепляли, случайно или сознательно, по обиде, мяч, Сердюк просыпался и орал – «аут».

Сердюка не любили, но считали своим. Мерчутин не любили тоже, относились с осторожностью, однако и с некоторой почтительностью к статусу – «начальник». Он ездил, его возили, на машине, и местные считали, что устроить проезд в совхоз через нашу улицу была его выдумка для того, чтобы не приходилось от дома ехать к шоссе, там... в общем, ему-то действительно на те самые 15 минут быстрее. Кем именно он был в совхозе или посёлке, я не помню, скорее никогда и не знала. Вряд ли дома или на улице об этом говорили. Начальник и начальник, из тех, от которых прока местным людям мало, ни складом каким, ни магазином не заведовал, прописки не делал, и даже билетней не выдавал. На нашей улице он появлялся редко, только когда шёл пешком, с портфелем, с блокнотом в кармане косо сидящего пиджака. Если там играл его какой-то родственник, то ли внук, то ли племянник, довольно толстый тихий парнишка, хороший вратарь, Мерчутин останавливался, несколько минут смотрел, как гоняют мяч футболисты, стоял, локтём в забор, портфель в другой руке, смотрел больше на комментирующего игру Сердюка, реже на игроков, потом забирал внука/племянника и уходил вверх и направо в свою улицу. Которая, в отличие от нашей, была тупиком, упиралась в кирпичный дом с гаражами.

Тот день я хорошо помню, потому что Славка был моим другом. Когда он попал Мерчутину по спине, вернее по попе, я побежала за ним – дядя Коля, Славкин отец, был скор на расправу, и под горячую руку драл Славку ремнём. Правда, выпив, катал нас на мотоцикле и покупал мороженое. Я побежала за Славкой, потому что знала, куда спрятаться и переждать, пока дядя Коля остынет. Но по дороге оглянулась на странные звуки. Это смеялся дед Сердюк.

Вопреки нашему ожиданию, Мерчутин жаловаться не пошёл, и мы со Славкой напрасно просидели в сквозях. Время в сквозях текло неравномерно, в зависимости от обстоятельств. Иногда тянулось и тянулось, например, если в школу опоздала и ждёшь перемены, а иногда – раз, и на следующий урок тоже опоздала.

Сквози требуют отдельного рассказа, это было такое место за школьными сараями... все знали, что там под землёй скелеты. Когда строили школу, на краю леса у железки деревья спилили, копнули, а там скелеты мёртвые лежат, быстренько обратно засыпали, а школу построили подальше от железной дороги, к нашему посёлку поближе, и от страшного места сараями кирпичными отгородили. За сараями на месте спиленных выросли длинные тощие деревья. Между ними весной густо вылезали всякие колючие кусты и крапива. Место считалось проклятым и страшным. Приходили сюда только самые отчаянные прогульщики курить, играть в ножички и расшибалку. Я забрела сюда по незнанию, когда мы только поселились здесь. Воспользовавшись суетой переезда, я отправилась/удрала искать школу. С ребятами с нашей улицы я ещё не познакомилась, и некому было меня предупредить и предостеречь. Так что моим первым вне дома общением стала местная шпана, моему появлению они поначалу удивились, я была маленькая даже для своих лет, по-городскому одета и довольно чистая. Меня попытались прогнать, но материться я умела ничуть не хуже, даже намного изощрённее. Это их удивило, и они отстали от меня,

перестали обращать внимание, а после скандала с Жуком вообще стала почти своей. Во всяком случае, мне так хотелось думать, меня больше не трогали, не гоняли. Наша соседка в Москве, тётя Люся, умела замечательно материться, и я запоминала её сложные конструкции, примерно так, как запоминала стихи Бальмонта, которые бабушка заставляла меня читать, «Я не из царства духов безымянных», не совсем понимая, завороченная звучанием. Я запоминала тёти Люсины обороты как стихи, и при первом знакомстве обматерила самого Жука. Думаю, что если бы я была побольше или мальчишкой, мне бы плохо пришлось, меня бы жёстко отлупили, накрепко вбив науку держаться от страшного места как можно дальше, но изошрённый тёть-Люсин мат от шмакодявки, он потом так и звал меня, позабавил Жука, и одного кивка хватило – я попала под его покровительство.

В сквозях я пряталась регулярно, когда начала учиться в школе. Из-за опозданий. Выходила-то я заранее, деда или бабушка переводили меня через шоссе, дальше я шла сама, ну и разное случалось, щенок, или утиль-сырьё ехал, или в аптеку чуть дальше по дороге привезли гематоген, и мальчишки бежали покупать похожие на ириски сладкие пластинки. Школьный завуч, вредная Валендра, оставляла опоздавших сидеть после уроков на полу в пустой комнате, называвшейся актовый зал, она же физкультурка. К тому же, в зале осенью открывали с двух сторон фрамуги, устраивали проверивание/сквозняк, печку зимой если и топили, то только утром, сидеть на полу было холодно, а приносить из раздевалки пальто не разрешалось. Домашку делать разрешалось, а читать книжку, разговаривать, бегать, играть – нет. Делать уроки на полу мне было бессмысленно, писать и считать я и до школы умела, весь букварь давно прочла, но в тетрадках, даже если за партой или дома за столом, получалась такая грязь! Буквы и цифры не помещались на положенном им месте, уезжали за строчки, не говоря уже о кляксах и отпечатках чернильных пальцев, когда нам велели писать ручкой, а не карандашом. В общем, я быстро поняла, что в случае опоздания прогулять первый урок в сквозях было безопасней, чем попасться Валендре.

В сквози я и притащила Славку. Он, хоть был на год с лишним старше меня и о жизни посёлка знал намного больше, но сюда попал впервые и жутко испугался, когда узнал, где мы прячемся.

В школу Славка ещё не ходил – мать его говорила, нечего парню бездельничать, пусть по дому помогает. Славкина мать была прачкой, и он таскал ей воду из колонки, собирал шишки для растопки и даже помогал стирать, тыча большой деревянной толкушкой в бак с трубой, в котором варилось бельё. Бак этот смастерил Славкин отец, про которого мой дед говорил – золотые руки, если б ещё и не пил... Но не пить дядя Коля не мог, потому что был контуженный. У них в сарае был ещё один бак, вроде самовара, из которого иногда текла/капала вонючая жгучая жидкость – «самец». Славка тайком водил меня посмотреть и даже сунуть палец в струйку и лизнуть, но мне этот самец не понравился.

Наше знакомство со Славкой началось с того, что нас обоих не приняли играть в футбол большие мальчишки. Обида сдружила нас. Через дырку в заборе мы, чаще я, лазали друг к другу в гости. Я давно умела читать и пересказывала Славке, пока он помогал матери, всё что прочла – Чук и Гек, Васёк Трубачёв, судьба барабанщика, черная курица, дети капитана Гранта, а он мне все местные истории. У колонки, куда он ходил за водой, тётки, ждавшие своей очереди, обменивались новостями.

Пока мы сидели в сквозях, он мне объяснил, почему я никогда не встречала здесь никого с нашей улицы, а из школы только совершенно безбашенных. И про скелеты убитых, и про живых, и про колонию для беспризорных, и про пленных фрицев, строивших нашу школу, потому что никто из местных не согласился бы строить школу рядом с таким местом, а уж когда построили, деваться было некуда – старую сломали, когда строили совхоз, а другая далеко, либо по шоссе вкруголя на автобусе за деньги, либо пешком кому 8, кому все 10 км, а в половодье и вообще никак, потому что дорогу заливало.

Про скелеты я и без него знала, они меня ничуть не пугали. У нас дома, ещё в Москве, были книги и со скелетами, и со всякими людьми без кожи, только мышцы-сосуды и отдельно руки-ноги-уши-кишки-сердце-почки, и с надписями по-русски и «на латыни». Читать их было скучно, но

полистать иногда можно было. Так что я привыкла, скелеты, ну и что! Но немцы, спокойно строящие школы, а не «хенде хох, шнель, капут», поразили и испугали меня. Они же могли сбежать и спрятаться. Может, они до сих пор сидят где-нибудь в сараях, под сеном и мешками, может даже на нашей улице. В сквозях их точно не было. Ни фрицев, ни «легавых», ни училок. За этим следили «нашенские», играющие в ножки и в карты, курящие – шпана и Косой.

Да «ихние», – училки, вожатые и старательные пионеры с галстуками, завязанными, а не из карманов торчащими, – по доброй воле в сквози бы не пошли, как и большинство жителей посёлка.

Отсидев на поломанном дереве какое-то время, достаточное, как нам казалось, чтобы дядя Коля, Славкин отец, остыл, мы вылезли из сквоей и пошли домой. Медленно и уже молча. Оказалось, что нас вообще не искали, даже не заметили нашего отсутствия, могли бы не прятаться. Но для нас обоих...

Разговор в сквозях, гораздо более открытый, чем в обычных местах, где нас могли услышать родственники, изменил наши отношения, даже на какое-то время отдалил друг от друга. Мы вернулись гружённые новыми знаниями, Славку поразили сама возможность безнаказанно зайти в сквози и моё накоротке знакомство со шпаной. А меня – рассказ Славки о... о настоящих убитых и даже живых людях, которых здесь закапывали, ещё даже до войны. Дядя Коля, когда пьяный, со Славкиной матерью об этом говорит, а она радио включает и кричит на него – к ним захотел?! И ещё о пленных немцах, бродящих по посёлку поздними вечерами и предлагающих помощь за еду. И Славкина мать давала им вареную картошку и брюкву. Фашистам! Давно, но Славка сам их видел. И Славкин отец, которого эти фашисты контузили бомбой так, что он на одно ухо не слышит и должен пить сямecь, чтобы не расстраиваться, знает об этом.

Дома я с трудом дождалась деда и вывалила на него всю полученную информацию и свои сомнения, не упоминая, конечно, сквози.

В отличие от меня дед не поразился и не осудил соседей, только сказал, ну, не все немцы были фашистами.

– Только которые фрицы?

Дед начал объяснять, но тут с кухни пришла бабушка с кастрюлей и велела прекратить урок политграмоты.

– Полуграмоты? – возмутилась я. – Я очень грамотная.

– А двойка за что?

– Сама знаешь, за кляксы. За кляксы не считается!

И разговор уехал в сторону.

Несколько дней я почти не выходила из дому, благо были каникулы, а в футбол всё равно не принимали, потому что у больших мальчишек тоже были каникулы, и они весь день гоняли мяч на нашей улице. Не то чтобы совсем не выходила, выходила, но не на улицу, а вылезала из окна на крышу сарая, в котором лежали дрова всех соседей. Сарай разгородили на клетки, по клетке на семью. Крыша сарая была ветхой, с липким чёрным козырьком в дырках и щелях, прогибалась, но меня выдерживала. Лазить на неё запрещалось, но если не вставать, а просто лежать, то с земли не видно, а мне в щели немножко видно. И слышно всё, что происходило на улице, гораздо лучше, чем внизу. Например, мальчишки за сараем шёпотом договаривались идти вечером воровать морковь в совхозе, решали, кому лезть через стенку, кому отвлекать сторожей у ворот, дед Сердюк нудно бормотал себе под нос в промежутках между выкриками, его бабка так же нудно отвечала ему, уговаривала кур нестись, хвалила моей бабушке меня за то, что много читаю, но бабушка мне этого не передавала. В общем, и само по себе не скучно, а если с книжкой, то и вовсе. Но там ещё можно было просто лежать, не читать и не слушать. Просто смотреть вверх, как будто ты в море на корабле.

После нескольких дней лежание на сарае мне надоело, «Судьбу барабанщика» я дочитала, на улице в футбол играли большие, Славка с матерью ушёл «стоять за хлебом и керосином», маленькие девчонки играли в дочки-матери. Было довольно холодно, и убежать на речку совсем не хотелось.

Я решила пойти посмотреть, что происходит в мире, то есть за пределами нашей улицы. У горки, соединявшей нашу улицу с параллельной, сидел на груде брёвен племянник Мерчутина. Он окликнул меня очень вежливо, мы даже в школе так не разговаривали. «Девочка, тебя Аля зовут, да? Могу я попросить тебя об одолжении?» От удивления, – племянник Мерчутина был намного старше меня, я и голоса его не знала, сначала даже не поняла, кто говорит, и стала вертеться, ища тётеньку, а поняв, от удивления почему-то решила, что он зафутболил мяч к Сердюку, или, ещё хуже, к вредной Фриде Петровне и просит меня пойти забрать. Поэтому я замотала головой и совсем невежливо ответила: «Фиг тебе, не пойду, сам иди!» Племянник Мерчутина поднялся и пошёл ко мне, я побежала, он тоже, за мной. Ноги у него были длиннее, и добежали мы до шоссе одновременно. Он схватил меня за плечо: «Ты с ума сошла, здесь же машины». Здесь были не только машины, здесь была будка сапожника, нашего знакомого, и я совершенно не хотела попасться ему на глаза, потому что рано или поздно он скажет деду, а мне категорически запрещалось ходить к шоссе, ещё хуже чем на речку. В сквози не запрещалось. Никому в голову такое не приходило – ребёнок может уйти в это страшное место, которое и взрослыми обходилось стороной. Племянник Мерчутина держал меня за плечо, не больно, как бабушка или Валендра, но... он какой-то был странный. К тому же лёжа на крыше я поняла (когда лежишь на крыше, многое становится более понятным, меняется перспектива), что между Сердюком и Мерчутиним существует невидимая с земли связь. Они оба не нравились мне, а тут, наслоившись на страх перед возможностью встретить фашистов, я решила, что они шпионы. Деду я бы рассказала, но у деда большое сердце, и его нельзя волновать, а бабушке мне и в голову бы не пришло рассказывать хоть что-то, кроме прочитанных книжек. Ох, как бы я хотела вернуться в Москву, увидеть тётю Люсю и поговорить с ней обо всём, что случилось со мной с тех пор, как наш дом расселили и мы переехали в это богом забытое место, потому что деда должен был приехать к нам, а ему нельзя жить в Москве.

Племянник Мерчутина держал меня за плечо, я только собралась выдраться от него и бежать в сквози прятаться, когда он крикнул мне в ухо: «Аля, познакомь меня с Жуком!»

От удивления я забыла, ну не забыла, а скорее, отменила свой план, и спросила: «Чего?!»

– Ты не проболтаешься?

– Чего? – повторила я.

Он откуда-то узнал, что я знакома с Жуком, значит, знает, что я хожу в сквози, знает, но от кого? Даже Славке я не рассказывала, как я попала туда и с кем там знакома. Тем более с Жуком. Племянник Мерчутина знал и не наступал, иначе... иначе бы – беда, и вольной моей жизни пришёл бы конец.

– Чего не проболтаюсь?

– Мне надо спрятаться, спрятаться, пока в шайку не вступлю.

– Чего?!

– Я больше не хочу с ними...

Бабушка, когда удивлялась, говорила – я теряю дар речи. Вот я тоже потеряла дар речи. Дар речи, но не дар беганья, потому что мы оба бежали, просто бежали, я от него, а он за мной, но бежали вместе, вровень, и он держал меня за плечо. В общем, то ли я, то ли племянник, то ли оба пришли к выводу, что от такой беготни толка немного. И остановились там, где серая кривая дорога натыкалась на другую, и надо было поворачивать к речке или наоборот, к магазину, где мог быть Славка, но так же мой деда или какие-нибудь стукачные соседи, а мне, как и бабушке, «не интересно тратить свою жизнь на слушанье глупостей», особенно если они говорят «зачем вы вашей Але разрешаете бегать по всему посёлку, здесь же...» – и начинают шептать бабушке в ухо. По холодной погоде шансов встретить знакомых на речке было значительно меньше. Поэтому я повернула туда, но уже шагом, и слегка отдышавшись спросила: «Ты спятил, что ли?»

– Скажи «честное сталинское», что не проболтаешься!

Я сказала.

Отец племянника Мерчутина, его звали Митя (не отца, а его сына, который племянник), был шпионом, его поймали, хотя он притворялся просто инженером, жил дома с Митей и Митиной

мамой, которая ни в чём не виновата, просто её муж был японским шпионом, а ей об этом не сказал. Митя не знает, как поймали отца-шпиона, но когда арестовали его маму, он был дома. Митя сначала жил у соседей, потом в детском доме, потом его забрал Мерчутин. Его зовут дядя Антон, и он брат Митиной мамы, но говорит, что Митин отец не шпион, а хороший человек, просто ошибка вышла. А вчера дядя Антон, когда думал, что Митя спит, сказал тётке Наташе, которая его жена, что каждую минуту ждёт ареста. А она ему сказала, что не надо думать о плохом, арестовывают не всех. Поэтому Митя думает, что он тоже шпион, и его жена тоже, и жить с ними не хочет.

– А ты откуда знаешь, что твой отец был японским шпионом, если твоя мама не знала?

– Ну, я слышал, когда маму арестовали, они говорили маме, и в детдоме у многих родители были шпионы. Ты не представляешь, сколько шпионов в Советском союзе. Троцкисты, и японские, и вообще вредители, которые нас ненавидят.

Меня это ничуть не удивило. Я прочла «Судьбу барабанщика», так что хорошо представляла.

– И дед Сердюк тоже?

– При чём здесь Сердюк? – удивился Митя. Я не знала, как объяснить, и просто сказала: – Я знаю.

– Тогда надо сообщить в милицию.

– Нельзя. Тогда я стану стукачкой.

Мы поговорили, почему Павлик Морозов герой, хотя и стукач. Наверное, потому, что его убили. Убили за то, что стукач, а герой, потому что убили. Потом пришлось долго обсуждать разницу между стукачами и разведчиками, какая разница, если просто стукач или разоблачаешь шпионов.

В общем, оказалось, что с Митей можно разговаривать, и даже интересней, чем со Славкой. Мой дед говорил о своём друге, дяде Яше с одной рукой, с ним интересно разговаривать, потому что он умеет думать, так вот, этот Митя тоже умел думать.

– Ты в бога веришь?

– Я? В какого? Мой дед говорит, что настоящий Бог есть только у евреев. Ты еврей?

– Ты что! Евреи Христа распяли. Мне бабушка сказала. У неё такая икона есть, она её прячет. Я её люблю.

– Икону?!

– Бабушку. Она меня тоже любит.

– А почему ты с ней не живёшь?

– Дядя Антон не даёт. Он говорит, мне учиться надо, а там негде. И музыкальной школы нет. А мне эта... я и без школы могу.

– А если он шпион, и его тоже разоблачат, куда ты пойдёшь?

– Тогда к бабушке, а если сначала к ней убежать, то он меня там сразу найдёт. А если в шайку, то не найдёт. Мальчишки говорят, что в шайке своих прячут, не выдают. Только они не всех принимают. А если Жука попросить, то может возьмут.

– Тебя же в тюрьму посадят!

– За что? Я же воровать не буду! Если не в шайку, так всё равно посадят, потому что отец шпион. И маму забрали, а я в детском доме на исправление не остался.

– А зачем тебя исправлять хотели? Ты плохо учишься?

– Нет, я хорошо. Я почти отличник, только по немецкому четвёрка и по рисованию тройка. Исправлять – потому что отец шпион, а мы с мамой его всё равно любили. Маму за это в лагерь отправили, а меня в детский дом на исправление.

– В лагерь? Концерционный?

Митя засмеялся: «Ты ещё маленькая, я тебе потом объясню».

– Сам ты маленький! Я у дедушки моего спрошу, он побольше твоего знает.

Тут из-за поворота к магазину выковылял дед Сердюк, Митя сказал: «Мне домой надо. Давай завтра к Жуку ходим, возьмёшь меня?»

Я тоже побежала домой, чтобы отловить и расспросить деду, пока бабушка не зовёт обедать. Кажется, дед был не слишком доволен, не то чтобы рассердился, или совсем замолчал, как... ну,

как если я начинала скандалить. Вообще, я теперь намного меньше скандалила, потому что теперь с нами жил дед, и бабушке было кого донимать кроме меня. То она думала, что он слишком бледный, и посылала посидеть на солнышке, то слишком красный, и мерила ему температуру и считала пульс. И заставляла ходить к злобной Фриде Петровне, зубнице, и сыпала в рот кисло-горькие порошки «от цинги». Дед был гораздо терпеливей меня и не скандалил, только улыбался и спрашивал: «Ну, как я выжил там десять лет без тебя?!» – «Азохенвэй, как ты выжил!» – отвечала бабушка.

Дед не был слишком доволен моими расспросами, но тем не менее снял с гвоздя кепку и предложил мне пойти прогуляться. Естественно, я не могла рассказывать ему о Митиных планах, но про его родителей, японских шпионах, было можно, раз их уже поймали. И о лагерях, дед без труда понял о каком лагере, не пионерском, а этом, концерт-ерва... – научил выговаривать это трудное слово, успокоил, ну как тогда с немцами, что не все в лагере шпионы, бывают ошибки...

На обед у нас были мои любимые макароны по-флотски.

На следующий день я с утра побежала искать Митю. Он сидел на том же месте, что и вчера, и у ног его был серый мешок, вроде бы пустой. «Тебя за картошкой послали? Её сегодня не привезут, Славкина мать сказала. Они за просом для курей пошли стоять». – «Нет, это мне для вещей». – «Каких вещей?» – удивилась я. – «Ну, я трусы и носки взял, а потом попробую в нашу квартиру пробраться, там ещё много всего осталось, одежды всякой. Тётя Наташа говорит, что мне папины штаны сейчас как раз будут». – «А где квартира? В Москве?» – «Мы в Ярославле жили». – «Ярославль рядом с Японией?» – «Ты что! Ярославль рядом с Волгой! На Волге».

Волга – река, там Сталинград. Это далеко, и бурлаки на Волге, мы их с бабушкой в Третьяковке видели. «Мы с папой на рыбалку ездили. Только я маленький был. А потом с мамой в Москву. На поезде ездили. После войны уже». Говорили мы опять на бегу. Дыхание перевели уже за школой, у сараев. «Ты пока иди одна, я тебя здесь обожду. Спроси, возьмут меня в шайку? Мне почти четырнадцать. Только про отца не говори. А то не возьмут, решат, что и я шпион. Я думаю, может он на войне с японцами познакомился».

Сквози не маленькое место за сараями, а большое, большое как базар за железкой, железной дорогой, очень большой и интересный. В сквозях тоже было интересно и немножко страшно. На базаре страшно цыган, которые, всем известно, крадут детей. А в сквозях – потому что все сюда ходить боятся. И как базар, сквози разделялись на разные участки. Прямо за сараями отчаянные отпетые прогульщики играли в ножички, расшибалку и пристеночек на щелбаны, пончики, сигареты и деньги, они назывались шпана, подальше на ящиках большие ребята и взрослые играли в карты, тоже на деньги, но бумажные, а совсем далеко, почти над обрывом, был ещё один сарай, такой старый длинный барак, над дверью написано «Пошивочная мастерская, с 8 до 6», окон нет, окна только на обрыв, где внизу железка, железная дорога, и там бывал Жук и всякие ещё, которых я боялась, особенно когда Жука не было. В отличие от базара там не было ни драк, ни громких ссор. Если кто-то из игроков в сквозях начинал орать или скандалить, из мастерской появлялся Косой, который даже косым не был, только очень страшным, Косой просто стоял и смотрел, засунув руки в карманы, и всё, шум прекращался.

Сначала, не понимая иерархического деления сквоей, я бесстрашно бродила где хотела, тем более что в каникулы место выглядело пустынным, да и в школьное время тоже – прогульщики сбивались кучкой сразу за кривой берёзой, там, где, собственно, и начинались сквози. Что за слово и откуда пошло, никто не знал и особо не озадачивался значением. Там дальше, у барака/мастерской начиналась взрослая жизнь, куда даже те отчаянные прогульщики, которые прятались в сквозях от Валендры и технички, не рисковали заходить. Почему школьная уборщица называлась техничкой? Дед сказал – не ведаю, что значит «не знаю». Ну и я не знаю.

Вначале я забредала к тому дальнему барaku, где встретилась с Жуком, пока один большой мальчишка, я его немного знала, он приходил на нашу улицу играть в футбол, не сказал мне: «Ты что, вовсе? Не знаешь, что там с тобой могут сделать?» Ну, не совсем так сказал, но я всё поняла, кроме незнакомого слова «вовсе». Поскольку он при этом явно собирался нападнуть на меня, я не

стала выяснять, кто эта вовсе, и без скандала удалилась.

С тех пор я слышала много историй, о том, что происходило у того барака и вообще в сквозях, но меня они не касались, потому что я нашла замечательное место, такой большой деревянный ящик, поставленный на попа, он был поломан, и картёжники выбросили его, но сидеть и читать, опоздав на первый урок, в нём было удобно.

Однажды Жук увидел меня, остановился и спросил, что я здесь делаю. По-моему он удивился, что я вообще умею читать, и читаю просто так, не для школы. Я стала рассказывать про детей капитана Гранта, Жук попытался облокотиться на ящик, и ящик совсем развалился. Тут часть прогульщиков побежала к школьному сараю, это значило, что в кармане Витьки Длинного зазвонил будильник, а это значило, что первый урок подходит к концу, и тот, кто хочет незаметно попасть в школу на переменке, должен приготовиться. Значит, я. «Будь!» – сказала я Жуку и побежала за всеми.

Когда я снова опоздала и пришла в сквози, меня ждал новенький ящик – Жук велел принести. Думаю, что именно тогда моё накоротке знакомство с самым авторитетным человеком в сквозях было замечено переростками из нашего класса – шпаной. Во всех младших классах они были, оставаясь по несколько раз на второй год с трудом переползали до четвёртого, после которого и вовсе пропадали из школы. Особенно заметными они не были, по негласному договору учителя их не трогали, а они не срывали уроки, изредка оказавшись в классе, дремали на задних партах или вяло стреляли из резинки жёваными бумажками в лампочку, тем не менее к ним относились если не с почтением, то с опаской. Они дали понять моим одноклассникам, что я нахожусь под их протекцией. Меня перестали звать жидовкой, хотя меня это мало волновало. Мой дед объяснил, что жидовка это просто по-польски еврейка, и этим надо гордиться, а те, кто меня дразнит, глупые фашисты. Я к тому же прочла «Голубую чашку» и поняла, что дед прав.

Но с тех пор прошло много времени, я не видела Жука, ну, по крайней мере, месяц или больше – давно, и идти искать его было мне как-то не по себе. Но обещание есть обещание, хочешь не хочешь, надо исполнять, так говорил мой дед.

У мастерской стояла машина. На боку у неё большими буквами было написано МИЛИЦИЯ. Я удивилась и испугалась. Не милиции, чего мне бояться милиции, удивило, что машина вообще могла проехать сюда, дороги проезжей здесь не было, деревья, хоть и молодые, росли густо, тропинка узкая, не проедешь, а с другой стороны был обрыв к железной дороге, а испугало то, что хотя день был хороший, без дождя, людей – шпаны, или картёжников – «нашенских», не было. И воспользовавшись этим, сюда могут пробраться немцы. Или шпионы. Но при милиции? вряд ли, хотя может их как раз и ловили. Тем не менее, я очень осторожно, не по тропинке, а через кусты и крапиву дошла почти до мастерской и выглянула посмотреть. Ничего не изменилось, машина стояла, рядом никого не было, ни милиции, ни Косого, вообще никого. И тут меня подняли, прямо как кошку, за шкуру, за кофту. Я почти задохнулась, кофта сдавила мне горло, лицо больно жгло чья-то ладонь, но испугаться больше, чем уже была, не успела. Какой-то дядька прямо в ухо сказал: «Тихо! Если пикнешь!» – поставил меня на землю, при этом сильно тряхнув. Я хотела убежать, но ноги плохо держали меня, а дядька – хорошо, крепко. Тогда я заревела. Громко. Реветь я умела. Даже сквозь дядькину ладонь было слышно. Он сначала ещё сильнее зажал мне рот, так что вылетел зуб, который уже несколько дней немного качался, а потом отшвырнул меня в куст. Орать стало легче, и причин для этого появилось больше. Куст был здорово колючий, во рту было солоно, и вместо зуба была дырка.

Причин было много, но орать было не для кого. Дядька исчез. А просто плакать, когда надо спастись, глупо. Вылезала я с большим трудом. Не очень долго, но пока я сумела выбраться на тропинку, ведущую к пошивочной мастерской, и оглядеться, в сквозях уже или всё ещё никого не было, и милицмейской машины тоже. Мне совсем расхотелось идти искать Жука, я даже забыла, зачем он мне был нужен. О Мите я тоже совсем забыла, побрела к кривой берёзе, отплёвываясь от крови, и только увидев его на краю школьной площадки, вспомнила и заревела.

«Кто тебя? Жук? Или Сердюк?»

От удивления я перестала плакать: «Причём тут Сердюк!? И не Жук! Дядька какой-то!»
 «Он тебя бил? У тебя кровь из рта льётся. Тебе больно?»

Я сунула палец в рот, пощупала дырку, сплюнула кровь, больно не было. «Конечно, больно, когда тебя чуть не задушили».

«Сердюк, он что делал? Когда тебя били?»

«Там никакого Сердюка не было. Вообще никого не было. Только дядька в сапогах, который напал, немец или шпион».

«Какой он?»

«Я не видела, только сапог. Он меня душил, хотел, чтобы я тайну ему выдала, а потом в куст толкнул и сам убежал. Очень страшный, на Гитлера похож, в сапогах».

«Нет, это не Сердюк, Сердюк в сандалях ходит»

«Да причём тут Сердюк, чего ты к нему привязался?»

«Он пришёл сюда, из-за сараев, ты только за берёзу зашла, а он идёт. Я даже придумать ничего не успел. Поздоровался с ним погромче, думал, может ты услышишь и в кусты схоронишься. Он там остался, я всё время смотрел, он не вышел».

«Я его не видела! И не слышала. Он, когда идёт, палкой стучит и ругается».

«Он тихо шёл, будто прислушивался, будто следил за кем-то. Я подумал, за тобой, за нами, закричал: “Здрасте, гражданин Сердюк!”, а он только палкой махнул».

«А почему гражданин? Его же дед Сердюк зовут».

«Так его дядя Антон зовёт, гражданин Сердюк. Тебя так долго не было. Я думал, тебя арестовали. Или убили. Давай до школы дойдём, там кран на дворе есть, ты помоешься, а то вся в крови».

Дома... Дома меня ждал скандал, хотя мне в голову не пришло рассказывать о своих приключениях. Не из-за того, что моя майка была грязная и в крови, ну выпал зуб и выпал, не первый, и я не первый раз ходила погулять и возвращалась грязная, но я первый раз увидела, как дед сердится. Сначала мне показалось, просто из-за того что бабушка волновалась, но что-то вообще изменилось, вообще, и на нашей улице тоже. Гоняли мяч только совсем маленькие, даже без ворот. И Сердюка не было... Мне запретили уходить с нашей улицы, я думала только до вечера, но на следующий день, когда я попробовала пойти поискать Митю и завернула за дом Фриды Петровны, бабушка побежала за мной и прямо на улице на глазах у всей мелюзги отшлёпала. А дед видел и не заступился. К вечеру к нам пришёл дядя Яша, и они с дедом говорили «наидеш», очень тихо, хотя я всё равно их не понимала. А бабушка вместо того, чтобы поить их чаем, всё время ходила – к окну, к двери, мешая мне читать.

Ещё какое-то время на улице было странно. Взрослые, возвращаясь домой, сворачивали прямо в свои калитки, дядя Коля запил, выпил весь самец, уже продал сапоги и пытался продать свой мотоцикл. Деда уговорил его обменяться на поллитру, потом Славкина мать спрятала мотоцикл в наш сарай и оставляла Славку дома следить за отцом. Так что новостей он не знал.

Митя не убежал от Мерчутина, я его один раз видела, когда снова стали играть в футбол, и он стоял в воротах, но как следует поговорить нам не удалось, сказал только, что уезжает к бабушке в деревню до школы, но в школу осенью не вернулся.

Вообще все Мерчутины тоже уехали. «Перевели», сказал Славка. К зиме дядя Коля пить перестал, Славку мать посылала стоять в очереди «за чем привезут», и там тётки обо всём говорили. И что в пошивочной мастерской «были тёмные дела», даже кого-то убили, и на самом деле это была не мастерская, а притон, туда по железке привозили краденое и на лифте поднимали вверх. В сквозях я больше не была, тем летом – боялась, а когда началась школа, сквозей уже не было, деревья опять спилили и стали что-то строить, вроде бы обещали клуб и кино. Притон и облава – слова, которые я узнала в то лето. Но многое осталось для меня загадкой, и расспросить деда, не выдавая себя, не удалось.

А ещё потом, через два года, мы тоже уехали. Последнее на нашей улице, что я, высунувшись из машины, на которой увозили нас с вещами, увидела, был дед Сердюк на своём стуле.

Елена ГЕНЕРОЗОВА

ИХТИОЛОГИЯ

К северу через северо-запад

Балты ткнут
Тихий земной покров, стебли травы желтой,
Каменные коровники,
Писк синицы, пчёл, спящих до мая,
Мягкие гласные местного радио, километры прямых дорог,
Серые колокола сельских костёлов,
Ветер сырой, рощу рябин, облако над могилой,
Тонкую ткань дождя, тонкую грань
Меж тем, что начало быть и тем, что тут же пропало,

Постепенно вплетая
Транспортные развязки,
Птиц над устьем реки, птиц над шпилями башен,
Мелочь на кофе в кармане, шум
В проснувшихся доках,
Дышащую поверхность старого моря,
Стаю скользких салак в километре от трала,

Оставляя себе
Запах сосны, расписание пригородных поездов,
Слабые сети вайфая,
Рослым шведам
Уступая пространство
За ткацким станком.

Улисс

Так поют, как будто они везде:
Декорации яркого передвижного рая
Выстроив этими песнями в темноте
Возгоня наверх тремоло, завихряя
Колебания пустого воздуха, навсегда
Изменяя пространство внутренне, в котором

Елена Генерозова родилась в Новосибирске, выросла в поселке Северный на границе Московской и Тверской областей. Училась в художественной школе, закончила биолого-химический факультет МГПИ им. Ленина. Автор книги стихов «Австралия» (Воймега, 2012). Поэтические подборки и критические статьи выходили в журналах «Новый Берег», «Новый мир», «Волга», «Знание – сила», различных бумажных антологиях и сетевых изданиях. Живет в Москве.

Всё волна за волной,
Всё качают мои суда,
Отстирав добела корму соевым раствором.

Но не так, как ты. Голос, когда без слов
И когда он твой, то лучшего не пропето.
Из-за острова да на стрежень, с попутным, вновь
Променив Гомера на Архимеда
Я ловил все ноты по памяти, и скрипя
Бесполезным веслом, тыщу раз проходя по краю
Я горел огонь,
Я искал на свету тебя
Год за годом время перебирая.

Я и сам бы пел. Как бы я вдаль вещал,
Покоряясь желанью когда красота припёрла,
Прикасался бы звуком ко всем окрестным вещам,
Напрягая сырое горло,
Проживая острые приступы бытия,
Но простор открыт, и вещей никаких ни беса,
Лишь корабль плывет,
И вода смыкает свои края,
Заживая после разреза.

Он подарил мне кольцо
Сверху гладкое, внутри зубья.
Надел на палец, сказал «помни меня».

Соберусь ли писать письмо в дальнюю местность –
Черным пишу пополам с красным,
Удивляются получатели разнообразию цвета.
Сяду ли ткать – всё выходит
Медленнее чем раньше,
И проходится ждать пока
Свежая ткань сукровицу впитает.

Он подарил мне кольцо, на гладкой поверхности гравировка
«Не забывай меня».
Каждое движение – боль.
Никогда не забуду.

Красные щеки – ориентир для заблудившихся моряков,
Холод, ветер зажгли.

Капитаны песка ждут
Генералов воды на границе странствий своих.
Праздничный шум трёх
Равновеликих сред, поднимаясь вверх,
Подчиняясь береговым сквознякам,
Остывает там, высоко –
Там, где стоят привели,
Долг ли, внутренняя тюрьма, не знаю.

Тише здесь и сейчас:
Алые блики
Согревают пространство между тобой и
Всем остальным не твоим;
Памяти внутренняя игла
Повторяет прощание,
Повторяет прощание налегке,
Все равно, воздухом или водой, падать – разницы нет.
Тише, он не вернется.

Ну же, давай, вглядывайся, светясь,
На его колыбель,
Что баюкает лодки и длинных, блестящих рыб,
Спи, малая темнота, кружевной маяк,
Нет повести
Медленнее, чем сон в четыре струны,
Посередине нескольких дней
Что ты видишь, рыбка?
Вижу, как вспоминать:

Там навсегда
Хмурое время мчит
Серые горы волн к белому небу,
Красный свет – всё, что сможет он разглядеть
Через чёрную линзу воды
С изнанки моря.

Дверь (перевод из У.Х. Одена)

За ней – шаги грядущего, нужда,
Палач и маг, власть шахматных фигур.
Ферзь сердится из-за всего, когда
Шутиха с красным носом дурит дур.

И смотрят те, кто нынче всех сильнее,
На прошлое – то, что они могли
Впустить тогда: вдову с улыбкой тли,
Гремящий паводок и пена дней.

Чуть страх – держать, наваливая вес,
А смерть – стучаться, лежа на одре:
Сезам откроется как ты его ни прячь.

Алиса видит так страну чудес,
Что, крошечная, манит на заре,
И не дается, вызывая плач.

Ане

Если ночь будет лунной
И толпа деревьев спуститься к озеру
Я стану искать тебя среди высокой травы.
Твои черные волосы, медленные глаза,
Осторожность повадок зверей тонкие руки
Если увидишь туман, знай – я ишу тебя или кто-то стучится в окно.

Я стану искать
В ситовидных трубках, в растворах моих сахаров
И солей нашей бедной земли,
В устьицах листьев,
Раскрывшихся словно губы для выдоха или речи,
В еже, разгрызающем саранчу,
В микоризе грибов, в подушке из листьев и мха, и костей прошлогодних птенцов,
В лягушачьей икре, приклеенной к донному камню,
В медленном токе
Разноцветных пластид, краснеющих к ноябрю,
В мокром следе улитки,
В гласных имени твоего,

Я ишу тебя
В трепетаньях утят неуклюжих, загаженных гнезд,
В запахе странных цветов, раскрывающих веки свои
Для ночного душистого ветра,
В шуме дубовых ветвей,
В лужах, вздувшихся после дождя,
Там, в глубине облаков
И далеко под землей,
Так высоко, так низко,
Я ишу тебя
И не могу найти.

Урок

Автобус появился в густом тумане будто вдруг, из ниоткуда, или даже это был не автобус, а троллейбус... хотя нет, все-таки автобус. Мешая колесами сухой морозный снег с пудрой пыли, он подъехал к остановке – бледно-желтому бетонному кубу без одной стороны, и остановился.

Загородный пейзаж был погружен в спячку зимнего утра. Сухостой в дымке конденсата, замершее серо-синее небо, расплывчатые очертания домов вдалеке – все будто старалось не шевелиться и не привлекать к себе внимания. Только автобус у остановки подрагивал из-за работы двигателя.

Когда металлические двери открылись, из-за остановки вышли пять человек в форме, двое из них сразу спешно запрыгнули на задние ступеньки автобуса и двинулись внутрь салона. Еще двое заняли караульные позиции у передних и средних дверей, последний из этой пятерки поднял вверх толстую черную дубинку и зашагал с ней, как с факелом, вдоль автобуса, привлекая через боковое зеркало внимание водителя и призывая его не делать лишнего. Все пятеро действовали так слаженно, что их движения казались частью танца или перформанса, в котором все четко срежиссировано, даже неловкости и заминки.

Сзади к автобусу подъехал тонированный свежесмытый автомобиль, а следом за ним припарковался микроавтобус.

Два человека в форме, вошедшие внутрь, пробирались сквозь пассажиров, которых, казалось, сразу стало меньше, как будто люди вжались друг в друга. Волна напряжения прошла по всему салону, и люди на передней площадке уже крутили головами, чтобы понять, что сейчас будет.

Чем глубже двое в форме пробирались в толпу пассажиров, тем резче были их расталкивающие движения плечами – как у гребцов, чья лодка только набирает скорость, взмахи весел с каждым разом становятся все быстрее и жестче. Тот, что шел спереди, был невысокого роста, с угловатым, суровым лицом и беспокойным взглядом. Второй был совсем молодой, младше двадцати, со светлыми волосами под шапкой из искусственного меха, веселыми глазами и тонкой бледной шеей. На ходу оба ритмично, нараспев, повторяли, будто читали стихотворение:

– Разрешите, разойдитесь, дайте проход, отойдите, разрешите, дайте проход.

В середине салона они подошли к неприметному мужчине лет пятидесяти, в плаще и зимней кепке. Замечтавшись, он не обращал внимания на поднимающуюся в автобусе суету и смотрел в окно. Двое схватили его за плечи и со сноровкой скрутили так, что руки мужчины ушли глубоко за спину, и из человека вышел то ли выдох, то ли стон.

Мужчину потащили к выходу, и он без сопротивления, а скорее даже спеша, двинулся вместе со своими захватчиками. Из его рук выпал пластиковый пакет и улетел кому-то под ноги, кепка свалилась с головы и отправилась туда же, выцветший старомодный плащ с подкладкой-утеплителем распахнулся. Пассажиры разом расступились кто куда, полностью очистив проход.

Денис Бондарев родился в 1987 году на севере Польши. Окончил магистратуру «Литературное мастерство» в ВШЭ. Работал журналистом, штатно и внештатно сотрудничал с различными независимыми изданиями – «Сноб», «Афиша», «Нож» и др., публиковался в «Новом мире».

Через пару секунд двое в форме уже спускались по ступенькам наружу, волоча за собой поиманного пассажира. До спуска человек в плаще, задыхаясь, кряхтел себе в грудь: «За что, куда, за что?», но тут все его слова смешались в манныю кашу протяжного звука, переходящего то ли в стон, то ли в вой.

Все это случилось так быстро, что с момента открытия дверей прошло не больше полуминуты. Автобус хрипел на холостых оборотах, как курильщик, который решил вдруг пробежать десяток километров и теперь пытается прийти в себя.

Из темного легкового автомобиля, припарковавшегося сзади, вышли двое, оба в темных кожаных куртках из фактурной кожи, на их скушающих лицах еле уловимо блуждала брезгливость. Они остановились у капота машины, держась на некотором удалении от происходившего возле автобуса, и спокойно наблюдали.

К заднему выходу подошли двое, кто дежурил до этого у других дверей, и вместе они образовали небольшое кольцо вокруг согнутого пополам человека. Голова его опустилась почти до коленей, он шумно выдыхал в сторону снежно-пыльной крошки у себя под ногами.

В этот момент из-за бетонной остановки вышел плотный мужчина с рыжей щетиной на рыхлом, обрюзгшем лице. Его пальцы еще возились с молнией на штанах, которая заклинила и не давала застегнуть себя до конца. Подойдя к автобусу, он наконец отпустил ширинку и пристально, с озабоченным видом уставился сверху на спину человека в плаще.

Руки пассажира ослабили, и он почти полностью выпрямился. Как только напряжение в суставах спало, у него сразу выступили слезы, как будто вдруг появились силы на жалость к себе. К шедшему из него мычанию добавились булькающие всхлипы.

– Что я, я, я? Опять я, да, блять? – с нарастающим раздражением спрашивал мужчина с рыжим лицом. – Что вы мне тут мямлите, а? Ведь особенность ее в том, что она регулирует отношение одного человека к другому. Я спрашиваю: сколько можно, а, блять? Ведь неслучайно говорят, что она начинается там, где один человек сделал что-то доброе, да блять? Сколько это будет продолжаться, а?

На секунду повисла пауза, а потом он коротким боковым ударил в щеку человека в плаще. Из пассажира вместе с протяжным выдохом вышло емкое «у-у-о-о-о-о-х-х-х-х». Тело его будто попыталось вырваться из чужих рук, чтобы последовать за инерцией от удара, но держали его крепко, поэтому он только мотнулся из стороны в сторону, а потом обмяк. Двое охранников скривили лица и отклонились назад, как будто часть удара пришлась и на них. Через секунду человека в плаще перестали держать, и он мягко опустился на смешанный с пылью снег.

Нанесший удар мужчина шагнул назад, вышел из кольца людей, как бы удалился, завершив свое дело, а круг возле человека сразу опять замкнулся, и происходило все это так четко, будто тоже было отрепетировано.

Остальные четверо в форме вытащили дубинки и после короткой паузы один за другим посыпали удары на тело лежащего. Это как бы разбудило пассажира, спрятавшегося на секунду под плащом, он стал дергаться, извиваться и от него пошел безостановочный протяжный звук – то ли вой, то ли визг. Казалось, звук этот издает не человек, а древний музыкальный инструмент, из которого извлекают звуки с помощью коротких ударов.

В этот момент желтый цвет автобуса сам собой стал меняться – сначала поблек до розового, потом начал набирать все больше яркой красноты, а дойдя до густого кровавого цвета, в нем стало появляться все больше тяжелого фиолетового холода, и тогда же местами снова проступила желтизна.

Люди в автобусе замороженно следили за происходившим снаружи. За стеклом в салоне белела россыпь пятнистого жемчуга широко раскрытых глаз. Лица распахнулись навстречу внезапному зрелищу. Никто не шевелился, только старинный дед пробирался сквозь толпу к выходу, из которого только что вытащили человека. Подойдя к верхней ступеньке, дед схватился сухой рукой за поручень, прижался к нему, еще сильнее прищурил подслеповатые глаза и тоже замер,

рассматривая людей, двигавшихся в мрачном ритуале снаружи. Морозный воздух быстро заползал в раскрытые двери, и изо рта деда стали выходить маленькие облачка пара.

К шлепкам дубинками скоро добавились удары ногами. Одни пытались носком пробраться вглубь тела человека на земле, другие каблучком опускались куда попало. Но увлеченности в этом процессе не чувствовалось, казалось, происходившее было чем-то обыденным – скорее старым отработанным номером, чем показательным выступлением на премьере. Работавшие дубинками над телом будто бы хотели только поменять его форму, а не разрушить, поэтому били трезво, не увлекаясь слишком, не теряя аккуратности.

Мужчина с рыжей щетиной закурил сигарету и отошел к стоявшим у тонированного автомобиля. Человек в форме, все это время дежуривший у передней двери и державший контакт с водителем через боковое зеркало, прижал свою дубинку к окну на уровне лиц сидевших за ним пассажиров и двинулся вдоль автобуса. Дубинка скребла по замороженному стеклу, стучая по нему каждый раз, когда перескакивала металлическое разделение между отсеками окон, и оставляя за собой ломаную кривую на тонком слое инея. Двигаясь так, он медленно и почти распевно, настойчиво, но при этом с улыбкой, говорил:

– Граждане, автобус продолжает следование до конечной остановки, все пассажиры должны оплачивать проезд сразу после начала поездки, на линии работает контроль.

Удары почти закончились, только один из четверых людей в форме еще опускал дубинку на обхватившие голову безжизненные руки человека. Звук тот уже не издавал и, кажется, вообще потерял сознание. Тогда последний работавший отшагнул назад и с размаха пнул носком ботинка в низ живота лежавшего на земле, как бы ставя так точку в этом деле.

Замолкший было человек в плаще от этого удара не только проснулся, но и взвыл громче, чем в любой из моментов до этого. Все его тело напряглось и как будто попыталось свернуться к своей серединной точке. Когда у него не получилось залезть так внутрь себя, уйти внешним телом во внутреннее, тогда он снова стал извиваться, нигде не находя себе места. Песочный плащ весь стал темным от влаги, его подкладка отстегнулась, вывернулась и торчала наружу, как часть тела, которая пытается сбежать от своего хозяина. Снег под человеком растаял, и теперь он распластался в центре влажного асфальтового пятна.

Люди в форме глубоко дышали и расстегивали куртки, чтобы пустить свежий воздух к своим разогретым телам. Пар длинными столбами выходил из их раскрытых ртов. Когда человек на земле затих, они обернулись к курившему у машины мужчине с рыжей щетиной, тот сделал движение ладонью в сторону автобуса, как будто смахнул крошки со стола, и те же двое, что вытаскивали пассажира из автобуса – высокий парень с веселым взглядом и его беспокойный напарник – подхватили под мышки лежащего на земле и волоком потащили его по ступенькам обратно в автобус. Человек не реагировал и не сопротивлялся.

В салоне все пассажиры прижались друг к другу настолько, что казалось, будто людей в автобусе стало еще вдвое меньше. Все втянули воздух и задержали дыхание, замерли, перестали как-либо проявлять себя, только очень внимательно наблюдали за происходившим рядом.

Человека дотащили до того же места, откуда его забрали пять минут назад, и оставили на полу автобуса. Обтерев руки о штаны, двое в форме двинулись к задним дверям. Перед тем как выйти, высокий обернулся и крикнул поверх голов на весь автобус:

– Так будет с каждым, – и, как будто специально оборвав фразу, закивал головой, поводит своим задорным взглядом по прячущимся лицам пассажиров и вышел.

Второй, с суровым лицом, тоже обернулся к пассажирам и добавил:

– Аккуратнее толпитесь там возле него, кажется, он обоссался, – и вышел вслед за напарником.

Человек в плаще не шевелясь лежал на мокрой резине. На его ладонях дулись гематомы и густели разводы кровоподтеков. От смотревшего в потолок левого уха к воротнику голубой рубашки спускалась струйка крови и дугой уходила вниз по шее. Туфля с левой ноги почти слетела, от этого была видна затертая пятка серого носка. Люди вокруг стали по-театральному медленно,

осторожно приближаться к нему, как будто боясь, что человек может вдруг вскочить и броситься на них.

Сверху резко раздался женский голос:

– Подъем. Я кому сказала, вставай. Поднимайся. Ну. Давай-давай.

Пространство вокруг плаща песочного цвета пошло волнами, начало расплываться и темнеть. Казалось, что рядом с человеком на полу автобуса все вдруг стало жидким, поверхность этой жидкости тронул ветер, и все очертания на ней поплыли. Затем потерял четкость и сам человек, слившись с неразличимым уже салоном автобуса, и только по нескольким темным пятнам на плаще можно было как-то выделить его в окончательно терявшем фокус пространстве. Но и это исчезло в яркой вспышке мерцающего белого света, залившей сразу все.

Эту слепящую пелену, как спицей, пронзило резкое колющее чувство в правом плече. Тело эхом отозвалось на него толчком где-то глубоко внутри. На секунду все стало медленным и будто глухим, тягучим, совершенно неразборчивым. А потом картинка снова начала собираться во что-то целое и быстро проясняться.

Перед глазами была бледно-зеленая плоскость парты, на ней – книга, тетрадь и ручка, справа от стола – клетчатая юбка Алины Сергеевны, над ней – сама учительница, ниже – ее обтянутые колготками ноги. На лице Алины Сергеевны было знакомое выражение – то ли недоумение, то ли возмущение, губы ее брезгливо изгибались. В правой руке учительница сжимала длинную деревянную указку, угрожающе направленную вверх.

– Ну и что мы спим? А, Кораблев, что спим, говорю? Тихий час? – спросила учительница.

– Я не... – хотя тело уже напряглось, голова еще нормально не соображала, и ответить не получилось.

– Начинается. Я, я, я, что я? Вставай и иди спать в другое место, у меня на уроках такого не надо. Давай вставай, хватит тратить чужое время. Скорее.

Голос учительницы становился все более раздраженным, спорить смысла не было. Дима Кораблев вытащил из-под парты рюкзак, смахнул в него учебник по обществознанию и остальное, что было на столе, накинул лямку на плечо и встал. Делал он это неспешно, еще медленнее он шагнул от своей парты в сторону заднего ряда. Чтобы ускорить выдворение, учительница уперла конец указки между лопаток школьника и немного надавила, как бы поторапливая его.

– Исчезни уже, бездарь.

Он прошел за последними партами к дверям входа, класс с любопытством следил за ним. У двери Кораблев обернулся: лицо учительницы все еще было возмущенным и от этого казалось глупым – как будто спящего человека она увидела впервые, и это оказалось для нее невыносимым зрелищем. Школьник глянул ей в глаза, буркнул «до свидания» и открыл дверь.

Выйдя из класса, он оказался в широком коридоре. Бетонный пол с вкраплениями мрамора, крашенные до середины стены, тюль по бокам окон, типовые люстры высоко под потолком. Дима двинулся к лестнице.

«Зачем снятся сны? – подумал он. – Зачем такие сны снятся?»

Яркий полуденный свет проходил сквозь мелкие отверстия штор, как сквозь матерчатые соты, и ложился на холодную поверхность стен и пола. Справа от школьника одна за другой проплывали двери школьных кабинетов. Впереди угловатое казенное помещение коридора резко поворачивало к лестнице.

За углом, у доски с расписанием, стоял одноглазый Святослав. На одной из линз его очков была накладка с пестрым изображением летящего Спайдермена. Глаза не было всегда, выбил он его еще маленьким и ничего не помнил об этом. Мальчик был на два класса младше Кораблева. В школе самым удивительным про Свята считали то, что своего дефекта он совершенно не стесняется и относится к нему как к чему-то обычному. А кроме этого, в отличие от всех в школе, он совершенно не замечал очевидную местную иерархию, выстроенную по возрасту и силе, поэтому мальчик одинаково обращался как к старшеклассникам, так и к младшим – прямо и немного с вызовом. Над ним смеялись, мол, чтобы понять, как все устроено в мире, ему не хватает одного

глаза, что он не может разглядеть половины всего, поэтому и ведет себя как блаженный, но Свят на все это не обращал внимания.

Услышав шаги Кораблева за спиной, одноглазый Свят развернулся к нему и спросил:

– Ты че с рюкзаком? Выгнали?

– Не твое дело, косой.

– Понятно, выгнали, – лицо Свята растянулось в улыбке, как будто с Димой случилось что-то веселое.

– Всажу тебе, – сказал Кораблев без злобы, поднял кулак к плечу и чуть тряхнул им, проходя мимо.

– Есть курить?

– Косой, не до тебя ща, свали.

Впереди была лестница. Дима побежал по ней вниз, перебирая ногами ступеньки, и думал: «Почему он не стесняется? Такое уродство же, а он как будто и не вспоминает о нем. Я бы жить с таким не смог, а ему нормально. У косых что-то по-другому. Что ему снится? Какие сны снятся слепым?» На площадках между этажами школьник хватался за изгиб перил и закручивал тело на прямой руке, как на карусели с креслами на цепочках, неся так себя к затертым ступенькам нового пролета.

Последний ее марш выходил в другой коридор с огромным пространством раздевалки, которое было условно разделено на отсеки для учеников разных классов. Подвешенные на крюках куртки напоминали мертвых животных. Диме всегда казалось, что это самое зловещее место в школе, как будто здесь всех раздевали, чтобы дальше с детьми было проще делать то, что нужно им, что тут всех готовили к неприятной процедуре.

Школьник снял вешалки куртку, на ходу накинул ее, прошел через рамку металлоискателя мимо залипшего в телефоне охранника, толкнул одну металлическую дверь со стеклами, вторую, и оказался на улице.

Весна всего пару дней как перестала растекаться во все стороны, став просто влажной. По-прежнему было непривычное облако запахов, особенно заметное после застывшего в школе моно-тонного духа хлорки. Шедшие на улице со всех сторон свежесть и яркость давали настойчивое предчувствие радости. Диме сейчас это было особенно близко и созвучно, потому что уже несколько недель у него было непривычное, еще не разгаданное им до конца чувство, но которому он уже вполне определенно мог дать объяснение, которое понятно откуда бралось. Он впервые переживал такое, от этого было тревожно и непонятно, что оно с ним сделает и как с ним быть, но быть с ним было приятно – беспокойно, но приятно. Чувство можно было сравнить с чем-то постоянно звучащим внутри – то ли с песней, то ли с зовом.

За углом школы была спортплощадка, повернув к ней, школьник пошел мимо темно-коричневого, еще не освободившегося от луж футбольного поля к дальним скамейкам, которые составляли три яруса трибуны. Там был тепловпункт, который отгораживал, как бы защищал пространство с брусками и турниками от внимательных окон школы. На лавках здесь собирались те, кто уже утверждал себя во взрослой роли и особенно спешил жить: после уроков и на переменах – старшеклассники, полноправные владельцы этого места, во время уроков и вечером – более робкие пока все остальные.

Кораблев обогнул тепловпункт и направился к деревянному брусу полосы препятствий, возвышавшемуся над влажной землей на вкопанных металлических трубах. За спиной школьника было футбольное поле, а за ним – школа. Метрах в двадцати спереди – забор из сетки рабицы, натянутой на ржавый металлический уголок. Прозрачная ограда ровным прямоугольником огораживала территорию школы от остального мира. За ней была сплошная стена панельных многоэтажек, которая еще одним квадратным, но уже куда более основательным контуром опоясывала школу. Из бесконечных окон домов, как с трибун коллизия, открывался вид на спортплощадку школы. Сейчас на этой арене Дима был один.

Посмотрев немного сквозь сетку на знакомый двор, он занялся делами: вытащил из джинсов телефон, проверил сообщения и положил его на брус рядом; достал зажигалку и пачку сигарет, уверенным движением вытащил одну и закурил. Сделав несколько сосредоточенных затяжек, он отложил пачку на загоравшийся новыми оповещениями экран смартфона, вынул из кармана складной бордовый перочинный нож с эмблемой-крестом. Открыл самое крупное лезвие, покрутил подготовленное орудие в руке. Металлическая плоскость с обеих сторон была покрыта густой сеткой мелких, свежих царапин: последний раз Дима точил его сегодня утром. Мальчик потрогал лезвие в разных местах, нажал подушечкой пальца на его острие – как будто бы только знакомясь с ним.

Закончив изучать нож и убедившись в его надежности, он сдвинулся назад, освободив у себя между ног поверхность деревянного бруса, на котором сидел. Приметившись, он воткнул острие в сырое дерево и провел короткую линию. Вынул лезвие, воткнул рядом, провел еще черту, затем еще две – получилась буква. Сигарета висела у него на губе, пепел на ней не выдержал собственного веса, сорвался вниз на бедро Димы и покатился по нему, теряя остатки своей цилиндрической формы и разваливаясь на бессмысленные частицы. Дым шел в левый глаз, и мальчик щурил его, одновременно широко распахнув другой.

Через минуту он остановился, как бы оценивая свое дело. Вытащил из губ сигарету, стряхнул пепел, посмотрел на два вырезанных на дереве коротких имени. В одной руке у него дымилась сигарета, из другой – торчало лезвие ножа. Посидев так немного, он прочертил лезвием на сыром дереве между двумя именами плюс, замер еще на пару секунд и обвел вырезанные буквы ободком в виде сердца.

Потеря управления

Кривой ежик усов Анатолия опустился в полную кружку чая. Часы на столе один раз пикнули, значит, выходить через пятнадцать минут. Сделав глоток горячего, Анатолий задумался, пахнет ли сладкий чай, и если да, то сколько такого аромата останется у него в усах, если дать каплям высохнуть? Затем он аккуратно поставил кружку на кухонный стол, скосил глаза вниз, на усы, поблискавающие влагой, и подумал, что давно пора бы их подстричь.

– Наверд ли уже успеет, так и будет торчать до середины мая без дела, да какой – до конца мая. Да и потом непонятно что. Так, не жизнь, а непонятно что, – подытожила жена Анатолия. Она стояла к нему спиной и помешивала свой гастритный завтрак – овсяную кашу, варившуюся в ковшике на плите.

– Да, – протянул Анатолий, держась за ручку кружки.

Пестрый синтетический халат его жены был расцвечен множеством ярких многоугольников – синих, красных, желтых и фиолетовых. От бесконечных стирок он потускнел, поэтому цветные фигуры будто бы проглядывали сквозь облака. Анатолий подумал, что этот халат хорошо подходит и к покрытым пылью зеленым бляшкам листьев комнатной березы, стоявшей на подоконнике, и к разболтанным дверцам шкафчиков, и к его ежедневным сборам на работу, и к гастриту жены, и вообще ко всему, что происходит на этой кухне.

Он глотнул еще чая. В рот попала чайinka. Указательным пальцем Анатолий снял ее с кончика языка, скатал в комочек и незаметно пульнул в щель между холодильником и стеной. Посмотрев вслед чайинке, в глубь темноты за холодильником, он представил, что когда-нибудь, уже скоро, там скопится гора таких песчинок, и в конце концов очередная брошенная чайная крошка вызовет обвал этой горы и его, Анатолия Сергеевича Чижова, смоем черным чайным потоком и унесет куда-то далеко с этой кухни.

– Вот почему он так относится, не понимаю? Мы же его так не воспитывали, – снова заговорила жена Анатолия. – Причем речь не про других даже, к себе отношение странное. Беззаботная глупость, вот что это. Звоню ему вчера, разговор в итоге заходит об их отношениях, я ему говорю:

Леш, сынок, не думай, что жизнь сама собой построится, принял бы решение уже, не первый год ведь вместе. Ты либо женись, либо перестань девочке голову морочить. Я же ей как женщина сочувствую, понимаешь? Это ведь, получается, просто совместная аренда квартиры, как будто только б с родителями не жить. А он, как всегда, раздражается, замахала, говорит. Понял, замахала? Вырастили на свою голову. А для девочки что это? Вообще уму непостижимо. Всеми приемлемое блядство, иначе и не назовешь. И чем это все закончится? А ничем, накушаются друг другом до тошноты и разбегутся. А времени сколько ушло? А для нее – и столько лет потеряно, и с мужиком жила, а замуж не вышла. Он мне на это опять свое: отстань, двадцать первый век, ты ничего не понимаешь. А что тут понимать, как будто в людях что-то изменилось. Короче, так, не пойми что...

Анатолий смотрел на неухоженную после сна прическу жены. Откуда-то взялась мысль, что волосы и голова женщины сейчас могут начать рассыпаться, причем даже не на отдельные волосинки, а на песчинки или пиксели, а вслед за ними то же начнет происходить с халатом, с телом под ним, с газовым пламенем вокруг конфорки, с самой плитой, стенами, покрытыми синей плиткой и моющимися обоями, со стеклянным электрическим чайником, с коробками чайных пакетиков рядом. Пиксели угловатыми снежинками посыпятся с побеленного потолка кухни, смешиваясь с разноцветными останками всего остального на полу и превращаясь в случайную смесь всего, что составляло это утро.

Он встал с табуретки и с кружкой в руке подошел к окну. Большую часть вида за стеклом составляла серая полоса панельной многоэтажки, над которой была голубая потоньше – небо. Анатолий привычно пробежался взглядом по окнам соседнего дома, надеясь подсмотреть в чужих квартирах что-то интересное, почувствовать что-то через других. Было бы неплохо увидеть ссору или даже драку, может быть, чей-то секс, или, хотя бы, чтобы какие-то вещи улетели с веревки для сушки вниз, а их хозяин загрузил на балконе.

– Господи, я вчера новости включила – как ни старайся их не смотреть, все равно натыкаешься. И это жуть, просто жуть. Хуже таких новостей только эта моя овсяная баланда каждый день. Украина, Сирия, Америка, Украина, Сирия, Америка, одно и то же, одно и то же. Снова взрывают, снова обещают, снова нарушили, выступили с заявлениями, и так по кругу. Почему мне это показывают постоянно, не понимаю... Как думаешь, может быть, что мы с Украиной по-настоящему разругаемся? Хотя Донбасс уже есть, куда еще-то. Ну, в смысле, что мы, не знаю, по визе ездить к ним будем? Там ведь тетка, и Олеська, и Евсюковы, и твоих еще сколько... Привыкаешь ко всему этому, но это ж уму все непостижимо, если вдуматься.

Анатолий глотнул чая и представил, как от начала белой полосы в небе вдруг отделилась точка, маленькая серая фигурка, которая постепенно росла, увеличивалась, приобретала очертания самолета и двигалась в его сторону. Вот из неразборчивой закорючки самолет вырос до размеров нательного крестика, а вот он уже в треть голубой полосы над соседним домом, и, присмотревшись, можно различить панорамные окна кабины пилотов, в которой две пары напряженных рук пытаются что-то сделать со своими штурвалами.

Самолет с четырьмя черными дырами турбин сравнился в размерах с панелькой напротив, и Анатолий представил, что от нарастающего гула уже трясутся стекла в деревянной раме его окна. Он еще приблизился к подоконнику и крепче сжал кружку в руках.

Это летящее к Анатолию, набирающее размеров и значения событие прямо говорило бы, кричало, что все вот-вот изменится, что мира, каким он его знал, больше не будет. Пока непонятно как, но всё сейчас начнется заново: рухнут бестолковые связи, закончится бессмыслица и пугающая необратимость всего происходящего. Что его бессистемное существование вдруг превратится в долгий путь к этому дню. От этих мыслей волнительное возбуждение стало подниматься в груди Анатолия.

– На следующей неделе анализы сдавать, – сказала жена, выключив огонь под ковшиком с кашей, – знал бы ты, через что я каждый раз прохожу с этой «кишкой», какая пытка – шланг этот глотать. Из глаз слезы, рвотные позывы не прекращаются, руки дергаются, схватиться за что-то пытаешься, а хвататься-то не за что, и медсестра еще держит. Господи, за что мне это наказание.

Гул двигателей и свист от движения гигантской машины нарастал, до катастрофы оставалось последнее мгновение, которого хватило бы только на то, чтобы почувствовать значимость происходящего. И когда Анатолий уже видел черную надпись названия на фюзеляже, самолет на мгновение скрылся за серым прямоугольником соседней многоэтажки, чтобы сразу же вырваться с другой ее стороны и выставить свою покореженную металлическую морду под окна соседнего дома.

«Случилось», – единственной мыслью пронеслось в голове Анатолия. От столкновения самолета с панелькой пошла ударная волна, которая тряхнула мужчину, сдвинула холодильник рядом с ним, качнула люстру под потолком.

Продираясь сквозь дом, самолет крушил бы весь устоявшийся десятилетиями пыльный быт людей, в окнах которых ничего не происходит. В воображении Анатолия лопался пластик плазменных телевизоров, острые углы искореженного железа рвали хранившиеся в шкафах пальто, люстры лопались бы между бетонными плитами и рассыпались на мелкие стеклянные крошки. Широкие трещины на стенах дома быстро превращались в разломы, и бетонные айсберги расползались бы в разные стороны у него на глазах, а воздух наполнил хруст лопающейся штукатурки.

Верхняя часть потерявшего равновесие дома посыпалась каменным дождем во двор, погребая ряды припаркованных автомобилей. Фрагмент здания размером в пару этажей обвалился на хвост самолета, переломив его и сбросив на дорогу с другой стороны панельки. Изнутри изуродованной многоэтажки, из разорванных труб водоснабжения брызнули сразу несколько фонтанов.

– Последнее время по утрам в автобусах давка жуткая. Откуда люди берутся – не пойму, вроде лето, все разъехаться должны, а тут здрасти-пожалуйста. Я сначала думала, что это какие-то разовые акции, но нет, народу меньше не становится, – говорила жена Анатолия, накладывая кашу в тарелку. – Может, у нас жилой комплекс какой тут заселили, не знаешь?

У Анатолия перед глазами мелькали лица жителей соседнего дома, которых он встречал в разных обстоятельствах. Сурового мужика, каждое утро натиравшего лобовое стекло своей машины, улыбчивую кассиршу из магазина на первом этаже, малышню, целыми днями ползавшую по детской площадке. Представил чувство девушки в коротких домашних шортах вон из того окна, когда после жуткого толчка и грохота она упадет на пол, а потом почувствует, как пространство поплыло куда-то вместе с ней. И следом Анатолий почему-то вспомнил, как от рака умирала его мать – просыпалась по ночам, бесконечно ощупывала одеяло и простынь, как по-детски кривила ссохшееся лицо, когда говорила о сосущей боли в спине и просила сделать внеочередной укол морфина.

– Этот пресный вкус достал уже. С каждым обострением надо заново учиться пихать в себя эту кашу. А я вообще-то жареное люблю, запивать отбивные томатным соком и кофе с шоколадом потом. Жизнь бессовестная. И жестокая, – сказала жена, готовясь проглотить первую ложку каши. – Толь, ты меня слышишь?

Анатолий выскочил из своего подъезда и бросился через двор, наполнявшийся новыми, все более густыми облаками каменной пыли, побежал к соседнему дому, ориентируясь на женский крик, самый громкий из всех звуков вокруг. Ноги заплетаются и подкашиваются из-за того, что бежать приходится по полю из камней разного размера. Он видит гору обломков бетона возле стены, из которых выглядывает крыша темно-синего автомобиля. Под камнем зажат серый от грязи тюль, рядом – сплюснутая микроволновка, куски цветастого кафеля, душевая лейка, деревянный корпус аудиосистемы. Он останавливается и прислушивается, чтобы понять, откуда именно доносится женский голос, этот протяжный крик. И тут сверху раздается отвратительный металлический скрежет. Анатолий поднимает голову и видит, как на него, будто выпавшая с чьего-то балкона, летит одна из здоровенных турбин самолета, в центре которой он различает короткую белую спираль, замершую, потому что двигатель не запущен и лопасти не вращаются.

Анатолий увидел себя со стороны: мужчина стоит на куче камней, на него сверху опускается огромный цилиндр. Бам. Встреча турбины с телом совсем не замедляет ее движения, слышен только грубый звук удара металла о бетон. Анатолий представил свое последнее мгновение перед смертью – и ничего не почувствовал. Он закрыл глаза и вернулся в эту сцену еще раз, вообразил все в деталях, удержал в голове – ничего. Фантазия была такой яркой, но не вызывала ни отторжения, ни грусти, ни обиды. Прокрутил ее еще раз, внимательно прислушался к себе – и наконец почувствовал, как внутри еле заметно расходится чувство жалости к себе от того, что никаких чувств в нем так и не нашлось.

Он открыл глаза, и пока картинка внешнего мира снова собиралась в целое и прояснялась, что-то белое мелькнуло мимо окна, пролетело по диагонали вниз. «Самолетик», – пронеслось в голове у Анатолия. Он прижался лицом к стеклу, надеясь рассмотреть бумажную модельку, убедиться, что ему не показалось. Но за окном ничего не было.

– Что там, Толя? Бэтмен пролетел? – спросила жена Анатолия, спешно доедая кашу. – Ты на работу не опоздаешь?

– Да, – ответил Анатолий, глядя в окно, – надо идти уже, – он медленно развернулся в кухню.

– Как думаешь, это нормально – не бояться умереть?

– Чего, умереть? Ну... не знаю, бояться умереть нормально. Если этого не бояться, то чего бояться-то вообще? – попробовала пошутить она. – Я боюсь смерти. Особенно когда «кишку» иду глотать, там до смерти полшага всего.

Анатолий допил последние глотки чая, стер с усов капли влаги и нащупал там еще одну застрявшую чайинку, скатал ее в маленький комочек и кинул на дно кружки.

Данил ФАЙЗОВ

мы живём в пузырьке-пузырике
нам не снятся ни усмешки ни кошмарики
полицейские вокруг козыряются
вдаль летают на воздушном шарике

мыты с мылом радугую светятся
знать не знают как прикрыть глаза от солнца
круглый катится воздушной змейкой вертится
красный улыбается
смеётся

слепую ночь пройдя до половины
я ощутил себя наполовину
на лестнице
вторую половину
увидел как-то странно на балконе
и список кораблей до половины
и сигарета
где-то в середине
а где его вторая половина
а где её вторая половина
а где моя вторая половина
дымится уголёк
идёт с повинной
смотри и корабли идут с повинной
он говорил всё движется любовью
и лестница качает головою

не город-мусорка
но мусорогородск

Данил Файзов родился в 1978 году в Игарке (Красноярский край). Жил в Вологде, в 1998 году переехал в Москву. Окончил Литературный институт им. Горького. Стихи публиковались в журналах «Арион», «Знамя», «Интерпоэзия», «Новый Берег», «Новый мир», «ШО» и др. Автор нескольких поэтических книг. Предыдущая публикация в «Волге» – 2023, № 7-8.

а также мыльск
верёвск

стаканинск
заполнен переулками
пустыми
в стране пухановских
берёз
украшены серёжками
косыми

они не мы
нет не они не мы
а мы какой-то
блядь ушёл троллейбус
в беду
юстиниановой чумы
а я жую пластмассовый
билетик

но груб стаканчик безымянный
хрустелен пальчик оловянный
надтреснут мусор окаянный
большой стремится птицей ввысь

здесь мельком проезжала жизнь
усами тока прикасаясь
дверьми к стоящим прислоняясь

какая настя мужество скачает
какой алёша обойдёт контроль
мы только наливая чашку чая
прольём на стол деление на ноль

какая трясогузка выйдет боком
кто та маруська что не ведая сама
расскажет богу что не видит бога
и нам нарежет сладкого ума

мы играли ох как мы играли
не привстать с крутящегося кресла
в полутёмном злом полуподвале
рупь за двести

бить по мизеру бандиту однорукому
тройка бешеная вишенка на торте
толстопузый делится получкою
ждут его в однушке с распростёртыми

победиловка удача незамазана
автомат даёт всего четыре копии
три забрать одну отдать она заказана
вишня вишня вишня мы её не пропили

а вложили в камеру хранения
где ещё моё двадцатилетие
я не доиграл стихотворение
ден двумя руками выбрал петельку

никто таращился а некто сжёл билет
в кармане бесконечных суток
трещал крючок-ключок от шевроле
какое шевроле там на минутку

билет и шевроле несовместимы
крючок и сутки слабо совместимы
а с кем никто ничтожно совместимый
наверное не с теми

кто по карманам шарит где билет
кто выбирает день защитника отечества
в столовой на обед
и на десерт восьмое марта
как защитницу отечества

и шевроле везёт поднос
как выбор прост
как труд и май ужасно прост
по карте расплатился
весь вопрос

на лицевой труд май и шевроле
на оборотной ад жаркое вечность

Из цикла «Фантастические твари»

дракон

поверь мне матушка-змея
гаденыш вышел я

поверь мне матушка-земля
грязёныш вышел я

из перистых и кучевых
блатных и социально близких
сочился дождиком в среду
и в среду если низко

поверь мне матушка-вода
что это вовсе не беда
стоят на реках города
северодвинск
караганда
и вологда конвой гда-гда
кончается норильском

поверь мне матушка-сума
что не вложил в тебя ума

который повсеместно
теряет чешую и хвост
ложится яд в природный рост
кусает вежливый вопрос
про то что гад не местный

а что копьё
всё та же грязь
тень лобная выходит
князь
вкусна ли русь
чиста невеста?

вот и музыка слышна
вот народ выходит на
площадь имени будена
первой конной бабель-на

полтергейст так полтергейст
конных армий нам не счесть
ксенофонт ворон считает
десять тысяч за присест

а давайте шашки в руки
духи духи нам не жалко
комиссару дунем в уши
про евреев и пожары

вавилон идёт на дно
вальс играют всё равно
варшавянка ли варшава
комиссары в пыльных шлемах
брали город беер-шева
кржижановский вышел вон
виноват со всех сторон

все мы лошади немного
все мы бабели немного
и чуточек пильняки
не суди маманя строго
есть у красной безучастной
конной армии полки

дышат воздухом и сажей
красный гай горит под флагом
вся округа марш играет
местечково догорает

трупик знамени полка
опиши его пока

мужество проходит
мимо женственности
на кону одна ответственность
протяжённость vsue прокажённых
так себе от ивы веточка
мальчиков и девочек прожженных

хоп
мужик
не схлопнуть не вздохнуть
хоп рожаящая воина отечества
хоп девица хоп ещё чуть-чуть
хоп и схлынуло

а где оно
отечество

там где мальчик физику тянул?
там где девочка варила суп?
родина родителей спросил
как приносят в школу стул и стол
парта мел указка-иггдрасиль

РЕПЕТИЦИЯ НА ДЕСЕРТ

Рассказ

Сперва Марчел решил, что в сарае завелись мыши. Ну, как решил? Мыши там водились всегда, в этом не было никаких сомнений, как и в том, что жена Лидия, сколько себя помнил Марчел, пилила супруга, требуя потравить, наконец, злосчастных грызунов.

– Как травить? Чем травить? – недоумевал Марчел.

– Ты дурак? – не менее недоумевала Лидия. – Чем-то кроме яда их еще травят?

Марчел замолкал, избегая бесперспективных диспутов, в которых супруга никогда не проигрывала. Да и чем он собирался бить по позициям Лидии? Доводами о том, что в сарае так приятно вздремнуть часок-другой на стоге сена, и что хорошего в том, чтобы вместе с полезным ароматом сухой травы он надышится парами крысиного яда? Что он услышит в ответ? Миллионный повтор привычных упреков в том, какой он никчемный бездельник?

Впрочем, на этот раз подозревать мышей долго не пришлось. В углу сарая Марчел увидел лежащего человека, одетого – что стало понятно сразу, хотя незнакомца частично скрывали сваленные в угол доски, – в военный камуфляж.

– Тихо! – скомандовал пришелец, и Марчел увидел наставленное на себя дуло. – Здесь глушитель, никто не услышит выстрела.

– Не стреляйте! – умоляюще выставил ладонь Марчел. – Вас никто не тронет.

Незнакомец усмехнулся, будто и не сомневался в том, что в сарае Марчела его действительно никто не тронет. Усмехнулся и тут же скривился, будто от боли.

Ранен? Господи, только этого не хватало! Так он же...

Дальше Марчел не хотел и думать, и так все было ясно. Прятавшийся у него в сарае незнакомец – человек с войны, разгоревшейся к востоку от Молдавии, в каких-то сотнях километрах от дома Марчела, и какая разница, кто он, этот человек в военной форме. Подумав это, Марчел инстинктивно покосился на руку незнакомца, но никакой нашивки с флагом на рукаве не заметил. Ясно, что дезертир, вот только чей?

Зато он увидел темную кожаную папку, которой военный прикрывал живот.

– Может, вам врач нужен? – робко спросил Марчел, а незнакомец показал дулом в противоположный угол. – Что, простите?

– От двери отойди, говорю. Туда встань.

Сделав несколько шагов к центру сарая, Марчел вспомнил, о чем ему напомнила эта папка. Вернее, этот жест – жест человека, прижимающего к себе папку. Он вспомнил фильм с Михалковым в роли авторитета, в рыжем парике и в малиновом пиджаке – там-то и был этот парень, вечно ходивший с папкой. Бандюган, прижимавший к себе спрятанную в папку свинцовую пластину, которой надеялся уберечься от пуль. Правда, подстрелили его как раз в тот момент, когда он бук-

важно на минуту оставил папку в другой комнате. Неужели и этот надеется, что его спасет кусок металлической пластины?

– Мне нужно побыть здесь пару дней, – сообщил незнакомец. – Нужна вода и еда. Хлеб, колбаса, ну и помидоры какие-нибудь.

– Ну это можно, – согласился Марчел.

– И деньги, – добавил незнакомец.

– Какие деньги? – механически спросил Марчел.

Незнакомец хмыкнул.

– Твои конечно. Леев пятьсот найдется?

Еще чего, подумал Марчел. Может, выгоднее сдать тебя полиции?

– Если что-то пойдет не так, – дуло пистолета выписывало круги в воздухе, – ну там, менты, например, нарисуются...

– Нет, ну что вы...

– Я не договаривал. Не то что менты – если кто другой войдет в эту дверь, – дуло пистолета для верности указало на единственную дверь в сарае, – назад уже не выйдет. Это понятно?

– Понятно, – вздохнул Марчел.

– Так что там с деньгами? – напомнил военный. – Неси давай.

– Прямо сейчас?

– А тебе что, в банк нужно сгонять?

– Ну... – замаялся Марчел, прикидывая, какой частью заначки он может пожертвовать.

Ох, уж эти деньги! Все двенадцать лет, пока Лидия убирала дома в Италии, накопления Марчела росли как бюджет какого-нибудь Монако – уверенно и без потрясений. Он мог не беспокоиться, что в один не очень прекрасный момент не хватит денег на выпивку – денежных переводов от жены вполне хватало на то, чтобы не спиться, но при этом не киснуть вечерами одному, без бутылочки коньяка или баклажки пива. С пандемией все переменялось, и не к лучшему.

Во-первых, потеряв работу в Италии, вернулась домой супруга. Во-вторых, Марчелу пришлось долго объяснять, куда он мог потратить, по приблизительным подсчетам Лидии, не менее семи тысяч евро из денег, присланных ею за все эти годы. Его ссылки на вечно дорожающие коммунальные услуги, на бесконечный рост цен на хлеб, яйца и остальные элементарные продукты, без которых простому человеку не прожить, не говоря уже о разносолах, супругой принимались во внимание, но не снимали главного вопроса. На что, черт возьми, он мог потратить по меньшей мере семь тысяч евро?

Наконец, в-третьих, пожившая в Европе Лидия хотела увидеть какой-никакой бизнес-план. Проще говоря, когда и ради чего Марчел собирался оторвать задницу от дивана, чтобы наконец приносить в дом более-менее стабильные суммы денег?

На сарай, на который много лет назад, еще до итальянской одиссеи Лидии, возлагал надежды Марчел, супруга давно успел наплевать. В свое время Марчел собирался открыть в нем пункт вулканизации шин, проявляя тем самым заботу об односельчанах: не ездить же им, в самом деле, в Кишинев – залатать прохудившееся колесо?

Затем родилась идея получше – так, по крайней мере, решил Марчел. Сделать в сарае – не вместо сарая, а в самом сарае – гостиничный номер, выдав его за местную крестьянскую старину. В какой-то мере это было правдой, ведь сарай построил еще отец Марчела, а сам Марчел и палец о палец не ударил, чтобы подлатать его уже порядком подгнившие стены. К тому же в селе жила легенда о том, как когда-то сюда привезли самого Гагарина, и даже в центральной прессе публиковали фотографию первого космонавта, перевязанного полотенцем с молдавским национальным узором – так издавна принято помечать свадебных свидетелей. Марчел планировал найти ту самую фотографию, распечатать ее и повесить на стенке сарая, в котором якобы и заночевал Гагарин, изрядно устав после той самой свадьбы.

Увы, смелые проекты так и остались нереализованными идеями, о которых и сам Марчел

со временем позабыл. В свое оправдание он думал о том, что никто, включая Лидию, не стал бы инвестировать в его задумки, а без денег даже самые гениальные идеи не стыдно и позабыть.

- Так что там насчет денег? – напомнил незнакомец. – Пятьсот леев неси.
- Сейчас, сейчас, – засуетился Марчел, когда понял, что пришелец не шутит.
- Пятьсот сейчас и пятьсот за каждый день, пока я буду тут кантоваться.

Село Крожушна – дыра на окраине рая. Сами крожушэнцы, и Марчел в их числе, считали, что обитают в предместьях поднебесья. С холма, на котором раскинулось село, виднелось озеро Гидигич, за которым, совсем уж где-то в овраге, виднелись в дымке панельные коробки столичного Кишинева. Сколько себя помнил Марчел, все крожушэнцы не то что желали, но точно ждали того дня, самого дождливого дня в истории, когда воды Гидигича наконец прорвут дамбу и хлынут, смывая все на своем пути, прямо на столицу. Осеняя себя крестным знамением, крожушэнцы будут с тоской и душевным подъемом смотреть, как утопает столица, благодаря Всевышнего за то, что он даровал им счастье родиться и жить на холме, в Крожушне, на земле их спасительной малой родины.

Но годы шли, а Гидигич все не разливался, и даже дамба, на непрочность которой возлагались такие надежды, теперь выглядела неприступной и даже высокомерной, если так можно выразиться не о человеке, а о творении рук человеческих. Теперь озеро заметно обмелело – так, что и семидневный ливень не погубил бы жителей Кишинева, которые осмелели до того, что каждые выходные в теплое время года не боялись гневить подводного демона Гидигича, сотрясая пристроенную прямо к берегу озера огромную веранду ночного клуба, названного одновременно претенциозно и предсказуемо – «Бали».

На раскинувшемся на берегу озера клубе теперь и держалось благосостояние семьи Марчела. Ведь на этом пирсе – крохотном, если смотреть с противоположного берега, – куда, однако, влезало до трескот развращенных деньгами и удовольствиями жителей молдавской столицы, лениво съезжавшихся на Гидигич начиная с вечера пятницы, идеально совпали стремление администрации «Бали» удивить выдавших виды клиентов и умение Лидии готовить десерты, которым она овладела, убирая в доме одной итальянской старушечки.

Старуха была провинциальной актрисой, так и не ставшей звездой балета, но сохранившей в старости гастрономические пристрастия, которые, видимо, и помешали ей стать примой театра «Ла Скала». Панфорте, канноли, семифредо, панна-кота и конечно тирамису. Теперь эти десерты стали визитной карточкой клуба «Бали», более того, многие дамы вытягивали своих мужей и любовников на Гидигич уж не для того, чтобы подышать на природе болотным амбре, висевшим над озером, и даже не для того, чтобы слушать заезжих ди-джеев, которых выдавали за звезд мировой величины. Десерты, которые нельзя было в Молдавии больше попробовать нигде – вот из-за чего от слова «Бали» начиналось слюноотделение, и из-за чего однажды Марчелу, который теперь регулярно доставлял приготовленные женой сладости, пожал руку сам владелец клуба.

– Никто не должен знать, что вы делаете для нас десерты, – сказал он Марчелу. – Не дай бог я узнаю, что где-то в городе, в каком-то сраном кафе завелись такие же десерты, как у нас – яйца тебе оторву.

Марчел не нашелся что ответить, хотя и общался не с супругой.

– А вообще, я вами очень доволен, – сказал хозяин «Бали» и протянул Марчелу свою отмазочную руку.

О том, чтобы поднять, хотя бы процентов на десять, закупочную цену на десерты, Марчелом не было сказано ни слова, хотя именно за этим он и напросился на встречу с хозяином. Впрочем, короткой беседы, вернее, монолога хозяина хватило, чтобы убедить Марчела в главном. В их с Лидией положении стабильность – лучшая из добродетелей.

Иногда Марчел представлял, как на своем ржавом опеле везет, как всегда днем в пятницу, коробки с десертами на другой берег озера. По дороге машина переворачивается, и он, окровавленный, торжествуя, видит над собой не врача и не полицейского. Видит он хозяина клуба, пунцового от гнева, изо рта которого прямо на лицо Марчела летят разъяренные слюни:

– Что ты натворил, гад? Чем я буду кормить всех этих уродов?

Вытащив из большой коробки лоток с двенадцатью пирожными, Марчел подошел к двери сарая. Заканчивался второй день пребывания незнакомца, и Марчел хотел выяснить, по крайней мере для себя, возможны ли другие варианты расчетов.

– Здесь больше, чем на пятьсот леев, – протянул он лоток военному. – Вы можете неплохо на них заработать, честное слово!

Дуло пистолета, которое не появлялось со вчерашнего дня, теперь снова уверенно уставилось на Марчела.

– Шутка хорошая, – сказал незнакомец. – Но последняя, пока я здесь. Договорились?

Марчел вздохнул и направился к выходу. Ничего не поделаешь: придется лезть на колокольню.

На площадке колокольни хранилось самое ценное воспоминание Марчела о детстве и о родителях. Так уж вышло, что даже фотографий родителей не осталось, и маму с папой Марчел видел лишь на крестах в те дни, когда посещал их могилы на сельском кладбище. Но здесь, прямо под колоколом сельской церкви, взгляд Марчела останавливался на жестяной коробке, от одного вида которой у него сжималось сердце и слезы сами собой сочились из глаз. Небольшая металлическая коробка с кометой, разрезающей бесконечную темноту Вселенной, коробка, в которой когда-то родители купили конфеты, вкуса которых Марчел не помнил, да и вряд ли когда-то их пробовал. Зато он отлично помнил, что мама хранила в коробке нитки с иголками, и с удивлением узнавал, что, кажется, у всех знакомых его возраста родители подобным же образом использовали железные коробки из-под конфет.

Пока Лидия горбатилась в Италии, коробка лишь пополнялась, пока не заполнилась до суммы, эквивалентной примерно семи тысячам евро. Но как только супруга вернулась, Марчел поспешил спрятать заначку там, куда Лидии точно не добраться – на его, Марчела, рабочем месте.

Приглашение стать сельским звонарем Марчел получил сразу после того, как предыдущий звонарь, Василе, упал с колокольни и разбился насмерть. Батюшка Георгий чудом избежал больших неприятностей – спасло его лишь то, что Василе упал не вовремя службы, а поздним вечером, и что убили его, будучи вдрызг пьяным. Оперативная группа, осмотревшая место происшествия, обнаружила более пятидесяти бутылок на площадке звонницы – пустых, полупустых и ещё не распечатанных, и все их изъяла для приобщения к делу.

Марчел не стал повторять ошибки предшественника, твердо решив для себя, что ремесло звонаря и сухой закон – синонимы. И все же его немного согревала мысль о том, что если он ненадолго оступится и сорвется с площадки, заначка вряд ли достанется Лидии – скорее всего деньги изымут и приобщат к делу, как коллекцию алкоголя Василе. Да и кто в здравом уме полез бы на такую высоту, тем более после недавней трагедии?

Поднимаясь на свое рабочее место в нерабочее время, Марчел думал о том, что в его жизни явно наступила черная полоса. Мало того что он, как дурак, лезет на колокольню, чтобы обеднеть еще на пятьсот леев из-за непонятого подонка, место которому или в тюрьме или на фронте, так еще ему не доплатят целую тысячу леев за репетицию, которую на завтра назначили в церкви.

Такое, на памяти Марчела, случалось впервые. Репетировать должны были венчание дочери Чебана, владельца Крожушенского винзавода и местной же маслобойни, человека, которого боялись и на которого молились все односельчане. Еще бы не боялись, ведь перейти ему дорогу

означало в лучшем случае бежать из села, побросав все пожитки. Еще бы не молились – какой-никакой, но постоянной работой в Крожушне обеспечивали лишь его предприятия.

Сам Чебан, загоравший перед свадьбой дочери где-то на островах, решил самолично удостовериться, что к его приезду, к которому невеста с женихом намеренно подгадали дату бракосочетания, по крайней мере, венчание пройдет настолько же гладко, как открытие нового разливающего цеха на винзаводе.

– Говорят, он отвалил батюшке тысячу евро, только чтобы тот согласился как бы обвенчать их до венчания, – сказал Марчел, отсчитывая пятьсот леев пятидесятилеевыми купюрами.

Досада давила ему грудь, и Марчел не выдержал, рассказал о странном капризе местного миллионера своему незваному гостю.

– Без звонаря они будут репетировать, – проворчал Марчел. – Что им, тысячи леев жалко, что ли? Говорят, Чебан по интернету будет смотреть, чтобы все прошло как по маслу. Жмот хренов.

Пересчитав деньги, незнакомец задумчиво взглянул на Марчела.

– А ты все равно пойдешь туда, – сказал он.

– Куда? – не понял Марчел.

– В церковь. На репетицию эту самую. Сейчас-то они тебе, может, и не заплатят, но пусть видят, что ты бесплатно пришел. Типа, переживаешь, как все пройдет, и все такое. А там, глядишь, и лишнюю тыщонку, а может и две, подкинут после настоящего венчания.

А что, это идея, решил Марчел. Его вдруг накрыло такой признательностью к незнакомцу, что он едва не полез в карман за еще одной пятидесяткой, но вовремя спохватился.

– И вот что еще, – сказал военный. – Уезжаю я завтра. Ты перед тем как пойдешь в церковь, зайди ко мне. Не хочу оставаться должником.

Господи, неужели черная полоса сменилась белой? Целые сутки Марчел ждал – нет, не репетиции – а того момента, когда он вновь переступит порог сарая. Он сразу понял, что имел в виду незнакомец. Разумеется, он вернет все деньги, пусть и без процентов, но у Марчела все равно было такое чувство, что он вот-вот сорвет куш, выиграет джекпот в лотерею. Он даже прихватил с собой лоток с пирожными на дорожку незнакомцу, заранее наплевав на крики Лидии, недосчитавшейся двенадцати трубочек канноли. Пошла она, чертова дура! Пора, наконец, гаркнуть на нее как следует, а может даже треснуть кулаком по затылку. Подумав об этом, Марчел переступил порог сарая и сам получил удар в затылок, успев понять, что пирожные разлетаются в стороны, а сам он летит мордой в пол.

Снилось Марчелу, что он лежит в купе на нижней полке и что поезд, мерно покачиваясь, пролетает мимо ярких фонарей за окном, и рельсы попадают в стыки, и Марчел, едва не срываясь с кровати, так и не находит в себе сил, чтобы проснуться. Затылок болел от твердой подушки – проводница, что ли, камнями ее набила? А тут еще и соседи по купе, невидимые, но с надоедливыми голосами, что-то бубнили над ним, и Марчелу хотелось продрать глаза и наорать на них, но было в их разговорах что-то нехорошее, он слышал этот самоуверенный тон, словно его разместили в купе к проводникам, где они – хозяева.

Он не собирался просыпаться, но разговоры соседей становились невыносимо громкими, и прикидывая, что именно он им скажет, чтобы не нарваться на еще большие неприятности, Марчел понял, что лежит на каталке с открытыми глазами, а свет, который он принял за проносившиеся за окнами вагона огни фонарей – всего лишь лампы дневного света на потолке больничного коридора.

Повернув голову вбок, Марчел увидел старика на каталке, которому что-то говорил человек в белом халате. Старик, похоже, не слышал или не вполне понимал, что ему говорят, только ошале-

ло смотрел сквозь доктора, а может даже пробивал взглядом потолок. Не без труда подняв голову, Марчел увидел, что накрыт простыней, которую попытался скинуть с себя.

– Эй! – окрикнул его голос, и каталка остановилась, а над Марчелом возник человек в белом халате.

Но Марчел уже успел увидеть, что одет он в камуфляж, точно такой, в который был одет незнакомец в его сарае.

– Нельзя раскрываться! – приказал Марчелу человек в халате. – Лежите спокойно! За папку не волнуйтесь, ее забрали полицейские.

Как бы не болел у Марчела затылок и как бы плохо не соображала голова, он сумел оценить абсурдность слов доктора.

– Папка? – спросил он, и удивился слабости своего голоса. – Какая еще папка?

– Кожаная, – сказал доктор. – Черного цвета.

Эти последние дни на родине Марчел не показывал и носа из квартиры. Из съемной квартиры в кишиневском районе Ботаника, которую Лидия, шокированная нападением на мужа, догадалась снять на следующий день после происшествия.

Кожаная черная папка, подброшенная Марчелу вместе с напавшей на него военной формой, содержала всю хронологию зверств, совершенных знаменитым дурлештским маньяком в 2010 году. Преступления, потрясшие Молдавию и до сих пор не раскрытые. Здесь были и первые сообщения об обнаруженных в лесопосадке трупах старшеклассников, девушки и парня, и последующие сообщения с еще более ужасными подробностями – об обнаруженных на телах огнестрельных ранениях и, наконец, целая подборка материалов, подтверждающих предварительные выводы следствия о том, что жестокое преступление совершено маньяком-одиночкой и что обнаружить его будет крайне непросто.

Оглушив Марчела, маньяк обменялся одеждой с лишившимся сознания хозяином сарая, всунул папку Марчелу под мышку и, натянув на глаза провонявшийся кислым потом Марчелин картуз, вышел из двора и направился к церкви.

Первым был убит водитель жениха и невесты, стоявший в дверях церкви и включивший на телефоне видеотрансляцию для Чебана. Сделав неожиданный кульбит, камера телефона, до того бесстрастно фиксировавшая фальшивый обряд венчания, устоялась в церковный свод, переключив внимание единственного зрителя трансляции на изображения святых. Маленькое темное пятнышко, появившееся на камере так же внезапно, как и смена плана, медленно расплывалось, меняя цвет от почти черного до темно-бордового, а затем и алого. Затем раздался крик, отчаянный и короткий крик, в котором Чебан не мог не признать собственную дочь, после чего какое-то время еще слышалось невнятное бормотание – где-то вдалеке, словно спор соседей в коридоре. Следствие установило, что после расправы над женихом и невестой убийца позволил батюшке прочитать молитву, и лишь после этого застрелил и священника. Звук выстрелов не зафиксировала и камера телефона – полиция посчитала, что пистолет убийцы снаряжен отменным глушителем.

Расправившись с несчастными, человек, одетый точь-в-точь как Марчел, сел в машину жертв и спокойно выехал из села. Машину обнаружили через сутки, в лесопосадке, примерно в тридцати километрах от места преступления. У убийцы было достаточно времени в сарае, чтобы продумать, а за время, прошедшее после убийств – осуществить действия, которые позволят ему еще недели, месяцы, а может, как и до этого – годы – оставаться неуязвимым.

У Марчела же не оставалось времени даже для того, чтобы вернуться домой.

– Об этом не может быть и речи, – сказала Лидия, и Марчел даже не решился вслух согласиться.

После всего происшедшего он справедливо решил, что лучшее, что сейчас можно сделать – это молчать и делать все, что говорит жена. У Лидии же словно включился второй двигатель, который она перевела в режим ожидания сразу по возвращении из Италии. Значит так, – диктовала она планы на ближайшее будущее таким тоном, чтобы Марчел понял – это и есть планы на всю их оставшуюся жизнь.

– Переждем в Кишиневе, – объявила Лидия, забирая Марчела из больницы, и уже через полчаса они въезжали в съемную квартиру.

Почему не у твоей троюродной сестры, хотел спросить Марчел, но промолчал – в данном случае, чтобы не сойти за совсем уж полного идиота. Факт невиновности в Резне в Крожушне – а теперь страшное преступление в церкви имело все шансы войти в историю именно под таким названием, – так вот, факт невиновности Марчела не отменял намерения Чебана в полной мере покровиться хотя бы с тем, кого он считал причастным к трагедии и главное – до кого мог дотянуться. Ничего перевозить из дома Лидия, разумеется, не планировала и даже отказалась от первоначальной идеи отправить в Крожушну бригаду грузчиков с ключами от их с Марчелом дома. Деньги и документы она предусмотрительно захватила с собой, остальное же за границей не понадобится.

Да, за границей, и на этот раз – в Англии. Спасительной идеей стало самое простое решение – позвонить землячке Аделине, с которой Лидия почти посменно работала в Италии. Иногда, чего скрывать, у них случались скандалы – обычно из-за площади квартир клиентов. Бывало, что кто-то из них – а в этих случаях взаимовыручка земляков неизменно проигрывала алчности – вне оговоренной заранее очереди отхватывал себе квартиру побольше, за которую полагалась более высокая плата. Теперь все обиды остались в прошлом – там же, где молодость, большая часть здоровья и прежние силы. Теперь Аделина не жаловалась, работая на гораздо более тяжелой работе, ощипывая птицу на птицефабрике под Манчестером. Более того, она была счастлива и того же счастья обещала и Лидии.

– Тем более что и ты же вакцинирована, – на всякий случай уточнила Аделина. – Здесь без этого никуда не берут

А вот муж Аделины, Борис, которого она сдуру потащила с собой из Италии в Англию, теперь трудился на той же ферме, отмывал куриный помет и ежедневно устраивал супруге темную. Его, почетного донора Милана – звание, которое в Италии официально отсутствовало, и все же на которое Борис наработал в прямом смысле собственной кровью, в Англии не подпускали и близко к автоматическим дверям донорских центров. В Милане ему хватало на жизнь четырех кровопусканий в месяц, все остальное время Борис отлеживался, отъедался, отпивался кофе в дешевых прибрежных кофейнях и уже вполне сносно обсасывал местные сплетни с такими же бездельниками мужского пола, которым повезло родиться итальянцами.

Англия разбила мечту Бориса, так удачно воплотившуюся в его беззаботном миланском периоде. Прodelав титаническую работу по поиску вакцин против коронавируса, Англия стала первой страной, запретившей принимать кровь у всех, кто хоть раз привился спасительными вакцинами. А таких к западу от Ла-Манша насчитывалось едва ли не все население Британских островов.

– Мой не привит, – сдерживая восторг, уточнила Лидия в телефонном разговоре с Аделиной.

Мысленно Лидия поблагодарила Господа, что тот хоть раз даровал мужу проблеск ума, недоумив Марчела прятаться в сарае – в том самом злосчастном сарае, – когда во время пандемии поползли слухи, что под видом вакцинации будут насильно вживлять компьютерные чипы, способные по команде взрывать организм изнутри. Что ж, крови он мне хорошо попортил, решила Лидия, пусть теперь расплачивается своей собственной.

– Полетим из Румынии, – Лидия продемонстрировала Марчелу электронные билеты из Ясс в Лондона. – В нашем аэропорту нас наверняка уже ждут. Тебя ждут, это уж точно. Или ты не хочешь лететь со мной?

Нет, конечно! Да, конечно! Марчел понятия не имел, каким еще жестом ответить жене, чтобы не выбесить ее, напоминая о собственных непростительных грехах. Все что он сумел сделать – это взглянуть в глаза супруге глазами старого пса, на мгновение застывшего в дверях живодерни.

– До Ясс придется ехать на такси, хоть это и будет дороже, чем самолетом в Лондон, – констатировала Лидия. – Но на автовокзале нас тоже могут ждать. Вот почему от тебя одни проблемы? Поедешь, куда ты денешься. Кровь там сейчас нужна, пусть даже кровь такого придурка как ты.

Она уходила на кухню, оставляя Марчела одного в единственной комнате съемной квартиры. Даже теперь, глядя в окно и не узнавая в нем Кишинева, Марчел не решался вздохнуть, чувствуя себя Гулливером, который под страхом смерти не должен, пусть даже ненароком, погубить карабкающегося по его великанской губе лилипута. Подняв руку, Марчел рассматривал свои вены и мрачнел, находя их ясными и полнокровными. Вены были похожи на контурные карты, которые в школе их заставляли заполнять на уроках географии.

Думал ли он тогда, что география станет главным предметом в его жизни? Что все эти реки, проливы и города, где ему еще предстоит пожить, сотрут линию жизни на его ладони до полной нераспознаваемости, как протектор на десятилетних крышах его древнего опея. И что все, что останется от него – это пара жилистых рук и кровь.

Кровь, которая спасет тех, кого Марчел не выбирал.

Алина ВИТУХНОВСКАЯ

Колыбельная

Цель оправдывает средства.
Смерть оправдывает детство.
Бытие дает Ничто.
Чёрт играет в «Спортлото».

А субъект на всё взирает.
Ничего он не прощает.

За слезиночку ребёнка,
За шерстиночку котёнка,
За сансарную тюрьму
Нет прощенья никому.

Химеры

Сжимает плоть в руке мозолистой
Архетипический не-бог.
Избавить от химеры совести,
Тебя никто, мой друг, не мог.

Но весь в махеровом-химеровом
Шарфе как будто бы в петле,
Ты так болтаешься уверенно
И в русской тьме, и в русской мгле,

Что здесь наверное, став скверною,
Ни от химер, ни от оков,
Терпенья вечного империю
Освободить он не готов.

Белый шум

Ничто не могущий зачать
Безумный графоман

Алина Витухновская родилась в 1973 году в Москве. Публиковалась в журналах «Новый мир», «Дети Ра», «Новая Юность», «Дружба народов» и др. Автор пятнадцати книг стихов и прозы. Лауреат премии «Нонконформизм-2010» и др. Живет в Москве.

Все шепчет – «Не могу молчать!»
И плещет яд в стакан.

Пока ты панцирем не врос
В землю, в гроба твердь,
Ты возвеличивать невроз
Всегда спешишь успеть.

Ты полагаешься на чувств
Избыточный предел
Об этих русских Заратустр
Ты, обтесав, посмел

Стать их идейным королем,
Их нищенской тьмой,
Их патетическим нулем,
Их жаждой вековой.

Ты, впаянный в родную речь
Магический узор
Не смог ни выткать, ни разжечь,
Вам здешний Мальдорор.

Не памятник нерукотно
И не властитель дум,
Ты ткёшь ничто из ничего,
Сползая в белый шум.

Аум

Мавромати – Христос в формате.
Хочешь пей его, хочешь ешь.
Все на чем-то распяты.
Брошь похожа на брешь.

Пыль – на петлю на шее,
Терпение – на тщету,
Христос похож на кощя,
Тревожащего пустоту.

Воздух пахнет зарином.
Дети кричат: «Аум!»
В Токио смерть незримо
Играет в людей, как в DOOM...

Трансформации

В детстве
Я была
Больше
Мира.
Потом –
Стала меньше –
Почти микроб.
Потом ещё меньше –
Почти человек.
И только в конце,
Потом
Я
Стала больше Небытия.

Непрощенье

Я себя как растение из мести ращу,
Чтоб сразить всё, что я никогда не прошу,
Ведь от смерти моей до рождения
Ничему невозможно прощенье.

А вокруг так просчитаны все простецы –
Наши матери это и наши отцы,
Оправдатели зла и мученья,
Что в расчёте живут на прощенье.

Как старуха процентов живёт на процент,
Как на химии раковый жив пациент,
Там где жизнь лишь имеет значенье,
Отменяя субъекта. И кто не субъект –
Тот за вечное пьёт возвращенье.
Но и он не получит прощенья.

В этом русском кровавом кошмарном снегу,
В этом жутком сансарном бытийном кругу
Для того лишь себя я тогда сберегу,
Чтоб сбежать от в других превращения.
И себе я желаю того, что врагу –
Никакого мне тоже прощенья.

Ведь оно есть смирение пред волею зла,
Как на шее моей совпадение узла
И шарфа, и руки оказалось удавкой,
Как в том мире, описанном Кафкой,
Ты проснешься однажды тем Йозефом К.,

Пустотою, занозой, куском паука,
По стене что посмертно размазан.
Да вот так ты и будешь наказан.

Потому что объедок, объект, не субъект.
Потому, кто полюбит тебя, и убьёт
Разложиться на плесень и липовый мед –
Это в сущности цель человечья.
Вас, идущих той цели навстречу
Никогда не приму, не пойму, не прошу.
Я свою бестелесность оставляю плащу
И в кровавом исчезну тумане
Без обманов, прощений, прощаний.

Это вой отрицаний, где волею шук
Голышом вам станцует шелкунчик из мук
Состоящий ореховый танец.
Бытия здесь проснется повстанец,
Чтоб не вторить отныне творенью,
Где ничто не достойно прощенья.

Камень

Кто первый бросит в меня камень,
Увидит тот, что сам я – камень.
Кто – мою рукопись в камин,
Увидит – сам я тот камин.

Кусчуй НЕПОМА

МИР, ДАЛЕКИЙ, СПРАВЕДЛИВЫЙ, СЧАСТЛИВЫЙ

Рассказ

13 августа 1941 года подросток Степан Круглов был схвачен во время облавы на улицах Пскова. Чуть ранее, в полдень того же дня, в одном из дворов нашли заколотым финским ножом ефрейтора 36 пехотной дивизии вермахта Гельмута Глэкнера. Немцы молниеносно провели карательную акцию в отношении местного населения: десять русских за одного убитого немца. Недалеко от городского рынка остановился грузовик с двумя десятками солдат. Женщин и детей не трогали. Среди задержанных были два старика, два подростка, остальные – взрослые мужчины. Одним из подростков и был Степан Круглов, пятнадцати лет от роду, работавший слесарем в паровозном депо.

Степан не сопротивлялся, когда его волокли к столбу, врытому у кирпичной стены. Да и что он, дохляк, мог поделаться с двумя крепко сбитыми солдатами вермахта! Ему вывернули руки и стянули их за столбом вытянутым из штанов Степана ремнем. Удивительно, но Степан и допустить не мог, что с ним сейчас случится что-то плохое, ведь он всего лишь выскочил на несколько минут, чтобы выменять на рынке пачку папирос. В самом деле, невозможно было поверить, что вот он, только что бывший живым, вдруг непонятно почему прекратит свое существование. Не иначе как все происходящее сейчас было какой-то игрой, кинематографом. И потому с каким-то особым любопытством Степан стал разглядывать то, как слева привязывают к столбу отчаянно сопротивлявшегося худого мужика в разорванном пиджаке, смотреть на то, как с другой от него стороны старик закусил седую реденькую бороду, а косящий глаз его налился кровью, на то, как лениво выстраивается напротив солдатская шеренга, с каждым мгновением все более ровная, на то, как офицер, заложивший руки за спину и разглядывавший развалины на противоположной стороне улицы, медленно покачивается с пятки на носок, словно маятник настенных часов, на то, как какой-то мальчишка лет восьми, по малолетству не боясь ничего, грызя ноготь, рассматривает карабин одного из солдат. Степан увидел еще одного офицера, по всей видимости не до конца вылечившегося после ранения и потому опиравшегося на трость. Трость сейчас мешала ему настроиться на съемку фотоаппарат. То, что это был фотоаппарат, Степан понял сразу, как только блеснул на солнце открытый объектив, такие он видел в фотокружке при дворце пионеров. Фотодело давно его интересовало, все эти экспозиции, ракурсы, фокусные расстояния, проявители и закрепители казались ему магическим миром. Но купить себе какой бы то ни было фотоаппарат, конечно, не было возможности. А сейчас немец возился с камерой, не зная, куда пристроить мешавшую трость. В конце концов он поманил пальцем мальчика и протянул ему трость, жестом приказав стоять рядом. Офицер-маятник, не переставая раскачиваться, оглянувшись, что-то кратко спросил. Было похоже, что он, а вместе с ним и вся шеренга солдат, ждут, когда же все будет готово к съемке.

Кусчуй Непома (Михаил Петров) родился в 1966 году в Рыбинске. Окончил Ленинградский технологический институт им. Ленсовета, аспирантуру. Переводчик испаноязычной литературы. Переводы выходили в издательствах «Амфора», «Азбука», «Симпозиум», «Наука». Автор сборников «Иоахим Воль, передвигатель шахматных фигур» (Луганск: Шико, 2011) и «Треугольник случайных неизбежностей» (Луганск: Шико, 2013). В «Волге» публиковалась проза (2014, 2016, 2017, 2020). Живет в Санкт-Петербурге.

Много бы дал Степан за возможность, как было когда-то в фотокружке, взглянуть в видоискатель, подобрать экспозицию, навести фокус, нажать на кнопку. Он даже как будто ощутил, что руки его освободились от ремня и он больше не привязан к столбу, он свободен, и более того, в руках его фотокамера и пальцы крутят кольцо резкости, а глаз прильнул к видоискателю, оценивая композицию кадра. Еще мгновение – и он нажимает на спусковую кнопку. Птичка! Пальцы, преодолевая сопротивление механизма, перематывают пленку на следующий кадр. Следующий кадр!.. И в этом ощущении свободы, в котором мир видится через прорезь видоискателя как последовательность кадров, Степана меньше всего интересует он сам – тот парень, что с выкрученными руками ощущает спиной отполированный столб с бурыми подтеками, его мало интересуют и другие привязанные к столбам несчастные. Ведь ничего страшного не произойдет, всего лишь один кадр сменится другим, и он, Степан Круглов, будет жить бесконечно долго, переживет эту войну, в которой наши обязательно победят, а враг будет непременно разбит. А он конечно же увидит через видоискатель фотоаппарата новый мир, далекий, справедливый, счастливый. И вот он уже видит себя солидным взрослым человеком, вчера отметившим тридцатипятилетие, идущим по длинному коридору, на лице его улыбка, он невольно косится взглядом на край подола синего халата молодой сотрудницы городского архива, на чулки, скрывающие крупные икроножные мышцы, на завязанный на затылке хвост, маятником качающийся на спине.

– Какое у вас редкое по нынешним временам имя, – сказала она, когда он назвал себя.

Степан пожал плечами: имя как имя. Как назвали, на то и отзываюсь.

– А у меня самое обычное – Оля.

Степан пожал ее маленькую, но крепкую ладонь.

– Пойдемте, я вас провожу в спецхранилище. Там вы сможете и переснять все, раз у вас и разрешение начальства есть.

И вот Оля открывает дверь в конце коридора, показывает на столик у окна, перекладывает стопку книг и общих тетрадей на подоконник, освобождая для него, Степана Круглова, место. А потом кладет на стол ту папку, которую до сих пор бережно несла в руках. И Степан видит на этикетке написанные от руки буквы: «Негативы. Псков 1941–1942 гг. Фотографировал механик Эрнст Валлиш. Пленки прислала его дочь Ингрид Кройтер».

Он сказал спасибо, проводил взглядом Олю: тот же хвост, раскачивающийся маятником на спине, тот же край синего халата, те же скрытые чулками плотные икры. Дождавшись, пока она прикроет за собой дверь, Степан дернул за белые тесемки, открыл папку. Внутри сверху лежали завернутые в бумагу нарезанные по шесть кадров негативы, он достал одну полоску, посмотрел на свет и снова завернул негативы в бумагу, отложил в сторону, потому что в папке под описью лежали фотографии.

Месяц назад Степан оказался в Пскове со съемочной группой. Снимали несколько интервью для сюжета об оккупации Пскова. Кто-то из интервьюируемых обмолвился об этих фотографиях, однако тогда этому факту не придали значения, да и командировка уже заканчивалась. Но потом, когда пересмотрели-переслушали интервью, вспомнили об этом. И вот Степан напротился снова поехать в Псков. В гостинице удалось выторговать себе одноместный номер. Устроившись, Степан вышел в город. Был вечер, все деловые мероприятия он успеет сделать завтра. А сегодня можно отдохнуть. Вечерний Псков, теряющий жар летнего дня, был гостеприимен: фонари на улицах и скверах, кафе, гуляющая молодежь. Время от времени Степан снимал на свой фотоаппарат зарисовки вечернего Пскова. Потом он свернул на какую-то полутемную улицу. Одинокий фонарь освещал несколько врытых в землю столбов возле старой, почти развалившейся кирпичной стены. Какое-то безвременье сквозило в этом грустном пейзаже. Он сфотографировал его.

Вся его десятилетняя работа на студии документальных фильмов не превратилась пока в рутину. Рабочие командировки, встречи с новыми людьми оправдывали переход из скучного изда-

тельства на Фонтанке в бурлящий идеями дом на Крюковом канале. Это был другой ритм жизни, другой способ существования.

Степан не спеша перебирал фотографии из папки. Полуразрушенная колокольня с висящим почти в пустоте колоколом. Советский танк КВ с разбитой гусеницей на улице. Столб с указателями на немецком языке – зашифрованные названия частей, и лишь две понятные: Pocznow, Leningrad. Переправляющийся через реку паром с двумя бронемашинами... Все-таки удачная вышла командировка. Он ведь и не рассчитывал, что удастся так быстро добиться разрешения переснять фотографии. Спасибо Оле за содействие, приятная девушка. И симпатичная... Военный духовой оркестр на фоне свастики на сколоченной сцене и слушающие его немецкие солдаты и местные дети. Отдыхающий на железной кровати немецкий офицер с книгой в руках. Медсестры с офицерами у входа в госпиталь. Застолье немецких военных со свечами и фарфоровым чайным сервизом... Надо будет пригласить Олю на обед. В качестве благодарности за участие. Или на ужин, ведь время обеда уже вышло. Нет, ничего кроме ужина, поскольку у него поезд. А жаль, ведь мог побыть в Пскове и подольше... Рыбный рынок на берегу около моста, прилавок, весы с гирьками, горка мелкой рыбешки. Портреты горожан: сидящая на бревнах женщина в лаптях и рваном пальто, прижимающая двух девочек лет пяти в обносках, старик с седой бородой, щурящийся на солнце, две женщины, тянущие повозку с гробом... Ничего не стоило ведь выбить себе лишний день командировки. Подумал, что успею. Да и прав оказался, успел, но можно было и не спешить. Оля эта весьма соблазнительная девица. Да и обручального кольца он у нее не заметил...

На обратной стороне одного из снимков было написано: «Август 41-го. Расстрел десять за одного». Столбы, привязанные к ним несколько человек, карабины, вытянутые стволы в их сторону. Напряженные лица зрителей. Сбоку кадра размытое лицо мальчишки. Один из привязанных к столбам выглядел странно, не было в нем испуга, испуга перед неминуемой смертью. Напротив, на его губах застыла улыбка, он смотрел прямо в объектив фотоаппарата этого, как его... Степан посмотрел на обложку папки. Эрнста Валлиша, механика Эрнста Валлиша... Следующий снимок был с той же точки, только тела теперь обвисли бесформенными тюфяками. Между этими двумя снимками было мгновение. Мгновение длительностью в ружейный залп. Степан снова перевел взгляд на предыдущий снимок. Подумал, что еще миг и... Степан почувствовал толчок в грудь, резкая боль пронзила мозг, голова стукнулась затылком о столб и опустилась на грудь, в то время как глаз его продолжал выхватывать через волшебный видоискатель папку с фотографиями, вид из окна на кирпичную стену, девушку с убранными в хвост волосами, сидящую напротив него – видения из другого мира, далекого, справедливого, счастливого.

Сергей ТРАФЕДЛЮК

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ЛОТОС

И тогда, окинув взглядом обезглавленный монолит розового мрамора,
замыкающий вход в наш одомашненный сквер,
узнав всех прильнувших к нему безымянных героев,
что взбежали на три ступени над уровнем забвения,
я соберусь с духом
и выберу Великую Историю Повседневности,
оставив безумцев штурмовать пантеон

Потому что верую,
насколько хватает глаз
(а хватает на рожицу тренажёров посреди пятиэтажности,
на балку с коралловой башней электропередач
над слоями гаражного рифа,
на дробление огней по фасаду далёкой гостиницы,
что незаметно переходит в морскую рябь,
и над всем и всеми – небо в пятнах Роршаха)

потому что верую,
что пока гудит вытяжка и янтарные капли жира переливаются на плитке,
пока слышен хруст корма и собачья пасть пахнет пряной гнилью,
пока музыка движется в плейлисте по неведомой траектории
и надувается кожа алоэ,
пока мы с тобой сочиняем перед сном бесконечную сказку под названием
«Ларёк с видом на вселенную»

и время наплывает и уходит куда-то,
как волна, набежав, поглощает гальку,
а потом опадает и пропадает в ней

да, я верую, что пока всё так,
плитка крепка под пустым пьедесталом,
а парк остаётся парком,
и монолит не спасёт никого,
ну разве что в жаркий июльский день – женщину с охапкой пакетов,
решившую перекусить капустным салатом из супермаркета
в тенишке на ступенях

Сергей Трафедлюк родился (1986) и живет в Севастополе. Окончил филологический факультет Черноморского филиала МГУ им. Ломоносова. Публиковался в изданиях «Знамя», «Сибирские огни», TextOnly, «Полутона», «ХИЖА» и др.

И так благодатна тень,
что она съедает
все 200 с чем-то там грамм
и сама себе говорит:
здесь так хорошо, боже мой,
не достать ли ещё винегрет?

Купить магазинчик сантехники и бытовой мелочевки он всегда считал не самой амбициозной, но безопасной идеей. Малому человеку малый бизнес – так он это сформулировал. На витрину, мимо которой проходили спящие обитатели спального района, он выставил таблички с любимыми цитатами, а между табличками – горшочки с крохотным плющом. Получилось достоверно.

«Богатым нужно уметь стать, а бедным может быть каждый»
Автор неизвестен

Если бы в его магазине был сейф, он сложил бы в него воспоминание о том, как в 7 классе незаметно зашёл в туалет для девочек и прогулял два урока, заперевшись в кабинке и слушая звуки, до которых не мог дотронуться.

«Школа стоит денег, но ничто не может так воспитать человека»
Бенджамин Франклин

На его макушке росла родинка, которую мама называла божьей коровкой, хотя напоминала она скорее шляпку мясистого гриба. После развода родителей и переезда он стал носить бейсболки, под ними волосы напоминали истоптанный осенний газон.

«Важно не то, что у вас есть, а то, что вы с этим делаете»
Автор неизвестен

По-настоящему запил он только раз, когда Марта уехала в другой город к незнакомцу. Через две недели она вернулась. Месяц они спали в разных спальнях и не разговаривали. Только спустя десяток лет, после заурядного домашнего воскресенья со знакомыми, она призналась, стоя спиной к нему и вытирая посуду, что смогла заговорить с ним только после того, как сделала аборт. В тот вечер была его очередь читать спальную сказку сыну, и он дочитал оставшиеся 9 глав без пауз.

«Легче зажечь одну маленькую свечу, чем клясть тьму»
Конфуций

Первый раз он почувствовал это, когда пошёл на работу продавцом в магазин у дома: время сегментируется на часы. Как спокойно знать, что вместе со стрелкой ты движешься по кругу познаваемого быта. Писк сканера напоминал ему ритм кардиограммы.

«Я не трудился в своей жизни ни одного дня. Я только получал удовольствие от работы»
Томас Эдисон

Когда Юра закрыл себя в туалете в ресторане, он сначала смеялся, потом, когда понял, что под перегородки не пролезть снизу, а сверху слишком узкая щель, испугался, что сейчас каким-то невозможным образом не сможет попасть к сыну. Никто не знал, как открыть дверь, Юра орал во всю силу, вышибать дверь казалось опасным (он будто видел, как дверь с размаху расшибает маленькую голову). И он полез наверх, втискивался в узкую щель под треск рубашки. В этот момент, застряв под потолком, под него-дующий крик Марты, он снова стал смеяться, как ненормальный. Но чувствовал себя нормальным как никогда.

*«Действие – настоящая мера интеллекта»
Наполеон Хилл*

Марта была очень набожной, но никогда не навязывала ему своего строгого и до-тошного хождения в храм. Когда ему было 32, он проснулся, посмотрел на часы – было 2:41 ночи – пошёл попить на кухню и впервые попросил о чём-то Бога: никогда не да-вать ему выбора, убивать или нет ради собственного спасения.

*«Когда вы знаете что-либо – смело отстаивайте это, когда вы не знаете чего-либо – спокойно признавайте это. Вот где истинное знание»
Конфуций*

В фотоснимках всегда были неправда (цвета не те, что в жизни) и недостаточность (они только напоминали о вкусе жизни, но оставляли горькое послевкусие). Чем меньше фотографий, тем меньше вещей заслоняет настоящее, вечное прекрасное сегодня и сейчас. Он никогда не играл в лотерею и не думал о том, что случится после смерти.

*«Оптимизм слеп, пессимизм горек»
Жан Кокто*

Взгляни на него через солнечную пыль стекла: вот он выкладывает удлинители на прилавок, и вдруг чувствует что-то, что сильнее его. Оглянувшись по сторонам (никого нет, не бойся), он подходит к одному из стендов, крепко прижимается спиной и чешется вверх-вниз, вверх-вниз, как слон о ствол дерева. Прямо сейчас он испытывает безмыс-ленное блаженство.

*«Жизнь похожа на такси, вы можете быть водителем или пассажиром. Выбор за вами»
Роберт Кийосаки*

Нет, как будто всё ещё проще. Жизнь – это чередование растений и слов, растений и слов, просто чередование растений и слов до тех самых пор, пока не настанет черёд кого-то ещё.

В тележку из супермаркета она загрузила всё, что смогла распахать по оранжевым сумкам

Целая гора одутловатых переспелых мандаринов с вмятинами – так и хочется раско-вырять

Урожай жизни собран так некстати, до срока

И вот она идёт через дикий парк, и парк всё не может решиться: одичать в лес или остаться в уме?

Несколько часов или дней колёсики прыгают и заваливаются в колдобины – асфальт вспучился мускулами корней и держится из последних сил

Из всех дорог только эта кажется знакомой, – думает она и выходит на лужайку

Администрация парка поставила здесь два деревянных лежака, а между ними покосившийся железный столик – если какой-то безумец донёс бы сюда коктейль, то его можно было неспешно выпить

Незаслуженная чистая поляна с щетинистым бодяком на висках

Она ставит тележку у лежака и вытягивается на нём во всю усталость

Жарко, не меньше 30 градусов, и впереди долгий путь

Она снимает футболку цвета хаки, стягивает выцветшие бриджи и распускает живот

Ветер искушает, и вот на траву ложится пожелтевший от пота лифчик

Тихая грудь посреди текущей в никуда зелени

Так проходят новые часы и новые дни

Так много часов

Так много дней

Что она успевает вспомнить

Всё здесь создано для меня, – думает она и тянется рукой в нежность травы, чтобы нащупать высохший лифчик, провести пальцами по его изношенным косточкам

В одиночной аллее рядом с трамвайной тропой
приземлился ковёр-недолёт
за скамейкой притих ковёр-невелик

будто выполз из соседнего дома растоптанный
еле живой
в лопнувших весь капиллярах

А на нём под сизым засаленным одеялом

спите вы
спите вдвоём обнявшись
скрутившись в чёрствый кренделёк
валяетесь выкинутые
лежите усталые
посреди одиночной аллеи

Укрываетесь не от холода больше
а от жизни
самодовольно копошащейся в своём выдуманном порядке

Хорошо дышать вялым телом под спёртым саваном
хорошо обманывать всех вокруг

Там внутри ты сжимаешь её сломанную лапу
с нежностью жены
уходящей вслед за фараоном
что ведёт за собой широким обманывающим жестом
сонм тварей земных:
и стражника и коровку и ребёнка и котёнка

В новом царстве никто вас не разлучит
и никто не указ вам лежать за скамейкой до тех самых пор
пока земля не споткнётся
о небесный бордюр

что-то треснет – и узоры зодиака сдвинутся с места везде
кроме ковра за скамейкой
и звёздное крошево посыпется в ваши
замороженные рты

Зинаида и Валентина

На втором этаже на окне белой краской написаны две кривые буквы

Под одной сидит Зинаида

Под второй сидит Валентина

На двоих 148 лет, и не собираются останавливаться, будто склеены в зародыш долгожителя

Зинаида отвечает Валентине:

– Ты вот что, не перебивай. В 6 лет он играл с другими мальчишками и забрался в куст ежевики, толстые жала впивались в его голые плечики и худосочные ляшечки, но он, представляешь себе, продирался всё глубже, и никто его так и не нашёл, пока ночью во дворе не раздался плеск – бледная мать выскочила из дома и выдохнула разом всю ярость: он сидел в ливневой бочке весь в черных дырочках, как если бы его искушали звёзды

Валентина отвечает Зинаиде:

– А я тебе говорю, что в 13 лет он, бесценная моя, втиснул тощий задок в шину, болтающуюся на верёвке, просунул ноги вперёд, а торс торчал с другой стороны – как если б его перекусил чёрным ртом прозрачный червь, и так он раскачивался над пустынным озером посреди лесочка по соседству, туда-сюда, туда-сюда, и тут, несчастная ты моя, голова его с треском ударилась о ствол, а сознание вылетело и уселось на дереве поблизости наблюдать, а он чудом повис в шине, а в воду падали только комья крови, и глупые рыбы птенцы всплывали из глубины и глотали их, пока он не пришёл в себя и не шлёпнулся и не поплыл среди рыб как равный

Зинаида отвечает Валентине:

– А ты дай мне сказать, и сразу всё поймёшь. В 21 он сбегает вместе с девушкой на дюны рядом с холодным морем. Стоит недолгое лето, они оказываются одни посреди длинной полоски летучего песка и тут же раздеваются догола, бросают одежду где попало и бегут, бегут себе, как две стриженные собачки, падают и кувыркаются, встают и валятся снова, пока ноги вязнут и вылетают из песка, как лёгкие стебли без корней, и вот наконец девушка падает и больше не хочет подниматься, а он уже давно хотел бы остановиться и забыть о всей этой монотонной красоте. Но тут – как так, представляешь себе, – укол и боль, он поднимает ногу и видит на ступне кривой разрез. «Что ты будешь делать с этим?» – спрашивает она. «Да что угодно. Что захочу – то и буду», – говорит он и больше не видит вокруг ничего, кроме её загорелого тела.

Валентина отвечает Зинаиде:

– И всё-таки я скажу, хоть ты и перебиваешь меня постоянно. В 27 он знакомится с местной художницей, ну, она уехала уже давно куда-то в Европу. Ты же знаешь этих художников, родная, они все хотят одного – раздеть тебя и заставить мёрзнуть, а сами смотрят и рисуют, смотрят и рисуют. Эта поначалу казалась приличной, но спустя пару встреч приглашает его в мастерскую. Он заходит и видит своё обнажённое отражение, только нет там никакого зеркала и никто – поверишь ли? – не раздевался. «Ну как тебе картина?» спрашивает художница. – Мне чуть-чуть осталось. Назову её “Патриот”. Видишь, – говорит, – на нём ни одежды, ничего нет, только рука защищает сердце». «А почему, – спрашивает он, – ты нарисовала его только по шею? Почему шея упирается в верхний край?» А она ему: «Так тебе же лучше знать». Вот так, родная моя.

Зинаида отвечает Валентине:

– Да всё ты врёшь, совсем не так было. Он спросил её: «Что же ты со мной сделала?» А она: «Освободила тебя». «Нет, что на самом деле ты сделала?» И вот тогда, представляешь себе, она развела вот так руками и вздохнула: «Освободилась».

Обе замолкают и смотрят в окно, где слабо различимые силуэты плывут по проложенным маршрутам. Наконец одна отвечает другой:

– Всё это, конечно, интересно, но ты, родная моя, не забывай, что уже появился на горизонте день, в котором мы едем по железной дороге в открытом грузовом вагоне, пока между скамеек под ногами дрожат ветки и уголь, мы едем и едем и наконец дорога выползает прямо к океану, худосочные песчаные дюны вылизывает глубокая вода,

подсвеченная в верхних слоях до голубизны, и всё побережье, представляешь себе, истыкано соснами. Мы сходим на станции, тащимся мимо будки смотрителя – он сидит на стуле, спрятавшись за огромной козлиной попоной, и заводит по громкоговорителю то сирену, то просьбу заменить его, боже мой, на этом посту, тащимся мимо кассы с женщиной, сморщенной и окружённой выдвижными ящиками с ярлыками, – она пытается объяснить горстке пассажиров в сальных пальто, через сколько часов ближайший поезд – ну хоть какой. Но мы идём мимо, хорошая моя, прямо к океану, в котором то тут, то там болтаются люди – по одиночке и целыми семьями. А вообще они не то что болтаются, скорее стоят на одном месте, их головы как птицы, усевшиеся на воду, позволяют волнам трепыхать их ленивые мысли туда-сюда, туда-сюда. И мы с тобой, представляешь, качаемся недалеко от берега, а потом подплываем к пучку сосен, волны накатывают и покрывают их ноги целиком. Мы забираемся в укромное местечко между стволами, от ударов прибоя на нас сверху что-то падает, мы поднимаем головы и видим, что эти сосны, как и все другие, лишены хвои, только узлы шишек повсюду. Всё качается вода, туда-сюда, туда-сюда, и каждый раз, добираясь до наших тел, теряет всю внутреннюю черноту и становится просто солёной тяжестью, мы держимся за стволы изо всех сил, упираемся ногами в вязкий песок, чувствуем, как то ли песчинки, то ли рыбки щиплют ступни, а иссушенные шишки всё падают и падают на наши головы. Я уже не помню, что мы тут делаем, уже не помню, как тебя звать и кто ты такая вообще, я помню только длинную монотонную дорогу в грузовом вагоне, сквозь тоннели и через мосты, вдоль океана, всегда вдоль океана, и знаешь, хочу тебе сказать, я всё-таки рада застрять с тобой один на один среди этих чёрных сосен. Почему-то мне кажется, что тут нам наконец хватит времени на всё.

У Палыча

Спустя неисчислимый слой лет после закрытия

я захожу в пельменную «У Палыча» на улице Ленина

Тут ничего не изменилось

Я всё так же собираюсь заказать пельменей, но боюсь положить хоть один в рот

и всё так же меня встречает только жужжание ламп под потолком

Ничто не шевельнётся, когда я сажусь за столик

Нелюдимый полумрак

Но тут боковым зрением я улавливаю бледный блик слева

Из-за плеча ко мне прижимается длинный аквариум, а в нём плавают топлёно-белые жабы

Кто забыл их выловить во вчерашнем бульоне?

Ко мне они испытывают не больше интереса, чем липкая клеёнка и стреко-
чущий свет и Палыч, растворившийся в интерьере

Кроме меня, тут ничего не изменилось

На этот раз я не избегаю по лестнице прочь из мутного подвала и наблюдаю за апатичным вращением жаб

Проходят минуты, минуты, часы, часы

и наконец жёлтый ил начинает оседать

а слепые глаза судорожно фокусируются на мне

Возможно, им начинает казаться, что впервые за вязкую муť непрерывно длящегося мгновения

аквариум расширился и вобрал в себя нечто большее

или оказался не таким уж замкнутым, а может, и не таким бесконечным

Как же такое возможно?

Ну вот так, например

Жабы всё ближе и ближе ко мне, и вот я начинаю различать их приплюснутые прекрасные лица

И не просто различать – я узнаю их:

лица тех, кто пел в тупике разбитой набережной и трусливо уплывал к другим берегам, утопая в диване

тех, кто, как вол, возделывал сад и ничего не мог поделать с жестокой не-взаимностью жизни

тех, кто бежал, сломя голову, через посты и границы, пока тело покрывалось рубцами

тех, кто прислонился к стеклу троллейбуса, пока он совершает и совершает бесконечный, тянущийся дольше всего на свете поворот направо, к очередной площади

тех, кто жил, жив и только собирается жить, чего бы это ни стоило и сколько бы ни переполняло мир каплями боли

Пленники и пленницы Палыча

ваша кожа вот-вот лопнет от полноты невидимой крови

так что пора, пора

Стекло аквариума истончается и перестаёт разделять всё на свете

так что подвал и улицу Ленина и все промежутки до самой макушки город-
ского холма и весь помутневший от засвета воздух

заполняют жадные

необратимо родные глаза

вылепленные из любви

ослеплённые вспышкой встречи

Никто не понял, куда пропал ветеринар Смертин
Просто в какой-то момент посреди октября он не пришёл в клинику
и с тех пор регулярно перестал в неё приходить

Давным-давно, до того как отдыхающие отрастили лёгкие и выползли на сушу,
он лечил от чумки собаку Броньку,
и тогда я не догадывался о его фамилии

Луна начинала морщиться с одного бока, в кратерах зарождалась гниль,
на гугл-картах что-то росло и мутировало, как в чашке Петри,
а ветеринар Смертин переехал в собственную клинику на краю ойкумены

Он не любит принимать по выходным, потому что набегает орда безумцев, чтобы
подрезать когти спицам

Он всегда говорит быстро и с нажимом, будто лепит из теста очереди человеческие
пирожки: «Следующий, проходите, пожалуйста»

Иногда мы с большой осторожностью пишем ему в личку ВКонтакте (там он
скрывается под ником из нулевых) – он всегда отвечает
Может, и сейчас бы ответил, но боязно проверять

Кто бы ни спросил в клинике, где Смертин, ему отвечают: будет через месяц
И так весь октябрь, весь весь ноябрь, весь декабрь, весь январь
Есть что-то правильное в этой предсказуемой неопределённости

Есть что-то правильное во всём, что происходит от прогулки до прогулки,
от прививки до прививки,
от розового носа до хвоста

Смертина нет
Но рано или поздно этот бесконечный месяц
неожиданно кончится
и Смертин придёт

И тогда кому-то обязательно станет легче –
хоть на один отчищенный коготок

Когда снег начал медленный спуск
по невидимому лабиринту

я подошёл к прилавку
под тяжёлым, как взгляд, навесом
и спросил:

– Почему же вы не укрыли младенцев
одеялами?

Только тут я и понял:
это мёрзлые курочки
лежат рядом

Ну и как отличить их озноб
от озноба рынка?

Но ты
вопреки огромной реальности
размотала флисовый платок и укрыла их окоченелые тельца

– Ну а как же ты и твоя поясница?
Чем согреешься –
ни одна же стена не спасёт
от повсеместной метели?

– Я дождусь апреля,
когда он там ни наступит.
И они никуда не денутся.
Да, малыши?

Да – отвечают курочки
из-под корки молчания

Да – отвечают голенькие
и перьями шевелят

Признак того, что я прихожу в себя:

хожу по неродному городу, и городские сумасшедшие кажутся родными,
в абракадабре их жизненных выборов прощупываются рёбра,
и ни одно не сломано

Дед, чья голова в ковбойской шляпе с огромным пластиковым цветком лотоса
вырастает из горнолыжного дутого костюма, будто набитого унавоженной землёй

Мужик, деловито курсирующий по улицам на велосипеде с бройлерной курочкой на руле

Рыжая дворняга в парке – она лает на черепах в пруду, а потом ложится около пальмы и заворожённо смотрит вверх, но там, среди высокомерной листвы, никогда никого нет

Я видел каждого из вас, неприкаянные гении места, собрал вас, как ачивки в игре, но не узнаю в вас себя

Однажды вы нашли сокровенный воображаемый кристалл и вступили на великий путь повторений – и так избежали растворения

Когда в город войдёт большая вода, утягивая в вихрь лица и слизывая их черты, вы одни будете крепко держаться за то, что все вокруг считали непозволительным безумием

А после, когда водовороты утихнут,

на блаженной поверхности снова распустится

человеческий лотос

•

В нашей ванной есть два света: маленький и большой.

Маленький – тонкий брусочек над умывальником, растекшийся желток над мокрой скорлупой. Свет для застывшей в нерешительности книги. Свет долгожданного объятия перед сном.

Большой – сплошной белок, затекающий под брюшко унитаза, в пазы кабинки, под закрытые глаза. Свет, замещающий солнечный. Свет, притворяющийся, что его как такового нет, что он и есть мир.

Заходя в ванную, ты всегда включаешь маленький свет и оставляешь его гореть, когда уходишь. А я всегда включаю большой – и гашу его, выходя.

Иногда случается так, что я не замечаю, что ты была в ванной, и включаю большой свет. И тогда горят оба света, маленький и большой. И маленький как будто не виден, растворён в массе большого.

Но потом я выхожу. И выключаю большой свет.

А ты – всё так же там, в темноте.

Крохотный слиток терпеливого ожидания над зеркалом, по которому отпечатки расходятся рябью и исчезают сами собой.

Иван МАКАРОВ

ОСТОРОЖНО! ЗЛАЯ СОБАКА!

(Из смешных историй не очень давнего прошлого)

Все едино...

Так или приблизительно так учил, кажется, древний греческий философ Парменид: все едино. Есть одно, есть другое, но одно по отдельности, по различности от другого об этом самом другом свидетельствует. Одно о другом, другое снова о другом и так далее, но когда-нибудь круг же должен же будет замкнуться? И – все едино.

Так не стоит ли нам все примирить? Так не да здравствуют ли и то и другое?

Еще многие ученые люди об этом говорили...

...Интересно, что они теперь об этом думают?

И что об этом думает древний греческий философ Парменид?

...Одно, другое, единое... Парменид, философия какая-то... Что за чепуха лезет иногда к бедному человеку в голову!

Призрачно суетное существование. Что мы такое? Ничего. Фантомы и миражи. Дым от огня. Тень от дыма.

Один фантом плюс один фантом – два фантома.

Один мираж плюс один мираж – одни миражи.

Двое нас. Я и собака.

Животное видит меня, ощущает. Значит, я есть?

Условие существования: свидетельство.

Кто-то видит: кто-то существует.

Собаку я на улице нашел. Или она меня нашла.

Бедный барбос потерял своих настоящих хозяев.

Кто потерял собаку? И почему потерял?

И вообще, зачем все так часто теряется, и зачем мы сами то и дело теряемся в снежной или осенней мгле?

Вечер был холодный, ветреный, и пес увязался за мной.

Я этого не хотел, глупое животное само увязалось. Я его не стал гнать и в конце концов даже немного ему повистел.

Пес был на вид породистый: хвост пушистый, и уши довольно благородно висели. Правда, я не могу сказать, какой именно он был породы.

Не знаю я всех собачьих пород. Хотя меня и удивляет их разнообразие. Странно даже, как столь различные существа, болонка, например, и московская сторожевая могут быть одновременно собаками...

Странно, впрочем, что и такие разные люди, как Давид и Голиаф, например, могут принадлежать к одному и тому же биологическому виду...

Иван Макаров родился в 1957 году в Москве. Окончил химико-технологический институт и заочно литинститут им. Горького. Работал инженером, слесарем, дворником, сторожем и т.д. Публиковался в журналах и альманахах «Новый мир», «Знамя», «Юность», «Поэзия», «День поэзии», «Плавающий мост», «Крещатик», «Нева» и др. В 2006 году вышла книга стихов. Живет в Калужской области. В «Волге» публикуется с 2017 года.

Или даже такие непохожие, как Альфонсо Кихано и Дон Кихот, как Савл и Павел, могут быть одной и той же особью, одним и тем же человеком...

Приведенный домой барбос недоверчиво обнюхал мою конуру, ступая осторожно, как будто пол был холодный.

Вот, подумал я, подобрал собачку... Зачем? Станный с моей стороны поступок. Собак я не люблю, к сентиментальности не склонен. Подумаешь, потерялась, замерзла, голодная, свободная. Разве она одна такая? Мог мимо пройти и никогда б не вспомнил.

Был некто, серый, как мышь, жил среди пролетариев, сам пролетарий... Пролетарий среди пролетариев... Всем пролетариям пролетарий...

Пролетарий это вовсе не тот, кто одни только цепи имеет. Это доктора выдумали. Пролетарий – это тот, чья жизнь разделена и разъята: на свою и чужую. Чужую на работе и на свою собственную, оставшуюся, которая и есть жизнь сама по себе.

А от этой раздвоенности и несвободы – рефлексия, неудовлетворенность, и что хуже всего – мечтательность. Абстрактность и умозрительность.

Оттого-то и происходят у пролетариев чаще, чем у прочих, разные психические и нервные расстройства, срывы и просто пьянство. Свободы хочется. А ее нет. Остается задумываться.

Был некто, серый, как мышь, жил среди пролетариев, сам пролетарий, на заводе работал технологом...

Это я. Таков уж есть. Ничего не поделаешь.

Жизнь мою можно назвать неудавшейся.

Пороха я не выдумал. Быть облаканным жизнью не уметь.

Жил «как все»: бедно.

Даже, может быть, немного более бедно.

И оттого одиноко. По-пролетарски.

Как-то не все сложилось у меня в нашем категорическом социуме. Может быть, мой резкий и несносный характер тому виной, может, что иное, может, судьба. Не знаю.

Да и не хочу ничего объяснять. Не нужно и не важно.

И бывал я, каюсь, немного озлоблен на все человечество.

Но теперь это, кажется, уже в прошлом. Я давно уже всем все простил.

И пролетарство свое. И обманутые надежды.

Мне, собственно, немного надо: жить дайте.

Но жизнь идет естественным порядком. Будущее туманно, и даже самому удивительно, как я стал в последнее время грустен и одинок, не верится даже, сколько было в моей жизни удивительных дней и ночей, счастливых минут, подвигов, радостей и образцово-показательных застолий...

Правда, надежды на лучшее я все рано не теряю. Вот и собака пристала. Пожалуй, она, кстати, приплась. Одиному человеку жизнь все больше кажется сном, а с собакой я стал как-то ощущать себя, свое присутствие. Один фантом плюс один фантом...

Я вожил свое новое животное гулять, и даже не забывал кормить чем бог послал.

И мое питание от этого улучшилось. Если раньше я мог об этом мало заботиться и обходиться чем попало, то теперь на мне лежало бремя заботы о другом существе. Станешь варить собаке, заодно и себе сварить. Хотя чаще нам на двоих чего-нибудь одного хватало. У нас и вкусы оказались похожи. Или у меня собачий.

Я нашел оставшийся у меня с давних пор поводок с ошейником и выводил своего нового друга гулять...

Да, да... Была уже когда-то в моей жизни собака. Милая, скучная, беспардонная и бесполезная тварь.

Наверно, теперь та собака давно околела, а может быть, ее кто-нибудь в виде шапки носит.

Та собака была не моя, я б, наверно, даже обиделся, если б кто-нибудь сказал, что у меня может быть такая плохая собака... Грешен, ту собаку я не любил.

Но прекрасна была ее хозяйка.

Чудесная девочка, она так же, как и я, неважно себя чувствовала в нашей партизанско-пролетарской действительности, она даже в семье своей девочкой чужой казалась.

Уж не знаю, как и зачем я терпел общество такого бестолкового зверя. Глупое животное все время зевало. Я отворачивался, чтоб не видеть. Зевает собачка. Скучно ей!

Но девочка любила свое четвероногое, и мне приходилось мириться с его существованием...

Все проходит. У нее теперь, наверно, совсем другая собака, а мне остался от них только поводок с ошейником.

Итак, прицепив ошейник к барбосу, я с ним выходил. Мой новый друг, впрочем, и без поводка возвращался. Он где-то бегал, чего-то искал, может быть, прежних своих хозяев искал. Не найдя, возвращался ко мне, виляя хвостом неуверенно и виновато. Видно было, что он грустил от неожиданной перемены декораций в театре его жизни. Но я ему в душу не лез.

Назвал я пса Рэди. Он, хоть и не сразу, привык и стал откликаться.

Глупое, конечно, имя. В английском смысле: I'am ready или: Ready? – Go!

...В средней школе меня учили по-французски. В технологическом институте, к которому я затем-то учился, по-английски... Теперь недоумеваю: зачем? Зачем это мне? С кем разговаривать? Разве только собак называть? Да и не выучился по-настоящему. Теперь отдельные слова только торчат в мозгах, как пни в недовырубленном лесу.

К новой жизни пес, кажется, не очень легко привыкал и ко мне не слишком привязывался. Кажется, я только заменял ему его настоящее, которого он вдруг лишился. Но меня это заботило мало. Каждый волен думать и чувствовать, что он хочет.

К тому же я сам чувствовал себя почти волком, и определенная в этом смысле родственность откладывала на наши отношения свой отпечаток: иногда мы неслышно друг на друга рычали.

Конечно, мы друг к другу самые лучшие чувства испытывали, но безо всяких собачьих нежностей. Я в его душу собачью не лез, полную душевную автономию предоставлял: лай как знаешь. Но и свою внутреннюю свободу, последнее достояние пролетария, ревностно оберегал. Часто, когда пес испытывал особенно сильную потребность в человеческом тепле, внимании и заботе, я довольно холодно говорил: «А пошел ты!..» И отворачивался: не люблю излишеств.

И все же с собакой мне было, конечно, и легче, и веселее. На свете много собак. А у меня раньше собаки не было. Хоть сам лай. Сам и лалял.

А теперь вечер, мелкий дождь, фонари кое-где горят. И два фантома идут по улице: я и собака.

Для чего человек приручает животных? Очень просто. Чтоб в известное время съесть. Живые консервы: утки, курицы, коровы, бараны.

Есть, правда, и рабочие животные: лошади и слоны.

И собаки служат. И охотники, и сторожа. И людей сторожат, и от людей сторожат. И наркотики ищут. И ездят на них, и возят. И слепых они водят, и стада пасут.

А в Австралии до колонизации собак вместо одежды использовали (другой одежды не знали). Брали австралийские женщины живую собаку за задние ноги, и так ходили. Для тепла.

А еще бывают собаки – живые снаряды, выученные с зарядом на танки бросаться...

А у нас, знаю (сколько раз наблюдал), часто-часто держат животных за преданность и бессловесность. Чтобы был рядом кто-нибудь раз и навсегда зависимый и бесправный... Но при этом любят их, конечно, а как же...

Говорят, сладость власти. Понимаю. И, может быть, даже сочувствую. Но мне никакой власти над собакой, ни над кем другим не надо было. А тем более над собакой. И «хозяином» я себя ни сколько не чувствовал. Просто тащил пса за собой по холодной пустыне жизни.

Конечно, я рад бывал, когда пес, набегавшись, сам ко мне возвращался. Но только в практическом смысле, не надо было искать его, глупо крича: Рэди, Рэди...

А пес он был хороший, забавный.

Правда, я давно уже заметил, что в забавности собак нет ничего забавного для них самих. Смеша нас, они сами ничего смешного в этом не находят. Чувства юмора у них нет. То есть, конечно, они, играя с нами радуются, но это совсем другая радость: службы, любви, выполнения предназначения. И они так внимательны, и все время чего-то ждут. А это что-то все не происходит и не происходит.

Но и без чувства юмора мой барбос был славный.

– Рэди, – говорил я, – кошка!

Рэди вставал в охотничью стойку, поднимал уши и начинал искать, и ему неловко было, что он не может найти. Сказано же было: кошка...

Иногда он начинал вдруг ни с того ни с сего (как мне казалось) громко лаять.

– Рэди, – говорил я ему, – прекрати. Бессмысленный и беспорядочный лай не украшает собаку.

Собаки двойко живут. В двух измерениях: с нами, с людьми, и с себе подобными.

Гуляя, они гораздо ближе успевают познакомиться, чем их хозяева. А когда их много гуляет, у них своя социальная жизнь начинается: и любовь, и нелюбовь, и ревность, и мелкое самолюбие.

Собачьи хозяева при этом и сами непременно как-то друг к другу относятся, и не совсем равнодушно порой, но своим четвероногим ревниво сопереживают.

Я, правда, грешным делом, этого собачьего общества не люблю, характер у меня плохой, необщительный... Да и разговоры у них какие-то специфические.

– Наша Вега болела долго, уши у нее болели, к ветеринару ходили, уколы делали, столько денег отдали... А у вас не болел он?

– Как же, – отвечаю, – болел. Триппером и трихомониазом...

Или:

– А чем вы его кормите?

– Знаете, больше сослуживцами, товарищами по работе, кто зазевается. Отвариваю в собственном соку и даю понемногу...

– Ой, да вы шутите... А песик такой хороший...

Раньше я на собак мало внимания обращал. Собаки и собаки, пес с ними, а теперь стал внимательней, и много обнаружилось замечательного и занимательного в их собачьей жизни. Самая, кажется, простая и естественная у собак вещь: обнюхивание. А какие и тут возникают коллизии! Например, здоровенная овчарка и мелкая лохматая дрянь дружелюбно знакомятся и, конечно, начинают кружиться: хвост к голове. Но вот они все ускоряются, как будто кто за кем гонится, как будто большая собака хочет маленькую проглотить, благо пасть ее совсем не намного меньше, чем вся маленькая собака целиком. А на самом деле никакой агрессии нет. Простое знакомство. Все дело в соотношении величин. Большая только поворачивается к хвосту маленькой, а маленькой за хвостом большой приходится уже бежать, тогда большая снова поворачивается к хвосту маленькой, и так они до скорости волчка разгоняются.

А однажды, помню, видел и слышал, приличная старушка тащит на поводке пушистую суку-афганку. А она с лаечкой-кобелем никак расстаться не хочет. Дама ее уговаривает:

– Я понимаю, возраст, конечно, любви не помеха, и все же пойдем домой...

Хуже всего, когда собака где-нибудь выкупается. Выйдя на берег, довольное животное останавливается рядом и немедленно начинает отряхиваться. И вся вода на тебя летит, и не отгонишь сразу: делает вид, что не понимает.

Рэди, правда, ничего такого не проделывал, такой холодной осенью, какая была, даже собаки не купаются. Это я про ту собаку вспомнил, которая теперь неизвестно где.

А самое мучительное в собачьей жизни знаете что? Самое простое. Если не верите, на себе проверьте. Это «гулять» два раза в день, утром и вечером. И не тогда, когда захочется, а ждать, пока выведут

...Много отдельных слов я на чужих языках знаю. Всех в городе собак хватит назвать. Само собой иногда всплывает в памяти.

Помню, в школе учили стихотворение. Про разбитую скрипку, начинается так: Viens, mon chien, viens, ma pauvre bête – Идем, мой пес, идем, мой бедный зверь...

Дальше там все грустно и трогательно. Враги напали на родину музыканта, и заставляют его играть танцы. Он отказался, тогда они его скрипку разбили... И пошел он со своей собачкой... Viens mon chien... Ничего: винтовка в моих руках заменит разбитую скрипку.

Кажется, это Беранже написал...

Там еще были замечательные слова: courage aisé – мужество утраченное, которое возвращает человеку враг – которого надо выгнать (l'ennemi qu'il faut qu'on chasse) – он скрипку разбил...

Почему это все вспомнилось? Из-за собаки? Или просто потому, что давно, в детстве учили, когда запоминается?

А вообще к свиньям собачьим чужие слова! У Некрасова, помните:

*Не торопись, мой верный пес,
Зачем на грудь ко мне скакать,
Еще успеем мы стрелять...*

Так-то! Может быть, еще успеем... – Утешительно звучит.

В осенней городской пустыне глас вопиющего пролетария...

Ничего, уговаривал я то ли себя, то ли собаку, все устроится. Осень пройдет и зима. Весной ты как корова, будешь траву жрать, шерсть у тебя сначала вылезет, потом заблестит... А летом мы поедem в какую-нибудь Тьму Тараканью... Есть ведь где-нибудь на этой планете и для нас какая-нибудь Тьма Тараканья...

Но весны еще далеко было. Еще и зима не вполне началась.

Однажды иду по улице. Без собаки, один. Поздно уже. Устал за день. Сейчас, думаю, выведу собаку и лягу. Остановился прикурить и нечаянно прочел на столбе объявление. Несвежее уже, дождем помытое: пропала собака-кобель... Все сходится – уши, масть, хвост... Вознаграждение гарантируется.

Сам не знаю зачем, записал телефон.

Пришел, прогулял барбоса, дал ему колбасы.

– Что, – спрашиваю, – пойдем тебя возвращать?

Смотрит на меня идиотским благодарным взглядом. Не понимает. Думает, наверно, что я опять рассуждаю о приручении человеком животных в качестве живых консервов. Плохо разбирает связную речь.

Почему-то я все же беспокоился. Нехорошо, думаю, чужую собаку держать. Каких-то детей плачущих себе вообразил. Оплакали, поди, уже своего ненаглядного Трезора... Может быть, и на живодерню ездили... Вдруг и в самом деле про него объявление? Вернуть? Да и зачем он мне, честно говоря? Дом сторожить?

На другой день решил позвонить. Там видно будет.

Позвонил. Слышно было плохо. Все же договорились встретиться.

Женщина за собакой пришла молодая, красивая, только, может быть, слишком худая.

– Ваш песик?

Можно было и не спрашивать!

Барбос завизжал, прыгал, все лицо ей облизал. И хвостом вилял так, что меня чуть с ног не сбил.

– Хорошая, – говорю, – собачка, злая. Жалко даже отдавать.

Мы немного постояли, поговорили. О чем? Да ни о чем. Обо всем сразу. И ей рассказал, между прочим, все, что знаю о приручении человеком животных с древнейших времен в качестве друзей, помощников и живых консервов. И об австралийских женщинах, которые живых собак на себе вместо платьев носили.

Кажется, она не поверила. Смеялась, и мне нравилось смотреть, как она смеется.

Пес во время разговора вокруг нее прыгал и дико визжал от радости.

Потом успокоился немного, а я, наоборот, разволновался, я на его хозяйку смотрю: прекрасна, как смертельный и равнодушный песок пустынь. И как прохлада. И как звезда. Далекая и бесполезная. И платье в меру длинное, и на женщин других не похожа...

В детстве, помню, видел замечательную сценку в каком-то кино. Расставание. Кто-то уходит, кто-то остается, а собака между ними. Не может решиться, с кем ей быть. Вдруг, думаю, и сейчас что-нибудь подобное будет? Она пойдет пса уводить, а он начнет метаться между нами, ни с кем расставаться не соглашаясь... Будет жалобно скулить, не понимая, почему такие хорошие и близкие ему люди идут в разные стороны, и решительно требуя, чтобы все обязательно были вместе...

Женщина на собаке поводок стала менять.

– Как вас зовут?

(Болван, только догадался спросить!)

– Лена.

(А пса, оказывается, Лордом звали. Идиотское название, но что поделаешь.)

– Ну, идем, Лорд, – говорит она ему. И мне: – Спасибо вам.

Я закурил.

– Вы не курите?

– Нет, бросила... Ну, ладно, до свидания...

Рэди-Лорд мне тоже приветливо хвостом помахал, будто приглашая за него порадоваться: вот, смотри, искал и искал, и нашел... Есть все же в жизни справедливость.

– Подождите, – Лена говорит, – простите, забыла... Вознаграждение гарантируется...

Грустно мне сразу стало, неловко, уныло. Какие мы все, оказывается, на свете чужие и посторонние люди...

А она мне рубль протягивает. Бумажный. Желтый, как осенний лист. И смотрит с некоторым интересом. Может быть, я возмущаться начну или еще что-нибудь.

Но я не стал возмущаться. И даже не отказался. Взял рубль.

– До свидания... Только я еще спросить хотел, как он у вас потерялся? Может быть, убежал далеко?

– Да нет... Просто я с козлом одним нажралась до потери сознания... До свидания... Еще раз спасибо...

И ушла с Лордом, покачивая худыми бедрами. Шла – как танцевала.

В самом деле, чего-нибудь этот пес стоит? Безусловно, стоит. Но ведь не больше рубля? Безусловно, не больше. Это ему самая красная цена в самый базарный день.

У попа была кобыла,

Он ее любил,

Она съела кусок мыла,

Он ее убил.

Я шел домой, темнело. Очень сырая и нервная стояла погода. Улицы были пьяным-пьяны и веселы каким-то тревожным нездоровым весельем. Лица, попадавшие мне на пути, были страстно-истерические. Или я их видел такими?

На лицах и куртках рьяных блестела дождевая вода.

Все казалось мне пиром во время чумы. По случаю пирровой какой-нибудь поэмы.

Пьяная баба села в грязь. Я хотел ей помочь, но пока подошел, она уже сама встала. Лицо ее было в грязи, глаза ничего не выражали. Шатаясь, она сделала несколько шагов и сказала, что желает всем здоровья и счастья.

Я добавил к полученному за собаку рублю еще один, железный, и пошел к пивной палатке, потом еще...

Стоя в очереди, я рассматривал собачий рубль. Вся желтизна песка и все золото осени было в этом уже порядочно помятом рубле, а в моем, железном, – только холодное серебро луны.

Ночью в старой газете я прочел на самом верху первой страницы:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

И то же самое еще на четырнадцати языках.

Когда уснул, видел сон про соединяющихся пролетариев.

Пролетарии, сказали, соединяйтесь. И они соединились, склеились, слепились, спаялись. И разъединиться уж не могли.

Единство – это судьба. Так, кажется, говорил сократов духовный отец Парменид.

Соединившиеся, слипшиеся пролетарии имели невероятное число рук, ног, голов, глаз. Но руки, ноги и все остальное могли иметь свободными только пролетарии, оказавшиеся по краям. Те, кто попал в середину, пошевелить ничем уже не могли. Многих, наверно, вообще нельзя было увидеть снаружи.

– Пролетарий, – кричали мне, – иди к нам, соединяться!

– Пролетарии, – отвечал я, – побойтесь Бога! Высвободите хоть немного товарищей.

Какая-то пролетарка улыбалась мне некрасивым красным лицом.

Ни собак, никаких других животных рядом не было.

Собака лает, ветер носит... Одна было залаяла, и ветер унес ее вдаль... Собака предана, собака – друг, собака – чушь собачья... И я однажды на улице целую собаку нашел... И что же?.. Собаки бешеные со всех сторон... С цепи спустились, сорвались, бегают водобоязненные, пену роняя... А пролетариат – это зверь или клетка? Это цепь или это кто на цепи сидит?.. Выпьем за всеобщее одиночество, объединяющее пролетариев всех без исключения стран...

Ничего, девушка... Ничего... Все устроится, Леночка... Мы еще встретимся...

Мы обязательно встретимся...

Там?

Там вдали за рекой?

Неизвестно за какой?

За Яузой? Или за Клязьмой?

Александра СОЛДАТОВА

БЫВАЕТ

Одноактная комедия

Действующие лица:

*Макар – жених, затем муж Марфы
Марфа – невеста, затем жена Макара
Курьер
Сосед
Кассирша 1
Кассирша 2
Голос за сценой*

Сцена 1

*Районный ЗАГС. Комната для фотосессий брачующихся.
Жених с невестой позируют фотографу.*

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ. Вот так, вот так. Больше эмоций! Это самый счастливый день в вашей жизни!!!

МАРФА. Дорогой, что-то не так?

МАКАР. Знаешь, возлюбленная моя, у всех есть свои тайны.

МАРФА. Например?

МАКАР. Например, я пылаю ненавистью к фотосессиям.

МАРФА. А, ну это ерунда.

МАКАР. Но есть кое-что ещё... Я не могу больше молчать!

МАРФА. Ты что-то от меня скрывал?

МАКАР. Да. Я Человек-Морковь.

МАРФА. И как это понимать?

МАКАР. В детстве меня укусила морковь.

МАРФА. Что ты несешь?

МАКАР. И с тех пор я вижу сквозь стены.

МАРФА. Хм, вот как...

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ. Так, я не понимаю, вы по любви женитесь или по расчёту?! Где ваши улыбки?!

МАКАР. А ты, возлюбленная моя, ничего не хочешь мне поведать?

МАРФА. Да нет. Меня в детстве никто не кусал.

МАКАР. Точно?

Александра Солдатова родилась в 1991 году в Пятигорске. Окончила факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова. Работала театральным критиком в газете «Экран и Сцена» и других СМИ, в настоящее время профессиональный фотограф. Проза публиковалась в сетевых изданиях («Формаслов», «Пашня»). Живет в Москве.

МАРФА. Ты меня в чём-то обвиняешь?

МАКАР. Нет, что ты. Просто подумал... Вдруг ты запамятовала... Но всё же... Тебя в детстве случайно не кусал проклятый змий?

МАРФА. Что ты, чёрт возьми, пытаешься сказать?

МАКАР. Дело в том, что я всё лицезрел собственными очами.

МАРФА. Да ну?

МАКАР. Ты подарила свой благоуханный цветок моему троюродному кузену.

МАРФА. Какой цветок?

МАКАР. Ты впустила его в свои священные врата.

МАРФА. О чём ты?

МАКАР. О том, что это он должен сейчас вступать с тобой в законный брак, а не я.

МАРФА. Ох, ну что ты, кукусик мой. Ты самый лучший из всех, кто вступал в мои священные врата. Даже не сомневайся.

Макар сохраняет покерфейс.

МАКАР. Но не первый и не единственный.

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ. А теперь пройдем на этот чудный диванчик и сделаем незабываемую фотографию!

МАРФА. Слушай, это обязательно обсуждать прямо сейчас?

МАКАР. Да нет. Просто подумал...

МАРФА. Подумал он!

МАКАР. Вдруг ты хотела поведать мне до свадьбы.

МАРФА. Не хотела.

МАКАР. Вдруг ты запамятовала.

МАРФА. Не было ничего такого.

МАКАР. Память девичья...

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ. Встаньте перед ней на колено, жених. А вы, невеста, положите руку на его голову.

МАРФА. Что это вообще значит – укусила морковь?!

МАКАР. Мой троюродный кузен. Ты подарила ему свой благоуханный цветок на том балу, где мы с тобой познакомились.

МАРФА. Да я даже не помню, как его зовут!

МАКАР. Василий. В ватерклозете.

МАРФА. Фу, как пошло!

МАКАР. Да, я тоже так мыслю.

МАРФА. Ты уверен?

МАКАР. А ты нет?

МАРФА. Да я была пьяная в хламину!

МАКАР. Бывает.

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ. Ну и последние кадры! Жених, возьмите невесту на руки и покажите друг другу язычки!

МАРФА. А ты правда Человек-Морковь?

МАКАР. Ты мне не доверяешь?

МАРФА. Доверяю, милый. Больше чем себе. Но блин, как ты мог скрывать о себе такой факт?!

МАКАР. Молю о пощаде!

МАРФА. Я прощаю тебя. Никогда больше от меня ничего не скрывай.

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ. В зал торжественной регистрации приглашаются Макар и Марфа.

Сцена 2

Квартира Макара. Звонок в дверь.

МАКАР. Кто там?

КУРЬЕР. Здравствуйте. Доставка «Три Шестёрочки». Принимайте продукты.

Макар открывает.

МАКАР. Ой, а я вас не ждал. Супруга, должно быть, заказала, а мне не поведала.

КУРЬЕР. Бывает. Оплата по карте или наличными?

МАКАР. Предпочту по карте. Ун моман.

Достаёт из кармана карту, прислоняет к мобильному терминалу.

КУРЬЕР. Платёж прошёл. Спасибо, всего доброго. Приятного аппетита!

Курьер уходит. Макар раскладывает продукты. Спустя пять минут звонок в дверь.

МАКАР. Кто там?

КУРЬЕР. Здравствуйте ещё раз. Я вам продукты привёз.

МАКАР. Сызнова?

КУРЬЕР. Нет-нет, дело в том, что я перепутал номер квартиры. Заказ был не в 16 квартиру, а в 19.

МАКАР. Вот как.

Макар сохраняет покерфейс.

КУРЬЕР. Да, но понимаете ли, я на испытательном сроке в «Трёх Шестёрочках». Если они узнают, вышвырнут на улицу. А у меня больше никаких перспектив нет. Я ничего не умею. Я ничтожество. Зато с любовницей и тремя детьми. И ипотекой. И мамой больной. И кошечками.

МАКАР. Тоже больными?

КУРЬЕР. Немножко. Уши им капаем.

МАКАР. Так-так. И что же нам предпринять?

КУРЬЕР. Вы могли бы отнести заказ своему соседу? И попросить его не сообщать в «Три Шестёрочки» о накладке?

МАКАР. Но я уже разложил всё по полочкам.

КУРЬЕР. Ну так соберите, чёрт возьми! Неужели так трудно помочь человеку?! Его женщине, невинным детям, пожилой матери и собакам?

МАКАР. Вы поведали о кошечках.

КУРЬЕР. Да какая на хрен разница!!! Живо собрал всё обратно в пакеты и отнёс соседу!

МАКАР. Да я уже и пакеты выкинул.

КУРЬЕР. Купи иди!!! Пакетов у него нет. Совсем охренели! Разбирайся, тряпка. Наворотил делов, а теперь пакеты ему грёбанные нужны...

МАКАР. Ну не волнуйтесь вы так, пожалуйста. Я попробую что-нибудь придумать.

Курьер уходит.

Сцена 3

В супермаркете «Три Шестёрочки».

КАССИРША 1. Пять пакетов. С вас две тысячи двести пятьсот рублей.

МАКАР. Сколько-сколько?

КАССИРША 1. Две тысячи двести пятьсот рублей.

МАКАР. У меня столько нет, я только наличные взял. Это вообще несуществующая цифра какая-то.

КАССИРША 1. Так, мужчина, я сейчас охрану позову. Или возвращайте пакеты.

МАКАР. Но помилуйте, это же нонсенс какой-то.

КАССИРША 1. А я что, президент, что ли?! Такие цены, бывает. Платите или выметайтесь отсюда. Машка, ты слышь?

КАССИРША 2. Чё такое?

КАССИРША 1. Да тут мужчина пакеты оплатить не может.

КАССИРША 2. Ну нищebroды пошли!

КАССИРША 1. Ну вот и я о том же.

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ. А нельзя ли побыстрее? Тут вообще-то люди скучают.

МАКАР. Да-да, конечно... Я тогда по телефону оплачу.

Подносит телефон к терминалу, с карты происходит транзакция на 24500 рублей.

КАССИРША 1. Ну вот, умница. Забирай свои пакеты.

МАКАР. Жёлтый дом какой-то.

КАССИРША 1. Охрана!!!

Подбегает Марфа в форме охранницы, скручивает Макару руки за спиной, выводит.

МАКАР. Дорогая, что ты делаешь, это же я!

МАРФА (*шипит*). Не мешай мне делать мою работу!

Сцена 4

Квартира Макара. Звонок в дверь.

МАКАР. Кто там?

СОСЕД. Это я, ваш сосед.

Макар открывает.

МАКАР. Что-то случилось?

СОСЕД. Хм, мне очень неудобно говорить, но понимаете ли, тут такой момент...

МАКАР. Какой момент?

СОСЕД. Дело в том, что мы собирались пожарить рыбу. Вы нам занесли продукты сегодня утром. Хватились, а её и нет.

МАКАР. Ах да, точно, простите ради всего святого, запамятовал. Я её в нулёвку в холодильник положил. Сей же час доставлю.

СОСЕД. Бывает.

*Пока Макар ходит к холодильнику, сосед прикарманивает его ложку для обуви.
Макар возвращается.*

МАКАР. А вот и я. Вот Ваша рыба. Простите ещё раз. Она уже разморозилась.

СОСЕД. Просто замечательно, мы как раз ужинать собираемся. Не хотите, кстати, зайти? По-знакомились бы.

МАКАР. Нет-нет, что вы, я не верю в знаки судьбы.

СОСЕД. Ну тогда хорошего вечера.

Уходит.

Сцена 5

Квартира Макара. Звонок в дверь.

МАКАР. Кто там?

СОСЕД. Простите ради Бога, но это опять я, ваш сосед.

Макар открывает.

МАКАР. Что-то случилось?

СОСЕД. Хм, мне очень неудобно говорить, но понимаете ли, тут такой момент...

МАКАР. Какой момент?

СОСЕД. Дело в том, что мы собирались после ужина выпить чаю, а чая-то и нет, как и пряников. Они случайно у вас где-то не завалялись?

МАКАР. Ах да, точно, простите ради всего святого, запямятовал. Мы же чай на балконе храним, а десерты в ящичке отдельном. Сей же час доставлю.

СОСЕД. Бывает.

*Пока Макар ходит за чаем со сладостями, сосед прикарманивает его солнечные очки.
Макар возвращается.*

МАКАР. А вот и я. Вот ваш чай, вот пряники. Простите ещё раз.

СОСЕД. Просто замечательно, что вы их ещё не съели. Не хотите ли выпить с нами чаю? Познакомились бы.

МАКАР. Нет-нет, что вы, я не верю в знаки судьбы.

СОСЕД. Ну тогда хорошего вечера.

Уходит.

Сцена 6

Квартира Макара. Звонок в дверь.

МАКАР. Кто там?

СОСЕД. Это я, ваш сосед.

Макар открывает.

МАКАР. Что-то случилось?

СОСЕД. Хм, мне очень неудобно говорить, но понимаете ли, тут такой момент...

МАКАР. Какой момент?

СОСЕД. Дело в том, что мы собирались позавтракать. А йогурта-то и нет. А я завтракаю исключительно йогуртом – у меня проблемы с пищеварением, по-другому никак.

МАКАР. Ну что за оказия! Секундочку, я проверю холодильник ещё раз.

Пока Макар ходит за йогуртом, сосед прикарманивает его сигареты.

Макар возвращается.

МАКАР. А вот и я. Простите, запямятовал. Йогурт-то я как раз и выпил сразу, как сумки разобрал!

СОСЕД. Но как же моё пищеварение?

МАКАР. Право, не знаю, что и делать... Мне сигаретка обычно помогает поутру.

СОСЕД. Но я не курю.

МАКАР. Тогда пять минут. Я только до супермаркета и обратно. Заходите ко мне, располагайтесь, можете чаю выпить. Чувствуйте себя как дома.

*Пока Макар ходит в супермаркет, сосед прикарманивает
бриллиантовое кольцо его жены и пульт от телевизора.*

Сцена 7

Макар в супермаркете «Три Шестёрочки».

КАССИРША 1. Один йогурт. С вас две тысячи двести пятьсот рублей.

МАКАР. Сколько-сколько?

КАССИРША 1. Две тысячи двести пятьсот рублей.

МАКАР. У меня столько нет, я только наличные взял. Это вообще несуществующая цифра какая-то.

КАССИРША 1. Так, мужчина, я сейчас охрану позову. Или возвращайте йогурт.

МАКАР. Но помилуйте, это же нонсенс какой-то.

КАССИРША 1. А я что, президент, что ли?! Такие цены, бывает. Платите или выметайтесь отсюда. Машка, ты слышь?

КАССИРША 2. Чё такое?

КАССИРША 1. Да тут мужчина йогурт оплатить не может.

КАССИРША 2. Ну нищеброды пошли!

КАССИРША 1. Ну вот и я о том же.

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ. А нельзя ли побыстрее? Тут вообще-то люди скучают.

МАКАР. Да-да, конечно... Я тогда по телефону оплачу.

Подносит телефон к терминалу, с карты происходит транзакция на 24500 рублей.

КАССИРША 1. Ну вот, умница. Забирай свой йогурт.

МАКАР. Жёлтый дом какой-то.

КАССИРША 1. Охрана!!!

Подбегает Марфа в форме охранницы, скручивает Макару руки за спиной, выводит.

МАКАР. Дорогая, что ты делаешь, это же я!
МАРФА (*шипит*). Не мешай мне делать мою работу!

Сцена 8

Квартира Макара. Звонок в дверь.

МАКАР. Кто там?
СОСЕД. Это я, ваш сосед.

Макар открывает.

МАКАР. Что-то случилось?

СОСЕД. Хм, мне очень неудобно говорить, но понимаете ли, тут такой момент...

МАКАР. Какой момент?

СОСЕД. Дело в том, что мы собирались позавтракать. Вы знаете, я завтракаю исключительно йогуртом – у меня проблемы с пищеварением, по-другому никак. Так вот вы принесли мне вчера черничный йогурт. А мне нужен исключительно малиновый с бифидобактериями.

МАКАР. Простите ради всего святого, но понимаете ли, у меня тут тоже такой момент...

СОСЕД. Какой момент?

МАКАР. Дело в том, что у меня бесследно пропали некоторые вещи. Я обыскал уже всю квартиру, но пусто, пусто! У вас случайно, может быть, не завалялись мои ложка для обуви, солнечные очки, сигареты, бриллиантовое кольцо и пульт от телевизора?

СОСЕД. Знаете, ладно, я всё понял. И черничный попить, без бифидобактерий. Было очень неприятно познакомиться. Желаю вам ужасного дня!

Уходит. Макар сохраняет покерфейс.

МАКАР. Бывает.

Сцена 9

Звонок в дверь.

МАКАР. Кто там?

КУРЬЕР. Здравствуйте. Доставка «Три Шестёрочки». Принимайте продукты.

Макар открывает.

МАКАР. Ой, а я вас не ждал. Супруга, должно быть, заказала, а мне не поведала.

Из-за спины курьера выходят Марфа и две кассирши «Трёх Шестёрок». Марфа направляет на Макара крутую пушку.

МАКАР. Что-то случилось?

КУРЬЕР. Да, гнида, случилось! Так сложно было выполнить мою маленькую просьбу? Зажал продукты от соседа? Он, гадина такая, позвонил в «Три Шестёрочки», меня выкинули пинком под зад! Ипотека полетела к чертям, мать умерла, кошки передохли! Поэтому, вот, знакомься, моя женщина и дети. Теперь мы будем жить в твоей хате вместо тебя! Выметайся отсюда!

Макар сохраняет покерфейс.

МАКАР. Марфа, что происходит?

МАРФА. Знаешь, дорогой, у всех есть свои тайны.

МАКАР. Например?

МАРФА. Например, я пылаю ненавистью к уборке.

МАКАР. А, ну это ерунда.

МАРФА. Но есть кое-что ещё... Я не могу больше молчать!

МАКАР. Ты что-то от меня скрывала?

МАРФА. Да. Я Человек-Змея.

МАКАР. И как это понимать?

МАРФА. В детстве меня укусила змея.

МАКАР. Что ты несешь?

МАРФА. И с тех пор я изменяю всем мужчинам, с которыми сплю.

МАКАР. Хм, вот как...

МАРФА. Да. И я уже много лет живу двойной жизнью. Поэтому вот моя вторая семья, любовник и дочурки.

Треплет кассири за щёчки.

МАКАР. Бывает. Мне очень неудобно говорить, но понимаете ли, тут такой момент...

ВСЕ ТРОЕ. Какой момент?

МАКАР. Ты позабыла, Марфа, что я Человек-Морковь. Всё это время я видел тебя насквозь. Твою гнилую душу, в которой нет ничего, кроме неуёмной похоти, ненависти и жажды наживы. Но я терпел, я надеялся, что смогу тебя изменить и переманить на светлую сторону Силы. Теперь же лицезрю собственными очами, что нет тебе ни единого шанса спастись. Поэтому вот вам ключи от моей убогой квартиры, живите долго и счастливо. А я улетаю на своём личном боинге на Мальдивы, где меня ожидает моя трёхэтажная вилла и дюжина верных слуг. Верных, в отличие от тебя, Марфа. Счастливо оставаться и приятного аппетита!

МАРФА. Но блин, как ты мог скрывать о себе такой факт?! И как ты заработал на виллу?!

МАКАР. Я неплохо играю в покер.

*Макар бросает на пол ключи, заталкивает ошарашенную троицу в квартиру
и хлопает дверь с обратной стороны.*

За сценой слышится звук взлетающего боинга.

Марфа подбегает к окну и истошно вопит: «Макар, я же тебя люблю!»

Сцену засыпает вихрь игральных карт.

Май, 2024 год

Михаил БАРУ

ЧЕТЫРЕ ТЫСЯЧИ БУЛОЧЕК

(Окончание. Начало см.: Волга, 2024, № 5-6)

В начале двадцатого века из Петербурга в Вытегру удобнее всего было добираться водным путем. От Петербурга до пристани Вознесенье шел пароход. В Вознесенье нужно было пересестись на пароход, идущий до Вытегры по каналу. Пароход, который так и назывался – «Вознесенье», отправлялся в Вытегру по воскресеньям, средам и пятницам в десять часов вечера по приходе пароходов из СПб. Обратное по вторникам, пятницам и воскресеньям в десять утра и приходил в Вознесенье вечером к отходу парохода в столицу. Билет первого класса стоил рубль восемьдесят, второго девяносто копеек, а третьего всего сорок. В девятьсот третьем к «Вознесенью» добавились еще два пассажирских парохода «Вытегра» и «Скорый». Последний, хотя и назывался «Скорый», но быстрее четырех с половиной узлов, или восьми верст, в час идти не мог. Зато билет первого класса стоил на «Скором» и «Вытегре» всего рубль, а во втором – полтинник.

По счастью, двадцатый век в Вытегре еще какое-то время не начинался. В столицах и в больших городах уже был двадцатый, уже повсюду дымили заводы и фабрики, уже владельцы этих заводов и фабрик не знали, куда деваться от бесчисленных стачек и митингов, уже полиция сбилась с ног, вылавливая агитаторов и распространителей листовок, а в Вытегре еще продолжался девятнадцатый век.

Раз уж зашла речь о пароходах, то скажем, что с пристани в Вытегре каждый год отправлялись грузы на сумму в сто пятьдесят тысяч. Главным образом лес. Принимались же грузы хлебные, бакалейные и другие на сумму в четверть миллиона рублей в год. Епископ Олонецкий и Петро-заводский Мисаил, летом девятьсот шестого года побывавший в Вытегре, писал: «...город Вытегра, находясь при реке Вытегре судоходной, торговый, оживленный; жители города зажиточные, между ними господствуют простота и хлебосольство образцовые».

К простоте и хлебосольству добавим богатые традиции благотворительности. К зиме девятисотого года на средства Евдокии Ивановны Матвеевой, к которым добавились пожертвования вытегорских торговых компаний, благотворительных обществ и различных ведомств, был построен детский приют, торжественно открытый в конце ноября. Евдокия Ивановна была избрана его почетной председателницей. В дополнение ко всем благотворительным обществам, действовавшим в Вытегре к началу прошлого века, в одиннадцатом году открылось Общество покровительства лицам, освобождаемым из мест заключения. Конечно, не у всех были такие средства, как у купчихи Матвеевой, владевшей в уезде лесопильными заводами, но и те, у кого их было немного, старались, насколько могли, принимать участие в делах подобного рода. В докладе Вытегорской земской управы о народном образовании за девятьсот первый год можно прочесть, что «крестьянин Тихмангской волости, деревни Ильинской слободки, Максим Матвеев Глухарев, изъявил желание быть попечителем Ягремского училища с ежегодным взносом по десять рублей в пользу училища, о чем и довожу до сведения Собрания, не найдет ли оно достойным Глухарева избрать попечителем поименованного училища».

К благотворительности прибавим неустанную заботу об образовании. Вытегорскую женскую четырехклассную прогимназию зимой девятьсот девятого года преобразовывают в гимназию – в том же году открывают пятый класс, через год шестой и еще через год – последний, седьмой класс. В девятьсот десятом году наконец открывается в городе реальное училище с семью классами обучения. Наконец – потому, что вытегоры долго боролись за его открытие – собирали деньги, до-

бывались от министерства народного просвещения помощи и даже просили им посодействовать депутата Государственной Думы. От Петербурга помощи не дождались и потому сами приняли на себя обязательство выдавать ежегодно на содержание училища по четыре тысячи рублей, да Олонецкое губернское земство добавило к этим четырём тысячам еще две. Учеников стали принимать из семи уездов Олонецкой губернии и из двух Новгородской. Реальное училище имело экономический уклон. Там готовили мальчиков к занятиям коммерцией⁶⁵. К девятьсот двенадцатому году в Вытегре имелось три средних и два начальных учебных заведения. К этим учебным заведениям прибавим две мастерских – для мальчиков была открыта корзиночная мастерская, а для девочек школа кройки и шитья.

Технический прогресс Вытегру стороной не обошел – в двенадцатом году открылся кинотеатр, через три года на улицах города появился первый автомобиль. Еще раньше, в девятьсот втором, в Вытегре и уезде появились телефоны. Первые телефоны появились конечно же на Мариинской системе и у начальства Второго Округа путей сообщения, потом у купчихи Анны Лопаревой, к которой в деревню Шестово шла отдельная телефонная линия, потом появилась телефонная сеть Вытегорского уездного земства, протяженностью в две с половиной сотни верст, соединившая девятнадцать волостей, а одновременно с ней росла городская телефонная сеть. В ней к тринадцатому году, с которым так любили сравнивать все что ни попадя в Советском Союзе, насчитывался сто тридцать один абонент. По списку этих абонентов, который публиковали в ежегодных памятных книжках Олонецкой губернии, можно представить себе, чем была Вытегра перед Первой мировой войной. Телефоны имелись у владельца телефонной сети Парийского, в городском банке, городской и земской управах, полицейском управлении, кабинете уездного исправника, у его помощника, у полицейского надзирателя первого участка, у заведующего городской больницей, в помещении стражников, земской аптеке, коммерческом собрании, управлении воинского начальника, тюрьме, городском и реальном училищах, почтово-телеграфной конторе, правлении Второго Округа министерства путей сообщения, на пристани Онежского пароходства, казенном винном складе, агентстве Русского страхового общества, типографии, земском бараче, представлявшем собой инфекционное отделение городской больницы, детском приюте, земском сельскохозяйственном складе, в столовой благотворительного общества и даже в чайной попечительства о народной трезвости.

Стояли телефонные аппараты и в городских магазинах – в мебельном купца Дикина, обувном и готового платья братьев Леймановых (на счетах из их магазина отдельной строкой было указано, что торгуют братья не только мужской и дамской обувью, но и резиновыми галошами), модном магазине Смирновой, винном городского головы Шарова, в трех магазинах, торговавших мануфактурой, мясом, рыбой и бакалеей, принадлежавших многочисленному семейству Крашке, которое завело в городе еще и зубоучебный кабинет с телефоном, в писчебумажном магазине купца Плоскирева, в хозяйственном Панова, на пивном складе Соколовой, в частной аптеке, в парикмахерской Хаулина⁶⁶, в городском фотоателье Ньюмана и в меблированных комнатах Букиной и Лессена. К телефонной сети были подключены два лесопильных завода.

Буквально через год телефонная сеть Вытегры увеличилась еще на двадцать пять номеров, и в городском телефонном справочнике появились общественное собрание, дамский портной Лебедев, кондитерская Бреннера, кинематограф, казармы пеших и конных стражников, сторожка Воскресенского собора, потребительская лавка, два магазина, высшее начальное училище, меблированные комнаты Чудова, мельница с лесопилкой городского головы Шарова и доктор Эльконен.

Теперь о прогрессе культурном. В девятьсот седьмом году стараниями начальника Второго округа путей сообщения Чалеева и ряда вытегорских учителей при городском коммерческом клубе был открыт народный театр. Принимало участие в спектаклях около трех десятков человек. Ставили русскую классику – Фонвизина, Островского и Чехова^{67,68}. Коллежский советник и инженер путей сообщения Дмитрий Федорович Чалеев не только был одним из создателей народного театра, он еще и руководил самодеятельным оркестром при Втором Округе путей сообщения. Инженеры Мариинской системы и вообще не стояли в стороне от культурной жизни Вытегры, но

были самыми активными ее участниками. В двенадцатом году по инициативе и на средства инженера Леонарда Францевича Винницкого и директора Вытегорского реального училища Георгия Александровича Сергеева при училищном естественном кабинете был открыт музей местной фауны. Винницкий не только подарил музею свои коллекции, но и пожертвовал две тысячи рублей, на которые приехавший из столицы таксидермист изготовил чучела животных и птиц, добытых в качестве охотничьих трофеев директором реального училища. Часть этих экспонатов сохранилась – до сих пор украшают зал природы Вытегорского краеведческого музея непременно у нас чучело медведя, чучела различных птиц, волков, кабана, ласки, горностаев и редкое чучело вороны-альбиноса.

От музеев перейдем к библиотекам. Если точнее, то к одной из сельских уездных библиотек. Вестник Олонецкого губернского земства в 1907 году сообщал, что в бесплатной народной читальне Вытегорского погоста, согласно отчету библиотекаря, которым был местный школьный учитель, имеется шесть отделов: «духовно-нравственный, беллетристика, география и естествоведение, история, сельское хозяйство и периодические издания. Из названных отделов самый большой – беллетристика. В нем центральное место занимают такие корифеи русской литературы как Пушкин, Лермонтов, Толстой, Достоевский, Тургенев, Гоголь, Чехов и др. Этот отдел и еще отдел исторический, пользуются наибольшим вниманием местного населения. Слабовата детская литература на что и было обращено внимание. Слабо функционирует отдел сельскохозяйственный, самый нужный для практической жизни крестьянина; и это происходит от того, что большинство крестьян не знает даже про его существование, а каталога, хотя бы письменного, в распоряжении публики не имеется».

От книг перейдем к журналам и газетам. Самый образованный в губернии город много читал. По данным Олонецкого губернского статистического комитета в Вытегре в девятистотом году выписывалось без малого шестьсот периодических изданий и столько же в Вытегорском уезде. Вытегра по этим показателям занимала второе место в губернии – первое было у Петрозаводска. Отметим при этом, что в губернском городе Петрозаводске в указанное время проживало в два с половиной больше людей, чем в уездной Вытегре. Так что второе место мы смело можем считать первым. Тем более, что Петрозаводск лишь немного опережал Вытегру по количеству получаемых газет и журналов⁶⁹.

От событий культурных перейдем к некультурным. По данным Вестника Олонецкого губернского земства за девятьсот седьмой год в Вытегорском уезде было продано 26 321 ведро водки. В этом же году в Вытегре было продано 9651 ведро водки, что составило 20,3 литра водки на одного жителя города. В уезде пили немногим больше. Там приходилось по 25 литров на человека. На фоне остальной губернии это была довольно скромная цифра. К примеру, в Олонце на одного жителя города приходилось 38,5 литров водки в год на человека. Как писал Вестник, «То обстоятельство, что наиболее богатые наши города – Вытегра и Петрозаводск – занимают по душевому потреблению водки скромные места, может отчасти объясняться большей культурностью населения их, и, надо думать, большим потреблением пива и дорогих вин». Будем и мы так думать.

Оставим счастливых и состоятельных обладателей телефонных аппаратов, владельцев парикмахерских и кондитерских, любителей драматического искусства, потребителей дорогих вин и спустимся на этаж или даже на три этажа ниже по социальной лестнице. В журналах осенней сессии Вытегорского уездного собрания за девятьсот второй год есть раздел «О назначении пособий разным учреждениям и лицам». В нем можно прочесть о том, что ходатайство акушерки Фроловой «о назначении ее сыну Борису стипендии, приготовленному для поступления в подготовительный класс гимназии, так как содержать его своими средствами она не имеет возможности» решено отклонить, но «иметь ввиду просьбу Фроловой при назначении ей награды»; что прошение дочери псаломщика Ухотского прихода девицы Реговой о назначении ей стипендии для получения образования в Архангельской повивальной школе «оставить без удовлетворения, так как имеется однородное же ходатайство служащего в управе Дьяковского, дочери которого и

предоставить в сто рублей ежегодно для обучения в Надеждинском родовспомогательном заведении». Девица Регова писала, что она сирота и средств на содержание себя во время обучения не имеет, но... Отказали в стипендии и студенту Томского университета 2-го курса медицинского факультета Светлову, несмотря на то, что он обязался прослужить по окончании образования за четыре года стипендии пять лет в Вытегре или уезде. Ходатайство крестьянского сына Ивана Карпикова решили удовлетворить, «назначив ему стипендию в сто двадцать рублей для обучения в учительской семинарии с обязательством по окончании курса прослужить в Вытегорском земстве учителем пять лет или возместить земству затраченные на его образование деньги, поручив управе взять от него подписку и согласие матери его на эти условия». Практиканту при земской аптеке Дмитриеву увеличили годовое содержание на шестьдесят рублей в год «во внимание к его усердию». Он просил «об увеличении содержания, так как получаемых ста восьмидесяти рублей в год при дороговизне в Вытегре содержания ему, при всей аккуратности, не хватает».

Сторож сельской больницы Вонсович в поданном на имя Управы прошении писал, что отдал сына учиться в Вытегорское городское училище и на его содержание и обучение необходимо до семи рублей в месяц, а всего за девять учебных месяцев шестьдесят три рубля, уделить которые из своего жалованья, составляющего десять рублей в месяц, он не имеет никакой возможности. Сторожу в пособии отказали, но сыну помощника уездного исправника Петру Литвинову по просьбе его отца Вытегорское уездное земское собрание назначило стипендию в двести рублей в год до окончания гимназии. Оно и понятно – отказать правой руке уездного исправника их высокоблагородию надворному советнику Христофору Николаевичу Литвинову – это совсем не то, что отказать сторожу Вонсовичу. Впрочем, тут нет ничего удивительного. Удивительно то, что стипендию эту Литвинову-младшему отказался утвердить Олонецкий губернатор, написавший уездным земским начальникам, что «со стороны формальной настоящее постановление является незаконным, да и по существу не может быть призвано правильным, так как если земству и предоставлено право выдавать стипендии, то выдачи таковых должны быть обусловлены во-первых или желанием земства обеспечить себя необходимым составом лиц с известно научной подготовкой, приглашение каковых при местных условиях представляется затруднительным, при этих условиях стипендией может воспользоваться каждый при обязательстве отслужить земству известное число лет за выданную ему стипендию и во-вторых стипендии могут быть выдаваемы в виде пособия на обучение детей тех, кои сами по существующим законам имеют право получать пособие из земских средств. Назначенная же Вытегорским Уездным Земским Собранием стипендия ученику 5-го класса гимназии Петру Литвинову не подходит ни под одно из вышеказанных условий, так как нельзя предположить, чтобы земство нуждалось в услугах окончившего курс гимназии, а так как отец стипендиата будучи человеком непричастным к земству не имеет права на получение пособия, то и сын его не может получить стипендии в виде пособия». Пришлось постановление Вытегорского уездного земского собрания о выдаче стипендии Пете Литвинову отменять. Тут параллель не проведешь. Тут такая загогулина получается...

На той же сессии Вытегорского уездного собрания было решено отправить в Петрозаводск депутацию из четырех человек на празднование двухсотлетия основания города. Депутация в составе председателя уездного земского собрания, председателя земской управы и двух гласных по приезду в Петрозаводск должна была возложить венки к памятнику Петру Первому. На венок ассигновали сто рублей. На проезд, питание и прочие расходы деньги в размере трехсот рублей взяли из запасных сумм. Сторож Вонсович просил шестьдесят три... Все же не хотелось бы создавать у читателя впечатление, что Вытегорское уездное земское собрание... Нельзя не сказать, что на одном из заседаний были выделены пятьсот рублей для городского детского приюта, двадцать пять рублей губернскому попечительству о слепых, сто рублей городскому вольному пожарному обществу на приобретение водовозных бочек, семьдесят два рубля на содержание ремесленной мастерской при одной из уездных церковно-приходских школ, на занятия огородничеством⁷⁰ при той же школе выделили сто двадцать рублей, назначили единовременное пособие в двадцать пять рублей вдове фельдшера Вере Антоновой и, что нужно отметить отдельно, вопреки протесту

губернатора увеличили содержание земских фельдшеров на сто двадцать рублей и на двадцать четыре рубля повысили годовое жалованье сторожу земского училища. Еще и написали в своем решении, что «обоснованное жизненной необходимостью увеличение содержания тех или иных земских служащих вообще не может трактоваться как новый расход».

Прежде, чем рассказать о Вытегре и уезде как о месте политической ссылки, процитируем Олонецкие губернские ведомости за январь девятьсот девятого года: «С 26 декабря по 7 января у нас бывает вторая ярмарка, так называемая Рождественская. На эту ярмарку привозятся главным образом съестные припасы и в особенности всякого рода мясо. В нынешнем году на последнее необыкновенно низкие цены; так цена обыкновенного мяса доходила до 2 руб. 70 коп. и телятины до 4 руб. 50 коп. за пуд. Причиной такой дешевизны послужил большой наплыв каргопольских крестьян, навезших массу мясных туш. Казалось бы, что тут малосостоятельным жителем города представился редкий случай запастись дешевым и хорошим мясом на праздники, но не так на деле вышло. Каргопольцы продавали исключительно целыми тушами, весом каждая около восьми пудов, и потому в результате дешевым мясом запаслись люди состоятельные и местные два мясоторговца (один русский, а другой еврей), которые в то же время и тут же на месте продавали в разновес: мясо по 13 коп. и телятину по 20–23 коп. за фунт. Вообще на мясную торговлю давно следовало бы обратиться городской управе серьезное внимание и установить по образцу благоустроенных городов таксу на мясо, этот главный и необходимый продукт питания, и, таким образом, оградить беднейшие классы населения от эксплуататоров». Вот уже и появились эксплуататоры, от которых нужно оградить беднейшие классы. В начале прошлого века в Вытегре и уезде появились и те, кто борьбу с эксплуататорами беднейших классов сделал своей профессией. Появились не по своей воле, а в качестве ссыльных.

Строго говоря, Вытегра, и особенно ее уезд, и раньше использовались как место политической ссылки – после подавления польского восстания в октябре 1839 года в Вытегру сослали под бессрочный гласный надзор полиции польского дворянина Иосифа Красковского, причастного к организации подпольных революционных ячеек на Украине, Белоруссии и Литве. Через сорок лет в Вытегру и уезд были сосланы несколько десятков горцев, выселенных с Северного Кавказа.

К девятьсот четвертому году в городе и уезде образовалась довольно большая колония ссыльных борцов за права беднейших классов. В Вытегре даже действовал подпольный социал-демократический кружок. Организатором его был не кто иной, как будущий нарком продовольствия Александр Дмитриевич Цюрупа – тот самый, который потом, через четырнадцать лет, придумает продразверстку и будет одним из организаторов продотрядов. Сначала его сослали в уезд, в деревню Тудозеро. Эксплуататоры, с которыми он боролся не на жизнь, а на смерть, обеспечивали его, как и всех ссыльных, казенным денежным довольствием – пятнадцать копеек в день на пропитание и полтора рубля на наем квартиры. На эти деньги, конечно, не разгуляешься, но Цюрупа, видимо, имел другие источники дохода. Крестьянин Софронов, у которого он жил в деревне, вспоминал: «Приехал ко мне осенью в октябре 1903 г. Сначала жил с нами вместе с неделю, потом я выделил ему комнату отдельную, за что он мне платил 3 рубля в месяц. Когда писал письма, я носил их в город, за что он платил 70 коп, на лошади – 1 руб. День его распределялся так: вставал часов в 8-9 утра, пил чай, потом часа 2 писал, потом ходил гулять, затем читал газеты, обедал, после обеда гулял или отдыхал. Мужчина он был здоровый <...> Питался хорошо, ел отдельно, пил какао <...>». Во время ссылки Цюрупа встречался с приезжавшим в Вытегру будущим всесоюзным старостой Калининым.

Воспоминания о том периоде жизни Цюрупы оставили многие. В советское время их тщательно собирали краеведы, и они сохранились в фондах Вытегорского краеведческого музея, записанные на пожелтевших тетрадных листочках. Жительница Тудозера Свистунова вспоминала: «Цюрупа очень любил детей. Всегда по возвращении из Вытегры угощал их конфетами. Дети знали, когда он уезжает в город, и всегда ждали его возвращения. Ходил в длинном черном халате ссыльного. С разрешения урядника выезжал в Вытегру на велосипеде. По возвращении из Вытегры должен был являться к уряднику и докладывал о прибытии. Во время выезда из деревни за-

езжал в лес, где встречался с отдельными гражданами Тудозера и поручал им проводить работу по пропаганде революционных идей. Вручал им листовки для распространения среди населения».

Листовки среди населения распространялись регулярно. Вытегорский исправник Калачев доносил Олонецкому губернатору в ноябре девятьсот шестого года: «25 сего ноября в 8 часов вечера мещанка Кашина на тротуарах Воскресенского проспекта подняла свернутый в несколько рядов полулист бумаги, на котором на одной стороне напечатано посредством гектографа воззвание к жителям г. Вытегры по поводу предстоящих выборов в Государственную думу. В этом воззвании говорится о произволе правительства, стесняющем якобы свободу действий во вред русского народа; причем в конце воззвания предлагается выбирать таких, кто будет отстаивать главные народные требования: «уменьшение налогов и справедливого их распределения, свободы печати и слова, свободы собраний и союзов; чтобы ни одна копейка народных денег не расходовалась без согласия народных представителей, отмены смертной казни и исключительных законов; всеобщего бесплатного обучения; амнистии борцов за свободу, созыва всенародного Учредительного собрания» и затем в конце помечено «ноября 1906 г» и сокращенными словами «Выт. Орг. Росс. Соц. Дем. Рабочей Партии». Сего числа рано утром поднято на улицах еще пять полулистов воззваний, тоже печатанных на гектографе: три точно таких же, как и первое, а два других печатных на обеих сторонах полулиста, с изложением того, как правительство теснит народ, как проливается кровь народа и для сего приводится указание на 9 января 1905 года, когда рабочие шли к царю высказывать нужды, а встретили ружейные залпы». Калачев умолчал только о том, что все листовки оканчивались призывом «Долой самодержавное правительство».

В девятьсот четвертом Цюрупу перевели в Вытегру, а его место в доме у крестьянина Софронова занял Ян Антонович Берзин – друг и соратник вождя мирового пролетариата, в будущем секретарь исполкома Коминтерна, один из первых советских дипломатов, управляющий центральным архивным управлением СССР и РСФСР, а в тридцать восьмом году подсудимый по делу Латышского национального центра. В воспоминаниях Софронова читаем: «После т. Цюрупы у меня был т. Берзин Иван Антонович, прибыл в 1905 году, приехал летом, молодой, лет 25, латыш, по-русски говорил плохо. Вел себя проще, чем Цюрупа, пил водочку. Говорил, что был учителем, раздавал запрещенную литературу, попался <...>. Урядник жил напротив меня, поэтому у меня помещали ссыльных. Жил у меня месяца три». Через три месяца Берзина перевели в Вытегру, а из Вытегры он бежал на нефтеналивной барже, остановившейся в Вытегре по пути в Петербург. Бежал не один, а вместе со ссыльным князем Кугушевым, тоже проживавшим в Вытегре в то время. Кугушев, хотя и был князь, очень сочувствовал революционному движению и принимал в нем самое активное участие. За что, собственно, и угодил в ссылку.

Нельзя сказать, чтобы большое количество ссыльных, социал-демократический кружок, листовки и воззвания доводили до кипения возмущенный разум вытегорских беднейших классов. Классовая борьба обостряться не хотела. Промышленность в городе и уезде развивалась, развивалась... да так и не развивалась до нужного революционерам уровня. Количество рабочих на крупных предприятиях, как правило, не превышало ста человек, а уж на мелких... Даже обычного, пусть и не очень сознательного, пролетариата в нужном количестве не набиралось. То есть наличные беспорядки, драки, битье магазинных витрин и даже избиение городских набрать пролетариев было можно, но на масштабные бесчинства, а тем более на революцию их категорически не хватало. Впрочем, нельзя сказать, что трудящиеся за свои права не боролись. В девятьсот пятом году служащие вытегорской почтово-телеграфной конторы потребовали тридцатипроцентного увеличения жалованья, выдачи ежегодных денежных пособий к Рождеству и Пасхе, бесплатного обучения детей служащих, бесплатной медицинской помощи и снижения возраста выхода на пенсию.

Если бы телеграфа не было, то вытегоры не скоро бы узнали о февральской революции, но он был, и потому 23 февраля в Вытегре получили телеграмму о том, что петроградские рабочие восстали, еще через три дня в город пришла весть о том, что столичный военный гарнизон перешел на сторону восставших, а еще через день в здании вытегорской женской гимназии члены

местной ячейки РСДРП устроили митинг, который собрал... так мало участников, что это дало повод одному из его организаторов упрекнуть земляков в безразличии к происходящим в стране переменам.

На следующий день в Вытегре прошла демонстрация. По воспоминаниям очевидца, «Демонстранты шли по городу, полицейские стояли еще на своих местах и при приближении демонстрантов или скрывались, или оставались на местах, не зная что делать. Демонстранты направились по Воскресенскому проспекту к дому исправника и криками заставили его выйти. Он растерянно вышел и трусливо скрылся». Революции и кровопролития не случилось, отчасти еще и потому, что служащие вытегорской почтово-телеграфной конторы задержали телеграмму исправника вышестоящим властям о беспорядках.

Десятого марта состоялась первая демонстрация в уезде, в Ухотской волости. Известия Петрозаводского комитета общественной безопасности сообщали: «Высоко поднимались, рея над головами собравшихся, красные флаги и плакаты. Горячо, убежденно и страстно лились пылкие речи, и весь этот митинг, вся мирная манифестация представляла красивое, приятное зрелище. 10 марта – историческая дата нашей местности: в этот день радостно встретили свободу, принесшую с собой братство и равенство <...>».

Власть в Вытегре перешла к земской управе и городской думе во главе с исполкомом, избранным в начале апреля. Городская дума занималась текущими вопросами так, как будто никакой революции не было. В середине марта занимались организацией заготовки дров для городского населения, ремонтом и содержанием конных барачков, назначали плату за пользование этими бараками в предстоящую навигацию и решали, отдавать или нет в аренду участки земли под киоски.

Пока занимались дровами и конными бараками, весь мир насилья с ужасающей быстротой разрушался до основания. Губернский комиссар Временного правительства своим приказом уволил в отставку всех полицейских чинов Вытегры и уезда, включая уездного исправника, становых приставов, вытегорского пристава и полицейского надзирателя. Пришлось в середине апреля на заседании думы в срочном порядке решать вопрос о преобразовании полиции в милицию. Предусмотрели постоянных и наемных милиционеров, делопроизводителей, секретаря, участковых комиссаров, писцов и рассыльных. Не решили только вопрос с формой. Оно и понятно – о пятиконечных звездах на околышах фуражек весной семнадцатого года еще и речи не было, бляхи с гербом губернии уже устарели и, самое главное, никто даже и представить себе не мог, что делать с усами новорожденных милиционеров – то ли закручивать их кончики вверх, то ли пусть свободно висят, то ли, не дай бог, сбрасывать.

Параллельно с милицией на жаловании от города открыли запись в добровольную. Учащихся высшего начального четырехклассного училища пригласили в городское военное присутствие и там выдали оружие, патроны и красные нарукавные повязки с тем, чтобы они патрулировали по ночам город.

Кроме обеспечения общественного порядка, городским властям пришлось разбираться еще и с продовольственным кризисом, который если еще и не стучал в ворота, то уже стоял с ними рядом. Одновременно с преобразованием полиции в милицию был организован Вытегорский продовольственный комитет. Олонецкий губернский продовольственный комитет, не без оснований опасаясь, что уездные власти не смогут завезти в навигацию достаточное количество продовольствия, чтобы предотвратить голод, призвал вспахать и засеять каждый клочок земли, который можно вспахать и засеять рожью, овсом, ячменем и овощами. Наступало время, когда надеяться можно было только на самих себя. По постановлению Временного правительства «О передаче хлеба в распоряжение государства и о местных продовольственных органах» все запасы продовольствия переходили в распоряжение государства. Все владельцы таковых должны были произвести учет таковых, сдать все излишки местных продовольственным органам по твердо установленным ценам. У тех, кто будет эти излишки укрывать, их будут изымать и сдавать, но уже за половину цены. Продавать муку всех сортов за пределы города запрещалось, кроме поврежденной муки, но и поврежденную муку должна была освидетельствовать специальная комис-

сия, прежде чем разрешить к продаже. Установили нормы, по которым муку частные торговцы могли продавать населению, причем продавать только по специальным книжкам из городской лавки с обязательной отметкой о продаже и непременно представлением чеков для проверки в продовольственном комитете. Норма ржаной муки на человека в месяц составляла пуд, три фунта крупчатки, первача первого сорта шесть фунтов, второго – два фунта и третьего тоже два фунта. Само собой, мука эта выдавалась, когда он была. Губернские власти с начала лета запретили еще и вывоз за пределы губернии рыбы, выловленной в Онежском озере.

После таких указов и норм продовольствие прячут даже те его владельцы, у кого никаких излишков никогда не было, и махровым цветом расцветает спекуляция.

В уезде, куда уже успели вернуться солдаты с фронта и те, кто принимал участие в февральских событиях в Петрограде, обстановка напоминала казацкую вольницу. Масла в огонь подливали большевики, убеждавшие крестьян не платить налогов, выполнять повинности, установленные Временным правительством, и конечно же экспроприировать экспроприаторов. Крестьяне не заставили себя долго уговаривать. Летом на востоке уезда, в Ухотской волости, избили сельских старост и самовольно вырубил казенные леса. Рядом, в Шильдской волости, крестьяне разграбили удельное имение, ведавшее казенными лесами, доходы от которого шли на содержание императорской фамилии. Сплав ранее заготовленного леса крестьяне, живущие по берегам сплавных рек, практически парализовали, требуя денег за пропуск леса. На реке Тихманге приказчика по сплаву и надзорщика, просивших пропустить сплавляемый лес, подстрекаемые солдатами крестьяне едва не сбросили в реку. Лесопромышленникам ничего не оставалось, как заплатить вымогаемые деньги.

Временное правительство распорядилось создать волостные земства, которые должны были заведовать всем, чем только можно – и продовольствием, и земледелием, и промышленностью, и здравоохранением, и образованием, и поддерживать в исправности дороги, мосты и общественный порядок. Создавать эти волостные земства никто не торопился. Все же выборы в отдельных волостях прошли в августе, и тогда же в Тихмангской волости вернувшиеся с фронта солдаты разогнали волостное земство, выбрали свою власть и даже создали собственную милицию для охраны общественного порядка в деревнях. В некоторых волостях и к концу октября никаких волостных земств так и не было создано, а уж в ноябре это и вовсе потеряло всякий смысл. Тем не менее, в предпоследний день октября в Вытегре открылось первое организационное уездное земское собрание. Вестник Олонецкого губернского земства писал: «избранное на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, явившееся прямым результатом завоеваний революции, воплощением мечты лучших людей России, на протяжении ряда долгих десятилетий, боровшихся за идею народоправства и в конце концов, доставивших своим потомкам возможность осуществить эту идею». Участники собрания перед началом работы, как этого требовала традиция, помолились, после чего председатель земской управы коллежский советник Клементьев приветствовал собравшихся гласных «как избранных свободным ныне народа». Через четыре месяца, в феврале восемнадцатого, Олонецкий губисполком постановит упразднить все земства в губернии.

Вернемся в семнадцатый год. Нельзя сказать, что жители Вытегры постоянно митинговали. Совсем наоборот. Первого мая часть вытегорцев собралась у разводного Сиверсова моста с плакатами, на которых было написано «Да здравствует свободный русский народ!». После короткого митинга все разошлись. Через три месяца, в конце июля в городе прошел еще один митинг с участием приехавших из Петрозаводска членов губернского Совета рабочих и солдатских депутатов, на котором была организована вытегорская группа социал-революционеров. Записалось к эсерам около двадцати человек. Митинговать было некогда – все, кто владел участками земли, хотя бы размером с носовой платок, распахали их под огороды и выращивали все, что могло расти в этих северных краях. Тем более что с первого августа по распоряжению Олонецкой губернской продовольственной управы нормы выдачи муки детям и тем, кто не занят физическим трудом, уменьшили в полтора раза.

Тем временем в городе и уезде шла подготовка к выборам в Учредительное собрание. Всем этим в уезде занималась специальная Вытегорская уездная комиссия. Создали шесть с лишним десятков избирательных участков, обеспечили их отоплением, освещением и ящиками для голосования. В начале октября вытегоры встречались с приехавшими из Петрозаводска кандидатами в члены Учредительного собрания, и обсуждение прошло так бурно, что не обошлось без стрельбы. Чуть позже, в середине октября, в городе был создан Совет рабочих и солдатских депутатов, а еще через две недели власть в Петрограде захватили большевики. В Вытегре никто банк, почту, телеграф, единственный разводной Сиверсов мост не захватывал и на штурм здания городской управы не ходил. Все произошло мирным путем, как и во всей Олонецкой губернии.

В ноябре семнадцатого года вытегорский городской Совет рабочих и солдатских депутатов единогласно поддержал резолюцию Олонецкого губернского Совета, решившего, что до образования «однородного социалистического министерства», в которое войдут все социалистические партии, губсовет не признает никакой другой центральной власти и, независимо от центра, берет на себя организацию высшей правительственной власти в губернии. Вытегорский Совет рабочих и солдатских депутатов эту резолюцию дополнил, постановив, что «вопрос о принятии власти в свои руки оставляет открытым до следующего заседания на том основании, что в заседании сего числа, т.е. 7-го ноября 1917 г., участвуют представители демократических организаций только одного города, а не всего уезда, и главным образом нет представителей крестьянства, составляющего большинство населения всего уезда. Ввиду сего поручить исполнительному комитету Совета предложить крестьянам делегировать своих представителей в Совет и затем разрешить вопрос о власти, до этого же власти должна оставаться по-прежнему в руках уездного комиссара. Причем последний должен работать в полном контакте с Советом крестьянских, солдатских и рабочих депутатов».

Все ждали созыва Учредительного собрания и его решений. В его работе принимали участие и делегаты от Олонецкой губернии – эсер Матвеев и член РСДРП, меньшевик Шишкин. Перед самым новым годом, 28 декабря, Вытегорская городская дума, заслушав телеграмму Шишкина о том, что Учредительному Собранию грозит опасность потому, что «Совет народных комиссаров не хочет уступить ему дорогу». Делегаты призвали на всех собраниях и сходах выносить резолюции с требованием передачи всей власти Учредительному собранию и слать им телеграммы с текстами этих резолюций в Петроград. Два дня городская дума думала и 30 декабря постановила: «Возлагая свои надежды на учредительное собрание, неприкосновенность которого должна быть священна, Городская Дума, не допуская никаких посягательств на это высокое учреждение, требует предоставить ему всей высшей власти в стране. Да здравствует Учредительное собрание!». Здравствовать Учредительному собранию оставалось менее двух недель.

С первого декабря Губернский продовольственный комитет уменьшил норму потребления хлебных продуктов – тридцать фунтов для тех, кто занят физическим трудом, и двадцать для тех, кто не занят. Известия Олонецкого Губернского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов в статье «Хлебный кризис» писали: «<...> надежды на подвоз из производящих губерний малы и потому неэкономные расходования продуктов неизбежно приведут наш край к голоду. Призывайте Волостные организации к переучету запасов в тех обществах, где организованный Губернским Продовольственным Комитетом учет не дал положительных результатов. О принятых мерах незамедлительно сообщите Губернскому Продовольственному комитету». Все это было похоже не столько на приказ, сколько на крик о помощи.

В конце семнадцатого и начале восемнадцатого годов большевики развернули агитацию за созыв съезда депутатов всех волостей Вытегорского уезда и выборы нового Совета депутатов. В конце января в городе прошло общее собрание представителей волостей, которое избрало исполком Совета рабочих и солдатских депутатов во главе с присланным из Петрозаводска для установления Советской власти в уезде бывшим питерским рабочим Метелкиным. Само собой, собрание постановило, что вся власть в уезде должна принадлежать советам. В волостях проходили крестьянские сходы, на которых принимались резолюции в поддержку исполкома Вытегорского совета.

Съезд Совета рабочих и солдатских депутатов проходил в беспокойной обстановке. Часть горожан была категорически против его проведения, и потому во время работы съезда даже вставал вопрос о переносе его заседаний в село Анхимово Вытегорского погоста. Активная часть недовольных граждан, ведомая прапорщиком Парижским, под лозунгами «Вся власть Учредительному собранию» прошла по городу с целью предъявить свои требования сторонникам Советов. Успели они пройти по Воскресенскому проспекту, но на подходе к Сиверсову мосту их встретила демонстрация красновардейцев под лозунгами «Вся власть Советам» и «Долой Учредительное собрание». В Вытегре, как и в Петрограде, сторонникам Учредительного собрания пришлось разойтись.

Городские власти еще в начале декабря избрали уездный Совет, состоящий из кадетов, меньшевиков и эсеров. Совет избрали как орган временный, который должен существовать до тех пор, пока власть не перейдет к законным представителям правительства, которое, в свою очередь, изберет Учредительное собрание. Пока же, как писали в своем постановлении организаторы Совета, «власть на месте должна принадлежать Совету солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, пополненному представителями демократических организаций города Вытегры и уезда».

После разгона Учредительного собрания Вытегорский Совет рабочих и солдатских депутатов понял, что чаша весов склоняется в его сторону, и созвал общее собрание представителей волостей для обсуждения положения в уезде, на котором после долгих прений большинством голосов решили – власть должна принадлежать Совету. Между тем положение в уезде и в городе оставляло, мягко говоря, желать лучшего. Лесозаготовки прекратились, Мариинская водная система была практически парализована, деньги в бюджет города и уезда не поступали. Продовольствия катастрофически не хватало, поскольку то, что успели завезти в семнадцатом году при Временном правительстве, уже закончилось или почти закончилось, а с новыми поставками продовольствия дело обстояло из рук вон плохо. Все осложнялось еще и тем, что вопросами продовольствия ведала Земская управа, выдававшая документы на получение продовольствия своим уполномоченным лицам. Двоевластие продолжалось до конца зимы восемнадцатого года. Крестьяне вытегорского уезда при этом на Земскую управу и ее уполномоченных внимания не обращали. К примеру, жители Андомской и Кондушской волостей самовольно захватили три с половиной тысячи пудов пшеничной муки, направленной из губернии в вытегорский продовольственный отдел⁷¹. Крестьяне Чернослободской волости в конце января восемнадцатого года на своем собрании постановили: «Выразить недоверие Вытегорскому уездному земству по поводу его неправильных работ и совершенно его уничтожить <...>. Признать властью в нашем Вытегорском уезде Совет крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, идущий рука об руку с народом, а также и Вытегорского народного уездного комиссара, давать им полное доверие и поддержку в их работе на благо народа, одобряя их работу на минувшем заседании». Через несколько дней, в начале февраля, к жителям Чернослободской волости присоединились крестьяне Бадожской, признав Советскую власть.

В конце февраля в Вытегре открылся первый уездный съезд Вытегорского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. На съезде присутствовали делегаты от всех волостных Совдепов, от союзов кооперативов, рыболовства, фельдшерских и акушерских, учителей, от жителей Вытегры, лесохозяйственного комитета, Вытегорского солдатского гарнизона и от уездного земства. На съезде решили организовать четырнадцать управляющих отделов – финансов, народного хозяйства, земельный, судебный, труда, народного просвещения, врачебно-санитарный, жилищный и продовольственный. Одновременно выбрали комиссаров девяти отделов, а оставшимися пятью отделами поручили управлять уездному комиссару Беланину. Уже в самом конце работы съезда постановили реквизиовать в распоряжение уездного Совета городскую типографию со всем инвентарем.

В том же феврале Олонецкий губисполком постановил упразднить земства, а чуть позже губерния велела упразднить и городские думы. 25 февраля 1918 года Вытегорское уездное земское собрание и должность уездного комиссара были упразднены. Все то, чем занималась теперь уже

бывшая земская управа, перешло в ведение Вытегорского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов.

Правду говоря, первый исполком гор не свернул. Для описания его работы хватит и нескольких слов, которые можно найти в докладе Вытегорского уездного исполкома, сделанном на губернском съезде Советов через год: «Им были сделаны некоторые благие начинания в смысле улучшения положения крестьян и рабочих, но много ему работать не пришлось. На почве распри вина среди членов произошло убийство. Вслед за этим расшумевшейся толпой граждан гор. Вытегры несколько членов было разогнано, а часть оставшихся должна была созвать чрезвычайный съезд. И в 20-х числах марта съезд был созван. <...> Намечен ряд конкретных шагов и избран Исполнительный Комитет, политическая физиономия которого была такова: один коммунист, два эсера, остальные беспартийные». Один коммунист – это выбранный председателем исполкома большевик, матрос Балтийского флота и уроженец Бадожской волости Вытегорского уезда Михаил Николаевич Мехнецов. Два эсера – заместители Мехнецова и еще двенадцать человек рядовых членов исполкома.

Пришлось этому съезду заниматься тем, что впоследствии назовут социалистическим строительством – устанавливать восьмичасовой рабочий день, тарифы оплаты труда различных профессий, запрещать сверхурочные работы, создавать народный суд и привлекать к его работе квалифицированных юристов, заниматься организацией специальных комиссий в волостях для распределения свободной земли между безземельными и малоземельными крестьянами, назначать пенсии раненым и инвалидам, открывать в городе отделение Народного банка, увеличивать заработную плату учителям, упразднять волостную и городскую милицию и преобразовывать ее в Красную гвардию. Наконец доизбрали комиссаров тех отделов, которые все еще находились в ведении уездного комиссара Беланина, а саму должность уездного комиссара устранили. Впрочем, это все уже частности. Гораздо важнее то, что депутаты съезда приняли решение «Поручить исполкому в самый кратчайший срок провести организацию по изданию газеты под названием “Известия Вытегорского Совета крестьянских и рабочих депутатов” и привлечению опытных сотрудников». И ее действительно организовали в кратчайшие сроки – уже в день закрытия съезда, шестого апреля по новому стилю, вышел первый номер Известий Вытегорского Совета крестьянских и рабочих депутатов. На первой странице первой в истории Вытегры газеты было напечатано обращение к читателям: «Дорогие труженики: крестьяне, рабочие, учащие, учащиеся, фельдшера, служащие казенных и частных учреждений и торгово-промышленных предприятий, а также всякий, кто с уважением привык относиться к печатному слову! Вы имеете теперь, по желанию Ваших избранников уезда – Вытегорского Совета К. и Р.Д. – свою газету. Как бы ни подозрительно, а некоторые даже со злопахательством ни смотрели на появление нашей трудовой газетки, все же никто не может усумниться в том, что самое появление ее есть огромный шаг к свету в нашем еще медвежьем углу. Мы верим в добро, справедливость, равенство и братство. Мы верим в идеалы. Нас глубоко, радостно волнует, что наша газета – детище демократии... К Вам, друзья света, добра и справедливости обращаемся мы. Поддержите своим сотрудничеством Вашу трудовую газетку. Пишите правдиво, кратко, сжато, простым народным языком. Пишите, что Вас волнует, что чувствуете, что делается на местах»⁷².

Потом, конечно, было разное и даже такое, что не приведи Господи, но начиналось все с веры в добро, справедливость, равенство, братство и идеалы. Начиналось с обращения к друзьям света, добра и справедливости. С огромного шага к свету в медвежьем углу.

В середине апреля в Вытегре появилась первая ячейка РКП(б). В первом ее составе было десять человек и пять сочувствующих. На первом своем собрании коммунисты приняли резолюцию: «Сплотившись в ряды бойцов за социализм, создавший Вытегорскую Организацию Российской Коммунистической Партии (большевиков), мы, пролетарии города Вытегры, шлем горячий привет друзьям бедноты товарищам Ленину, Троцкому, Луначарскому и др., и клянемся высоко нести красное знамя борьбы за счастье трудящихся и угнетенных всего мира до нашей конечной цели – социализма».

Самое активное участие в работе ячейки принимал Николай Ключев, живший в то время в Вытегре. Выступал он и как агитатор, и с чтением своих стихов почти на каждом митинге и на каждом собрании⁷³. Часто его стихи публиковались в Известиях Вытегорского совета крестьянских и рабочих депутатов, главным редактором которой назначили его близкого друга – учителя истории Архипова. В агитаторах тогда у новой власти была большая нужда. Вытегорский военный комиссар Аганичин даже поместил в газете объявление «Для военного Отдела при Выт. У. Совдепе требуются агитаторы и пропагандисты, стоящие на платформе Советской власти. Желающих работать прошу обращаться в Военный отдел». Агитаторам и пропагандистам предстояла трудная работа – в том же месяце военный отдел Вытегорского Совета через газету предложил волостным и сельским советам незамедлительно приступить к производству записи добровольцев в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, организуемую согласно декрету и инструкции Народных Комиссаров. Списки записавшихся представлять в Военный отдел Совета Штаба Красной Армии в г. Вытегра. О ходе записи сообщать Отделу каждую неделю. Добровольцев было мало. Куда больше дезертиров, спекулянтов, укрывателей товаров и тех, кто продолжал экспроприировать экспроприаторов. Отряды красной гвардии что ни день проводили обыски у вытегорских обывателей, находя припрятанные запасы чаю, табака, махорки, сахара, муки, папирос, свечей, мыла и конфет. Все это изымалось и оплачивалось по таксе губернской продовольственной управы⁷⁴. Кстати, о конфетах. В первом же номере вытегорских известий была напечатана заметка о том, как по деревням Кондушской волости рыщут предприимчивые граждане, «обменивая леденцы-камушки, которых сам сатана не разгрызет, на имеющуюся еще у крестьян водку по два фунта за бутылку. За деньги сметливые ребята своих леденцов не уступают». Бутылка водки обходилась им в пересчете на леденцы рублей в восемь, а продавали они ее в другом месте в шесть раз дороже. «Тьфу, нечисть!» – восклицает газета. И об экспроприации экспроприаторов. Во втором номере газеты читаем о том, как в середине февраля восемнадцатого года крестьяне Тихманской и Ухотской волостей не смогли поделить лес бывшей помещицы Бельской. До такой степени не смогли, что были убиты двое участников дележа и трое ранены.

В городе и уезде было беспокойно. В начале апреля новая власть призвала вытегоров к порядку, запретив «всякие произвольные действия, направленные против общественного порядка и спокойствия; произвольное задержание или препятствие всякого рода сплавам, независимо от того, как они производятся и чьих владений касаются; произвольное занятие или раздел пахотной и сенокосной земли помимо воли ее владельца, который обрабатывает ее личным трудом, ни по каким мотивам не допустимо. За нарушение пунктов настоящего постановления, виновные в том лица по представлению соответствующих Отделов Уездного Совета или Исполкома подлежат суду Революционного Трибунала, при чем в случае виновности подвергаются тюремному заключению от одного до трех месяцев. <...> Приговор Трибунала объявляется виновным чрез волостные и сельские власти, после чего они немедленно добровольно должны прибыть к месту заключения в Вытегорскую тюрьму; не подчинившиеся этому подлежат приводу в понудительном порядке мерами социалистической красной гвардии, при чем в этом случае наказание увеличивается в 1 ½ раза». Тогда же, в апреле, исполком уездного Совета начал наделять малоземельных и безземельных крестьян землей, изымать хлебные излишки у тех, кто не успел их как следует спрятать, и продовольствие у частных торговцев. Ввели картонную систему на продукты питания, установили единые цены на товары, новые тарифные ставки и издали постановление о первом стотысячном взносе поимущественного налога на буржуазию города и уезда под угрозой конфискации имущества неплательщиков. Кстати, о продуктах питания, а точнее об овощах. В середине апреля «Известия» пишут о том, что состоялось собрание союза женщин. «Много прений вызвал вопрос об устройстве общественного огорода под руководством опытного инструктора. Ни к какому решению не пришли».

Пятого мая у здания, где помещался уездный комитет РКП(б), собралась толпа, потребовавшая к себе председателя комитета Фалькова. Несмотря на просьбы разойтись и не поддаваться слухам о красной гвардии, новых налогах, надвигающемся голоде, толпа не разошлась, а расхо-

дилась так, что начала бить Фалькова, которому с трудом, но все же удалось вырваться. Толпа же отправилась к казарме красногвардейцев, чтобы их разоружить, а по пути избила начальника отряда Рачковского. Разоружить отряд, который уже ждал такого развития событий и был при оружии, не удалось. Горожане пошумели и разошлись.

Через две недели после этих событий Советская власть обратилась к вытегорам с еще более строгим предупреждением: «В виду имевших место в городе и уезде контрреволюционных и провокационных выступлений, постановлено: 1. Лица, замеченные где бы то ни было в агитации против Советской власти, а равно против и красной гвардии, и красной армии и партии большевиков-коммунистов будут предаваться суду Революционного Трибунала. 2. Всем ворам, хулиганам и паразитам немедленно удалиться из г. Вытегры и его уезда. 3. Со дня опубликования настоящего постановления все лица, указанные в п. 2, захваченные на месте преступления с оружием в руках, или оказавшие сопротивление будут расстреливаться, а менее важные преступники будут предаваться суду Революционного трибунала. 4. Волостным Совдепам предписывается принять настоящее постановление к руководству и неуклонному исполнению». Кстати, тех, кто распространял воззвание депутатов Учредительного собрания Шишкина и Матвеева «К нашим избирателям», тоже приравнили к контрреволюционерам, подлежащим суду Ревтрибунала.

В первой половине мая прошли выборы в первый городской совет депутатов. В состав совета вошли бывшие купцы братья Крашке, бывший городской голова Шаров, кадеты, эсеры... Все они, прежде чем стать кадетами, эсерами и членами горисполкома, числились в списке первой абонентской телефонной сети города Вытегры в девятьсот тринадцатом году.

Между тем голод уже не надвигался, а громко стучал в ворота. К концу весны из тринадцати волостей Вытегорского уезда только пять имели запасы зерна, да и эти запасы были, мягко говоря, очень скромными – от двух до восьми тонн на волость. Семенного зерна и вовсе не было ни у кого. Положение осложнялось тем, что получить хлеб из Курской, Харьковской и других южных губерний было невозможно – там шла Гражданская война. Инфляция была чудовищной, и потому те, кто имел хлеб, предпочитали не продавать его за обесцененные деньги, а менять на мануфактуру, керосин, обувь, кожу, сельскохозяйственные орудия и различные товары промышленного производства. Олонецкая губерния в обмен на хлеб могла предложить только лес. Хлеб имелся, например, в Сибири, но там и своего леса было более чем достаточно. Вытегорский комиссар Совдепа Аристаров буквально с отчаянием писал в своем докладе по продовольственному вопросу: «<...> все лесные материалы, заготовленные в Олон. Губ., идут поэтому в Петроград, который взамен может дать только одно: бросить к нам не одну сотню голодающего населения».

В конце мая кончилась учеба, и учителя, чтобы уберечь детей от голода, заранее узнали в близлежащих деревнях – кому требуются для детей няньки. Няньки требовались, но в деревнях было немногим лучше, чем в городе. В деревнях обстановка накалилась до предела.

Из уголовной хроники начала июня восемнадцатого года: в деревне Философской, Тихмангской волости трое граждан той же волости избили кольями и нанесли несколько ударов ножом председателю отдела и председателю исполкома местного Совета из-за того, что им было отказано в выдаче сахара сверх пайка.

Председатель исполкома Совдепа Мехнецов третьего июня отправил в Петрозаводск телеграмму: «На почве явного голода в городе, уезде население озлоблено, хорошо известно, что завтра, 4 июня, из разных волостей десятки тысяч озлобленных голодом людей придут в Вытегру решительно требовать отмены единовременного налога, разрешения всякой свободной торговли, спешного удовлетворения хлебом всех голодающих. В противном случае намерены с помощью темных сил свергнуть Советскую власть в уезде. Срочно отправляйте пароходами хлеб в Вытегру, ждем вашей помощи хлебом». Ходили слухи, что вот-вот в город придут тысячи крестьян из трех близлежащих волостей за хлебом. Шестого июня Губернский продовольственный комитет ответил телеграммой Мехнецову, что пятого июня пароходом из Петрозаводска отправлено полтора вагона овса, полторы сотни пудов ячменя и еще два хлебных поезда, а еще два десятка вагонов грузится в Нижнем...

Вот только крестьян с этой телеграммой ознакомить не успели, так как уже четвертого июня они под белыми знаменами пришли в Вытегру требовать хлеба. К счастью для властей, добрались до города крестьяне только Девятинской и Вытегорской волостей. Часть волостей удалось уговорить в этом походе участия не принимать. У крестьян были вожаки – лесопромышленник Семенов и купец Оленев. На срочно созванном митинге крестьяне через своих представителей требовали у властей разрешить свободную торговлю, возврат денег, внесенных на закупку продовольствия, отмены единовременного поимущественно-подоходного налога, выдачи хлеба голодающему населению и, по наущению своих вожаков и присутствовавших на митинге депутатов городского совета, передачи власти городскому совету депутатов. К митингующим вышли председатель Совдепа Мехнецов, военный комиссар Аганичин, комиссар продовольствия Аристаров и член исполкома Пахомов. Остальные члены исполкома, как записано в журнале заседания Исполкома Вытегорского уездного Совдепа, состоявшегося через два дня, «дезертировали и, если были, то где-то в толпе». Когда комиссар продовольствия Аристаров сказал, что уезд не может заготовить для себя хлеба без разрешения Губернской Коллегии, Семенов прервал его выкриком: «Хлеба заготовить без разрешения не можете, а обирать нас без разрешения можете!» Обстановка, и без того накаленная, стала накаляться еще больше. Из толпы стали кричать: «Вон, долой, комиссар голода!», «Вон, повесим!», «Передать власть городскому Совету!». Тут на сцену вышел отряд красногвардейцев, ежедневно патрулировавший город, и драма начала на глазах превращаться в трагедию. Семенов с сотней митингующих бросились к патрулю с намерением его разоружить. Военный комиссар Аганичин приказал патрулю дать залп вверх для острастки, а потом, когда это не помогло, красногвардейцы стали стрелять из ружей и пулемета в толпу. Как вспоминал в своих мемуарах очевидец этих событий Александр Матвеев: «Через пять-десять минут мимо дома бежали толпы крестьян из города в сторону полян. Они то бежали, то быстро шли и снова бежали, кто как успевал. Их простенькие пиджачки и чистые разноцветные рубашки и тросточки в руках напоминали праздничную крестьянскую гулянку, между тем это были участники контрреволюционного похода крестьян на Вытегру, организованного врагами Советской власти». Крестьяне Кондушской волости, уже шедшие в Вытегру, узнав о расстреле митинга, повернули назад.

Вечером того же дня власть создает Военно-Революционный Комитет, который объявляет Вытегру на военном положении со всеми вытекающими из этого последствиями. Усилили охрану почты, телеграфа, отключили все частные телефоны. Тем, кто не сдаст оружие в течение суток, грозил ревтрибунал. Лиц, уличенных в попытках свержения Советской власти, обещали расстреливать на месте. В резолюции Вытегорского Съезда президиума волостных Совдепов, созданного по горячим следам июньских событий, обещали расстреливать и тех, кто будет пойман на полях за выкапыванием картофеля, а всех уличенных в укрывательстве продуктов и товаров первой необходимости будут штрафовать на сумму от трехсот до пяти тысяч рублей, и все найденные продукты и товары конфисковать. Немедля в газете были опубликованы словесные портреты купца Оленева⁷⁵ и лесопромышленника Семенова вместе с просьбой «к гражданам, знающим местопребывание названных контрреволюционеров, сообщить местным властям на предмет задержания их для передачи в распоряжение следственной Комиссии при Олонецком Губернском Революционном Трибунале». Вслед за портретами газета напечатала постановление граждан Коштутской волости Вытегорского уезда, в котором эти граждане возмущаются выступлением крестьян Девятинской волости и выражают «глубокую благодарность членам Исполкома Уездного Совдепа за их деятельность на пользу трудового крестьянства и за те репрессивные меры, какие были приняты в связи с выступлением 4-го июня⁷⁶».

Военно-Революционный комитет распустил Городской совет, а тех его членов, которые были замечены на митинге четвертого июня, арестовывает. Тут же избирается новый Горсовет. Руководить его работой назначают комиссара Фалькова. В середине июня открылся Третий уездный съезд Советов крестьянских и рабочих депутатов, на котором решили создать при уездном Сов-

депе комиссариат по внутренним делам с подотделами советской милиции и Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией.

Тем временем фронт придвинулся к границам Олонецкой губернии – со стороны соседней Архангельской губернии наступали белофинны, англичане и американцы с канадцами. Положение с продовольствием из отчаянного стало катастрофическим – даже то немногое, что могла дать губерния Вытегре и уезду, до нее не доходило из-за самочинных захватов зерна в пути. По уезду поползли слухи о том, что наступающие англичане везут с собой много хлеба и как только прогонят большевиков, голод прекратится. Слухи свое дело сделали – беспартийные члены вытегорского исполкома под разными предлогами стали увольняться⁷⁷. По берегам рек лежал неотправленный лес, а новый почти не заготавливался. Вытегорские власти ввели самые разнообразные запреты и ограничения на все, что связано с продовольствием – нельзя было отправлять посылки с продуктами за пределы уезда и обменивать предметы домашнего обихода на продукты. У тех, кто несмотря на запрет продолжал обменивать утюги на пироги, могли конфисковать и утюги, и пироги, и сапоги, и любую другую домашнюю утварь. Ввели налоги, к счастью, единовременные, на рояли, пианино, экипажи и лошадей для того, чтобы пополнить городской бюджет. Вытегорский уезд должен был выплатить единовременный поимущественно-подоходный налог в размере более миллиона рублей. Кроме единовременного на уезд свалился еще и чрезвычайный налог в два с половиной миллиона рублей. К этим налогам прибавим единовременные сборы с торгово-промышленных предприятий, которые и без того дышали на ладан, на золотые и серебряные вещи, на продажу гербовых марок и даже бывшие земские сборы. Кроме того, вытегорская власть, следуя заветам вождя мирового пролетариата, решила строго учесть и контролировать все то, что нужно и не нужно учитывать и контролировать, начиная от телег, саней, плугов, борон, сеялок и веялок, рыболовных снастей, экипажей, письменных столов, несгораемых шкафов и кончая кухонной утварью, весами, гирями и даже театральными биноклями. Насколько это было эффективно и сколько учли театральных биноклей, теперь сказать трудно, но в восемнадцатом году постановления о строгом учете регулярно публиковались в городской газете.

Понятное дело, все эти запреты, налоги, голод и положение на фронтах энтузиазма у населения не вызывали, а совсем наоборот. Для поддержания порядка в городе и уезде требовались меры чрезвычайные, и Советская власть, в отличие от царской, их применила без колебаний. Были взяты заложники из числа бывших купцов, чиновников, дворян, офицеров, членов оппозиционных партий и помещены в городскую тюрьму. В случае любых попыток сопротивления, а тем более свержения советской власти, заложников расстреливали. Списки заложников публиковались в газете.

К середине лета власти стали организовывать в волостях комитеты бедноты и выбирать военных комиссаров, чтобы руками самих крестьян находить и отбирать излишки продовольствия у тех, у кого они еще были. Нельзя сказать, что крестьяне комбедам и военным комиссарам обрадовались. От учета призывников, годных к военной службе, учета коней и телег никто хорошего не ждал. Тем более от комбедов. К примеру, в Кондушской волости крестьяне согласились на избрание военного комиссариата лишь под страхом ареста, а комбед создавать отказались наотрез. Никто Митягов и вовсе совершил поступок «недостойный свободного гражданина, выразившийся в произведении плевка на воззвание о создании комитетов деревенской бедноты». Митягову повезло – он просто посидел некоторое время в тюрьме до суда. Уездная ЧК решила, что этой отсидки хватит для острастки. Комбеды, конечно, сыграли огромную роль в расслоении крестьянства и в разорении середняков, но хлеба они прибавить не смогли. В конце августа власти отправили в Курскую губернию отряд из семидесяти двух человек на хлебозаготовку.

Не прошло и трех месяцев со времени Третьего уездного съезда Советов крестьянских и рабочих депутатов, как в конце сентября восемнадцатого года был созван Четвертый, принявший решение о национализации промышленных предприятий города и уезда. Через две недели после съезда была создана специальная комиссия, которой поручили заниматься этим вопросом. В ноябре Вытегорский уездный Совет объявил о национализации красочного, кирпичного и лесопиль-

ных заводов, бумажно-картонной и картонной фабрик «со всем инвентарем, материалами, как готовые, так и сырьем, и всем техническим имуществом». Все национализированные предприятия были переданы в ведение и распоряжение комиссии по национализации. Конечно, передать предприятия в распоряжение комиссии было гораздо проще, чем заставить их работать и производить краски, кирпичи, бумагу, картон и доски. Особенно тогда, когда в управлении заводами и фабриками принимают участие выбранные от рабочих люди, не имевшие раньше никакого отношения к управлению. Надо сказать, что и сами рабочие, в отличие от советских начальников, это хорошо понимали. Так, например, на одном из лесопильных заводов выбранный из рабочих член управляющей коллегии уже через месяц после назначения написал заявление в комиссию по национализации с просьбой освободить его от занимаемой должности, «так как я считаю эти обязанности себе непосильными, при моем слабом знании и характере будет один ущерб и тормоз делу во всем. Поэтому прошу комиссию назначить на этот пост лицо административное и не из рабочих как я, а более знающего дело и его ведение».

К осени восемнадцатого года положение с продовольствием стало мало-помалу улучшаться. Крестьяне Вытегорского уезда собрали, пусть и небольшой, но все же урожай, а из Курской губернии вытегорский продотряд отправил в октябре домой восемь вагонов зерна. Тогда же, в октябре, Советская власть в лице военного комиссара Вытегорского уезда потребовала от Вытегорского горсовета и всех волостных советов немедленно провести регистрацию мужчин от восемнадцати до сорока пяти лет, причисленных к буржуазии и нетрудовому элементу. Всех этих людей предполагалось зачислить в тыловое ополчение. Две третьих волостей через месяц ответили, что таких граждан у них нет. Военный комиссариат этими ответами остался недоволен и в следующем циркуляре дал расширенное определение лицам, причисленным к буржуазии и нетрудовым элементам: «На предоставленном вами 18 сего ноября за № 249 вкрадывается сомнение, так как согласно Приложения 2 к Декрету Совета народных комиссаров от 20 июля 1918 года подлежат регистрации на предмет зачисления в тыловое ополчение лица, пользующиеся наемным трудом с целью извлечения прибыли, живущие на нетрудовой доход, проценты с капитала, поступления от имущества и пр. владельцы промышленных предприятий, члены советов и управлений акционерных обществ, всякого рода товариществ, директора, управляющие, доверенные их помощники, частные поверенные, прочие ходатаи по делам, нотариусы, биржевые маклеры, торговые и коммерческие сотрудники, сотрудники буржуазной печати, монахи, духовные служащие церквей и религиозных культов (всех вероисповеданий), лица так называемых свободных профессий, если они не выполняют общественно-полезных функций, бывшие офицеры, чиновники, воспитанники юнкерских училищ и кадетских корпусов, лица, не имеющие полезных занятий». Под такой монастырь можно было подвести кого угодно, и через месяц волостные советы стали присылать заполненные регистрационные карточки. К концу года все карточки Вытегорским военным комиссариатом были получены – в городе оказалось пятьдесят девять буржуазных и нетрудовых элементов, а в уезде сто восемьдесят восемь. Всем зарегистрированным выдали временные трудовые свидетельства, больше похожие на паспорта, чем на трудовые книжки. Без них нельзя было передвигаться по стране и получить продовольственные карточки. Не обошлось, конечно, и без недоразумений. Граждане, которых, по их мнению, несправедливо причислили к буржуазии и нетрудовым элементам, стали жаловаться и писать в Отдел советского управления по внутренним делам Вытегорского уезда. Крестьянина деревни Великий Двор Макачевской волости Алексея Некрасова причислили к буржуазии только за то, что он когда-то занимался торговлей, причем сам, не имея приказчика. Причислили несмотря на то, что в восемнадцатом году он ни торговлей, ни спекуляцией не занимался, а свой земельный участок обрабатывал своими руками, прислуги не имел и только на время уборки хлеба нанимал поденщиков. Все эти сведения гражданин Некрасов подтвердил отдельным письмом сельсовету, но... попал в списки буржуазных элементов как торговец и мелкий буржуй второй категории.

Крестьянин Ухотской волости Федор Усков попал в списки буржуев только за то, что во время военной службы состоял в должности старшего писаря еще до эпохи исторического материализ-

ма и при этом получал жалованье. Не бог ведь какое, но все же жалованье – сначала полтинник, потом рубль с копейками, потом два с полтиной, а на вершине своей военной карьеры целых четыре рубля. В своем заявлении Федор Усков пишет: «...Отдел Вытегорского советского управления считает меня “буржуем”, но прежде чем давать такие клички и взыскивать деньги, которые для меня как для трудовика дорого стоят, я советовал бы вам, товарищи, с этим разобраться, а клеймить человека ни за что, ни про что, становится обидно. Я смогу отрывисто сказать про себя: “Я – трудовик-крестьянин”, сам лично зарабатываю мозолистой рукой хлеб, который поддерживает жизнь человека. Я не паук, а также не трутень, хотя вы считаете меня таким. До призыва на действительную военную службу я работал в своей деревне при отце хлебопашеством, а после окончания таковой, я прибыл в ту же деревню и занимаюсь исключительно физическим трудом. Имущественного положения нет, так как живу я с братьями и при отце, имущество не разделено. <...> И вот с этим несчастным жалованием я попал в буржуи. Из сказанного можете заключить, какой я буржуй».

Из сказанного можно заключить еще и то, что кто-то в Ухотском сельсовете так не любил Федора Ускова, что записал его в буржуи за четыре рубля жалованья. История закончилась резолюцией Отдела советского управления, направленной в Ухотский сельсовет: «Касательно перехода гражданина Ускова из категории буржуа в класс пролетария со стороны Отдела советского управления препятствий не встречается».

Жители уезда активно выступали за то, чтобы сельских священников исключить из списков нетрудовых элементов, но беспощадную борьбу с религией никто не отменял, и потому все ходатайства сельсоветов Отделом советского управления были отклонены. Когда в ноябре восемнадцатого года в селе Андомский Погост крестьяне избили агитатора, рассказывавшего им, почему опиум для народа, а заодно и его брата, то власти арестовали по этому делу двадцать человек, а местного священника, как зачинщика беспорядков, расстреляли. Третьего декабря Вытегорский исполком запретил колокольный звон. Корреспондент вытегорских «Известий» сообщал по этому поводу из Мегорской волости: «Проходя мимо небольшой кучки свободных кумушек, пришлось невольно остановиться, услышав разговор о местной власти. Одна из них громко призывала Бога покарать того, кто выдал записку местному попу о запрещении колокольного звона, другая же настойчиво уверяла, что Бог обязательно сведет тому руки и повернет ноги пятками наперед. “Я доподлинно узнала, что сделали это наши еретики “команисты”». Руки вытегорским «команистам» не свело и ноги пятками назад не вывернуло, но жалоба горожан в вышестоящие инстанции свое дело сделала, и через три месяца Вытегорский исполком, получив разъяснение НКВД, это решение отменил.

В конце декабря восемнадцатого года собрался Пятый уездный съезд Советов. На нем делегатам власти доложили, что во всех школах прекращено преподавание Закона Божия. Правда, многие несознательные родители с этим не смирились и стали оплачивать это преподавание из собственного кармана, но долго так продолжаться не могло. Кстати, о школах. Несмотря на отсутствие денег, разруху и голод, несмотря на катастрофическую нехватку старых учебных пособий и полное отсутствие новых советских, учебный год начался десятого октября. По сравнению с семнадцатым годом количество учащихся увеличилось вдвое. В уезде открыли дюжину библиотек-читален, четырнадцать культурно-просветительных кружков, пять народных домов и два детских сада, а в самой Вытегре открыли Советский театр.

Положение с продовольствием к концу хода снова ухудшилось. Того, что отправил вытегорский продотряд из Курской губернии, было совершенно недостаточно. В ноябре продовольствие стали распределять по категориям, утвержденным Народным комиссариатом продовольствия в Петрограде. В первую категорию входили рабочие, занятые тяжелым физическим трудом, кормящие грудью матери детей до одного года, кормилицы и беременные с пятого месяца. Они получали по десять с половиной килограммов хлеба в месяц. К январю девятнадцатого года эту норму уменьшили на три килограмма шестьсот граммов. Все остальные категории получали куда меньше.

Надо отдать должное Советской власти – бюллетень о количестве имеющихся в распоряжении продотдела продуктов регулярно печатался в местной газете. В записи от второго февраля девятнадцатого года в нем сообщалось, что «Ввиду недостатка в городе молока и яиц, комитетом отпущено в аптеки для выдачи больным детям 10 пудов пшена и 3 пуда сахара. Означенные продукты должны выдаваться по рецептам врачей»⁷⁸.

В уезде не было ни аптек, ни раздачи больным детям по рецептам пшена и сахара. Голод подтолкнул часть населения уезда к переселению в хлеботородные губернии. Корреспондент газеты сообщал в начале апреля девятнадцатого года из Ладвозерской волости: «На почве хронического недоедания и голода, ощущаемого в последнее время в нашей волости, начинается массовое выселение едоков, целыми семьями направляющихся в Вытегру, с целью получить разрешение и пробраться в хлеботородные губернии. Уже из пределов волости к 1 апреля уехало 15 семей или около ста едоков. На очереди еще несколько семейств, которые уже заявили в Совдеп о переселении по той же причине. Следовало бы порекомендовать продовольственному уездному центру, а равно и волостному, ввиду предстоящего разлива рек, при бездорожице и отдаленности от уездного города, а также во избежание дальнейших переселений из Ладвозерской волости, позаботиться о немедленном, вне всякой очереди и нормы удовлетворения, наделения волости хлебом и семенами. <...> В противном случае, это переселение в хлеботородные губернии, этот поток будет увеличиваться. Пока не поздно, надо действовать».

Хлебом и семенами не наделили, но разрешили переселяться в уезды Самарской губернии. Сказать, что не заботились, нельзя. Тогда же, в апреле, из Москвы пришло тридцать вагонов с хлебом, правда не для Вытегры, а для всей губернии; на склад уездной закупочной конторы пришло сто десять пудов конины; десятого февраля в Вытегре открылся Питательный Пункт, устроенный Уездной продовольственной коллегией. Это было его второе открытие – в августе восемнадцатого года он открывался в первый раз, но быстро закрылся и-за отсутствия продуктов. «Штат служащих около 50-ти человек. Имеется хороший повар. В начале отпускатось 300–500 обедов, а теперь уже 1700, кроме ужинов. Чаю отпускается до 4000 стаканов, ужинов до 1500. Все время администрация и заведующий Питательным Пунктом прилагают все усилия, чтобы поставить дело общественного Питания на должную высоту», сообщала местная газета. Она же зорко следила за его работой: «Немного правды о Питательном пункте. Действительно, тяжело смотреть, когда служащая, барышня Р., с посторонней дамой Г. кушают масляную кашу в присутствии изголодавшихся детишек 3–10 лет. Так было на днях. Дети, видя такую прелесть и не понимая, что каша во время ужина полагается не для всех, просят тоном мольбы: “мама, дай кашки!” Мама, поставленная в неловкое положение, быстро берет детей за руки и уводит подальше от соблазнительной каши. На улице она разясняет им, что их наивная просьба ни к чему другому, как только к конфузу не привела, и что нужно быть сдержанными, когда чужие люди едят соблазнительные кушанья. Так уже им полагается. Не знаем, поняли ли дети эту материнскую мораль и иронию, но, во всяком случае, при детях надо соблюдать известную осторожность при употреблении каши»⁷⁹.

Поводов для недовольства было хоть отбавляй – то задерживают выдачу табачных изделий, то «керосин, привезенный в последнее время, <...> разбавлен настолько, что не горит, а только чадит», то уездный продкомитет не сообщает вовремя о предстоящей или уже произведенной выдаче продуктов. Голод, продразверстка, раскулачивание, самовольные захваты продовольствия, направляемого губернскими властями в город и уезд, в сочетании с обстановкой на фронтах Гражданской войны, оптимизма вытегорам не прибавляли. В начале февраля газета сообщает своим читателям: «Пожалуй, посильнее табачных и чайных дел волнуют население слухи о близости белогвардейцев. С трудом можно убедить, что Каргополь и Пудож еще не взяты». За неосторожно сказанное слово можно было попасть в тюрьму⁸⁰, куда неосторожные граждане и попадали гораздо чаще, чем им хотелось бы. Оттуда их пытались вытащить родственники.

Весной девятнадцатого года жительница деревни Мостовой Кондушской волости Екатерина Фунтикова написала письмо в местную ячейку РКП(б): «Муж мой Федор Фунтиков (прим. в июне 1918 года был избран в состав уездного исполкома от партии левых эсеров) вот уже пятый

месяц лишен свободы, той свободы, к которой мы стремились и стремились, и за что? Причины я не вижу и не знаю, ведь не все же граждане большевики, а есть и других партий и беспартийные, но все ходят на свободе. Если он и сказал, что вам не нравится, то умоляю вас, товарищи, простить ему, как прощаете другим. Положение мое самое плачевное, все время хвораю и не могу справлять своего, хотя и худенького, хозяйства. Нет дров печи истопить, часто корову доят соседи. Сын малолетний, присмотреть не кому, на днях упал в колодец, едва спасли. А что я буду делать с приближающимися весенними работами? Крыша течет, на дворе вода и скотину приходится держать на сарае. Дорога пала, и сено осталось не вывезено в лесе. Товарищи! Еще раз прошу и умоляю спасти моего мужа и взять его на поруки, все говорят, что от вас зависит его освобождение. Неужели он настолько виноват перед вами, или сделал такой проступок, что хотите сгноить его в тюрьме? Нет, не верю я, чтобы истинные товарищи были настолько бессердечны, жестоки, и буду ждать от вас освобождения своего мужа». Товарищи по партии согласились взять неосторожного Федора Фунтикова на поруки и ходатайствовать перед Вытегорским Совдепом о его освобождении⁸¹.

Житель той же деревни просит Кондушскую ячейку РКП (б) взять на поруки своего брата, Дмитрия Мосина, сидящего в городской тюрьме по подозрению в переписке прокламаций левых эсеров. Правда, вина его доказана не была, но... сидеть в тюрьме это ему не мешало. Согласилась ли ходатайствовать перед Вытегорской ЧК за освобождение Дмитрия Мосина кондушская ячейка большевиков, неизвестно.

Нет ничего удивительного в том, что были в Кондушской волости беспартийные граждане, с нетерпением ждавшие прихода белых, а уж Советскую власть и большевиков аттестовавшие такими словами... О чем бдительные граждане незамедлительно доносили куда следует. В заявлении в Кондушский военный комиссариат члена РКП(б), пожелавшего остаться неизвестным, сказано: «19 марта 9 дня нового стиля собрано было собрание сельского совета деревни Гусевой. Пришедшие граждане не обсуждали никакие вопросы, а поднимали контрреволюционные выступления против советской власти коммунистов-большевиков, что эти коммунисты только для разграбления страны, но при резком выступлении говорили Николай Митрофанович Июдкин, Андрей Митрофанович Июдкин, Алексей Владимирович Хрястов. “Недолго поцарят большевики, скоро придет Белая армия и мы пойдем в Белую армию и перережем их и все их семьи”, – добавил Чугунов Стефан Иванович. “Кто есть коммунисты, то... (нрзб.) надеть кафтан на голову и бить палками каждого, не дожидая белых, и прогнать их и совет их подлый”. Прошу Кондушский военный комиссариат принять к сведению и привлечь такие названные лица, которые поднимают саботаж и не дают гражданам беднякам объединяться».

В новой, советской, жизни было много такого, чего не было, да и не могло быть в старой. Например, комиссии по распределению вещей, реквизированных у буржуазии. Эта комиссия через газету в конце февраля девятнадцатого просила «граждан, просьбы которых в выдаче вещей удовлетворены, забрать их не позже третьего марта. Лица, не взявшие вещей до указанного срока, лишаются права на получение, и вещи, назначенные к выдаче им, будут переданы другим». Жилищный Подотдел город Вытегры предупреждал граждан, получивших бесплатное муниципальное жилье, о недопустимости колки дров на крыльцах, в сенях и других помещениях. «Воспрещается выливание помоев в отхожие места, около строений, на дворы и др. не соответствующие своему назначению места. В случае неисполнения настоящего предложения, лица, виновные в причинении тем или иным путем вреда вообще строениям, будут привлечены к ответственности со взысканием всех убытков и расходов Жилищного Подотдела по повреждениям или очистке нечистот».

Никогда не было в Вытегре стола жалоб, куда любой мог бы обратиться с жалобой на действия чиновников, а весной девятнадцатого года появился. На одном из своих заседаний Исполком постановил, что «каждый гражданин может подавать заявления на преступные действия советских работников. Жалобы эти периодически будут разбираться, и виновные получают по заслугам. В волостях такие жалобы могут подаваться членам Уездисполкома, которые будут ежемесячно их

посещать. Граждане должны этим широко пользоваться, но, понятно, не злоупотребляя». Новая власть запретила переходить с одного места работы на другое без специального на то разрешения. Тех, кто это распоряжение нарушал, наказывали. Так, за самовольный переход из одного учреждения в другое машинистка уездного исполкома Антонина Морозова в январе двадцатого года попала под суд, по решению которого ей пришлось заплатить три тысячи рублей штрафа. Мало того, ее еще и лишили права состоять на государственной службе в течение полугода.

Не было газеты, в которой публиковались списки дезертиров, не было субботников, на которых играли духовые оркестры, не было митингов по поводам, которые еще пять, даже три года назад было себе трудно вообразить. Вот резолюции трех митингов, которые прошли в Вытегре в ответ на убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург:

«Резолюция Вытегорского волостного коллектива партии Коммунистов 26 января 1919 года.

Обсудив убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург, совершенное буржуазией и социал-предателями Германии, Вытегорский волостной коллектив Коммунистов шлет проклятия всем врагам рабочего класса, всем паразитам трудящихся масс, вырывающих вождей пролетариата. Коллектив верит, что наступит царство социализма на земле, несмотря ни на какие жертвы, понесенные рабочим классом в борьбе за проведение в жизнь идей коммунизма. Да здравствует мировая рабочая революция! Да здравствуют вожди рабочего класса! Вечная память погибшим на поле битвы за дело освобождения трудовых масс! Председатель собрания Рогозин.

По текущему моменту Сойдинского Коллектива Коммунистов <...>. Заслушав доклад о текущем моменте <...> заявляем, что будем до конца стоять на страже завоеваний Советской России; шлем горячий привет борцам за свободу т.т. Ленину, Зиновьеву, Троцкому и Луначарскому, приветствуем президиум Вытегорского Коллектива Коммунистов. Мы, объединившиеся в глухом углу – Сойде, заявляем всем врагам Народной Власти, что мы ни пяди не отступим назад и поведем с ними борьбу. Да здравствует Власть Советов! Да здравствует Коммунизм в деревне! Председатель Коллектива Кабанов.

Граждан Бадожской волости <...>. Мы, граждане Бадожской волости, присутствуя на митинге 2 февраля и заслушав доклады <...> о текущем моменте и необходимости защиты интересов трудового народа постановили: все до единого готовы пасть в борьбе с капиталистами и всеми врагами трудового народа за освобождение всемирного пролетариата от гнета и тисков векового врага – капитала. Да здравствует наша доблестная Красная Армия! Да здравствуют борцы за Свободу! Да здравствуют наши вожди Коммунисты – Ленин, Троцкий, Зиновьев и проч. <...>».

Не все митинги оканчивались такими яростными резолюциями. Митинг, посвященный первой годовщине создания Красной Армии, окончился чтением Николаем Ключевым поэмы «Гимн великой Красной армии» и спектаклем в пользу семейств красноармейцев. Митинг, посвященный этой же дате, в тот же день прошел и в уезде, в селе Ухта. Там тоже пели Интернационал, выступали ораторы с пламенными речами, ходили по окрестным селам со знаменами и флагами, а вечером, как писал корреспондент газеты: «состоялся бесплатный спектакль или вернее, литературно-музыкальный вечер при участии местной интеллигенции. Пока готовились на сцене, было кое-что прочтено и затем любители разыграли две картинки: исповедь перед попом приговоренного к казни революционера и освобождение из тюрьмы политического восставшими рабочими. Играл небольшой струнный оркестр, говорили стихотворения, общим хором исполнили много революционных песен и закончили вечер пением Интернационала».

Все же жизнь понемногу налаживалась. Весной девятнадцатого года возобновил работу кирпичный завод. Рабочим в качестве заработной платы выплачивали по три фунта хлеба в день. За кирпичным заводом заработали три лесопильных и завод «Коммуна», производивший сельскохозяйственные орудия. Тогда же стали создавать сельскохозяйственные коммуны и артели. Их организовали всего шесть, и самая большая из них в Андомской волости насчитывала сорок четыре человека. Еще две коммуны распались из-за того, что их участники не смогли договориться между собой, а одну с названием «Бедняк» и вовсе упразднил уездный земотдел «как организованную из нетрудовых элементов деревни».

Летом девятнадцатого года в уезде организовали восемь школьных колоний. Это были первые пионерские лагеря еще до пионерских лагерей. Школьники на летний период обеспечивались всем необходимым государством. В такие колонии в первую очередь зачисляли детей городского пролетариата, а также тех волостей, в которых голод был особенно силен. В уезде планировали открыть еще пять детских садов для приходящих детей, две колонии и пять общежитий для круглосуточного содержания, которые называли очагами. Эти очаги предполагалось открывать в глухих местах.

Теперь о культурной жизни, которая, несмотря на все несчастья, свалившиеся на головы вытегорцев в первые годы Советской власти, была. Как только в Вытегре появилась своя газета, в нее сразу стали присылать стихи⁸³, в литературном листке время от времени печатались стихи Николая Клюева⁸⁴, на сцене Советского театра ставили спектакли. Появились даже местные театральные критики. В качестве иллюстрации к театральной жизни тех лет Вытегры приведем две, напечатанных в газете «Звезда Вытегры», рецензии на спектакль «Женатый Мефистофель», поставленный на сцене вытегорского Советского театра весной девятнадцатого года:

«1 апреля в городском театре шла комедийка Миновича „Женатый Мефистофель“. Об этом спектакле можно было совершенно промолчать, если бы не благородная цель, с какою он был поставлен. Сбор шел на усиление „Союза Женщин-работниц“. Следовательно, до известной степени спектакль в пользу пролетариата. И вдруг преподносится фарс, развлекавший в свое время сытую петербургскую буржуазию и состряпанный в ее удовольствие. Неужели нет нужных пьес? Или они не по силам нашим любительским талантам? Культивируйте граждане серьезное искусство, а пошлость оставьте буржуазии».

«Редакцией „Звезды“ получено письмо от Союза женщин по поводу рецензии о „Женатом Мефистофеле“. Союз женщин пишет, что „Женатый Мефистофель“ разыгран очень талантливо и дал много искреннего смеха и что этот фарс развлек даже рецензента и разгладил морщины недовольства на его лице. Далее Союз женщин добавляет, что „смех необходим всегда, как кусок ржаного хлеба“. Я не отрицаю, что и смех может быть хлебом, но с тем, что „Женатый Мефистофель“ развлек и рецензента я не могу согласиться. Я еще ценю облагораживающее действие смеха „сквозь незримые миру слезы“ великого Гоголя, гневный ядовитый смех Щедрина, безоблачный К. Джером-Джерома или М. Твена, но мне кажется громадным преступлением против нашей эпохи громовых бурь социальной революции – защита желудочного смеха, которым проникнут весь „Женатый Мефистофель“. Такой смех необходим был в старое время какому-нибудь буржуа, который после сытного обеда и хороших гаванн шел в театр порассеяться. Преподносить пролетариату подобные фарсы, превращать театр – храм красоты в балаган, это – верх близорукости. Хмурый».

Нужных пьес не было. Их еще не успели написать, а потому ставили те, что остались от старого мира, прах которого еще не до конца отряхнули со своих ног. Поэтому красноармейцам караульной роты в пользу «Недели фронта и транспорта» в феврале двадцатого года пришлось ставить спектакль по старой, еще тринадцатого года, пьесе Тадеуша Кончинского «Крылья смерти», в котором некий доктор не имеющую слуха девушку под гипнозом делает способной петь оперные партии. Сюжет несомненно буржуазный, но нам сейчас интересна не столько пьеса, сколько лотерея, состоявшаяся после спектакля. На ней, как писала «Звезда Вытегры», был разыгран пирог за две тысячи рублей, два фунта сахара за полторы тысячи и четверть фунта махорки.

Прервем ненадолго рассказ о «Неделе фронта и транспорта», чтобы сообщить о том, что в сентябре девятнадцатого года начался поход Северо-Западной Армии под командованием Юденича на Петроград, и первый председатель вытегорского исполкома и бывший матрос Балтийского флота Михаил Николаевич Мехнецов, несмотря на то что Вытегра была достаточно далеко от театра боевых действий, свой пост оставил и уехал в Кронштадт командовать отрядом моряков, защищавшим город от наступавших частей Юденича. В Вытегру он больше не вернулся⁸⁵.

Теперь о «Неделе фронта и транспорта», проведенной в феврале двадцатого года. На эти дни для всех ввели десятичасовой рабочий день, и ежедневный заработок каждого работника за два

часа отчисляли в пользу этой самой недели. Всего было собрано около полутора миллионов рублей, не считая продуктов, теплых вещей, белья и подарков для красноармейцев. В конце мая двадцатого года провели «Неделю трудового фронта» для того, чтобы как можно скорее закончить сплав и отгрузку лесоматериалов в Петроград. В конце декабря снова устроили неделю лесозаготовок. Нельзя сказать, чтобы население было в восторге от этих мероприятий и рвалось на лесозаготовки, а потому уездный агитпроп в своих тезисах для агитаторов, опубликованных в газете «Трудовое слово», сообщал вытегорам, что «В неделю лесозаготовок каждый гражданин, не ставший еще на работу, должен это сделать, иначе его будет карать железная рука пролетариата. <...> Эта неделя должна носить характер общеуездного коммунистического труда. <...> Да здравствует трудовая дисциплина! Смело вперед к победе на трудовом фронте. Долой несознательность и разгильдяйство. Беспощадная борьба с трудовым дезертирством!» В двадцатом году насчет железной руки пролетариата уже можно было не сомневаться. С дезертирами боролись на всех фронтах. Особая комиссия по предоставлению отсрочек при Вытегорском Уездвоенкоме объявила в мае двадцатого года, что «красноармейцам, состоявшим в частях войск и прибывших на родину для поправления здоровья, отсрочки предоставляться не будут, а потому лица, возбуждавшие ходатайство в Комиссии по отсрочкам на красноармейцев в отпусках по болезни из частей войск, будут преданы суду Ревтрибунала, как укрыватели дезертиров».

С укрывателями продовольствия поступали ничуть не более гуманно. Продразверстку в двадцатом году никто не отменял. Правда, за ее выполнение стали поощрять. Например, за выполнение гражданами яичной и молочной разверсток коллегия Уезпродкома постановила выдавать га-лоши, а премия в полфунта соли полагалась каждому, кто выполнил ягодную разверстку. Острее всего стоял вопрос снабжения населения хлебом. Уже и дрова в Рыбинск в обмен на хлеб отпра-вили, уже и пообещали оттуда полтора миллиона пудов хлеба, а хлебную норму снова урезали. Не хватало не только хлеба для людей, но даже сена для скотины, которое выдавали по нормам. Власти объявили, что «в первую очередь сено будет выдаваться гражданам, не имеющим своих запасов, так как максимальная часть <...> отправляется в Петрозаводск <...> и лишь небольшая часть остается на местные нужды, причем из остающейся части в первую очередь снабжаются учреждения, а затем уже граждане. <...> Вывоз гражданами города сена из волостей уезда не разрешается». В мае часть населения уезда, из опасения, что продотряды отнимут у них не только излишки, но и весь картофель, стала его сажать. В мае хорошо сажать картошку где-нибудь в Кур-ской или Орловской губерниях, но не в Олонецкой. Советским служащим с октября двадцатого года иногда выдавали мясо из городской мясной лавки. По два с половиной фунта на человека. То есть по килограмму с небольшим. Впрочем, так везло далеко не всем советским служащим. В уез-де и этого не видели. Вот открытое письмо правлению Уездсоюза работников просвещения одно-го из учителей, напечатанное в городской газете: «Прислушайтесь товарищи к крику крошечных детей народных учителей. Они не умолкая пищат, протестуют о справедливости, они требуют и манной каши, и молочка, и сахарного песочку. Все это необходимо для питания, роста и образо-вания жиров в детском нежном организме. Я имею в виду только детей до трех-четырёх лет. Про-дукты эти имеются для городских детей и почему-то обойдены дети народных учителей. Возьму первый год жизни обездоленного ребенка: у отца-пролетария нет коровы, а граждане деревни признают только товарообмен на соль, керосин, мануфактуру, т.е. на те предметы, в которых чув-ствуется такая острая нужда. Ребенку хочется и покушать свежего молочка, но учитель не может ежедневно покупать его. О прочих продуктах нет и помину. Грызи крошка, ржаную корочку и запивай водицей! Подобное отношение недопустимо в Российской республике, где все усилия центра направлены на заботы о питании детей. Немного перепадет ребенку молочка и от матери, особенно матери учительницы, на долю которой досталось два с половиной фунта соя от уби-тых овец в четыре месяца. Ваш долг, товарищи, заботиться о нуждах учительства. Позаботьтесь о матери труженице и ее ребенке. В противном случае в недалеком будущем мы рискуем увидеть детей-рахитиков, вид которых послужит нам упреком в нашей халатности, нашей небрежности к улучшению детского питания детей пролетариев». К этому письму редакция от себя добавляет:

«Полагаем, что для нашего Вытегорского Упродкома является очередной задачей исходатайствование бесплатного детского питания для детей пролетариев уезда. Губпродком должен дать ясный и определенный ответ». Учитель, конечно, нужен, но какой из него пролетарий...

Несмотря на все эти несчастья, вытегоры в двадцать первом году смогли помочь голодающим Поволжья. Только на концерте в городском театре в помощь голодающим было собрано около двадцати девяти тысяч рублей, а Кондушское общество потребителей пожертвовало почти миллион.

Двенадцатого февраля двадцать первого года вытегорская газета «Трудовое слово» напечатала маленькую заметку о событии, которое на судьбу Вытегры и вытегоров вряд ли повлияло, но и пройти мимо него нельзя. «Победа платформы тов. Троцкого. Дискуссия о роли профсоюзов в Вытегре в общегородской партийной организации заняла два собрания. С защитой платформы 10 (Ленина, Зиновьева и др.) выступал т. А. Чудов, платформы Троцкого, Бухарина и др. – т. А. Богданов. При голосовании платформа Троцкого получила большинство – 31 голос, платформа Ленина – 28 голосов». Что тут скажешь... Лет через десять даже вспоминать о результатах этого голосования будет страшно.

В двадцать втором году Вытегорский уезд присоединили к Петроградской губернии. Его бы, конечно, к Петроградской губернии ни за что бы не присоединили, но Олонецкую губернию декретом ВЦИК упразднили и разделили. При этом три самые дальние от Вытегры волости Вытегорского уезда передали в Каргопольский уезд, отошедший к Вологодской губернии. В полугодной жизни Вытегры в этот год произошло два события – открылась сапожная мастерская на десять человек для инвалидов войны, в которую принимались желающие обучаться сапожному мастерству на иждивении уездного собеса, и в городском театре поставили пьесу Шиллера «Коварство и любовь». Публика и театральная критика, если судить по заметке в «Трудовом слове», остались недовольны.

Жизнь, теперь уже советская, на месте не стояла. В двадцать четвертом году у ручья Вянг поставили два паровых двигателя⁸⁶, снабжавших город, хотя и не весь, электричеством, а еще через два года построили электростанцию. Которая смогла дать электроэнергию во все городские учреждения и частично горожанам. В городе появились пятьдесят уличных электрических фонарей. Через год после того, как зажглись электрические фонари, в Вытегорском театре открылся кинематограф. В двадцать седьмом году в городе открылся железнодорожный сад-театр с тиром и летней сценой, на которой выступал хор и духовой оркестр. Вообще культурная жизнь в городе стала куда живее, чем в годы Гражданской войны. Правда, советская культурная жизнь имела свои особенности, которые организаторам культурных мероприятий не стоило забывать. В противном случае... «На семейном вечере самодеятельности, устроенном Вытегорским волостным месткомом, большая часть времени ушла на танцы. Местком и культкомиссия союза, устраивая “плановый вечер”, не смогли придумать ничего более лучшего. Месткому просвещенцев, объединяющему свыше тридцати членов, можно было бы дать на вечере что-либо художественное, тем более что о вечере долго и много говорили. В будущем надо заботиться о лучшем содержании таких вечеров», – писала газета «Крестьянское слово» в июне двадцать седьмого года. В этом же номере заметка с красноречивым названием «О Надсоне, гнилых романах, труппе “Пролетарский актер” и о наших концертах», в которой корреспондент газеты восклицает: «Товарищи и граждане – исполнители романсов, песен и стихов! Поменьше грусти, тоски и боли! Побольше здорового, веселого и жизнерадостного искусства! <...> В нашей пролетарской литературе есть красивые, цельные стихи и песни. Зачем, для чего вытаскивать на свет упадочнические стихи и романсы буржуазного “искусства”? Это – не критика. Это затаенная мысль зрительного зала, и я беру на себя смелость высказать ее».

Правильные, с точки зрения новой власти, вечера и концерты должны были выглядеть по-другому. Например, так: «Первого января в школе первой ступени состоялся вечер просвещенцев. Восемь часов вечера. В помещении школы горит огонь. Собираются просвещенцы. Мелюзги нет, но на вечер явилось много молодняка. Взрослые члены профсоюза очень довольны вечером.

Довольны и все участники его. Свободное непринужденное настроение. Нет ни бузотерства, ни шума, никаких хулиганских номеров. “Азартно” сражаются в шахматы и шашки <...>. Собрались в общий зал. Прослушали небольшой докладик. Спели коллективно несколько песен. Часть участников выступила с декламациями и рассказами. Охотно станцевали “русского”. Прослушали две речи Ильича на граммофоне. Далеко за полночь, выпив по стакану чая, просвещенцы веселые и бодрые разошлись домой».

К жизни культурной вплотную примыкала жизнь общественная, которая могла принимать довольно причудливые формы. Почтово-телеграфная контора Вытегры открыла в двадцать третьем году прием пожертвований «в пользу пролетарских масс Японии» и обратилась «ко всем учреждениям и лицам исполнить свой долг и внести посильную лепту в пользу Японии». Кооперативным движением Советская власть охватила даже школьников – в уезде, в деревне Макачево, в январе двадцать шестого года на общем собрании учащихся было решено открыть школьный кооператив. Вступительный внос в кооператив по решению собрания составил две копейки, а паевой – восемь. Тут же избрали правление и Ревкомиссию. Еще и устроили спектакль, чтобы выручку от него сделать запасным капиталом. Нельзя сказать, чтобы эти школьные кооперативы были совершенно бесполезны. Они оптом закупали линейки, тетради, циркули и карандаши и по устойчивым ценам продавали их своим пайщикам. Школьные принадлежности еще очень долго были в дефиците – через шесть лет, в тридцать втором году, вытегорская газета «Колхозное знамя» писала, что в городе невозможно купить ни циркулей, ни линеек, ни угольников, и курсантам-мотористам и рабочим, занимающимся самообразованием, трудно сделать даже простой чертеж.

Вернемся к общественной жизни города второй половины двадцатых и начала тридцатых годов. Баня, если она общественная, к ней тоже относится. Так вот, городской бани в Вытегре до сей поры не было, и газета требовала у Горкомунотдела, чтобы он ее построил. В противном случае, утверждала газета, вытегорцы завшивеют. Прогресс коснулся не только бани – городскую амбулаторию в двадцать шестом году разделили на отдельные кабинеты, в каждом из которых стали принимать пациентов профильные специалисты. К бане и амбулатории прибавим открытие в тридцатом году педагогического училища. Помещение для училища долго искать не пришлось – его открыли в здании бывшей Николаевской женской гимназии.

В конце двадцатых пришла в Вытегорский район коллективизация. В марте тридцать первого года было охвачено колхозами около трети всех хозяйств района. Страницы местной печати запестрели заявлениями крестьян, желающих вступить в колхозы. Приведем лишь некоторые из них.

«Я, крестьянка деревни Таровой, Александра Терехова, убедилась, что религия – это сплошной обман для темных людей. Бросая всякую связь с религией, вступаю в колхоз и вызываю последовать моему примеру соседей Терехова Василия, Терехова Николая, Терехова Ивана, Терехову Евдокию, Сергееву Наталью, Сергееву Анну и Сергеева Александра. Александра Терехова (крестьянка-единоличница)».

«Мы, делегатки Патровского пункта, Сперовского сельсовета, организовали вербовочную группу по вовлечению в колхозы. В пример другим двое из нас вступили сами в колхоз. Обязуемся шире поставить разъяснительную работу по вовлечению в колхозы и вызываем на соцсоревнование женщин деревни Камручей Каляшову и Кузнецову».

«На общем собрании крестьян Палтогского сельсовета по вопросу коллективизации 60-летний старик Ник. Фед. Теровский подал заявление о вступлении в колхоз. Теровский вызывает на вступление в колхоз соседей Теровского Михаила, Теровского Федора, и др. Крестьяне, берите пример с Теровского, идите в колхозы».

Это с одной стороны. С другой – развернулась кампания по недопущению кулаков в колхозы, а тех, кто уже вступил, выгнать из них. Газетные заголовки тех лет в вытегорском «Колхозном знамени» говорят сами за себя: «Подстригем когти кулаку эксплуататору», «Разоблачим и выживим кулака», «Сельсоветы, колхозы отвечайте на заметки селькоров, немедленно принимайте

меры. Кулаков вон из колхозов!». Селькоры немедленно к штыку приравняли перо и писали, писали, писали...

«Вышибленный из рядов ВКП(б) Александр Силкин каким-то образом затесался председателем Слободского поселкового товарищества, и вступил в колхоз. В прошлом году Силкин был ярким противником мероприятия Соввласти. Слободской сельсовет и колхоз должны немедленно избавиться от негодяя Силкина. Селькор Глаз».

«В Крюковский колхоз "Первое Мая" (Анхимовский сельсовет) вступил кулак Агеев Г.А., предварительно распродавший часть своего имущества. Цель Агеева – спасти свою волчью шкуру. <...> Узнал Агеев, что дополнительными хлебозаготовками пахнет и, недолго думая, зарыл в снег солидные излишки хлеба, но... опять не повезло – нашли хлеб играющие ребятишки. Кулаку Агееву не место в колхозе. Правление колхоза и сельсовет, примите срочные меры. Колхозник».

К тридцать четвертому году, как писала в своем постановлении IX Вытегорская партийная конференция, «Колхозный строй окончательно победил, кулачество подавлено, коллективизировано в районе 82,65% <...>. Конференция ставит задачу в 1934 г. завершить сплошную коллективизацию, превратить район из потребляющего в производящий». Оказалось, что поставить задачу куда проще, чем выполнить. То есть загнать всех или почти всех в колхозы можно, но превратить район из потребляющего в производящий куда сложнее – то срывается план по хлебозаготовкам, то по молоку... «Колхозное знамя» закликает⁸⁷ в конце января тридцать второго года: «Осталось пять дней. Выше темпы выполнения заданий по хлебозаготовкам в эти решающие дни. К первому февраля закончить хлебозаготовки. Темпы безобразно низкие. Хлебживсоюз растерял своих уполномоченных и ждет, когда советская власть за них сделает дело. <...> Меры воздействия на недотачиков Хлебживсоюз до сих пор не применил. Если Хлебживсоюз и эту декаду будет находиться во власти самотека, то последний срок выполнения плана хлебозаготовок 1 февраля с.г. будет нарушен. Необходимо теперь же Хлебживсоюзу мобилизовать все силы и средства для выполнения задания и при содействии общественности выполнить задание к 1 февраля», «Срывающих хлебозаготовки на черную доску», «Сломить кулацкий саботаж. Выполнить план молокозаготовок во что бы то ни стало. <...> Дадим девятьсот девять тонн молока в 1932 г. Изжив ошибки прошлого, развертывая соревнование, решительно наступая на кулака, всемерно укрепляя животноводство не только выполним, но и перевыполним задание боевым проведением молокозаготовок улучшить снабжение трудящихся». На бумаге все было гладко, но в действительности... «В чем же причины позорного отставания в выполнении закона о молокотеке? – спрашивала газета. – Прежде всего в бездушном и оппортунистическом отношении к выполнению молокозаготовок руководителей сельпо и сельсоветов <...> работа пущена на самотек, план не выполняется, злостно уклоняющиеся и в особенности кулаки к ответственности не привлекаются. Надо со всей решительностью ударить по оппортунистической расхлябанности. Кулацкий саботаж молокозаготовок должен быть решительно сломен. Заготконтора Райпотребсоюза обязана <...> организовать борьбу за неуклонное выполнение пятидневных заданий, доводя их до каждого в отдельности сдатчика и заготовителя. На выполнение плана молокоздачи должна мобилизоваться вся общественность района и сломить кулацкое сопротивление. План выполнить в срок и полностью». С объяснением неудач стало куда проще, чем до семнадцатого года – раньше кроме засухи, проливных дождей и заморозков в июне ничего и выдумать было нельзя, зато теперь всегда были под рукой оппортунисты с их расхлябанностью, кулацкий саботаж, самотек и злостные уклонисты.

Самый большой прорыв случился, однако, не на фронте хлебозаготовок и хлебосдачи. В конце лета тридцать первого года стало ясно, что район срывает договор на поставку леса. Поставку не куда-нибудь, а в Англию. Разбираться в причинах и исправлять положение в Вытегру приехал Киров⁸⁸. Ликвидировали прорыв методом, которым в тридцатые советская власть пользовалась часто – к началу сентября управление Северных лагерей на двух баржах прислало в район тысячу заключенных, и английский заказ через полтора месяца был выполнен. В следующем году ситуация с лесозаготовками повторилась. «Колхозное знамя» снова било в набат. Предлагали

посылать лучших колхозников на ликвидацию прорыва в лесу, ругательски ругали сельсоветы и колхозы, не уделяющие внимания лесозаготовкам, требовали пробудить сельсоветы от «оппортунистической спячки», повысить качество обедов в лесных столовых... Три женщины колхоза «Свободный труд» одного из сельсоветов объявили себя ударницами и написали в газету, что борются за повышение производительности труда. «Лесозаготовки – это новая для нас работа, но мы не испугались трудностей и по-ударному принялись за дело. В результате наша выработка в среднем по заготовке от 2,5 до 3 плотных кубометров⁸⁹. Мы выходим на работу в 7 час. 30 мин. утра и приходим с работы последними, не раньше пяти часов вечера; работаем попарно, третий человек обрубат сучья, вырабатываем норму хлеба по 800 гр. В Международный женский день мы рапортуем высокой производительностью труда, уплотнением рабочего дня и объявляем себя ударницами лесного фронта, мы закрепляемся на пункте до конца лесозаготовок, после чего сразу переключаемся на весенний сев и перенесем боевые темпы труда на колхозные поля». Три кубометра леса за буханку черного хлеба...⁹⁰

Вытегорам, начиная с конца двадцатых годов, постоянно приходилось воевать на каком-нибудь из множества трудовых фронтов, или на нескольких сразу, или принимать участие в самых различных кампаниях по сбору средств – то колхозники должны бороться за упитанность коня в преддверии весеннего сева, то охотникам по-ударному нужно провести декадник по сдаче государству пушнины⁹¹, то немедленно поставить киноработу в районе на высшую ступень и руководить ей по-большевистски⁹², то оживить работу сельских судов, то увеличить жителям города и уезда самообложение, то принять участие в социалистическом соревновании по выполнению финансового плана, который нужно не только выполнить, но и перевыполнить, то во время стахановской декады по-ударному вывозить навоз на поля, то подписаться на государственный заем, то просто сдать деньги, а их приходилось сдавать по самым разным поводам, то собирали на постройку эскадрильи самолетов по пятьдесят рублей, то отчисляли по рублю каждый месяц на приобретение технической и политической книги, то на постройку подводной лодки... Со сбором денег на постройку подводной лодки получился и вовсе анекдот. «Колхозное знамя» писало в феврале тридцать второго года: «Общественный суд Девятинского сельсовета объявил общественное порицание и оштрафовал на 3 руб. в пользу постройки подводной лодки А.Н. Белова (17 лет), за то, что последний подчистил купон №3 займа индустриализации и сдал его ученикам, собиравшим на постройку подводной лодки, получив с них два рубля сдачи».

Теперь о местной промышленности. Не бог весть какая промышленность появилась в тридцатые годы в городе и районе, но, во-первых, во всем же строить металлургические комбинаты и автомобильные заводы, а во-вторых – и это на самом деле во-первых, – она появилась, а не пришла в упадок и не разорилась из-за того, что в Китае все то же самое можно купить дешевле и с большой скидкой. Так вот, в тридцатом году в Вытегре заработал вновь построенный рыбозавод с ледниками для хранения выловленной рыбы и печами для ее сушки. Через четыре года в городе построили промкомбинат. Производил он все то, что производили тогда провинциальные промкомбинаты – кирпич-сырец, кирпич обожженный, сани, простую мебель, грабли, лопаты, корзины, стройдетали...

В тридцать третьем у вытегоров появился аэродром и началась перевозка почты и пассажиров на самолетах У-2 по маршруту Вытегра – Вознесенье – Подпорожье – Лодейное Поле – Ленинград. Пассажиров на У-2 больше двух не перевезешь, но называться пассажирскими рейсы уже могли, хотя регулярными они еще не были. Летное поле располагалось в семи километрах от города в деревне Палозеро на берегу одноименного озера. Собственно, поверхность озера и была летным полем. В деревне жили техники, обслуживавшие самолет, и пилот. Летом самолеты приводнялись, а зимой садились на лед Палозера. Через год построили настоящее летное поле с грунтовой взлетно-посадочной полосой в Вытегре, и Северным управлением воздушных путей был открыт регулярный рейс Вытегра – Ленинград. Забегая вперед скажем, что еще через четыре года начались регулярные рейсы из Вытегры в Лодейное поле, а еще через год в Вознесенье. Летали все на тех же У-2.

В тридцать четвертом создали артель «Трудовик», выпускавшую те же грабли, лопаты, корзины, а к ним метлы и дровни. Кроме того, артель принимала индивидуальные заказы и от учреждений на изготовление мебели, пошив и ремонт одежды и обуви. Одним из учреждений был городской театр, для актеров которого артель шила сценические костюмы. В артели «Трудовик» почти с самого ее основания работал Иван Михайлович Горячий. Хорошо работал, добросовестно. В тридцать шестом году по рекомендации председателя артели его назначили заведующим смоло-дегтярного завода. К тому времени оборудование завода было изношено до предела, и Горячий неоднократно просил и требовал у руководства артели остановить завод на ремонт. Завод на ремонт не остановили, но на Ивана Михайловича Горячего первого августа тридцать седьмого года в вытегорский райотдел НКВД поступило четыре доноса, слово в слово друг друга повторявших. Приведем только один из них, некоего гражданина Анухина, который писал, что гражданин Горячий «на протяжении ряда лет занимался контрреволюционной деятельностью, направленной на развал завода. Для проведения систематической работы сколотил группу из четырех человек, которая вела агитацию против мероприятий партии и правительства». Пятого августа Горячего и еще трех человек из его вымышленной группы арестовали. Следствие длилось две недели. Свидетель Анухин на допросе показал, что «Горячий организовал группу из четырех человек. Эта группа была настроена против Советской власти, были недовольны колхозным строем. Они вели агитацию среди рабочих в общежитии, говоря “ни хлеба в брюхо, ни платья на себя”». Горячий виновным себя не признал, но вытегорские следователи и не нуждались в его признании. Через две недели всех четверых отправили в Ленинград, и восьмого сентября тройка приговорила их к расстрелу.

Потом всех четверых реабилитировали, но потом, через пятьдесят шесть лет⁹³.

Перейдем к делам хозяйственным, бытовым. В буднях великих строек с обеспечением населения товарами народного потребления в тихой Вытегре и районе дело обстояло не так хорошо, как хотелось бы. Правду говоря, дело обстояло из рук вон плохо. Для иллюстрации приведем несколько заметок только из одного номера «Колхозного знамени» за апрель тридцать шестого года.

Редакция газеты с большевистской прямотой критикует Райпотребсоюз: «В самом деле можно ли говорить о достижениях, когда убытки по всей системе Райпотребкооперации за 1935 год выразились в сумме 37 тысяч рублей. Когда и сейчас еще в магазинах не имеется обязательного ассортимента товаров. Когда хищения и растраты в системе были обыденными явлениями. <...> Нужно очистить ряды работников потребкооперации от жуликов, воров и проходимцев и с большевистской настойчивостью взяться за организацию культурной торговли».

К мнению редакции присоединяется директор вытегорского отделения Госбанка Никитин: «Мы, товарищи, пережили недостаток продуктов и товаров. Прошло то время, когда наши магазины занимались распределением. Теперь кооператорам надо учитывать спрос потребителя. Посмотрим, как мы перестроились. Конфет подушечек и макарон мы имеем на год, маргарина имеем на шесть месяцев. Зато совершенно не имеем чайной посуды, щипцов для колки сахара, кнопок и много продуктов и товаров из обязательного ассортимента. Много говорили и писали о плохом качестве хлеба в городе. Но хлеб по-прежнему не печется, а варится».

Ему вторит педагог Сидорова: «<...> после объявления свободной торговли снабжение ученическими пособиями от РОНО перешло к кооперациям и здесь мы имеем ряд недостатков. Не хватает в лавках, например, тетрадей, совершенно нет красных чернил, картона, рисовальных тетрадей и бумаги. Почему бы в наших магазинах не иметь специальные отделы детских вещей, как это есть в больших городах. Парочку слов о дошкольниках. Я на днях хотела купить ребенку игрушку, но не могла найти подходящую, их у нас очень мало. Надо нашему советскому ребенку дать хорошую советскую игрушку».

Врач Вытегорской амбулатории Казанский просит улучшить условия работы продавцов: «Как врач, не могу обойти следующее: зимой можно было наблюдать, как продавцы теряли половину своего рабочего времени на согревание своих рук, предохранение их от отморожения – так было

холодно в магазинах. <...> Никуда не годится и то, что продавец берет одной и той же рукой конфеты, мыло, сахар, селедку <...>».

В тридцать девятом прекратились службы в Воскресенском соборе, и само здание передали в ведомство водников, которое устроило там дом культуры. Дому культуры не нужны были ни колокольня, ни купола, и потому колокольню разобрали, а колокола сняли. Теперь в этом здании с облупившейся штукатуркой помещается бюджетное (и это видно невооруженным глазом) учреждение культуры с названием «Центр культуры “Вытегра”», а на одной из стен, как и полагается в таких случаях, висит табличка, сообщающая прохожим о том, что это объект культурного наследия регионального значения, подлежащий государственной охране. На другой стене висит огромная водонепроницаемая фотография собора, сделанная в те поры, когда он еще был собором и стоял на Воскресенском проспекте, а не на проспекте Ленина, как сейчас.

Перед тем как перейти к рассказу о жизни Вытегры и района времен Великой отечественной войны, скажем несколько слов о Мариинской водной системе, которая и при Советской власти работать не переставала ни на один день. В восемнадцатом году речники через нее провели дивизион миноносцев Балтийского флота для участия в боевых действиях на подступах к Казани и в других операциях на Волге и Каме. В тридцать втором году был разработан комплексный план реконструкции всей системы, предполагавший создание водного пути параллельно действующей. По проекту предусматривались шлюзовые камеры для больших современных судов, четырнадцать новых гидроузлов с двумя рядами шлюзов для встречного движения и строительство четырех небольших гидроэлектростанций. Только объем земляных работ должен был составить восемьдесят миллионов кубометров. К подготовке строительства приступили в сороковом году. Приказом НКВД СССР от одиннадцатого октября сорокового года предусматривалось организация четырех управлений ИТЛ на территории Вологодской области. Одним из этих управлений должен был стать Вытегорстрой, которому поручалось сооружение системы каналов и шлюзов на участке Волго-Балта от Онежского озера до истока реки Шексны из Белого озера. Должен был, но не стал, так как началась война. Правда, заключенных с канала имени Москвы и с законсервированного строительства Куйбышевского гидроузла завезти успели, и к моменту его ликвидации в конце июня сорок первого Вытегорлаг насчитывал около тридцати пяти тысяч заключенных. То есть указ о его ликвидации был подписан в конце июня, а вывезли заключенных только в сентябре, когда фронт подошел к границам района. Вывезли не всех потому, что среди них было много больных и ослабленных. В конце июля подразделения Вытегорлага реорганизовали в лесозаготовительные, а когда фронт приблизился, перебросили на выполнение работ по военно-полевому строительству.

Последние предвоенные месяцы Вытегра прихорашивалась – горсовет в мае выделил пятнадцать тысяч рублей на приведение в порядок городских садов и бульваров. Планировали расчистить клумбы, поставить новые заборы, расширить танцевальную площадку, в сквере имени Кирова посадить цветы, на бульваре Профсоюзов отремонтировать беседку, изготовить диваны и скамейки. В городских садах решили оборудовать буфеты, тир, качели и гигантские шаги. Подбирали место для устройства городского пляжа, а на нем купален. Райпищекомбинат должен был открыть два ларька для продажи браги, фруктовых вод и кондитерских изделий. Все это планировалось сделать к началу июня. Вообще-то райпищекомбинат планировал открыть девять ларьков, в которых должны были кроме браги и фруктовых вод торговать квасом и мороженым, но не построил, а в тех, что построил, фруктовые воды бывали далеко не всегда, как сообщал корреспондент местной газеты. В городском парткабинете для партийного актива в конце мая читали лекцию на тему «Партия большевиков в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства», в кинотеатре с пятнадцатого мая шел фильм «Валерий Чкалов», а с десятого июня «Иудушка Головлева», жители города писали жалобы на грубость персонала общественной бани горкомхоза, который закрывает кассу раньше времени, в доме культуры первого июня показывали комедию «Кто смеется последним», в середине июня ждали прибытия в город плавучей культбазы Леноблсовета, работники которой должны были прочесть лекции и доклады

по международному положению, естественно-научным вопросам и санпросветработе. Драматический театр на борту культбазы вез спектакли по пьесам Горького, Корнейчука, Чехова и Пристли. Кроме того, несколько концертов обещался дать ансамбль эстрады и миниатюр областной филармонии, который тоже собирались привезти на культбазе. И еще. Вытегорский горкомхоз сообщал своим абонентам, что с первого июня по первое августа подача электроэнергии по городской электросети прекращается.

Уже на второй день войны были сформированы и отправлены по назначению первые части, колонны техники и обозы с фуражом. Пятого июля начальник Вытегорского гарнизона Михайлов издал приказ по гарнизону города Вытегры, в котором расписывалось, как будут оповещать вытегорцев о воздушной тревоге, что нужно делать гражданам, организациям во время налетов вражеской авиации и когда применять светомаскировку. Через пять дней был издан приказ по местной противовоздушной обороне города и района. Были запрещены все гудки заводов и паровозов, кроме сигналов о воздушной тревоге. Тогда же, в июле, были созданы истребительные батальоны, в которые вошли все, кто мог носить оружие, поскольку большая часть военнообязанных уже ушла на фронт. На случай эвакуации райком сформировал группы для действий в немецком тылу. В районе, в лесах создавались базы с оружием и продовольствием для партизан. «Колхозное знамя» публиковало материалы о том, как по силуэтам различать немецкие самолеты. Это было очень своевременно, поскольку в первую военную осень немецкая авиация господствовала в воздухе. Вытегорский аэродром был не приспособлен для военных самолетов, а военный аэродром в селе Девятины, рядом с Вытегрой, вошел в строй только в сорок третьем. На первых порах город защищала только зенитная батарея, размещенная во дворе одной из школ, и зенитные орудия, установленные на судах Онежской военной флотилии, стоявших по берегам Вытегры от устья канала до города в специально выкопанных земснарядами лагунах. Малые морские охотники, бронекатера и торпедные катера стояли в постоянной боевой готовности, кормой в берег, чтобы по сигналу тревоги уйти в бой.

Фронт быстро приближался к Вытегре – немецкие войска вместе с финскими продвигались по территории между озерами Ладожским и Онежским по направлению к реке Свирь. Обстановка становилась все более напряженной и, как писал в своих воспоминаниях Юрий Михайлович Федотов, живший в то время в Вытегре, по городу поползли слухи об эвакуации, которая якобы уже началась, и повестки принесли в первую очередь людям неблагоданственным с точки зрения советской власти, то есть тем, кто до семнадцатого года жил хорошо, а заодно и старой интеллигенции, которой доверяли ничуть не больше, чем первой категории граждан.

Эвакуации так и не случилось, но ближе к концу лета город наводнился беженцами, которые не столько приходили, сколько приплывали на баржах по Онежскому озеру, по Мариинской водной системе с вещами, курами и даже козами. Баржи с беженцами шли сначала из Ленинграда, потом, по мере наступления немцев и отступления наших войск, из Лодейного поля, из Подпорожья, Петрозаводска, Сортавалы и окрестностей этих городов. В подавляющем большинстве своем беженцы ехали в глубь страны, но некоторые смогли остаться в Вытегре, где им удалось снять комнаты. Ближе к осени в городе появились первые воинские части, направлявшиеся в сторону Ленинградского и Карельского фронтов.

Враг подходил все ближе. Со стороны Онежского озера линия фронта проходила от Вытегры всего в пятнадцать километрах. Население оповещали о налетах тогда, когда немецкие самолеты уже обстреливали и бомбили город. Оповестить раньше было никак невозможно – полтора десятка километров вражеские самолеты пролетали буквально за пару минут. Первого октября Вытегра приказом начальника гарнизона была объявлена на военном положении. Через неделю наши войска оставили поселок Вознесенье в устье впадающей в Онежское озеро реки Свирь, в двадцати километрах севернее села Ошта⁹⁴. Для строительства оборонительного рубежа на линии Вознесенье – Девятины был спешно создан «Оборонстрой» на базе законсервированного проекта по прокладке Волго-Балта. На строительство укреплений мобилизовали не только всех трудоспособных жителей Вытегры и района, но и население большинства близлежащих районов

Вологодской области. За исключением тех, кто трудился на строительстве укреплений от зари до зари, все остальные приходили туда после работы и в выходные дни. В общей сложности было занято около четырех тысяч человек.

К концу октября наступление немецких и финских войск было остановлено, но Ошту противник все же оккупировал. Дальше продвинуться им помешал сильно укрепленный оштинский оборонительный рубеж. Уже подготовленные к эвакуации предприятия города и района, учреждения и колхозы остались и стали выпускать оборонную продукцию. Белоручейский леспромхоз, расположенный в поселках Белый Ручей и Депо, выпускал авиасосну, авиаберезу⁹⁶, ружейные болванки, шпалы и лыжный кряж. Все это, как говорится, по прямой специальности, а вот осколочные мины к 82-мм минометам пришлось выпускать совсем не по специальности. Это сказать просто – пришлось выпускать, но леспромхоз совсем не оружейный завод – нужен литейный цех, нужна огнеупорная глина, формовочный песок, нужны формовщики, литейщики, слесари, токари, а токарям нужны токарные станки, нужно помещение для снаряжения мин взрывчаткой... Как бы там ни было, а через два месяца после того, как командование 7-й отдельной армии, части которой защищали оштинские рубежи, попросило помочь с боеприпасами, в середине декабря сорок первого отлили первые опытные образцы корпусов мин, а в середине февраля сорок второго бюро Вологодского обкома уже утверждает план по выпуску мин – четыре тысячи штук в месяц, а при увеличении количества токарных станков – до двенадцати тысяч. К третьему кварталу выпускали уже пятнадцать тысяч мин. Только за первый год войны оборонной продукции город и район выпустили на четверть миллиона рублей.

Фронту нужны были не только боеприпасы, но и продукты. Фактически нужно было обеспечить продовольствием части 272-й стрелковой дивизии, а потом и заменившей ее 368-й стрелковой дивизии и Оштинский истребительный батальон, противостоявшие немцам и финнам в нескольких десятках километров от Вытегры. Всего истребительных батальонов было четыре – кроме Оштинского на территории современного Вытегорского района сформировали Андомский, Вытегорский и Ковжинский батальоны. Последние два батальона еще и охраняли Марининскую систему. На обеспечении вытегоров было два госпиталя – стационарный и эвакуационный, части ПВО, два авиаполка, тылы 7-й армии, управление связи... Хлебный паек был невелик, да и его часто выдавали мукой и даже зерном, поскольку печеным хлебом обеспечивали только госпитали и военные части.

Обеспечивать продовольствием и гражданское население города и района, и воинские части должны были колхозы. Должны при том, что на оккупированных немцами и финнами землях района выращивалось около сорока процентов зерновых, около половины технических культур, поголовья крупного рогатого скота и шестьдесят процентов свиней. Должны при том, что брони колхозникам не полагалось, и потому большая часть мужского населения ушла воевать, а из оставшихся около семидесяти процентов занимали женщины, а двадцать подростки. Должны при том, что тракторами и прочей сельской механизацией вытегорские колхозы были, мягко говоря, не избалованы, при том, что часть поголовья лошадей, и без того небольшого, забрали на нужды фронта, при том, что и оставшихся лошадей кормить было подчас нечем, и приходилось просить районный земельный отдел выделить дополнительный паек лошадям, чтобы довести их хотя бы до средней упитанности, иначе пахать на них сложно, если не сказать невозможно.

При таком бедственном положении с лошадьми, не говоря о тракторах, о которых и мечтать нельзя было⁹⁷, приходилось пахать, боронить, возить грузы на коровах и быках⁹⁸. Быков и коров тоже нужно было кормить, а сверх того обучить пахоте и другим лошадиным работам. Быки и коровы обучались медленно, можно сказать из-под палки, хотя из-под палки как раз и было строжайшим образом запрещено. За жестокое обращение с рабочим скотом могли не только оштрафовать, но и в тюрьму посадить. В апреле сорок пятого года, как пишет газета, рабочая подсобного хозяйства Белоручейского мехлесопункта Логинова «зверски колом избила быка за то только, что тот не пожелал в угоду своему вознице бежать рысью или, может, не имел к этому

способностей». Как ее наказали, неизвестно, но доподлинно известно, что дело на Логинову было передано в суд для привлечения ее к уголовной ответственности.

Во время посевных и уборочных работ выходили в поле рано утром – никак не позже шести утра. За опоздание, тем более за невыход на работу, плохую работу, допущенный падеж скота штрафовали⁹⁹ – могли вычесть до пяти трудодней. Обязательный минимум для взрослого в год – сто трудодней, для подростка – пятьдесят. Не выработавших обязательный минимум могли исключить из сельхозартели, лишит приусадебного участка и наказать исправительными работами сроком до полугода. Председатели и бригадиры, не наказавшие тех, кто не выработал норму, несли уголовную ответственность.

После уплаты всех обязательств перед государством по сдаче зерна, овощей, мяса, молока, шерсти, яиц и рыбы¹⁰⁰, по трудодням распределяли оставшиеся продукты. К примеру, в сорок третьем году зерна в колхозе «Путь Ленина» на трудодень выдавали почти полтора килограмма, в совхозе «Земледелец» около четырехсот граммов, а в совхозе «Красная Нива» ровно тридцать. Сказать, что не доедали и голодали, значит не сказать ничего. В феврале сорок второго на производственном совещании в колхозе «Красная звезда» представитель райкома партии сказал: «Есть факты употребления в питание соломы, что крайне неверно, нужно это употребление сократить, потому что от этого среди колхозников случаются заболевания и этим самым можно сорвать посевную кампанию». О том, чтобы сорвать посевную кампанию, сенокос и жатву, и думать было нельзя. В протоколе заседания колхоза «Победитель» в июне сорок третьего года записано: «выделить на время сенокоса и поднятия паров на общий обед по 150 гр. крупы и литра молока на 1 человека».

Нельзя сказать, что в таких условиях колхозникам удавалось собирать высокие урожаи или получать высокие надои от вечно голодных коров. Урожайность в Вологодской области и до войны была низкой, а в военные годы никак не выше семи центнеров ржи с гектара. Что касается надоев, то они были, мягко говоря, невысокими – от пятисот до девятисот литров молока в год. Теперь столько молока можно от козы получить. Еще красноречивее цифры яйценоскости кур – от тридцати пяти штук в год в колхозе «Путь Ленина» до десяти штук в колхозе «Земледелец», то есть реже, чем по одному яйцу в месяц.

Осенью сорок второго года созрел урожай озимой ржи буквально на линии фронта – в районе оштинского рубежа обороны. Сеяли рожь тогда, когда оштинские колхозы еще находились в тылу. Частично урожай убрали солдаты тех частей, которые там стояли, а большую часть убрали мобилизованные колхозники и горожане. Жали серпами. Некоторые мобилизованные девушки впервые видели серп и учились жать, как говорится, на ходу. Расстояние от поля до линии фронта было иногда шестьсот метров, иногда пятьсот, а иногда и триста. Порой был такой сильный минометный огонь, что приходилось прерываться, но как только он прекращался – снова выходили на уборку.

Весь Вытегорский район был сплошной прифронтовой полосой. От авианалетов не была застрахована ни одна деревня. Жительница деревни Синяково Александра Исакова вспоминала: «У нас в деревнях на высотах стояли деревянные вышки. На них дежурили девчонки – пулеметчицы. Отслеживали вражеские самолеты, в основном финские. Финны регулярно облетали территорию, и летали так низко, что мы, дети, видели их лица. Было очень страшно! Мы даже знали время, в которое прилетали самолеты, и старались спрятаться. Обычно “финн” налетал, когда у нас заканчивались уроки, и все ребята после школы бежали враспынную кто куда <...>. Зимой 43-го года наши деревни стали часто бомбить <...>. Я помню, что мать, будучи “с животом” (беременна), боронила землю, а я бежала побыстрее из школы, чтобы помочь ей вести лошадь».

Уже осенью сорок первого года по городу и району начался сбор теплых вещей и обуви для бойцов и командиров Красной Армии. Для этого были организованы специальные комиссии, куда граждане несли полушубки, шапки-ушанки, валенки, свитера, выделанные и невыделанные овчины, теплые белье, шерсть на валенки. Корреспондент «Колхозного знамени» второго ноября сорок первого года сообщает из района: «Палтогские комсомольцы активно участвуют в сборе

теплых вещей и подарков для бойцов героической Красной Армии. Комсомолка Шишова В.В. на днях сдала в комиссию две пары портянок, перчатки, два полотенца, флакон одеколона и несколько штук яиц. Комсомолец Гадов П.В. принес шапку-ушанку, шерстяные перчатки, флакон одеколона, Журкин В.И. – теплые носки и выделанную овчину, Зайцовский – три овчины, рукавицы, носовой платок и кисет, Сепсяков И.В. – теплую рубашку. <...>».

В декабре стали собирать новогодние посылки фронтовикам, в которых была махорка, папиросы, сухари, бумага для писем, конверты и карандаши. К первому мая сорок второго года жители Вытегры отправили «бойцам фронта четыре тысячи булочек, семнадцать килограммов сливочного масла, блокноты, бумагу, карандаши, спички, носки, носовые платки, кисеты и другие подарки». В мае сорок второго года Первая начальная школа города Вытегры послала в одну из школ освобожденного от немецкой оккупации Тихвинского района «проекторный фонарь, картины по естествознанию и истории, орфографические таблицы, 236 карандашей, пятьдесят перьев и другие учебные пособия. Мало того, дети принесли четыре пары белья, сарафанчики, штанишки и другую детскую одежду, всего пятнадцать вещей»¹⁰¹. В сентябре сорок третьего Вытегорский район собрал в подарок детям Ленинграда тонну картофеля и восемьсот килограммов овощей.

Маленькая полугодная Вытегра и ее район помогали фронту не только булочками¹⁰², осколочными минами, теплыми вещами, махоркой и сливочным маслом. За годы войны вытегорцы внесли в фонд обороны около одиннадцати миллионов рублей денег и на два с лишним миллиона рублей облигаций. Ежемесячно отчисляли в фонд обороны свой однодневный заработок работники Вытегорской пристани, служащие Госбанка, районной сберкассы, конторы связи, редакции «Колхозного знамени» и других организаций. Приведем лишь некоторые сообщения вытегорской газеты военных лет о сборе денежных средств на нужды обороны:

«Оживленно проходило собрание членов колхоза “Коминтерн” Сперовского сельсовета, посвященное обсуждению призыва колхозников сельхозартели “Завет Ильича” Палтогского сельсовета о сборе средств на постройку танка “Колхозник”. Этот призыв встретил горячий отклик в среде коминтерновцев. На постройку танка тут же на собрании поступило 521 рубль наличными деньгами, кроме того, каждый колхозник отчислил пять трудовней, что в денежном выражении составит 2140 рублей. Первыми внесли деньги престарелые колхозники Субботин В.Н. и Чуфырев И.Я., сыновья которых сражаются на фронтах отечественной войны. Не отстали от них и другие члены колхоза. – Пусть танк, построенный на наши деньги, – заявляют колхозники, – всей своей громадной мощью уничтожает фашистских зверей».

«Успешно проходит сбор средств на постройку самолета “Юный истребитель” в Вытегорской неполной средней школе. <...> Ученица 7-го класса Масалова Валера внесла 18 рублей, Бискупская Дося и Зоя Горская по 5 рублей и по 110 рублей облигациями, Родионова Нина – 11 рублей, Колосков Вова – 10 рублей и облигациями 50 рублей. <...> За несколько дней на постройку самолета собрано по школе 872 рубля деньгами и на 3425 рублей облигаций. Поступление средств продолжается».

«На призыв вождя народов товарища Сталина объединить все наши силы и средства для полного разгрома гитлеризма коллектив Белоручейского мехлесопункта, как и весь советский народ, отвечает практическими делами. На проходивших общих собраниях работники лесопункта решили провести сбор средств на постройку танка “Лесоруб” и сразу же организовали его. На 10 декабря поступило наличными 3055 рублей и облигациями госзаймов 14345 рублей. В сборе средств приняло участие 170 человек. <...> Уборщица леспродторга красноармейка Агеева Л.П. внесла 50 рублей деньгами и на 50 рублей облигациями».

«Отвечая на вызов домохозяйки т. Теровской А.А., подписываюсь на Военный Заем 1942 года на 500 рублей. Я твердо уверена, что наши средства помогут заколотить в гроб проклятых немецко-фашистских оккупантов. Домохозяйка Морозова Дарья Алексеевна».

«Единодушно откликаясь на призыв любимого Сталина в его приказе от 25 января, колхозники и колхозницы сельхозартели “Парижская коммуна” Коштутского сельсовета активно участвуют в сборе средств на строительство боевых самолетов в подарок героическому Ленинграду. За

один день ими внесено на это патриотическое дело 1000 рублей наличными деньгами и облигаций на сумму 410 рублей. 60-летняя колхозница Ермакова Т., сын и дочь у которой мужественно сражались на фронте отечественной войны, внесла 100 рублей. Такую же сумму внесла жена фронтовика Власкова и другие. Поступление средств продолжается».

Если из военной жизни прифронтовой Вытегры вычсть сборы теплых вещей для бойцов Красной Армии, средств на постройку танков и самолетов, заготовку лекарственных трав, грибов и ягод, похоронки, отправку посылок с продуктами и вещами на фронт, помощь Ленинграду, похоронки, мобилизацию на строительство укреплений, бесконечные субботники, воскресники, похоронки, декадни и месячники по выходу из прорывов то на лесоразработках, то на посевах, то на уборке урожая, уход за ранеными и стирку белья в городских госпиталях, похоронки... останется не так много, но это оставшееся можно назвать мирной жизнью. Если судить об этой мирной жизни по заметкам в районной газете, то в сорок первом... лучше начать с сорок второго, с январского сообщения о том, что парикмахерская вытегорской разнопромартели выполнила план сорок первого года почти на двести процентов; требуются портные по пошиву мужской и женской одежды, сапожные мастера, женщины-ученики в сапожную мастерскую в возрасте от пятнадцати лет и старше и чистильщик сапог.

В список сорок второго года внесем приезд в конце июля Вологодского совхозно-колхозного театра, на спектаклях которого был аншлаг. Ставили «Позднюю любовь» Островского, «В боях за родину», «Партизаны в степях Украины» Корнейчука и другие пьесы. В августе открыта шапочная мастерская разнопромартели, принимающая заказы от военных и гражданских лиц. В октябре прошла районная сельхозвыставка, на которой колхоз «Красный путиловец» представил свиноматку «Валька», давшую за один опорос тринадцать деловых поросят. Правда, газета пишет, что в городском Доме культуры кроме безыдейных танцев нет ничего – не работают драматические кружки, не читают лекций, развалились струнный и духовой оркестры, а директор Гордынина «не проявляет нужной деятельности и является ничем иным, как некоторым платным прибавлением к осиротевшему помещению».

В сорок третьем при Вытегорской пристани организовали курсы без отрыва от производства, на которых готовили помощников капитанов, механиков, кочегаров, рулевых, мотористов и старшин мотокатеров, а с отрывом от производства – шкиперов. Мы бы, может, и не стали бы об этом упоминать, если бы в объявлении не было сказано, что наряду с юношами принимаются на курсы и девушки от шестнадцати лет и старше. Судя по тому, что вытегорской разнопромартели в январе сорок третьего требовались мастера по кружевоплетению, вязанию, изготовлению чулок, гребней и расчесок, жизнь если и не налаживалась, то все же... В ноябре «силами самодеятельного коллектива рабочих и служащих Вытегорского технического участка и военизированной охраны в Доме культуры дан концерт. <...> С большим интересом смотрели зрители танец «Кабардинка» в исполнении Прыткиной и цыганский танец, исполненный Сафоновой. Хорошо исполнены частушки на темы дня Порожской и Тихоновой. <...> Полезнейшую инициативу путейцев надо широко подхватить и развивать. В нашем городе есть много талантливых певцов, декламаторов, музыкантов, танцоров. Их надо выявить, организовать. Этим делом, не откладывая в долгий ящик, обязаны заняться Дом культуры, профсоюзные и комсомольские организации».

В начале января сорок четвертого «весело, организованно прошла новогодняя елка у детей рабочих и служащих Вытегорского леспромхоза, организованная дирекцией леспромхоза и месткомом союза леса и сплава. Присутствовало девяносто детей, среди них пятнадцать гостей из детского приемника», состоялся районный смотр художественной самодеятельности, на котором коллективом Девятинских мастерских был разыгран скетч «Партизан», хор Анхимовской избы-читальни исполнил русские народные песни «На недельке два денечка», «Ревела буря», «При лужке» и другие, работники Вытегорской пристани сыграли скетч «Астра и георгины», а сводный хор работников детских садов с запевалой Раисой Ивановой был так хорош, что на его фоне хор Анхимовской избы-читальни... Тогда же, в январе, двести с лишним учеников районных неполных средних школ приезжали культпоходом в Вытегру на просмотр картины «Концерт фронту».

В феврале в Вытегре прошел межрайонный смотр художественной самодеятельности. В начале июня один из магазинов Вытегры объявил, что производит прием от населения молодой крапивы, щавеля, хрена и клюквы по ценам прейскуранта. Тем, кто сдаст все это, магазин отоварит промтоварные карточки и на сумму сданного отпустит товары широкого потребления. В начале июля провели воскресник по благоустройству города, в котором приняло участие более ста пятидесяти горожан. «Организовано вышли члены артели “Трудовик”, сотрудники райисполкома, райпотребсоюза, техучастка, рыбзавода, заготзерно и МТС». В декабре райпромкомбинат выпустил большую партию детских глиняных игрушек.

И еще. В «Колхозном знамени» об этом не писали, но в июле сорок четвертого на территории современного Вытегорского района были созданы две временных комендатуры – Белоручейская в поселке Белый ручей и Ковжинская в поселке Анненский мост. Туда прибывали спецпоселенцы с Северного Кавказа. К работе на лесозаготовках они совершенно не были готовы – не имели ни теплой одежды, ни опыта работы на лесоповале. Леспромхозы ни предоставлять им теплую одежду, ни обучать не собирались. Нет выполнения нормы – нет питания. В суровом климате начались болезни, дистрофия и, как следствие, большая смертность. Спецпоселенцы стали красть продукты, скот у местного населения и массово убегать. В конце концов отдел спецпоселений НКВД принял решение всех оставшихся в живых спецпоселенцев (их было около семисот) отправить в Казахстан. Белоручейская комендатура без работы не осталась – в сорок пятом году в нее прибыло около двух тысяч советских немцев, вывезенных в годы Великой Отечественной войны в Австрию, Германию, Польшу и Чехословакию. Все они в соответствии с директивой НКВД подлежали направлению на спецпоселение под надзор органов.

В апреле сорок пятого артель инвалидов «Трудовик» стала принимать заказы на изготовление трикотажных изделий – джемперов, козынок, чулок и носков из сырья заказчиков, в конце июля почтальону Вытегорской конторы связи Якову Ивановичу Сидорову по итогам социалистического соревнования по профессиям присвоили звание лучшего почтальона Вологодской области и выписали премию в размере месячного оклада. Якову Ивановичу, перевыполнявшему из месяца в месяц план доходов на триста процентов, выдали новый форменный костюм. Тогда же прошло районное совещание родителей, посвященное подготовке к новому учебному году, на котором секретарь райкома прочел доклад «О подготовке школ к новому учебному году и задачах родителей». В октябре открылась первая в Вытегре выставка индивидуальных огородников, на которой демонстрировался выращенный огородником Аристаровым огурец длиной четверть метра и весом восемьсот граммов, морковь весом четыреста граммов, а отдельные клубни картофеля, выращенные огородником Щербаковым, весили четыреста граммов. В ноябре команде парохода «Корба», перевыполнившему план буксировки чуть более чем в полтора раза, присуждено управлением пути первое место и переходящее Красное Знамя бассейна. В том году большим успехом пользовалась постановка пьесы «Где-то в Москве», подготовленная драмкружком Вытегорской пристани. Агитбригада «направленная райкомом ВКП(б) для культобслуживания лесорубов Белоручейского мехлесопункта, поставила четыре концерта на лесозаготовках. Перед началом концерта ставился доклад на тему “Ленин и Сталин о дисциплине труда”». Демобилизованный лесоруб Петухов после обсуждения доклада товарища Молотова, посвященного двадцать восьмой годовщине Великой Октябрьской Революции, встал на стахановскую вахту и вместо четырех кубометров древесины по норме нарубал каждый день одиннадцать. Как же его за это ненавидели товарищи... Ну и конечно проходили смотры художественной самодеятельности. С середины декабря начинался смотр низовых коллективов, а через месяц начинался районный смотр, которому тогда придавали такое большое значение, что подготовку к нему обсуждали даже на пленуме райкома партии.

Война вытегоров не пощадила. Из более чем семнадцати тысяч ушедших на фронт не вернулось семь с половиной. Было стерто с земли тридцать пять деревень. Артиллерией немцев и финнов было разрушено более тысячи ста зданий. От Ошты осталась только чудом уцелевшая колокольня, а в районе Оштинского рубежа обороны ждали разминирования сто двадцать семь

минных полей, на которых было установлено около ста тысяч мин. Разминирование начали уже в июле сорок четвертого – как только в результате наступления фронт отодвинулся на запад. Сформировали саперный батальон, состоящий большей частью из мобилизованных девушек-комсомолок, которым райисполком разослал повестки. Юношей по понятным причинам было мало. Среди тех, кого послали заниматься разминированием, были дети раскулаченных и репрессированных, были и круглые сироты. Старше двадцати не было почти никого, а вот семнадцатилетние и даже шестнадцатилетние были. Предусмотрительные советские власти на всякий случай перед отъездом в Ошту отобрали у всех паспорта. Десять дней в полевом лагере под Оштой их учили саперному делу. Тех, кто сдал экзамен на отлично, назначили командирами отделений. До глубокой осени, пока поля не засыпало снегом, полуголодные, плохо обутые, а иногда и вовсе разутые, обезвреживали они советские, финские и немецкие противотанковые и противопехотные мины на минных полях, которые зачастую не были обозначены ни на каких картах. Снимали взрыватели с проржавевших мин, которые нужно было подрывать на месте, но... командиры экономили бикфордов шнур. Девушки выносили взрыватели с обезвреженных мин в подолах своих платьев, а юноши в карманах пиджаков и гимнастерок¹⁰³. В общей сложности обезвредили около ста двадцати тысяч взрывоопасных предметов. Всего на разминировании, которое длилось три года, работало сто пятьдесят шесть человек. Тринадцать из них погибло, пятьдесят было ранено. Некоторые на всю жизнь остались инвалидами. Шестнадцать наиболее отличившихся минеров представили к орденам Красной Звезды и медалям «За боевые заслуги». Тех, кто обезвредил несколько сот мин, наградили значками «Отличный минер». Правда, тех, кто был ранен, много лет не признавали инвалидами войны. Получали они мизерные пенсии инвалидов по труду. Писали бывшие минеры письма в Верховный Совет СССР и лично Горбачеву с просьбой предоставить им льготы как участникам войны, а им отвечали, что их работа не была связана с боевыми действиями, и потому относятся они к труженикам тыла. Потом все же признали инвалидами войны тех, кто смог до этого признания дожить.

Первые послевоенные годы в Вытегорском районе мало чем отличались от военных. Точно так же голодали¹⁰⁴, пахали на коровах, на них же вывозили на поля навоз и золу – практически единственные удобрения из доступных крестьянам. Председатели колхозов почти повсеместно женщины. В рыболовецких колхозах рыбаки тоже женщины. Оплата труда везде натуральная, налоги государство тоже брало зерном, молоком, шерстью, яйцами. Сами колхозы, которых на территории района в сорок девятом году помещалось чуть больше двухсот, были не то что мелкими, а крошечными – могли иметь земли от трех до пяти гектаров и в каждом до десяти дворов. К примеру, в колхозе «Трудовая радость» было пять гектаров пашни, три коровы, три лошади, шесть овец, а сам председатель совмещал должности бригадира, кладовщика и конюха. Какая уж тут механизация... Она началась лишь после того, как стали по решению ЦК ВКП(б) в пятидесятых годах укрупнять колхозы. В пятьдесят третьем их стало в три с лишним раза меньше, а в пятьдесят девятом осталось всего двадцать три. К тому же в пятидесятых годах в состав Вытегорского района вошли Оштинский, Андомский и Ковжинский районы. Тогда и были построены в колхозе «Новая жизнь» первые в районе теплицы для снабжения свежими огурцами жителей Вытегры. Не бог весть какое событие, но ведь и Вытегорский район не Кубань и не Астраханская область, где огурцы растут без всяких теплиц даже в тех местах, где их не сажают. К семидесятому году объединение колхозов завершилось и в районе осталось семь колхозов и четыре совхоза. В шестьдесят четвертом организовали совхоз «Вытегорский», занимавшийся откормкой скота, и птицефабрику на шестьдесят тысяч кур в селе Девятины... Впрочем, все это материи скучные, такие же, как и строительство завода сборных железобетонных плит, телятника на три с лишним сотни голов, разведение высокоудойных коров айширской породы, завезенных из Карелии и Подмосковья. Это с одной стороны, а с другой... Как вспомнишь десяток яиц от курицы в год и надой в семьсот литров, не говоря о семи центнерах ржи с гектара...

Вообще мирная сытая жизнь, как правило, бывает скучной, если исключить полеты в космос, перекрытие Енисея и спектакли в Большом театре. Тем более, что Вытегорском районе и в Выте-

гре в конце сороковых и начале пятидесятых была просто не очень голодная жизнь, в которой ни Енисея, ни Большого театра, а только возобновление полетов гражданской авиации из Вытегры в Ленинград в сорок седьмом, матч на первенство по футболу спортивного общества «Водник» в сорок девятом году между командами Вытегры и Череповца, в котором вытегорцы победили; только строительство новой семилетней школы, первые телевизоры в шестидесятом, первый асфальт в шестьдесят первом на центральной улице города – проспекте Ленина и на дороге, соединяющей центр города с первым шлюзом; открытие нового, широкоэкранного кинотеатра в шестьдесят четвертом году, в котором показывали венгерский фильм «Наследство казначея Стамбула».

В начале шестидесятых начались пассажирские авиаперелеты из Вытегры в Вологду, Ленинград, Петрозаводск, Вознесенье, Белозерск и Череповец с грунтового аэродрома «Белый Ручей», расположенного в двадцати километрах от Вытегры в селе Десятины. Туда, кроме вездесущих «кукурузников», прилетали даже пассажирские ИЛ-14, летевшие из Вологды в Ленинград с промежуточной посадкой в Вытегре. До Вологды можно было долететь за сорок минут, а до Ленинграда часа за полтора. АН-2 летал из Вытегры в Вологду и обратно каждый день. Правда, стоил билет не так уж и дешево по тем временам и тем зарплатам – девять рублей.

В шестьдесят шестом открыли мебельный цех деревообрабатывающего завода, прачечную комбината бытового обслуживания, кафе, вечернее отделение филиала Ленинградского речного училища, в мае шестьдесят седьмого начал курсировать первый пассажирский теплоход «Комета» из Вытегры в Петрозаводск и обратно. В шестьдесят восьмом сдали в эксплуатацию новую гостиницу, которую называли «Вытегра», а через год открыли универмаг и магазин «Книжный мир»...

Все же было в Вытегре свое перекрытие Енисея – строительство Волго-Балта. Оно началось после вынужденного перерыва в сорок восьмом году. Первого сентября сорок седьмого Совет Министров принимает постановление о возобновлении работ. Думали к пятидесяти третьему году завершить строительство, в эксплуатацию канал ввести в пятьдесят четвертом. Строить канал должен был, как и планировалось до войны, спецконтингент. К ноябрю сорок восьмого на строительство уже прибыли три с половиной тысячи заключенных. Как это обычно бывает у организаций, больше озабоченных охраной, чем строительством, специалистов среди этих рабочих было крайне мало. Впрочем, были и специалисты – пленные немцы, работавшие топографами, чертежниками, прорабами и инженерами производственно-технического отдела. Руководил стройкой то генерал-майор Шамарин, то майор Тунчик, то капитан Кузнецов, но стройка двигалась медленно. Конечно, зима сорок девятого выдалась суровой, техники не хватало, но зима в этих краях не бывает суровой почти никогда, а техники не хватало и будет не хватать.

В июле пятидесятого началась выемка грунта из котлованов шлюзов и углубление дна на участке между Онежским озером и первым шлюзом. Через семь месяцев правительство, недовольное медленными темпами строительства, требует от министерства внутренних дел, в ведомстве которого находился ГУЛАГ, отчет о ходе работ. Конечно же, министерство, пересыпав свой отчет тысячами выкопанных кубометров и миллионами освоенных рублей, все объяснило, сославшись на нехватку экскаваторов, которые поставщиками отгружены, но министерство речного флота все никак их не отправит. Потом, когда стройку обеспечили экскаваторами, скреперами, бульдозерами, тракторами и самосвалами, стало не хватать трансформатора мощностью двадцать тысяч киловатт. Чтобы ускорить земляные работы, на стройку вместе с десятками самосвалов послали... пятьсот лошадей, чтобы вывозить выкопанный грунт.

В пятьдесят втором закончились все работы на строительстве Волго-Дона, и освободившаяся техника и люди были отправлены на Волго-Балт. Люди отправлены потому, что в массе своей это были заключенные. Среди них и те, кого освободили досрочно в награду за ударный труд, но... освободить-то их освободили, и тут же предписали работать на строительстве Волго-Балта вольнонаемными. К началу пятидесяти третьего года на строительстве уже работало шестьдесят тысяч человек, половина из которых была заключенными и... тут случилось пятое марта пятьдесят третьего года. В конце марта Берия пишет письмо в Президиум Совета министров об изменении строительной программы на текущий год и предлагает прекратить строительство ряда

объектов «вследствие того, что эти стройки требуют расхода значительного количества металла, строительных и других технических материалов, оборудования, а также рабочей силы». Третьим в списке объектов был Волго-Балт.

Вторая консервация продлилась с апреля пятьдесят третьего по январь пятьдесят пятого¹⁰⁵. Седьмого января создается управление Волгобалтстрой и начинается расконсервация, а вместе с ней и новая чехарда по смене начальников стройучастков, главных инженеров и прорабов. В пятьдесят шестом начальник Волгобалтстроя пишет в главк объяснительную записку, в которой жалуется на... суровую зиму, на сорокоградусные морозы, из-за которых заключенных¹⁰⁶ не выводили на работы, на дождливое лето, на простой транспорта из-за распутицы, на дополнительные расходы на борьбу с оползнями, на ремонт дорог, на устаревшие проекты... Через год старого начальника сменил новый.

Не будем описывать все подробности новой реорганизации, борьбы за качество, темпы укладки бетона и, наконец, круглосуточную работу десятков механизмов и тысяч людей летом шестидесятого года, а скажем только, что во второй половине октября река Вытегра была перекрыта в двух местах. Это означало, что десять шлюзов старой Мариинской системы перестали работать и весной навсегда будут затоплены. Отступать некуда. Навигация шестьдесят первого года или пройдет через новые шлюзы или не пройдет вовсе. И тут... снова меняют начальника Волгобалтстроя, и как всегда новый начальник в погонах. Началась новая реорганизация, которая... Бог с ней, с реорганизацией. Как бы там ни было, а семнадцатого мая шестьдесят первого года в пять часов вечера было проведено пробное шлюзование, а через четыре дня состоялось официальное открытие навигации, и по новому каналу в направлении Онежского озера прошел первый караван таких судов, которые раньше могли доходить только до причалов Вытегры. Секретарь Вытегорского райкома разрезал алюю ленточку, и вслед за катером с начальством и строителями прошли через Первый шлюз пассажирский теплоход «Волхов» и грузотеплоход «Луза».

Если быть до конца точным, то придется сказать, что весной шестьдесят первого сдали в эксплуатацию только первый и второй шлюзы, и со стороны Ленинграда крупные суда дальше Вытегры все равно не прошли бы, поскольку за ней еще оставались старые деревянные шлюзы. Предстояло построить еще четыре новых шлюза только на Вытегорском участке и один под Череповцом, чтобы ввести в эксплуатацию весь Волго-Балт, но разрезать ленточку и официально открыть навигацию это никак не помешало.

Второго ноября шестьдесят третьего года официально закрыли навигацию по Мариинской водной системе, верой и правдой прослужившей полтора века. Газета «Строитель Волго-Балта» на следующий день вышла с заголовком «Ура! Вытегра перекрыта! Это самый лучший подарок строителей празднику Октября! Мариинская система больше не существует!». На митинге, посвященном перекрытию Вытегры, начальник Волгобалтстроя Хмельницкий поблагодарил строителей, которые в ноябре шестьдесят третьего работали уже в счет следующего года (тогда так можно было) и сказал: «Мы идем в ногу с космонавтами – в день перекрытия Шексны начала свое космическое путешествие Валентина Терешкова, а сегодня пришла весть о запуске нового космического корабля».

Через год правительственная комиссия подписала акт о приемке Волго-Балта в эксплуатацию. Теперь то, что раньше было Вторым округом министерства путей сообщения, называется Вытегорским районом гидросооружений и судоходства, в котором работает пятьсот человек инженеров, механиков, электромехаников, сварщиков, трактористов, капитанов буксиров, их помощников, матросов, судовых поваров, не считая самих буксиров, плавучих кранов, земснарядов, тракторов, бульдозеров и прочей техники. Находится контора Вытегорского района гидросооружений и судоходства там же, где находилась контора Второго округа министерства путей сообщения – в доме купца первой гильдии Козьмы Матвеевича Галашевского.

Вернемся в Вытегру шестидесятых. В шестьдесят восьмом стали строить новую больницу на сто с лишним коек, в семьдесят первом торжественно открыли среднюю школу, а через год в городе установили телевизионный ретранслятор. Это событие повлияло на жизнь вытегорцев

куда больше, чем открытие книжного магазина, гостиницы или даже универмага. В семьдесят третьем заложили парк в честь двухсотлетия Вытегры. В восемьдесят третьем году забетонировали наконец летное поле аэродрома в Вытегре, и аэропорт стал принимать не только самолеты АН-2, но и ЯК-40. Открылись регулярные ежедневные рейсы в Вологду, Ленинград, Череповец и Белозерск¹⁰⁷.

В восемьдесят шестом году Вытегорский район собрал самое большое за всю свою историю количество зерна, вывез более двух миллионов кубометров древесины, увеличил надои, поголовье скота и... началась перестройка. Стали как грибы после дождя расти кооперативы, в девяностом году открылся коммерческий банк, в девяносто втором с санкт-петербургской конторой, проектировавшей газопровод до Петрозаводска, подписали протокол намерений о проектировании ответвления на Вытегру¹⁰⁸. Читатель уже ждет рассказа о том, как все развалилось и разорилось, как все скупили за бесценок вездесущие москвичи, но... в первой половине девяностых в районе построили пивоваренный завод, колбасные цехи в Вытегре и в районе, четыре асфальтобетонных завода, лесопильный завод с сушилкой, мини-завод по производству древесного угля, детскую поликлинику, терапевтический корпус районной больницы, исхитрились обменять сорок мебельных стенок вытегорского производства на пять вагонов цемента, четыре вагона шифера и построить шестнадцать тысяч квадратных метров жилья, начали строить пищекомбинат, новый корпус рыбозавода, очистные сооружения в Вытегре, хлебозавод... Бог его знает как получилось, что очистных сооружений в городе до сих пор так и не появилось, а рыбозавод, работавший еще с довоенных времен, приказал долго жить. Вместе с мебельной фабрикой и маслозаводом, который неудачно приватизировали и разорили. То есть известно, что работники Онежского рыбозавода, приватизировав свое предприятие, установили себе такие высокие зарплаты, что за два года проели свой рыбозавод вместе со всеми рыбными консервами, которые он производил, но все равно обидно. С мебельной фабрикой вышла такая же история. Что же касается лесоперерабатывающих предприятий, то они все, кроме одного – ЗАО «Белый Ручей», к концу девяностых обанкротились и попали в руки... москвичей и вологжан. «Белый ручей» и сейчас живет всех живых, но... завелись в вытегорских лесах еще и китайцы, построившие завод по производству ламината, а уж им-то москвичи и вологжане по части вездесущести в подметки не годятся¹⁰⁹. Теперь, когда Европа у нас лес напрямую покупать не *хочет* может...

Где-то между всеми этими стройками, приватизациями, банкротствами и норовящими все прибрать к рукам москвичами и вологжанами поместилось открытие в девяносто первом году литературно-художественного музея, посвященного Николаю Клеу. К счастью, его ни приватизировать, ни обанкротить, ни продать москвичам с вологжанами нельзя¹¹⁰.

В восьмом году прекратились регулярные рейсы из вытегорского аэропорта, а через два года его закрыли. Простоял он без дела шесть лет, но в августе шестнадцатого года, когда его вновь открыли после реконструкции, он был уже выведен из реестра гражданских аэродромов и передан в ведение Арктического спасательного учебно-научного центра «Вытегра» МЧС России. Теперь через него будут перебрасывать спасателей в арктическую зону для тренировок и доставки различных грузов. Кроме того, на аэродроме базируется санитарная авиация МЧС России, которая несет постоянное боевое дежурство. Жаль, конечно, пассажирских рейсов в Ленинград и Вологду, но постоянное боевое дежурство санитарной авиации... *Нет там никакого дежурства, как утверждают местные жители.*

В восемнадцатом году город получил пятьдесят пять миллионов рублей на устройство набережной реки Вытегры в черте города. Не просто так получил, а выиграл грант на создание комфортной городской среды по проекту городского архитектора Бориса Васильевича Маевского. В двадцатом году выделили еще сто восемьдесят миллионов и... нет, никто не украл ни денег, ни материалов. Все сделали, как и задумывал Борис Васильевич, который, увы, не дожидаясь окончания работ. Набережная получилась чудо как хороша – с красивыми мостиками, беседками, реконструированным шлюзом, который можно самому открывать и закрывать, если конечно хватит сил, фонтаном и, как задумал Маевский, напоминает ту, которая была в девятнадцатом веке,

когда по Вытегре без устали шли груженные суда в направлении Онежского озера, когда ворота шлюзов то открывались, то закрывались, когда играл духовой оркестр... Нет только бечевника и шумных ватаг путинных, нет трактира, в котором они пропивали заработанное, и не пахнет несвежей треской, чей запах так не нравился Федору Сологубу.

Если по воде, то до Онежского озера от Вытегры рукой подать – двадцать пять километров. По нынешним временам меньше часа пути – сначала по реке Вытегра, а потом по каналу, бетонные коробки шлюза которого находятся в черте города. Лучше, однако, сесть в машину и на единственном в городе перекрестке со светофором повернуть на дорогу до Пудожа, проехать по ней километров двадцать и снова повернуть налево, по направлению к Онежскому озеру. Минут через сорок, не больше, приедете вы на берег озера, к месту, которое называется гора Андома. Собственно, это и не гора вовсе, а высокий, около ста метров, обрыв. Если строго по науке, то геологический разрез девонских отложений, которому четыреста с лишним миллионов лет. Там, в толще земли под ногами, в слоях разноцветных песчаников, в глине и мергеле, лежат окаменелые остатки хвощей, папоротников, ракоскорпионов и хищных панцирных рыб с роговыми пластинами вместо зубов. Смотришь с края обрыва на Онежское озеро, слушаешь его шум, больше похожий на шум моря, тонкий свист ветра и чувствуешь себя человеком каменного века, который не один год шел сюда через дремучие леса, топкие болота и наконец дошел до края земли. Озеро еще никак не называется. Ты еще придумаешь названия ему и горе, на которой стоишь и поежишься от холодного ветра. Тебе еще предстоит научиться ловить лосося, сига, налима, ряпушку, судака и огромных зубастых щук, пока плавающих в озере безымянными, охотиться на медведей, волков и рысей, обитающих в здешних лесах, рыть им ямы, втыкать в них острые колья, ставить силки на глухарей, лебедей и тетеревов; придумать богов озера, леса, огня и грома, задабривать их, а в свободное от рыбалки и охоты время выбивать кварцевым зубилом на гранитных валунах изображения животных, рыб, сидящих в лодках людей, солнца, луны... но ты не он, а обычный горожанин, который взял отпуск на неделю и приехал сюда из какой-нибудь Москвы, или Ярославля, или Петербурга, чтобы посмотреть на красивый вид, открывающийся с горы, приготовить на мангале заранее замаринованные куриные крылья, съесть их, запить сухим вином, еще раз посмотреть на красивый вид, поежиться от холодного ветра, вздохнуть и уехать, оставив на другом, чуть виднеющемся в дымке берегу, дальние страны, населенные людьми с песьими головами, с глазами на груди, единорогами, фениксами, белыми муравьями и гигантскими саблезубыми стрекозами с крыльями лазоревого цвета; уехать, оглядываясь на озеро, которое пристально смотрит на тебя всеми рыбами, чайками, береговыми ласточками, облаками и желтыми звездами, затаившимися на дне бездонных и полных тихого ужаса омутов... Хорошо еще, что отсюда нельзя улететь, чтобы уже через час или полтора приземлиться в Москве, или Ярославле, или Петербурге, а завтра выйти на работу. Хорошо, что придется еще часа четыре ехать на машине до Вологды по дороге, идущей между заболоченными лесами и полями, седыми от растрепанных ветром головок отцветшей пушицы, там остановиться, зайти в придорожную гостиницу пообедать, сказать себе «провались оно все пропадом» и к судаку в сливочном соусе заказать рюмку или даже две водки, чтобы с чистой совестью остаться там же ночевать, а наутро встать чуть свет и ехать к недовольному начальству, растворимому кофе «три в одном» из автомата в буфете, к бумаге, застрявшей в принтере, к сосискам и сублимированному картофельному пюре на обед.

Примечания

⁶⁵В краеведческом музее Вытегры хранится под стеклом пожелтевший и потрепанный по краям выходной билет ученика третьего класса вытегорского реального училища Никифора Егорова, выданный ему в 1914 году. От билета сохранилось всего две страницы – первая и последняя. На первой написано, что предъявитель сего билета Никифор Егоров состоит учеником третьего класса Вытегорского реального училища. В удостоверение чего и выдан ему сей билет трюком от нижеписанно-

го числа по 3 сентября 1915 уч. года, за надлежащею подписью и с приложением казенной печати. На последней о том, что ученикам средних учебных заведений воспрещается выступать исполнителями на летних дачных сценах. Через четыре года отменяет и билеты, и запрещение выступать, и реальные училища. Летних дачных сцен тоже не останется.

⁶⁶В восемнадцатом году Михаил Соломонович Хаулин числился у новой власти в списке из числа правых эсеров, буржуазии и офицерства. По этому списку и попал он в вытегорскую городскую тюрьму в качестве заложника. Советская власть держала парикмахера Хаулина вместе с другими арестантами как гаранта отсутствия попыток выступлений против самой себя.

⁶⁷К сожалению, отчеты о сыгранных Народным театром «Трех сестрах» или «Живом труп» до нас не дошли, но в Олонецких губернских ведомостях за 1909 год обнаружился рассказ о постановке вытегорскими «любителями драматического искусства» оперетты «Гейша или необыкновенное происшествие в одной японской чайной»: «Перед изумленными зрителями предстала типичная японская чайная с обворожительными гейшами в роскошных и дорогих костюмах. Роль Мимозы Сак – главной гейши в чайной “Десять тысяч радостей” мило исполнила г-жа В.И. Игенборг. А.И. Немцова в роли Молли Зеамор – молодой англичанки, пожелавшей вдруг превратиться в очаровательную гейшу “Ролли – Полли” была неподражаема: миловидная наружность, сильный симпатичный голос, большой сценический талант и опыт выдвинули г-жу Немцову на первый план. Г. Немцова далеко не дюжинная любительница – она артистка в полном смысле этого слова. Симпатично звучал также голос А.И. Немцова, исполнявшего роль Реджинальда Ферфакса – лейтенанта английского корабля “Черепаша”. Прелестный голос и у М.В. Ивановой – Джульетты, прельстившей своими чарами маркиза Имари, губернатора японской провинции и начальника полиции. У М.В. Ивановой приятный голос, и она умело им владеет. Неподражаем был г. Успенский. Роль Вунчи – китаец содержателя японской чайной г. Успенский исполнил с таким талантом и знанием сценического искусства, что ему вполне мог бы позавидовать любой артист – комик большой сцены. Многочисленная публика осталась очень довольная и заявление, что пьеса будет повторена, встречено шумными аплодисментами».

⁶⁸Конечно, маскарады можно отнести к культурной жизни города с некоторой натяжкой, но мы говорим о культурной жизни маленького уездного городка, а не столичного города, и потому не станем пренебрегать и маскарадами. Скажем о них хотя бы в примечаниях. Вот что писали в январе 1909 года губернские ведомости о маскарадах, начинавшихся, как только открывалась Рождественская ярмарка: «С открытия ярмарки начались у нас и Рождественские маскарады, устраиваемые местными собраниями: общественным и коммерческим. На этих маскарадах за лучшие костюмы выдавались призы, состоявшие из золотых и серебряных вещей. На маскарады охотно стекалась публика и число проданных входных билетов в иные дни доходило до 600. Для получения приза у нас далеко недостаточно появиться в оригинальном и красивом костюме, но, как показал опыт, необходимо еще иметь известный круг друзей и знакомых, которые отдадут “маске” не только свои контрамарки, но и в свою очередь стараются достать таковые еще и от других. Второго января некая группа “итальянцев” имела дерзость внести в зал закованного в кандалы арестанта, которого сопровождал конвой в форменном платье при оружии. Конвой этот успел несколько раз посадить арестанта в особый черный ящик, именуемый тюрьмой, где арестант пел: «Солнце всходит и заходит...»* и другие песни. Картина эта произвела отталкивающее впечатление на публику. К чести распорядителей, эту группу быстро, при помощи полиции, выдворили».

*Песня волжских босяков, записанная Горьким. Из пьесы «Дне».

⁶⁹Обычному читателю это вряд ли будет интересно, но для буквоедов приведем ведомость о числе периодических изданий, выписанных в Вытегре в 1900 г.: «Вестник Европы, Вестник иностранной литературы, Вестник всемирной истории, Ведомости справок о судимости, Вестник судебной медицины и общей гигиены, Военный сборник, Досуг и дело, Детское чтение, Детский отдых, Деревня, Ежемесячные сочинения, Жизнь, Журнал для всех, Журнал министерства народного образования, Женское дело, Зодчий, Исторический вестник, Игрушечка, Крестьянское хозяйство, Коннозаводство, Медицинский журнал, Миссионерское обозрение, Музыка и пение, Нувеллист, Пчеловодный листок, Пожарное дело, Родник, Русское Богатство, Русское пчеловодство, Русская

мысль, Русская старина, Спасение на водах, Современная медицина и гигиена, Семья, Трудовая помощь, Фельдшер, Читатель народной школы, Чтение для солдат, Христианское чтение, Олонецкие епархиальные ведомости, Будильник, Воскресный день, Воскресенье, Восход, Вестник финансов и промышленности, Вокруг света, Вестник министерства путей сообщения, Вестник мод, Вестник общественной ветеринарии, Ежедневная практическая медицина, Живописное обозрение, Задушевное слово, Инкери (Финская газета), Известия книжного магазина Вольф, Известия министерства земледелия и государственных имуществ, Клинический журнал, Край, Кормчий, Лесопромышленный вестник, Летопись русской хирургии и хирургия, Московский листок, Медицинское обозрение, Модный курьер, Народное здравие, Неделя, Новый мир, Нива, Осколки, Право, Природа и люди, Пастырский собеседник, Развлечение, Ребус, Родина, Разведчик, Русский паломник, Руководство для сельских пастырей, С.-Петербург, Спутник здоровья, Сельский вестник, Сенатские ведомости, Сенатские ведомости с решениями кассационного департамента, Стрекоза, Церковные ведомости, Церковный вестник, Юный читатель, Фармацевтический вестник, Гражданин, Олонецкие губернские ведомости, Биржевые ведомости, Курьер Варшавский, Новое время, Новости, Петербургская газета, Петербургский листок, Правительственный вестник, Петербургские ведомости, Петербургский герольд, Россия, Русский инвалид, Свет, Сын отечества, Северный край, Торгово-промышленная газета, Уральская жизнь». Чаще всего вытегоры выписывали газету «Биржевые ведомости», вслед за ней шли журналы «Нива», «Родина» и «Сын отечества», газеты «Олонецкие епархиальные ведомости» и «Церковные ведомости»... и так до самого конца списка, на котором находился музыкальный нотный ежемесячный журнал для фортепиано «Нувеллист».

⁷⁰Не загромождая повествование подробностями сельскохозяйственной жизни уезда, все же в примечаниях скажем, что уездный агроном в своем докладе Вытегорскому уездному собранию писал о том, что скотину крестьяне держат большей частью для того, чтобы иметь навоз для удобрений. Такое скотоводство он назвал «навозным». Что касается обработки земли, то и здесь... «Орудие боронования служит в большинстве случаев борова, построенная из 9-10 связанных в одной плоскости деревянных сучковатых плах, причем сучья играют роль зубьев». В двадцатом-то веке... Правда, «В Вытегорской волости, – как сообщает агроном, – граничащей с землями г. Вытегры, местами крестьяне начинают применять борону с деревянной рамой и железными зубьями, позаимствовав таковую вероятно от земледельцев-горожан, но в запяжке тянут ее не по диагонали, как бы следовало, а параллельно рядам зубьев, почему борова оставляет только 9 борозд вместо 45». Какая тут параллель... Ее здесь лучше не проводить. Тут диагональ нужна.

⁷¹Известия Вытегорского Совета крестьянских и рабочих депутатов писали по этому поводу: «Исполком постановил отправить в указанные волости своих делегатов для разъяснения населению, насколько подобный образ действий осложняет крайне тяжелую работу снабжения населения хлебом. В заседании 12 апреля избран комиссаром по продовольствию Аристаров И.Е. взамен Борькина Н.Ф. Переизбрание состоялось в связи с обнаруженной кражей 10 мешков пшеничной муки из кладовых у Продовольственного Отдела. Расследование совершенной кражи поручено уголовной следственной Комиссии».

⁷²Редакция, понимая, что открывает ящик Пандоры, и обращаясь к читателям с просьбой писать в газету, все же сочла нужным предупредить своих будущих корреспондентов: «Внимание! Товарищи! Присылаемый для печатания материал должен быть написан ясным почерком на одной стороне чистого листа. Поменьше многоглаголения. Давайте факты! Пространные заключения перегружают нашу газетку и делают ее скучной. Работайте над каждой строчкой. И еще – сносная проза лучше плохих стихов».

⁷³Клюев принял живейшее участие в вечере, посвященном памяти Карла Маркса, который прошел в Вытегре в середине мая. Репортаж об этом вечере в Вытегорских Известиях лучше не пересказывать своими словами, а процитировать: «Память Карла Маркса, основателя коммунистической партии, Вытегорский Комитет РКП(б) отметил устройством 12 сего мая трудового вечера коммунистов-большевиков. На вечере выступил – первый раз у нас в городе – т. Н. Клюев, наш близкий-родной поэт-коммунист, певец перезвонов сосен милой Олонии <...>. В вступительном слове т. С. Ручьев рассказал биографию К. Маркса, т. И. Ваксберг познакомил присутствующих с коммуниз-

мом, т. М. Мехнецов в горячей речи сказал о том, что “царствие коммунизма придет и царствию его не будет конца”, а т. Н. Клюев, встреченный громом аплодисментов, произнес “малое слово от уст брата-большевика” – “На пороге счастья и Вечности”. В 3-м отделении Вытегоры первыми увидели полную глубоких символов революционную пьесу т. Н. Клюева “Красную Пасху” <...>. Пьеса заканчивается торжественным пением рабочих “Христос Воскресе из мертвых!” <...> С этой песнью радости народной Пасхи разошлись по домам те, кто искал, но не нашел на трудовом вечере большевиков того, о чем часто приходится слышать на всех углах и закоулках в слетнях про большевиков-коммунистов <...>».

⁷⁴Фамилии укрывателей и списки того, что конфисковали красногвардейцы, публиковали в газете. Они будут интересны не только буквоедам, но и обычным читателям. «4-го апреля отрядом красной гвардии произведены обыски с целью обнаружения укрывтых товаров. У граждани гор. Вытегры Марии Суриной по окончании обыска реквизированы следующие товары: 26 фунтов чая и табаку махорки 5 фунтов. У гражданина гор. Вытегры Александра Дмитриевича Мартюгова: чаю 16 фунтов, 4 ящика махорки и 20 фунтов сахара. 6-го апреля красной гвардией произведен обыск у гражданина гор. Вытегры Николая Петровича Морозова. Реквизированы следующие товары: чаю 74 $\frac{3}{4}$ фунта, папирос «Ева» по 10 шт. – 98 коробок, папирос «Кумир» по 20 шт. – 8 коробок, табаку «Хадис» – 10 $\frac{1}{2}$ фунтов, гильз по 250 шт. – 10 коробок, по 100 шт. – 2 коробки, мыла «Жукова» 34 фунта, махорки – 7 $\frac{1}{4}$ фунта, и цикории – 54 фунта. 9-го апреля отрядом красной гвардии произведен обыск у гражданина гор. Вытегры Алексея Ивановича Максимихина, реквизированы следующие товары: сахара 2 пуда 19 фунтов, чаю 3 пуда 35 фунтов, табаку махорки 1 пуд 22 $\frac{3}{4}$ фунта, масла коровьего 2 пуда 25 фунтов, рису 1 пуд 4 $\frac{1}{2}$ фунта, кофе 11 $\frac{1}{2}$ фунта, свечей стеариновых 4 пуда 23 фунта, мыла желтого 6 пудов 3 фунта, мыла серого и желтого 29 фунтов, конфет 4 пуда 10 фунтов, монпансье 31 фунт, постного сахара 15 $\frac{1}{2}$ фунтов, цикории 5 фунтов, картофельной муки 20 фунтов, ржаной муки 4 мешка, пшеницы 45 пудов, крупчатки 2 пуда, первача 2 пуда, пшеничной муки 3 мешка и ржи 17 пудов. На основании постановления Исполкома Совдепа товары сданы в Уездную Управу, укрыватели рассчитаны по таксе, существующей в Губернской Продовольственной Управе, а Мартюгов и Сурина рассчитаны: чай 10 рублей за фунт, сахар по 1 р. 60 к. за фунт, табак по стоимости бандероли».

⁷⁵В воспоминаниях Матвеева о дальнейшей судьбе Оленева написано: «Оленев скрылся, за ним организовали погоню, но поздно. Он добрался до Палтоги* и отсиделся в стоге сена. Копну сена шупали штыками, но не наткнулись на него. Какой-то крестьянин довел его до ж/д станции Токари**».

*Деревня Палтогский перевоз в двадцати километрах от Вытегры.

**Железнодорожная станция на территории посёлка Токари Подпорожского района Ленинградской области в ста семидесяти километрах от Палтогского перевоза.

⁷⁶«Как милости вашей будет угодно, – отвечал на все согласный Селифан, – коли высечь, то и высечь; я ничуть не прочь от того. Почему ж не посечь, коли за дело, на то воля господская. Оно нужно посечь, потому что мужик балуется, порядок нужно наблюдать. Коли за дело, то и посеки; почему ж не посечь?» Н.В. Гоголь. Мертвые души. Часть первая.

⁷⁷В мемуарах Александра Матвеева можно прочесть о том, что в восемнадцатом году в Вытегре проживало довольно много бывших офицеров царской армии, с семнадцатого года существовала организация «Комитет спасения Родины и революции», никак не симпатизировавшая Советской власти, а совсем наоборот. Отделение «Союза русского народа», созданное еще до февральской революции, на Луну не улетело вместе со всеми своими членами, а осталось в городе. Исполком Совдепа что ни день получал анонимные письма с угрозами. Матвеев приводит выдержку из такого письма «<...> предупреждаю вас, что готовится покушение на советскую власть. Под руками у них пять пулеметов, сотни бомб, динамит. В их среду прошли три английских офицера – шпиона-специалиста. Исход для вас один самый лучший – выезжайте из Вытегры в полном составе, куда найдете удобным, здесь смерть. Спасайтесь! Спасайте себя для революции от монархистов. Торопитесь. Доброжелатель».

⁷⁸Для тех, у кого рецептов от врача не было, газета публиковала рецепт чая из моркови, который «вполне заменит китайский чай и прекрасный по вкусу готовится простым домашним спо-

собом. Надо взять пять фунтов сырой моркови, хорошенько ее вымыть, некрупно нарезать, провернуть через машинку-мясорубку, затем положить на противень или лист, поставить в печь после хлеба, или в духовку, продержав там несколько часов, чтобы морковь хорошо засохла; после чего надо ее вынуть и затем на второй день снова поставить в жаркую, только что выметенную печь на противне или жестяном листе и держать до тех пор, пока морковь зажарится докрасна, т. е. чтобы она зарумянилась, но не подгорела бы, отчего теряет вкус. Тогда получится полфунта чаю вполне годного для питья».

⁷⁹Питательному пункту даже стихи посвящали. «Здравствуй, милая сестрица, шлю привет не из столицы, а из Вытегры суровой, где занялся жизнью новой; начал кое-что писать и в газетку помещать. Здесь голодных очень мало, да и сытых небывало; расскажу тебе подряд, как живет рабочий брат. Вот узнал я тут недавно, что народ живет исправно, поминутно хлеб жуют, вечно песенки поют, бабы сплетнями живут и к “святой” крупчатки ждут. Есть питательный здесь пункт, хлеба в нем дают хоть фунт, но лишь только для того, кто с прислугою “тово”; тот, конечно, будет сыт, всем такой секрет открыт, стоит чаще походить, да интрижки поводить. Но обеда, чтоб добиться, весь желудок истомится, пока “барышня” придет, и твой чек не отберет. Коль свободен от труда, то сиди хоть до утра, об обеде помечтай, да газетку почитай. Если ты здоров и телом, то займись лучше делом: ножи, вилки и все ложки, перетри хотя немножко. Лишь прислуга без хлопот очень счастливо живет. Вот возьмем хоть Тоню, Машу и премиленькую Сашу; ведь они-то уж до страсти кушать любят очень сласти; за прилавочком сидят, очень ласково глядят по знакомству иль по нраву, вас наделят не по праву, “лампасечку”^{*} дадут, ни копейки не возьмут. Кто ж работает на кухне, те от голода опухли, еле ноженьки волочат, но о публике хлопчат, пусть уверится народ, что от этих де забот, потеряли свои силы и близки уже к могиле. И глядя на их печаль, станет их невольно жаль, им пайка ведь не дают, они песен не поют. Эх! Писать про всех прислуг, мне, сестра, ведь недосуг, да боюсь, чтоб не лишиться, с “лампасем” чайку напитокся. А.Н.».

^{*}Лампасе – сорт леденцов. Искаж. от монпансье.

⁸⁰В тюрьме, которая тогда называлась исправительным домом, порядка было мало. Газета «Звезда Вытегры» писала в начале апреля девятнадцатого года: «Жалобы на порядки в Исправительном доме продолжают поступать. Выясняется их справедливость. Установлено, что заключенные без надзирателей разгуливают по городу. В недалеком будущем освещены будут и другие жалобы. Комиссия по ревизии Исправительного дома сделала доклад Исполкому и выяснила всю неприглядную картину. Исполком разрешил заведующему хозяйственной части Совдепа выдать ссуду 8000 руб. на некоторый ремонт в Исправительном доме».

⁸¹Из воспоминаний сотрудника Вытегорской ЧК Николая Вельева: «В деревне Кондуши проживал некий Фунтиков, работал в финчасти уездисполкома, но в то же время по политическим взглядам был ярый эсер. Вместе со своим братом, подогревая антисоветские настроения кулаков, готовил контрреволюционный мятеж, к нему были привлечены многие жители из Палтогской, Суландозерской и Мегорской волостей, которые прибыли к месту сбора в деревню Кондуши. Получив информацию об этом, вооруженные чекисты вместе с общественностью организовали патрулирование и засады на дорогах. Попытки партийно-советского актива предотвратить контрреволюционное выступление мирным путем были безуспешны. Тогда чекисты дали предупредительную очередь из пулемета вверх. Это отрезвляюще подействовало на восставших, многие разбежались, а активные участники и организаторы контрреволюции были арестованы и осуждены судом ревтрибунала». Видимо, не так просто обстояло дело с гражданином Фунтиковым.

⁸²Из экономии места приведем лишь два ответа редакции вытегорских «Известий» на присланные стихи: «Вытегра, Ив. С. Товарищ, стыдно воровать чужие мотивы. Оставим муаровые юбки, пудру, мороженое из сирени Игорям Северяниным. Революция может дать и другие мотивы». «Петрозаводск, Футуристу. Ваше стихотворение “Люблю лежать на тротуаре” не пойдет. В такую, как теперь, весеннюю распутицу нам кажется не особенно приятной перспектива лежать на тротуаре».

⁸³Честно говоря, стихи Ключева о Вытегре ничуть не комплиментарнее стихов Сологуба. Приведем два примера: первую строфу из стихотворения «Вытегра» и отрывок из стихотворения «Красный Орел»:

Глухомань северного, бревенчатого городишка,
Где революция как именины у протопопа.
Ряд обжорный и каланчи вышка.
Ждут антихриста, сивушного потопа. <...>
Здесь не верят в жизнь без участка,
В смерть без кутьи и без протопопа.

Глухая Вытегра не слышит урагана,
Сонливая, с сорочьим языком,
Она от клеветы и глупых сплетен пьяна <...>

И это при том, что стихи Клюева, как новые, так и старые, в девятнадцатом году регулярно, чуть ли не каждую неделю печатались в «Звезде Вытегры». Тем не менее Клюев в конце этого года пишет редактору журнала «Артельное дело» Миролюбову в Петроград о своей жизни в Вытегре: «Молю Вас, как отца родного, потрудитесь ради великой скорби моей сообщить Есенину, что живу я, как у собаки в пасти, что рай мой осквернен и разрушен, что Сирий мой не спасся и на шестке, что от него осталось единое малое перышко. Все, все погибло. И сам я жду гибели неизбежной и беспесенной. Как зиму переживу, один Бог знает. Солома да вода, нет ни сапог, ни рубахи. На деньги в наших краях спички горелой не купишь. Деревня стала чирьем-недотрогой, завязла в деньгах по горло. Вы упоминаете про масло, но коровы давно съедены, молока иногда в целой деревне не найти младенцу в рожок... <...>. Ах, слеза моя, горелая, пропащая! Белогвардейцы в нескольких верстах от Пудожа. Страх смертный, что придут и повесят вниз головой и собаки обглодают лицо мне. <...> Приехал бы я в Москву, да проезд невозможен: нужно все «по служебным делам» – вот я и сижу на горелом месте и вою, как щенок шелудивый. И пропаду, как вошь под коростой, во славу Третьего Интернационала. <...> И пишу я мало. В месяц раз. Печатаюсь в крохотной уездной газетке. Присылаю Вам и прозу свою – думаю, не помеха будет то, что она была пропечатана в упомянутой газетке: никто этого не знает».

⁸⁵В основной экспозиции вытегорского краеведческого музея, посвященной первым годам Советской власти в Вытегре и уезде, почти ничего о Мехнецове нет, но в фондах есть билет Пятого Всероссийского Съезда Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов депутата Мехнецова, прибывшего из Вытегры, делегатский билет Петроградского Губернского Съезда Совета Крестьянских, Рабочих, Батрацких и Солдатских Депутатов с правом решающего голоса, мандат Народного Комиссариата по морским делам, в котором написано, что «Предъявитель сего есть действительно военный моряк Михаил Мехнецов, состоящий в должности политрука при I-ом флотском полуэкипаже г. Москвы. Что подписью и приложением печати удостоверяется». К этим мандатам прибавим несколько фотографий, четыре полуистлевших странички писем Михаила Николаевича эвакуированной семье из блокадного Ленинграда, в котором он погиб в сорок третьем году и напечатанные на машинке воспоминания его брата. Есть еще стихотворение Николая Клюева «Красный орел», посвященное первому председателю Вытегорского исполкома.

Еще меньше документов в фондах музея о первом комиссаре продовольствия – Иване Евсеевиче Аристарове – полторы странички автобиографии, свидетельство об окончании Оштинского двухклассного училища, удостоверение члена Вытегорского городского совета Четвертого созыва, бессрочное удостоверение личности и две фотографии. Каких-либо материалов, относящихся к первому вытегорскому военному комиссару Василию Матвеевичу Аганичину в местном краеведческом музее нет – ни пыльного комиссарского шлема, ни маузера, ни даже кобуры от него. Известно, что он, как и Мехнецов, пошел воевать с Юденичем осенью девятнадцатого года. Был ранен. Через три года его после ранения по состоянию здоровья перевели на хозяйственную работу в армии, а потом и вовсе демобилизовали. Поле демобилизации Василий Матвеевич работал председателем Карелторга, замнаркома снабжения, уполномоченным Наркомвнешторга СССР при СНК КАССР, уполномоченным комитета заготовок Совета Труда и Оборона по КАССР, инструктором в Карель-

ском обкоме партии, а в тридцать девятом стал заведовать партийным архивом Карельского обкома и заведовал им, пока не вышел на пенсию уже после войны. Михаил Николаевич Мехнецов после тяжелой контузии в боях с Юденичем, повлиявшей на слух, тоже перешел с партийно-советской работы на производство – работал механиком. Что касается Ивана Евсеевича Аристарова, то он от хозяйственной работы никуда и не уходил – после того как перестал быть вытегорским продовольственным комиссаром, работал в уездной потребкооперации, в госторговле, бухгалтером, старшим инспектором отдела снабжения Вытегорстроя, заведующим плановым отделом... На общей фотографии первого состава Вытегорского исполкома, сделанной в восемнадцатом году, комиссар продовольствия Аристаров стоит во втором ряду третьим справа, а вторым – военный комиссар Аганичин. В центре, за столом с бумагами и чернильницей, сидит, подняв по просьбе фотографа руку с карандашом, больше похожий на юношу, обдумывающего жите, чем на председателя исполкома, Михаил Николаевич Мехнецов.

⁸⁶В том же году в Вытегре установили памятник Ленину – один из первых в стране. Не то что бы в полный рост, с кепкой в руке и на броневику, а скромный, рассчитанный на двух или трех голубей, чугунный бюст на небольшом постаменте. В связи с этим событием Народный проспект, который еще раньше был Воскресенским, а некоторое время и вовсе проспектом Троцкого, переименовали в проспект Ленина. Возле него принимали в пионеры, устраивали митинги, обещали выполнить и перевыполнить. К девятиным годам голова Ильича здорово обветшала, и ее решили отдать на реставрацию. Отдали и... она благополучно куда-то пропала. То есть в официальном заключении реставраторов было написано, что голова реставрации не подлежит, но вернуть пусть и не подлежащую реставрации голову вождя мирового пролетариата, не удалось. Постамент местные коммунисты снести не дали, обшили его досками и несколько лет поклонялись обезглавленному постаменту. В пионеры возле такого памятника принимать уже было нельзя, но к тому времени и пионеров не осталось. К несчастью, в краеведческом музее оказалась копия пропавшей головы, и по ней, на деньги гранта, который смогли получить вытегорские коммунисты совместно с местными энтузиастами и администрацией города, отлили новую, теперь уже бронзовую голову, и установили ее в семнадцатом году.

В Вытегорском районе есть еще один памятник Ленину, которому столько же лет, сколько и городскому, чугунному. В год смерти Ленина пионеры села Макачево вместе с родителями под руководством своего учителя Петра Петровича Петрова и по его чертежу высадили десятки саженцев елей в форме букв, составляющих псевдоним лучшего друга пионеров. Вся посадка имела общую протяженность сто метров. Заодно и поставили в получившейся аллее бюст Ленина, который, кстати, до сих пор там стоит. Там и принимали в октябрюта с пионерами, там жгли пионерские костры и перед лицом своих товарищей торжественно клялись любить родину, жить как завещал великий Ленин, как учит коммунистическая партия... В год столетия со дня рождения Ленина надпись дополнили цифрой сто, высадив ее кустами акации, а в год шестидесятой годовщины со дня смерти решили, по инициативе местного леспромхоза, посадить новую надпись – уж больно старая заросла, хотя жители деревни ее чистили регулярно. Теперь уже и новой надписи, которая по-ученому называется геоглиф, сорок лет. Ее видно даже на спутниковых снимках.

⁸⁷У «Колхозного знамени» каждое лыко шло в строку. Вот заметка об аресте Эрнста Тельмана, напечатанная в марте тридцать третьего года: «На зверские выступления гитлеровцев ответим борьбой за большевистский колхоз. Несколько дней тому назад арестован и брошен в тюрьму любимый вождь рабочих т. Тельман. Мракобесы творят свою гнусную политику и против этой гнусной политики, против бандитизма фашистов должна выступить общественность Вытегорского района. Лучшим нашим ответом будет служить большевистская подготовка к весеннему севу и решительная борьба за высокий урожай. На зверские выступления гитлеровцев, на их гнусную клевету и нападки на компартию Германии, ответим стопроцентной ссыпкой и сортировкой семян, борьбой за упитанного коня, борьбой за большевистский колхоз».

⁸⁸Теперь улица, на которой стоял дом, где Киров прожил четыре дня, называется его именем, а через семь лет после его визита в Вытегре Кирову поставили памятник. Он до сих пор стоит в городском скверике. Белая краска, которой он был когда-то покрашен, сильно облезла, фигура члена

Политбюро ЦК ВКП(б) и Президиума ВЦИК СССР местами почернела от сырости и от головы до сапог покрыта сетью больших и маленьких трещин, а от полы Кировской шинели отвалился изрядный кусок то ли гипса, то ли глины. Только взгляд у пламенного революционера такой же твердый, непреклонный, и устремлен в светлое социалистическое будущее, а оно уже за шеломянем еси и с каждым днем все дальше и дальше уходит от нас в прошлое.

⁸⁹Плотный кубометр – единица измерения объема древесины, полностью (без пустот) занимающей пространство объемом один кубический метр.

⁹⁰Бывало и за половину буханки. Ровно столько выдавали спецпереселенцам в поселении «Известь», расположенном в Вытегорском районе в тридцати пяти километрах южнее Вытегры, на реке Лема, в глухом лесу. Спецпереселенцами называли раскулаченных крестьян и членов их семей, зачастую проживавших в том же Вытегорском районе. Жили спецпоселенцы в бараках. Работали зимой на заготовке леса, а весной на его сплаве по реке. За работу получали паяк – четыреста граммов хлеба. Как раз половину буханки. Свободно передвигаться спецпереселенцы не могли в течение пяти лет. А.В. Маньшева, ребенком попавшая вместе с матерью в спецпоселение «Известь», вспоминала: «Весной тридцать второго года мужчин дома никого не было, матери стали работать на сплаве леса по реке <...>. Наших матерей отправляли, где хуже и тяжелее. Мастер по сплаву утром кричит: “Эй, выселенки! Вплавь за реку лес катать!” Что было им делать, если не пойдешь – пайку хлеба не дают. Вот они, наши матери, вброд по реке, а весной вода в реке выше пояса, а иногда даже одна голова над водой, а вода со льдинами. День катают, а вечером надо в барак, опять вплавь. Наутро опять такая же картина и до тех пор, пока не кончится лес...».

Еще одно спецпоселение, «Ветка», находилось в полусотне километров юго-восточнее Вытегры, в шестнадцати километрах от шоссеной дороги. И.Ф. Гришкин, сын раскулаченного Ф.Н. Гришкина, рассказывал: «Я, одиннадцатилетний подросток, вместе со своими родителями, младшими братьями и сестрами, а также с семьями трех дядей <...> зимой были привезены на Ветку. Одновременно с нами были семьи раскулаченных Стакановых, Степких, Кирьяновых. Всех нас поместили в один барак, в котором уже жили приехавшие по вербовке финны. Из-за тесноты и большой скученности людей погибла моя младшая сестра Лиза, нечаянно упавшая в корыто с горячим щелоком. Посреди барака стояла печка – чугунка, под потолком проходила железная труба, на которой рабочие сушили одежду. Спали все на нарах. Был страшный голод, за работу платили часть денег и давали пайки хлеба. Труд был тяжелый, так как было дано твердое задание. С помощью лучковой пилы нужно было каждому мужчине в течение суток заготовить семь кубометров леса. Если пила ломалась, то были вынуждены ночью ее ремонтировать. Иначе это считалось умышленным вредительством, за которое давали до семи лет тюремного заключения. За невыполнение задания тоже наказывали. Мой дядя Н.И. Гришкин не справлялся с нормой и был сослан в Кресты».

⁹¹Власти требовали по-ударному выполнить план по сдаче пушнины за тридцать второй год: «План первого квартала на 1 февраля выполнен на 26%. Это говорит за то, что наши заготовители своевременно не подготовились к развертыванию работы. Запрещение охоты в нашем районе на куницу и выдру, неурожай белки, тем более обязывала заготовителей принять энергичные меры к заготовке других видов зверя (не пренебрегая даже кошкой и собакой), к большей внимательности к охотникам. <...> до конца охоты осталось несколько дней (срок первое марта). В эти решающие дни надо принять энергичные меры к усилению заготовок. <...> Районное экспортное совещание объявило с 19 по 29 февраля декадник по усилению заготовок пушмехсырья. В этот декадник заготовители выедут в район с красными санями снабженными промтоварами для расчетов со сдатчиками пушнины на месте. Экспортное совещание постановило, что по пути следования красных саний, все охотники, независимо от наличия договоров, должны сдавать пушнину представителю той организации, которая сопровождает красные сани. Общими усилиями ликвидируем наметившийся прорыв в районном заготплане по пушнине».

⁹²В качестве примера приведем две заметки, напечатанные в одном и том же номере «Колхозного знамени», в феврале тридцать второго года. Первая, анонимная, называется «Снять с колхозного проката», а вторая, редакционная, уже с оргвыводами, «За партруководство киноработой».

«Кинофильма “Понятая ошибка”, казалось бы, должна организовать колхозный прилив, организовать колхозников, бедняков и середняков на решительное наступление на кулака. <...> Но сценарист и постановщик допустили ряд таких грубых ошибок, что от хороших стремлений почти ничего и не остается, фильма превращается в антиколхозную. Что показано в картине? Как будто бы советская власть бессильна против открытых вылазок классового врага, а лица сельсовета, партийной и комсомольской организации не показано. Все, без исключения, женщины в картине показаны яркими противниками колхозного строительства, сборища которых разгоняются колями. Помощь совхоза в организации колхоза, в борьбе с кулачеством, роль совхоза смазана и почти сведена на нет. <...> Классовый враг, просмотрев эту картину скажет: – Видите колями в колхоз загоняют. Картина демобилизует, картина искажает действительность. По инициативе школьной ячейки ВКП(б) был устроен просмотр картины “Понятая ошибка” представителями партийных, комсомольских и общественных организаций. На просмотре решено поставить вопрос перед Облотделением Союзкино о снятии “Понятой ошибки” с деревенского проката, как идеологически вредной. Это должно быть сделано. Да и место ли ей вообще на нашем экране? Союзкино, отвечай, ждем вашего ответа».

«В Вытегорском районе работают кинопередвижки Союзкино. И нужно признаться, что кино-работа в деревне поставлена из рук вон плохо. Местный общественный актив киноработе не уделяет должного внимания. Киноработой не интересуется ни сельсовет, ни партакчейка, ни комсомолка; на кинопередвижку смотрят как на незваного гостя, не учитывая политического и организующего значения кинофильмов. Зачастую даже изба-читальня не помогает в организации политокружения вокруг кинокартины. В свою очередь наши киномеханики не уделяют должного внимания политпросветработе вокруг кинокартин. Такое отношение должно быть решительно изменено. <...> Партакчейки должны осуществлять постоянное руководство в киноработе. На помощь киномеханикам следует прийти всей общественности».

⁹³Дело Ивана Горячего было не единственным, увы. В том же тридцать седьмом году кочегара буксира Федора Лукичева осудили на десять лет только за то, что он во время рейса, высунувшись из иллюминатора, показал пальцем на идущее по берегу Вытегры стадо коз и сказал: «Смотрите, вот идет стадо сталинских коров».

⁹⁵Это село в то время было административным центром Оштинского района. После войны, в пятьдесят пятом году, район был упразднен и вошел в состав Вытегорского.

⁹⁶Авиасосна и авиабереза к началу войны широко использовались в отечественном самолетостроении, поскольку алюминиевых сплавов не хватало. К примеру, планер истребителя ЛаГГ-3, которых было построено за годы войны более семи тысяч штук, практически целиком состоял из сосны. Деревянные хвосты и консоли крыльев имели штурмовики Ил-2. Кроме того, лыжи всех типов самолетов изготавливались из дерева. Сосны и березы для авиационной промышленности тщательно выбирались – специально обученные люди искали и клеймили прямослойные, имевшие мало сучьев стволы. Клеймить и вывезти их нужно было зимой, поскольку весной освещенные солнцем деревья начинали трескаться, а деревьев этих были сотни и тысячи...

⁹⁷К началу войны в колхозах Вытегорского района ни одного трактора, ни одного комбайна в собственности не было. Хотите трактор или комбайн – обращайтесь в машинно-тракторную станцию (МТС), заключайте договор и вам вспашут, а за вспашку заплатите зерном по твердым ставкам. Когда началась война, часть тракторов и машин изъяли на нужды фронта, а большую часть годных к службе трактористов призвали в армию. Места мужчин заняли женщины и девушки, но места отсутствующих тракторов и запчастей занять было некому. Так что с механизацией сельскохозяйственных работ дело обстояло из рук вон плохо.

⁹⁸В конце мая сорок третьего, то есть как раз во время весеннего сева, «Колхозное знамя» пишет: «За последние дни колхозы Ундозера начали исправлять допущенную ошибку, которая заключалась в недооценке крупного рогатого скота, как тягловой силы на весенне-полевых работах. Вновь обучено и привлечено на полевые работы девять коров <...>. Сейчас в Ундозере работает на полевых работах восемнадцать голов крупного рогатого скота, но этого мало. Следует привлекать к работам значительно большее количество коров, в том числе и коров личного пользования колхозников». Еще одна заметка от девятого декабря того же года: «В колхозе “Октябренок” Марковского сельсовета в качестве тягловой силы используется бык, который вполне заменяет лошадь. На нем

возят снопы, навоз и выполняют другие сельскохозяйственные работы. Бык с успехом перевозит грузы и на сравнительно дальние расстояния». Обычных читателей это вряд ли заинтересует, но любителям подробностей сообщим, что бык в совхозе «Пчельник» Палтогского сельсовета и вовсе стал чемпион по вывозу удобрений – на нем весной сорок четвертого вывезли на поля 540 возов удобрений.

⁹⁹За порчу техники, пусть и не умышленную, тоже по голове не гладили. В июне сорок четвертого года трактористка вытегорской МТС Войнова Татьяна Ивановна получила два года лишения свободы за то, что «Весной текущего года приняла трактор, шплинтовку шатуна произвела слишком слабо, в нарушение всех технических правил, вследствие чего при заводке трактор вышел из строя, чем причинен ущерб МТС в сумме 2221 руб.».

¹⁰⁰Колхозы должны были сдавать свою продукцию государству еще по довоенным ценам, то есть практически даром, в то время как рыночные цены выросли в сто и даже в двести раз.

¹⁰¹Когда читаешь перечень того, что вытегоры отдавали фронту, понимаешь, что это совсем не излишки. Вот список того, что отправили на фронт в качестве подарков в сорок втором году работники вытегорского райисполкома: «три килограмма пряников, килограмм сахарного песка, десять кусков туалетного мыла, четыре пары носков, четыре носовых платка, два кисета, тридцать килограммов свежей капусты, полтора килограмма луку, пять штук яиц, спички, бумага, карандаши <...>». В районную комиссию по сбору подарков «С колхоза “Красная деревня” Вытегорского сельсовета поступило тридцать килограммов свеклы и два десятка яиц, от райотдела связи двести пятьдесят граммов табаку, сто штук конвертов, сто коробков спичек, три банки ягод, две банки соленых грибов и 644 рубля деньгами <...>».

¹⁰²В качестве новогоднего подарка в конце сорок второго года вытегоры отправили бойцам фронта 3400 сдобных булочек.

¹⁰³Из воспоминаний участницы разминирования Клавдии Николаевны Логиновой: «Сердце сжимается от боли, когда вспоминаешь об обстоятельствах гибели шестнадцатилетней Таисии Новожиловой. Эта миловидная девушка со светлым венчиком косы на голове имела шанс остаться живой, если бы сама попыталась обезвредить мину. Увы... В тот день, 27 октября, у Таси было хорошее настроение. К ней должна была приехать мать, и девушка обещала своим подружкам устроить маленький праздник. Не с пустыми же руками приедет мама, обязательно привезет чего-нибудь вкусенького!

Тася обезвредила уже немало ЯМ-5* и вдруг нерешительно остановилась перед очередной миной. Ящик был весь в воде, взрывателя не видно.

– Девчонки, я боюсь обезвреживать эту мину, – засомневалась Тася.

И тут, словно черт, в самый неподходящий момент подскочил к ней работавший на другом минном поле Афанасий Сырчин.

– Эх ты, трусиха, – сказал он, – давай я сниму мину.

Никто не посоветовал Тасе, чтобы она отошла на безопасное расстояние, и сердце ей тоже, видимо, не подсказало. А он рванул мину снизу за края. Скорей всего чека от сотрясения выскочила из взрывателя, грянул взрыв. Сырчин погиб сразу же, Тася некоторое время была еще жива. Она лежала с вырванными внутренностями, пыталась запихнуть их обратно и все повторяла:

– Как же я маме покажусь в таком виде?»

Из воспоминаний участницы разминирования Валентины Николаевны Сикомас: «Помню свой первый день: дали нам шупы (это двухметровая палка с металлическим наконечником). Подошли мы к минному полю, и встали мы вдоль дороги. Наш начальник разминирования И.Т. Васькин и командир-минёр Слава Попов решили показать новичкам, как проходит разминирование. Первая же мина взорвалась. Двоих наших девчонок взрывом отбросило с дороги, а командира ранило. Его отправили самолётом в госпиталь в Вологду. Мы, минёры – девчата, в таком состоянии были в ту минуту: кто плакал, кто кричал и убегал по дороге. Но Васькин остановил всех, отправил в расположение, смог успокоить. Не легко было начальнику с нами после несчастных случаев, но старались успокоить нас. Васькин брал гармонь и дежурных всех оправлял в клуб, где мы – молодые могли забывать плохое, поднимали нам настроение. Работа минёра очень опасная, здесь знает каждый,

малейшая ошибка – смерть. Вспоминается, в этом же году мы были отправлены осенью в Жабенцы, на берегу Онежского озера, на разминирование устья р. Ошта. Минные поля были на болоте, сверху вода в болоте до пояса – холодная, трава высокая, а мины “помзы”** натяжного действия осколочные “чугунки” в траве не видно проволоки. На этом минном поле мы потеряли медсестру Надю Ерехову, тяжело ранило старшину и сержанта, с трудом вынесли их с минного поля».

* ЯМ-5 (ящичная мина № 5) – советская противотанковая мина нажимного действия.

** ПОМЗ-2 (Противопехотная осколочная мина заграждения) – советская противопехотная осколочная мина натяжного действия.

¹⁰⁴ Первые послевоенные годы по воспоминаниям местных жителей, были еще голоднее военных – пока фронт был рядом, солдаты и офицеры делились своими пайками с местными жителями, а как фронт ушел на запад...

Из воспоминаний Анны Степановны Севриной, проживавшей во время войны в деревне Исаево Вытегорского района: «Еды было мало, но солдатам давали по кусочку сахара, от которого они частенько отламывали половинку и давали детям. Я помню, с каким наслаждением рассасывала этот сахарок. Но мать, как увидит, не разрешала ничего брать у солдат, говорила, что они и так голодные».

¹⁰⁵ Только консервация обошлась государству в десять с лишним миллионов еще тех, послевоенных, рублей. Потом, когда снова стали строить, решили экономить на всем, на чем это можно сделать. Жертвой экономии в первую очередь стало архитектурное оформление шлюзов. Пишный сталинский ампи́р с его колоннами, ротондами, статуями рабочих, ученых, колхозниц и, конечно же, лучшего друга физкультурников, сменили унылые бетонные коробки.

¹⁰⁶ К концу пятидесятых на стройке работали не только заключенные. Большая часть рабочих была вольнонаемной молодежью. Стройка даже была объявлена ударной и комсомольской. Из армии демобилизовали несколько сот молодых мужчин с тем условием, что они оставшийся срок службы проработают на строительстве Волго-Балта. Они работали и в сильные морозы на укладке бетона, когда заключенных на работы не выводили. В вытегорском музее Водных путей Севера на витрине под стеклом рядом с огромным кирпичным сапогом лежит пара лаковых женских туфель, сделанных на рижской обувной фабрике Pioniers в шестидесятом году.

¹⁰⁷ Обычному читателю, тем более молодому и не заставшему семидесятые и восьмидесятые, это вряд ли будет интересно, но для буквоедов, помнящих те времена, сообщим, что в восемьдесят восьмом году билет до Ленинграда на ЯК-40 стоил четырнадцать рублей, а до Вологды на АН-2 девять рублей с копейками. Полет до Ленинграда занимал ровно час, а полет до Вологды два с лишним часа, поскольку АН-2 еще и умудрялся делать две промежуточные посадки. Теперь до Вологды из Вытегры ведет отличное шоссе, и на машине можно доехать за четыре или пять часов – как повезет, но память о девяти рублях с копейками...

¹⁰⁸ С тех пор прошло тридцать с лишним лет. Газ все обещают. Многоквартирные дома отапливаются котельными, которые работают на угле. Уголь везут по железной дороге, а ближайшая к Вытегре станция на железной дороге – Лодейное поле. Оттуда до Вытегры полторы сотни километров. Уголь везут на машинах, и потому отопление обходится вытегорам дорого, и очень. Новые дома отапливают электричеством. Электричество поступает с гидроэлектростанции на реке Свирь по линии электропередач. Тоже не ближний свет... В двадцать четвертом году обещают подвести газ обязательно.

¹⁰⁹ Рабочих мест в Вытегре и районе не так много, и потому китайский завод пришелся как нельзя кстати. Кроме этого завода можно устроиться на лесопильный деревообрабатывающий комбинат, на Вытегорский район гидросооружений и судоходства, на хлебозавод, который кроме хлеба насущного производит пряники, овсяное печенье, трехслойный мармелад и зефир двух сортов, на рудник, где добывают известняк для Череповецкого металлургического комбината, а можно сразу поехать работать в Череповец, Вологду или Питер, что молодежь и делает.

¹¹⁰ В две тысячи пятом году в Вытегре стало на один музей больше – подводную лодку Б-440, переоборудованную в музей на Кронштадтском морском заводе, через Ладожское и Онежское озеро доставили в Вытегру, где для нее в Вытегорском заливе специально углубили дно. Вытегра

не чужая подводным лодкам. В конце девятнадцатого века здесь родился будущий конструктор и строитель советских подводных лодок инженер-контр-адмирал Михаил Алексеевич Рудницкий. Музей, что и говорить, интересный – тут вам и торпедные аппараты, и перископ, и множество вентилей, манометров, датчиков и передатчиков. Мальчиков любого возраста заранее просят не вытаскивать руки из карманов и не крутить все, что крутится. С одной стороны, это хорошо, и очень. С другой стороны – тоже, а вот с третьей... обидно. Вытегра – это не только и не столько подводная лодка, пусть и переделанная под музей. Вытегра – это и Петр Первый, и Беседная гора, и бесчисленное количество построенных галиотов, барок, полубарок и мариинок, и Мариинская система, и Девятинский перекоп, и Волго-Балт, и музей «Водные пути Севера», и краеведческий музей с богатой коллекцией икон вытегорской школы, сложившейся еще в конце шестнадцатого века, портретами вытегорских купцов, купчих и их детей... Кстати, о коллекции икон. Она была бы еще богаче, кабы самое ценное из нее не забрал Русский музей. Сначала брали на реставрацию, а потом, как это обычно бывает, когда большой столичный музей берет экспонат у маленького провинциального на время...

Между прочим, перед краеведческим музеем, расположенном на первом этаже обычного пяти-этажного дома, лежит на лужайке ствол большой чугунной пушки восемнадцатого века. Нет, ее не выкопали на полях Вытегорского района – она сюда приплыла на сухогрузе Волго-Дон 5. В начале семидесятых этот сухогруз, снимаясь с якоря в Неве, аккуратно возле крепости Орешек, поднял вместе с якорем пушку. Немедля объявили аврал и втащили пушку на палубу. Капитан посмотрел на нее и решил, что такая пушка наверняка приходится в хозяйстве. Пошел сухогруз домой, в обратный путь, и на Онежском озере попал не то чтобы в шторм, а просто в непогоду. Надо сказать, что непогода на Онежском озере выглядит как шторм на любом другом озере и даже на море. Пушка, конечно, была закреплена, но... весила около четырех чугунных тонн. Стала она перекачиваться по палубе. Когда четырехтонный груз, а именно столько весила пушка трехметровой длины и калибром в сто пятьдесят миллиметров, перекачивается по палубе... Намалялись с ней так, что на первом же шлюзе Волго-Балта списали на берег и подарили Вытегорскому краеведческому музею.

И это не все экспонаты, что лежат перед входом в краеведческий музей. Есть еще целебный камень, привезенный с мыса Петропавловского на Онежском озере. Лежал он там возле часовни во имя Петра и Павла. Камень может успокоить зубную боль. Сам я не пробовал, но мне об этом рассказывала Елена Николаевна Шинкарчук* – заведующая краеведческим отделом Вытегорского объединенного музея. Сама она тоже не пробовала, но ей рассказывали знающие люди, что достаточно приложиться щекой к камню или даже собрать из-под него песок в мешочек, а потом этот мешочек прикладывать к щеке, то все как рукой снимет. Приезжали как-то в Вытегру стоматологи и зашли в музей на экскурсию – так их от этого камня еле оттащили. Признаюсь вам, что это не первый на моей памяти камень, который лечит от зубной боли. Видел я такие в нескольких районных музеях нашей необъятной родины. В краеведческом музее Кологрива видел даже целебный лиственничный пенёк, снимающий как рукой зубную боль, но во всех случаях нужно было камни и дерево грызть. Дерево еще куда ни шло, но камни... На это, скажу я вам, не каждый согласится, а тут приложился щекой и... Не говоря о песке, который можно насыпать в мешочек и увезти с собой. Стоматологов можно понять...

*Без помощи Елены Николаевны эта повесть о Вытегре была бы куда менее полной. Автор признателен ей за возможность ознакомиться с материалами, находящимися в архивах и фондах краеведческого отдела музея, и за ценные замечания, сделанные при чтении рукописи.

Библиография

А. М. Иванищев. Археологические исследования в Южном Прионежье в конце XX – начале XXI веков // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия / Гл. ред. Г.В. Судаков. Сост. С.А. Тихомиров. – Вологда: Книжное наследие, 2007. – С. 151–161.

- А. М. Иванищев. Древности Вытегории // Вытегра. Краеведческий альманах. Выпуск 1, испр. – Вологда, 2008. – 400 с. – С. 11–42.
- К. А. Неволин. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке, с приложением карты – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1853. – XII, 236, 415 с., 1 л. карт.; 22. – Из Записок Императорского русского географического общества, Кн. VIII.
- Н. А. Насонов. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 262 с.
- А. Е. Едовин. Заволочье в средневековой русской истории (X–XIII вв.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук – Архангельск, 2001. – 215 с.
- Р. Б. Мюллер Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. – Петрозаводск, 1947. – 176 с.
- Карелия в XVII веке: сборник документов /составлен Р. Б. Мюллер; под редакцией А. И. Андреева. – Петрозаводск, 1948. – 442 с.
- Карельская деревня в XVII веке: Сборник документов / Сост. Р.Б. Мюллер; Под ред. А. И. Андреева. – Петрозаводск, 1941. – 379 с.
- М. В. Витов. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII веков. – М., 1962. – 291 с.
- Писцовые книги Обонежской пятины: 1496 и 1563 гг. под общ. Ред. М.Н. Покровского. – Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1930. – IV, 268, [6] с.– 271 с. – Мат. по истории народов СССР. Вып. 1. Материалы по истории Карел. АССР.
- Д. В. Брусницына. Пашенные солдаты в Северо-западном российском приграничье: опыт привлечения карельских крестьян к военной службе (1649–1666). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Петрозаводск, 2014. – 294 с.
- А. С. Бочкарев. Проблема дезертирства из Олонецких полков «нового строя» в период войн с Речью Посполитой и Швецией в середине XVII века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Петрозаводск, 2023. – 206 с.
- А. А. Остапенко, Н. А. Остапенко. Азовская икона Божией Матери: история возникновения и иконография малоизвестного образа. – Краснодар, 2017. – 40 с.
- Состояние России при нынешнем царе. Сочинение капитана Джона Перри. Пер. с англ. княжны Ольги Михайловны Дондуковой-Корсаковой. – Москва, 1871. – 195 с.
- Павел Львов. Петр Первый, творец Мариинского канала // Отечественные записки. – Санкт-Петербург, 1821. – Часть VII. С. 277–308.
- Т. О. Спивак. Письма из прошлого. – Вологда, 2004. – 287 с.
- В. А. Терехова. Развитие торгово-промышленной деятельности вытегорского купечества в XVIII–XIX веках // Вытегра. Краеведческий альманах. Выпуск 3. – Вологда, 2005. – 336 с. – С. 89–100.
- К. М. Петров. Город Вытегра. //Вытегра. Краеведческий альманах. Выпуск 1, испр. – Вологда, 2008. – 400 с. – С. 375–385.
- Город Вытегра // Олонецкие губернские ведомости. – 1868. – № 15. – С. 238–241.
- Павел Львов. Город Вытегра // Отечественные записки. – Санкт-Петербург, 1823. – Часть XIV. № 36 – 156 с. – С. 119–157.
- Е. М. Эпштейн. Г. Р. Державин в Карелии. – Петрозаводск: Карелия, 1987. – 134 с.
- И. Б. Емелин. Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXII международной научной конференции. Москва, 11–12 апреля 2019 года. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 2019. – С. 144–146.
- Ю. А. Смирнов. У истоков города //Вытегра. Краеведческий альманах. Выпуск 1, испр. – Вологда, 2008. – 400 с. – С. 338–349.
- Д. И. Иловайский. Граф Яков Сиверс. Биографический очерк. Гл. III–V // Русский вестник. – Т. 55. № 2. – С. 631–633.
- В. М. Пименов, Е. М. Эпштейн Русские исследователи Карелии (XVIII в.) Очерки. – Петрозаводск, 1958. – 196 с.
- Н. А. Митрошкина. Вытегорская кухня (по материалам экспедиционных исследований 1978–2010 годов) // Вытегра. Краеведческий альманах. Выпуск 5. – Вологда, 2015. С. 149–174.

Свадебные обычаи, причитания и песни в с. Коштугах, Вытегорского уезда // Олонецкие губернские ведомости. – 1893. – № 22. – С. 6–8.

Статистические материалы. Вытегорский погост // Там же. 1884. – № 72. – С. 710–711.

Статистические материалы. Вытегорский погост // Там же. 1884. – № 79. – С. 768.

Статистические материалы. Вытегорский погост. // Там же. 1884. – № 2. – С. 11–12.

Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому, Надворного советника, Императорской Академии Наук Академика, Императорского Шляхетного Сухопутного Кадетского корпуса Профессора в Российском слове, Медицины Доктора, Императорской Российской Академии, С.П.Б. Вольного Экономического Общества и Бернского в Швейцарии члена, Николая Озерецковского. В Санкт-Петербурге, при Императорской Академии Наук 1792 года. – 348 с.

Я. А. Балагуров. Расслоение Олонецких приписных крестьян во второй половине XVIII столетия // Вопросы истории Карелии. Труды Карельского филиала АН СССР. X выпуск. – Петрозаводск, 1958. – С. 14–35.

А. С. Воронов. Федор Иванович Янкович де Мириево или народные училища в России при императрице Екатерине II-й. – Санкт-Петербург, 1858. – 168 с. – С. 116–118.

Учебные заведения в г. Вытегре // Олонецкие губернские ведомости. – 1864. – 4 марта (№14). – С. 65–67.

И. В. Петрашень. Мариинская система 1810–1910. Ч. 1–3. – Санкт-Петербург, 1910. – 216 с.

Ф. И. Дьяков. Город Вытегра // Вытегра. Краеведческий альманах. Выпуск 1, испр. – Вологда, 2008. – 400 с. – С. 390–392.

К. Р. Слащев. Демографическая ситуация в городе Вытегре и Вытегорском уезде в начале XIX века // Там же. Выпуск 3. – Вологда, 2005. – 336 с. – С. 10–14.

В. В. Фомина. Проект перенесения губернского управления из Петрозаводска в Вытегру в 1820-е годы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета, 2014. – № 5. – С. 102–109.

С. А. Левитский. Проекты перенесения губернского управления из Петрозаводска в Вытегру. – Петрозаводск, 1902. – 27 с.

Павел Львов. Город Вытегра // Отечественные записки. Санкт-Петербург, 1823. Часть XIV. № 36. – 156 с. – С. 119–157.

Л. Н. Репина. История развития здравоохранения Вытегорского района. – Вытегра, 2019. – 44 с.

В. А. Дашков. Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношениях, составленное В. Дашковым: с одобрения Статистического отделения Совета Министрства внутренних дел. – Санкт-Петербург, 1842. – 222 с.

С объявлением выговора Членам Вытегорского Земского Суда: Старшему Непременному Заседателю Богданову, Секретарю Подшивалову и бывшему в должности Станового Пристава Гаврилову // Олонецкие губернские ведомости. 1838. – № 44. – С. 388–389.

С выговором Членам Вытегорского Земского Суда чиновникам: Брашу, Богданову и Секретарю Подшивалову // Там же. 1839. – № 3. – С. 18–19.

С объявлением строгого выговора Вытегорскому Городничему // Там же. 1838. – № 51. – С. 453.

Вытегорским крестьянам, поручившимся о исправной доставке оружия в С.Петербург // Там же. 1838. – № 5. – С. 50–51.

Вытегорским крестьянам, поручившимся о исправной доставке оружия в С.Петербург // Там же. 1838. – № 7. – С. 66.

Опыт описания Олонецкой губернии, составленный К. Бергштрессером. – С.Петербург, 1838. – 135 с.

Е. А. Калинина. Уездные училища Олонецкой губернии в системе просвещения России в первой половине XIX века // Вестник Череповецкого государственного университета – 2014. – № 3. – С. 35–39.

Сметы городских доходов и расходов по городу Вытегре // Олонецкие губернские ведомости. – 1841. – № 24. – С. 120–121.

Сметы городских доходов и расходов по городу Вытегре // Там же. 1841. – № 30. – С. 159–160.

- Олонецкие известия // Там же. 1847. – № 35. – С. 5.
- О высочайших посещениях Олонецкой губернии Августейшими Особами в XIX столетии. Исторический сборник. Выпуск I. – Петрозаводск, 1877. – 56 с.
- Учебные заведения в г. Вытегре // Олонецкие губернские ведомости. – 1864. – № 18. С. 32.
- Вытегорские училища // Там же. 1864. – №9. – С. 141.
- Олонецкий сборник. Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Выпуск третий. – Петрозаводск, 1894. – С. 371.
- О дозволении вдове Щербак быть смотрительницей при Вытегорской временной тюрьме // Олонецкие губернские ведомости. – 1871. – №2. – С. 25–26.
- Столетие города Вытегры. 1773–1873 г. По случаю празднования столетнего юбилея 23-декабря 1873 г. – Петрозаводск, 1874. – С. 23.
- Постройка и освящение земской больницы в г. Вытегре // Олонецкие губернские ведомости. 1872. № 88. С. 1009–10010.
- Из Вытегры // Там же. 1872. – № 12. – С. 142.
- Спектакль в г. Вытегре // Там же. 1872. – № 20. – С. 231–232.
- Второй съезд учителей в Вытегорском уезде // Там же. 1873. – № 69. – С. 793–795.
- Заводская промышленность в Вытегорском уезде // Там же. 1873. – № 92. – С. 1044.
- Горное дело в Вытегорском уезде // Там же. 1873. – № 100. – С.1157–1158.
- Происшествия в губернии // Там же. 1873. – № 42. – С.506.
- Обязательные постановления для жителей города Вытегры // Там же. 1873. – № 28. – С.322–324.
- Л. К. Казаринова. Город Вытегра в конце XIX – начале XX века // Вытегра. Краеведческий альманах. Выпуск 4. – Вологда, 2010. – 400 с. – С. 55–72.
- О народных учителях в былое время в Кондушском приходе Вытегорского уезда // Олонецкие губернские ведомости. 1875. – № 9. – С.93–95.
- Журналы Вытегорского уездного очередного земского собрания. Заседание седьмое, 4 октября 1870 г. // Там же. 1871. – № 4. – С. 54.
- Журналы Вытегорской городской думы. Заседание 26 декабря 1876 года. // Там же. 1875. – № 8. – С.71–72.
- Открытие учительской семинарии в г. Вытегре // Там же. 1875. – № 78. – С. 871–873.
- Пожертвования на приобретение морских судов добровольного флота // Там же. 1878. – № 80. – С. 955.
- Пожертвования на приобретение морских судов добровольного флота // Там же. 1878. – № 42. – С. 515.
- Село Тихманга // Там же. 1878. – № 20. – С. 263.
- Театральные представления в г. Вытегре // Там же. 1878. – № 48. – С. 592.
- Пожертвования в пользу Вытегорской Николаевской женской прогимназии // Там же. 1878. – № 33. – С. 416.
- Журналы Вытегорской городской думы // Там же. 1880. – № 18. – С. 229.
- Заготовка муки для бедных жителей г. Вытегры // Там же. 1880. – № 85. – С. 952.
- Журналы Вытегорской городской думы. // Там же. 1880. – № 11. – С. 138.
- Появление хлебных червей в Вытегорском уезде и средства к их истреблению // Олонецкие губернские ведомости. 1880. № 64. С. 738.
- Журналы Вытегорской городской думы // Там же. 1881. – № 33. – С. 389.
- Журналы Вытегорской городской думы // Там же. 1883. – № 27. – С. 272.
- Журналы Вытегорской городской думы // Там же. 1883. – № 64. – С. 654.
- Народные болезни в Вытегорском уезде в 1880–1881 году // Там же. 1881. – № 85. – С. 1015.
- О состоянии начальных народных училищ Вытегорского уезда // Там же. 1884. – № 25. – С. 253.
- Н. И. Соболищikov-Самарин Записки. Издание второе, дополненное. – Горький, 1960. – 386 с. – С. 57–62.
- 100-летний юбилей // Олонецкие губернские ведомости. 1888. № 9. С. 86–87.

Страшная кровавая драма // Там же. 1888. – № 11. – С. 105.

Отчет о деятельности общества вспомоществования бедным ученикам, обучающимся в Вытегорском уезде, за 1887 г. // Там же. 1888. – № 23. – С. 209–210.

Р. Б. Калашникова. Вечериночная традиция Вытегорского уезда Олонецкой губернии второй половины XIX века // Кижский вестник. № 6. (Сборник статей). Музей-заповедник «Кижский». – Петрозаводск, 2001. – 253 с. – С. 96–111.

К. К. Случевский. По Северо-Западу России. Том 2. По западу России. – СПб., 1897. – С. 357–359.

Памятная книжка Олонецкой губернии на 1902 год. Издание Олонецкого Губернского статистического комитета. – Петрозаводск, 1903. – VIII, 349, III, XV с.

Неизданный Федор Сологуб. – М.: Новое лит. обозрение, 1997. – 575 с.

Вытегра (корреспонденция) // Олонецкие губернские ведомости. 1909. – № 10. – С. 1–2.

Вл. Копятевич. Как мы пьем? // Вестник Олонецкого губернского земства. – Петрозаводск, 1909. – № 7. – С. 10–11.

Е. Н. Шинкарук. Социально-экономическая ситуация в Вытегорском уезде в 1917–1918 годах, архив МБУК Вытегорский объединенный музей Вытегра, 2017. – 23 с.

А. К. Матвеев. На грани эпох: повествование в 2-х частях. Рукопись из фондов МБУК Вытегорский объединенный музей. – 77 с.

Л. К. Казаринова. Установление Советской власти в Вытегорском уезде (1917–1918 гг.) // Вытегра. Краеведческий альманах. Выпуск 3. – Вологда, 2005. – 336 с. – С. 24–38.

Сообщения из уездов // Вытегорское уездное земское собрание. Вестник Олонецкого Губернского Земства. – Петрозаводск, 1918. – № 5. – С. 18.

Хлебный кризис // Известия Олонецкого Губернского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. – 1917. – № 53. – С. 3.

Из Вытегры // Там же. 1917. – № 45. – С. 4.

От редакции // Известия Вытегорского совета крестьянских и рабочих депутатов. 1918. № 1. С. 1.

Вечер в память Карла Маркса // Там же. 1918. – № 10. – С. 1.

Постановление Выт. у. Совдепа // Там же. 1918. – № 9. – С. 1.

События 4-го июня // Там же. 1918. – № 18. – С. 1–2.

Чай из моркови // Там же. 1919. – № 6. – С. 2.

Известия Вытегорского совета крестьянских, рабочих и кр-арм. депутатов. – 1919. – № 4. – С. 1–2.

Звезда Вытегры. Орган Вытегорского Уездн. Комитета Российской Коммунистической партии (большевиков), Уездисполкома Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов и Политического Отдела 7-й армии. – 1919. – № 1. – С. 1.

Звезда Вытегры. Орган Вытегорского Уездн. Комитета Российской Коммунистической партии (большевиков), Уездисполкома Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов и Политического Отдела 7-й армии. – 1919. – № 3. – С. 1–2.

Из местной жизни // Вытегорская коммуна. Орган Вытегорского Уездного Комитета РКП (б) и Исполкома Уездн. Совета Кр., Раб. и Кр.-Арм. депутатов. 1919. – № 19. – С. 2.

Николай Соколов. Летопись вытегорской ЧК и очерки о чекистах (К 95-летию ВЧК_ФСБ). – Вытегра, 2013. – 116 с. – С. 9.

Трудовое слово. Орган Вытегорского Уездисполкома советов рабочих, крестьян и красноарм. депутатов и уездного комитета Р.К. партии. – 1920. – № 56. – С. 2.

Трудовое слово. Орган Вытегорского Уездисполкома советов рабочих, крестьян и красноарм. депутатов и уездного комитета Р.К. партии. 1920. № 117. С. 1–2.

Трудовое слово. Орган Вытегорского Уездисполкома советов рабочих, крестьян и красноарм. депутатов и уездного комитета Р.К. партии. – 1920. – № 6. – С. 2.

Пример здоровой клубной работы // Крестьянское слово. Орган Вытегорского Уездисполкома советов рабочих, крестьян и красноарм. депутатов и уездного комитета РКП и Райпотребсоюза. – 1926. – № 2. – С. 4.

- Маленькие кооператоры // Там же. 1926. – № 3. – С.3.
- Крестьянское слово. Орган Вытегорского Уездисполкома советов рабочих, крестьян и красно-арм. депутатов и уездного комитета РКП и Райпотребсоюза. – 1927. – № 36. – С. 4.
- Колхозное знамя. Орган Вытегорского РК РКП(б) и райисполкома. – 1931. – № 40. – С. 1–3.
- Там же. 1932. – № 9. – С. 1.
- Там же. 1932. – № 14. – С.1–2.
- Там же. 1932. – № 19. – С.1–4.
- Там же. 1933. – № 35. – С.1–2.
- Там же. 1936. – № 92. – С.2.
- Ю. М. Федотов. Сто лет из жизни российской семьи из села Кукуево. Воспоминания. Ч. I. 1915–1954 гг. Детство, опаленное войной. – С.-Петербург, 2008. – 236 с.
- В народном суде // Колхозное знамя. Орган Вытегорского РК РКП(б) и райисполкома. 1944. – № 25. – С. 2.
- Е. Н. Шинкарчук. Колхозы Вытегорского района в годы Великой Отечественной войны. Архив МБУК «ВОМ». – Вытегра, 2016. – 19 с.
- Ундозерцы начинают исправлять свою ошибку // Колхозное знамя. Орган Вытегорского РК РКП(б) и райисполкома. 1924. – № 38. – С. 3.
- Бык заменяет лошадь // Там же. 1943. – № 69. – С. 2.
- Всемерно помогать фронту // Там же. 1941. – № 233. – С. 2.
- Подарки бойцам фронта // Там же. 1942. – № 54. – С. 2.
- Ценный вклад Вытегорских школьников. // Там же. 1942. – № 64. – С. 3.
- Построим танк «Колхозник» // Там же. 1941. – № 242. – С. 2.
- Вклад юных патриотов. // Там же. 1941. – № 246. – С. 2.
- Построим танк «Лесоруб» // Там же. 1941. – № 255. – С. 2.
- Отвечаю на вызов // Там же. 1942. – № 47. – С. 2.
- На призыв вождя // Там же. 1943. – № 13. – С. 2.
- По городу и району // Там же. 1945. – № 49. – С. 2.
- К. Н. Логинова. Минеры – русские мадонны // Вытегра. Краеведческий альманах. Выпуск 1, испр. – Вологда, 2008. – 400 с. – С. 112–129.
- В. И. Михеев. Оштинская оборона (1941–1944 гг.) / В. И. Михеев // Вопросы истории. – 1985. – № 2. – С. 180–184.
- М. А. Драгомерецкая. Спецпоселения в Вытегорском районе в 1930-е годы // Известия Вологодского общества изучения Северного края. Выпуск IX. – Вологда: Древности Севера, 2001. – 152 с.
- Н. А. Белова. Деятельность пенитенциарных учреждений и их роль в репрессивной политике советского государства в 1937–1953 гг. (на материалах Архангельской и Вологодской областей). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Вологда, 2008. – 213 с.
- С. И. Старостин Массовые депортации и система спецпоселений в Вологодской области в 1930–1950-е годы // Historia Provinciae – Журнал региональной истории. – 2019. – Т. 3. № 1. – С. 212–317.
- Когда провожали отца, мать упала в обморок прямо на дороге // Красный север. Вологодская областная газета. – 2020. – № 47. – С. 32.
- М. П. Дмитриева. Развитие сельского хозяйства за 1946–1980 гг. Архив МБУК Вытегорский объединенный музей. – Вытегра, 1981. – 15 с.
- В. М. Никитинский. Годы перестройки в Вытегорском районе // Вытегра. Краеведческий альманах. Выпуск 4. – Вологда, 2010. – 399 с. – С. 113–119.

Сергей БОРОВИКОВ

ЗАПЯТАЯ-28

В русском жанре – 88

”

Однажды, уже в девяностые, после нескольких столичных женитьб и пребывания в США приехал одноклассник Боря Фаликов, чьи повести я недавно с удовольствием напечатал в журнале «Волга».

Борька нисколько не постарел, и даже приумножил юношескую притягательность, что так пленяла женские сердца. Меня с особым удовольствием называл Серёжка, смакуя возврат в детство.

Когда я досадливо спросил, почему отсутствую среди описанных в повестях «Круги по воде» и «Виданов» персонажей, он со смешком объяснил это моей положительностью.

И правда, я сызмальства и сам ощущал её печать, на своем слишком большом лбу. Когда однажды в школе вдруг затеялся драмкружок, то на положительную роль пионера Сергея (так!) назначили меня, а на отрицательную пионера Генки – Илюшу Петрусенко.

Продолжая тему с теми же участниками, должен сказать, что другие родители поощряли дружбу со мной и косились на дружбу с Илюшей. Каким образом, а главное зачем складываются отрицательные репутации детей, если мой друг был сугубо положительным, а в случившемся нехорошем школьные учителя первым делом подозревали Петрусенко. Так, в старших классах, когда мы, продвинутые дети оттепели, увлеклись запретными именами, и почему-то возникло в разговорах имя, господи прости, Константина Бальмонта, зловещий завуч Валентина Фёдоровна, поймав в перемену и приведя в учительскую Петрусенко, первым делом спросила: «Бальмонтом интересуешься?» Она преподавала зоологию и ботанику и, услышав гадкую фамилию, осведомилась где положено, что за фамилией скрывается эмигрант.

В тему расскажу, что в тандеме с Бальмонтом находился Мережковский, и однажды я упротил, и в библиотеке СГУ директор Вера Александровна Артисевич провела в книгохранилище, где мне выдали золочёный том издательства «Просвещение» с романом «Петр и Алексей», который конечно не одолел.

Хоть я и не был отличником или доносчиком, хулиганство было мне не по натуре. Чтобы не отрываться от Фаликова, вспомню, как однажды летом в студенчестве, купив водки, прихватив пирожков и стакан газировки, мы для куража решили выпить на крыше Дворца пионеров (бывш. городского общественного банка), куда долго взбирались по старинным пожарным лестницам. Славно было, выпивая, смотреть на раскинувшуюся панораму города, но друг мой вдруг молча схватил валявшийся кирпич и швырнул вниз с зажегшемся в его персидских очах весельем, чего мне было не понять, и не только из-за боязни, что кому-то выйдет по башке, а просто не понять. Я и драться не любил, и даже ссориться, а миролюбие было не по доброте, какой я никогда не обладал, а по нежеланию, и когда в будущие годы доводилось участвовать в актах как бы справедливого наказания, как с увольнением моих журнальных замов, я испытывал не удовлетворение, а неловкость.

Такая вот положительность.

”

Было у меня в СССР по матери два дяди и одна тётка и ещё две тётки в Австралии. И по отцу две тётки в Белоруссии и один дядя в Ташкенте. Я к ним и они ко мне были совершенно равнодушны, кроме дяди Франца, художника, который жил в Ленинграде и сердился, что я зову его на вы. Но, как я уже где-то заметил, мои родители были людьми крайне чопорными.

”

Книгу Тэффи «Неживой зверь» изд. «Новый Сатирикон», Петроград, 1916, купил не помню где именно, но точно в Питере, на форзаце штампик 4-00 и карандашные зачёркнутые следы уценок с 6, 5, карандашом же 75, вероятно год покупки. Еще приклеен фиолетовый ярлычок «Книжный магазин Ив. Ив. Митюрникова Петроград, Литейный пр. 31. Тел 90-12».

Справился в Сети: «Митюрников, Иван Иванович. Владелец книжного магазина на Литейном проспекте, 31, в Петербурге, предположительно основанного в 1902 году и просуществовавшего до 1918 года. В магазин поступала большая часть тиражей изданий Серебряного века, в том числе и авторские экземпляры, благодаря чему Митюрников был хорошо знаком с А.А. Блоком, В.В. Розановым, С.А. Есениным и другими литераторами начала 20 века».

Дурно то, что, поначалу заскучав, я ту книгу не прочитал и много лет не пытался, лишь в старости и в других изданиях оценил редкий дар Надежды Александровны.

”

Как замечательно обращался Бунин к Тэффи – сестрица. «Дорогая милая сестрица...»

Нет, а как иначе? Он высоко ценил её писательский талант. В литературной иерархии она была как бы ступенькой ниже, а по возрасту почти одноклассник, по жизни родной человек, дружба без почти обязательного Ивану Алексеевичу эротизма...

Сестрица – как славно.

”

Каяться так каяться – когда ж ещё – так каяться. Из самых тягостных свойств натуры меня чаще одолевало наваждение вариативности всего, что далеко и близко, высоко или низко... мучительное, признаюсь.

«Отличительной чертой председателя Голубева была неодолимая склонность к сомнениям. <...>

Право на выбор его всегда тяготило. Он невыносимо мучился, когда раздумывал, какую сегодня надеть рубашку – зеленую или синюю, какие сапоги – старые или новые. Правда, за последние двадцать с лишним лет в стране было много сделано для того, чтобы Голубев не сомневался, но какие-то сомнения у него все-таки оставались и распространялись порой даже на такие вещи, в которых вообще сомневаться в то время было не принято (В. Войнович. Жизнь и приключения солдата Ивана Чонкина).

Это в точности про меня. Можно подумать, что Владимир Николаевич с меня и писал, но ко времени нашего знакомства Чонкин уже победоносно разгуливал по свету.

”

Вот заметил за собой склонность, скорее всего излишнюю, особо пристально копаться в текстах и лентах именно самого скверного в смысле культуры, самого тусклого для неё времени с 1946 по 1953 год, вероятно потому, что это время моего начального детства.

Толчком обычно служит ТВ, а что же ещё? Ну, и голова верстает увиденное с панорамой советского искусства вообще, конечно и не без соотнесения с современностью. Нынешней антиамериканской политике оказываются весьма созвучны фильмы вроде «Заговора обреченных» (1950), где несравненный Вертинский исполнил роль католического негодяя, кардинала Бирнча, и не впустую постарался, удостоившись в 1951 году пусть и третьей степени, но Сталинской, премии. А кто ещё делал эту ленту?

Актеры кроме Вертинского Всеволод Аксёнов, Владимир Дружников, Павел Кадочников, Максим Штраух, Олег Жаков, Иван Пельтцер, Илья Судаков, Софья Пилявская, Валентина Серова, Ростислав Плятт, Георгий Милляр. Впечатляет список, где и великие мхатовцы, как первый постановщик «Дней Турбиных» и подруга её автора и т.д., отмеченные куда прежде печального Пьеро сталинским знаком отличия, как и композитор Виссарион Шебалин, как и режиссёр, ни больше ни меньше как Михаил Калатозов... так кто же повинен в убогой скверности ленты кроме её генерального заказчика? Тогда назвать автора сценария, любимца того же заказчика писателя Николая Вирту, к слову помеченного верховным значком аж четырежды.

Надо важно взглянуть на социальные корни творцов киноагитки.

Вирта сын расстрелянного священника Карельского.

Аксёнов окончил гимназию и прослужил год в Морском ведомстве.

Штраух сын статского советника

Пельтцер из актёрской семьи.

Судаков сын дьячка.

Пилявская дочь сосланного в Сибирь польского деятеля.

Плятт сын поляка же, успешного адвоката.

Калатозов из древнего княжеского рода.

Шебалин – сын преподавателя гимназии.

Как они относились к своим корням, не знаю, но широко известно, что Карельский-Вирта сделал литературную карьеру, обосрав в романе «Одиночество» (1935) отца и других участников восстания тамбовских крестьян 1920-21 гг.

А художественно-исторический ужас лет малокартинья это, конечно, ленты о великих русских людях. Мрак, мрак.

””

Вот ещё от друга Илюши.

«Работник Никита, один в этот день не пьяный из работников Василия Андреича, побежал запрягать. Никита не был пьян в этот день потому, что он был пьяница, и теперь, с заговен, во время которых он пропил с себя поддевку и кожаные сапоги, он зарекся пить и не пил второй месяц; не пил и теперь, несмотря на соблазн везде распиваемого вина в первые два дня праздника» (Л.Толстой. Хозяин и работник).

Мы тогда удивлялись и радовались тому, как Лев Николаевич понимал секреты поведения пьющего человека. Ведь это так важно было для нас.

””

Я уж где-то вспоминал о споре с Олегом Михайловым по поводу юмора, который я видел, а он нет, у Бунина, и вот, мне ещё попало в мою пользу: *«Дьявольское однообразие опер, певиц, певцов. Вопли с колоратурами героини и вопли тенора. Гогочущий, угрожающий бас (или баритон), его заносчивая гордость, театральная мужественность, готовность схватиться за шпагу... Контрасты, особенно подчеркнутые в ее дуэте с тенором, – то оба совсем замирают, то вдруг отчаянно, спеша перекричать друг друга, возносят голоса, надрываясь из всех сил; то сходятся, то расходятся. Но*

крепко помнят, что держат как бы экзамен. Удалось! И взрыв аплодисментов» (Бунин. Записные книжки. Литературное наследство. Т. 110).

”

«Больше всего Мандельштам почему-то ненавидел Леонова» (Ахматова).

”

Среди друзей моего старшего брата был партработник, которому брат бросал за столом реплики вроде: «Это ты у себя в райкоме рассказывай!» Фамилия его была Михайлов, и все его называли: «Вовочка Михайлов». Почему так, не знаю.

Он был пригож, даже красив, брюнет с неторопливым взглядом и в меру чувственным ртом, худой и высокий – словом то, что нравится женщинам.

Потом, уже в перестройку, он сделался секретарем парткома областного УВД, ездил на чёрной «Волге», любил показаться в ментовском мундире с полковничьими погонами.

Я с ним встречался на каких-то опять-таки с прошлой жизнью связанных событиях, вроде за-поздалых поминок по непутёвому еврею Володе Мермону, чьё захоронение наконец обнаружили на каком-то московском кладбище.

Вовочка был родной брат известной Регины Леонтьевны, завзала ресторана «Волга», они дети репрессированных. Когда доморощенные диссидюги вроде моего брата спрашивали, как это его занесло в партчиновники, объяснял, что решил делать карьеру с единственной целью узнать фамилию автора доноса на отца в тридцать седьмом.

”

«Господствующая власть и господствующая правда не видят себя в зеркале времени, поэтому они не видят и своих начал, границ и концов, не видят своего старого и смешного лица, комического характера своих претензий на вечность и неотменность» (М.М. Бахтин).

2024

Анна КУРЧАСТОВА, Александр МАРКОВ

ОПЕРЕЖАЯ «СОВЕТСКИЙ СПОРТ»:

об одном эпизоде столкновения Е. Евтушенко и В. Аксенова

Ссора Василия Аксенова и Евгения Евтушенко, так и не примирившихся до конца жизни, была вызвана множеством причин, личных, финансовых и творческих, но главное, подозрениями относительно друг друга – кто окажется ближе к власти и тем самым получит властную санкцию. Канва ссоры была связана с проектом журнала «Лестница»: Евтушенко поторопился получить на самом верху, у Л.И. Брежнева, разрешение, что углубило конфликты в среде шестидесятников – Аксенов воспринял это, вероятно, как притязание Евтушенко на власть в литературе и производство собственных назначений. Аксенов не подписал петицию Евтушенко в поддержку нового журнала¹.

Но в этой ссоре много и тёмного: её мы знаем по отражениям в прозе Аксёнова больше, чем по документам. Для той эпохи было существенно не только зафиксированное в документах, но и то, что в документах попросили не фиксировать, что фиксировать было опасно – свои должны сразу понять это с полуслова, переглянувшись, случайно встретившись. В этом смысле советская литературная жизнь часто не была согласованием интересов с обязательной письменной обязывающей фиксацией, но случайным молчаливым выявлением уже реализованных интересов с последующими личными конфликтами, усложненными дефицитным доступом ко всем благам.

Как мы помним, герой романа Виктора Пелевина «Generation П» Вавилен Татарский был назван отцом-шестидесятником в честь Василия Аксенова и Владимира Ильича Ленина. Аксенов олицетворял культуру свободы, музыкальной и сексуальной революции, а Ленин – верность революционному духу, который должен был оправдать и шестидесятичские вольности. Пелевин создаёт в своем романе путь либертена, который начинается с обретения героем имени. В английском переводе Эндрю Бромфильда имя героя образуется иначе: «My name Babylen was composed from the title of Yevtushenko's poem "Baby Yar" and Vladimir Ilyich Lenin»². Замена Аксёнова на Евтушенко закономерна для американской аудитории, но интересна тем, что как раз Евтушенко оказывается создателем брендов, создателем себя как бренда. Ирония Пелевина в оригинале, где Аксёнов представляет просто неудавшуюся шестидесятичскую революцию, после которой советский человек стал беззащитным перед потребительскими мифами, и бренды возникают только в 1990-х годах при участии самого копирайтера Вавилена Татарского – в американском контексте оборачивается переходом от поэтических брендов к потребительским.

Мы выявим только одну грань этого конфликта. В двух романах Аксёнова, «Московская сага» и «Таинственная страсть» Евтушенко не просто появляется, а выступает как персонаж пизжонистый, при том немного нелепый, неуклюжий. На протяжении всего романа «Таинственная страсть» Евтушенко собирает вырезки о себе, не может их упорядочить, набивает ими портфель, хвастается своим влиянием на внешнюю политику СССР и любовными успехами, и всё это создаёт впечатление безалаберности. Вне зависимости от того, насколько так Евтушенко мог выглядеть для всех наблюдателей, существенно, что это изображение принадлежит условностям прозы, а не только мемуарным пристрастиям.

В романе «Московская сага» в первой книге «Покорение зимы» изображаются вечера футуристов и постановки театра Мейерхольда – и изображаются они в духе «остранения» Л.Н. Тол-

¹ Огрызко В. Прошу ясности // Юность, 2024, 23 июня. <https://unost.org/authors/proshu-yasnosti/>

² «Моё имя Вавилен было составлено из названия стихотворения Евтушенко “Бабий Яр” и [имени] Владимир Ильич Ленин».

Вдруг смял комом «Советский спорт», ударил ногой, как вратарь, выбивающий мяч. «Проверить и доложить, товарищ Ламадзе!» Одернул пиджак, нахмуренный пошел к столу читать протоколы ленинградских допросов¹.

На самом деле «Евг.» это был бренд Евтушенко, как раз один из первых, созданных в СССР. Сам Евтушенко прямо говорит об этом в стихотворении «Первая машинистка», как раз посвященном его дебюту в газете «Советский спорт»:

*И, застенчив,
как будто с Фемидой,
я, на краешке стула сев,
так просил ее перед фамилией
напечатать не «Е»,
а «Евг.»²*

Но почему абсолютный циник Берия не верит Евтушенко, хотя верит другим поэтам? Нугзар, хорошо знавший поэзию, рассуждает про себя, отправленный проводить следственные действия в газету «Советский спорт»:

А тот, несчастный, и не подозревает, кто им интересовался. Старается, делает из одной строчки три себе на пропитание, то есть под Маяковского крутит. Наверное, какой-нибудь бывший лефовец, пожилой и замшелый неудачник...

Нугзар помнит литературную ситуацию 1920-х годов, когда гонорары еще не назначались централизованно, и в результате каждый стремился заработать. По его мнению, автор – бывший соратник Маяковского, который пытается возродить стратегии 1920-х – документальной монтажной фиксации происходящего, вписывающей стихи в более общий культурный авангардный проект, с его журнальным сопровождением, и приёмы Маяковского, которые работали в том числе как рекламные и коммерчески оправданные.

В редакции газеты «Советский спорт» Нугзару Ламадзе показывают, как выглядит автор стихотворения, так взволновавшего Берию: *«Там стоял долговязый мальчишка в вельветовой курточке, в кепочке-букле, торчал сизый от дыма нос, гордо позировали новые туфли на микропорке»*. Соединение школьника и пижона было уже невидимо для Нугзара – он заметил в нем только застенчивого школьника: *«Каков пацан, подумал Нугзар, и вдруг сложилась другая оригинальная мысль: нет, такому в тюрьме явно нечего делать»*. Вновь находя рифмы и лесенку Маяковского в стихах молодого Евтушенко, Нугзар говорит: *«Это поколение явно не собирается в лагерь»*.

Поверхностно это означает, конечно, надежду завербовать молодого поэта – он рассматривается как потенциальный доносчик, но не как жертва доносов. Нугзар имеет в виду, что Евтушенко всегда может на любой донос ответить тем, что он следует поэтике любимого поэта вождя, от тематики до рифм, и тем самым не может стать жертвой доноса. Берия видит, что Евтушенко хвастливо и произвольно монтирует образы, и этим раздражен как подрывом монополии власти на создание официальных образов, но ни один доносчик этого не увидит, а значит, Евтушенко можно теоретически завербовать.

Этот эпизод в редакции имеет и второе дно. А именно, ссора между Аксёновым и Евтушенко стала необратимой после рецензии Евтушенко³ в «Литературной газете» на прозрачную мисти-

¹ Цит. по электронной версии: <https://www.litres.ru/book/vasiliy-aksenov/moskovskaya-saga-kniga-3-turma-i-mir-118385/chitat-onlayn/?page=3>

² Евтушенко Е. Нежность: новые стихи. М.: Советский писатель, 1962. С. 66.

³ Евтушенко Е. «Треск разрываемых рубашек» // Литературная газета. 1973. 31 января. № 5. С. 5. (в некоторых библиографиях статья ошибочно описана как «Под треск разрываемых рубашек»)

фикацию В. Аксенова, Г. Поженяна и О. Горчакова, роман «Джин Грин – неприкасаемый: Карьера агента ЦРУ GB № 014», подписанный «Гривадий Горпожакс» – коллективный гетероним составлен из первых слогов имен и фамилий. Рецензия Евтущенко построена как письмо к гетерониму, но стиль иронического письма он не выдерживает, вспоминая и Козьму Прутков, и последнюю полосу «Литературной газеты». То есть для него сами институты литературы, с её юмором и сатирой, должны стать разоблачительными. Аксёнов увидел в этом, вероятно, стратегию Евтущенко опережать потенциальных доносителей на себя – всегда сразу ссылаться на прецедент. Остальные шестидесятники тогда как бы не так проворны, как Евтущенко.

Евтущенко говорит, что лучше было бы не писать пародию на бондиана в 700 страниц, которая превращается иногда в апологию бондианы, но «сделать выжимку на пару колонок». История Джина Грина, восстающего против ЦРУ и войны во Вьетнаме, явно не казалась Евтущенко убедительной: язык «лабухов» одного из героев, говорит Евтущенко, неуместен «на фоне человеческой трагедии, человеческой крови». Иначе говоря, для Евтущенко роман Горпожакса – неудачный пример международной дипломатии, притязание стилига возглавить прогрессивное человечество.

Но главное, что газета «Советский спорт» упоминается в рецензии Евтущенко. Он цитирует из романа отрывки, по стилю явно написанные скорее всего Аксёновым, и понимает его иронию как просто плохую редакционную подготовку. Признав в начале рецензии лиризм иронию Аксёнова, он как раз считает, что эта ирония утратила форму, то есть утратила возможность быть боевым оружием международной политики. Евтущенко так комментирует стиль романа:

На мгновение в азарте боевой горячки (такие фразы вычеркиваются правщиками даже в «Советском спорте» – Е.Е.) Джину захотелось поднять этот кистень и одним ударом разmozжить лапу (! – Е.Е.).

Иначе говоря, Евтущенко понимает оборот Аксёнова как часть языка болельщиков, и как стремление привлечь болельщиков на сторону стилига. Евтущенко признавал себя как бренд, и в стихотворении «Первая машинистка» прямо говорит о своих будущих адептах и последователях среди тех же мальчиков. То есть для Евтущенко стратегия работы с изданиями – это подчиняться редакторским требованиям ради роста влияния своего и своих адептов.

Несколько вступив в область предположений, заметим, что и Аксёнов, и Евтущенко хотели, как и их кумир Маяковский, увидеть Америку молодыми, и не просто увидеть, а завести с ней роман. Маяковский был тогда объектом общей зависти и ревности – его роман с Америкой не казался удачным самому Маяковскому, но казался удачным его последователям-шестидесятникам, для которых именно в Америке Маяковский становится поэтом всемирным, всечеловеком, сверхчеловеком, выходящим на Бруклинский мост. И видя сверхчеловека в Маяковском, каждый пытается ему уподобиться и доказать, что соперник – не сверхчеловек, а человек, способный на какие-то неосмотрительные жесты.

Аксёнов видит своё преимущество в том, что он прозаик, что он может создать режим острашения, тогда как Евтущенко – человек увлекающийся, который по миру ездит как по курортам, то есть тешит себя и свою чувственность, думая, что занимается большой политикой – именно так Евтущенко изображен в романе «Таинственная страсть». Заметим, что Ахмадулина, писавшая «К предательству таинственная страсть» имела в виду, конечно, личные разрывы, неспособность быть верными всем своим друзьям и близким. Аксенов превращает эти слова в суждение и об общественной деятельности Евтущенко. Сам Евтущенко в интервью уже через несколько лет после кончины Аксёнова говорил¹, что Аксенов как прозаик, в отличие от поэтов, не нашел счастья в творчестве, и его роман «Таинственная страсть» – голос его несчастья.

Аксёнов, изображая интерес Берии к Евтущенко как к неперенной жертве, как раз имеет в

¹ Евтущенко Е. Боюсь смотреть фильм «Таинственная страсть» про шестидесятников [интервью] // ТАСС, 2016, 15 июля. <https://tass.ru/interviews/3457548>

виду, что стратегия Евтушенко – не просто подражание Маяковскому, а проживание Маяковского, проживание его в том числе как своеобразного политика и дипломата. Для Берии это означает неискренность – воскрешая патетически славословящего Маяковского, Евтушенко может воскресить и Маяковского-сатирика.

Но Нугзар Ламадзе этой опасности не видит – просто потому, что Евтушенко как бы уже тогда отрекся от сатиры, от иронии, и его предложение в рецензии помещать сатиру только на последней странице – продолжение этого отречения. Создавая в газете «Советский спорт» свой бренд, а потом ссылаясь на эту же газету как на маргинальную в редакторском профессионализме, Евтушенко сразу же и поддерживал свой бренд, и показывал себя далеко обошедшим всех. Образ Яна Тушинского в романе «Таинственная страсть», который хвастается, что ему звонит Брижит Бардо, а ему некогда с ней общаться – просто продолжение такого образа человека, с презрением говорящим о газете, давшей ему путёвку в литературу.

Михаил НИСЕНБАУМ

ПОЧВЕННАЯ ТЯГА И БЕЗДРЕВЕСНОСТЬ

Предлагаемые наблюдения – не научная статья. Автор не опирается на труды филологов, литературоведов, историков, специализирующихся на поэзии Мандельштама и Пастернака. Можно считать их опытом неспешного субъективного чтения, главным образом, двух стихотворений. Если предельно упростить контекст сопоставления, оба стихотворения, написанные в напряженное и с каждым днем все более опасное время, так или иначе исследуют отношения между сочинителем, обществом и временем. Остается прибавить, что здесь излагаются мысли читателя, в жизни которого стихи Осипа Мандельштама и Бориса Пастернака многое значат.

И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьей гамме,
И Гете, свищущий на вьющейся тропе,
И Гамлет, мысливший пугливыми шагами,
Считали пульс толпы и верили толпе.

Быть может, прежде губ уже родился шепот
И в бездревесности кружились листья,
И те, кому мы посвящаем опыт,
До опыта приобрели черты.

Ноябрь 1933 – январь 1934

Первые строки обоих четверостиший, а также четвертая строка первой строфы разделены цезурой, словно высокие берега реки: «И Шуберт на воде – *шажок над глубиной* – и Моцарт в птичьей гамме». Вторые строки обоих четверостиший и третья строка первого не шагают ямбовыми стопами, а перелетают по воздуху. И поскольку ткань мандельштамовского стиха бесшовна, мало кто замечает, что две последние строки короче на одну стопу, что увеличивает их силу и звуковую, темповую убедительность.

Может сложиться впечатление, что это восьмистишие – ответ Мандельштама на стихотворение Пастернака «Любимая, – молвы слащавой...» 1931 года. Не только ответ и не только на него,

но между двумя стихотворениями происходит диалог, который, сильно упрощая картину, можно было бы назвать спором. Впрочем, упрощать картину – не наша задача.

Восьмистишия Мандельштама – поэзия редкой чистоты и таинственной гармонии. В них нет послевкусия и предчувствия беды. И музыкальные рефлексии воды, птичьего пересвиста, роение тихих смыслов – все это сохраняется даже тогда, когда вникающий ум заглядывает в законы текста и видит мир таким, каким он был для поэта в самые разные, в том числе и страшные дни. Эта глубокая прозрачность восьмистишия сообщается читателю, очищая и прорисовывая вневременными чертами его оком, она же влияет и на все остальные тексты Мандельштама – так уж устроена вселенная его речи.

Но начнем по порядку. Надежда Мандельштам в «Воспоминаниях» пишет, что восьмистишие – «о соборности сознания (верили толпе), об отношении индивидуального опыта и общего». «... То, что он скажет, уже существовало раньше в сознании толпы, которой он верит. Опыт посвящается людям, но они и до воплощения опыта уже обладали им». Только ли об этом сказано у Мандельштама? Попробуем разобраться.

«Мне хочется говорить не о себе, а следить за веком, за шумом и прорастанием времени. Память моя враждебна всему личному», – писал Мандельштам¹. Вопрос в том, до какой степени и каким образом поэзия, искусство, мысли и «личное» одного человека влияют на эпоху, общество, «толпу» и до какой степени и как эпоха, общество, «толпа» влияет на него.

Восьмистишие состоит из двух частей. Первая – утверждение, основанное на нескольких конкретных примерах. Вторая – обобщение, которое обходится не только без конкретики, но выводит мысль за пределы повседневной логики. Не то чтобы переходит в статус «божественного», «вечного», «трансцендентного», но переустраивает зрение на умопостигаемый, абсурдистско-рентгеновский лад, более пронизательный именно благодаря выходу в другое умственное измерение. Читая второе четверостишие, вспоминаешь детский пример измененного зрения, когда человек надевает волшебное кольцо.

Говоря о стихах Мандельштама, читатель неизбежно сталкивается с проблемой: приходится упоминать порознь смысловые аспекты, которые при чтении (как изначально в момент создания) всплывают и переливаются одновременно. И надо всегда держать в уме убеждение Мандельштама, что если поэзия поддается пересказу, это «вернейший признак отсутствия поэзии: ибо там, где обнаружена соизмеримость вещи с пересказом, там простыни не смяты, там поэзия, так сказать, не ночевала»².

Но нам предстоит не пересказывать стихи, а подниматься по лесам контекста, иначе, увы, невозможно сообщить обо всем, что важно расслышать/разглядеть в этой мгновенной вспышке. Поэтому вооружимся терпением и пройдем через пространство восьмистишия несколько раз.

Обе части стихотворения посвящены парадоксу предустановленной гармонии. Этот парадокс накрепко связывает творца-одиночку (с его сомнениями, метаниями, мечтами, откровениями) с толпой, понятия не имеющей об этом самом одиночке.

Почему в восьмистишии именно такой набор героев (Шуберт, Моцарт, Гете)? Не потому ли, что это невольные акмеисты истории? Скажем, в том что Леонид Утесов или Владимир Маяковский «считают пульс толпы», нет никакого открытия и парадокса. Понятное дело, популярная музыка или пропаганда на то и популярны, чтобы слышать «толпу» и воздействовать на нее.

В ряду героев особняком смотрится Гамлет, во-первых, потому что, в отличие от остальных, он герой вымышленный. Мандельштам упоминает Гамлета, а не Шекспира, потому что ему здесь важен персонаж, воплощающий нравственные колебания, интеллектуальную рефлексию, борьбу, плохо синхронизированную с обстоятельствами. Назван не Ричард III, не Антоний, не король

¹ «Шум времени».

² «Разговор о Данте».

Лир, а герой, которого принимают за сумасшедшего, изгой, который «лишился чаши на пире отцов». Гамлет не просто «считает пульс толпы», но в колеблющемся взвешивании оттенков слишком долго откладывает решительный, смертельный бой. Гамлет – один из главных образов во вселенных и Мандельштама, и Пастернака, для них обоих он alter ego, хотя часто по разным причинам. При этом именно появление Гамлета в восьмистишии – знак принципиальных различий между позицией Мандельштама и Пастернака, по крайней мере, в 1931–1934 годах.

Одиночка не обязан подчиняться толпе. Он постигает существующее как оно есть (слово «опыт» здесь максимально точно и смиренно без самоуничтожения, именно в этом смысле называют «опытами» философские исследования). У поэта, по мысли Мандельштама, нет амбиций преобразить мир, стать его со-творцом. Но и отрезать себя от мира (того мира, на котором, как говорится, и смерть красна), даже, прибавим, мира, отвергающего поэта, он не может и не должен. Принимает его толпа или гонит, оставит в живых или убьет, поэзия «дышит где хочет» и берет из почвы и из культуры все, что ей необходимо. Признание – не задача и не забота поэзии. А вот «следить за веком» – важнейшая задача. Неизбежно вспоминается мандельштамовское:

Я человек эпохи Москвошвей, –
Смотрите, как на мне топорщится пиджак,
Как я ступать и говорить умею!
Попробуйте меня от века оторвать, –
Ручаюсь вам – себе свернете шею!¹

Речь о связи поэта и эпохи, но это не протокольное признание: «Я говорю с эпохой, но разве / Душа у ней пеньковая и разве / Она у нас постыдно прижилась, / Как сморщенный зверек в тибетском храме: / Почешется и в цинковую ванну. / – Изобрази еще нам, Марь Иванна».

Эпоха не так послушна, как политическая декларация, как государственная пропаганда. Эпоха – не прирученный отголосок официальной идеологии. Эпоха – что-то вроде всеобщего модифицирующего свойства-уклона – в образ жизни, в ритм, в стиль. «Есть блуд труда и он у нас в крови» – вот, к примеру, тотальное свойство эпохи. Заметим, эпохи гораздо более длительной, чем эпоха НЭПа, коллективизации, индустриализации и даже вообще СССР. Мандельштам часто переосмысливает вопиюще современное, крикливо советское, здешнее, переводит его в остраненные категории всемирного – библейского, гомеровского, буддийского, «тосканского», европейско-романтического и т.д. «Москвошвей» – из «роскошного буддийского лета», а не из плакатной соцреалистической пятилетки.

Как уже говорились в начале, высока вероятность, что восьмистишие Мандельштама есть, помимо прочего, реакция на стихотворение Бориса Пастернака «Любимая, – молвы слащавой...», написанное двумя годами раньше. Оно включено в сборник «Второе рождение», впервые изданный в 1932 году, так что Мандельштам, несомненно, его знал. Оно также в значительной мере посвящено связи поэта с народом, мироустройством, языком, кровью.

Любимая, – молвы слащавой,
Как угля, вездесуща гарь.
А ты – подспудной тайной славы
Засасывающий словарь.

¹ Но есть и другой его стих: «Нет, никогда, ничей я не был современник».

А слава – почвенная тяга.
О, если б я прямой возник!
Но пусть и так, – не как бродяга,
Родным войду в родной язык.

Теперь не сверстники поэтов,
Вся ширь проселков, меж и лех
Рифмует с Лермонтовым лето
И с Пушкиным гусей и снег.

И я б хотел, чтоб после смерти,
Как мы замкнемся и уйдем,
Тесней, чем сердце и предсердье,
Зарифмовали нас вдвоем.

Чтоб мы согласья сочетаньем
Застлали слух кому-нибудь
Всем тем, что сами пьем и тянем
И будем ртами трав тянуть.

1931

Не совсем ловко понимать подспудную логику пастернаковских стихов, словно автор выбалтывает то, что лучше было бы держать в секрете. Но, как часто бывает именно с Пастернаком, он снова пребывает в том раю, где змий-искуситель не успел внушить людям стыда. Постоянное отождествление братской любви к сестре и любовной страсти мужа к жене показывает, что союз Адама и его ближайшей родственницы Евы (сделанной из того же теста) вполне осознан. Итак, поэт видит в слиянии, почти в анатомическом срастании с возлюбленной путь в полноту родного языка, в стихию русской жизни. Известно, что Пастернак трепетно относился к читательским суждениям Зинаиды Николаевны, готов был опрошать ткань стиха (Зинаиде Николаевне не нравилась чрезмерная сложность некоторых пастернаковских оборотов), притом полагался на естественную, кровную связь возлюбленной с русским народом, родиной, социалистическим строительством. «Ты близкая спутница большого русского творчества, лирического в годы социалистического строительства, внутренне страшно на него похожая, – сестра его...»; «Ты... такая разгадка всего моего склада... такая сестра моему дарованью... выход... через революцию к... последнему смыслу родины и времени» (пишет Борис Леонидович Зинаиде Николаевне в середине мая и в конце июня 1931 года). Зинаида Николаевна приходится «сестрой» и социалистическому строительству, и дарованию Бориса Леонидовича. Так что именно через Зинаиду Николаевну Пастернак чаёт окончательно породниться с советской действительностью. Вскользь сетует на «непрямоту» своего происхождения. Но уж как есть, благодаря любви он родным войдет в родную русскую речь.

«Почвенная тяга» – это как раз связь с народным бессознательным, с тем, чем народ живет, как видит мир, чего хочет, куда направляется. Это и речевая чуткость к крови, почве, «народной душе», чувствование в качестве своего, и действие на эту душу в режиме природной (соприродной) стихии, влияние на те картины окружающего мира, что живут в каждой душе.

Теперь не сверстники поэтов,
Вся ширь проселков, меж и лех
Рифмует с Лермонтовым лето
И с Пушкиным гусей и снег.

Когда сам русский ландшафт, обычные картины русской жизни рифмуются с Лермонтовым и Пушкиным, поэзия обращается в обыкновения народного зрения, в реальные образы мира. В этом четверостишии как малосущественные факторы отодвинуты «сверстники поэтов». Это, во-первых, писатели-критики-читатели, во-вторых, вообще ближайшие современники, люди того же поколения. Возможно, описывая Пастернака эту мысль в прозе, он написал бы «не *только* сверстники поэтов». То есть ближайшие современники и товарищи по цеху не то чтобы вовсе исключаются из аудитории поэта, но не являются единственной и главной аудиторией.

И тотчас после описания русских ландшафтов, грядок и проселочных дорог (к слову, проселки, межи и грядки – слишком камерное воплощение шири, это не про тайгу, не про облака на тысячах километров неба, не про поморские дали, не про уральские снега, не про бескрайние степи, а про обжитой, протоптанный, приноровленный к человеку пейзаж), Пастернак пишет о другом смысле почвы: о смерти и могильной земле. Собственно, никаких творческих действий кроме «сочетания» с Зинаидой Николаевной поэт не описывает. Сразу после упоминания национально-эстетического переформатирования ландшафта разговор заходит о посмертном существовании, где слава окончательно воплощается в земное, почвенное состояние. И в генофонд русской речи, в «словарь», внятный и милый даже тем, кто никаких стихов не читает. «Почвенная тяга» – тот же «засасывающий словарь». Только в первом четверостишии это личная, любовная «точка входа», а во втором – расширение на весь народ и на всю историю.

Но почему привратницей у входа в народную речь оказывается Зинаида Николаевна? Как уже говорилось выше, для влюбленного Бориса Леонидовича это тема единственности мужчины и женщины, вспоминаемая через слияние тел, душ, судеб. Любовь возвращает Адама и Еву (которая и сестра, и жена – «ребро») к состоянию то ли донационального, то ли постапокалиптического единства. А еще это погружение в христианское единство, где нет ни эллина, ни иудея (особенно иудея), но в русскую его версию. «Рай» Пастернака – это мирная толща народной жизни, где он (по жениной линии) может быть своим и внушать это свойство (ударение на любой слог) народу, плоть от плоти которого – Зинаида Николаевна, как это чувствуется Пастернаку в 1930, 1931 году, да и потом тоже. Она приняла и признала Бориса Пастернака. Пастернак ощущает новую половину как представительницу народа, носительницу всего того, чем народ живет и дышит. Складывается ощущение, что уровень доверия власти, государству, обществу, «толпе» повышается страстной привязанностью к Зинаиде Николаевне, безоговорочно лояльной власти и всем ее шагам¹.

Едва не на коленях Зинаида Николаевна молит Бориса Леонидовича не отзывать подпись под расстрельным письмом в августе 1936 года. Борис Леонидович, который так много думает и говорит о христианской эре, переступившей через национальные разграничения, немного побушует, понеистовствует, но, пожалуй, будет потом благодарен жене за спасительную подлость, которую та приняла на себя. Общий грех сплотил Адама и Еву не хуже любовно-эдемской догреховной единственности (не отсюда ли эта аффектированная праведность супружеского единства: «тесней, чем сердце и предсердье»; однажды это прямо-таки легендарное единство Бориса Леонидовича и Зинаиды Николаевны «застелет слух кому-нибудь» наподобие «Ягяйлов и Ядвиг»). Включая в стих слово «засасывающий», Пастернак скорее всего не планировал снижать последние стихотворения. Но, как часто бывает именно с Пастернаком, это произошло как побочный эффект поэтического метода. Слово оказалось точным вопреки авторской воле.

Русский пейзаж рифмует «с Лермонтовым лето, а с Пушкиным гусей и снег»². В этом четверостишии Пастернака нет игры с читателем, нет вызова читательской эрудиции. Пастернак берет

¹ «Мои мальчики больше всех любят Сталина, а потом уже меня», — цитирует Зинаиду Николаевну Надежда Мандельштам. За точность цитаты ручаться нельзя, но общий вектор настроения, похоже, передан верно.

² Михаил Эпштейн написал об этом небольшое эссе, где, помимо прочего, вспомнил про лермонтовское стихотворение «Когда волнуется желтеющая нива» в полной мере объясняющее пастернаковский выбор.

хрестоматийные примеры, чтобы объяснить принцип связи неотразимого стиха с людской общностью. А вот Мандельштам как раз любит играть в загадки, подбрасывая ассоциации-крючки, заставляющие слушателя-читателя вспомнить произведение, цитату, контекст. Например в «Дайте Тютчеву стрекозу...». «Шуберт на воде», пожалуй, в первую очередь про песню *Auf dem Wasser zu singen* («Пение на воде»), которая изредка называлась «Баркаролой», а в русском переводе окончательно превратилась в нее. Размер песни, шесть восьмых, несомненно связан с лендлером/вальсом, изначально народным танцем, хотя сама по себе шубертовская песня никаких танцев не предполагает, скорее, передает покой замороженного движения во фридриховском пейзаже, в котором гладь воды удваивается бесконечностью неба. «Моцарт в птичьей гамме» – прежде всего, вероятно, тема из «Волшебной флейты», исходно вполне пастушеский, простонародный мотивчик. Но птичьего у Моцарта хоть отбавляй – не только фиоритуры Царицы Ночи, не только пассажи Церлины из «Дон Жуана» или Констанцы из «Похищения...», но и райский щебет во множестве инструментальных пьес.

Это вполне детская игра, которая, впрочем, включает свет нейронных связей, уходящих в толщи речи, культуры, исторической памяти (между прочим, сложно отделаться от мысли, что один из первых, кого Мандельштам приглашает к участию в этой игре – как раз Пастернак¹). Энигматические манки Мандельштама ведут не только к одной главной отгадке, но и дальше, ко всему спектру рефлексов, ассоциаций, преломлений основной темы. Шуберт, который «на воде» (*Auf dem Wasser*), высвечивает заодно и «В путь» (*Vom Wasser haben wir's gelernt / Vom Wasser* – «Вода примером служит нам, примером», буквально, «Мы знаем это от воды»), и «Форель», и «Весеннюю симфонию» и много чего еще. Так что «Шуберт на воде» – неизмеримо больше, чем «Шуберт в «Баркароле», а «Моцарт в птичьей гамме» – чем «Моцарт в «Волшебной флейте»». И, разумеется, помимо всех литературных реминисценций – «Шуберт на воде» еще и чистый поэтический образ, который действует на сознание сам по себе как некий романтический, сновидческий портрет-пейзаж.

Теперь про Гете, свивущего «на вьющейся тропе». Осмелимся предположить, что первая, главная реминисценция – эпизод из романа «Годы странствий Вильгельма Мейстера»:

Дорога шла вверх, огибая гору. Дети скакали друг за дружкой со скалы на скалу, через ручьи и потоки, и Фиц, не разбирая дороги, а только поглядывая то вправо, то влево, мчался все вверх и вверх. Поскольку ни Вильгельм, ни тем более проводник с поклажею не могли за ними поспевать, дети много раз проделали путь взад и вперед, распевая и насвистывая.

Это важный текст о познании мира – детском и взрослом, захватывающем и безнадежном. Важный прежде всего для самого Мандельштама (неожиданно вспоминаешь, что Meister – это Мастер: «Но ведь он же мастер, мастер?»). Настолько важный, что он то и дело напоминает себе о нем (скажем, в «Путешествии в Армению»), не касаясь сути, чтобы не затаскать, не снизить обиходом заветные мысли. Например, такие:

– Буквы – вещь хорошая, но передать звук живой речи они не способны; мы не можем обойтись без живой речи, но и ее звука в конечном счете мало, чтобы открылся истинный смысл. В итоге мы держимся за наши буквы и звуки, хотя с ними нам немногим лучше, чем было бы без них, ибо что бы мы ни высказывали сами и ни воспринимали от других, все это – только общие места, которые и труда не стоят.

Не правда ли, этот фрагмент заставляет вспомнить в числе прочего о том, как Мандельштам складывал стихи: не черкая на бумаге, а проговаривая, выхаживая, выборматывая. Он напоминает об этом дорогом письме Вильгельма Мейстера как о городе, с которым связана пора счастливых открытий: названия города достаточно, чтобы всколыхнуть воспоминания, но сами от-

¹ Известно, что Мандельштам читал Пастернаку свои восьмистишия.

крытия остаются неназванными, готовыми возникнуть заново (по формуле «останься пеной, Афродита»).

Или еще такой фрагмент:

– Большинство людей <...> никогда не достигают той прекрасной поры, когда очевидное кажется пошлым вздором.

– Да, ее можно назвать прекрасной, <...> потому что состояние это – среднее между отчаянием и приобщением к божественному.

«Состояние между отчаянием и приобщением к божественному» – одна из самых точных характеристик умонастроения Мандельштама – и тем точнее, величественнее, страшнее, чем ближе к концу. Не исключено, что именно эта мысль Гете приводит к тому, что в восьмистишии Мандельштама его имя соседствует с именем Гамлета. Совершенно понятно, почему и этот текст про «пульс толпы» и доверие толпе. Важнейший оттенок такой ассоциации – связь «большинства» с «детством», детский способ познания, свойственный «толпе».

В итоге пульс толпы и вообще жизнь толпы оказываются связаны с очертаниями заветных образов музыки и поэзии отдельно взятых поэтов, композиторов, мыслителей. Если принять эту концепцию, восьмистишие Мандельштама – про природу творчества, про то, как оно устроено. Поэтому не просто Шуберт, но «Шуберт на воде», не просто Гете, но «Гете, свищущий на выходящей тропе». То есть композитор, поэт, мыслитель и тайна его работы. Толпа – не соавтор, не цель, не судья этой работы. Она – часть устройства жизни. Пульс городского шума, гомон вывесок, грохот строек, трамваев, крики играющих детей, отголоски военного марша из парка. Этот пульс сообщается поэту – никак не меньше, чем ритм чужих симфоний и стихов.

Но тогда переосмысливается и вторая половина восьмистишия. Если листы кружились в бездревесности, значит, феномен был предопределен еще до установления причинно-следственных связей, до детерминизма. Если говорить про пульс городского шума, до какой степени в нем участвуют в Шуберт и Моцарт? До какой-то. Музыка может доноситься из чьего-то окна, звучать в концертном зале, в машине. Но гул большого города останется таким же неразъятым и сложносочиненным, как до, после и даже без Шуберта с Моцартом. Хотя какому-нибудь пошляку-маркетологу придет в голову назвать «Моцартом» шоколадные конфеты, меховой салон – «Шубертом», а службу доставки – «Достаевским».

В описанной восьмистишием модели следует иметь в виду важнейшее не названное имя и важнейший не названный опыт – имя и опыт самого Осипа Мандельштама. Это опыт почти не расслышанной обществом работы (хотя значение ее огромно), опыт взаимодействия с народом, где у поэта нет намерений становиться пророком, проповедником, лидером мнений. Опыт, где слышать и говорить (шептать) важнее, чем быть услышанным, признанным, прославленным – громким.

Пастернак, между прочим, тоже не хочет приравнивать славу к веку. Современность – социалистическое строительство, партийные съезды, пятилетки, показательные судебные процессы – прокрустово ложе для славы. Не потому ли Пастернак готов пересадить свою славу в ладью Харона, перевозящую поэзию в безымянное (народное) бессмертие, что многое в сегодняшнем дне кажется временным, суетным, не вполне достойным?

Взаимная эмансипация губ и шепота означает, что шепот может существовать не только прежде, но и после губ. И опыт, не причинивший изменений своему предмету, существует не только одновременно со своим предметом, но и после него. Однако этот опыт существует, напивавшись жизнью, набрав дыхания от неслышащей толпы. Здесь тотчас вспоминаются строки 1922 года, в которых действуют те же метафоры-персонажи. (У Осипа Мандельштама уже созданные стихи и даже отдельные звуко-смысловые идиомы остаются на палитре, откуда берутся – наряду с новыми образами, сюжетами, метаморфозами – краски для новых стихов. Каждое стихотворение есть часть большой нейронной – в доцифровом смысле – сети написанного и всегда задевает уже со-

зданное, всегда оживляет его, вдыхает новый смысл и звук. В этом смысле Мандельштам каждый раз сочиняет сразу все свои стихотворения).

Видно, даром не проходит
Шевеленье этих губ,
И вершина колобродит,
Обреченная на сруб.

Опять губы и шепот, опять дерево, которое вот-вот канет в бездревесность¹. Так значит, восьмистишие «И Шуберт на воде...» – еще один тайный выдох: «сохрани мою речь навсегда»? Речь, которая зарождалась «прежде губ» и которая будет жить дальше – возможно, именно потому, что существует по законам стихии: воды, птичьего гама, культуры, космоса, а не людских мнений и оценок (каковые, впрочем, тоже род стихии). Итак, здесь тоже получается слава без славы, почти анонимная слава. Пусть природа этой славы иная, чем у почвенной тяги Пастернака, в главном поэты сходятся. Как ни удивительно, сходятся – и спорят! – в некоторых деталях. У Пастернака:

О, если б я прямой возник!
Но пусть и так, – не как бродяга,
Родным войду в родной язык.

У Мандельштама (в том же самом 1931 году):

Я – непризнанный брат, отщепенец в народной семье.

Сохранилась запись 1931 года, в которой Мандельштам спрашивает про Пастернака: «К кому он обращается?» И отвечает: «К людям, которые никогда ничего не совершат...» И прибавляет: «Как Тиртей перед боем, – а читатель его – тот послушает и побежит... в концерт...» Собственно, Тиртей, образцовый вдохновитель народного бесстрашия в бою, – некий жупел в литературе XIX века. Имя Тиртея приводилось не только как пример идеальной роли поэта в жизни народа, но и как укоризненная альтернатива всем, кто уклонился от участия, например, в освободительной войне или даже в революции. Почему в 1931 году Мандельштам вспоминает про Тиртея? Страна ни с кем не ведет войны, конечно, здесь подразумевается иная борьба, сопротивление сгущающемуся тоталитаризму, удушающей диктатуре управляемого большинства. Та борьба, в которой через два года будет совершен подвиг самого Мандельштама, в итоге стоивший ему жизни. Самоубийственный, гамлетовский подвиг.

Вот здесь проходит черта коренного отличия двух стихотворений. И Мандельштам, и Пастернак вникают в отношения поэта с народом и шумом времени, но Мандельштам к тому же не упускает из виду и власть – преступную, бесчеловечную власть. Именно поэтому в восьмистишии появляется Гамлет.

Гамлет не возглавляет толпу, он, возможно, популярен, но к народу не апеллирует. Он не пытается воззвать к простонародью, объединить людей на борьбу с тираном. Он действует в одиночку (как и все перечисленные прежде авторы), хотя первый акт борьбы – написание и постановка пьесы для обличения Клавдия.

Из-за нерешительности Гамлета случилось множество бед, в том числе, его собственная гибель, безумие и смерть Офелии, смерть матери, смерть Лаэрта, смерть Розенкранца и Гильденстерна, как к ним ни относиться. Да и суетливый Полоний мог остаться в живых, если бы тиран-у-

¹ Тут же вспоминается, конечно, и этот эпизод из «Путешествия в Армению»: «дерево сопротивлялось с мыслящей силой, – казалось, к нему вернулось полное сознание. Оно презирило своих оскорбителей и щучьи зубы пилы».

бийца был заколот тотчас по выяснении истины. Можно сказать, пугливость шагов погубила всех. Впрочем, пугливость эта не была слабостью в точном смысле слова. Возможно, Гамлет здесь именно по поводу этого топтания на перекрестке выбора: вливаться ли в народное, «дыша и *большевея*» или остаться одному, лишившись «и чаши на пире отцов, / И веселья, и чести своей».

И Мандельштам, и Пастернак сходятся в неприятии эстетической изоляции, элитарности, роли «тепличных юношей». Оба, как минимум декларативно, за социализм и большевизм – тем сильнее и искреннее, чем глубже дышат как раз в тех мирах, которыми рабочие, колхозники, красноармейцы не интересуются – в мирах Гомера, Данте, Гете, Шопена, Шуберта, импрессионистов, Сезанна. Существенное различие – отношение к верховной власти. Но тут важна привязка ко времени: здесь оба поэта находились, как нынче говорят, в противофазе. К 1930 году, пройдя через переводческий кризис (между прочим, при участии Пастернака), Мандельштам понял о происходящем и назревающем всё. Он уже знал про погибельные годы, про согласное обезчеловечивание напуганных людей. И про то, что Сталин и присные не на стороне народа и свободы. В 1929 году он узнал, что уколот отравленной шпагой. Правда, яд действовал не мгновенно и иной раз позволял воображать, что, может, все обойдется. Вряд ли Мандельштам был доволен собой в ситуации с переводами. Но именно тогда он обнаружил вокруг себя Полониев, Розенкранцев и Гильденстернов, лжецов, доносчиков, провокаторов... В истории с переводами Пастернак выступил как Розенкранц или Гильденстерн (вдруг именно теперь стало очевидно, что два эти персонажа имеют много общего с друзьями Иова, потому что пытаются сохранять дружелюбие и выказывать поддержку, не пытаясь полностью понять, что с ним происходит): «В какую непоучительную, неудобоваримую, граммофонно-газетную пустяковину превращает он¹ это дареное, в руки валяющееся испытанье, которое могло бы явиться источником обновленной силы и вновь молодого, нового достоинства, если бы только он решился признать свою вину, а не предпочитал горькой прелести этого сознания совершенных пустяков, вроде “общественных протестов”, “травли писателей” и т. д.»².

Пастернак в это время доверяет Сталину. Или страстно хочет доверять. Перед вторым арестом такое страстное, болезненное желание овладеет и Мандельштамом – как симптом стокгольмского синдрома. Мандельштам, пишущий главное антисталинское стихотворение XX века, это Гамлет, который наконец, совершив кучу ошибок и оплошностей, бросается на Клавдия – тирана и убийцу. Разумеется, это не только спонтанный порыв вдохновенного отчаяния. Это кристаллизация насыщенного раствора мыслей, наблюдений, опытов, которые происходят в течение как минимум десятилетия.

Пугливые шаги Гамлета – многократные попытки увериться в вине Клавдия, в которой он уверен и без того, но ищет все новых доказательств из правовой опрятности и человеческого малодушия. Ставя пьесу, – как следственный эксперимент, как проверку на детекторе лжи – Гамлет в пьесе о себе становится автором и режиссером главной постановки, по сути, Шекспиром. Пьеса, поставленная Гамлетом, доказывает: Клавдий убийца, разрушитель брака, узурпатор престола. Но получив и это доказательство, Гамлет медлит, «пугливыми шагами» губя возлюбленную, ее отца, брата, самого себя. Гибнет и злодей, но добро не торжествует: тираноборец мертв, счастье невозможно, Дания падает в руки норвежским завоевателям. Пугливые шаги ведут к гибели.

Гамлет займет одно из центральных мест во вселенной Пастернака позже – вряд ли под влиянием Мандельштама, но под воздействием сходной перемены взгляда на происходящее. А у Мандельштама в последующие годы гамлетовская тема будет мерцать в образе черепа: «Мне хотелось

¹ О. Мандельштам.

² Из письма Б. Пастернака Н. Тихонову от 14 июня 1929 г. Травля, приведшая, в частности, к тому, что Мандельштам практически лишился источников существования, несомненно имела место. Вольно же Борису Леонидовичу представлять эту безобразную историю как подарок судьбы и возможность обновиться и омолодиться.

поскорее вернуться туда, где черепа людей одинаково прекрасны и в гробу, и в труде»¹; «Чепчик счастья – Шекспира отец...»². Об образе черепа в поэзии и прозе Мандельштама стоило бы написать отдельно – настолько это важное переосмысление связи человеческого сознания и силы с уязвимостью и смертностью.

Быть может, прежде губ уже родился шепот
И в бездревесности кружились листья,
И те, кому мы посвящаем опыт,
До опыта приобрели черты.

В который раз вспомним вторую часть восьмистишия. Она содержит три умопостигаемых сюжета: про речь, про генезис, про познание и влияние. Гипотеза всех трех сюжетов: субъект не равен причине. В итоге все восьмистишие еще и про гордыню – символистскую, рапповскую, соцреалистическую. Это опровержение символистского и вообще модернистского убеждения в том, что поэт-художник-композитор etc. – демиург, властитель дум, кормчий народа, преображающий толпу божественным чудом своего творчества.

Но шепот, возможно, родился прежде губ, а те, кому мы посвящаем опыт, уже сформировались до всякого опыта. Из чего не следует, что шепот и опыт напрасны, безрезультатны. Шепот – тихая, почти неслышная (или слышная не для всех) речь – важнейший мотив в поэтике Мандельштама. Шепот не призван повелевать и управлять. Это важнейшее отличие стихов Мандельштама от полногласного и полнокровного стихосложения Пастернака. К слову сказать, полногласность пастернаковских стихов – не громкость вождя или трибуна, скорее, «круто налившийся свист» и «двух соловьев поединок»³.

Первый стих второго четверостишия – про основания речи. Про то, что они не сводятся к физиологии, к индивиду, к «губам». «Шепот» – это прежде всего язык: то, что на нем уже сказано и говорится теперь. Язык многих веков, многих авторов, несчетного количества людей. Язык прозы, стихов, песен, научных сочинений, вывесок, абсурда, архаики, современности, будущего. Язык, который может существовать вне письменности, вне свитков, книг, газет. Предание, молва, фольклор, слава могут жить своей жизнью, как листья в бездревесности. «Листы в бездревесности» – пожалуй, еще и слова в отсутствие сказавшего, в частности, их посмертное существование и вообще бытие за границами смертности. «Листы», шелест листы – один из привычных образов речи, «шевеленья губ», «шепота».

Две последние строки – про переступание гордыни, которая, как уже говорилось, отличала модернистов во всех сферах деятельности, не только литературных. Здесь, конечно, всегда возникает вопрос об отношении Мандельштама к социализму и коммунизму как модернистским идеологиям, осознанно вторгающимся в судьбы других людей, вершащим жизни и смерти. И это один из самых сложных вопросов поэтики Осипа Мандельштама – отнюдь не социопата, но человека, обделенного наитием в общении с равными, с людьми своего круга. Ему куда легче (насколько можно судить по воспоминаниям) наладить взаимопонимание с простыми людьми, и его социализм, пожалуй, фокусировался на революционном преодолении неравенства и взаимного отчуждения в кастовом устройстве имперского общества. Такой социализм – еще и философия языка, главной и универсальной территории свободы, равенства и братства.

В общих чертах это не противоречит и философии Бориса Пастернака. Мандельштам открыто клеймит писательскую братию, Пастернак отодвигает на задний план «сверстников поэта». И если слава в том, что лето срифмовано с Лермонтовым, а гуси и зима с Пушкиным, надо

¹ «Путешествие в Армению».

² «Стихи о неизвестном солдате».

³ «поэзия Пастернака прямое токованье (глухарь на току, соловей по весне)», – пишет Мандельштам в «Заметках о поэзии».

понимать, что это уже не слава имен, а слава речи, тех поэтических форм, которые ложатся в плодородный слой языкового оборота, то есть в почву языка, фольклора, привычек зрения и в новые ростки смыслов и стихов.

Поэзия Мандельштама – это разом высшая математика, музыка, астрофизика, нейролингвистика мироустройства. Поэзия Пастернака – пахучее барокко ландшафтов и спален, кухонь и коюшен, грядки и погостов. Если гений – божественный избыток жизни, данный в виде превосходящих житейские нужды способностей, Мандельштам и Пастернак гениальны в равной степени¹.

Для обоих поэтов важнее сохранить – внедрить в общий обиход – речь, а не увековечить собственное имя. Эта анонимная память, «подспудная слава», это скромное, не эгоистическое бессмертие увековечены и в пастернаковской формуле «почвенной тяги», и в парадоксах мандельштамовского восьмистишия.

В конце этой прогулки приходит на ум картина из «Заметок о поэзии», где Мандельштам в разговоре о Пастернаке вспоминает Герцена с Огаревым, которые мальчиками стояли на Воробьевых горах, испытывая «физиологически священный восторг пространства и птичьего полета». Вспоминаешь и про строки астматика Мандельштама о том, что поэзия Пастернака обновляет легкие, и про то, в чем именно состояла клятва на Воробьевых горах:

«Запахавшись и покрасневшись, стояли мы там, обтирая пот. Садилось солнце, купола блестя, город стлался на необозримое пространство под горой, свежий ветерок подувал на нас, постояли мы, постояли, оперлись друг на друга и, вдруг обнявшись, присягнули, в виду всей Москвы, пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу»².

Мандельштам, говоря о Пастернаке, вспоминает про Герцена с Огаревым, и это мечта не только о братской дружбе двух важнейших поэтов XX века, которая часто намечалась, напрашивалась, да так никогда и не случилась, но и о том, чтобы стоять плечом к плечу в общей борьбе. Увы, минувшее столетие – эпоха, когда тысячи и миллионы людей, боясь сплотиться, страдали и гибли поодиночке.

¹ «Различные во всем, Пастернак и Мандельштам были едины во всем». Д. Быков. Борис Пастернак. М., 2007. С. 426. (*Д. Быков признан на территории РФ иноагентом.*)

² А. Герцен. Былое и думы. Ч. I, гл. 4.

Евгений ПРОЩИН

НЕВИДИМАЯ ФЛЭШКА

Данил Файзов. Поиграй да отдай. – М.: Стеклограф, 2024. – 150 с.

Что делать поэту здесь и сейчас? Казалось бы, ответ очевиден: писать стихи. Однако это своеобразная миражная интрига, в механизме которой колдовской заговор, хлестаковское заговаривание, обзиротская забывчивость или концептуалистское бормотание в равном случае оказываются техническими упражнениями языка, а не полноценным художественным опытом. Истоки такого состояния не внутренние, а внешние: не в первый раз в истории поэт оказался перед вызовом такой силы, что он принужден выбирать не что ему делать с речью, а, скорее, как вообще существовать, когда на родном языке не так уж и хочется сочинять, скорее как бы вытесняя в него реальные переживания биографической персоны, чем невозмутимо изучая его смыслы и потенциалы. В итоге кто-то вовсе замолчал, а кто-то окончательно перепутал формат публичного сообщения в соцсети и личного выражения в слове. Однако случай Данила Файзова в этой ситуации выглядит очевидно любопытным из-за той неочевидной (в хорошем смысле слова) реакции, которую вызывает его новая книга. Это (далее банальность) не первая книга автора, что свидетельствует об элементарном эстетическом опыте, закаленном в жестких боях со своим собственным литературным кураторством, которое могло кого угодно испортить или как минимум отвернуть от словесных упражнений, а с теми, кто одновременно сочетает в своей земной, биографической персоне сразу ряд функций, имеющих отношение к изысканной словесности, таковое может в какой-то момент случиться. Однако можно сказать, что совмещение функций не помешало, а скорее способствовало достаточно медленно и постепенно подойти если не к *opus magnum*, то к книге, важнейшей для поэта по целому ряду

причин и важнейшей для нас, читателей, своим последовательным ускользанием от привычных для русской поэзии матричных формул самоописания.

Строго говоря, их всего четыре, как мы это знаем еще то ли со школьной парты, то ли университетской скамьи. Поэт может быть социальным, поэт может быть тревожно моральным, или же религиозным, или же филологичным. Остальные варианты получаются путем складывания, умножения, деления, колесования и прочих видов умерщвления «тела-без-органов», какие мы только себе можем представить. Однако Данил Файзов предпочел не искать среди предложенных вариантов свой единственный заветный, что очевидно выдает в нем автора с постконцептуалистской закалкой. Да и не до поисков ему явно. Причины такой диффузности, выявления осколочных ран предшествующих поэтических традиций явно экстраэстетические и коренятся в том времени, в котором мы сейчас, «к несчастью», пребываем:

две гласные обещанные мной
подарок на поход стрелянья в тире

согласные с тобой
пойти ещё в кафе и в этом мире

стрельба не значит в общем ничего
так
просто мушка засиделась на стволе
в безумном парке развлечений

в мире

Отсылать через цитату к поэтическим именам – операция более достойная, чем, к примеру, назначение в медийных пространствах героями людей, прошлое которых заставляет принципиально в этом усомниться. Я не про то, что жизнь и личность поэта категорически императивна. Совсем нет, поэт принципиально несовершенен, что свидетельствует о том, что он жив в отличие от образа директивно назначенного героя, которого со всех сторон окру-

жает контур информационного некротизма. К тому же герой может даже не обладать именем, он чаще всего анонимен и даже лишен черт лица, как на многочисленных бордах, а поэт именно авторизован, потому что информационный герой удостоверен неким подвигом, который при этом не имеет названия и даже не комментируется (тем самым подвиг является даже не симулякром, а чистой тенью симулякра), но поэту никак не может грозить деперсонализация, потому что он дорог кому-то еще без всяких обязательств. В то время, когда каждого обязуют славить героев (на самом деле их легко можно отнести к логике лиотаровского «будущего в прошлом»), можно просто лично, в одиночку цитировать любимых, потому что любовь-то как раз имеет к настоящему самое непосредственное отношение:

стало быть не зря
они со мною говорили
говоря
словечками
обмолвками
молчаньем

неведомого мне календаря

Конечно, можно порассуждать о «голосе в хоре» как своеобразной необходимой терапии. Когда каждый день нас окружают очевидно неадекватные персоны в их аналоговой или цифровой оболочке, «другой» как поэт дает надежду, что не все сошли с ума, ведь в любом времени всегда обнаруживается событие, которому необходимо противостоять, попросту не впуская его в себя, чтобы не утратить свою идентичность. Но у Данила Файзова обращение к «другому» не попытка тенденциозно присвоить чужое слово. Это вариант номинативной солидарности, но (что характерно) без постконцептуалистской персональности (нынче новую искренность прекрасно освоили masters of war, буквально пустив её под нож) и современной ретроспективности. Файзову совершенно чужд режим гуманитарной репрезентации, желание продемонстрировать начитанность и наслышанность (что вообще может не знать человек, организующий литературные проекты едва ли не четверть века?):

объясни мне почему
рифмуется взять и здесь

где переносится
мысль и взвесь
из алхимических пыльных штук
становится колой или как ещё
называется эта смесь

почему цветаевы на каждом окне
висят
а барто мыслится словно век назад

То есть назвать имя или отослать к нему значит совсем не вписать в бинарию друг – враг, но это скорее пример специфического дейксиса, потребность в котором объясняется следующим. Назвать другого не есть игровая ситуация или же оперативное присвоение авторитета, или же включение себя в круг счастливых праздных. Нет, указать на другого – это своеобразный жест выживания. Указать на другого – это указать на самую аксиологическую значимость имени, подчеркнуть важность того, что не девальвировалось в персональной картине мира на фоне деятельности современников, многие из которых как будто сошли с ума:

и мой суок со мной везде
в любой стране со мною
поёт мне счастье и беду
и мой суок со мной

на каждый шаг на каждый шаг
она мой верный друг
она всегда мой верный шарф
когда я упаду

и мой суок со мной всегда
когда я упаду

Такое не-священное безумие в свою очередь создает очевидный угрожающий фон деформации, приводит к своеобразному искажению-выгибанию пространства жизни (то, что раньше было доступно пошагово – а именно само банальное человеческое общение – требует обходных маневров, круговых движений, травмирующих траекторий):

пылает мысль
орлы в державной пене
телеведущего пытаются сдержать
на криворуком ржавом постаменте
екатерины корчиться печать
её румянцевы давно не бреют щёки
её суворовым ничто нельзя отнять

Это пространство нельзя преодолеть или переделать. Самое плохое, что его не получится игнорировать. В свое время Мандельштам писал, что искусство вновь перешло в катакомбное состояние, отделившись от государства, но структура современной коммуникации, к сожалению, не позволяет так поступить. Поэзия Файзова в нынешнем её состоянии связана с попыткой не замолчать или заболтать, а попытаться именно заговорить это деформированное позорное чудовище пространства хотя бы сочетанием назывного и собственного имен.

Ставшие нежелательными отношения с настоящим неизбежно приводят к пересмотру базовых конвенций. В России, как известно, нет спасения от прошлого. Особенно заметно это, если прошлое начинает модерировать настоящее через своих сентиментальных и жестоких агентов соответственно. На уровне образности прошлое как бы извергает из себя гротеск, порождает очередной жутковатый бестиарий:

псоглавыцы отрывали кожу зла
кровь пенилась
кость скрипела

выше голоса умирающих
вился визг

в этих птиц стреляли
пёсыими головами

Актуальная его версия обосновывается через необходимую аналогию с девяностыми. Это десятилетие понималось диаметрально противоположно, оказывалось связанным с ощущением, что мы что-то приобрели или же что-то потеряли, одновременно. Новое время – новая чувствительность. Нынешние двадцатые – это десятилетие, которое выстроено не

на чувстве потерянного или приобретенного, а на ощущении того, что у нас отнято. Можно обсуждать масштабы того, что отобрано, но поэтически они катастрофичны. Поэтика отнятого – это чувствительность, диаметрально противоположная модернистской меланхолии. Меланхолия связана с ходом времени, а поэтика отнятого – с вторжением в пространство. Спорить с временем не имеет смысла, но триллероподобное, пронизываемое пространство, не дающее защиты ни снаружи, ни внутри, позволяет занять как раз существенно активную позицию, принужденную опираться на сам принцип языка. Это не тот язык, который во рту глашатая, пророка или публициста. Его средства и возможности располагаются в плоскости несогласия с принуждением к обязательным конфигурациям тела и языка, которые так вожделем любая, отключившая все свои предохранители, внешняя сила:

чик-чирик я с собой
не с вами
постарайтесь разочек
сами

Конечно, такой язык в каком-то смысле свободен, но он не существует в героическом режиме. Почему-то мы привыкли считать, что свободное высказывание предполагает максимально эффектную, словно бы предназначенную для заклания позу. Меж тем язык книги Даниила Файзова весьма разнообразен и, как ни странно, не имеет лишних оборотов там, где они и не требуются. Думается, что именно этим хорошая поэзия отличается от плохой или посредственной блогосферы. В последней результативны приемы чрезмерности: гнева, негодования, пусть даже истерики. И вся эта шумная оратория перекрывает, собственно, повод, по которому она коллективно затеяна. Файзов прекрасно понимает, какой повод кроется в основании его возможности говорить, а этот повод можно либо замолчать, либо как-то технически правильно отрефлексировать. Поэтому его книга не книга гнева, отчаяния или панического крика. Она вся состоит из разнообразных и интересных оттенков интонаций, и это, конечно, знаменательно свидетельствует о поэтической зрелости, о том, что Даниил Фай-

зов ушел достаточно далеко от привычной ему
просодии:

вот же я
я вышел из себя
из себя
из себя

нарисую вам не голову вождя
голову дождя

а ещё и ножки дождя
ручки дождя

пальчики дождя
коленки дождя

ручки отращу и напишу
мозжечок дождя

хлад разожжён
разложен
струится по губам

вопрос
так было можно?
вестимо
если так стряслось

и на мотив из песни
мне шепчет не чужая злость
не чьи-то зависть и порок

а прошлой жизни уголёк
любой поступок не высок
не низок и не тесен

и лишь столетний дождь промок
какой-то бестелесный

Поэтому в его книге доминирует не язык переживания, как это водилось в классической лирике. Но не доминирует в его книге и язык сознания, как это было принято в постлирике. Скорее перед нами язык переживания своего сознания. Странно чувствовать себя исключительно в бытовой реальности. Не менее странно ощущать над собой только власть письма. Поэзия Файзова потому и связана с тем, что игнорировать происходящее за окном невозможно, но реагировать на это лишь горячим сердцем или холодным мозгом неправильно. Однако переживать собственное сознание можно и даже нужно. Дело тут не в терапевтическом эффекте, хотя и в нем тоже. Дело в том, что именно так можно осознать не бытийную, но культурную идентичность:

не жди сочувствия любой
за то что сделал сам с собой
теперь не те часы стучат
и может даже не идут

не жди к себе участия
не намекай вовне
что только в жизни частной
идут оне

не только вне
внутри себя

Помнится, во времена, в которые уже не веришь, важно было, что читают. Казалось тогда, что человек, который читает то же самое, должен быть примерно таким же в своей идентичности. Но последние лет десять показывают, что вообще неважно, кто что читает. Важно не что читают, а что пишут. Оказалось, что культура высокого модерна несколько не мешает кое-кому создавать изветы в промышленных масштабах, то есть дело вовсе не той причастности прочитанному и услышанному как своё слову, что так скрепляло, к примеру, поэтическую ситуацию нулевых. К такой ситуации трудно привыкнуть, но она, в свою очередь, может спровоцировать создание письма, задача которого становится, с одной стороны, больше эффекта автотерапии, а со стороны другой, не стать похожим на глашатая, благо голосащих сейчас целая очередь, как в советские времена.

Что же сказать в финале? А финала как такового нет. Мне кажется, книга Данила Файзова ценна прежде всего тем, что не выглядит все расставляющей по своим местам или же дающей ответы на вопросы в стиле «как же нам жить дальше». Прежде всего это очень авторская книга, а не стоит говорить, как важны сейчас личности, потому что их голос неизбежно отличен от коллективных и – по большей части – принудительно-обязательных практик.

Авторская книга – это территория свободы. Свободы не из словаря, а той самой тайной свободы, о которой писал Блок, то есть внутренней, неотчуждаемой, единственной возможной всегда, а не только в избранные времена, в которые нам не посчастливилось жить.

Андрей ПЕРМЯКОВ

МНОГОГРАННОЕ ПОВТОРЕНИЕ

**Алексей Колчев. Тринадцать/четыре-
вступ. сост. Д. Файзов, Ю. Цветков;
Вступ. ст. Е. Прошина: – М.: Культурная
инициатива, 2024. – 138 с.**

Десятилетие со дня смерти – дата печальная, а для творческого человека ещё и опасная. Очень уж часто спустя подобный срок наступает более или менее длительное забвение. Друзья постарели, поклонники модных текстов нашли иные объекты, литературоведы занимаются кем-то совсем давним или наоборот: остроактуальным. Бывает. А тут за шумом мира и нехорошими перипетиями удивительно быстро миновали десять лет со дня ухода из жизни поэта Алексея Колчева.

К грустной дате вышли две книги. И не архивных, а включающих неизданные прежде стихи. К одной из них я составил предисловие¹, а о другой попытаюсь сказать подробнее сейчас. Впрочем, сосредоточиться лишь на этом сборнике, проигнорировав второй, будет и нечестно, и просто глупо: упустим важные моменты. Итак, томик, вышедший чуть раньше, содержит 74 текста. Этот, читаемый сейчас – 105. Числа близкие. Но интересней количество пересечений. Только шестнадцать стихотворений вошли одновременно в обе книги. О чём это говорит? Прежде всего, думаю, о неустоявшемся каноне. Стало быть, поэт жив. Как мы помним, Алексей в свой последний земной год выпустил целых три книги². Они были разные

ми, но о них говорили, отмечая довольно схожие вещи: провинциальную хтонь, цитатность, игру с прямыми и менее очевидными предшественниками, ритмы очень странной музыки, присутствующие в стихах... В новой книге почти всё это есть, однако ткань её переливается совсем иначе.

Начнём по порядку. С частностей. С предисловия. О необходимости такового в поэтических книгах спорят и будут спорить, но появившись, оно делается неотъемлемой частью издания. В мире наивного предисловия доставалась роль читательского помощника. Ту эпоху, конечно, мы не застали. Часто текст, несущий данную функцию, служит к прославлению автора. Только не автора стихотворений, а собственно автора предисловия. Тоже, к счастью, не наш вариант. Но вот рецензенту-критику Евгений Прошин весьма помог. Для начала в плане малом и прикладном: предисловие содержит множество фрагментов из стихов Колчева. Значит, и мы поступим аналогично; будем цитировать. Ибо некоторые стесняются: мол, автору надо дать возможность к самостоятельной речи, не перебивая его. Ложная, по-моему, стеснительность. Избыточная.

Но главное – верное и тёплое предисловие, соразмерное структуре авторской поэзии, противоречит именно представлению этой поэзии в книге! Так иногда происходит; попробую изложить. Прошин пишет о трёх книгах Колчева: «Такой казус синхронности совершенно ломает стереотипное представление о начале, продолжении и конце. Наверное, высшая ирония в том и заключается, что все эти книги оказались книгами уже сложившегося автора, со своим словом, миром и ритмом. Поэтому развернуть содержание книги, которую вы держите в руках, вспать, по отношению к уже изданному и напечатанному можно только условно. Эта книга ни в коем случае не кода, она не объясняется тем, что уже написано, и соответственно сама не проливает новый свет на старые обстоятельства».

¹ Неожиданные вещи: стихотворения. – М.: Издательство СТиХИ, 2023.

² Лубок к Родине: стихи. – Самара: Цирк Олимп+TV, 2013; Частный случай. – Шупашкар: Free

poetry, 2013; Несовершенный вид. – Н. Новгород: Приволжский филиал Государственного центра современного искусства, 2013. – (Поэтическая серия Арсенала).

Действительно, обращаясь к прижизненным публикациям поэта, можно сделать вывод о его довольно экстенсивном развитии. Вот два стихотворения, вышедших в альманахе «Нестолничная литература» на рубеже тысячелетий:

Время застыло как мыло
серая пена и в ней волосы
время застыло и мне постыло
распадаясь на куски
на уголки на крючки на пятна
четыре шурупа и два гвоздя
надо куски собирать обратно
бритвой себя очертя

Высший свет

мне девушка как-то сказала
мне девушка как-то сказала
сказала мне девушка как-то
девушка как-то сказала мне
дезала скавушка как мне-то
де как мне тоска зала в ушко
да уж лучше бы ничего не говорила

Согласимся: это тот самый Алексей Колчев, коего мы полюбили в последние (и очень продуктивные) годы его творчества. Каким он сам себя являл читателю в книгах 2013-го года. Можно, конечно, найти отличия, но они будут количественными, что ли. Малофактурными. Зато открывают книгу совершенно иные стихи. Заметим: составители специально указали на отсутствие хронологического порядка в текстах. Но вряд ли следующее стихотворение было написано уж слишком давно. Книга называется «Тринадцать/четырнадцать». Конечно, сие не означает, что все составившие её тексты написаны в тринадцатом и начале четырнадцатого года. Хотя с огромной долей вероятности – в десятых:

ходил наголо бритый бородка остра
как шило
был нацболом по прозвищу троцкий

друзья подкалывали: а мама-то
разрешила?
это у них такой юмор плоский

а мама по-прежнему не разрешала:
поздно не возвращайся не пей не водись
с друзьями
шило это такое жало
дрался пил с боевыми подругами
разговаривал с матюжками

повседневная романтика революции:
партсобрания листовки кассеты
товарищи за политику получали срока
кто больше кто меньше
давно работает редактором районной
газеты
но по-прежнему любит гибсона
паланика и уэлша

удовольствия предпочитает носящие
характер плотский
бывшие соратники теперь отзываются
грубо
о нём типа как – нудушка троцкий
такой живёт человек в ожидании ледоруба

Чистейшая фабула, изложенная сдержанными словами. Не нарочито стёртыми, как бывало у Колчева, а действительно нейтральными. Прочтём три строчки, предшествующие финальной. Без разбиения, это вполне б могло стать комментарием в любимом автором Живом Журнале. От какого-нибудь бывшего соратника бывшего нацбола. И рифма казалась бы издевательской, паразитной.

Другой текст:

в комнате слушали «сектор газа»
на разбитом кассетнике типа «веги»
или «весны» у приятеля свободная хата
он потом перепилит вены

кося от армии – загребут в дурку
выйдет с диагнозом смиренный сонный
ни тебе заколотить дудку
ни распить поллитру пьянящей сомы

а был музыкантом считал себя панком
восходящей надеждой местной сцены
двадцать лет как не пишет песни

о родина-герла объятия твои тесны
ублажить тебя как нам
грудь не заголив не сломав целки

Действительно – совершенно другой. Не будем вычитывать социальное, оно тут роли почти не играет. Но принципиально иная лексика, иная просодия; сонетная форма, отработанные внутренние созвучия. Движение от фабулы к нарративу (очередное подтверждение тезиса «текстура порождает нарратив»). Явно выраженное авторское отношение. И внезапно догадаемся: автор здесь – не Колчев. То есть, разумеется, поэт Алексей Колчев написал это стихотворение. Но прямым высказыванием назвать его сложно. Исходя, разумеется, из корпуса текстов.

Но и это ещё не всё. Одно дело, когда автор пишет нечто не похожее на себя самого, каким его знают и любят. Совсем иное – когда похожее на кого-то другого. Прочтём восьмистишие, посвящённое автору данной рецензии, тоже прежде не публиковавшееся:

Андрею Пермякову

контр-адмирал вынимает мякоть
из головы
вкладывает туда пулю как лаврушку
в кастрюльку супа
я сижу и читаю книгу «как выжить
среди гопоты
не присаживаясь на корты не щёлкая
семки сука»

в интернете полно видеороликов в них
как в кино
подростки одноклассников убивают
лист лавровый падает
на кастрюлькино дно
никуда не уплывает

Предложи мне кто угадать автора, я б не задумываясь назвал Алексея Григорьева. По-

эта прекрасного, однако в целом на своего тёзку и почти ровесника, во всяком случае – товарища по генерации и поколению, совершенно не похожего. Но честное слово: перепутал бы.

А ещё в книге есть цикл стихов, предположительно посвящённый памяти Григория Дашевского. Да, «предположительно», но уж слишком узнаваемым получился заочный диалог.

Есть игра словами в духе Александра Ко-рамыслова: Колчев, кстати, не отрицал и этой творческой переклички. Есть «Метафизическая ода», то ли иронизирующая над своей любовью к подобной игре, то ли доводящая её до высоких пределов.

В книге вообще много разного есть, но пора уже ближе к сути. А суть в значительной мере высказал много лет назад Кирилл Корчагин. Рассуждая о всё тех же трёх прижизненных книгах Колчева, он написал: «Кажется, перед поэтом стоял вопрос: как те или иные поэтические техники могут смотреться в контексте провинциальной жизни? Ответом служил особый эксперимент, в ходе которого чужим техникам и манерам прививались гены зомби, способствующие образованию странных и подчас пугающих гибридов.... Говоря словами Делёза, Колчев детерриторизирует чужую поэтику, чтобы заново ее детерриторизировать – не просто превратить в собственное высказывание, но в такое высказывание, что сможет включить в себя фрагменты чужого языка и опыта, переосмысленные, вписанные в новый контекст и наделенные новой функциональностью»¹.

Ну, и вот. Как видим, детерриторизировал не только чужую поэтику. Он ещё и ходил по территориям незнакомым, чтоб затем включить в стихи своё, как чужое. И верно сказано: переосмыслить, вписать в новый контекст.

Зачем? Ну, проникнуть в отсутствующую структуру, именовавшуюся в XX веке «Творческой лабораторией поэта» почти невозможно. Черновиков теперь нет. Но есть важный момент: эти тексты в свои книги Колчев не

¹ Кирилл Корчагин. «Дивизия зомби» и дикое бытие // НЛЮ. 2014. №5.

включал. Но и со страниц Живого Журнала не удалял. Может быть, рассчитывал на сборники грядущие. Тогда почти получилось – с той разницей, что книга вышла только сейчас. Но ведь и умирать не собирался, как верно сказано в предисловии. С таким диагнозом, в принципе, можно жить долго. Жаль, не у каждого получается.

Но, всё-таки, проговорённые *не очень* своим языком фавулы и нарративы приходили к некоему дискурсу, где главной темой было отсутствие в этом мире сильных. Или точнее – невесильность этих сильных. Как не всеислен автор в мире, создаваемом им. А сделайся он всеисильным, сопрягая слова назло их воле, мир тот станет мёртвым. Примеров в истории литературы масса.

Вот финал одного стихотворения. Про далёкого и нелепого островного бога, который не может ничего, кроме как принять скромные дары:

он ведь сам по себе бедолага хороший
принесём ему молочка фруктов
деревенские отвечают
нам ведь его жалко

А вот начало другого текста. Про наши уже реалии и обычаи:

капустная голова предтечи
синее покрыта ледком на грядке
как покачивается в потоках водных

утешает: весь мир в порядке
выпевает: молодцу плыть недалече
тело разорванное живёт в животных...

Ну, хотя бы так утешает. Из-под раннего заморозка: Иоанна Предтечу ж поминаем в середине сентября.

А чем ещё утешить, если утешить нечем? Говорить нужно, надеяться тоже можно. Однако не более. Иначе обломаешься, как те, из повествовательных текстов. То есть обломаться-то ты всё равно обломаешься. Но хотя бы иначе.

Кирилл ЯМЩИКОВ

РАЗДВОЕННАЯ КАРУСЕЛЬ

Мария Лебедева. Там темно. – М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2024. – 284 с.

«Там темно» – роман во всех отношениях сегодняшний. Он сложен, компактен и призрачен, как любое качественное размышление в облике – притчи, городской баллады, упадочной fairytale. Здесь очень много проговариваемых вскользь максим, сентенций, не имеющих регуляторной функции, но – добавляющих тексту несколько опосредованной глубины.

Если говорить о «Там темно» в ключе социальных или антропологических исследований, оттенив влияние на него литературы и стилизованных фантазмов, то можно вынести немало занятного: размышление о методе? Семейную кинохронику, разобрannую на детали? Строгую деконструкцию привычных взглядов на роман о человеке?

«Лучший вид на этот город – если сесть в бомбардировщик», писал Иосиф Бродский о неприятии идеологического пейзажа. Пейзаж Марии Лебедевой, однако, лишён даже намёка на идеологию, а формула его принятия звучит доходчиво, миролюбиво. Лучший вид на *её* город – «поезд Москва – Санкт-Петербург». Только и всего. Сесть, забыть, уехать.

Чуть дальше, впрочем, сказано: «Так часто думали те, кто остался». От перестановки слагаемых сумма не меняется. Кормиться горем-злосчастьем с видом на Монпарнас или Сиднейскую оперу всё равно означает *кормиться*, страдать и, в конце концов, разыскивать варианты отступления, выхода из тупика. Европейское моралите: от себя не убежишь.

Поначалу меня смущала нарочитая *аккуратность* рассказа. Полумеры, выверенные тональности, развешанные там-сям водяные пистолетики Чехова; выстрелят, но больно не будет. Нейтральный – насколько это возможно – нарратив, упрятавший внутри себя разнобразные артефакты наблюдения, то, что у Марии Лебедевой получается ярче всего.

«Мальш хотел уточку покормить. Оба они – и ребёнок, и птица – переваливаются на непрочных ногах. Мама снимает семейную хронику. Мальш смеётся: как он рад найти хоть кого-то размером поменьше себя». Из таких меткоостей и выстраивается план урбан-печали, технологичной городской хандры. Меня удивляет то, что эпифании и тонкие наблюдения в «Там темно» уживаются с как бы случайными всплесками «актуальности», обрушивающими и готовую интонацию, и – внятное переживание этой интонации.

«Здесь всё остаётся нетронутым вот уже много дней: висящий на спинке стула пиджак, незаправленная постель, ткань на зеркале («Обязательно нужно завесить!» – повторяла тогда мама, и дала свой палантин, и потом не то что забыла – не захотела забрать, как будто желая остаться здесь хоть палантином), чашка с тёмным от чая нутром. Края этой чашки и ей подобных, фигурно изогнутые, с золотинкой, как будто резали губы, и Кира вечно боялась ненароком оттяпать кусок. Ей казалось, что стоит забыться – и раздастся противный хруст, и станет во рту всё солёным-солёным. Но чашки не разбились, не потрескались, не понадукались».

Они оказались крепче, чем их предыдущий хозяин.

От одного вида этих ничейных предметов время скручивается в спираль, иногда – накрывает волной постпророчества, какое бывает, когда читаешь собственные дневники, воображая: сейчас – это тогда, только знаешь теперь наперёд, что станет в будущем, листаешь страницы со снисходительным вздохом то ли автора, то ли творца. Говоришь типа так иронично: «Героиня представить не может, что же ждёт её впереди».

Впереди героиню из прошлого всегда ожидает какая-то хрень».

Этот нехитрый отрывок показателен: ходы Лебедевой раскрыты в нём с предельной наглядностью. Первая половина – внятное, стройное обнаружение слов, хрестоматийных коннотаций; точность и лёгкость. Чуть дальше, впрочем, в повествование врывается «постпророчество», «типа так», «какая-то хрень» и другие элементы времени, личного восприятия языка.

Я вовсе не против такого восприятия, но напрашивается вопрос: чем этот роман хочет быть? Кажется, будто Лебедева стесняется уйти в индивидуальное «вневремя» и нарочито сближает слог, который не очень-то хочет сближаться, с модой, контекстом, гулом сегодняшних предпочтений. Неизбывный диссонанс, рассекающий впечатления от книги надвое: вроде бы и отлично, а вроде бы и двояко.

Сознательно избегаю разговоров о сюжете, героях, идеях, поскольку не вижу в них принципиальной важности. Это книга об узах родства (и «скучного соседства»), одиночестве, хождении по краю и непрерывном поиске своих. Параллельные судьбы; внятный окрестный реализм. Найти и успокоиться? Кира и Яся, девушки-девы с тревожным взглядом, интересны, пока их мыслями руководит авторская воля. Вырываясь же за неё, девушки становятся словами на бумаге.

Автономная живость упущена.

«Маленькая жизнь» Кир и Яси изучена с пристальностью орнитолога, но не даёт читателю выводов и хоть сколь-нибудь ясных обобщений. Эту книгу богатит и вместе с тем уродует орнаментализм – заикленность на речевых рефренах, притчевых уловках и горделивых иносказаниях. Все они примерно из той же плоскости, где находятся «Павел Чжан» Богдановой и «Калечина-малечина» Некрасовой; остроты выдумки, работающие на дополнительной глубине, но не на впечатление.

Это, грубо говоря, цветастые накладки, хихи-хаха, бижутерия, пластиковые бусы и едва ли средство достижения цели. Пустота, обзаведшаяся пышным фасадом; раздвоенная карусель, тянущая на себя сумрачных кучевых близнецов. Кира и Яся скованы одной цепью, связаны разными целями и, кажется, обременены единым проклятием – проклятием наследства, сестринства, тайного и вездесущего.

В их противоборстве, одиночестве скрыты главные достоинства романа (наряду с теми самыми «наблюдениями», что Лебедевой даются виртуозно). Не хватает самоопределения формы, точечного укола. «Там темно» умудряется сближать тысячи несходных контекстов, выпадая, однако, из контекста цельности; это и памфлет, и социальный комментарий, и city lights, и ненастье растущих поколений, и не-

настье авторское-интимное, доверительное, поведенное (*как бы*) наедине.

«Я не испытываю никакой особой удовлетворённости», «Я смотрю в будущее без особого разочарования», – в названиях глав проскальзывает честность, слабость, оголённость, схемы концептуалистов. Так же, снимая фильм за фильмом, работал Фассбиндер. Он всей душой любил названия-манифесты: «Я только хочу, чтобы вы меня любили», «Страх съедает душу», «Любовь холоднее смерти» etc.

Система высказываний Лебедевой кажется мне таким же Welt am Draht – пространством, где плачут птицы, человеки и сновидения. Грёзы об утраченном, мечты о чём-то большем; иными словами, жизнь настоящая, не приукрашенная и себя же манифестирующая. «Там темно» берёт за основу дуализм конкретного семейства, развилки судеб, брошенных на полпути, и их возможные интерпретации.

Здесь всё ещё больше орнамента, чем сути, и стилевой ловкости, нежели стилевой частности. Роман, желающий быть многим – и не останавливающийся на конкретике – формула вполне привычная для дебюта, тем более – для дебюта талантливого; преимущество в фокусе? «На вопрос «что ты делаешь?» Яся врёт «ничего», и ей становится жарко». Мне думается, что притворством и задан нервный, ломаный темп этой книги, – скорость мимезиса, траффарета и погони за действительностью.

Столь бескорыстной погоне прощаешь всякого рода прегрешения – от изобилия речевых контрапунктов до неосознанных уходов в герметичку-эстетику-гай-германику, – но по итогу чтения остаётся чувство ловкости, поиска и, видит бог, новизны.

«Ученик даже опубликовал пару-тройку каких-то рассказов, добротных рассказов и гладких, точно галька на берегу. Где история шла от начала к концу, и была запредельно ясна мотивация всех персонажей. До последнего вымарал он возникшие кое-где штампы: штампы были точнее всего в этом мире, но их полагалось убрать. Никакой лишней детали, тема более чем серьёзна. Эпиграф из Пушкина, чтоб уж на-верняка».

Дебютный роман Марии Лебедевой контурно вписывается в универсум новой, ещё прорезающейся на устах прозы, и в то же время не способен отпустить фундаментальные принципы старых «бытописаний» – с завязкой на человеке, слабости, невозможности одолеть, превзойти и монотонно возжелать большего, признать стремление к внутренней эволюции. «Там темно» предлагает компромисс по ловле света и не желает читателю того, что уверенно обнаруживает в себе, – неприкаянности, холода и болезненного внимания к теням.

Как жить, когда над твоей головой «небо сделали из алюминия, поцарапали голубями»?

Вопрос, полагаю, не из лёгких.

Контакты:

Анна Сафронова (гл. редактор, проза): safronova-volga21@yandex.ru

Алексей Александров (зам. гл. редактора, поэзия, критика): alexandrov-volga21@yandex.ru

Алексей Голицын (документальные исследования): agolitzin@yandex.ru

Олег Рогов (архивные публикации, критика): rgv@mail.ru

Сайт журнала: <http://volga-magazine.ru/>

Электронная версия журнала на сайте «Журнальный зал»:
<http://magazines.gorky.media/volga>

Подписано в печать 19 августа 2024 г.

Журнал отпечатан в типографии
ИП Сергеев

При перепечатке ссылка на «Волгу» обязательна.